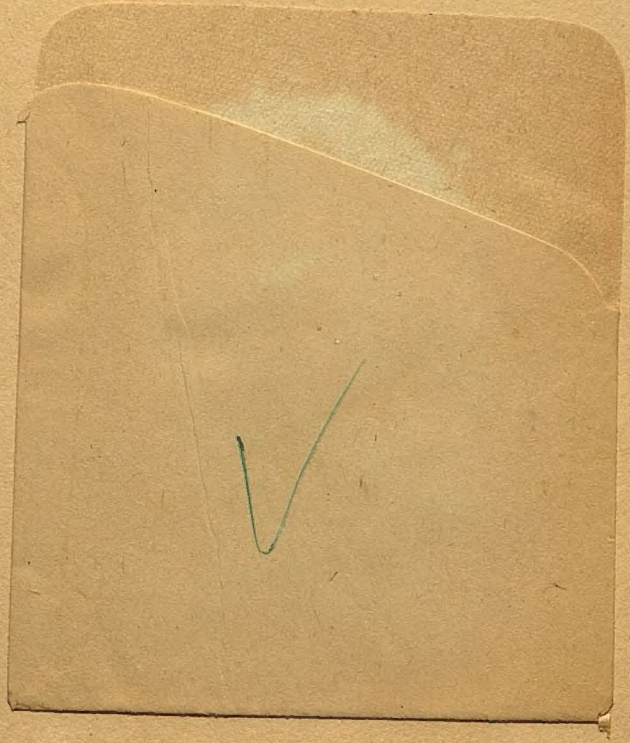
БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Л. АЛЬДРОВАНДИ МАРЕСКОТТИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ 1944



ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 51 г.

Проверено 1 2015

2

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Л. АЛЬДРОВАНДИ МАРЕСКОТТИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

ВОСПОМИНАНИЯ
И
ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА
(1914—1919 гг.)

Перевод с итальянского
под редакцией и с вступительной
статьей Б. Е. ШТЕЙНА

7662

БИБЛИОТЕКА
Г. ИН ВМС СССР

ФИЛИАЛ
Центральной ВМБ

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1944

327
А45

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

Русский перевод книги «Дипломатическая война» Л. Альдровандн Марескотти сверен по итальянскому изданию *L. Aldrovandi Marescotti*, Guerra Diplomatica, Milano 1937.

Редакционные примечания помещены в конце каждой главы. Указатель имен дан в конце книги.

Перевод с итальянского сделан *М. А. Дояни*.

В составлении примечаний приняла участие *П. Е. Осипова;* именной указатель составила *В. А. Александрова*.

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

ИТАЛИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Вступительная статья

I

Книга Альдрованди Марескотти посвящена в основном участию Италии в первой мировой войне и той системе мирных договоров (в частности Версальскому и Сен-Жерменскому), которые эту войну закончили.

Вопрос о позиции Италии во время первой мировой войны и судьба итальянских притязаний во время Парижской мирной конференции представляют интерес не только в связи с изучением первой мировой войны, но и в наши дни являются исключительно актуальными.

Итальянский империализм уже в начале XX века обнаружил свои алчные аппетиты, направленные на захват чужих территорий. В 1910—1911 гг. итальянские войска напали на Турцию и после сравнительно непродолжительной войны овладели Ливией— огромной колонией в Африке. Накануне первой мировой войны итальянский империализм стремился к овладению Албанией и в этом вопросе вступает в конфликт не только с Сербией, которой он препятствует получить выход к Адриатическому морю, но и с Австро-Венгрией, не желающей допустить Италию на Балканы. В войну 1914—1918 гг. Италия вступает, как известно, не сразу. Подобно шакалу, итальянский империализм наблюдает складывающееся между двумя борющимися лагерями соотношение сил, для того чтобы выступить на стороне вероятного победителя. В апреле 1915 г. Италия, до этого ведущая в течение нескольких месяцев переговоры с обеими воюющими коалициями, окончательно ставит ставку на победу держав Антанты, подписывает Лондонский договор и через три недели после этого выступает на ее стороне.

Война 1914—1918 гг. обнаружила исключительную слабость экономического и военного потенциала Италии. Именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что итальянский империализм на мирной конференции не получил удовлетворения своих претензий на приобретение ряда чужих территорий. Так называемое «обделение» Италии в Версале играло исключительную роль

в демагогической пропаганде Муссолини в период подготовки к захвату власти. «Только фашизм,—утверждал он,—сможет дать внешней политике Италии подлинную независимость и добиться удовлетворения ее требований».

В лице Муссолини и созданной им фашистской партии итальянский империализм обрел застрельщика в деле осуществления своих наиболее необузданных и алчных вожделений на чужие территории. В течение 20 лет 8 месяцев и 27 дней пребывания у власти Муссолини пытался при помощи дипломатических комбинаций и военных авантюр (собственными силами, а затем и в союзе с Гитлером) осуществить выдвинутую итальянскими империалистическими группами и им программу возрождения Римской империи. Эта программа включала полное овладение Средиземным морем, которое в качестве «Итальянского моря» должно было стать центром «Римской империи». Европейское, африканское и азиатское побережья Средиземного моря должны были войти в состав фашистской империи. Французская колония Тунис, захваченная у Турции в 1910 г., Ливия, Египет, Англо-Египетский Судан, захваченная в 1936 г. Абиссиния, полученное после войны 1914—1918 гг. Итальянское Сомали, старая (с 1897 г.) итальянская колония Эритрея, Палестина, Сирия, остров Кипр, Малоазиатское побережье Турции (провинция Измир), острова Додеканеза (захваченные у Турции в 1910 г.), захваченная в 1939 г. Албания с расширением ее территории за счет Югославии и Греции (вплоть до границ с Болгарией), все Далматинское побережье Югославии, Хорватия, острова Мальта и Корсика, французское побережье Средиземного моря с городом Ниццей и, наконец, Французская Савойя—таковы, не считая собственно Италии, должны были быть размеры «Римской империи».

Наглость итальянского империализма и его агента Муссолини доходила до предъявления претензии на советские территории Крыма, юга Украины (Одесса) и Кавказа.

Война, в которую фашистская Италия вступила 10 июня 1940 г., должна была, по расчетам Муссолини, длиться «6 недель», после чего он вместе с Гитлером мог бы приступить к разделу добычи. Эти «6 недель» продлились, как известно, больше трех лет. Именно в этот промежуток времени с исключительной наглядностью обнаружилось полное несоответствие между слабостью экономического потенциала фашистской Италии и необузданно-алчной захватнической программой итальянского фашизма, застрельщика империалистических групп Италии. Это противоречие и несоответствие привели к двум следствиям, а именно: с одной стороны—к систематическому изменению соотношения сил внутри «оси Рим—Берлин» и постепенному превращению фашистской Италии в вассала гитлеровской Германии и, с другой стороны—к систематическим поражениям фашистской Италии в течение 1940—1943 гг. Итальянская армия была бита в Греции и Албании, в Афри-

ке, итальянские войска были разгромлены, уничтожены и взяты в плен Красной Армией на Советско-германском фронте, фашистская Италия потеряла Абиссинию, Эритрею, Сомали, Ливию, ближние острова и, наконец, Сицилию. Война не только обострила все противоречия фашистского режима, но и привела к его краху, который 25 июля 1943 г. был зафиксирован «отставкой» Муссолини и назначением правительства Бадольо.

Бадольо, который начал свою деятельность с заявления, что «война продолжается», оказался вынужденным принять условия безоговорочной капитуляции и прекратить военные действия, а в октябре 1943 г. Италия объявила войну Германии.

Перед свободолюбивыми народами встанет вопрос о месте будущей Италии в системе послевоенного мира. С этой точки зрения изучение прошлого опыта и в частности истории Версальского договора в аспекте итальянской проблемы представляет несомненно актуальный интерес.

II

Книга Альдрованди Марескотти «Дипломатическая война» представляет собой дневник итальянского дипломата, охватывающий пятилетие первой мировой войны. Начинаются эти записи в момент объявления войны и заканчиваются в момент подписания Сен-Жерменского мирного договора.

«Дипломатическая война» Альдрованди принадлежит к категории мемуаров и воспоминаний, которые важны вовсе не потому, что авторы их представляют самостоятельный интерес в качестве политических или дипломатических деятелей. Личность автора и его роль в описываемых им событиях не только не выступают на первый план, но, наоборот, весьма часто вовсе стушевываются. В отличие от целого ряда мемуаристов Альдрованди далек от того, чтобы в какой бы то ни было степени преувеличивать свою действительную роль в тех событиях, в которых ему приходилось участвовать.

Первая мировая война застает Альдрованди на посту советника итальянского посольства в Вене. Накануне вступления Италии в войну на стороне держав Антанты Альдрованди получает назначение на пост начальника кабинета нового министра иностранных дел барона Соннино, бывшего, как известно, сторонником участия Италии в войне. Пост начальника кабинета министра иностранных дел Италии в то время был чрезвычайно ответственным. Начальник кабинета держал в своих руках все нити внешней политики, являясь связующим звеном между руководителем дипломатического ведомства и центральным и периферийным аппаратами министерства. Вся переписка с послами Италии за границей шла через начальника кабинета. Альдрованди, несомненно (хотя сам он об этом сообщает весьма скупо и неохотно), пользовался полным доверием своего шефа. Можно полагать, что именно

в качестве доверенного лица Соннино Альдрованди участвовал в ряде конференций (как, например, междусоюзническая конференция в Петрограде в начале 1917 г. и др.). С момента капитуляции Германии Альдрованди принимает участие сначала в предварительных совещаниях союзников, а затем и официально на Парижской мирной конференции в качестве генерального секретаря и члена итальянской делегации.

Его дальнейшая карьера после Парижской мирной конференции не отличается от карьеры любого другого заурядного итальянского дипломата.

В течение нескольких лет Альдрованди является итальянским послом в Берлине. Уход с этого поста был связан для него с большими неприятностями. В посольстве пропадают шифры, как оказывается, украденные одним из сотрудников Альдрованди. Его имя упоминается и в связи с расследованием Лиги наций, предпринятым по вопросу о захвате Японией Манчжурии в 1931—1932 гг. Альдрованди назначается представителем Италии в комиссии лорда Литтона, отправленной в Манчжурию.

Впрочем, дипломатическая карьера Альдрованди вряд ли может нас интересовать. Дописав последнюю фразу своего дневника, Альдрованди уходит из нашего поля зрения, и перед нами остается только сделанная им запись событий. Только она нас и интересует.

В нашей литературе позиция и роль Италии как во время войны 1914—1918 гг., так и во время Парижской мирной конференции освещены более чем скупо. И в исследовательских работах, посвященных первой мировой войне и Версальскому миру, и в мемуарной литературе преимущественно освещаются позиции Франции, Англии, Германии и Соединенных штатов. Ни одна из работ итальянских участников Парижской мирной конференции и Версальского договора не переведена на русский язык. Воспоминания Орландо, книги Саландры, Соннино и др. на русском языке не известны. Исключение составляет только книжка Нитти «Европа без мира», сокращенный перевод которой был выпущен много лет тому назад и в настоящий момент уже полностью разошелся. Следует при этом заметить, что Нитти, давая критику Версальского договора, сам не являлся участником Парижской мирной конференции и поэтому как свидетель выступать не может.

Книга Альдрованди Марескотти заполняет имеющийся в нашей литературе пробел. Именно с этой точки зрения мы и рекомендуем ее советскому читателю.

Автор, разумеется, не является объективным летописцем, который описывает события, «добру и злу внимая равнодушно». Он описывает события как представитель своего класса и как итальянец.

Его итальянская точка зрения особенно рельефно и ярко отражается в дневнике, и именно это для нас ценно и интересно,—

интересно потому, что в ряде случаев итальянскую версию того или иного события важно сравнить с версией французской, английской, американской и т. д. Именно путем такого сравнения советский исследователь сможет установить ряд фактов и положений, освещение которых до сих пор было затруднено ввиду отсутствия итальянских работ.

Дневник Альдрованди Марескотти появился на итальянском языке в 1935 г. Это обстоятельство тоже необходимо учесть. Сам автор пишет, что он с разрешения министерства иностранных дел пользовался архивами, дабы восстановить точность того или иного из описываемых им событий или обстоятельств. Это «восстановление точности» несомненно повлияло и на самые записи дневника. Ряд из них безусловно «исправлен» в угоду итальянско-фашистской точке зрения 1935 г., а не периода 1914—1919 гг. О многих событиях, несомненно записанных в дневнике, Альдрованди вовсе не говорит в своей книге. Некоторые из этих событий вообще как будто и не были записаны, другие же были записаны, но, повидимому, позднее изъяты и вместо них поставлены точки. К этой последней категории относится и «русский вопрос» на Парижской мирной конференции.

Альдрованди был свидетелем ряда разговоров на Парижской конференции—разговоров, которые представляют особый интерес. Характерно, однако, что все эти разговоры Альдрованди опускает, показывая, что делает это сознательно. Так, например, он записывает: «Приглашают Чайковского» (известного контрреволюционера, председателя так называемого «северного правительства»), далее идут точки, и советский читатель так и не узнает, о чем Ллойд Джордж, Вильсон, Клемансо и Орландо разговаривали с Чайковским. Так же поступает Альдрованди по вопросу о польско-украинских разногласиях, разбиравшихся на Парижской конференции или, вернее, в Совете четырех.

Дневник Альдрованди Марескотти, охватывая период с 1914 по 1919 г., не является систематической записью всех событий. Первая глава посвящена началу мировой войны и относится к периоду июль—ноябрь 1914 г.; вторая—переговорам о вступлении Италии в войну и относится к периоду февраль—апрель 1915 г.; третья посвящена междусоюзнической миссии в России в начале 1917 г. Следующие главы относятся к конференциям в Рапалло и Пескьере в ноябре 1917 г. (после поражения при Капоретто), и, наконец, последние охватывают период от поражения Германии осенью 1918 г. до подписания Сен-Жерменского договора с Австрией в 1919 г. (и включают подписание Версальского договора с Германией).

Каждую из этих глав необходимо анализировать отдельно, ибо в каждой из них имеются особые проблемы.

III

Начнем с главы, которую Альдрованди называет «Начало мировой войны». В этой главе самой интересной темой несомненно явился бы рассказ о подлинной политической обстановке, при которой Италия не вступила в войну на стороне держав Тройственного союза а затем начала переговоры с державами Антанты о выступлении на их стороне. К сожалению, Альдрованди не очень много рассказывает по этому вопросу, а в том, что рассказывает, он многого не досказывает. Условия, при которых Италия отказалась выполнить договор о Тройственном союзе, в основном уже известны. Главный аргумент Италии заключался в том, что Австро-Венгрия и Германия не сообщили ей об ультиматуме Сербии. В своих записях Альдрованди не прибавляет к уже известным фактам и аргументам по данному вопросу ничего существенного. Он очень тщательно записывает самые мелкие факты, которые свидетельствуют о том, что ни Германия, ни Австро-Венгрия не информировали своего союзника Италию о предпринимаемых ими по отношению к Сербии шагах. Единственным новым документом по данному вопросу является разговор итальянского посла в Берлине Боллати с германским статс-секретарем иностранных дел Яговым. Этот разговор, имевший место 6 августа 1914 г., не оставляет сомнений в том, что Италия уже тогда использовала в качестве аргумента факт скрытия от нее ультиматума, посланного ими Сербии. Характерно, однако, что этот аргумент был выдвинут впервые после начала военных действий, а не в промежуток между предъявлением ультиматума Сербии и началом войны. Казалось бы, что Италия, уязвленная в качестве союзницы таким невыполнением обязательств договора со стороны Германии и Австро-Венгрии, должна была бы протестовать немедленно, между тем этого не произошло. Италия выжидала событий и как будто бы выжидала наступления таких событий, которые дали бы ей основание не выполнить союзный договор. Эта тактика Италии несомненно была разгадана в Вене и Берлине. Оба союзника не только не информировали Италию о своих намерениях, но, более того, тщательно скрывали их от Рима. Разве не характерно поведение того жеЯгова—факт о котором рассказывает Альдрованди? 20 июля 1914 г. Боллати спросил у Яго́ва, сможет ли он отправиться дней на 20 на какой-нибудь курорт. На этот вопрос Яго́в ответил Боллати вполне утвердительно, а это было 20 июля, т. е. в наиболее критический момент развития событий, за восемь дней до объявления Австрией войны Сербии и за три дня до вручения Сербии австро-венгерского ультиматума. Ни Вена, ни Берлин не доверяли Италии, не верили в возможность выступления ее на стороне Тройственного союза, и именно этим объясняется их тактика по отношению к своему формальному союзнику.

В главе «Начало мировой войны» заслуживают внимания страницы, посвященные борьбе между Австрией и Италией за преобладание в Албании. Оба союзника-противника вели непрерывную борьбу, прикрываясь дружбой и лойяльностью по отношению друг к другу. Альдрованди приводит ряд фактов, ярко и красочно характеризующих австро-итальянское соперничество в Албании.

Значительно более интересной является вторая глава, посвященная переговорам о вступлении Италии в войну на стороне держав Антанты. Хотя сам Альдрованди назвал эту главу «Фиуме в Лондонском договоре», тем не менее глава эта значительно шире, нежели проблема о Фиуме. Большой интерес представляет сообщение Альдрованди о времени, которое можно считать началом переговоров между Италией и державами Антанты. В этом смысле Альдрованди устанавливает новый факт, а именно, что переговоры были начаты уже в августе 1914 г., т. е. немедленно после начала мировой войны. Интересно и другое обстоятельство. Вся итальянская программа требований в отношении держав Антанты была построена на предпосылке, что Австро-Венгрия и после войны останется существовать. Как записывает Альдрованди, «Саландре и в голову не приходила при заключении Лондонского договора (1915 г.) мысль о расчленении Австро-Венгрии». Этим в частности итальянская делегация позже, на Парижской мирной конференции, объясняла невключение в число своих требований Фиуме. Оставляя пока в стороне вопрос о том, почему Италия не включила Фиуме в число своих требований по Лондонскому договору, отметим, что сообщение Альдрованди о Саландре несомненно правильно. Не только Саландре в этот момент не приходила в голову мысль о полном исчезновении Австро-Венгрии.

Альдрованди сообщает не только интересный факт о начале переговоров с державами Антанты уже в августе 1914 г., но и не менее интересный факт о том, что переговоры с Австро-Венгрией велись еще 25 апреля 1915 г., т. е. буквально накануне подписания Лондонского договора. Последний, как известно, был подписан 26 апреля. Таким образом, Италия вела в течение всего периода от начала мировой войны и до подписания Лондонского договора переговоры с обеими воюющими коалициями, торгуясь с обеими и набивая себе цену. Следует отметить, что о переговорах с Австро-Венгрией и Германией, которые велись специальной миссией князя Бюлова в Риме, Альдрованди говорит весьма глухо, между тем содержание этих переговоров было ему более чем кому-либо другому хорошо известно. Начало переговоров застало его на посту советника в Вене, а конец—на посту начальника кабинета министра иностранных дел. Равным образом недостаточно полно рассказывает Альдрованди и о начальной стадии переговоров с державами Антанты. По ряду его замечаний можно считать, что первоначальные требования, выдвинутые Италией, были сравнительно умеренны и что затем они повышались по мере затяжки войны и

по мере того, как самое выступление Италии делалось все более и более необходимым для союзников. О том, насколько цинично был торг с обеими воюющими коалициями, говорит не только самый факт параллельных переговоров, но и ряд приводимых Альдрованди замечаний, характеризующих форму, в какой Италия вела переговоры. Настаивая на удовлетворении своих требований в отношении Далматинского побережья, Италия, как известно, натолкнулась на сопротивление России, не желавшей уступки Италии этих славянских областей. В ходе переговоров Англия и Франция оказывали давление на министра иностранных дел России Сазонова, принуждая его к последовательным уступкам в пользу Италии. По поводу одного из заявлений Сазонова Саландра, раздраженный его неуступчивостью, заявил, что подобная позиция «вынудила бы нас выступить не против, а на стороне Австрии». Таким образом, Италия, добиваясь осуществления программы своих империалистических требований, готова была пойти с любой стороной, которая ей в этом помогла бы. Благодаря тупости и недальновидности австрийских политиков Бюлову не удалось купить Италию. Задача эта объективно была вполне выполнима, и сам Бюлов прекрасно это понимал.

Свидетели, подобные Альдрованди, являются особенно ценными, поскольку они рассеивают туман официальной фразеологии, предназначенной для одурачения масс. Одна фраза, приводимая автором дневника и принадлежавшая Саландре, о возможности направить оружие не против Австрии, а вместе с Австрией, достаточна для того, чтобы опровергнуть всю крикливую фразеологию итальянской буржуазии, объявившей в 1915 г. войну за «освобождение итальянского народа от ига Австрии».

Третья глава, посвященная междусоюзнической конференции в Петрограде в начале 1917 г., т. е. в самый канун Февральской революции, является чрезвычайно любопытной как отражение взглядов и мнений союзников о царской России. Альдрованди записывает ряд моментов, представляющих штрихи довольно колоритной картины того периода. Любопытна оценка положения английским послом Бьюкененом, считавшимся знатоком России. Буквально за несколько дней до Февральской революции он заявил о том, что «народ и царь единодушны в своем отношении к войне не в пример людям, которые должны ее вести». Характерно, кстати, что это высказывание Бьюкенена по существу не расходится с интервью, которое дал Г. Думерг, возглавлявший французскую делегацию на Петроградской конференции. Интервью было напечатано в «Matin» от 12 марта 1917 г., т. е. в самый момент Февральской революции. Вот что говорил Думерг: «Я вынес из своего путешествия великолепное впечатление. Из всех бесед, которые я вел, из всего того, что я видел, явствует, что там царит единодушное желание продолжать войну до полной победы». Как английский, так и французский дипломаты не понимали, что

народ и армия не хотят продолжения войны, стремятся ее прекратить. Если можно думать, что интервью Думерга было предназначено для обмана французского общественного мнения относительно действительного положения вещей в России, то приводимое высказывание Бьюкенена было сделано им в узком дипломатическом кругу и не подлежало опубликованию.

Гораздо более «практическим» является мнение другого дипломата—итальянского посла Карлотти, который говорил о России, как о «компрессорном вале». Этот вал, по мнению Карлотти, должен был покончить с Германией, чего не в состоянии были сделать союзные армии.

Если положение России внутри Антанты в этот момент было далеко не блестящим, то не весьма завидным было также и положение Италии. Альдрованди откровенно приводит свою беседу о Карлотти, в которой «был затронут вопрос о том, что Италия занимает в Антанте слабое и изолированное положение». Эта запись отвечает действительности. При этом нужно иметь в виду, что такая грустная констатация слабости Италии была сделана в начале 1917 г., т. е. еще до разгрома итальянцев при Капоретто, который имел место осенью 1917 г. Если до Капоретто Англия и Франция весьма мало считались со своей союзницей, то после Капоретто они начали ее откровенно третировать.

Альдрованди приводит несколько примеров, иллюстрирующих слабое и изолированное положение Италии внутри Антанты. В частности он констатирует, что долгое время итальянцы ничего не знали о франко-английском договоре (Сайкс-Пико), который был заключен в 1916 г., т. е. через год после вступления Италии в войну. Договор Сайкс-Пико и последовавший за ним обмен нотами Камбона-Грея представляли собой соглашение о будущем разделе Малой Азии и в частности разделе ее нефтяных богатств. На самой конференции в Петрограде, или, вернее, во время этой конференции, произошло событие, которое еще раз подтвердило, насколько мало ее союзники считались с Италией. В одной из записей Альдрованди в этот период можно найти сообщение о том, что французский посол в России Палеолог, «державший себя за последние дни крайне сдержанно, почти холодно со мной и с итальянской миссией, сейчас очень сердечен, любезен, улыбается. Имеет удовлетворенный и довольный вид». Позже, в момент издания своего дневника, Альдрованди сделал примечание, в котором он говорит, что перемена настроения французского посла объяснялась тем, что ему и специально уполномоченному Франции первому делегату на Петроградской конференции Гастону Думергу удалось получить от русского правительства формальное заявление о поддержке французских требований об образовании «независимого» прирейнского государства (на левом берегу Рейна). Это обещание было получено в обмен на согласие Франции поддержать русское требование на Константи-

ополь и проливы. Русско-французское соглашение было сохранено в тайне как от англичан, так и от итальянцев.

После Петроградской конференции Альдрованди составляет докладную записку для Соннино, причем пишет о своих впечатлениях как по вопросу о самой конференции, так и по вопросу о «переговорах о Малой Азии». Как уже указывалось выше, речь шла о разделе между союзниками Малой Азии—разделе, который вначале был скрыт от Италии. В тексте книги Альдрованди приводит лишь ту часть своей докладной записки, где он говорит только относительно самой конференции. Что же касается «переговоров о Малой Азии», то он не только их не приводит, но и вообще не говорит об этом в своей книге ни слова.

Англо-французское соглашение о разделе малоазиатских владений Турции было заключено в мае 1916 г. в виде обмена нотами между французским послом в Лондоне Полем Камбоном (нота от 9 мая) и статс-секретарем по иностранным делам Великобритании Эдуардом Греем (нота от 16 мая). Это соглашение состоялось на основе протокола о разделе турецких территорий, который до этого был составлен двумя экспертами: английским—Марком Сайксом и французским—Жоржем Пико. Об этом соглашении, заключенном Англией и Францией через год после вступления Италии в войну и, следовательно, через год после Лондонского договора от 26 апреля 1915 г., итальянское правительство абсолютно ничего не знало. Оно не только не было привлечено к обсуждению столь важного для него вопроса, но и, повторяем, не было поставлено в известность ни о переговорах, ни о самом соглашении. Между тем в Лондонском договоре, о котором мы уже упоминали, статья 9 гласила в частности следующее: «Франция, Великобритания и Россия вообще признают, что Италия заинтересована в сохранении равновесия на Средиземном море и что в случае полного или частичного раздела Азиатской Турции она (Италия) должна будет получить равноценную часть в средиземноморских областях, смежных с провинцией Адалией, где Италия уже приобрела права и интересы, которые послужили предметом итало-британского соглашения. Зона, которая будет эвентуально предоставлена Италии, будет в свое время разграничена, причем будут учтены существующие интересы Франции и Великобритании. Интересы Италии будут равным образом приняты во внимание в том случае, если территориальная неприкосновенность Турецкой империи будет сохранена и если будут сделаны изменения в зонах интересов держав. Если Франция, Великобритания и Россия заняли бы во время войны территории Азиатской Турции, то область, смежная с провинцией Адалией в зоне Средиземного моря и в пределах, указанных выше, будет предоставлена Италии, которая получит право занять ее».

Цитированная статья Лондонского договора не оставляет сомнений в том, что союзники обязались учитывать интересы

Италии и считаться с ними при любом дележе в Малой Азии.

Англо-французское соглашение о разделе Малой Азии 9—16 мая 1916 г. сделалось возможным лишь после того, как сначала Франция, а затем Великобритания согласились на удовлетворение притязаний русского правительства в Малой Азии. Последние были изложены в памятной записке Сазонова (министра иностранных дел) на имя французского посла в Петрограде Палеолога от 26 апреля 1916 г. Требования царского правительства заключали в себе следующие пункты: Россия должна была получить области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса до одного из пунктов на Черном море к западу от Трапезунда. Равным образом к России должна была отойти область Курдистана к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Дзежире и Омаром и линией горных вершин, господствующих над Омадией и областью Мергивера. Только под этими условиями русское правительство готово было признать англо-французское соглашение о разделе Малой Азии, предварительный проект которого ему был представлен. Союзники с этими требованиями согласились, и, таким образом, раздел Малой Азии сделался предметом тройственного англо-франко-русского соглашения. Четвертый же союзник—Италия узнала о состоявшемся без ее ведома и участия соглашении лишь осенью 1916 г.

19 ноября 1916 г. итальянский посол в Петрограде Карлотти передал министру иностранных дел России Штюрмеру памятную записку, в которой были сформулированы итальянские требования, при удовлетворении которых правительство Италии готово было признать и присоединиться к англо-франко-русскому соглашению о разделе Малой Азии. Предъявляя эти требования, итальянское правительство выражало удивление по поводу того, что союзники поступили с ним «против всякого его ожидания», и требовало полного равенства Италии в вопросах о дележе Малой Азии. Начались длительные переговоры между Римом, Парижем, Лондоном и Петроградом. 29 января 1917 г. в Лондоне состоялось совещание представителей четырех держав. На этом совещании английский министр иностранных дел Бальфур высказался против удовлетворения итальянских требований, касающихся Смирны. Итальянский посол Империали категорически заявил об отказе обсуждать другие вопросы, если этот пункт итальянских требований не будет удовлетворен. То, что предлагали Италии в качестве компенсации за присоединение к англо-франко-русскому соглашению, ее не устраивало. Совещание фактически пришлось прервать. В марте 1917 г. итальянский министр иностранных дел барон Соннино заявил русскому послу в Риме Гирсу, что он решил в случае нападок на него в парламенте по малоазиатскому вопросу чистосердечно сознаться, что он действительно виноват перед страной, и подать в отставку.

А виноват он был в том, что поверил лорду Грею, заверившему его, что со дня подписания Лондонского соглашения Италия станет равноправной союзницей во всех переговорах. Между тем после соглашения состоялся малоазиатский дележ, происходивший без участия Италии и в течение многих месяцев тщательно от нее скрывавшийся. Теперь же Италии предлагают территорию, не имеющую ни одного важного порта.

Переговоры между четырьмя правительствами привели к тому, что 19—21 апреля 1917 г. в Сен-Жан-де-Морнен состоялась новая встреча союзников для окончательного разрешения вопроса о разделе Малой Азии. В этом совещании приняли участие Ллойд Джордж, Соннино и Рибо. Представитель России, где только что произошла Февральская революция, отсутствовал. На конференции в Сен-Жан-де-Морнен были удовлетворены итальянские требования на город и округ Смирну, санджаки Ментеше, Адалию и Ичили, а равно часть Конии. Кроме того, помимо английской и французской зон специальных интересов была признана также и итальянская зона интересов.

Союзники в общем пошли на удовлетворение требований Италии. Россия в этот момент делалась все менее и менее надежным союзником. Вот почему понадобилось более внимательное отношение к Италии. Русское Временное правительство в тот момент даже официально не было поставлено в известность о состоявшемся решении конференции в Сен-Жан-де-Морнен.

Итальянское правительство могло считать себя удовлетворенным и рассчитывать на получение сполна по векселю, который был выдан ему англичанами и французами в Сен-Жан-де-Морнен. Парижская мирная конференция жестоко его разочаровала в этом вопросе. Об этом мы будем говорить ниже. Сейчас отметим другое обстоятельство. Мы уже указывали на то, что Альдрованди глухо отмечает в своем дневнике о «переговорах о Малой Азии». Между тем эти переговоры имели место во время пребывания Шалойя в Петрограде на междусоюзнической конференции, о которой подробно рассказывает автор записок. Равным образом в последующих записках Альдрованди почти совершенно отсутствует упоминание о конференции в Сен-Жан-де-Морнен, между тем решения, принятые там, были весьма важны для последующего обсуждения итальянских требований во время Парижской мирной конференции. Альдрованди, бывший в это время начальником кабинета барона Соннино, конечно, прекрасно был осведомлен обо всем том, что происходило в Сен-Жан-де-Морнен, тем не менее он сохраняет абсолютное молчание об этом и лишь в отдельных местах слегка ссылается на эту конференцию. Действительно ли в записках Альдрованди отсутствует эта конференция, или же он позднее, при издании своей книги, изъял эти записи,— нам судить трудно. Не следует забывать, что книга Альдрованди появилась в 1935 г. Возможно, что в силу тех или иных политиче-

ских соображений решено было умолчать об этой главе междусоюзнических отношений.

На Петроградской конференции обсуждался в частности и вопрос о создании междусоюзнического политического органа для руководства войной. Подготовка и создание этой организации потребовали много времени и больших усилий со стороны союзников. Что касается Высшего военного совета, то впервые союзники приступили к обсуждению этой проблемы на конференции в Рапалло в ноябре 1917 г., после поражения при Капоретто. Характерно, что, рассказывая о прениях на Петроградской конференции по вопросу о междусоюзническом политическом органе, Альдрованди записывает: «В решении этого вопроса в значительной степени заинтересована Италия, которой необходимо завоевать среди союзников более видное, чем в настоящее время, положение». К этой мысли Альдрованди возвращается еще раз в своем докладе на имя Соннино.

Заслуживает внимания упоминание Альдрованди, касающееся обсуждения на Петроградской конференции вопроса об интенсификации участия Японии в мировой войне. Япония, добившись непосредственно интересовавших ее объектов (Киао-Чао), фактически прекратила свое участие в войне. На конференции французский уполномоченный генерал Кастельно поставил вопрос о желательности привлечь Японию к более активной помощи союзникам. На это предложение Кастельно ответил отрицательно Сазонов, который сослался на то, что Япония была запрошена уже 18 месяцев тому назад и что на это последовал категорический отказ. Далее, по словам Альдрованди, «Сазонов замечает, что японцы не хотят, чтобы их подозревали в корыстолюбии... Впрочем, участие Японии привело бы к постановке вопроса о компенсации». Сазонов явно не хотел усиления участия Японии в войне, опасаясь, что предоставление компенсаций затронет в первую очередь интересы России.

Нужно иметь, далее, в виду, что Альдрованди, делая эти записи, не знал нового обстоятельства, которое стало известным только примерно через год после конференции в Петрограде — благодаря публикации Советским правительством тайных договоров царского и Временного правительств. В частности было опубликовано секретное соглашение между Россией и Японией от 3 июля 1916 г., подписанное Сазоновым и Мотоно. Оно ставило своей задачей охранение Китая от политического господства какой бы то ни было третьей державы и в случае чьего бы то ни было посягательства на Китай обязывало договаривающиеся стороны к совместному вооруженному выступлению. При этом стороны обязывались не заключать сепаратного мира с общим врагом.

Русско-японское секретное соглашение объясняет дополнительные мотивы, в силу которых Сазонов выступал на Петроград-

ской конференции против предложения об усилении японского участия в войне. Соглашение 1916 г. устанавливало сохранение status quo в Китае и, кстати сказать, уже включало в себя знаменитые 21 требование, предъявленные Японией Китаю в 1915 г. Царское правительство шло на то, чтобы вместе с Японией охранять этот status quo против своих собственных союзников—Англии и Соединенных Штатов, но оно в то же время было решительно против того, чтобы это соглашение было нарушено самой Японией. Между тем усиление японского участия в войне, или, вернее, просто ее участие, поскольку в этот момент оно равнялось нулю, повело бы к изменению действовавшего положения в Китае.

Четвертая глава книги Альдрованди посвящена совещанию в Рапалло и Пескьере 6—8 ноября 1917 г. Оба эти совещания происходили после битвы при Капоретто. Австро-германские войска прорвали итальянский фронт у Капоретто и разгромили II итальянскую армию. Попытки генерала Кадорна закрыть прорыв ни к чему не привели, и он вынужден был дать приказ об общем отступлении, которое превратилось в бегство. За 16 дней итальянская армия отступила на 70 миль и потеряла до 600 тыс. человек убитыми, ранеными, взятыми в плен и пропавшими без вести. В руки Австро-Германии попало 3 152 орудия. Катастрофа при Капоретто не только потрясла Италию, но и поставила союзников в чрезвычайно тяжелое положение. Над ними нависала угроза полного выхода Италии из войны. Для предотвращения этой угрозы были приняты срочные меры. Англия и Франция послали в Италию значительное количество войск и артиллерии.

Альдрованди в своих записках всячески пытается скрыть истинные размеры катастрофы при Капоретто, между тем имеются другие свидетели, показания которых не могут быть оставлены в стороне. Ллойд Джордж, поспешивший в Италию немедленно после битвы при Капоретто (конец октября) для выяснения положения на месте, пишет в своих мемуарах: «Прибыв в Италию, я ознакомился с рапортами английских офицеров. Целые дивизии рассыпались на блуждающие атомы, гонимые бурей по равнинам Ломбардии. Сколько дивизий было уничтожено и сколько пережило эту катастрофу, какие это были дивизии? В том и другом случае никто не мог сказать с точностью и с уверенностью. Некоторые дивизии без артиллерии и обоза еле сохраняли связь между собой. Какие дивизии, кто мог сказать это? Во всяком случае не итальянский генеральный штаб».

В другом месте Ллойд Джордж пишет: «Когда я в начале ноября прибыл в Италию, я нашел солдат без ружей, они бежали сотни миль с поля сражения».

История первой мировой войны не знает катастрофы, равной разгрому итальянской армии при Капоретто.

Обо всем этом Альдрованди пишет в весьма смягченных тонах, пытаясь всячески преуменьшить размеры итальянского поражения, а между тем, если до Капоретто Альдрованди в качестве неплохого наблюдателя пришел к заключению, что место Италии в Антанте далеко не является равноправным, то именно после Капоретто это неравноправие сделалось еще более разительным. Альдрованди приходится в своих записях отмечать тот язык, которым союзники—англичане и французы — разговаривали с итальянцами на совещании в Рапалло и Пескьере. Итальянское правительство и военное командование поставили перед союзниками вопрос о немедленной помощи. Без этой помощи Италия не могла бы оказать сопротивления австро-германским войскам и стояла перед угрозой полного разгрома и эвентуального выхода из войны. Ллойд Джордж прежде всего потребовал смены итальянского командования, причем поставил это требование в качестве условия оказания военной помощи. Помощь, о которой просит итальянское правительство, «будет зависеть от доверия, которое мы питаем к верховному командованию. Если генералы Кадорна и Порро с их генеральным штабом останутся, мы не сможем питать доверия. Мы должны будем в этом случае опасаться, что итальянские войска на правом или левом фланге наших дивизий могут поставить нас в затруднительное положение».

Ллойд Джордж несколько раз и открыто заявляет о том, что генералы Кадорна и Порро должны быть смещены. Попытки итальянского премьер-министра Орландо спасти честь мундира путем заявления, что этот вопрос будет обсужден во внутреннем порядке и что без согласия короля (который являлся верховным главнокомандующим армии) оба генерала не могут быть смещены, не приводят к требуемым результатам. Ллойд Джордж отказывается обсуждать вопрос о помощи до получения ясного и точного ответа относительно итальянского командования. Он вынуждает Орландо в конце концов немедленно послать генерала Альфиери для доклада королю и получения согласия на смену Кадорны. Ллойд Джордж и этим не удовлетворяется. Он требует, чтобы Орландо сделал такое же заявление не только о генерале Кадорна, но и о его помощнике—генерале Порро. Ллойд Джордж не отказывает себе в удовольствии в присутствии всей конференции допросить генерала Порро о военном положении и рядом вопросов поставить его в неудобное положение.

Уже позднее, а именно в 1935 г., в момент выхода книги, Альдрованди в своем предисловии отмечает: «Во время войны и в продолжение мирных переговоров возникали и получили распространение новые легенды, задевавшие достоинство Италии. Достаточно упомянуть слухи о будто бы состоявшемся по требованию иностранцев в Рапалло замещении генерала Кадорны, хотя из официальных заявлений Орландо и Соннино явствует, что реше-

ние о замене Кадорны было принято на заседании совета министров, состоявшемся в Риме еще до того, как Орландо и Соннино встретились с союзниками в Рапалло».

Это позднейшее заявление Альдрованди явно противоречит его же записям в дневнике, относящимся к совещанию в Рапалло. Нет сомнений в том, что уже накануне этого совещания совет министров в Риме обсуждал вопрос о непригодности итальянского верховного командования. Ясно также и то, что ни Орландо, ни Соннино не заявили об этом союзникам на совещании. Инициатива в вопросе о замене Кадорны принадлежала не итальянцам, а Ллойд Джорджу. Более того, после выступления Ллойд Джорджа Орландо далеко не сразу согласился на немедленную замену Кадорны и лишь после повторного и категорического заявления Ллойд Джорджа он, как указывалось выше, выразил согласие послать генерала Альфьери к королю для получения утверждения смены командования. Таким образом, последующая попытка Альдрованди «исправить» изложение событий не приводит к желательным результатам. Его дневник более объективный документ, чем предисловие 1935 г.

При обсуждении вопроса о необходимом количестве англо-французских дивизий происходит спор между итальянцами, с одной стороны, и англичанами и французами—с другой. Итальянцы, напуганные размерами катастрофы при Капоретто, настаивают на присылке 16 союзных дивизий, в то время как союзники хотят ограничить свою помощь лишь восемью дивизиями. Ни английское, ни французское правительства не уверены в успешном ходе дальнейших событий в Италии и не хотят сразу рисковать снятием 16 дивизий с западного фронта и переброской их в Италию. Положение итальянских представителей на конференции в Рапалло было более чем тяжелым. С одной стороны, они всячески стремились преуменьшить характер катастрофы при Капоретто, исходя из соображений национального престижа и неустойчивого положения Италии внутри Антанты, с другой стороны, они, зная действительное положение вещей и действительные размеры катастрофы, должны были настаивать на необходимости ввода в Италию большого количества дивизий.

Поражение при Капоретто, бездарность итальянского верховного командования, необходимость посылки в Италию большого количества союзных войск и, следовательно, вопрос о том, кому эти войска будут подчинены, ускорили прохождение проекта о создании междусоюзнического правительственного совета и военного комитета при нем. Этот вопрос, который, как мы видели выше, отчасти обсуждался уже на Петроградской конференции в феврале 1917 г., был разрешен только в Рапалло в ноябре 1917 г.

Альдрованди очень тщательно и точно записывает прения, развернувшиеся вокруг вопроса о создании междусоюзнического органа. Весьма интересным моментом в этой дискуссии был вопрос

об участии России в междусоюзническом совете. Дискуссия происходила 6, 7 и 8 ноября, т. е. как раз в момент Великой Октябрьской социалистической революции. Участники конференции в Рапалло еще о ней не знали, и поэтому речь шла о «правительстве Керенского». Этому правительству союзники накануне Октябрьской революции явно не доверяли. Французский делегат Франклен-Буйон держался в этом вопросе довольно пассивной позиции. Дискуссия происходила в основном между итальянскими делегатами и Ллойд Джорджем. Соннино прямо поставил вопрос о невозможности допустить Россию к участию в междусоюзническом совете. «Можем ли мы при нынешних обстоятельствах,—говорил Соннино,—довериться русскому правительству? Керенский дает опасные интервью, и так же поступает русский военный министр... Можем ли мы вырабатывать военные планы в присутствии, например, делегата от Совета?» Соннино имел в виду посылку тогдашним ВЦИК (меньшевистско-эсеровским) делегатов за границу.

Ллойд Джордж, отвечая Соннино, высказал опасения относительно возможного исключения России из междусоюзнического совета: «Было бы опасно учреждать междусоюзнический орган без участия России,—сказал он.—Необходимо действовать с большим тактом, приведя какой-либо мотив, полностью нас оправдывающий».

С этой целью Ллойд Джордж предложил хитроумную редакцию статьи 1, где говорилось о том, что Совет учреждается в связи с создавшимся на западном фронте положением. Немедленно последовала реплика итальянцев о том, что не следует давать понять, что Совет созывается в связи с создавшимся положением в Италии. Этой репликой воспользовался Ллойд Джордж: «Видите, как чувствительны итальянцы? Русские не менее чувствительны. Вы полагаете, что они не знают о том, как мы им не доверяем? Керенский скажет: здесь мы имеем дело с федерацией, в которой отсутствует Россия. Мы должны действовать, не закрывая дверей. Если же русские потребуют вхождения в Совет, мы можем отговориться ссылкой на положение, занимаемое лицами, которых мы назначили представлять наши нации в Совете. Русские—великий народ, они могут еще изменить направление политики своей страны» и т. д.

Ллойд Джордж прекрасно понимал всю важность для союзников участия России в войне и не терял надежды на то, что удастся заставить правительство Керенского более активно принимать участие в военных операциях. Вот почему он настаивал на такой формулировке, которая могла бы оставить двери открытыми для России. По его настоянию именно эта формулировка и была принята. Высший военный совет в составе премьер-министра и одного из членов правительства каждой из держав создавался «в целях лучшей координации военных действий на западном фронте»,

причем далее было сказано, что «распространение целей Совета на другие фронты оставляется для обсуждения с другими великими державами». Таким образом, для Ллойд Джорджа была создана «возможность отговориться», в случае если бы правительство Керенского предъявило свои претензии на участие в международном совете. Эта предусмотрительность оказалась излишней. Не успели еще высохнуть чернила, которыми была написана эта формулировка, как правительство Керенского перестало вообще существовать.

В записях Альдрованди накануне конференции в Рапалло имеется чрезвычайно интересная ссылка на мирные предложения, сделанные в этот момент австрийским императором Карлом через посредство брата своей жены—принца Сикста Бурбонского. Этому вопросу следует уделить особое внимание.

Уже в 1916 г. обе воевавшие коалиции искали путей к соглашению и компромиссному миру. В задачу настоящей статьи, естественно, не входит исследование всех тех тайных переговоров, которые велись в различных направлениях в целях прекращения войны. Нам важно здесь отметить лишь, что эти переговоры со стороны почти каждой из участниц войны преследовали цель достижения мира за счет других, притом весьма часто своих союзников. Австро-Венгрия пыталась заключить сепаратный мир вопреки Германии и жертвуя германскими интересами (если бы ей удалось заключить такой мир) во имя спасения собственных интересов. Франция и Англия готовы были поступиться интересами Италии и России и т. д. Такие поиски мира за счет других требовали, естественно, соблюдения величайшей тайны и секретности переговоров. Оставляя в стороне попытки компромиссного соглашения, имевшие место уже в 1916 г., приведем в качестве примера переговоры весной и летом 1917 г. между Францией и Англией, с одной стороны, и Австро-Венгрией—с другой. Именно об этих переговорах упоминает Альдрованди. В его дневнике имеется запись от 25 сентября о том, что Соннино советовал королю отложить свою поездку во Францию с ответным визитом Пуанкаре: «Соннино боялся, что Ллойд Джордж захочет воспользоваться этой поездкой для устройства встречи между итальянским королем, королем Георгом и Пуанкаре с целью нового рассмотрения мирных предложений, сделанных Австро-Венгрией через посредство принца Сикста». Далее Альдрованди отмечает, что Соннино «продолжает сохранять абсолютно отрицательную позицию в этом вопросе, занятую им еще в Сен-Жан-де-Морьен, когда ему об этом было впервые сообщено».

К приведенной записи дневника Альдрованди делает большое примечание, в котором он полемизирует с Ллойд Джорджем по поводу его некоторых замечаний, изданных в четвертом томе «Военных мемуаров». Ввиду того что «Военные мемуары» Ллойд Джорджа вышли лишь в 1933 г., совершенно ясно, что примеча-

ние Альдрованди было сделано не в момент писания дневника, а значительно позже. Однако в этом примечании Альдрованди приводит документ, который, по его словам, был составлен в то же время, когда писался дневник. Этот документ представляет собой запись разговора между Соннино и французским премьер-министром Рибо от 24 июля 1917 г. По словам Альдрованди, Соннино, составив этот документ в сентябре 1917 г., передал его автору дневника в виде черновика, которому «пока не должно было быть дано никакого дальнейшего хода». Этот документ Соннино проливает дополнительный свет на историю попыток австро-венгерского императора Карла, предпринимавшихся при помощи принца Сикста Бурбонского, добиться сепаратного мира с Антантой. Об этом и рассказывает весьма подробно Ллойд Джордж в четвертом томе своих «Военных мемуаров». Принц Сикст—брат жены Карла, императрицы Циты, и одновременно офицер бельгийской армии (он считал себя французом, но не мог поступить во французскую армию только из-за своего бурбонского происхождения)— с начала 1917 г. являлся деятельным агентом императора Карла по заключению мирного договора. Он несколько раз тайно ездил в Вену, возвращался обратно и имел секретные свидания с Пуанкаре, Ллойд Джорджем, королем Георгом и всячески добивался сближения между Австро-Венгрией, с одной стороны, и Англией и Францией—с другой. Характерная особенность условий мира, которые предлагал император Карл, заключалась в том, что этот мир не давал никаких выгод Италии и, таким образом, должен был быть заключен за ее счет. Мир предполагался сепаратный, т. е. заключала его одна Австро-Венгрия, без Германии. Таким образом, Карл предавал Германию и позволял союзникам обрушиться на нее всей своей силой.

Но если Австро-Венгрия действовала втайне от Германии (причем император Карл умолял французов и англичан сохранить эту тайну, ибо, как пишет Ллойд Джордж, «у Карла будут все основания опасаться даже за собственную жизнь»), то, с другой стороны, Англия и Франция вели переговоры с Карлом (через посредство Сикста Бурбонского) втайне от своего союзника— Италии. Вплоть до конференции трех премьеров в Сен-Жан-де-Мориен, состоявшейся 19 апреля 1917 г., ни Ллойд Джордж, ни Рибо не ставили итальянское правительство в известность о переговорах, которые они вели в продолжение уже почти трех месяцев с Карлом. На самой конференции, встретившись с Соннино, оба союзника ознакомили его с данным вопросом. Однако, и это чрезвычайно интересно, Соннино отнюдь не сразу был поставлен в известность ни о переговорах, которые они вели с Сикстом Бурбонским, ни о тех конкретных предложениях, которые император Карл им сделал. В мемуарах Ллойд Джорджа, относящихся к конференции в Сен-Жан-де-Мориен, записано следующее: «Когда мы с этим покончили (греческая проблема), начались

разговоры о перспективах заключения мира с Австрией уже в ближайшее время. Эти *предположения* основывались на *слухах* из разных источников о том, что Австрия *намерена предпринять* какие-то шаги в этом направлении» (подчеркнуто мною.—*Б. Ш.*). Далее Ллойд Джордж рассказывает, что Соннино решительно высказался против сепаратного мира с Австро-Венгрией, после чего конференция приняла следующую формулу: «Ллойд Джордж, г. Рибо и барон Соннино обсуждали вопрос о возможных выступлениях Австрии с предложением о сепаратном мире с одной или несколькими союзными державами. Они пришли к заключению, что несвоевременно вступать в переговоры, которые в нынешних обстоятельствах были бы очень опасны и поставили бы под угрозу тесное единение союзников, необходимое нам сейчас больше, чем когда-либо». Таким образом, следует констатировать, что Ллойд Джордж и Рибо на конференции в Сен-Жан-де-Морнен не рассказали Соннино о конкретных предложениях, сделанных Австро-Венгрией. Ллойд Джордж далее замечает: «Может быть мы достигли бы большего, если бы открыли барону Соннино нашу тайну. Я в этом сомневаюсь, чтение письма императора Карла, в котором об Италии даже нет упоминания, привело бы его в бешенство».

Если, таким образом, союзники Италии вели переговоры с Австро-Венгрией о возможности заключения сепаратного мира, и притом за счет Италии, то и последняя несомненно предпринимала кое-какие попытки в направлении достижения мира. Эти попытки еще недостаточно освещены в литературе. Сам Альдрованди, и притом не в дневнике, а в предисловии 1935 г., с негодованием пишет о «ложных обвинениях», которые были распространены по адресу Италии. «Я имею в виду слухи,—пишет Альдрованди,—будто Италия в 1917 г. пыталась заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией, как это утверждал в своем письме принцу Сиксту император Карл». Альдрованди ограничивается лишь этим жестом негодования.

На Парижскую мирную конференцию Италия явилась с двумя документами, в которых были сформулированы ее «права». Одним из этих документов был Лондонский договор от 26 апреля 1915 г., а вторым—обмен нотами между Римом, Лондоном и Парижем в августе 1917 г., в которых были зафиксированы условия, достигнутые на конференции в Сен-Жан-де-Морнен. Нужно отметить, что после протеста Временного правительства, которое не было поставлено в известность о соглашении в Сен-Жан-де-Морнен, упомянутые августовские ноты были все же доведены до сведения Временного правительства. Последнему было даже предложено дать свой «отзыв» по поводу этих нот. Этого отзыва так и не последовало.

Но Италия пришла в Версаль не только с этими документами. Она явилась туда после разгрома итальянской армии при Капо-

ретто. Этот разгром едва не вызвал выхода Италии из войны и капитуляции перед австро-германским блоком. Победители в Версале решали вопрос о добыче пропорционально силе каждого из них, а в момент генерального дележа Италия была слаба как в военном отношении, так и в отношении своей экономики, финансов и внутренней организации. По существу она была разбитой страной. Парижская мирная конференция с ней соответственно и поступила. По Версальскому договору Италия почти ничего не получила.

Шестая и седьмая главы книги Альдрованди, озаглавленные «Неделя борьбы за Адриатику» и «Мир с Австрией», представляют собою исключительно интересное описание воистину драматической борьбы, которую вела итальянская дипломатия на Парижской мирной конференции за удовлетворение требований Италии. Коренная тактическая ошибка итальянской дипломатии заключалась, во-первых, в том, что она предъявляла требования, не только соответствовавшие обещаниям союзников, данным в начале войны, но и выходившие за пределы этих обещаний (например, вопрос о Фиуме). Во-вторых, ее ошибка заключалась в том, что, предъявляя свои требования, она совершенно не обнаруживала способности маневрирования и учета противоречий, которые имелись внутри лагеря союзников. Эти ошибки и повели к тому, что Италия в результате Парижской мирной конференции оказалась «обделенной».

Тезис относительно «обделения» Италии на Парижской мирной конференции настойчиво пропагандировался в Италии с момента окончания самой мирной конференции вплоть до выступления Италии во второй мировой войне против Англии и Франции.

IV

С того момента, как фашистская Италия предъявила свои требования по адресу Франции (осень 1938 г.), итальянская официальная и официозная печать вновь заговорила о «несправедливости», совершенной по отношению к Италии на Парижской мирной конференции. В декабре 1939 г.—январе и феврале 1940 г. рупор министерства иностранных дел Италии—газета «Giornale d'Italia»—поместила ряд статей своего главного редактора Вирджинио Гайды. В этих статьях был предъявлен счет Англии и Франции по всем невыполненным обязательствам, которые союзники взяли на себя в тот момент, когда нужно было склонить Италию к военному выступлению на их стороне. Вот главные из них: Лондонский договор 1915 г. был секретным, между тем через несколько дней после его подписания союзники сообщили его содержание сербам и тем самым вызвали крупнейшие итало-югославские разногласия, которые сыграли свою роль во время Парижской мирной конференции. За спиной Италии в 1916 г.

было заключено англо-франко-русское соглашение о разделе малоазиатской Турции (о чем мы говорили выше), причем это соглашение абсолютно не считалось с итальянскими интересами. Кроме того, устами Гайды Италия выставила ряд своих претензий по поводу Версальского договора. Этих претензий было довольно много.

Парижская мирная конференция допустила ряд фактов, задевавших престиж Италии. Вопросы, которые интересовали Италию, были отложены на самый конец конференции, причем интересы Италии не были приняты во внимание. Львиную долю репараций захватили Франция и Великобритания. Доля Италии оказалась до смешного малой (10% репараций, в то время как Франция получила 52%, а Англия—22%). Такой же ничтожной оказалась доля Италии в распределении торгового флота, захваченного у Германии (Италия получила 20 маленьких пароходов, в то время как Великобритания получила 442). Далее. На основании Лондонского договора Италия имела право «на справедливую часть» в Малой Азии. Вместо этого ее доля добычи была отдана Греции. Обещанной части Далмации Италия тоже не получила. Наконец, что касается колоний, то ей уделили «одни только пески и пустыни» с ничтожным населением.

Таков был обвинительный акт, предъявленный Италией в 1940 г. по вопросу, который решался в 1919 г.

«Дипломатическая война» Альдрованди Марескотти рисует все перипетии этой исторической картины передела мира и «несправедливости», совершенной по отношению к Италии.

В статье V Лондонского договора говорится о том, что «Италии будет дана также провинция Далмация в ее нынешних административных границах и т. д.». Как известно, этот пункт Лондонского договора не был выполнен. Итальянской дипломатии не удалось настоять на выполнении этого обязательства союзниками. Следует отметить, что итальянская делегация боролась за свои требования в достаточной степени неумело. Столкнувшись с отказом союзников выполнить постановление статьи V Лондонского договора, итальянская делегация потребовала не только Далмацию, которая была ей обещана договором 26 апреля 1915 г., но и Фиуме, о котором в Лондонском договоре ни слова не было сказано. Борьба за Фиуме сделалась вопросом «национального престижа и национальной чести». Оба лидера итальянской делегации—премьер-министр Орландо и министр иностранных дел Сонинно—непрерывно говорили о Фиуме, как о требовании, являющемся sine qua non для Италии и ее участия в подписании мирного договора. Патетика Орландо дошла в этом вопросе до крайних пределов. Как сообщает Альдрованди, на одном из заседаний Совета четырех во время прений о Фиуме Орландо разрыдался. Слезы итальянского премьер-министра, однако, не оказали никакого влияния на судьбу этого требования. Мало того, самой

постановкой вопроса о Фиуме итальянская дипломатия облегчила союзникам возможность невыполнения других требований Италии, хотя и покоившихся уже на точном тексте Лондонского договора. Как сообщает Альдрованди, Клемансо очень ловко играл на этой тактической слабости итальянской дипломатии. «Вы требуете выполнения Лондонского договора,—говорил он,—а сами выдвигаете претензии, о которых Лондонский договор ничего не знает. Я,—добавлял Клемансо,—стою на точке зрения необходимости выполнить Лондонский договор, но в таком случае я не могу отдать Фиуме вам». Когда же речь заходила об обязательствах того же договора в отношении Далмации, то Клемансо, не смущаясь, заявлял: «У меня имеются обязательства в отношении Италии—это Лондонский договор. Но Далмация населена не итальянцами, а славянами, и у меня имеются такие же обязательства в отношении славян,—обязательства, которые возникли после того, как был заключен Лондонский договор и которые не могли быть предусмотрены этим договором».

Выставляя эти аргументы и учитывая ту роль, которую итальянская дипломатия сама отводила Фиуме,—требованиям, заходящим за пределы лондонских обязательств,—Клемансо систематически принуждал Италию к отступлению в ряде других вопросов.

В результате борьбы за выполнение статьи V Лондонского договора и за получение Фиуме итальянская дипломатия не получила ни того, ни другого. Не помог и демонстративный отъезд итальянской делегации с конференции в апреле 1919 г. Этот отъезд привел лишь к тому, что, пользуясь отсутствием итальянской делегации, союзники нарушили не только Лондонский договор, но и постановление конференции в Сен-Жан-де-Морьен, касающееся итальянских притязаний на Смирну, решив передать ее грекам. Как только итальянская делегация покинула Париж, греческий премьер-министр Венизелос добился 6 мая 1919 г. согласия Ллойд Джорджа, Клемансо и Вильсона на оккупацию Смирны греческими войсками. Эта оккупация началась немедленно. Таким образом, и в этом вопросе итальянская дипломатия потерпела поражение. Ей пришлось спешно вернуться в Париж и по существу согласиться с теми условиями, которые были продиктованы ей союзниками по всем интересовавшим ее вопросам. Что же касается итало-греческих разногласий, итальянцы вынуждены были вступить в непосредственные переговоры с греками и добиваться от них некоторых компенсаций взамен Смирны.

Как рассказывает обо всех этих событиях Альдрованди? Он записывает в основном верно и точно дискуссию, происходившую в Совете четырех и об отдельных переговорах между союзниками. Правда, он не понимает (или по крайней мере не обнаруживает своего понимания) того, в чем была истинная причина неудач итальянской дипломатии на Парижской мирной конференции. Отмечая еще во время Петроградской конференции 1917 г.

неравноправное положение Италии среди союзников, рисуя во время конференций в Рапалло и Пескьере сцены унижения Италии (ультимативное требование Ллойд Джорджа о смене итальянского верховного командования и нежелание ни о чем разговаривать, пока это требование не будет удовлетворено), Альдрованди нигде на всем протяжении описания Парижской мирной конференции ни разу не останавливается на экономической слабости Италии, которая и была причиной неудач итальянской дипломатии. Правда, к этой слабости прибавилась еще неправильная тактика, но все же в основе лежало то обстоятельство, что в момент Парижской мирной конференции Италия, в сущности говоря, была разбитой в войне страной.

Соотношение сил на Парижской мирной конференции было не в пользу Италии.

Задачей итальянской дипломатии было при помощи искусного маневрирования, ряда обходных движений, проявления гибкости, умения во-время отказаться от сравнительно маловажных требований для того, чтобы сосредоточить огонь на основных, исправить это неблагоприятное соотношение сил. Как мы видели выше, итальянская дипломатия с этой задачей не справилась.

Книга Альдрованди Марескотти «Дипломатическая война» является ценным документальным материалом. Сравнение показаний итальянского участника Парижской мирной конференции с показаниями других ее участников позволяет советскому исследователю Версальского мира полнее и глубже изучить этот исторический договор, закончивший первую мировую войну и зафиксировавший разгром Германии.

Б. Штейн

Л. АЛЬДРОВАНДИ МАРЕСКОТТИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Воспоминания и отрывки из дневника
(1914—1919 гг.)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Итальянская война 1915—1918 гг., одна из самых ожесточенных и кровопролитных в мировом конфликте, не получила беспристрастного отражения ни в процессе самой войны, ни позже.

Даже друзья проявляли тенденцию обесценить это значение.

Едва ли нужно напоминать о том, что о нашем последнем наступлении, приведшем к победе при Витторио Венето,—о наступлении, в котором принимали участие столь незначительные вспомогательные силы,—в некоторых союзных газетах говорилось, как об «англо-итальянском» наступлении; не приходится напоминать и о том, что бюллетень нашей победы, в котором (в порядке признания оказанного нам содействия, но вместе с тем и для точного обозначения размеров этого содействия*) приводились подробные данные о силах союзников на нашем фронте, появился на страницах газет без указания этих данных.

После заключения перемирия с Австро-Венгрией, продиктованного нами 3 ноября на Вилла Джусти, 13 ноября в Белграде, по не вполне выясненным причинам, сербским воеводой и французским генералом, действовавшими в качестве представителей главнокомандующего восточной армией генерала Франше д'Эспере, с одной стороны, и эмиссаром графа Карольи—с другой, было подписано без нашего ведома нечто вроде вторичного перемирия с Венгрией. В документе этом в статье XVIII торжественно заявлялось: «Враждебные действия между союзниками и Венгрией прекращаются». Однажды текст этого «перемирия» цитировался на одном официальном заседании на Кэ д'Орсе. Это побудило одного из присутствовавших при этом наших представителей, маркиза Сальваго Раджи, задать спокойным тоном вопрос мини-

* «Гигантское сражение, завязавшееся 24-го числа истекшего октября, в котором принимали участие 51 итальянская, 3 британские, 2 французские 1 чехо-словацкая дивизии и 1 американский полк против 73 австро-венгерских дивизий...»

стру иностранных дел Пишону и принудить его к запутанному объяснению и поспешному отступлению. Когда текст этот был вновь процитирован на заседании Четырех, Клемансо внес поправку, квалифицировав этот документ как «дополнительное соглашение»; но когда, беседуя однажды об этом с одним французским генералом, я выразил свое удивление по поводу некоторых статей названного документа, в том числе статьи XVIII, мой собеседник заявил мне, что в момент подписания этого документа командование восточной армии, быть может, не располагало еще (sic!) сведениями о перемирии, заключенном на Вилла Джусти за 10 дней перед тем. Когда на Парижской конференции в комиссии, собравшейся для проведения в жизнь предложения маршала Фоша об установлении медали участникам боев в войне союзников против центральных империй, зашла речь о цветах ленты для медали, кто-то предложил расположить цвета стран Согласия над цветами побежденной Германии, как будто войны против Австро-Венгрии и победы над ней—войны против одной из «самых мощных армий мира», которую разбила Италия,—никогда не существовало.

Но впоследствии в Италии и за границей, в особенности благодаря бывшим противникам*, были опубликованы важные документы, явившиеся подтверждением значения нашего участия в войне и доблести итальянского солдата, равно как и решающего значения нашей победы, вследствие чего вряд ли найдутся теперь достаточно бесстыдные писаки, чтобы, говоря о победительнице Италии, как это имело место в течение многих лет в Германии, приставлять к словам «победительница Италия» насмешливый восклицательный знак («siegreich (!) Italien»).

Что касается политической документации нашей войны, то в сравнении с иностранными монументальными изданиями и коллекциями мемуаров участие Италии пока выражается в издании незначительных, тенденциозных и непроверенных материалов, несмотря на то, что в Италии по этому вопросу были опубликованы важные исследования и мемуары.

Кроме изданной в мае 1915 г. «Зеленой книги», свидетельствующей о светлом уме и неоспоримой прямоте Сиднея Соннино, укажу из наиболее значительных по богатству материала и систематичности изложения на две книги: «Нейтралитет» и «Участие в войне» Антонио Саландры. Несмотря на то, что после выхода в 1916 г. из состава правительства Саландра участвовал в мирной конференции в качестве члена итальянской делегации, он заканчивает свои «Воспоминания и мысли» 1915 годом.

Сидней Соннино, единственный из министров иностранных дел

* Достаточно вспомнить Людендорфа и эрцгерцога Иосифа Габсбургского, а также нижеследующие фразы, сказанные последним по поводу настойчивых атак с нашей стороны и огромных размеров наших потерь: «Ничего подобного мне никогда не приходилось видеть»; «ничего подобного никогда не наблюдалось на других фронтах».

воюющих держав, бессменно находившийся на своем ответственном посту с ноября 1914 г. по июнь 1919 г., за эти пять лет был в курсе всех событий, сам все выстрадал, готовый отдать Италии свою «жизнь и все»,—не отказался от своей привычки молчать. В настоящей книге приведены типичные и неизвестные примеры этой молчаливости. Я имею в виду между прочим тот случай, когда Соннино с мужественной решимостью, но беря при этом на себя потрясающую ответственность, умолчал даже перед королем на совещании в Пескьере о мирном предложении, выдвинутом Австро-Венгрией на основе предвоенного status quo, в то время когда австро-германские войска перешли через Изонцо и Тальяменто, а в Берлине и Вене могли уже мечтать о том, что им удастся занять Ломбардию и Пьемонт и вызвать революцию в Италии. В течение пяти лет, которые я провел рядом с Соннино, и в послевоенный период я имел немало случаев убедиться в том, как хорошо подходят к нему те дышащие отчаянием и величием слова, которые он гордо, в дантовском стиле, выжег на высоких полках своей прекрасной римской библиотеки: «Aliis si licet, tibi non licet—Nitor in adversum» [если подобает другим—тебе не подобает, я иду наперекор].

Паоло Бозелли, мужественно принявший, несмотря на свои почти 80 лет, пост премьер-министра (июнь 1916 г.—октябрь 1917 г.), но заслоненный тенью Соннино, не оставил никаких материалов.

Виктор-Эммануил Орландо, преемник Бозелли, принявший власть в наиболее трагическую минуту нашей войны, но заявивший, что Италия будет продолжать борьбу даже ценой отступления в его родную Сицилию, и вынужденный проделать мученический путь мирной конференции (октябрь 1918 г.—июнь 1919 г.), опубликовал до настоящего времени лишь весьма краткие разъяснения в итальянских газетах и небольшие статьи в заокеанской печати.

Эти пробелы в итальянской политической документации, весьма незначительной в Италии и почти не существующей за границей, способствовали укреплению некоторых фактических ошибок и оценки их мировым общественным мнением. В течение многих лет продолжалась бесстыдная спекуляция на так называемом «предательстве» Италии. В 1926 г., приехав в Берлин в качестве посла, я убедился, что бессмысленное обвинение продолжает часто появляться в немецких газетах. Я сказал об этом г. Штреземану, заявив, что если клевету против Италии можно было понять как оружие пропаганды во время войны и до опубликования текста Тройственного союза, с очевидностью свидетельствующего о том, что две главнейшие статьи пакта были нарушены не нами, а нашими союзниками*, то продолжение этой лживой кампании свидетельствует о нечестности или глубокой некультурности писателей, пользующихся этой клеветой. С этого

* Ср. прим. на стр. 11 и 23.

дня бесстыдное обвинение больше не появлялось на страницах немецкой печати.

Подобные этим ложные обвинения, уже использованные неприятельской печатью с целью пропаганды во время войны, выдвигались против нас даже в период Парижской конференции и продолжали высказываться и после заключения мира писателями бывших союзных стран, хотя и старавшимися проявить при этом беспристрастное к нам отношение. Я имею в виду слухи, будто Италия в 1917 г. пыталась заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией, о чем утверждал как-то в своем письме принцу Сиксту император Карл. Слух этот был еще недавно подхвачен г. Ллойд Джорджем и приведен в IV томе его «Военных мемуаров».

Во время войны и в продолжение мирных переговоров возникали и получили распространение новые легенды, задевавшие достоинство Италии. Достаточно упомянуть о некоторых из них: например, о том, что замещение генерала Кадорна состоялось будто бы по требованию иностранного представителя в Рапалло, затем— о бессилии итальянской делегации в Париже и неуместности ее ухода с конференции, хотя из официальных заявлений Орландо и Соннино явствует, что решение о замене Кадорны было принято на заседании совета министров, состоявшемся в Риме еще до того, как Орландо и Соннино встретились с союзниками в Рапалло; хотя итальянская делегация месяцами боролась против недоброжелательства и непонимания всесильного Вильсона и иногда брала над ним верх; хотя она была вынуждена возвратиться в Италию и выслушать мнение парламента, после того как Вильсон публично обвинил ее в том, что она не выражает воли нации.

Источником большей части публикуемых мной в настоящей книге воспоминаний и отрывков из Дневника являются записи, относящиеся к 1914—1919 гг.—периоду моего пребывания на посту начальника кабинета министра иностранных дел Соннино и генерального секретаря Италии на Парижской мирной конференции.

В этих отрывках и воспоминаниях, не представляющих собой систематического и законченного труда (в них, не вдаваясь в полемику, я намеренно ограничился приведением документов или прямых свидетельств), содержатся заметки, которые я пытался с соблюдением объективности и точности собрать для будущего историка.

Приводимые ниже выписки из Дневника, который я вел в течение пяти лет в бытность мою начальником кабинета министра иностранных дел, обнимают главным образом период времени, не превышающий немногих недель; остальное может быть опубликовано впоследствии.

Что касается той части настоящей книги, которая имеет более тесное отношение к итальянским делам, я должен выразить живейшую благодарность главе правительства, разрешившему мне воспользоваться хранящимися в архивах министерства иностранных дел документами для сравнения с ними моих воспоми-

наний. О протоколах междусоюзнических совещаний, составляющих столь значительную часть настоящей книги, я пишу в моих вступительных заметках к IV, V и особенно VI главе.

На всех междусоюзнических заседаниях, происходивших в период войны и мирной конференции, составлялись протоколы различных типов. Протоколами междусоюзнических заседаний могут считаться лишь те из них, которые были составлены при участии союзных секретарей (протоколы Верховного совета, Версальского совета военных экспертов, совещаний на Кэ д'Орсе). На совещаниях Четырех, происходивших почти всегда у президента Вильсона, из числа секретарей присутствовали только Хэнки и я, а также профессор Манту в качестве переводчика*. Личные заметки сэра Мориса Хэнки об этих совещаниях, распространявшиеся им в гектографированном виде среди весьма ограниченного круга лиц, явились предметом обсуждения на заседании Четырех в Версале (с участием Соннино вместо Орландо, оставшегося в Италии), состоявшемся днем 28 июня 1919 г., тотчас же после подписания договора с Германией. Хэнки сообщил, что к нему из различных мест обращались за получением экземпляров его заметок, и просил инструкций. Вильсон энергично заявил, что в данном случае речь идет о «частных беседах», состоявшихся у него на дому, и что если бы он знал, что беседы эти будут сообщены министерствам иностранных дел различных стран, он настоял бы на том, чтобы секретари не присутствовали при этих беседах, как это было вначале, или же чтобы по крайней мере в их числе присутствовал также американский секретарь. Соннино, Клемансо и Ллойд Джордж заметили, что «беседы» эти имеют столь важное значение и что они приводили к решениям столь капитальной важности, что было бы неудобно рассматривать их в качестве частных переговоров. Соннино заметил, что Орландо, вероятно, уже передал в Риме протоколы своему преемнику. Несмотря на настояния Вильсона, было признано, что невозможно воспретить ссылаться на эти заметки и приводить из них выдержки в отдельных случаях.

Заметками этими до настоящего времени пользовались различные авторы, в особенности американские (Рей-Стеннард Бэкер, назвавший эти заметки «Secret Minutes,Council of Four» в своей книге «Woodrow Wilson and World Settlement» и сопроводивший их фотографическими снимками некоторых отрывков); ими воспользовался, дав суммарное их изложение, француз Мермэ (*Mermeix*, Le combat

* На одном из последних заседаний были сделаны два фотографических снимка Четырех: на одном изображались только Четверо, на другом они были сняты вместе с секретарями. Вильсон заметил, что наряду с англичанином Хэнки, мной—итальянцем, и французом Манту недоставало американского секретаря. Он просил поэтому не сдавать в печать снимка с секретарями, «потому что это могло причинить ему неприятности в Америке». Так и было поступлено. Однако он подписал, подобно Клемансо и Ллойд Джорджу, представленную ему мной копию снимка.

des Trois); быть может, ими воспользуется Ллойд Джордж в дальнейшей части его книги «Военные мемуары», находящейся в печати.

Мои выдержки взяты не из заметок Хэнки, хотя я всегда их имел в виду, а из моих записей, каковые если и соответствовали по содержанию, как это естественно, записям Хэнки, тем не менее отличаются от них по своей форме. Я почти всегда воспроизвожу переговоры прямо и непосредственно, в то время как Хэнки, будучи в высшей степени точным, предпочел форму, более свободно передающую сущность предмета. Ни Хэнки, ни я не пользовались стенографией, но так как речи повторялись дважды и в подлиннике и в буквальном переводе Манту, это давало нам возможность в два приема записывать и дополнять наши заметки.

Повествовательная форма изложения и своеобразная манера Хэнки, обычно представлявшего свои протоколы Четырем в течение суток, рассматривать себя в качестве «официального секретаря» давали ему возможность допускать некоторое смягчение выражений, что я не считал для себя обязательным.

Я не сомневаюсь, что наступит день, когда ценные заметки Хэнки будут полностью опубликованы, но и в этом случае мои записи будут иметь, в особенности для Италии, дополнительное значение.

Можно спорить о правильности избранного мною метода, а также о том, уместны ли и соответствуют ли «сдержанности», о которой пишет Саландра в своей книге «Нейтралитет», или «скромности», которую рекомендует Франческо Гвиччардини, те личные замечания, которыми я иногда сопровождал переговоры Четырех и некоторые места моего Дневника. Но, будучи свидетелем столь значительных событий и решающих переговоров, я пытался изложить без прикрас и умолчаний историческую правду в более живом и обнаженном виде при передаче тех совещаний, которые должны были, по выражению Вильсона, явиться «Open covenants» [отрицанием тайной дипломатии], но происходили, ввиду особого его желания, при закрытых дверях. Я пытался воспроизвести если не все, то хотя бы некоторые из наиболее импульсивных и показательных выступлений в течение импровизированных бесед между участниками, не отказываясь при этом от возможно более точного изображения событий, их возникновения и обстановки, в которой они возникли, не избегая отмечать несовершенства и противоречия человеческого характера, некоторые простые и мелочные импульсы, проявлявшиеся даже у великих людей. Ибо, кроме мысли о скромности, я руководился мнением флорентийского историка, исследователя и мыслителя, полагавшего, что весьма трудно знать дела прошлых времен и получить правильное представление о событиях современных, ибо «часто дворец бывает отделен от улицы таким густым туманом и такой глухой стеной... а ложные и суетные мнения так легко разносятся по свету».

Л. А. М.

Болонья, 1 октября 1935 г.

I

НАЧАЛО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(Июль — ноябрь 1914 г.)

Сараевское убийство и австро-венгерский ультиматум Сербии (28 июня и 23 июля 1914 г.)[1] относятся к периоду моего пребывания в Италии, где я, будучи в то время советником итальянского посольства в Вене, находился с 15 июня в служебном отпуске.

Эрцгерцога Франца-Фердинанда, считавшегося открытым врагом Италии, я знал только по его суровой и мрачной внешности; супруга его, которую я видел однажды на придворном балу в Шенбрунне, запомнилась мне своим живым и чарующим взглядом. Она сидела последней, со всеми эрцгерцогинями, на длинном и узком возвышении, сооруженном наподобие трона вдоль одной из стен зала, в котором император—простой, изящный, прямой—стоя беседовал с гостями. Крупные черты лица графини Хотек резко отличались от более тонких лиц ее соседок, но, будучи последней, она казалась первой благодаря выражению воли, светившейся в ее чудесных глазах. Великолепные волосы украшали ее лучше всякой короны.

В момент предъявления ультиматума я находился в Венеции.

Для дипломатического мирка, отдыхавшего на венецианском Лидо[2], этот суровый документ и особенно факт вступления Австро-Венгрии в войну явились ошеломляющим ударом, главным образом для деловых людей, потрясенных создавшимся положением, первыми признаками которого явилось закрытие банков и прекращение приема иностранных денежных переводов, затем—для дилетантов в вопросах международной политики, высказывавших самые разноречивые суждения, для дилетантов в вопросах стратегии, предрекавших в общем молниеносно быстрое завершение войны.

Итальянцев особенно занимала позиция Италии, еще не высказавшей своего отношения к событиям.

Ввиду секретного характера статей договора о Тройственном союзе[3], а также потому, что публике не был известен ход последних

событий, невозможно было обосновать или точно сформулировать какое-либо суждение.

Я прервал свой отпуск, но решил заехать в Рим в надежде получить какие-либо сведения, касающиеся создавшегося положения. В Консульте [министерстве иностранных дел] мне не удалось узнать ничего определенного, но начальник кабинета министра Сан-Джулиано в разговоре со мной выразил сомнение в том, что Тройственный союз продолжает еще существовать.

Я спросил, были ли получены от нашего посла в Вене герцога Аварны, которого я знал в качестве пунктуального информатора, сведения о намерениях и действиях союзницы. Мне ответили, что итальянское правительство получило известие об ультиматуме Сербии 23 июля от австро-венгерского посольства в Риме одновременно с извещением, что в тот же день после полудня он будет вручен белградскому правительству. Текст ультиматума был сообщен нам 24-го числа.

Как я уже упомянал, Аварну я знал в качестве пунктуального информатора. Он имел обыкновение отправляться в министерство иностранных дел почти ежедневно, а иногда и два раза в день. Старые лошади и старый кучер посла, ни за что не признававшего автомобиля, ежедневно после полудня стояли во дворе посольства в ожидании приказания доставить герцога Аварну на Балл-плац[4]. Но я пробыл с Аварной достаточно времени (с ноября 1913 г.), чтобы знать, что он не имел обыкновения выходить за пределы преподанных ему точных инструкций. В своих донесениях он буквально приводил содержание ответов на вопросы, формулируемые им в точном соответствии с этими инструкциями; но частью из скромности или добровольно принятой на себя позы посредственного человека, частью же из осторожности и профессионального формализма он не стремился прибавить к вопросам и ответам ничего своего или же по-своему осветить вопрос.

Расскажу анекдот.

Как известно, делегации Двуединой монархии[5] ежегодно собирались попеременно в Вене и в Будапеште. В последнем случае туда отправлялись министр иностранных дел и высшие чины Балл-плаца. Так было и в мае 1914 г.

Тот же порядок соблюдался в отношении главнейших дипломатических миссий, часть которых вместе с главой миссии отправлялась в Будапешт, остальные же оставались в Вене. Было установлено, что более важные политические вопросы должны обсуждаться главой миссии, находившимся в Будапеште и поддерживавшим контакт с министром иностранных дел и его ближайшими сотрудниками, менее же важные вопросы—советником посольства или первым секретарем, оставшимися в Вене.

Консульта, разумеется, была в курсе этого. Однажды я получаю из Рима телеграмму с предписанием выяснить наличие и число австро-венгерских офицеров в Албании, где с некоторых пор поло-

жение было неспокойно. Так как речь шла о вопросе меньшей важности и так как телеграмма была адресована в Вену в противоположность телеграммам по более важным вопросам, адресовавшимся в Будапешт, я отправился в министерство за получением сведений.

То, что мне было сказано, отличалось от того, что впоследствии было сообщено в Будапеште герцогу Аварне, который отметил это обстоятельство и телеграфировал мне, прося воздержаться от обсуждения в Вене политических вопросов, так как это могло «породить путаницу и разнобой, подобные нынешним, и помешать нормальному ходу работы».

По возвращении Аварны в Вену мы вновь затронули вопрос об этом небольшом инциденте, и я заметил ему, что, как бы то ни было, в результате сказанного нам в Вене и Будапеште удалось узнать правду. На что Аварна ответил: «А вы полагаете, что полезно знать правду?»

И в другом случае я имел возможность подметить эту психологию Аварны, а именно, по случаю встречи в Конопиште[6], о которой расскажу ниже.

Поэтому, когда я был еще в Риме, мне пришла было мысль, что, быть может, какой-либо другой посол в Вене мог бы своевременно получить информацию от австро-венгерского правительства. Подобная информация могла бы иметь неисчислимые последствия: во-первых, если бы Италия своевременно получила точное извещение о замышлявшемся, она, быть может, смогла бы, как это было уже в 1913 г., о чем впоследствии Джолитти говорил в итальянском парламенте, предотвратить непоправимое выступление Австро-Венгрии против Сербии; во-вторых, если бы Италия при посредстве своего посла могла побудить союзницу держать ее в курсе своих намерений при серьезнейших политических обстоятельствах, как это предписывал договор о Тройственном союзе*, Австро-Венгрия не нарушила бы договора в отношении Италии, по поводу чего нам впоследствии пришлось выступать с жалобами и протестами со всеми вытекающими из этого последствиями.

Но если в первый момент в Риме у меня могло возникнуть подобное предположение, то полученные мною впоследствии сведения заставили меня от него отказаться.

Вена умышленно молчала; более того, она скрывала от нас свои истинные намерения.

---

* Статья I Тройственного союза, тексты которой в редакции 1891 г. и в возобновленных в 1902 и 1912 гг. редакциях тождественны между собой, была следующего содержания: «Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются соблюдать мир и дружбу между собой и не вступать ни в какие союзы или принимать на себя какие бы то ни было обязательства, направленные против одного из их государств. Стороны обязуются обмениваться взглядами относительно могущих возникнуть политических и экономических вопросов общего характера и, кроме того, оказывать друг другу взаимную поддержку в пределах их собственных интересов».

В Берлине поступили примерно таким же образом с послом Боллати, человеком значительно более инициативным, чем Аварна.

Все это произошло, несмотря на то, что оба посла были, без всякого сомнения, persona grata для правительств, при которых они были аккредитованы.

Что касается Боллати, мне даже было сообщено, что, когда он после многочисленных бесед об общей политике спросил у статс-секретаря по иностранным делам Ягова, которого он знал много лет и считал другом, полагает ли германский статс-секретарь возможным, чтобы он, Боллати, спокойно отправился дней на 20 на какой-нибудь курорт, Ягов ответил ему утвердительно, и Боллати покинул Берлин 20 июля*.

Германские и австро-венгерские дипломатические документы, опубликованные после войны правительствами названных стран, не оставляют уже никакого сомнения в том, что союзницы намеренно держали Италию в неведении относительно подготовляемой ими акции, которая могла, как они это сознавали, повести к войне.

На это бросают свет, если в этом есть еще необходимость, собранные мною впоследствии сведения, которые я привожу ниже.

После декларации о нейтралитете Италии (3 августа), тотчас же по опубликовании германской «Белой книги»[7], Боллати в своем донесении в Рим телеграфировал (5 августа):

«В „Белой книге", представленной вчера рейхстагу, в кратком изложении обстоятельств сараевского покушения и предшествовавших ему и последующих событий германское правительство пишет следующее:

„При данном положении вещей Австро-Венгрия должна была сказать, что пассивное отношение к тому, что замышлялось по ту сторону сербской границы, несовместимо ни с достоинством, ни с безопасностью монархии. Австро-венгерское правительство известило нас об этой своей точке зрения и пожелало узнать наше мнение. От всего сердца мы выразили союзнице наше согласие с ее оценкой положения и заверили ее, что всякое действие, которое она сочла бы необходимым предпринять для прекращения в Сербии движения, направленного против целостности монархии, получит наше одобрение. При этом мы отдавали себе ясный отчет в том, что эвентуальное военное выступление Австро-Венгрии против Сербии вызовет вмешательство России и сможет, следовательно, в соответствии с нашим долгом союзницы вовлечь нас в войну. Но мы не могли, ввиду того что на карту были поставлены жизненные интересы Австро-Венгрии, ни посоветовать нашему союзнику несовместимую с его достоинством уступчивость, ни отказать ему в такой серьезный момент в нашей поддержке. Это тем менее было для нас возможно, что непрекращающиеся интриги чувствительно угрожали и нашим интересам. Если бы сербам было позволено и в дальнейшем с помощью России и Франции угрожать безопасности монархии, это могло бы иметь своим последствием постепенное разрушение Австро-Венгрии и подчинение всего славянства русской гегемонии, вследствие чего положение германской расы в Центральной Европе сделалось бы невозможным. Морально ослабленная Австро-Венгрия, уступающая напору русского панславизма, не смогла бы больше

* Но 23-го числа он вернулся обратно по распоряжению Сан-Джулиано.

явиться для нас союзником, с которым можно было бы считаться и на которого можно было бы положиться, как это было нам необходимо ввиду все более угрожающей позиции наших восточных и западных соседей. Поэтому мы предоставили Австро-Венгрии полную свободу действий в ее выступлении против Сербии".

Все это настолько ясно, что не требует никаких комментариев для доказательства того, что выступление Австро-Венгрии было предварительно согласовано с Германией в предвидении военных осложнений. Единственное ограничение к этому предварительному соглашению выражено в следующей фразе: „в приготовлениях к такому выступлению мы не принимали участия". Сегодня утром я говорил об этом Ягову, добавив, что ничего этого не было сообщено Италии, которая оставалась в неведении до самого последнего момента и лишь накануне получила от Австро-Венгрии сообщение о том, что́ именно она собиралась предпринять против Сербии. На все вопросы, с которыми я ежедневно обращался к нему по поводу намерений Австро-Венгрии, Ягов неизменно отговаривался неполучением сведений; он отвечал, что знал о намерении Австро-Венгрии энергично потребовать от Сербии удовлетворения, и находил это вполне законным, но что он не знал, каким именно образом будет действовать Австро-Венгрия, и что во всяком случае никаких серьезных осложнений из этого произойти, разумеется, не могло. На мои неоднократные замечания о том, что выступление против Сербии неизбежным образом повлекло бы за собой вмешательство России, Ягов отвечал, что Россия ограничится платоническими протестами, дипломатическими нотами, но в конце концов все ее действия, как и в других случаях, сведутся к блефу. Теперь, однако, определенно известно из официальных материалов, что, давая свое предварительное согласие Австро-Венгрии, Германия прекрасно отдавала себе отчет в тех последствиях, к которым это могло повести в отношении Франции. Ввиду этого безусловным долгом Австро-Венгрии и Германии, и не только в силу договора Тройственного союза, было предупредить другую союзницу, дабы дать ей возможность высказать свое мнение в деле столь огромной важности и по крайней мере принять необходимые подготовительные меры. Австро-Венгрия и Германия не сделали этого; наоборот, они поставили Италию лицом к лицу перед совершившимся фактом, предварительно согласованным между ними, и поставили ее в невозможность принять меры, а так как они, таким образом, нарушили свои обязательства в отношении нас, наше обязательство, предусмотренное трактатом, отпало. Если бы решение итальянского правительства нуждалось еще в каком-либо оправдании, то „Белая книга" оправдание это представляет нам со всей очевидностью».

В купе венского поезда я оказался в обществе итальянской кинематографической «звезды» и аудитора[8] папской нунциатуры[9] в Вене, впоследствии кардинала, возвращавшегося к месту службы.

«Звезда» поведала нам, что едет повидаться со своим другом—венгерским офицером. Я спросил: «Ведь не обязательно *все* офицеры должны погибнуть на войне, не правда ли?» Аудитор не советовал ей продолжать путь из-за затруднительности проживания в Вене и выезда оттуда. «Говорят, что в Вене невозможно достать ни извозчика, ни такси. Банковские билеты утеряли свою ценность, принимаются лишь золото и серебро. Итальянцам готовятся трудные времена в Австрии».

«Звезда» упорствовала до Леобена, затем сочла за благо прервать свое путешествие.

На всех остановках встревоженные путешественники требовали газет, и многие, продолжая надеяться на быстрое окончание войны, искали известий о решающих событиях.

Прибыв в Вену 5 августа, я узнал, что Аварна уехал днем раньше в Рим вместе с военным атташе полковником Альбриччи на совещание. Не найдя в газетах известия об его отъезде, я выяснил, что австро-венгерской печати ввиду деликатного характера итало-австрийских взаимоотношений было предложено не опубликовывать известия об его отъезде, так как это могло породить нежелательные комментарии.

Я тотчас же ознакомился с последними дипломатическими документами, оставшимися мне неизвестными вследствие моего отсутствия из Вены, и поставил их в связь с документами, которые были мне известны ранее.

Прежде всего я вспомнил об одной беседе с Альбриччи, выдвинувшим предположение, что Австро-Венгрия стремится к войне, которой добивались различные австро-венгерские круги, враждебные Сербии как ввиду особых экономических интересов, так и по той причине, что небольшое балканское государство закрывало австро-венгерской монархии путь на Салоники. Аварна в моем присутствии предложил Альбриччи уточнить свою информацию и затем возражал ему, утверждая, что ни круги, ни группы не имеют значения в Австрии, где настоящий вес и значение имел один лишь император, который не хотел войны: «Император слишком много видел на своем веку неудачных для него войн, чтобы не желать избегнуть их в последние годы своей жизни».

Император Франц-Иосиф питал к Аварне большую симпатию. Этому способствовало, быть может, некоторое сходство между ними: совершенная корректность внешних манер, холодный бюрократический темперамент*, преклонный возраст.

---

* Отправившись однажды в Шенбрунн справиться от имени е. в. короля Италии о здоровье императора, болевшего весной 1914 г., я был удивлен строгой простотой, граничащей с бедностью, императорской резиденции. Я поднялся на второй этаж, не встретив на своем пути ни часовых, ни слуг. Наконец, я натолкнулся на светлейшего князя Монтенуово—первого гроссмейстера двора; озябший, в шапке, с поднятым воротником, он

В связи с исполнившимся в 1914 г. десятилетием дипломатической миссии Аварны в Вене император, который раньше награждал его высокими знаками отличия, отправил ему 23 февраля 1914 г. собственноручное письмо, в котором он заверял его в своих «чувствах живейшей симпатии», выражая ему вместе с тем всю свою «признательность за отличную манеру, с которой он в течение этого периода выполнял задачу, возложенную на него дружественным и союзным сувереном».

Возможно, что нежелание войны, подмеченное в императоре герцогом Аварной, соответствовало действительности и что перемена произошла лишь вследствие неожиданного зверского убийства в Сараеве.

Однако после получения этого собственноручного письма Аварна, отправившись благодарить императора, имел с ним 1 марта 1914 г. важную беседу, которая может пролить некоторый свет на вышеуказанное обстоятельство.

Император говорил в этой беседе «о проводившихся Россией вооружениях и, вспоминая по этому случаю о пребывании в Петербурге в прошлом году начальника французского генерального штаба, не пользовавшегося особенным благоволением русских военных кругов, заметил, что эти вооружения были возможны благодаря займу, предоставленному России Францией, которая требовала от своей союзницы постройки стратегических железных дорог с целью завершения этих вооружений»[10].

Франц-Иосиф добавил, что, как ему известно, «это было причиной беспокойства в Германии».

Император заявил далее, что он не сомневается в мирных намерениях царя, высказанных им еще недавно австро-венгерскому послу в Петербурге, где, однако, в других кругах имеются противоположные тенденции. «Это вызывает неуверенность в нынешней ситуации».

Франц-Иосиф отметил далее, что Англия, «к счастью, не следовала политике короля Эдуарда», и, наконец, заметил, что «общая ситуация в Европе в настоящее время такова, что ни одна из великих держав не может дать перевес своей особой точке зрения, не задевая других держав, ибо это могло бы создать положение вещей, могущее привести со временем к конфликту».

Во всяком случае в словах Альбриччи, несомненно, заключалось зерно истины.

Недавно прибыв в Австро-Венгрию и будучи поэтому в высшей степени восприимчивым к некоторым признакам, я также усмотрел известное предвоенное брожение. На это я уже указывал

проходил через нетопленные и пустынные комнаты по соседству с комнатой, где находился император. Такую же простоту можно было заметить в итальянском посольстве, где Аварна, пользовавшийся славой лучшего хлебосола Вены, ни разу не подумал о том, чтобы украсить стол или салоны хотя бы одним цветком.

в моем январском донесении 1914 г., когда ввиду отъезда Аварны в Италию я был поверенным в делах; затем я писал об этом в телеграмме, посланной в Рим 28 апреля, вскоре после свидания в Аббации (14—18 апреля)[11].

Телеграмма эта была отправлена в результате запроса Сан-Джулиано относительно одной фразы, помещенной в одной из моих предыдущих телеграмм, когда я вновь был поверенным в делах в отсутствие Аварны. Фраза эта принадлежала графу Форгачу, человеку большого ума и одному из наиболее выдающихся представителей Балкплаца.

Моя телеграмма была следующего содержания:

«Вена, 28 апреля 1914 г.

Форгач отправился с Берхтольдом в Будапешт на совещание делегации и пробудет вне Вены четыре недели, поэтому я не имею возможности запросить его, „на каких соображениях публичного и культурного характера основывается его мнение о том, что вопрос об эвентуальном учреждении православной церкви в Эпире интересует преимущественно Италию, а не в равной мере Италию и Австро-Венгрию". Однако мне кажется, что намек Форгача по этому поводу, так же как и другой его текстуальный намек на историческую ссылку о борьбе между романским и эллинским миром, можно связать с его мыслью об общем преобладании итальянских интересов в южной Албании. У меня нет достаточных данных, чтобы установить, исходят ли эти намеки графа Форгача из его еще более скрытой мысли о дальнейшем развитии и превращении этого нашего преобладания интересов в сферу влияния, протекторат, приобретения.

Без сомнения, в австро-венгерской печати чаще, чем в итальянской прессе, встречаются намеки на действия Австро-Венгрии и Италии в Албании.

Как известно вашему превосходительству, в здешнем министерстве иностранных дел имелась тенденция трактовать Албанию скорее в качестве итало-австрийского поля действия, чем в качестве интернационализированного государства.

Для доказательства этого достаточно указать на позицию, принятую в отношении некоторых вопросов, как, например, заем и банк, которые, как здесь этого хотят, должны быть исключительно итало-австрийскими; на высказываемое здесь желание ослабить значение контрольной комиссии и в недавних случаях на благоприятное отношение к участию итальянских и австрийских офицеров в операциях в Эпире, а также на неблагоприятную позицию относительно участия войск других национальностей на северных границах. Тенденция эта дает именно возможность истолковать интернационализацию Албании, введенную на основании постановления Лондонской конференции[12], как „интернационализацию вдвоем" и может быть поставлена в связь с тем фактом, что здесь полагают облегчить этим развитие специфической деятельности Австро-Венгрии в северной Албании.

Австро-Венгрия занимает более активную, чем мы, позицию в отношении Балкан, и недавнее обладание и потеря Новобазарского санджака[13], быть может, наведет ее на соображения территориального порядка, относительно которых здесь между прочим не возникает никаких опасений, связанных с соблюдением принципа национальности.

Не входя, быть может, в намерения Берхтольда, это, вероятно, является интимной мыслью графа Форгача, который еще недавно весьма критически высказывался о принце Виде. Вероятно, Австро-Венгрия, испытав в связи с балканским кризисом разочарования и неудачи, стремится к реваншам.

Реванши эти трудно осуществимы в других областях, но здесь, возможно, надеются, что они будут достигнуты на Балканах. Ни Берхтольд, ни Форгач

никогда не проявляли большого интереса к австро-венгерской экспансии в Малой Азии, о чем в последнее время довольно много говорили*; более того, они старались выказать мне индифферентное отношение к этому вопросу. Форгач, наоборот, обнаруживал большой интерес ко всему, что касалось балканских вопросов, в особенности Сербии и Черногории. Можно, повидимому, допустить с известной вероятностью, что в случае возможных перемен на Балканском полуострове он попытается извлечь всяческие выгоды, используя также привилегированное положение, которое могло бы создаться для Австро-Венгрии в силу ее влияния и деятельности в Албании, особенно в северной Албании, представляющей между прочим первоклассную стратегическую позицию в отношении Сербии. Позиция Австрии в этом вопросе, возможно, выявится хотя бы частично во время дебатов на ближайшей сессии делегации в Будапеште[14], а также при вступающих, повидимому, в обостренный период переговорах с Белградом относительно восточных железных дорог. Позиция эта, естественно, испытает влияние австро-венгерского монарха и руководителей Балплаца, будь то нынешние руководители или же возможные их преемники. Что же касается Форгача, представляющего несомненно выдающуюся фигуру на Балплаце, мне кажется, что смысл отмеченного вашим превосходительством намека может быть выяснен в связи с вышеизложенными соображениями.

Альдрованди».

О положении Австро-Венгрии я имел случай доложить устно председателю совета министров Саландре, который по прочтении вышеприведенного моего донесения пожелал видеть меня, когда я вскоре после того был проездом в Риме.

За последние недели в Вене и в Берлине более настойчиво говорилось о возможности осложнений на Балканах, и из конфиденциальных сообщений германского и австрийского послов в Риме Флотова и Мерей** можно вывести прямые и косвенные заключения, если принять во внимание, что̀ и почему было ими сказано и что̀ действительно означали, или, вернее, могли означать их слова.

Неоднократно нам делались секретные и конфиденциальные сообщения относительно тайных совещаний между Сербией и Черногорией, происходивших будто бы с согласия короля Николая.

4 апреля Флотов беседовал об этом с Сан-Джулиано и между прочим заявил: Германский император говорил об этой возможности, к которой как императору Францу-Иосифу, так и наследному принцу следует теперь же подготовиться. По мнению императора Франца-Иосифа, необходимо оказать сопротивление во

* В течение всего этого года Консульта вела деятельные переговоры в Лондоне, чтобы добиться осуществления некоторых наших притязаний в Малой Азии. Переговоры завершились 29 мая в Лондоне заключением конвенции между оттоманской железнодорожной компанией Смирна—Айдын е. и. в. султана и торгово-промышленным и финансовым обществом железных дорог Азиатской Турции, подписанной с итальянской стороны Б. Ногарой. Австро-Венгрия вела, со своей стороны, аналогичные переговоры и одно время, повидимому, даже претендовала на «зону строительства», совпадавшую с нашей.

** Как они фигурируют в неопубликованных телеграммах Сан-Джулиано и дипломатических документах, опубликованных в Австрии и Германии после войны.

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

что бы то ни стало; наследный же эрцгерцог полагает, что можно согласиться на это при некоторых условиях, из коих Флотову, по его словам, известно только одно, т. е. что расширившаяся Сербия не должна получить выхода к Адриатическому морю и что поэтому черногорское побережье, включая, разумеется, Антивари и Дульчиньо, должно быть уступлено Албании.

Далее. В памятной записке маркиза Сан-Джулиано о свидании в Аббации (14—18 апреля 1914 г.), отправленной с курьером из Рима в итальянское посольство в Вене 30 апреля, интересно отметить в связи и в соответствии с вышесказанным следующий период: «Берхтольд далее говорил мне об опасности того, что в недалеком будущем на Балканском полуострове могут произойти территориальные изменения и что, быть может, крушение Оттоманской империи не так уж далеко. Германский император, по его мнению, весьма пессимистически взирает на будущее Турции, и Венизелос высказал ему опасение, что Болгария войдет в соглашение с Сербией, присоединив к себе Кавалу и оставив Салоники Сербии. Но и без этого Берхтольд боится, что Балканская лига реформируется и Болгария в конце концов присоединится к ней».

Далее. Австрийский посол в Бухаресте и будущий министр иностранных дел Чернин 7 мая обратился к своему итальянскому коллеге Фашотти с вопросом, «как, по его мнению, итальянское правительство относится к возможности присоединения Черногории к Сербии. В частности он хотел узнать, согласится ли Италия принудить Сербию к тому, чтобы в этом случае вся прибрежная зона Черногории перешла к Албании с тем, чтобы таким образом закрыть доступ Сербии и, следовательно, России к Адриатике». Фашотти известил, что «Чернин уезжает через неделю в Австрию, где он встретится с наследником, с которым он находится в дружеских отношениях».

Далее. Согласно телеграмме, пересланной в Вену 10 июня, наш деятельнейший представитель в Бухаресте Фашотти писал следующее: «Я считаю своим долгом известить, что как Паллавичини*, так и Чернин и лица, посещающие здешнюю австрийскую миссию, вели речь, способную вызвать у авторитетных лиц, с которыми я говорил, впечатление, что в Австро-Венгрии сожалеют о том, что не прибегли к оружию в течение последнего балканского кризиса и что, если представится случай, не прочь сделать это теперь с целью поднятия престижа монархии. Мне известно по этому поводу, что король Кароль заявил, что он очень сдержанно высказывался по поводу указанного зондирования, произведенного Паллавичини, желая подчеркнуть, что Румыния не намеревается поощрять действий, направленных к нарушению европейского мира. Следовательно, если Сербия выступит в Албании, согласно

* Посол Австро-Венгрии в Константинополе, проезжавший через Бухарест.

сообщенной мне вашим превосходительством гипотезе, австро-венгерскую военную акцию против нее следует считать более чем вероятной. Во всяком случае итальянское правительство должно иметь в виду воинственные тенденции, которые, как здесь утверждают, все более усиливаются в Вене, в особенности в некоторых весьма влиятельных сферах»*.

Как известно, в первой половине июня (12—14-го числа) в Конопиште, в Чехии, состоялась встреча императора Вильгельма с эрцгерцогом Францем-Фердинандом.

В Австрии пресса получила инструкции отметить аполитичность этой встречи. Руководящие газеты монархии поместили передовицы, по смыслу которых вышеупомянутые лица встретились в Конопиште якобы для «созерцания цветущих там роз», которыми ранее интересовался император. Но во Франции очевидцы впоследствии утверждали, что в Конопиште не существовало достойных этого имени цветников роз и что в июне 1914 г. там не было ни одной розы в цвету.

Говорили, что если цель свидания была столь аполитична, то непонятно, почему германский император прибыл туда в сопровождении адмирала фон Тирпица, известного сторонника великогерманской политики, и почему эрцгерцог тотчас же после отъезда императора вызвал туда министра иностранных дел графа Берхтольда.

В опубликованных германских дипломатических документах указывается несомненная политическая важность названных переговоров**. Что касается Италии, то в Конопиште обсуждался вопрос о прочности Тройственного союза и возможности его распада, чему способствовали в части, касающейся Румынии, причастной к Тройственному союзу[15], нелады между этим государством и Венгрией, вызванные политикой в отношении трансильванцев***. Но германский [император,] вернувшись после

---

* Аварна, запрошенный о его точке зрения по поводу этого сообщения, ответил 12 июня длинной телеграммой, типичной для его образа мыслей и стиля. Телеграмма заканчивалась следующим образом: «Укажу в заключение, что, насколько я могу судить, Австро-Венгрия в настоящий момент не руководствуется в своей политике воинственными тенденциями; она проводит политику осторожного выжидания и крайней бдительности, позволяющую ей держаться в стороне от происходящих на Балканах событий и наблюдать вблизи новую активность, которую проявляет там Россия; она поступает таким образом с целью предотвращения опасностей, которые могли бы угрожать ее интересам».

** «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. XXXIX.

*** Было опубликовано (*P. Nikitch-Boulles*, Vor dem Sturm, и «Erinnerungen an Erzherzog Thronfolger Franz-Ferdinand», S. 82), что наследный принц намеревался взять с собой в Конопишт речь о возможности замены Тройственного союза возобновленным Союзом трех императоров.

Свидание в Конопиште состоялось в то время, когда в Италии происходили забастовки, беспорядки и восстания, закончившиеся так называемой «красной неделей» (7—14 июня).

недавней сердечной встречи в Венеции с итальянским королем[16], «самой интимной из всех», без колебаний высказался за укрепление Тройственного союза. В этом смысле он должен был настаивать на необходимости встречи между итальянским королем и эрцгерцогом Францем-Фердинандом на больших германских маневрах в середине сентября около Касселя*.

В Конопиште обсуждалось положение в Албании, которая в этот момент переживала глубокий кризис, грозивший восстаниями и революцией. Эрцгерцог жаловался на дипломатического представителя Италии в Албании.

По мнению многих, в Конопиште было брошено семя превентивной войны[17].

Опубликованные до сей поры документы не содержат доказательств этого. Однако следует отметить, что если об этом и говорилось, то беседа шла о таких деликатных вещах, что не следовало оставлять никаких следов**.

Как бы то ни было, о переговорах высокой политической важности, происходивших в Конопиште, итальянскому правительству ничего сообщено не было.

Берхтольд, который, как я уже указывал, был вызван в Конопишт эрцгерцогом немедленно после отъезда императора, ничего об этом не сказал герцогу Аварне.

Аварна узнал об отъезде Берхтольда в Конопишт и сообщил об этом маркизу Сан-Джулиано, как о чем-то совершенно случайном***.

---

* Встреча эта после официозного зондирования в феврале 1914 г. и получения согласия е. в. итальянского короля была формально назначена путем официального приглашения, сделанного в Венеции итальянскому королю германским императором, который через два дня в Мирамаре вновь говорил об этом с эрцгерцогом Францем-Фердинандом, выказавшим по этому поводу большое удовлетворение.

** Ягов в своей книге «Происхождение мировой войны» пишет следующее: «Распространяемая нашими врагами ложь о том, что война против Сербии была уже решена во время посещения е. в. императором эрцгерцога Франца-Фердинанда в Конопиште в июне 1914 г., должна быть самым решительным образом отвергнута. Наследный принц хотел показать своему державному другу цветущие розы в своем любимом богемском имении; визит носил чисто дружеский характер», но тотчас же добавляет: «Я при этом не присутствовал». Присутствовавший при этом адмирал фон Тирпиц не упоминает в своих «Мемуарах» о Конопиште, но заявляет: «Говорили, что Германия будто бы методически готовилась к войне, это—грубое измышление». Книга адмирала Тирпица представляет собой полемическое и апологетическое произведение и, как я укажу ниже, не всегда точно передающее действительное положение вещей (ср. прим. на стр. 22).

*** В своей телеграмме от 13 июня он уведомляет, что не может поговорить с графом Берхтольдом о различных делах до «понедельника или вторника, потому что он уезжает завтра в Конопишт по приглашению наследного принца и вернется лишь в один из названных дней». Он виделся с графом Берхтольдом 16 июня и информировал о своей беседе с ним в 10 телеграммах, касавшихся, как обычно, главным образом Албании. Ни в одной из них не говорится о свидании в Конопиште.

Как явствует из телеграммы германского посла в Вене Чиршки, граф Берхтольд говорил последнему по долгу службы о свидании в Конопиште 17 июня*.

Герцогу Аварне—ничего.

Аварна, со своей стороны, не спрашивал и не докладывал об этом, ограничившись тем, что послал Консульте мой доклад, в котором сообщалась, хотя и со смягченной кавычками иронией, версия о встрече для «созерцания роз».

Таково же было поведение Берлина.

В своей телеграмме в Рим, пересланной в Вену 6 июня, Боллати писал: «Германский император отправится 12 июня в Чехию в замок австро-венгерского наследника. Визит был намечен еще в прошлом году и подтвержден во время последней встречи в Мирамаре. Здесь утверждают, что визит этот не имел никакого особого политического значения, являясь лишь доказательством сердечности личных взаимоотношений между императором и эрцгерцогом».

Затем—молчание.

Разница в обращении двух союзников между собой, с одной стороны, и по отношению к Италии—с другой, весьма поучительна. Разница эта явным образом противоречит духу и букве статьи Тройственного союза, содержащей обязательство «обмениваться мнениями по могущим возникнуть политическим и экономическим вопросам». То же самое, как это хорошо известно и как я об этом уже упоминал, в более открытой и более серьезной форме повторилось в последующем июле в связи с австро-сербским кризисом.

Как бы то ни было, говорилось или не говорилось в Конопиште о превентивной войне, мысль о такой войне с некоторых пор имела хождение в Австро-Венгрии ввиду мероприятий России, направленных к увеличению армии и продлению срока обязательной военной службы, как это уже произошло во Франции. Вышеуказанные заявления императора Франца-Иосифа, сделанные им в личной дружеской беседе с Аварной, повидимому, дают некоторые косвенные указания на это, в особенности упоминание о «беспокойстве» Германии.

Мне вспоминается следующая фраза Ягова в одном более давнем сообщении из Берлина: «Франция нас постоянно провоцирует; мы не теряем терпения, но если она будет продолжать, мы ее раздавим».

Наконец, как явствует из моей телеграммы, которую я приведу ниже, Ягов еще в марте сказал Боллати, что Германия не желает войны и что она ничего не сделает, чтобы ее вызвать, что она, напротив, сделает все возможное для ее предотвращения, но что

---

* «Die Grosse Politik», B. XXXIX, S. 369.

она всегда готова принять вызов и что, по его личному мнению, «лучше, если она вспыхнет сегодня, чем завтра»*.

Я не мог не вспомнить этой фразы, читая в Италии полученную агентством Стефани из Берлина телеграмму от 25 июля, в момент вручения австро-венгерского ультиматума Сербии: «Газеты отмечают важное значение патриотических манифестаций, состоявшихся вчера вечером и поздней ночью. Некоторые газеты говорят, что после 1870 г. ничего подобного в Берлине не происходило. Аналогичные демонстрации происходили в провинции, где в театрах, ресторанах, кафе среди неописуемого энтузиазма исполнялись германские и прусские гимны».

* * *

Я застал в нашем посольстве в Вене атмосферу большой неопределенности. В первые дни войны и до нашей декларации о нейтралитете перед зданием нашего посольства были инсценированы демонстрации, как мне говорили, при помощи небольшого вознаграждения демонстрантам; в Вене тепло встречалось исполнение «королевского марша» и «гарибальдийского гимна»; затем наступила полоса, сильного временами, недовольства нами.

Не было недостатка и в подозрениях. Однажды я обратился к Форгачу, прося о предоставлении обычных проездных льгот венским корреспондентам итальянских газет, решившим возвратиться в Италию; Форгач в моем присутствии тотчас же запросил об этом по телефону надлежащее учреждение, причем я заметил, что собеседник его, которого он просил о допущении их к выезду, без выполнения обязательных в те дни формальностей, кратчайшим железнодорожным путем в Италию, повидимому, возражал ему, ссылаясь на передвижение войск к нашим границам**.

Среди различных враждебных нам манифестаций мне вспоминаются выставленные повсюду для продажи иллюстрированные открытки на тему о Тройственном союзе («Dreibund»). На открытках были изображены немецкий и австрийский солдаты, объединенные в «Zweibund» (Двойственный союз), и берсальер в виде бродяги («Vagabund»). Это была типично венская игра слов, которой война придала оттенок горечи.

Некоторые из наших секретарей перестали ходить в Жокей-клуб, где им казалось неудобным бывать, но я был слишком убежден в бесспорности нашей позиции и наших прав, для того чтобы воздержаться от посещения клуба. Воздержание от посещения

---

* Адмирал фон Тирпиц в своих «Мемуарах» пишет: «Впоследствии безответственные и полуосведомленные лица,—но только они,—высказывали иногда следующие мнения: „Если война неизбежна, лучше, если она наступит раньше, чем позднее“». Ягов, разумеется, не «безответственное» лицо.

** Консульта телеграфировала в Вену о дошедших до нее слухах о том, что некоторые австрийские офицеры грозили «ударить на Тревизо» (11 августа).

было бы, пожалуй, благоразумным, но могло дать кое-кому основание утвердиться в ложной мысли о нашей неправоте.

В самом деле, помимо нарушения Австро-Венгрией статьи 1, ею был нарушен, как это мы немедленно и установили, также другой пункт союзного договора. В тот самый день, когда Сан-Джулиано ознакомился с текстом ультиматума Сербии (24 июля), он телеграфировал Аварне, предписывая заявить австро-венгерскому правительству, что, «если Австро-Венгрия будет без нашего предварительного согласия оккупировать территории даже временно, она в этом случае нарушит статью 7 договора о Тройственном союзе*, и что, следовательно, мы оставляем за собой все права в защиту нашей свободы действий, равно как и наших прав и интересов».

Аварна в отсутствие графа Берхтольда, о котором я буду говорить ниже, с буквальной точностью передал это 25 июля его заместителю барону Маккио и вновь сообщил о том же самому Берхтольду 1 августа.

Но Австро-Венгрия продолжала без предварительного согласования с нами занимать сербскую территорию.

Зная это, я по обыкновению отправился в Жокей-клуб и никакой нелюбезности по отношению к себе не заметил.

Впрочем в Вене, быть может, была известна моя предшествующая позиция. В день нового года (1914), будучи в отсутствие Аварны поверенным в делах, я, принимая колонию, прочел и иллюстрировал незадолго перед тем выпущенный циркуляр маркиза Сан-Джулиано, в котором со ссылкой на вопросы общего характера утверждалось, что период «несамостоятельной политики» Италии окончился.

Итальянские газеты поместили сообщение об этом моем выступлении, и мне потом стало известно, что австрийский посол в Риме Мереи жаловался на это Консульте и моим знакомым.

---

* Статья 7 Тройственного союза гласила: «Австро-Венгрия и Италия, имея целью лишь сохранение в возможной мере территориально status quo на Востоке, обязуются оказать свое влияние с целью предупреждения каких бы то ни было территориальных изменений, могущих нанести ущерб той или другой державе, подписавшей настоящий договор. В связи с этим они будут сообщать друг другу необходимые сведения с целью взаимного осведомления о собственных мероприятиях, равно как и о мероприятиях других держав.

Однако в том случае, если вследствие событий сохранение status quo в области Балкан или оттоманского побережья и островов в Адриатике и Эгейском море оказалось бы невозможным и если бы вследствие акции третьей державы или по какой-либо другой причине Австро-Венгрия или Италия вынуждены были изменить положение вещей путем временной или постоянной оккупации, оккупация эта будет произведена лишь по взаимному соглашению обеих вышеназванных держав. Соглашение это будет основано на принципе взаимных компенсаций за всякую территориальную или иную выгоду, которую каждая из них могла бы извлечь из существующего в настоящее время status quo, компенсаций, могущих удовлетворить интересы и обоснованные претензии обеих сторон».

Я имел случай подтвердить свою позицию при других обстоятельствах.

Согласно дипломатическому обычаю, впрочем, не особенно соблюдаемому в Вене, при окончательном отъезде главы миссии коллеги последнего отправлялись провожать его на станцию.

7 августа русский посол Шебеко покидал Вену.

Будучи поверенным в делах Италии, представителем державы, заявившей о своем нейтралитете, я, поразмыслив, также решил отправиться проводить русского посла, отозванного в связи с объявлением Австро-Венгрией войны России.

На станции из глав миссий находился только французский посол Дюмэн*.

Известно, что, когда Сербии был предъявлен ультиматум, русский посол в Вене находился в отпуске.

Говорилось, что ввиду мягкости характера и некоторой барской беспечности графа Берхтольда, который был между прочим австрийским послом в Петербурге, откуда он вынес и где оставил по себе чувства глубокой симпатии,—на Балплаце ему посоветовали отлучиться одновременно с отправлением ультиматума.

Совет этот был дан, повидимому, графом Форгачем, о котором я уже писал, бывшим послом Австро-Венгрии в Белграде, считавшимся одним из главнейших вдохновителей решительных действий против Сербии.

На Балплаце объяснили, что Берхтольд должен был отправиться, как это было совершенно естественно в подобные решительные моменты, в Ишль, где находился император.

Как бы то ни было, с 25 по 27-е число в Вене никто не мог видеть Берхтольда.

Русский поверенный в делах Кудашев тщетно пытался лично связаться с ним, желая срочно просить его по поручению своего правительства отсрочки ультиматума Сербии, и вынужден был ограничиться посылкой ему телеграммы, на которую граф Берхтольд ответил из Ламбаха, отказав в какой бы то ни было отсрочке**.

Посол Шебеко на вокзале жаловался на отсутствие Берхтольда в эти роковые дни. «Однако,—сказал мне Шебеко,—из разговоров, хотя и запоздалых, которые мне удалось вести с Берхтольдом, я вынес впечатление, что мы могли бы разрешить австро-сербский вопрос, если бы не произошло постороннего вмешательства». Шебеко присовокупил, что он получил от Берхтольда определенное заявление о том, что австро-венгерская мобилизация являлась лишь оборонительной мерой, а не выпадом против Рос-

---

* Помнится, однажды утром я сказал ему, что в одной из наших газет напечатано сообщение, будто картина «Джоконда» была найдена во Флоренции, и в ответ на его вопрос о судьбе картины я успокоил его, говоря, что итальянское правительство решило вернуть ее в Луврский музей. Он был так доволен, что предложил мне великолепный завтрак в честь этого радостного события.

** Ср. австро-венгерскую «Красную книгу», докум. 20.

сии, на что он, Шебеко, ответил аналогичным же четким заявлением относительно русской мобилизации.

Отбытие поезда со станции, куда совершенно был закрыт доступ публике, произошло без инцидентов, в отличие от некоторых случаев отъезда дипломатических миссий из Берлина*.

На Балльплаце я встретил корректный и любезный прием. В ответ на предъявленную мной 9 августа начальнику секции барону Маккио жалобу по поводу военного инцидента на черногорском побережье, причинившего ущерб интересам итальянской компании в Антиварн, мне было незамедлительно обещано возместить убытки, и обещание это было подтверждено удовлетворительной нотой, доставленной мне в понедельник, 10 августа.

Если принять во внимание обычную медлительность императорского и королевского министерства в выполнении наших запросов, можно представить себе, какую перемену означала эта необычайная поспешность.

Австро-венгерская нота была составлена в следующих выражениях:

«Ввиду того что Черногория, несмотря на советы итальянского королевского правительства, объявила войну австро-венгерской монархии, пришлось в силу требований войны разрушить радиотелеграфную станцию в Антиварн.

Военный министр Австро-Венгрии, которому не было известно о том, что станция принадлежит частному обществу, выражает сожаление по поводу того, что мера эта причинила ущерб итальянским подданным. Поэтому императорское и королевское правительство заявляет о своей готовности по окончании войны полностью возместить ущерб, нанесенный итальянским интересам, за исключением того случая, когда возмещение это международным правом не предусмотрено.

Что же касается навигации по озеру Скутари, императорское и королевское министерство позволяет себе добавить, что никаких препятствий в этом не будет оказано».

Привожу также мое донесение, относящееся к тому времени:

«Вена, 11 августа 1914 г.

В течение в высшей степени любезных бесед с Берхтольдом, Маккио, Форгачем мне за эти дни удалось установить нижеследующее: 1) никаких упреков с их стороны относительно занятой Италией позиции; 2) особое стремление угодить нам по различным нашим запросам к ним; стремление это, которое заметно было также у чиновников Балльплаца, повидимому, вызвано какими-то особыми инструкциями.

Как я уже сообщал вашему превосходительству, в печати не появляется никаких известий, касающихся Италии, и это, как мне определенно известно,

* В Берлине испанского посла с женой, отправившихся на вокзал провожать английского посла, толпа чуть было не подвергла линчеванию в то время, когда они возвращались в посольство. Так пишет в своем «Дневнике» от 12 августа 1914 г. лорд Берти оф Тэм (v. I, p. 16).

является результатом действий цензуры и внушений Баллплаца, оказывающего на австро-венгерскую прессу огромное и решающее влияние.

Хотя общественное мнение вообще разочаровано нашей позицией, мне неизвестно, чтобы имели место какие-либо серьезные инциденты, враждебные королевским подданным.

Итальянское посольство особо охранялось и охраняется полицейскими агентами, но никакой необходимости в защите посольства не оказалось, так как никаких манифестаций против него не происходило.

Аналогичное доказательство теперешнего характера директив австрийского правительства заключается в том, что начальник отдела печати министерства заявил некоторым австрийским журналистам для их сведения и руководства, что нейтральная, но благожелательная к своим союзникам позиция Италии выгодна во всяком случае австро-венгерско-германскому блоку, ибо вследствие этого Франция будет вынуждена из осторожности не обнажать итало-французской границы.

Указанное поведение австро-венгерского правительства имеет, повидимому, какое-то отношение к проявлениям недовольства, на которые я указывал вашему превосходительству в предшествующей моей телеграмме, а именно здесь в достаточной мере распространено подозрение, что Италия может нарушить нейтралитет в ущерб Австрии и что поэтому Австрии следует постараться избегнуть этой опасности.

В этом смысле могут быть истолкованы заботливые заверения австро-венгерского правительства относительно Ловчена и незамедлительное предложение о возмещении ущерба, нанесенного итальянским интересам в Антивари.

Считаю нужным отметить, что подозрение в возможности нашего выступления против Австрии не должно внушать удивления здесь, где во время итало-турецкой войны во многих кругах без всякого стеснения говорилось, что момент этот, быть может, наиболее удобен для нападения на Италию.

В Вене нынешняя ситуация вызвала вообще чувство депрессии. Здесь, несомненно, не наблюдается ни энтузиазма в связи с войной, ни берлинских руссофобских демонстраций. Здесь не было никаких враждебных манифестаций против русских дипломатических представителей, которые покинули Вену без инцидентов.

Во многих кругах распространено мнение, что Германия желала войны и, чувствуя себя готовой, сочла нужным покончить с выжидательной политикой еще до того, как Россия в военном отношении станет слишком сильной.

На Баллплаце было хорошо известно мнение Ягова, содержание которого Боллати резюмировал в марте текущего года, а именно, что Германия не хотела войны и ничего не сделала для того, чтобы вызвать ее, и, более того, сделала все возможное для её предотвращения, но была всегда готова принять в ней участие и что по его личному мнению „было бы лучше, если бы это случилось сегодня, а не завтра“*. Отсюда следует, что Австро-Венгрия, воображавшая, что ей удастся ограничить свою войну, чувствует себя в настоящее время как бы на поводу у Германии как в смысле действий, так и последствий

* В телеграмме из Берлина, переданной из Консульты в Вену от 6 марта 1914 г., заявления Ягова были сделаны по поводу цитированной послом Боллати статьи в газете «Kölnische Zeitung», «в которой перечислялись военные приготовления России, по заявлению газеты с очевидностью свидетельствующие о намерении пойти войной против Германии; этого не удалось осуществить в прошлом году из-за недостатка средств; война, несомненно, вспыхнет через три или четыре года, когда в России будут закончены материальное снаряжение и стратегические железные дороги, ведущие к границам». По поводу этой статьи русским правительством были предприняты шаги. Германское правительство решило тогда публично дезавуировать рейнскую газету, чего оно вначале не хотело делать. Сообщая о словах Ягова, касающихся урегулирования этого инцидента, Боллати в другой телеграмме из Берлина, пересланной в Вену 19 марта, писал: «Но слова Ягова не выра-

большой войны, а так как она не предвидела ее и не уверена в победе, то испытывает значительные затруднения.

Из лиц, которых я видел в министерстве, один только Форгач завел речь о нынешней ситуации; он сказал мне, что поведение Сербии за последнее время было в высшей степени агрессивным. Он подтвердил мне правильность ежедневных сообщений австрийской прессы относительно умиротворения и единения в целях войны всех национальностей монархии и цитировал мне места, касающиеся чехов и немцев в Чехии, движения австрийских поляков против России и „патриотизма“ итальянцев в Триесте. Он выказал глубокую веру в совершенство военной организации Германии, радовался австро-германским военным успехам, но в течение беседы неоднократно касался тех огромных усилий, которые вынуждена делать Австро-Венгрия; он исключал возможность посылки ею войск во Францию, равно как и возможность инициативных действий в Албании; и не знаю, из неверия ли в окончательную победу или из скрытой попытки заставить нас отказаться от нейтралитета, он произнес также следующую фразу: „Вы, так боявшиеся в Адриатике Австрии, которая, конечно, не была для вас опасной, но представляла собой справедливое итало-австрийское равновесие в этом море, вы окажетесь в несколько ином положении, когда французы будут в Каттаро“.

Альдрованди».

* * *

Аварна, во время своей поездки в Рим подавший прошение об отставке, взял его обратно, как ему было предложено, повинуясь чувству дисциплины, и вернулся в Вену.

Вернулся также Альбриччи, вынеся чувство отвращения, внушенное ему оскорбительной грубостью чрезвычайной военной миссии, посланной в те дни императором Вильгельмом в Рим с целью вовлечь Италию в войну на стороне центральных держав. Он вынес также убеждение в невозможности принудить итальянский народ выказать сочувствие выступлению, при сложившихся обстоятельствах, на стороне Австро-Венгрии.

Саландра рассказывал, что, считая отзыв итальянского посла в Вене в тот момент в высшей степени несвоевременным, он просил личного вмешательства короля, чтобы убедить Аварну не настаивать на своей отставке*.

жали чрезмерной уверенности в длительном улучшении отношений между обеими странами: в прессе обеих стран продолжается весьма оживленная полемика, и некоторые инциденты вроде задержания германских авиаторов на много дней в Перми [18] и случай с русским капитаном, арестованным в Кельне, не способствуют, разумеется, улучшению положения. Равновесие продолжает оставаться неустойчивым и может быть нарушено незначительными причинами».

* Как я уже указывал, Аварна пользовался большим расположением императора Франца-Иосифа. В тот момент было в высшей степени полезно, чтобы он оставался в Вене, но позднее, когда начались оживленные переговоры между Римом и Веной, Аварна вел себя с максимальной лояльностью, его позиция в период июльского кризиса, хотя и внушала доверие австро-венгерскому правительству, могла, быть может, представить некоторые неудобства ввиду особого положения лица, ведущего переговоры. Поэтому по прибытии в Рим бывшего германского канцлера фон Бюлова в качестве чрезвычайного посла и по опубликовании письма Джиолитти я спросил Соннино: «Отчего бы вам не назначить Джиолитти чрезвычайным

Но в Австрии вначале полагали, что Аварна не вернется, и Мерей был отозван из Рима.

Форгач известил меня об этом 10 августа, сообщив, что, *«так как состояние здоровья Мерей было весьма серьезным и требовало операции, советник посольства Амбрози телеграфно запросил уполномочить Мерей немедленно возвратиться в Вену»*. Министерство дало свое согласие. Форгач присовокупил, что он очень сожалеет о том, что Мерей не может остаться в Риме, где посольством должен будет управлять Амбрози. В заключение Форгач заявил, что «состояние здоровья Мерей требовало нескольких месяцев лечения, в течение какового срока не предполагается заменить Мерей». Но на следующий день барон Маккио, исказив заявление Форгача, сказал мне, что «ввиду очевидности толкования, которое в настоящий момент могло быть дано отъезду Мерей и тому факту, что австро-венгерское посольство в Риме осталось без посла, он сам назначен туда послом. Он надеялся получить агреман».

Многим казалось, что эту внезапную перемену следует приписать неожиданному возвращению Аварны в Вену и что вначале предполагалось сохранить оба представительства на равном положении, с двумя поверенными в делах—Амбрози и мною—вместо двух послов, но возвращение Аварны изменило решение австро-венгерского правительства.

О личности Мерей, его характере, его недостатках много писалось итальянцами, австрийцами и иностранцами. Умный и усердный чиновник, но недоверчивый и желчный, он не питал ни симпатии, ни уважения к Италии и итальянцам, казался всегда недовольным и хмурым, хотя и обладал отличными манерами. Но за последнее время произошли различные инциденты, усилившие напряженность отношений между ним и Сан-Джулиано, который часто, почти ежедневно, с ним встречался.

В поведении Сан-Джулиано был некоторый элемент лойяльности, который, казалось, не встречал признания со стороны Мерей**.

послом в Вену? Согласится он или не согласится, приглашение это могло бы быть полезным правительству». Но Соннино по различным причинам не хотел об этом и слышать.

* В первом предложении о коммюнике относительно отъезда Мерей из Рима, подлежащем передаче агентству Стефани и редактированном в австро-венгерском посольстве, было буквально сказано: «Ввиду поразившего его первого удара, исключающего возможность какой-либо умственной работы, е. п. г-н де Мерей, посол Австро-Венгрии при е. в. итальянском короле, уступая настояниям своего врача...» и т. д. и т. д.

** Помнится, в 1913 г. я был послан в Бухарест с секретным поручением, связанным со вступлением Румынии в Тройственный союз. В поезде я встретился с одним итальянским журналистом, пожелавшим узнать, куда я еду. Чтобы предупредить возможность нескромных расспросов с его стороны, я ответил, что еду в Константинополь, и, действительно, из Бухареста я вернулся в Италию через Константинополь. Венские газеты сообщили о моем

Несомненно, Сан-Джулиано работал по мере сил для улучшения отношений между Италией и Австро-Венгрией. Но едва благоприятные результаты казались достигнутыми, как новые инциденты вновь обостряли разногласия, как, например, декреты Гогенлоэ в Триесте в 1913 г. или антиитальянские демонстрации в марте 1914 г. в Триесте и Спалато и в апреле в Фиуме, или же кровавое столкновение 1 мая в Триесте, вызвавшее бурную реакцию в Италии.

Инциденты эти, хотя и улаживались от случая к случаю, оставляли незгладимые следы, усугубляли трения, создавали между двумя странами враждебную атмосферу.

Другим очагом опасных трений была Албания.

Соглашение об итало-австрийском паритете в Албании являлось постоянным стимулом к расхождениям, а не к сотрудничеству.

Два дипломатических представителя—австриец Левенталь и итальянец Алиотти,—желая обеспечить за собой и собственной страной успешное влияние, в своем усердии временами выходили за пределы данных им соответствующими правительствами инструкций. Алиотти значительно превосходил своего коллегу умом, хитростью и активностью. Инциденты следовали один за другим, принимая все более обостренный характер, австро-венгерское посольство в Риме реагировало на них со всей резкостью. По этому поводу австро-венгерский советник однажды (10 апреля 1914 г.) заявил, что он должен протестовать против «неискренности», проявленной итальянским правительством по случаю поставки оружия албанскому правительству. Сан-Джулиано вынужден был потребовать извинения, что по приказу графа Берхтольда и было исполнено ввиду предстоявшей встречи в Аббации (14 апреля), причем Сан-Джулиано заявил, что он туда не поедет, если предварительно не получит требуемого удовлетворения.

Несколько недель спустя (26 июня) Мереи зачитал Сан-Джулиано полученную им от Берхтольда телеграмму, в которой по существу выражалось подозрение, что Италия хочет отказаться от политики совместных с Австрией действий в Албании и добивается падения принца Вида и замены его мусульманским принцем, с тем чтобы создать в Адриатике как бы второе Марокко. Мереи говорил, что Австрия никогда не согласилась бы на такое решение вопроса и должна будет предпринять, по версии Берх-

пребывании в Турции, связывая его с какими-то переговорами о Додеканезе. По возвращении в Рим я передал Сан-Джулиано привет от нашего посла в Константинополе Гаррони. Сан-Джулиано сказал мне: «От Гаррони? Вы были в Константинополе?» Я объяснил причину. «Отправьтесь немедленно к Мереи,—сказал мне Сан-Джулиано,—и расскажите ему, почему вы были в Константинополе. Мереи спрашивал меня, по какому делу вы ездили в Константинополь, а я категорически отрицал слух о том, что вы там были». Мереи встретил мои объяснения смешком, выражавшим не то удовлетворение, не то недоверие.

тольда, шаги в Берлине для торжественного подтверждения решений Лондонской конференции, по версии же Мереи—быть может заключить соглашение с Грецией или же предпринять «кое-какие действия, гораздо более энергичные, чем думают в Италии, которые явятся для нее самой неприятной неожиданностью»*.

В разгар сараевского кризиса[19], 2 июля, германский посол Флотов по поводу все той же Албании конфиденциально сообщил Сан-Джулиано об опасности, которую может создать попытка Австрии неожиданно овладеть Ловченом.

В качестве как бы заключительного аккорда Мереи 18 июля заявил Сан-Джулиано, что, по его мнению, итальянское правительство ведет в Албании неискреннюю и нелойяльную политику, противоречащую взятым ею в отношении Австрии обязательствам. Он утверждал, что у него имеются доказательства и что он мог бы написать целую книгу в 500 страниц в подтверждение этого.

Однако Мереи не представил этих доказательств, и, когда Аварна по распоряжению Сан-Джулиано передал вопрос Берхтольду, последний объявил 23 июля, в день вручения ультиматума Сербии, что «Мереи никогда не подвергал сомнению лойяльность итальянского правительства»**.

---

* Как об этом впоследствии (27 июня) телеграфировал Аварна, запрошенный по этому поводу министром Сан-Джулиано, ни Берхтольд, ни Форгач не делали нашему послу в Вене во время бесед с ним никаких намеков относительно угроз, о которых говорил Мереи.

Сан-Джулиано, передавая разговор с Мереи, проводил ясное различие между мероприятиями «по Берхтольду» и мероприятиями «по Мереи». Аварна сообщал: «Хотя у меня нет положительных признаков, следует предположить, что угроза Мереи о возможности какого-либо энергичного акта по нашему адресу со стороны Австро-Венгрии была высказана им под давлением высокопоставленного лица, принимающего после недавней болезни императора еще более активное участие во внутренней и внешней политике монархии и нередко косвенным путем снабжающего инструкциями послов, как об этом мне когда-то говорил сам Мереи». Высокопоставленным лицом был, повидимому, эрцгерцог Франц-Фердинанд, убитый 28 июня—в тот самый день, когда телеграмма Аварны, содержавшая вышеуказанные сведения, была получена Консультой.

** Привожу из телеграммы Сан-Джулиано к Алиотти, переданной по почте в итальянское посольство в Вене 18 июня, следующие места из инструкции: «Считаю нужным резюмировать для вашего сведения общие установки политики королевского правительства, основанные на учете интересов нашей страны не только в албанском, но и в других вопросах и на знакомстве, которое, разумеется, там у вас не может быть полным, с международным положением. Абсолютно необходимо, чтобы добрые отношения между итальянским и австро-венгерским правительствами были сохранены, улучшены и чтобы их агенты в Албании прониклись убеждением, что в случае их компрометации никакие частичные успехи в Албании не смогут возместить ущерба, который был бы этим обстоятельством нанесен обеим державам и всей европейской ситуации. Необходимо, чтобы с нашей стороны не подавалось никакого повода Австрии для обвинения нас в нелойяльности и к тому, чтобы она сочла себя вправе совершить какой-либо акт, могущий повести к серьезным последствиям; необходимо, чтобы все наши агенты лойяльно

* * *

Сказанное мною может дать представление, хотя и неполное, о том, каковы были отношения между Италией и Австро-Венгрией и в какой атмосфере отношения эти развивались.

Но, несмотря на все, Сан-Джулиано находил необходимым стойко придерживаться политики соглашений, убежденный в том, что это диктуется жизненными интересами Италии и даже Италии и Австро-Венгрии.

26 мая 1914 г. в ответ на интерпелляции депутатов по поводу недавних событий в Албании Сан-Джулиано выразился следующим образом в итальянском парламенте: «Изложенные мною факты и вытекающая отсюда ситуация, возможные в будущем события являлись и являются предметом деятельного обмена мнениями между мною и графом Берхтольдом, проникнутого тем взаимным доверием и совершенной лойяльностью, которые всегда составляли, составляют и будут составлять прочную основу наших сердечных и близких взаимоотношений».

Заявления эти кажутся насмешкой над действительностью тем, кто знает, что́ за ними последовало и что́ должно было последовать. Заявления эти выражали крайние усилия Сан-Джулиано, направленные к достижению целей Тройственного союза. Но если они не соответствовали действительности, они отвечали духу и букве «паритета» в Албании и договора о Тройственном союзе, а именно статьи 1, касающейся «обмена мнениями», которая, как мы видели, не получила применения в отношении нас как в предыдущих случаях (Конопишт), так и при более серьезных обстоятельствах — в связи с австро-сербским кризисом.

Нельзя отрицать, что затруднения в отношениях между Италией и Австрией, весьма далеких от возвещенных Сан-Джулиано сердечности и близости, вызывались индивидуальными особенностями представителей обеих стран. Как рассказывает Саландра в своей книге «Нейтралитет», австро-венгерское правительство неоднократно пыталось при германской поддержке добиться отзыва Аллотти, но итальянское правительство не согла-

---

и строго придерживались духа и буквы соглашений, существующих между Италией и Австро-Венгрией. Если окажется, что это не соблюдается с австрийской стороны, не следует делать того же, а нужно доставить королевскому правительству серьезные данные, которые позволили бы ему выступить в Вене с представлением и снабдить вас соответственными инструкциями об охране наших интересов и нашего престижа...

Более того, я думаю, что опасному дипломатическому соревнованию между вами и Левенталем следует предпочесть лойяльный и искренний обмен мнений и выработку между вами двумя и соответствующими консулами в Валоне и Скутари и соответствующими делегатами контрольных комиссий общей линии поведения. В случае, если это не удастся, следует принять меры, дающие королевскому правительству возможность доказать венскому, берлинскому и бухарестскому правительствам, что это происходит по вине австрийских, а не итальянских должностных лиц».

шалось, не желая, таким образом, дезавупровать собственного представителя, за которым оно признавало много заслуг. Итало-австрийские отношения из-за Албании стали таковы, что в известный момент Сан-Джулиано писал, что отозвать Алиотти—значило бы сделать из него в глазах нации в высшей степени популярного героя (3 июня). Однако ввиду продолжавшегося усугубления трений Сан-Джулиано решился рассмотреть вопрос о замене Алиотти, но при условии одновременного замещения его австро-венгерского коллеги. Сан-Джулиано вначале предполагал послать в Албанию Сфорцу, бывшего в то время послом в Пекине; Аварна формально предложил Сан-Джулиано назначить меня. Затем произошли более важные события, и Алиотти остался.

Немногое, сказанное мною выше о Мереи, дает некоторое представление о его личности.

Напомню еще, что недавно по случаю религиозной церемонии, состоявшейся в Риме 7 июля в память эрцгерцога Франца-Фердинанда, на которой ни один представитель итальянского короля официально не присутствовал из-за неполучения приглашения, а председатель совета министров Саландра еще и по состоянию здоровья, Мереи написал Сан-Джулиано частное письмо, полное жалоб и псевдоостроумных и язвительных обвинений.

Незадолго до того Сан-Джулиано возвратил ему другое, еще более резкое, письмо.

* * *

Преемником Мереи был назначен, как я сказал, фон Маккио, происходивший, как и Мереи, из мелких дворян и обладавший хорошими и дурными качествами многих австрийских чиновников—бюрократическим усердием и бюрократической неповоротливостью ума.

Он до этого времени занимал должность начальника секции на Балльплаце, т. е. выполнял функции, непосредственно следующие за функциями министра иностранных дел. Помнится, он имел обыкновение вечером усаживать собеседника в кресло как раз под электрической лампой, в то время как сам оставался более чем в тени, почти в темноте, в малоосвещенной комнате. Это был слишком очевидный прием, позволявший ему следить за физиономией собеседника, который оказывался, таким образом, как бы жертвой своего рода инквизиции и нравственной пытки; это не способствовало созданию симпатии и доверия к нему*.

* Человек менее острого ума, менее тонкий психолог и, быть может, менее неблагожелательный, но более апатичный и неповоротливый, чем Мереи, Маккио упорно выказывал обычное для многих иностранцев поверхностное восхищение перед художественной и живописной Италией.

При своем назначении в Рим он высказал мне это. Об этом упоминается также в небольшой книжке («Wahrheit»), которую он опубликовал в 1931 г. в качестве отчета о своей бурной миссии, в которой среди серьезных полити-

Август, сентябрь и октябрь я провел в Вене, в атмосфере надежды и опасений австрийцев относительно исхода войны, которая вопреки первоначальным предположениям оказывалась продолжительной.

Мне помнится, что нервозная атмосфера в Вене достигла такого напряжения, что однажды, в момент французской победы на Марне, один прохожий, увидев в дверях одной гостиницы двух иностранных дипломатов различной национальности, говоривших в моем присутствии на французском языке, начал бурно протестовать против употребления вражеского языка и, даже узнав национальность собеседников, продолжал энергично протестовать, что повело к неприятному инциденту.

В Жокей-клубе один из виднейших членов клуба клялся, что никогда больше его нога не ступит на почву Франции.

16 октября умер Сан-Джулиано вследствие ревматического приступа, явившегося завершением длинной серии страданий, терзавших его всю жизнь.

До последней минуты он продолжал работать в постели, принимал послов, составлял телеграммы. 10 октября он виделся с германским послом Флотовым и вновь обсудил с ним вопрос о причинах войны и промахах Австрии; 11 октября он беседовал с австрийским послом, 12-го—с английским. В ответ на вопрос английского посла, просившего «указать приблизительный срок, к которому Италия сможет принять окончательное решение», он ответил, что пока не видит мотивов для значительных перемен, но что «правительству, разумеется, не удастся увлечь страну на путь больших жертв и военного риска, не обеспечив ей в случае победы по меньшей мере естественных границ Италии и подобающего ей положения в Адриатике» (телеграмма в Лондон от 12 октября)*. Барону Маккио, выразившему радость по поводу

ческих и полемических вопросов проходят почти романтические страницы с описанием поездок в Римскую Кампанью и свидания в Аббации, в котором Маккио принимал участие. Как указывает подзаголовок «Князь Бюлов и я в Риме», в этой книге ведется полемика с мемуарами бывшего германского канцлера, который был послом в Риме в 1914—1915 гг. Но, оставляя в стороне вопрос об искренности писателя, в этой книге встречаются явно ложные утверждения, заставляющие сомневаться в истинности остальной части книги. Так, например, королева Маргарита указана в ней как немецкая принцесса; говорится также, что на дипломатическом обеде 11 ноября 1914 г. тост в отсутствие послов Франции и Англии был произнесен американским послом, между тем как тост был произнесен послом Испании; начальник кабинета Соннино дважды назван Бианкери, в то время как начальником этим был я; там говорится, что газета «Tribuna» помещалась во дворце Шарра, между тем как в этом дворце помещалась «Giornale d'Italia» и т. д. Подобные же непроверенные и ошибочные сведения содержатся в более важных данных, опубликованных в австро-венгерской «Красной книге» (1915 г.), в посылавшихся им официальных телеграммах, касающихся его миссии.

* Реннел Родд в «Social and Diplomatic Memories» (Ser. 3, p. 223), описывая это свое посещение Сан-Джулиано, рассказывает: «Я видел его

улучшения его здоровья, что «доставит большое удовольствие в Австрии», Сан-Джулиано ответил, что и без него «Саландра будет продолжать ту же политику: пока не имеется никаких оснований менять ее».

Черновик отправленной в Вену телеграммы, содержащей сообщение об этой последней беседе, был написан, как обычно, рукой Сан-Джулиано, карандашом, который ему было удобнее держать в пораженных ревматизмом руках; почерк, хотя и неясный, свидетельствует, однако, в наиболее важных местах и в подписи о твердой и уверенной в себе воле.

Если когда-либо будут полностью опубликованы его телеграммы, в особенности телеграммы, относящиеся к периоду между 23 июля и 4 августа, можно будет убедиться в смелости, остроте, гибкости и упорстве мысли Сан-Джулиано.

Быстро, лойяльно действовал он в Вене, Берлине, Белграде, Лондоне, Петербурге, Париже, формулируя предложения, давая согласие, предлагая посредничество и отсрочки в целях предотвращения катастрофического столкновения, которое он предвидел.

Человек сильного, деятельного ума и глубокой культуры, Сан-Джулиано временами выказывал притворный цинизм, под которым в действительности скрывалась глубоко патриотическая и порой даже сентиментальная основа.

По смерти Сан-Джулиано во временное исполнение обязанностей министра иностранных дел вступил председатель совета министров Саландра, который 18 октября произнес в Консульте фразу о необходимости для Италии руководствоваться соображениями «священного эгоизма».

Как явствует из только что приведенных телеграмм Сан-Джулиано, окончательное решение Италии, не будучи еще вынесено, было уже намечено.

Ясно, что наши исторические и жизненные интересы вынуждали нас зорко присматриваться и чутко прислушиваться.

Итальянская и гарибальдийская кровь приносилась в жертву во Франции и как бы предвещала собой будущие более крупные жертвы. Наиболее видные люди и партии в Италии уже не допускали мысли об абсолютном нейтралитете: Панталеони, Коррадини и Федерцони — в «Idea Nazionale», Корридони—среди синдикалистов, Бисколати—в различных газетах, Торре и Ди Джорджио—в «Corriere della Sera», Габриэль д'Аннунцио—

последний раз 12-го числа. Его ум был ясен и остер, как всегда, но малейшее движение причиняло ему боль. „Видели,—спросил он,—последнее официальное извещение германского императора? Его величество соизволил в признание больших услуг, оказанных дому Гогенцоллернов, пожаловать дворянское достоинство Alter Deutscher Gott [старому немецкому богу], который впредь будет называться господом фон Богом". Корчась от боли, он смеясь рассказывал об этом».

в чудесной оде, звучавшей как упрек и как призыв (13 августа), написанной на французском языке и опубликованной во Франции.

Что касается «Corriere della Sera», мне впоследствии говорили, что германское посольство в Риме ввиду позиции, занятой этой крупной миланской газетой, обнаруживая полную бестактность и антидипломатическую тяжеловесность, обратилось в Консульту с вопросом, нет ли какого-либо способа «воздействовать в денежной форме» на эту газету.

Саландра, бывший уже давно в контакте и согласии с Соннино, в соответствии с переговорами, начатыми еще Сан-Джулиано, приказал (это было в период его временного руководства министерством) высадить в Валоне «санитарную миссию». Это произошло 29 октября. За этим последовала «временная» оккупация небольшого островка Сасено у входа в Валонскую бухту; оккупация эта была выполнена 30 октября десантным отрядом при поддержке одной батареи с корабля «Дандоло».

По получении телеграфного сообщения об этом в Вене с предписанием довести его до сведения австро-венгерского правительства Аварна поручил мне исполнить приказ. Я сообщил об этом Форгачу, который при этом даже бровью не повел, но мне показалось, что он проглотил ответ, не похожий на данный им вслед за тем, не без внутреннего усилия, уступчивый ответ, выражавший согласие*.

В первых числах ноября Саландра добился сотрудничества Соннино в министерстве иностранных дел. Соннино вначале сомневался, но затем решил принять важное назначение. Почти одновременно с известием об этом в итальянское посольство в Вене пришла телеграмма Саландры, вызывавшего меня в Рим по служебным делам.

Я выехал в тот же день.

Помнится, когда я отправлялся на Балльплац проститься, в числе других, с графом Форгачем, с которым мне приходилось часто соприкасаться**, он спросил меня о Соннино.

Я ответил: «Это был убежденный сторонник Тройственного союза».

«Вы говорите „был“»,—отметил Форгач.

---

* Это мое воспоминание было уже описано именно в этих выражениях, когда я ознакомился с перепиской между Саландра и Соннино, опубликованной Арриго Сольми в «Nuova Antologia» от 16 февраля 1935 г. В двух письмах Соннино, советуя занять Сасено и Валону, пишет: «Знай, что то, что не было сделано вначале, невозможно сделать после. Если сначала державы простят тебе Сасено, то после проглотят также и горный кряж» (17 сентября 1914 г.). «Чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь, что занятие Сасено и Валонской бухты должно быть произведено *немедленно, без чьего бы то ни было разрешения*... Теперь все в нерешительности, все готовы проглотить любую обиду» (26 сентября 1914 г.).

** Эти встречи были особенно приятны ввиду живого, хотя временами и резкого, ума этого человека. Помнится, однажды, когда война уже началась

Уже говорилось и писалось о том, что Соннино в начале войны высказывался в том смысле, что необходимо держаться на стороне союзников и соблюдать договор. Таковы были понятные всем чувства лойяльного человека. Но ни Соннино, ни другие, за весьма немногими исключениями, в момент предъявления ультиматума не знали о том, как Австрия обошлась с нами и что она нарушила одно из существенных условий Тройственного союза.

Вспоминается еще, что Форгач во время моего прощального визита, почти признавая преступные промахи и неоткровенное поведение австрийцев, повторил то, что он говорил мне раньше,— что болезнь Мереи в дни кризиса представляется весьма плачевным обстоятельством и что поэтому текст ультиматума Сербии был доставлен Сан-Джулиано «с опозданием»*.

Впоследствии выдвигалось мнение, что Австрия и не собиралась по этому поводу точно информировать Италию, боясь, что Италия воспротивится этому, как в 1913 г., согласно приведенному выше разоблачению Джолитти, или же, быть может, информирует об этом других.

Форгач думал также настаивать в этом случае на том, что он говорил раньше, а именно, что ввиду сербских преступных заговоров война Австро-Венгрии против Сербии является чем-то в высшей степени «оборонительным».

Я уехал из Вены, не зная, по каким причинам Саландра вызывал меня. По прибытии в Рим я отправился во дворец Браски. Саландра сказал мне, что Соннино вызывал меня для назначения начальником его кабинета.

Я тотчас же отправился к Соннино. Ни с Саландрой, ни с Соннино не было ничего сказано с точностью о ближайших намерениях Италии**; Соннино закончил беседу следующим образом: «Господи, благослови!»

Де Мартино, генеральный секретарь министерства иностранных дел, с которым я завел беседу по этому вопросу, также не высказал определенного мнения или предположений. Он ответил

и Италия объявила о своем нейтралитете, Форгач в разговоре со мной в шутливой форме и, быть может, не без намерения придать своим словам смысл политического назидания выразил сожаление об исчезновении таких приятных дипломатических резиденций, какими являлись Неаполь, Флоренция... Я не смог удержаться, чтобы не ответить ему, что я испытываю те же самые чувства по поводу исчезновения такой дипломатической резиденции, как Варшава.

* Здесь можно напомнить, что берлинская «Lokal Anzeiger», считавшаяся официозным органом, писала 22 июля следующее: «Нота, которую Австро-Венгрия отправит Сербии, была в конфиденциальном порядке сообщена Риму и Берлину. Оба союзных правительства вполне ее одобрили». Сообщение это в части, касающейся Рима, как мы видели, лишено основания: Рим ознакомился с текстом ультиматума только 24-го числа.

** Несколько лет спустя в некоторых частных письмах, отправленных Соннино лицу, к которому он питал глубокую дружбу и полное доверие, я имел случай прочесть следующее: «22 октября 1914 г... Благодарю

мне: «Я убежден, что Италия благополучно выйдет из этой войны».—«Не вступая в войну?»—спросил я его. Он продолжал сохранять сдержанность.

5 ноября я приступил к исполнению своих обязанностей. Помнится, я распорядился переменить на своем столе зеленое сукно, пришедшее в негодность. К следующему утру работа была выполнена, но зеленое сукно было заменено яркокрасным. Войдя в комнату, я был поражен этим цветом. Именно на этом сукне кровавого цвета Соннино, находясь в моем кабинете, подписал в мае заготовленную мною телеграмму, содержавшую распоряжение герцогу Аварне объявить войну Австро-Венгрии от имени итальянского короля.

Занимаемый мною пост напомнил обо мне многим, потерявшим меня из виду уже несколько лет, но одно из писем было мне особенно приятно. Во время приема итальянской колонии в Вене в день нового года я, как уже упоминал об этом, иллюстрировал циркуляр Сан-Джулиано об окончании «несамостоятельной политики» Италии. Отклоняя вопросы присутствующих, я между прочим добавил, что считаю задачей дипломатии предотвратить инциденты и устранить их последствия, если эти инциденты будут иметь место, и что помимо этой отрицательной деятельности дипломатия должна «подготовить в тиши положительные факты». Фраза эта просочилась на страницы газет. Последняя часть этой фразы была приведена в 1—2-м выпусках IX тома «Архива Верхнего Адидже» Этторе Толомеи. Среди корреспонденции, полученной мною в Риме в ноябре 1914 г., в одном из писем находился анонимный листок с вырезкой из «Архива», содержавшей эту фразу. На конверте была австрийская марка. Письмо было отправлено из деревни в округе Больцано.

вас за последнее ваше письмо и за те пожелания, которые вы делаете мне в предположении, что Саландра обратится ко мне по поводу министерства иностранных дел. Пока нет никаких намеков на это... Пока ничего нового в судьбах войны и в поведении Италии. Я считаю вероятным, что пойдут в Валону,—не могу понять, почему так медлят с этим,—но это ничего не изменит в общем положении, и дальнейшего развития событий придется, вероятно, ждать в будущем году». А под датой 25 октября я прочел: «После отправки моего письма позавчера, 23-го числа, я получил в Кверчианелла вызов из Рима и прибыл сюда сегодня ночью, вместо того чтобы отправиться во Флоренцию. Думаю, что мне удалось убедить Саландру в том, что в настоящий момент было бы ошибкой передавать принятое им на себя временное управление министерством иностранных дел и что следует отложить на будущее всякое решение. Впрочем, пусть газеты говорят, что им угодно, я не опровергаю никаких их утверждений и предположений» (ср. прим. на стр. 241).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 28 июня 1914 г. в городе Сараеве были убиты приехавшие на военные маневры наследник австро-венгерского престола Франц-Фердинанд и его жена. Сараевское убийство послужило поводом к австро-венгерскому ультиматуму Сербии и последовавшей затем первой мировой войне.

[2] *Лидо*—пляж в Венеции.

[3] *Тройственный союз* между Германией, Австро-Венгрией и Италией возник в мае 1882 г. В основе Тройственного союза лежали австро-германский союзный договор от 7 октября 1879 г., союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией от 20 мая 1882 г. 6 мая 1891 г. этот союз был возобновлен. Основными статьями этого союза были статьи 2 и 3 (они были одинаковы в договорах 1882 и 1891 гг.). Эти статьи устанавливали, что «в случае, если Италия без прямого вызова с ее стороны подвергнется под каким бы то ни было предлогом нападению Франции, обе другие договаривающиеся стороны обязаны оказать атакованной стороне помощь и содействие всеми своими силами. Такое же обязательство ляжет на Италию в случае нападения Франции на Германию без прямого вызова со стороны последней» (статья 2), и далее: «если одна или две из высоких договаривающихся сторон без прямого с их стороны вызова подвергнутся нападению и будут вовлечены в войну с двумя или несколькими великими державами, не участвующими в настоящем договоре, то casus foederis [обстоятельства, требующие исполнения договора] наступит одновременно для всех высоких договаривающихся сторон» (статья 3).

Тройственный союз был фактически нарушен в августе 1914 г. в связи с тем, что итальянское правительство отказалось вступить в войну на стороне Австро-Венгрии и Германии и объявило нейтралитет. При этом итальянское правительство указывало, что статьи 2 и 3 союзного договора неприменимы в этом случае к Италии, так как обстоятельства, предусмотренные в этих статьях, не имели места. В мае 1915 г. Италия, как известно, в результате переговоров с союзниками вступила в войну на стороне Антанты.

[4] *Балльплац*—площадь в Вене, на которой находилось здание министерства иностранных дел Австро-Венгрии. «Балльплац» называют министерство иностранных дел, так же как «Кэ д'Орсе» во Франции, «Вильгельмштрассе» в Германии и т. д.

[5] *Делегации Двуединой монархии*—две делегации, численностью в 60 человек каждая, ежегодно выбиравшиеся парламентами Австрии и Венгрии. В их компетенцию входили вопросы, касавшиеся только общих министерств, т. е. министерства иностранных дел, военного и финансов.

[6] *Конопишт*—замок, принадлежавший австро-венгерскому наследнику Францу-Фердинанду.

[7] *Германская Белая книга*. В германских Белых книгах, так же как в английских Синих, в русских Оранжевых, во французских Желтых, в итальянских Зеленых и в австрийских Красных книгах, были опубликованы дипломатические документы, касавшиеся возникновения первой мировой войны.

[8] *Аудитор*—чиновник папской канцелярии.

[9] *Нунциатура*—папская дипломатическая миссия, возглавляемая нунцием. Нунций римского папы равен по рангу послу, а легат—посланнику.

[10] Имеется в виду пребывание Жоффра в августе 1913 г. и совещание начальников русского и французского генеральных штабов.

В июне 1913 г. французское правительство выразило желание предоставить России государственный заем для реализации программы железнодорожного строительства. Условиями этого займа Франция выдвигала

требования, чтобы: 1) постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генеральным штабом, была предпринята немедленно и 2) наличные силы русской армии в мирное время были значительно увеличены. Русское правительство эти предложения приняло.

[11] *Свидание в Аббации 14—18 апреля 1914 г.*—свидание итальянского министра иностранных дел маркиза Сан-Джулиано с австро-венгерским министром иностранных дел графом Берхтольдом. Оно было связано с вопросом о посылке военных инструкторов в Албанию под предлогом сохранения ее целостности, которая находилась под угрозой в связи с начавшимся в 1913 г. движением за независимость в северном Эпире, принадлежавшем Албании. Было решено, что Австро-Венгрия и Италия пошлют по равному количеству офицеров одинакового звания, деятельность которых должна будет ограничиваться только обучением местной милиции. Окончательное утверждение этого соглашения должно было состояться после консультации с генеральными штабами Австро-Венгрии и Италии.

[12] *Лондонская конференция.* Имеется в виду конференция послов 6 великих держав (России, Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии) в Лондоне в 1913 г., во время первой и второй Балканских войн. На этой конференции 29 июля был подписан органический статут Албанского государства. По этому статуту Албания была признана автономным государством под иностранным контролем. Контроль над гражданским управлением и финансами поручался международной контрольной комиссии. Жандармерия организовывалась под руководством голландских офицеров. По постановлению конференции Албания должна была управляться европейским принцем. Таким принцем в ноябре 1913 г. был избран германский князь, принц Вид (в самом начале мировой войны бежавший из Албании). Борьба между империалистическими державами вокруг Албании не прекращалась, и в дальнейшем Италия и Австрия пытались утвердиться в Албании, а Россия и Франция всячески поддерживали претензии Сербии, Греции и Черногории.

[13] *Новобазарский санджак*—область между Сербией и Черногорией. До 1912 г. Новобазарский санджак принадлежал Турции; после первой Балканской войны он был разделен между Сербией и Черногорией. В настоящее время входит в состав Югославии.

[14] О сессии делегации в Будапеште см. прим. 5 на стр. 38.

[15] Имеется в виду союзный договор между Румынией и Австро-Венгрией, заключенный 30 октября 1883 г. и возобновлявшийся в 1892, 1896, 1902 и 1913 гг.

[16] Встреча состоялась 26 марта 1914 г.

[17] *Превентивная война*—предупредительная война. Перед 1914 г. каждая из готовившихся к войне коалиций (Тройственное согласие и Тройственный союз) помышляла о предупредительной войне, т. е. войне, начатой раньше, чем другая сторона закончит выполнение очередной программы вооружений.

[18] 1 мая 1914 г. пермский окружной суд приговорил немецких летчиков Гаазе и Николаи по обвинению в шпионаже к 6 месяцам одиночного заключения.

[19] Под сараевским кризисом автор имеет в виду внешнеполитическую обстановку, в которой происходила подготовка австро-венгерского ультиматума Сербии.

II

ФИУМЕ
В ЛОНДОНСКОМ ДОГОВОРЕ

(16 февраля — 25 апреля 1915 г.)

В своей книге «Интервенция» Саландра откровенно рассказывает, что ни Соннино, ни он не могут «снять с себя ответственность за то, что Фиуме был обойден» в тексте Лондонского договора[1].

В оправдание Саландра напоминает «о неизбежной, хотя и тяжелой необходимости» «подчинить в возможной и все же немалозначительной мере этнические и лингвистические соображения стратегическим и коммерческим критериям» и добавляет, что при переговорах по Лондонскому договору итальянскому правительству «не приходила в голову мысль о расчленении Австро-Венгерской империи и о последующем устройстве входивших в ее состав территорий».

Иными словами: хотя необходимость улучшить наше невыгодное стратегическое положение в Адриатике и требовала приобретения части островов и территорий на противоположном берегу, где бесспорно еще сохранились вековые и тысячелетние венецианские и римские традиции, все же не следовало ущемлять живущие по ту сторону Юлианских и Динарских Альп смешанные народности путем преграждения выхода к морю, если им придется остаться под владычеством Габсбургской монархии. Таковы концепции, которыми руководствовались оба государственных деятеля в своих «продолжительных беседах» по этому важному вопросу, о которых, как пишет Саландра, у него осталось «неизгладимое впечатление».

Совершенно верно, что уже во время предъявления Австро-Венгрии наших требований о компенсациях в случае соблюдения нами нейтралитета кое-кто указывал Соннино, что итальянское общественное мнение или по крайней мере националисты поставили бы ему в упрек оставление на другом берегу Адриатического моря хотя бы небольших групп итальянцев под чужой властью. Но мысль Соннино в этом вопросе была весьма ясна. Однажды, когда речь зашла об этих переговорах, я передал ему (это было в начале 1915 г.) мнение одного весьма влиятельного радикального депутата, с которым мне случайно пришлось беседовать. Депутат этот утверждал, что независимо от того, сохраним ли мы нейтралитет или вступим в войну, мы должны потребовать и получить все восточное побережье Адриатики, где, несмотря на австро-венгерскую политику систематического угнетения нацио-

нальностей, проводившуюся в течение последних 50 лет, остались очевидные следы итальянской культуры. Мы должны добиться этого, хотя бы Австрия, Венгрия, Хорватия, Сербия остались без всякого выхода к морю.

Соннино выказал себя решительным противником подобного разрешения вопроса как «антиэкономического и чреватого неразрешимыми опасными конфликтами в будущем», он считал в то время и всегда Лондонский договор необходимым и справедливым соглашением и постоянно напоминал, что популярным и всенародным лозунгом итальянских ирредентистов было: «Тренто и Триест».

Кроме Саландры и Соннино к этой же концепции склонялись такие люди, как Сан-Джулиано и Титтони, которые высказывали свои взгляды по этому вопросу в период кризиса и переговоров.

Сан-Джулиано, который еще до назначения его министром иностранных дел основательно изучил адриатическую проблему, ввиду возможности нашего вступления в войну, первоначально ограничивался требованием «Трентинской области до главного альпийского водораздела и Триеста» (11 августа 1914 г.); позднее (25 сентября 1914 г.), как на предмет наших притязаний, он указывал на итальянские провинции Австрии до главного альпийского водораздела, т. е. до естественной границы Италии. «Со стороны моря наша граница достигнет по меньшей мере Кварнеро». Но он выражал сомнение относительно «возможных наших требований в Далмации»: «следует ли нам поддерживать эти требования, если это грозит в будущем серьезными конфликтами со славянскими государствами».

Существует телеграмма от 23 марта 1915 г. нашего посла в Париже Титтони, в которой он, высказывая свою точку зрения на обсуждавшиеся в то время в Лондоне условия нашего вступления в войну, на необходимость приобретения Далмации по соображениям стратегическим и столь же неизбежный отказ по соображениям политическим и экономическим, писал: «Правда, Зара—город итальянский, но и Фиуме—итальянский, и все же мы понимаем, что не можем претендовать на Фиуме».

Помнится, что, кроме двучленной формулы «Тренто и Триест», в итальянской печати еще недавно фигурировали Фиуме и итальянцы, живущие в Фиуме. В конце марта 1914 г. Федерцони интерпеллировал министра иностранных дел Сан-Джулиано о том, какие именно меры тот намеревается предпринять в целях оказания защиты проживающим в Фиуме итальянским подданным, подвергающимся систематическим преследованиям со стороны власти, и Сан-Джулиано, ввиду предстоявшего свидания в Аббации и намеченной поездки с графом Берхтольдом в Фиуме, а также полученного им от губернатора Фиуме приглашения на завтрак, телеграфировал в Вену, что он лишен всякой возможности ехать в Фиуме (30 марта 1914 г.).

Верно также, что, не восходя ко времени Никколо Томмазео, борца за итальянское дело в Фиуме в 1861 г., можно указать, что еще в 1904 г. в Фиуме образовалось тайное общество «Молодое Фиуме», готовое на «всякую борьбу за итальянское дело в Фиуме». В 1907 г. вышла газета под тем же названием. И общество и газета организовывали ирредентистские манифестации. Общество было распущено в 1912 г., газета же была закрыта еще раньше, тем не менее пропаганда не прекращалась. Достаточно вспомнить по этому поводу

имена Рикардо Джиганте, Армандо Ходниг, Джованни Хост-Вентури, Эмилио Маркуци, Энрико Бурич, Ичилио Бачич, к которым в начале войны присоединились Чезаре Баттисти (газета «Secolo», 10 декабря 1914 г.) и триестинцы Слатапер, Сауро, Тамаро и Каприи*.

Муссолини 29 января 1915 г. поместил в «Popolo d'Italia» на видном месте письмо Джузеппе Прецциолини, в котором доказывалась необходимость перехода Фиуме к Италии. Предлагая вниманию публики этот документ, Муссолини заявлял, что разделяет изложенную в нем точку зрения больше из высказанных в нем «идейных соображений», чем «из соображений экономического порядка».

В демонстрации в Кварто 5 мая 1915 г., конечно, фигурировало обитое траурным крепом знамя ирредентистского Фиуме.

Что касается Саландры и Соннино, необходимо иметь постоянно в виду те предпосылки, которыми они руководствовались при «продолжительных переговорах», предшествовавших Лондонскому договору.

Одна из этих предпосылок, именно отказ от расчленения Австро-Венгрии, была полностью аннулирована 41 месяцем войны и 14 нашими крупными сражениями, завершившимися победой при Витторио Венето.

С другой стороны, и Лондонский договор, содержащий пункт об «отказе» от Фиуме, подвергся, с момента его подписания в 1915 г. до 1919 г., когда он должен был быть введен в действие, существенным изменениям. Я имею в виду отпадение России, аннулировавшее статью I названного договора, которой предусматривался «минимум военных сил, которые Россия должна будет использовать против Австро-Венгрии, с целью воспрепятствовать этой державе сосредоточить все свои усилия против Италии»**, и вынудившее Италию напрячь усилия в гораздо большей степени, чем это предусматривалось в договоре.

Далее. Лондонский договор, отправной точкой которого явилось определение «минимума» итальянских притязаний, уже сниженных по соглашениям, еще более урезанным в 1915 г. из-за упорных возражений русских, не мог, повидимому, получить в 1919 г. применения даже в этой минимальной мере из-за сопротивления президента Вильсона. Поэтому по соображениям внутреннего и внешнего характера в порядке равноправия и справедливости итальянское правительство выступило в Париже в защиту притязаний на Фиуме в зависимости или независимо от Лондонского договора***. Соображения эти впоследствии могут быть вновь частично рассмотрены.

---

* *Giulio Benedetti*, La pace di Fiume, Zanichelli, Bologna 1924.

** Статья I Лондонского договора гласит:

«Ст. I. Французский, великобританский, российский и итальянский генеральные штабы незамедлительно заключат военную конвенцию. Эта конвенция установит минимум военных сил, которые Россия должна будет использовать против Австрии с целью воспрепятствования этой державе сосредоточить все свои силы против Италии, в том случае, если Россия решила бы направить свои главные усилия против Германии».

*** Вполне позволительно остановиться также на том обстоятельстве, что в Лондонском договоре говорилось о передаче Фиуме Хорватии, а не Хорватии, объединенной с другими государствами. Таким образом, как это неоднократно отмечали в Париже Орландо и Соннино и как это вновь отметил

Ограничусь указанием, что еще до Витторио Венето, 18 октября 1918 г., ввиду неопределенных вильсоновских переговоров Андреа Оссоинак, единогласно избранный депутатом Фиуме, провозгласил в венгерском парламенте в Будапеште итальянский характер Фиуме «в прошлом и будущем» и требовал признания за своим городом права на самоопределение, что и было выражено в соответствии с этой декларацией внушительной народной массой в форме плебисцита 30 октября, за 4 дня до перемирия, когда итальянская армия сломила последнее сопротивление австро-венгерских войск. Ограничусь здесь упоминанием, что Фиуме дало почувствовать итальянскому правительству свою волю к воссоединению с «матерью-отчизной». Премьер Орландо немедленно же пошел этому навстречу*, и итальянские корабли «Эмануэле Филиберто» и «Стокко» прибыли в Фиуме 4 ноября. Здесь я ограничусь указанием, что взаимное тяготение Фиуме к Италии и Италии к Фиуме достигло высшего напряжения и обострения в борьбе за достижение цели—итальянское Фиуме.

* * *

Но по поводу ответственности за игнорирование вопроса о Фиуме Саландра пишет, что в тексте Лондонского договора формулировка примечания о Фиуме «не знаю почему несколько отличалась» от соответствующего текста в итальянском предложении.

Могу сообщить подробности относительно этого «почему».

Из некоторых относящихся к этому выписок из моего Дневника можно видеть, что редакция итальянского предложения, «откладывавшего до окончания войны решение Европы» касательно некоторых адриатических территорий, включая Фиуме, была в последнюю минуту и почти неожиданно радикальным образом изменена.

В новой редакции заявлялось, что адриатические территории, включая Фиуме, «будут переданы четырьмя державами» Хорватии, Сербии и Черногории**.

Шалойя с его ясным юридическим чутьем в бытность его министром иностранных дел, наши требования покоились на двух основаниях: на Лондонском договоре и на требовании Фиуме о присоединении его к Италии.

* Ср. стр. 155.

** В примечании к статье V в тексте итальянского предложения говорилось:

«Распределение, предусматриваемое в статьях IV и V, оставляет в силе до окончания войны решение Европы относительно следующих адриатических территорий:

В верхней Адриатике (равным образом в интересах Венгрии и Хорватии) все побережье от бухты Волоска на границе Истрии до северной границы Далмации, включая нынешний венгерский берег и все побережье Хорватии с портом Фиуме и меньшими портами Нови и Карлопаго, кроме островов Велья, Нервиккио, Грегорио, Голи и Арбе.

В нижней Адриатике (равным образом в интересах Сербии и Черногории) все побережье вниз от реки Наренты, включая длинную полосу, ныне предназначенную Далмации, до реки Дрины с важными портами Рагузой, Каттаро, Антивари, Дульчиньо и Сан-Джованни-ди-Медуа и острова Яклиан, Джуппана, Меццо, Каламотта. Порт Дураццо должен

Читатель увидит, что созданию вышеприведенной окончательной редакции способствовали усилия французского посла в Лондоне Поля Камбона, который превзошел даже желание, высказанное по этому вопросу русским министром иностранных дел Сазоновым.

Об этом свидетельствует информация, содержащаяся в телеграмме нашего посла в Петербурге Карлотти, прибывшая в Рим с опозданием.

Это вмешательство Камбона, выразившееся, казалось, в незначительном изменении перевода, явилось, быть может, частично его личным делом и может рассматриваться как уловка, предназначавшаяся для использования в начале переговоров.

Приводимые мной некоторые выражения нашего посла в Лондоне Империали, касающиеся ловкого, «хитрого» и к нам неблагожелательного французского посла в Лондоне, повидимому, подтверждают это предположение.

Приведу из Дневника еще несколько отрывков. Записи эти, не имея непосредственного отношения к Фиуме, дают тем не менее некоторое представление о том, в каких трудных условиях протекали лондонские переговоры, проводившиеся по распоряжению Соннино с неустанным рвением итальянским послом Империали, в то время как в Париже со скромным достоинством действовал Титтони, а в Петербурге—с утонченной проницательностью Карлотти.

Необходимо также иметь в виду, что переговоры пришлось вести в то время, когда ситуация благоприятствовала державам Согласия, которые могли проявить энергичную инициативу; действия англо-французского флота в проливах, а после их провала—подготовка высадки крупного десанта в Дарданеллах; русские победы в Карпатах, казалось, предвещали разгром австро-венгерских войск, и в момент укрепления военной мощи Австро-Венгрии—слухи о сепаратном мире с Россией, имеющем целью развязать Австро-Венгрии руки против Италии*. Такое положение вещей, казалось, не благоприятствовало дальнейшему промедлению со стороны Италии в деле заключения с державами Антанты тех соглашений, о которых в течение семи недель велись мучительные переговоры, неоднократно рисковавшие окончиться провалом.

быть передан независимому мусульманскому государству центральной Албании».

В договоре же примечание это получило следующее содержание [в подлиннике приведен французский текст]:

«Примечание. Нижеперечисленные Адриатические территории будут переданы четырьмя союзными державами Хорватии, Сербии и Черногории.

В верхней Адриатике—все побережье от бухты Волоска на границе Истрии до северной границы Далмации, включающее в себя нынешний венгерский берег и все побережье Хорватии с портом Фиуме и меньшими портами Нови и Карлопаго, равно как и острова Велья, Первикио, Грегорио, Голи и Арбе. В нижней Адриатике (в области, интересующей Сербию и Черногорию)—все побережье от мыса Планка до реки Дрины с важными портами Спалато, Рагузой, Каттаро, Антивари, Дульчинью и Сан-Джованни-ди-Медуа и острова Зирона Большая, Зирона Малая, Буа, Сольта, Брацца, Яклиан и Каламотта. Порт Дураццо должен быть передан мусульманскому независимому Албанскому государству».

* Ср. «Зеленую книгу», в которой приведены телеграммы из Ниша (10 апреля, докум. 66), из Софии (13 апреля, докум. 68), из Берлина (15 апреля, докум. 70).

Вторник, 16 февраля 1915 г.

Соннино, будучи уже убежден в том, что переговоры с Австро-Венгрией не могут привести к удовлетворительным результатам, и получив заверения от итальянского генерального штаба в том, что «к середине апреля мы сможем считать себя в военном отношении достаточно подготовленными», посылает итальянскому послу в Лондоне с курьером текст общих условий, «в случае принятия которых державами Согласия королевское правительство было бы готово поставить в зависимость от этого твердое обязательство вступить в войну на их стороне».

В документе ясно указано, что в нем мы требуем минимума уступок в нашу пользу.

Империали не должен, однако, приводить в исполнение содержащиеся в документе инструкции до получения им дальнейшего распоряжения об этом.

Соннино просит Империали ознакомиться с документом и высказать свои соображения.

Вторник, 23 февраля.

Империали телеграфировал 22-го числа, что им получена депеша от 16 февраля. В этом документе итальянские требования перечислены в 16 статьях.

. . . . *

Статья IV. По мирному договору Италия должна получить Трентинскую область и Цизальпинский Тироль до географической и естественной границы (граница Бреннер), равно как Трест, графства Горица и Градиска и всю Истрию до Кварнеро, включая Волоску, кроме того, острова Керсо, Луссин и меньшие острова Плавник, Уние, Канидольские, Сансего, Орильские, Палацуоли, Сан-Пиетро-ин-Немби, Азинелло, Грунч и соседние островки.

Статья V. Италии будут переданы также Далматинская провинция в ее нынешних административных границах с городами Трибани, Старград, Нона, Любак и Новиград на севере и простирающаяся на юг до реки Нарента и, кроме того, полуостров Сабионичелло и все острова, лежащие на севере и западе Далмации от Премуды, Сельве, Ульбо, Маон, Паго и Пантадура—на севере, до Меледы—на юге, включая Сант-Андреа, Бузи, Лисса, Лезина,

* Здесь, как и во всех тех случаях, где они приводятся, многоточия эти соответствуют выпущенным из Дневника местам, не имеющим отношения к трактуемому в данной главе предмету. Считаю необходимым сообщить об этом по той причине, что кое-кто, читая появившуюся в журнале «Nuova Antologia» первую из этих глав «Перемирие с Австро-Венгрией», ошибочно заключил, что многоточия относятся к местам, выпущенным из самого трактуемого сюжета.

Курцола, Кацца и Лагоста с соседними каменистыми островками, и, кроме того, Пелагоза...

Относительно статьи V Империали замечает следующее: «В связи со статьей V мы можем натолкнуться на некоторые трудности, объясняемые как теорией национальностей, так и возросшими в настоящее время нашими требованиями сравнительно с теми, которые предъявлялись во время предшествующих переговоров. Но, с другой стороны, очевидно, что, если серьезнейшая ответственность за вступление в войну не встречает желательного всей нации единодушного к себе отношения, необходимо в оправдание решения королевского правительства в возможно большей мере удовлетворить национальные притязания».

Соннино сегодня же ответил: «По причинам, указанным также и вашим превосходительством, следует настаивать на повышенных требованиях».

Среда, 3 марта.

С возрастающей очевидностью выясняется, что переговоры с Веной ни к чему не приведут, поэтому Соннино телеграфно инструктировал Империали дать дальнейшее движение депеше от 16 февраля.

Пятница, 5 марта.

Империали известил, что он передал Грею памятную записку с изложением наших условий. Грей пока не может высказаться по этому поводу; он обещал изучить записку и поговорить о ней с Империали раньше, чем с союзниками.

Среда, 10 марта.

Грей просил Империали навестить его и сообщил ему, что наши условия в общем кажутся ему несколько преувеличенными и значительно превышающими условия, о которых велась речь в переговорах в августе 1914 г. Тем не менее Грей, со своей стороны, не имеет никаких предварительных возражений, ибо в наших условиях он не усматривает никаких пунктов, могущих нанести ущерб британским интересам. Грей собирается поговорить об этом с союзными правительствами.

Среда, 17 марта.

Вчера Грей снова вызывал к себе Империали и говорил ему о благоприятном в общем впечатлении от наших условий, за исключением изменений: первого, касающегося протяжения требуемого нами Далматинского побережья, и второго, относящегося к конституции Албанского государства.

Пятница, 19 марта.

По сведениям Титтони, Уинстон Черчилль сказал будто бы, что англо-французский флот будет 20 апреля в Константинополе.

Воскресенье, 21 марта.

Титтони телеграфирует, что по полученным им сведениям Сазонов возражает против итальянских требований, касающихся Далмации, ибо считает, что в том случае, если австро-венгерская монархия переживет войну, она неизбежно должна пользоваться свободным выходом в Адриатику, а если когда-либо монархия будет расчленена, в таком же выходе в море будет нуждаться Хорватия.

Понедельник, 22 марта.

Грей вчера вручил Империали памятную записку в ответ на записку с перечислением наших условий. В записке Грея содержится следующее место: «По одному важному вопросу итальянские предложения, по мнению трех держав, вызывают довольно серьезные затруднения. Требования Италии относительно Далмации в соединении с предложением о нейтрализации остающейся части восточноадриатического побережья, равно как и требование о присоединении островов Кварнеро, оставляют на долю Сербии весьма ограниченные выгоды и условия выхода к морю, закрывая доступ к нему югославским провинциям».

. . . .

Грей сообщил также Империали текст телеграммы, отправленной им британским послам в Париже и Петрограде.

В этой телеграмме Грей сообщает, что он совещался с премьер-министром и несколькими своими коллегами, добавляя, что они единодушно признали, что итальянские предложения не оставляют надлежащего выхода к морю южным славянам и Сербии*.

Вторник, 23 марта.

Русские добились крупных военных успехов в Галиции. Вчера они заняли Перемышль.

Среда, 24 марта.

Карлотти имел продолжительную беседу с Сазоновым по поводу поставленных Италией условий.

Сазонов не скрыл личного своего недовольства по поводу передачи Италии Далмации до реки Наренты и Истрийских островов, равно как и по поводу нейтрализации Бокке-ди-Каттаро и черногорского побережья. По его словам, после присоединения Триеста, Полы и Валоны, Италии будет обеспечено господство в Адриатике.

---

* В Лондоне в 1915 г. и Париже в 1919 г. Соннино неоднократно указывал, что Югославия могла бы использовать длинное побережье и предназначенные ей по Лондонскому договору крупные порты в качестве надлежащего выхода к морю. Ср. между прочим речь Орландо на заседании 19 апреля 1919 г. (стр. 168).

Кроме того, он ссылался на то, что следует считаться с Сербией, «которая в героической борьбе дважды нанесла поражение Австрии, понеся жертвы, почти исчерпавшие ее силы. Она оказала значительные услуги Тройственному согласию, которое не может пренебречь ее жизненными интересами, не навлекая на себя осуждения со стороны общественного мнения Европы».

Карлотти ответил, что «одного только взгляда на карту Адриатики достаточно, чтобы убедиться в стратегической неравноценности двух побережий; этому имеется даже историческое доказательство, восходящее к временам древнего Рима, которому, несмотря на его безусловное господство на море, с трудом удавалось справляться с горстью иллирийских пиратов, скрывавшихся в лабиринте тянущихся вдоль Далмации островов и в ее извилистых гаванях; это еще лучше доказывается в наше время трудностью и неэффективностью действий союзных флотов в этих водах».

Карлотти говорит далее, что, «оставляя в стороне всем известные исторические права, Италия насаждала в этих областях культуру, сохранившуюся доныне в сознании, обычаях и языке главнейших центров, где самые здания об этом свидетельствуют. Италия должна, следовательно, считаться с сильным давлением общественного мнения страны, которое не желает предавать забвению потомков древних и прославленных пионеров ее культуры. Сербия оказала несомненно крупные услуги Тройственному согласию, но гораздо более серьезное значение имеют те услуги, которые Италия может оказать державам Согласия своим участием в войне, на что она, однако, не решится до тех пор, пока ей не будет обеспечено то положение в Адриатике, которое до сих пор у нее оспаривалось».

Пятница, 26 марта.

Империали телеграфирует, что Грей вчера вызывал его.

Грей говорил ему, что он поставил перед союзниками вопрос в следующей простой формулировке: или принять итальянские условия, или окончательно отказаться от сотрудничества Италии.

Однако на случай окончательного отказа со стороны России в вопросе о Далмации Грей придумал «решение, с одной стороны, признающее первостатейную заинтересованность Италии в обеспечении ее позиций в Адриатике и гарантирующее ее против всякой будущей опасности с чьей бы то ни было стороны, а с другой— учитывающее желание славян не оказаться замкнутыми и лишенными всякой возможности торгового и экономического развития».

Речь, таким образом, идет об оставлении Спалато Сербии, о передаче Италии Зары и Себенико с островами, необходимыми для нашей стратегической обороны, и о нейтрализации всего побережья от Спалато до Воюссы.

Империали замечает, что в вышеуказанном своем решении «Грей видимо стремился оставить открытой дверь во избежание

полного провала».—«Мы достигли наивысшей точки переговоров»,— уведомляет он. Грей заявил, кроме того, что чувствует себя нездоровым и предполагает выехать на ближайшей неделе из Лондона дней на десять*.

Суббота, 27 марта.

В прибывшей сегодня телеграмме Империали, ссылаясь на свой позавчерашний разговор с Греем, сообщил в качестве личного своего впечатления, что, как ни желательно наше сотрудничество, союзники, повидимому, предусматривали и обсуждали возможность отказа от этого сотрудничества.

Соннино телеграфирует Империали, что, если только верны полученные им сведения о том, что наши первые предложения приняты полностью или с более благоприятными для нас изменениями, он уполномочивает его уведомить Грея, что королевское правительство решило принять его компромиссное предложение с некоторыми изменениями, заключающимися в передаче Италии, кроме собственно Далматских островов, также всех Курцолапских островов, за исключением пяти из числа больших и малых островов, расположенных в непосредственной близости к порту Спалато, и в распространении нейтрализации, уже получившей одобрение Грея в отношении всего предназначенного Сербии побережья, также и на те острова, которые могут быть ей переданы.

Пятница, 2 апреля

Асквит, заменяющий отсутствующего по нездоровью Грея, пригласил вчера Империали, чтобы сообщить ему «окончательное заключение» трех держав о наших территориальных приобретениях в Далмации. Заключение формулировано следующим образом:

1. Италии передаются адриатическое побережье и прилегающие местности от северной границы Далмации до мыса Планка.
2. Италии же—острова Лисса, Бузи, Кацца, Лагоста, Пелагоза.

---

* А. Польцер-Ходиц, бывший начальником кабинета императора Карла, в своей книге «*Последний из Габсбургов*» (Mondadori, 1930, p. 260) пишет: «Напомню об одном не лишенном интереса эпизоде: 8 апреля 1915 г. верховное командование армии послало шифрованную телеграмму следующего содержания: „*В дополнение к сообщению газет о том, что английский министр Грей ушел в отпуск на несколько недель, нас весьма конфиденциально извещают из авторитетного источника, что Грей уже в течение нескольких дней неизменно находится в Берлине. Прошу министра иностранных дел немедленно информировать в совершенно конфиденциальном порядке*“. Конрад-фон-Гетцендорф заявил, что визит Грея в Берлин является достоверным фактом: он обратился к Германии с предложением о том, чтобы Кале был отдан Англии, Германия же получит Конго и эвакуирует Бельгию, за исключением одной ее части. Предложение это было отклонено Германией».

Эту невероятную историю можно присоединить к ложному утверждению, содержащемуся в письме императора Карла принцу Сикусту (см. стр. 92 и след.) относительно предложения Италии о заключении сепаратного мира.

3. Сербия—остальная часть Далматинского побережья, включая Саббиончелло, от мыса Планка до черногорской границы, прилегающими островами за исключением перечисленных в пункте 2.

4. Побережья от Зары до устья Наренты и Бокке-ди-Каттаро будут нейтрализованы.

Асквит находит, что предлагаемое решение совершенно справедливо (fair) и что поэтому провал столь желанного соглашения из-за вопроса, считавшегося им столь второстепенным в сравнении с теми большими выгодами, которые мы могли бы извлечь из соглашения в случае его заключения, явился бы подлинно преступным (criminal) делом.

Империали добавляет, что русский посол, с которым он совещался, заявил ему, что, если бы Сазонов пошел на дальнейшие уступки, он «навлек бы на себя негодование всей России».

Родд приходил сегодня сообщить Соннино предложение Асквита и оставил ему краткую памятную записку по этому поводу.

Соннино говорил ему, что не может дать окончательного ответа, так как он предварительно должен связаться с Саландрой, временно находившимся в Неаполе, но что по его личному впечатлению мы не можем пойти на дальнейшие уступки и что было бы лучше попросту прервать всякие переговоры, если три державы будут настаивать на только что предложенных поправках, еще больше урезывающих *минимум* предъявленных нами требований.

Суббота, 3 апреля.

Соннино, получив аналогичный ответ от Саландры, телеграфирует Империали, что мы не можем принять поправок, перечисленных Асквитом от имени Тройственного согласия. Он пишет: «Ваше превосходительство благоволит объяснить правительству те мотивы, в силу которых мы, к сожалению, должны, в случае если три державы будут настаивать на сохранении своих поправок, взять обратно все наши предложения, считая их несостоявшимися».

Соннино выглядит нервным, но решительным.

Воскресенье, 4 апреля.

Г. говорил мне, что приехавший из Лондона и находящийся в настоящее время в Риме Диллон утверждает, будто Грей поручил ему повести кампанию за заключение сепаратного мира с Австро-Венгрией*.

В печати в эти дни усиленнее обсуждаются далматские дела. Сазонов жалуется на тон статей в итальянских газетах, но Саландра во вчерашней телеграмме из Неаполя к Соннино обращает внимание на то, что тон этот вызывается русскими газетами, которые полагают, что все восточное побережье Адриатики является славян-

* Ср. прим. на стр. 49.

ским, и договариваются до того, что даже Триест считают славянским. В заключение Саландра пишет: «Претензия эта вынудила бы нас выступить не против, а на стороне Австрии».

Вторник, 6 апреля.

Позавчера в продолжительной и оживленной беседе с Сазоновым Карлотти настаивал на нашей точке зрения и на важном значении тех выгод, вероятно имеющих решающее значение для войны, которые могут быть достигнуты путем нашего вмешательства в войну, каковое теперь зависит от разрешения вопросов, имеющих весьма второстепенное значение для Тройственного согласия. Карлотти дал также понять, что лондонские переговоры рискуют быть прерванными или даже прекращенными в том случае, если Тройственное согласие будет настаивать на своих поправках. Но Сазонов, «горячая речь которого начинала принимать все более оживленный характер, мало способствующий плодотворному обсуждению вопроса, не скрыл, что считает наши требования преувеличенными и что, если бы он не питал лестной надежды видеть нас менее непримиримыми, он вынужден был бы оставить надежду на достижение соглашения».

Однако Карлотти из двух последующих бесед с одним крупным чиновником русского министерства иностранных дел вынес впечатление, что, если бы Сазонов счел наше сопротивление непреодолимым и не видел бы другого пути для достижения соглашения, кроме дальнейшего удовлетворения наших требований, он позволил бы вырвать у себя согласие, но что это вызвало бы в нем трудно изгладимое чувство горечи, способное отразиться на его позиции в случае других переговоров.

Среда, 7 апреля.

Асквит пригласил вчера Имперiали, чтобы заявить, что Россия согласилась вновь рассмотреть предложения, а именно: она отказывается от пункта о нейтрализации Далматинского побережья от Зары до мыса Планка, передаваемого Италии, и что он, Асквит, приложит все усилия к тому, чтобы убедить Россию оставить нам острова Курцола, Лезина и Меледа, которые мы требовали и в передаче которых нам было отказано, если мы согласимся оставить Сербии лежащий на материке Саббиончелло.

Четверг, 8 апреля.

Сонино известил телеграммой Имперiали, что он не может принять предложение Асквита, которое повело бы между прочим к нейтрализации Курцолаиских островов.

Пятница, 9 апреля.

Карлотти телеграфирует, что великий князь—верховный главнокомандующий—попрежнему считает наши требования преувеличенными.

Суббота, 10 апреля.

Асквит вызывал вчера Имперали. Он заявил ему, что находит справедливыми возражения стратегического характера, выдвигаемые Соннино против нейтрализации Курцолапских островов.

Асквит выдвигает новое предложение, относящееся к нейтрализации побережий и островов в Адриатике. Если мы согласимся исключить пункт о нейтрализации от крайнего южного предела полуострова Саббиончелло до Кастельнуово, он, Асквит, попытается добиться согласия России на отказ от нейтрализации Курцолапских островов. Однако такое решение опять-таки зависит от нашего отказа от Саббиончелло.

Среда, 14 апреля.

Соннино, ввиду того что Салапдра не считает необходимым обладание Саббиончелло, принимает по существу новое «предложение» Асквита. Со своей стороны, он требует, чтобы Италия в целях устранения возможных вопросов получила дипломатическое представительство будущего небольшого мусульманского государства Албании.

Пятница, 16 апреля.

Сазонов уведомил вчера Карлотти, что, «несмотря на жалобы и неудобства, которые возникнут в том случае, если он пожертвует сербскими интересами», он согласился принять последнее предложение Асквита с дополнениями Соннино, включая представительство будущего Албанского государства.

Сазонов, однако, дал понять, что было бы в интересах обеих сторон, чтобы военные операции проводились одновременно, пока силы Австро-Венгрии отвлечены на Карпаты, и утверждает, что он не вел бы переговоров о соглашении и тем более не уступил бы по всем пунктам, если бы не считал абсолютно обязательным условием для Италии вхождение ее в войну в конце апреля.

Суббота, 17 апреля.

Можно сказать, что в результате ежедневных утомительных, раздражающих переговоров, начатых 4 марта, договор заключен.

Как вчера телеграфировал Имперали, Грей уже дал распоряжение о подготовке французского перевода всего соглашения, для чего он обратился к французскому послу Камбону.

Соннино, следуя своему желанию сохранить абсолютную тайну, каковая, повидимому, действительно достигнута, почти вовсе избегал совещаться с послами Франции и России. Однако он иногда говорил об этом с Роддом, получившим по этому поводу инструкции из Лондона*.

---

* Реннел Родд в «Social and Diplomatic Memories» (серия 3-я) пишет о трудностях, связанных с некоторыми статьями соглашения, которые должны были причинить Имперали «бессонные ночи в Лондоне».

Соннино хотел, чтобы переговоры протекали в Лондоне, так как он вполне полагался на полное отсутствие болтливости у англичан. Но из

Понедельник, 19 апреля.

Империали получил вчера посланные ему Камбоном по поручению Грея два документа на французском языке, составляющие соглашение о нашем вхождении в войну:

1) меморандум, содержащий наши условия с признанием таковых со стороны трех держав Согласия;

2) взаимную декларацию четырех держав о незаключении сепаратного мира.

Империали усмотрел в меморандуме кое-какие неточности в переводе.

Среда, 21 апреля.

Соннино протелеграфировал Империали некоторые изменения, относящиеся к французскому тексту нашего меморандума, в части касающейся статей III, VII, VIII, IX и XIII.

Камбон посетил Империали и сказал ему, что Сазонов «в последнюю минуту выдвинул новые возражения, касающиеся деталей». Возражения эти, по мнению Камбона, совершенно незначительны, однако Камбон их не указал, за исключением вопроса о льготах, предоставленных Черногории в 1909 г.

Из «туманных речей» Камбона Империали вывел заключение, что Грей, будучи недоволен, не намеревается предлагать новых изменений, но что, с другой стороны, он не может не считаться с настоятельными возражениями Сазонова, выставляемыми через русского посла в Лондоне Бенкендорфа.

Четверг, 22 апреля.

Империали телеграфировал вчера, что Грей остался несколько недоволен, когда я ему сообщил предложенные Соннино изменения статей III, VII, VIII, IX и XIII французского текста меморандума,—изменения, являющиеся не только уточнением перевода. Грей сказал, что если мы предложим новые изменения, хотя бы и обоснованные, то опять возникнет дискуссия и подписание соглашения опять затянется, так как у него имеется уже четыре новых изменения, в высшей степени приемлемые (Империали предполагает, что изменения эти предложены Россией), ибо они не менее обоснованы, чем наши. Именно с тем, чтобы избежать дискуссии и задержек, Грей борется уже три дня.

Империали продолжает сообщать, что, «как это было угодно богу, в результате личных настояний», ему удалось убедить Грея не препятствовать введению наших изменений к статьям III, VIII, XIII, и в заключение Грей просил Империали договориться с Камбоном относительно редакции этих статей. Но с изменением статьи VII Грей не может согласиться (граница с Сербией и Гре-

---

различных, уже опубликованных в настоящее время документов видно, что в Лондоне не было недостатка в разглашении сведений о состоявшемся подписании договора с Италией.

цией). Редакция остальных статей была согласована между Империали и Камбоном в соответствии с инструкциями Соннино.

Но Камбон в конце разговора сказал Империали, что Сазонов выдвигает решительные возражения против принятия двух дополнений.

Одно из них относится к нейтрализации черногорского побережья.

. . . .

Другое касается объяснительного примечания к статье V. Названное объяснительное примечание относилось к некоторым территориям в верхней Адриатике (это было в интересах также Венгрии и Хорватии)* и в нижней Адриатике (в интересах также Сербии и Черногории).

По нашему предложению для этих адриатических территорий «решения Европы оставались неизменными до окончания войны».

В настоящее же время, согласно телеграмме Империали, названное объяснительное примечание, касающееся перечисленных в нем территорий, судьба которых подлежит решению в будущем, должно быть редактировано следующим образом: «Les territoires de l'Adriatique énoncés ci-dessous seront attribués par les Quatre Puissances à la Croatie, à la Serbie et au Monténégro» [«Нижеперечисленные адриатические территории будут переданы четырьмя державами Хорватии, Сербии и Черногории»].

Соннино телеграфирует Империали, что он согласен, со своей стороны, принять изменение объяснительного примечания к статье V при условии, если в отношении дополнения ко второму абзацу статьи V (нейтрализация) будет принята предложенная им формулировка, благодаря которой права Черногории, установленные нотами держав в апреле и мае 1909 г., оставаясь в силе, не будут, однако, распространяться на новые порты, которые могли бы быть уступлены Черногории, например Каттаро.

Суббота, 24 апреля.

Телеграммой от 23-го числа Карлотти сообщает, что, как говорил ему Сазонов, Бенкендорф передаст сторонам в момент подписания соглашения декларативную ноту с изложением точки зрения России:

1 . . . (относительно нейтрализации черногорского побережья).

2. Относительно параграфов статьи V меморандума, касающихся отсрочки до конца войны урегулирования судеб адриатического побережья и островов, не предназначаемых теперь же для передачи Италии. По поводу этого пункта «Россия, со своей стороны, считает эту часть побережья и эти острова территориями, которые должны быть распределены между Хорватией, Сербией, Черногорией и Грецией».

---

* Как указывалось на стр. 43 и 44, в список территорий верхней Адриатики, относительно которых решения оставались неизменными, был включен Фиуме.

Соннино пересылает послу Империали эту полученную сегодня информацию Карлотти, добавив следующее: «Обращаю внимание вашего превосходительства на тот факт, что в части, касающейся иллюстративного примечания к статье V, Сазонов довольствуется *декларативной нотой* с изложением его собственной точки зрения, без изменения, следовательно, первого предложенного нами текста». Соннино говорит, кроме того, Империали, что в этом первом тексте мы упоминали также о Венгрии.

Воскресенье, 25 апреля.

Во вчерашней телеграмме Империали, отвечая на вчерашнюю же телеграмму Соннино, пишет, что, по сообщению Грея, Сазонов уже несколько дней тому назад дал ему знать, что, принимая во внимание все обстоятельства, считает предпочтительным не делать отдельной декларации и сохранить текст, сообщенный Камбоном.

Империали в другой своей телеграмме, от 24-го же числа, доставленной этой же ночью, уведомляет, что, просматривая печатный экземпляр соглашения, подлежащего подписанию, он отметил, что «по ошибке» объяснительное примечание к статье V фигурировало в качестве части названной статьи, а не как отдельное примечание.

Империали телеграфирует, наконец, что Грей был бы рад, если бы соглашение было подписано сегодня.

Ввиду того что сегодня воскресенье, я говорю Соннино: «Посмотрите на англичан, они дошли до того, что жертвуют своим «week-end» [концом недели].

Соннино телеграфирует Империали, что объяснительное примечание к статье V безусловно должно быть изложено, как в нашем меморандуме, т. е. как отдельная часть, а не как часть статьи V. Вместе с этим извещением он принимает последние формулировки, выработанные в отношении статей V и VII.

. . . .

«Лишь в случае безоговорочного признания вышеуказанного условия я уполномочиваю ваше превосходительство подписать соглашение. Соннино».

За несколько часов перед тем прибыла телеграмма из Вены, в которой, резюмируя переговоры, тянувшиеся уже более четырех месяцев, Аварна, хотя и в присущем ему стиле особой осторожности, подтверждает несообразительность австро-венгерского правительства и неосуществимость нашего соглашения с Австро-Венгрией: «Хотя я старался в течение неоднократных бесед с Бурианом убедить его в необходимости безотлагательного удовлетворения наших национальных притязаний путем признания предложения вашего превосходительства, причем я обращал его внимание на серьезные последствия, которые повлек бы за собой его отказ, Буриан продолжал ограничиваться, как ваше превo-

сходительство сами могли констатировать, бесплодными спорами и, повидимому, не отдает себе отчета в истинном положении вещей у нас... Вследствие чего соглашение с Австро-Венгрией на основе формулированных вашим превосходительством предложений представляется при нынешнем положении вещей почти неосуществимым».

Понедельник, 26 апреля.

Саландра в личном письме писал Сонинно: «Предполагаю, что в результате последней телеграммы из Лондона ты телеграфировал Империали о необходимости подписать». И в заключение: «Да поможет нам бог!»

Империали телеграфирует, что условие, поставленное Сонинно относительно сепаратного примечания к статье V, было принято и соглашение было подписано сегодня в 15 часов.

Грей и его французский и русский коллеги, «особенно Камбон, были вне себя от радости».

При подписании Грей сообщил Империали полученное им только что известие о благополучной высадке союзников в Дарданеллах.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Лондонский договор* от 26 апреля 1915 г.—секретное соглашение между Англией, Россией и Францией, с одной стороны, и Италией—с другой. На основании этого договора Италия обязалась вступить в войну на стороне союзников. За это союзники обещали ей ряд компенсаций: согласно статье 4, Италия должна была получить Трентино, Цизальпинский Тироль, Триест, Горицу, Градиску, Кварнеро, включая Волоску, Истрию, Истрийские острова, Керсо, Луссин, а также ряд малых островов. Согласно статье 5, Италия получала всю провинцию Далмацию, согласно статье 6—Валону (Албания) и остров Сасено. Согласно статье 8, Италия должна была получить в полное владение Додеканезские острова, которые она занимала в момент подписания договора. Согласно статье 9, союзники признали, что в случае полного или частичного раздела Азиатской Турции Италия должна будет получить равноценную часть в средиземноморских областях, смежных с провинцией Адалией. Наконец, согласно статье 13, союзники признавали, что если они увеличат в результате войны свои колониальные владения в Африке за счет Германии, то Италия сможет потребовать «некоторые равноценные компенсации». Согласно статье 14, Англия дала обязательство облегчить немедленное заключение Италией займа в размере не менее 50 миллионов фунтов стерлингов, который должен был быть выпущен на лондонском рынке.

На Парижской мирной конференции условия Лондонского договора не были союзниками выполнены, в результате чего Италия не получила ряда обещанных ей компенсаций.

III

С МЕЖДУСОЮЗНИЧЕСКОЙ МИССИЕЙ В РОССИИ

(9 января — 3 марта 1917 г.)

Еще в ноябре 1916 г. учитывалась необходимость посылки междусоюзнической комиссии в Россию, откуда доходили очень серьезные вести.

Вначале намечались имена Асквита, Бриана и Рибо в качестве представителей Англии и Франции, но впоследствии были назначены Милнер от Англии, Думерг от Франции и Шалойя от Италии.

Комиссия должна была выехать в декабре, затем отъезд был отложен на январь, после междусоюзнического совещания в Риме (5—6—7 января), посвященного, главным образом, восточной армии и генералу Саррайлю, Греции и королю Константину, возможностям участия союзников на итальянском фронте.

По возвращении комиссии из России в Италию Шалойю, давшего несколько интервью оптимистического характера, впоследствии обвиняли в том, что он впал в полное заблуждение относительно положения в царской империи, как будто итальянский министр мог в какой бы то ни было мере содействовать «пораженчеству».

Читатель настоящих заметок увидит, что русская революция не явилась неожиданностью для итальянской миссии.

С другой стороны, даже после того как революционные события (15 марта) приняли явно серьезный характер, правительства Согласия либо строили себе иллюзии, либо же не хотели отчаиваться. Как в Риме, так и в Париже и Лондоне продолжались оптимистические торжественные публичные высказывания, о которых теперь читаешь не без горького размышления.

16 марта канцлер казначейства Бонар Лоу заявлял в палате общин: «Вся информация нашего посольства в Петрограде указывает на то, что революционное движение не стоит за мир». 19 марта Ллойд Джордж в той же палате общин заявлял: «Мы счастливы узнать, что новое правительство образовалось с явной целью продолжать войну с обновленной энергией», а 21 марта во французском сенате и палате депутатов произносились приветствия по адресу нового русского правительства. Президент сената Дюбо, к которому присоединился от имени правительства министр юстиции Вивиани, заявлял: «Русский патриотизм с обновленной энергией и дисциплиной будет оказы-

зать нам свое содействие». Аналогичные декларации были сделаны во французской палате депутатов ее президентом Дешанелем под единодушные аплодисменты, сопровождавшиеся криками: «Да здравствует Россия!»

С другой стороны, Милюков 17 марта телеграфировал представителям России за границей: «Кабинет, в котором я принял портфель министра иностранных дел, будет соблюдать уважение к международным обязательствам, принятым на себя павшим режимом, и с честью выполнит слово, данное Россией», а 20 марта повторял послам Антанты: «Единодушным стремлением нового правительства является энергичное продолжение войны в согласии с союзниками». 12 апреля Керенский заявлял: «С самого первого дня войны я повторял, что у нас победа невозможна без революции; нам остается добиться победы». Таковы были многочисленные заявления о том, что Россия будет соблюдать договоры до победы; затем идет эффективное наступление русских в июле. Только в результате германских соблазнов и новых правительственных конвульсий в России позиция ее окончательно изменилась. Однако не раньше чем за два дня до прихода большевиков к власти, председатель комиссии по иностранным делам Скобелев заявил (5 ноября) в предпарламенте в Петрограде: «Все разумные политические элементы должны явить собой сознательную часть нации, которая борется и страдает, но не станет на колени, пойдя на любой мир...»

В поезде Рим—Париж, вторник, 9 января 1917 г.

Отъезд в Лондон.

В поезде находится лорд Милнер, участвовавший на междусоюзнической конференции. За обедом он поднимает бокал за союз между Италией и Англией: «Пусть он будет вечным!»

Мне говорят, что начальник кабинета Бриана Бертело, ум и парадоксы которого всем известны, так же как патриотизм и горький цинизм, будто бы недавно провозгласил тост: «За наших будущих союзников—немцев!»

Париж, среда, 10 января.

Уволен русский премьер-министр Трепов. Замещен князем Голицыным. На Кэ д'Орсе говорят, что этот последний является неизвестной величиной.

Лондон, четверг, 11 января.

Прибыли сегодня вечером. Переехали Ламанш на английском миноносце под командой Эванса, который был товарищем Скотта в его путешествии в Антарктиду.

Нас сопровождают два миноносца. Вследствие большой скорости наш корабль оставляет за собой огромную полосу удивительно красивой белой пены.

В известный момент на палубе начинается движение. Лица у всех серьезны, напряжены, следят за какой-то точкой на море. Перископ? Проходит долгая минута. Затем все успокаиваются.

Понедельник, 15 января.

Пока неизвестно, когда уедем. В ожидании отъезда Шалойя захотел осмотреть Оксфорд. Осматриваем колледжи. В некоторых из них средневековые кельи. В университете статуя Шелли. На одном большом здании читаю надпись о Сесиле Родсе, участие которого было столь велико в завоевании золотоносной и алмазоносной Южной Африки. Вечером—обед в одном из колледжей. Сижу рядом с женой ректора, которого здесь называют Prevost. «Как, должно быть, для вас печально воевать против таких благородных людей, как австрийцы!»—говорит она мне. Я объясняю ей, что Австрия состоит не только из благородных отпрысков какого-либо рода, с которыми она могла познакомиться в Оксфорде, но что в Италии, в особенности в Ломбардии, об австрийском владычестве и хорватской солдатчине сохраняются несколько иные воспоминания.

Вторник, 16 января.

Визит в министерство иностранных дел. Сырость, полутьма. Бальфур принимает нас около большого горевшего камина. Он говорит мне: «Если Соннино приедет в Лондон, мы сочтем это за большую честь. Это будет иметь большое значение».

Я знаю, что Соннино, очень раздраженный состоявшимся без его ведома соглашением, после нашего вступления в войну, между англичанами и французами относительно Малой Азии (соглашение Сайкс—Пико), о чем случайно до нас дошла весть из Капра через посредство Сальваго Раджи, не имеет никакого намерения приехать в Лондон и, как он говорит, «провести губкой» по этому акту, который он сурово осуждает и считает нелояльным.

Пятница, 19 января.

Итальянская делегация, которая с французской и английской делегациями отправляется в Петроград, состоит из Шалойи со своим секретарем проф. Галанте и мной, генерала Руджери-Ладерки с майором Каваллеро и поручиком Магрини. Во французскую делегацию входят бывший председатель совета министров Думерг, Каммерер от министерства иностранных дел, героический защитник Вердена генерал Кастельно и другие; английская делегация состоит из лорда Милнера, Клерка от министерства иностранных дел, генерала Генри Вильсона и многочисленных финансовых и военных экспертов.

Из предосторожности, а также ввиду недавней гибели Китченера, не было разрешено публиковать никаких известий о нашей поездке. Более того, был пущен слух, что мы являемся членами миссии, направляющейся в Америку в финансовых целях. Нам неизвестно место нашей высадки. Садимся в поезд на станции Эустон в 21 час 30 минут.

Незадолго до отъезда слышим сильные взрывы. Мы невольно думаем о цеппелине. Нам сказали после, что взорвался склад военного снаряжения: более 40 убитых и 100 раненых.

Суббота, 20 января.

Прибываем в Обан. Садимся на «Кильдонан Касл» — торговый пароход, совершавший рейсы в Южную Африку и теперь переделанный во вспомогательный крейсер с весельо 150-миллиметровыми пушками, кроме орудий меньшего калибра. По всей палубе разбросаны кучи амуниции; у орудий непрерывно дежурят люди.

Нас эскортируют два миноносца.

Английский флот приложит все усилия, чтобы обеспечить нам безопасный переезд. Торпедирование миссии держав Согласия явилось бы прекрасным успехом для немцев.

В Норвегию, как об этом ходили слухи, мы не поедем, а выгрузимся в Романове, в Кольском заливе.

Воскресенье, 21 января.

Сопровождавшие нас миноносцы были заменены крейсером «Герцог Эдинбургский». Он идет впереди нас на расстоянии нескольких сот метров.

Беседа с лордом Милнером. Его беспокоит Россия: «Россия на краю пропасти». Думерг, человек гуманистической культуры, взял с собой «Кандида» Вольтера и читает нам отрывки из него.

Понедельник, 22 января.

Я был разбужен звуками сигнального колокола. Один из моряков говорит мне: «Замечен неприятельский корабль. Сбор в курительном зале». Выхожу. Вижу, как Шалойя поднимается по лесенке, держа в руках костюм, который мы купили в Лондоне на случай катастрофы и который, надев, следует надуть. Он совершенно спокоен, не думал даже надевать его и держит его в сложенном виде в руках. Добрый Галанте, наоборот, надел костюм, едва мы сели на корабль, и уж больше не снимал его ни днем, ни ночью.

Поднимаемся на палубу.

Говорят, что это была «пробная» тревога.

Отправляясь ко сну, мы вновь находим на столике около постели «Инструкции на случай торпедирования».

Беседы с Клерком о целях миссии и позиции союзников по отношению к России. По мнению английского министерства иностранных дел, необходимо воспользоваться этой поездкой, с тем чтобы приехавшие в Россию союзные министры со всей тактичностью вновь повели с царем речь в том смысле, в каком английский посол Бьюкенен уже обращался к нему в связи с вопросом о внутреннем положении[1]. Междусоюзническая миссия, и в особенности военная ее часть, должна также выяснить, использовала

ли Россия и в какой мере присланный ей военный материал. Из 300 орудий крупного калибра, посланных Англией в июле 1916 г., и из числа других, посланных до прошлого октября, лишь 156 доставлены до настоящего времени на фронт.

Совещание трех глав миссий у Милнера. Милнер сообщил в конфиденциальнейшем порядке телеграмму Бьюкенена, весьма пессимистическую, от 12-го числа текущего месяца.

Бьюкенен сообщает между прочим, что он говорил царю о том, что общее наступление союзников ближайшей весной будет зависеть от успеха конференции, на которую мы направляемся.

Путешествие наше полно опасностей, а почтенные персоны, отправившиеся в эту поездку, не собирались рисковать жизнью из-за пустяков.

По мнению Бьюкенена, положение России далеко не благополучно. Народ и царь были единодушны в своем отношении к войне, не в пример людям, которые должны ее вести. Они создавали барьер между народом и царем. Русское правительство должно быть составлено из мужественных и твердых людей, способных привести Россию к победе.

Когда Бьюкенен указал царю на опасность революции, последний ответил ему, что об этом много говорят, но что этого всерьез принимать не следует.

Вторник, 23 января.

Получено по радио известие о послании президента Вильсона, высказывающегося за «мир без победы». Думерг, говоря о послании, отмечает заключающиеся в нем нелогичности; он считает, что послание это «наводит скуку» и что нам следует действовать, и действовать быстро.

«Герцог Эдинбургский» покидает нас. Английский крейсер идет нам навстречу из Колы. Мы надеемся прибыть завтра утром. Генерал Вильсон говорит: «Будем надеяться, что русские сумеют благополучно провести нас в порт среди своих мин». Долго беседую с генералом Руджери, который восхваляет высокие качества и доблесть итальянского солдата.

Я узнаю, что превосходная устойчивость нашего транспорта объясняется тем, что трюм заполнен солидным грузом пушек и военного снаряжения.

Среда, 24 января.

Прибываем в Колу с рассветом. В заливе несколько легких судов. Всюду снег. Тюлени.

Английский офицер, прибывший из Петрограда в поезде, который должен везти нас дальше, говорит, что он тащился пять дней, делая меньше девяти миль в час. Ехать придется в скверных условиях, так как в поезде мало вагонов. Второй поезд, который должен быть предоставлен в наше распоряжение, еще не прибыл. Устраиваемся, как можем, и отбываем около 17 часов.

Отвратительные толчки.

На первой станции обмен визитов глав миссий с великим князем Кириллом, который предупреждает, что дальше проезд будет еще труднее, в особенности на центральном отрезке дороги, проложенном по болотистой местности.

Четверг, 25 января.

Встречаемся с поездом, который должен был прибыть к нам вчера. С этим поездом прибыл генерал Ностиц; он передает нам привет от имени русского правительства. С ним находится Волконский из министерства иностранных дел, бывший первым секретарем русского посольства в Вене. Он рассказывает Шалойе в присутствии французов и англичан о моем поведении в Вене в августе 1914 г., когда я, будучи поверенным в делах Италии, отправился, уже после объявления о нашем нейтралитете, на вокзал официально проститься с русским послом, покидавшим Вену в связи с объявлением войны Австро-Венгрией*. По его словам, русским очень понравился этот жест.

Пятница, 26 января.

Железная дорога действительно плоха. Она тянется почти на тысячу верст по неровной местности; движение поезда сопровождается страшными толчками. Дорога была построена в течение 20 месяцев, чтобы связать Россию с незамерзающим морем через Колу, особенно с целью получения военных материалов в период, когда замерзает Архангельский порт.

Дорога построена в большей своей части с огромными трудностями руками немецких военнопленных. «Сколько погибших немцев,—говорит мне кто-то,—сколько костей рослых померанских солдат представляет собой каждая верста!» Вдоль железнодорожной линии, среди снега, елей и берез, покрывающих необозримые пространства, мы видим около небольших домов или деревянных хижин исхудалые лица русских крестьян и австрийских и германских пленных, работающих небольшими группами в пять-шесть человек.

Суббота, 27 января.

Продолжается медленное, сопровождаемое толчками движение поезда. Теперь еда стала обильной, даже слишком обильной. Сибирская дичь: перепела, куропатки величиной с цыпленка, огромные волжские рыбы, не очень вкусные; Думерг с сожалением восклицает: «Oh! une petite sole, un petit rouget de la Méditerranée!» [«sole» и «rouget»—распространенные во Франции рыбные блюда].

Вдоль железнодорожного пути тянутся снежные холмы. Кажется, будто в этих холмах схоронены военное снаряжение и пушки, отправленные державами Согласия и еще не прибывшие на фронт.

* Ср. стр. 24.

Встречаемся с воинским поездом. Пожилые солдаты в поношенной и полинялой форме. Большинство помещается в вагонах для скота. С любопытством разглядывают нас. Я вижу два голубых глаза со стеклянным, непроницаемым взглядом, полные выражения испуга, ошеломления и еще чего-то мистического.

Прибываем с большим опозданием в Кемь; короткая остановка. Непродолжительная поездка на санях в оленьей упряжке. Наши легкие в чистом воздухе обмываются, как в ванне. Отвратительное впечатление при возвращении вызывает тяжелый, спертый воздух вагонов с двойными окнами, заклеенными бумажными полосами.

Воскресенье, 28 января.

Остановка в Петрозаводске.

Визит к губернатору, посещение музеев, церквей. В одной из них происходит церемония бракосочетания. Чтобы нам удобнее было смотреть, церемония прерывается.

При выходе сопровождающий нас генерал Ностиц прикладывается, как верующие русские, к дюжине икон. По улицам за двойными стеклами окон низеньких домов видно множество гиацинтов в полном цвету. Несмотря на снег и жестокий холод, мы встречаем на улицах женщин, одетых по моде, как в Париже или Риме: короткие платья, прозрачные чулки.

Петроград, понедельник, 29 января.

Приезжаем по расписанию в 10 часов в Петроград. На станции огромная толпа, среди которой министр иностранных дел Покровский, военный министр Беляев, министр финансов Барк. Присутствие министра финансов знаменательно. Присутствуют также союзные послы, среди них Карлотти и многочисленные итальянские секретари и офицеры, одетые, подобно московитам, в большие шубы и меховые шапки. Отбываем в придворных экипажах и автомобилях. Предоставленная мне на все время нашего пребывания в Петрограде карета сделана из дорогого дерева, которое издает сильный запах. Миссии следуют в [латинском] алфавитном порядке: Франция, Великобритания, Италия. Останавливаемся в «Европейской гостинице», целиком или почти целиком предоставленной миссиям; каждая из них занимает по этажу.

Завтракаем вместе в общей зале, каждая миссия за отдельным столом. Нас около 60 человек.

В 15 часов отправляемся в министерство иностранных дел. Покровский, полный, сильный мужчина средних лет, не имеет ни аристократического вида, ни претензий на аристократизм, но производит впечатление честного, простого, весьма добродушного человека, не без утонченности. Мы находим там вместе с Карлотти французского и английского послов Палеолога и Бьюкенена. Решено, что миссии образуют для обсуждения отдельных вопросов различные подкомиссии—политическую, военную, экономическую.

Затем визит в военное министерство. Министр говорит нам о трудностях, испытываемых транспортом. Материалы, отправленные в прошлом году Англией, когда Архангельский порт был еще покрыт льдами, все еще находятся в Сибири, во Владивостоке. Жалойя, приступив немедленно к тому, что, повидимому, составляло одну из главнейших целей миссии, говорит о необходимости интенсификации войны. Министр отвечает, что победоносный мир предпочтительнее поспешно заключенного мира.

Ту же концепцию разделяют временный начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Гурко, к которому отправляются порознь и вместе трое глав миссий. Гурко говорит: «Мы не должны спешить. Войну мы выиграем, это несомненно; неважно, произойдет ли это через год или через месяц».

В соответствии с этим своим взглядом Гурко настаивает на необходимости крупных поставок артиллерии, снаряжения и в особенности денег. Милнер и Думерг выказали при этом некоторую холодность.

Гурко предлагает, чтобы в междусоюзнических совещаниях участвовал румынский премьер-министр Братиану, принимая во внимание также и то обстоятельство, что в Румынии имеются враждебные ему сильные германофильские течения.

Предложение отклоняется ввиду существующих норм участия малых государств на прошлых конференциях, а также для того, чтобы не создавать прецедентов на случай будущих конференций. Однако усматриваются, что Братиану следует оказать всяческое внимание, чтобы показать ему, какое важное значение приписывается государствами—участниками конференции ему и Румынии.

Вторник, 30 января.

По мнению Альбертини, находящегося с некоторых пор здесь в военной миссии, но в качестве журналиста-наблюдателя, русское правительство за эти последние годы войны становилось все более консервативным и реакционным. Альбертини пространно рассказывает мне о деле Распутина, о его смерти, происшедшей в декабре. Альбертини говорит мне также о настойчивых предсказаниях близкой революции.

Побывал в музее Эрмитажа. Осматривал итальянцев и Рембрандта. Только из-за них стоило бы совершить путешествие в Петроград. Особенно сильное впечатление производит «Возвращение блудного сына». Он имеет почти животный вид нищего, перенесшего голод, жажду и болезни, он преклоняет колено, подобно усталому, хотя еще сильному животному, перед исхудалым и слепым отцом, который, кажется, не столько ласкает, как ощупывает его руками, чтобы лучше распознать. Почти чувствуешь запах покрывающей его грязи, как в некоторых повестях Горького. Он весь отдается раскаянию; отец проникнут чувством нежности ко вновь обретенному сыну.

Визит к Карлотти. Он дает нам краткий и интересный обзор положения в России, говоря в особенности о внутреннем положении, осью которого является национальность императрицы, порождающая подозрения и ненависть. Царь, превосходный человек, слабохарактерен и подвержен, как говорят, даже чувственному влиянию императрицы. Карлотти верит в возможность дворцовых переворотов и убийств, но он оптимистично настроен относительно войны и верит в эффективность «русского компрессорного вала». Русские до настоящего времени мобилизовали не то 15 не то 17 миллионов человек.

Затем я беседую с глазу на глаз о том же предмете с советником итальянского посольства Нани Мочениго, который, наоборот, настроен очень пессимистически. Подтверждая то, о чем он мне уже писал в середине прошлого года, он говорит в заключение: «Я полагаю, что бесполезно возлагать какие-либо надежды или рассчитывать в дальнейшем на эту страну в смысле войны».

Другой секретарь посольства говорит мне: «Быть может, сам посол не так оптимистичен, каким он желает казаться в телеграммах министерству иностранных дел, но он полагает, что это его долг также и перед Римом».

Вечером на приеме в министерстве иностранных дел я обмениваюсь несколькими словами с Сазоновым. Он очень сдержан. Я дважды заговариваю о Соннино, но Сазонов продолжает сохранять сдержанность и почти не отвечает. Перевожу разговор на его пребывание в Италии, где он провел на дипломатической службе много лет. Никакого ответа. Я ссылаюсь на разговор между Сан-Джулиано и графом Витте, происходивший в первые дни войны, по вопросу о последствиях и тех глубоких социально-экономических изменениях, которые вызовет в различных странах эта беспримерная по размаху и продолжительности война. Вновь молчание. Быть может, он продолжает испытывать скорее досаду, чем признательность к Италии, вспоминая о переговорах, предшествовавших нашему вступлению в войну. Я говорю ему о порте Романове, восхваляя его достоинства. Он спрашивает, чья это заслуга: природы или людей. Сазонов представляется человеком воли и большой энергии, сквозь которую, однако, проглядывает упадок духа и разочарование, быть может, более личного, чем общественного характера. Он, повидимому, полагает, что наиболее эффективным мероприятием держав Согласия явится блокада. «Когда по утрам мне приносят,—говорит он,—мой утренний завтрак с превосходным молоком, хлебом и маслом, я с удовлетворением думаю о том, что немецкие министры не в состоянии получить всего этого»*.

Прежде чем отправиться на прием, Шалойя поручил мне соста-

* В начале мирной конференции рассматривался вопрос о представительстве России. По поводу назначения Сазонова Ллойд Джордж заметил,

вить для него речь на тот случай, если ему придется выступить. «Составьте ее на французском языке, с которым я мало знаком». Он одобряет составленную мною речь. После окончания речей Милнера и Думерга выступает Шалойя. Он произносит речь по-своему, на отличном французском языке, которым он владеет в совершенстве (его мать была француженка). Затем, уходя, я говорю ему: «Мне кажется, что совершенно не нужно было готовить для вас речь». Шалойя ответил с присущей ему тонкой иронией: «Ваша речь подходит ко всякому случаю. Позаботьтесь, чтобы я носил ее постоянно при себе, отправляясь на какое-либо официальное собрание, где мне пришлось бы выступать!»

Русский морской офицер уведомляет меня, что в Кольском заливе через день после нашего прибытия была обнаружена немецкая подводная лодка. На следующий день после отъезда из Обана, кажется, также были найдены немецкие мины невдалеке от того места, где стоял на якоре «Кильдонан Касл».

Среда, 31 января.

Все миссии сегодня утром были приняты царем в Царском Селе.

Идет снег. По всему великолепному парку, покрытому белоснежной пеленой, неподвижно стоят часовые, подобно белым статуям, под обильно падающим снегом. Внутри дворца в жарко натопленных приемных встречается множество людей исполинского роста, одетых в форму XVIII века. Одежда дополняется огромными тюрбанами, украшенными цветными султанами.

Входит царь.

Рослый телохранитель стоит в дверях, откуда вышел царь, ни на минуту не теряя его из виду.

Мы представляемся царю. Он беседует с каждым из нас. Мне он говорит: «Я разве не был с вами знаком?»—«Нет, государь».—«У вас не было брата, похожего на вас?»—«Нет, государь!»—«Вы прибыли сюда на дипломатическую или на экономическую конференцию?»—«Дипломатическую, государь».—«В каких столицах вы бывали?»—«Последний раз—в Вене, где я был советником посольства». Царь подчеркнуто, как бы придавая своим словам особое значение, говорит: «Я не был в Вене уже 13 лет».

Тот же ровный и сердечный характер носит разговор царя и с другими присутствующими на приеме.

Он одет в очень простую военную форму блеклого цвета, выделяющуюся среди ярких, расшитых золотом и украшениями одежд

что люди вроде Сазонова не могут считаться беспристрастными. «От Сазонова можно было бы добыть сведения относительно настроений, царящих в России, подобно тому как от газеты „New Jork Times"—о точке зрения президента Рузвельта»,—и предложил выслушать Сазонова и других русских не в качестве делегатов, а как информаторов различных правительств в России.

его свиты. Он мне напоминает Абдул-Гамида в простой серой феске на фоне сверкающих золотом и красками одежд его министров, генералов и улемов на селямлике или на празднике байрама[2]. Он производит впечатление простоты, мягкости и почти робости.

Рукой часто дотрагивается до сабли.

Дольше всех царь беседует с Думергом. Бывший председатель французского совета министров говорит много, и ему не без труда удается побороть свой южный темперамент: ему хочется, повидимому, жестикулировать, но он удерживает свои руки в почтительном положении.

Фотографируемся вместе с царем.

Министр иностранных дел занимает скромное место, стоя сбоку.

Мне говорили, что многие из высокопоставленных русских носят немецкие фамилии: Фредерикс, Бенкендорф, Грюнвальд, Мейендорф, Корф. Это характерно. Рассказывают, что один русский крестьянин, которому удалось несколько недель тому назад издали увидеть царя, находившегося невдалеке от его деревни, услышав имена лиц, сопровождавших царя, произнес будто бы: «Благодарю тебя, господи, что привелось мне, наконец, видеть нашего батюшку-царя со всеми немецкими генералами, которых он забрал в плен».

В военную подкомиссию русские предъявили список необходимых им военных материалов: 10 тысяч пушек, из коих 2 500— крупного калибра.

Четверг, 1 февраля.

Днем состоялось первое пленарное заседание в здании государственного совета. В одной из зал помещается великолепное полотно Ильи Репина с изображением государственного совета. Энергичные лица и положения, свидетельствующие о русской мощи.

Речи Миллера и Думерга при открытии конференции. Шалойя говорит о необходимости немедленного согласованного мощного наступления. Италия напрягла все силы и будет готова к наступлению ближайшей весной.

Покровский зачитывает программу работ конференции. Программа эта обнимает многочисленные вопросы и проблемы, касающиеся нынешнего международного положения. Слишком многочисленные.

Обед в посольстве. За обедом узнаем о решении германского правительства усилить подводную войну.

За обедом присутствует великий князь Николай Михайлович. Высокий, изящный, великолепный представитель человеческой расы. Прямой, уверенный взгляд с примесью чего-то варварского. Мне вспоминается секретарь германского посольства в Риме, который осенью 1914 г., в момент большого сражения между немцами и русскими, говоря мне о внешности, в некотором роде сверхчеловеческой, некоторых русских великих князей, выска-

зал свое восхищение прусского юнкера, не лишенное дипломатической насмешки над генералиссимусом Николаем Николаевичем: «Вот это человек! Вот это генерал! Он, ни минуты не колеблясь, посылает на смерть сотни тысяч солдат ради... спасения Франции!»

Другой интересный тип—наш посол, происходящий из хорошей старинной вероиской семьи. В конце обеда он произносит речь, дипломатически безукоризненную, с гуманистическим привкусом. Он читает ее с силой и достоинством. Лицом и своим поведением он обнаруживает несомненное сходство со старшим из рода Скалигерн.

Пятница, 2 февраля.

Братиану нанес визит Шалойе. Он выражал сожаление о том, что не был допущен к участию в конференции. Согласно условиям пакта, заключенного с союзниками в момент вступления Румынии в войну, она имела право быть допущенной к участию в работах конференции, так как она должна была быть на равной ноге с союзными державами. Братиану желал, чтобы итало-румынские отношения еще более укрепились на практике, считая, что у нас имеются тождественные интересы на Балканах.

На сегодняшнем совещании Гурко выказывает себя человеком волевым и властным. Он вновь касается своего взгляда на войну, которая, по его мысли, будет выиграна, неважно в какой срок. Но в отношении Греции, по его мнению, следует принять быстрое решение: «Le temps se paye avec le sang» [промедление оплачивается кровью]. Говорится о снабжении Греции и об ослаблении блокады, в случае если Греция изменит свою позицию. По мнению Думерга и Миллера, генералу Саррайлю следует предоставить более широкие полномочия. Продолжительная дискуссия оканчивается предложением Шалойи об оставлении в силе недавнего римского решения по данному вопросу. Было решено вновь рассмотреть этот вопрос завтра после вынесения решений стратегического порядка военной комиссией.

Вечером на приеме в частном доме один из приглашенных представляется мне, называя свое имя, которое я не смог разобрать как следует. «Это—министр внутренних дел Протопопов,—сказал мне кто-то.—Быть может, наиболее могущественный и ненавистный в настоящее время в России человек».

Хотя царь назначил его министром, пригласив его из Думы, желая пойти навстречу либеральным течениям[3], Протопопов, придя к власти, приобрел славу решительного реакционера. Однако у многих он находится на подозрении. Если это и не наиболее ненавистный человек, то это человек, о котором сегодня в России больше всего говорят. Ходят слухи, что он готовит уличные восстания под предлогом продовольственных затруднений; по мнению некоторых, это делается с целью вызвать революцию, другие полагают, что это следует приписать его желанию оправдать реакцию.

Живые, почти лихорадочно горящие глаза, жесты порой почти женственные, движения порой быстрые, порой же как бы связанные, как если бы на его ногах были надеты кандалы.

Кажется, у него прогрессивный паралич.

На меня он производит впечатление необычайно нервного человека, легко возбудимого, впечатлительного, опасного.

Через минуту я вновь встречаюсь с ним. Он напоминает мне об одной своей поездке в Италию, сожалеет о «прошедших временах».

Суббота, 3 февраля.

Ввиду отсутствия Думерга, бывшего на аудиенции у царя, политическое совещание не состоялось и было отложено на понедельник.

За завтраком русский военный оркестр исполнял неаполитанские песенки. Шалойя заметил, что этим песням требуется тепло и море: «В их звуках должен чувствоваться морской ветерок».

На дворе 33° мороза.

Сегодня вечером—обед в Царском Селе. Императрица отсутствует, поэтому за столом одни мужчины. Я сижу между министром общественных работ и генералом, который когда-то был военным атташе в Вене. С первым из них я говорю о транспорте и о возможном проведении железной дороги между Сибирью и Колой; второй полагает, что мир не будет заключен раньше 1918 г. Он рассказывает мне о траншеях, где солдаты уже настолько привыкли к близости неприятеля, что зажигают огонь для согревания пищи, не заботясь о том, что неприятель может их обнаружить. За столом—царь и великий князь Сергей. За императором стоят трое дюжих телохранителей. Царь зачитывает тост робким и неуверенным голосом, затем тотчас же заводит разговор с Карлотти, сидящим по левую руку от него. Мне говорили, что английский посол, сидевший справа от царя, был несколько обеспокоен поведением царя, которого не видел со времени последней аудиенции, по окончании которой царь холодно с ним простился.

После обеда царь любезно и скромно беседует с гостями, задерживаясь с менее важными лицами, среди которых он дольше всего беседует с одним из секретарей Думерга, который никак не ожидал такой чести. Кажется, что царь не решается с ним расстаться.

Первые делегаты были приняты в другой зале царицей, которая по «состоянию здоровья» не участвовала в обеде. С Шалойей она говорит о Канонике, изваявшем бюст царевича. Шалойя находит ее типичной немкой. Мне рассказывают, что, беседуя недавно с одним итальянцем, она сказала ему: «Но итальянцы — народ артистов, музыкантов, поэтов, неужели они не устали от этой долгой войны?»

Воскресенье, 4 февраля.

Шалойя был принят в частной аудиенции царем. Были затронуты различные вопросы, в частности вопросы, касающиеся изве-

стных выдвинутых Англией советов, а также существа и формы кабинетов в различных странах. Шалойя заметил, что в Италии функционирует «национальный» кабинет. В Англии диктатуре Ллойд Джорджа придана форма кабинета из пяти членов. Царь, повидимому, полагает, что нынешнее русское правительство представляет собой нечто, соответствующее именно такому «национальному» кабинету. Разговор коснулся интенсификации немцами подводной войны и возможности вступления в войну Соединенных штатов. Царь рассказывает Шалойе, что император Вильгельм говорил ему о подводных лодках, как о предмете научных изысканий специалистов, но в практическое применение их не верил.

Днем—заседание политической комиссии. Покровский предлагает образовать постоянный комитет делегатов союзных правительств для непосредственного и быстрейшего разрешения вопросов, касающихся Греции, имея при этом в виду затруднения, создаваемые особым темпераментом и поведением различных дипломатических представителей Согласия в Афинах.

Думерг, Милнер и Шалойя отмечают нецелесообразность создания специального органа по греческим делам.

Думерг предлагает в развитие предложения Покровского учредить постоянный комитет делегатов союзников для быстрейшего разрешения всех политических и военных вопросов, интересующих союзников, с правом непосредственного вынесения решений.

Шалойя обращает внимание на существующие серьезнейшие возражения против этого предложения, которое практически свелось бы к созданию нового промежуточного органа, ввиду того что невозможно, чтобы правительства облекли будущих членов этого кабинета теми правами, которые принадлежат кабинету в целом и которых не могут иметь в отдельности сами премьер-министры.

Было решено отложить на конец конференции дискуссию по этому предмету, важность которого признавалась всеми.

Покровский, возвращаясь к вопросу о дипломатических представителях Согласия в Афинах и изложив расхождения в их точках зрения, вносит предложение о коллективной их замене. Конференция находит, что эта мера выходит за пределы ее компетенции, но принимает решение, в силу которого правительствам рекомендуется предписать отдельным представителям в Афинах проводить более тесный контакт и взаимное сотрудничество.

Затем рассмотрению был подвергнут вопрос о сербских военнопленных и было сообщено желание сербского правительства отправить в Италию свои комиссии для набора сербов среди австрийских военнопленных.

Шалойя связал этот вопрос с вопросом о военнопленных итальянской национальности, находящихся в настоящее время в России и, подобно сербам, вошедших в состав австро-венгерской армии.

Конференция ограничилась решением рекомендовать этот

вопрос вниманию правительств с целью облегчения выполнения желания сербов и русских.

Подобный же вопрос был поставлен о военнопленных чешской национальности и аналогично разрешен.

Объявлено о разрыве дипломатических отношений между Соединенными штатами и Германией[4]. Все отмечают важное значение этого события, убежденные в том, что оно является первым шагом ко вступлению в войну Соединенных штатов. Однако кое-кто из русских скептически относится к эффективности участия в войне Соединенных штатов.

Днем состоялся прием, устроенный в нашу честь Думой во дворце, подаренном Екатериной II Потемкину. Недовольство царем и нынешним правительством высказывают гораздо свободнее, чем я мог бы себе представить.

Среди депутатов—много священников.

В театре—прощальный спектакль русской балерины. Кажется, будто присутствуешь на официальной церемонии. Зачитываются многочисленные поздравления; множество подношений, среди которых одно от царя. Каждый из ораторов по окончании своей речи целует руку чествуемой.

Понедельник, 5 февраля.

Вчера вечером Протопопов дал обед в честь итальянской торговой комиссии. В разговоре с Шалойей и Карлотти Протопопов упомянул о сомнениях некоторых иностранных делегатов насчет внутреннего положения в России. Он заявил, что не считает вероятной возможность беспорядков в России, но что во всяком случае страна и армия хотят довести войну до победного конца и что внутреннее положение не может помешать достижению этой цели.

Ходят настойчивые слухи о том, что Протопопов, возможно, попытается добиться от царя роспуска Думы и назначения новых выборов.

Сегодня не было заседаний за отсутствием некоторых делегатов, занятых в других местах. Французская делегация, повидимому, развивает особенную активность.

Наш полковник Марсенго, прибывший из Ставки, говорит мне о недовольстве против царя и двора. Имеются сомнения относительно верности гвардейских корпусов в Царском Селе; предвидится возможность убийств, подобно тому как это имело место в Белграде[5]. Русские солдаты и офицеры героически идут на смерть, но нехватает артиллерии. Железнодорожный транспорт находится в неудовлетворительном состоянии. В России столько же салон-вагонов, сколько и вагонов третьего класса (?).

Обед в военном министерстве. Сижу рядом с начальником авиации; он говорит мне о недостатке бензина для самолетов и о возможных его суррогатах.

Вторник, 6 февраля.

В 15 часов—заседание конференции. Впечатление неорганизованной и малоплодотворной работы.

Генерал Кастельно в весьма красноречивых, хотя и несколько сентиментальных, выражениях спрашивает, не следует ли ввиду испытываемых Антантой затруднений обратиться к «чувству чести» союзной Японии и пригласить ее принять более деятельное участие в войне.

Сазонов заявляет, что об этом Япония была запрошена уже 18 месяцев назад, на что последовал категорический отказ. Сазонов замечает, что японцы не хотят, чтобы их подозревали в корыстолюбии; он говорит также о том, что у них нет собственных территорий, которые нуждались бы в защите. Впрочем, участие Японии привело бы к постановке вопроса о компенсации. Быть может, вступление в войну Соединенных штатов явится обстоятельством, способным привести к изменению этого положения.

Милнер, следуя совету, полученному им сегодня от Шалойи, спрашивает, принималось ли во внимание при обсуждении вопроса о выборе места для развертывания ближайшего наступления то обстоятельство, что было бы целесообразно прежде всего не позволить неприятелю удержать в своих руках территории, могущие способствовать снабжению его необходимыми припасами; при этом Милнер имел в виду хлебородную равнину Румынии. Кастельно, поддержанный генералом Гурко, отстаивал, со своей стороны, ту мысль, что тактические соображения должны превалировать над соображениями экономического порядка.

Обед в Думе.

Дума была закрыта по случаю нашего приезда, так как ввиду царящих в ней настроений иностранные миссии могли бы оказаться свидетелями фрондерских выступлений или каких-либо инцидентов. Дума откроется после нашего отъезда, и тогда сдерживаемое, хотя и трудно скрываемое, недовольство прорвется наружу.

Кое-какие сведения об этом мне удалось собрать во время сегодняшних вечерних бесед.

Среда, 7 февраля.

Заседание финансовой комиссии.

Министр Барк выступил с подробным и неприятным изложением положения в России, «граничащего с катастрофой». Обесценение рубля почти превзошло падение марки. Валютный курс требует принятия неотложных мер. Внутренние займы дают совершенно незначительные результаты: от частных лиц по займу поступило едва 400 миллионов рублей, расходы же превышают 1 600 миллионов рублей в месяц.

Русские настаивали на принятии мер к действительному осуществлению обещания, данного на Парижской конференции, об обращении всех ресурсов на общие нужды». Они требовали

от союзников оказания им содействия в закупках, которые должны быть произведены Россией в Японии и Скандинавии.

Было принято принципиальное решение заменить для русских американский рынок японским и скандинавским рынками с целью устранения конкуренции между союзниками, но определенного решения на этот счет вынесено не было.

Касательно валюты русские упорно настаивали на своих требованиях, заявляя, что они доведены до крайности и не в состоянии дольше ждать помощи, которую Франция до настоящего времени оказывала им лишь на словах.

Французские и английские делегаты отбивались по мере сил, утверждая, что ими сделано все возможное. Французский делегат заявил, что у него нет достаточных полномочий, что речь идет о вопросах, которые должны быть разрешены специалистами, и что русские должны принять меры к интенсификации экспорта.

Русские хотели бы подтверждения в принципе, что валютная проблема признана конференцией, а также чтобы об этом были телеграфно запрошены правительства, но Думерг заявил, что вопрос этот не может служить предметом телеграфных переговоров и что он оставляет за собой право обсудить этот вопрос совместно с Рибо. Заключение финансовой комиссии свелось лишь к «констатированию серьезности проблемы».

Покровский предложил созвать собрание назавтра для нового рассмотрения вопроса о постоянном междусоюзническом комитете. Думерг предлагает отложить собрание, так как он еще не получил от своего правительства запрошенных им инструкций.

Обед в петроградском аристократическом Яхт-клубе. Говорю о войне с сидящим рядом со мной за столом князем Г. Указываю ему, что война может осуществить вековые чаяния России о выходе в свободное море, т. е. дать ей Константинополь.

«И это было бы хорошо?»—спрашивает он.

Что это? Крайнее ли националистическое выражение стремления России к полной изоляции или же упадок духа, вызванный продолжительной войной, изменившей стремления русских? Мне приходит на память, как во время триполитанской войны, в момент наших операций в Дарданеллах, Сазонов сказал Торрете, нашему поверенному в делах в Петербурге: «Если предпринятая в Дарданеллах операция удастся и вы займете Константинополь, я велю иллюминировать в знак радости министерство иностранных дел».

Четверг, 8 февраля.

Военные делегаты миссии выезжают на фронт. Мы выезжаем в Москву.

Москва, пятница, 9 февраля.

Прибываем с двухчасовым опозданием.

Завтрак у губернатора. Несмотря на запрещение, в обильном

количестве подается водка. Сижу рядом с русским князем, носящим громкое историческое имя. Он рассказал мне, что на-днях в одном из его имений кучер, ожидавший его в санях, отморозил себе уши. «Они совершенно почернели, кучер выл от боли. Он так кричал!» Князь говорит мне об этом, смеясь, с жестоким выражением лица.

Вспоминается маленький еврей Моисей, которого я знал в Константинополе. Он прислуживал в кафе. Однажды, повстречавшись с ним вечером, я увидел на его лбу следы ожогов.

«Что с тобой случилось, Моисей?»

«Я заработал пять меджидие; их дал мне один русский офицер за то, что пять раз тушил об мой лоб зажженные папиросы».

Но в то же время я думал о многих примерах несомненно тонкого, пламенного чувства, о многих проявлениях глубокой доброты и подлинного великодушия, присущих славянской расе.

Прогулка на Воробьевы горы, откуда Наполеон I впервые созерцал Москву.

Кратковременное посещение Кремля, где до сих пор хранятся оставленные Наполеоном пушки. Там же стоят несколько австрийских крупных орудий, взятых в нынешнюю войну. И рядом сотни ящиков со снаряжением, прибывшим из Англии и лежащим в снегу в ожидании отправления на фронт.

Мне снова говорили о серьезнейших транспортных затруднениях, но немного позднее итальянец, ехавший со мной в своем автомобиле, говорит мне, что он ждет получения новой, лучшей машины.

«Но откуда она должна прибыть?»

«Из Владивостока».

«Каким же образом при нынешнем затруднительном положении транспорта вы сумеете получить автомобиль из далекой Сибири?»

«Это вопрос *бакшиша*».

Повсюду слышишь о невероятной коррупции во всех слоях общества. Уверяют, что военные поставки производятся через многочисленных и жадных посредников, которые используют с этой целью даже балерин или любовниц великих князей.

Прием в городской думе. Множество речей.

Суббота, 10 февраля.

Снова в Кремле.

Любуюсь церквами и зданиями, чудесными образцами искусства, созданного нашими мастерами в Москве и по всей России. Здесь, в Кремле, работал наш болонец Аристотеле Фиораванти, который от чеканки монет перешел к отливке пушек, от постройки кафедральных соборов—к стратегическим работам и стал начальником артиллерии в войне против Твери. В нижних залах императорского дворца, построенного венецианцем Растрелли, сложено множество ящиков, вывезенных из Петрограда на случай герман-

ского наступления. Говорят, что там же находятся ящики с драгоценностями, привезенными из оккупированной Румынии.

Прием, устроенный в нашу честь польской колонией. Поляки отдают себе отчет в значении итальянских симпатий к Польше. Мне рассказывали, что итальянский консул, известный своим расположением к Польше, должен был произнести речь на недавно состоявшемся банкете, но был предупрежден, что этого делать не следует. Председатель польского банкета произнес тогда следующий тост:

«Я пью за итальянского консула и приношу ему благодарность за речь, которую он не смог произнести».

Здесь также приходится слышать тяжелые обвинения против правительства. М., уроженец Болоньи, проживший в Москве 16 лет, говорит мне, что недавние события, связанные с именем Распутина, в корне изменили чувства населения к царю, бывшему прежде предметом почти религиозного почитания, теперь же всеми презираемому и ненавидимому.

Я получил приглашение на чай к одной типично русской даме, живущей в особняке у Красных Ворот. В доме этом есть буфет, который мог бы обслужить по меньшей мере человек 50. Я — единственный приглашенный. А в Петрограде убогая толпа выстаивает в очередях у лавок для того, чтобы с трудом после бесконечного ожидания получить скудный паек по карточке.

Отъезд в Петроград.

Петроград, понедельник, 12 февраля.

Продолжительная беседа с Карлотти на тему о послевоенном периоде, особенно в части, касающейся Австро-Венгрии и входящих в ее состав народностей. Важное значение чехов. Кроме того, был затронут вопрос о том, что Италия занимает в Антанте слабое и изолированное положение и, следовательно, ей необходимо завоевать симпатии.

Наш военный атташе в Бухаресте, прибывший вчера на несколько дней, говорит мне о поражении Румынии, которое он приписывает частью интригам и советам русского военного атташе. Король и королева продолжают сохранять присутствие духа, но румынская армия не сможет быть восстановлена раньше мая. Русские неохотно воюют в Румынии. Покровский пригласил сегодня Думерга, Милнера и Шалойю, чтобы в частной беседе обменяться мнениями о междусоюзническом комитете. Исключив невыполнимые предложения о создании постоянных делегаций, наделенных более или менее широкими правами, четверо собеседников согласились представить завтра политической комиссии резолюцию о необходимости более частых междусоюзнических совещаний с участием премьер-министров или их особых уполномоченных, состав которых должен оставаться по возможности неизменным. Это вызывается очевидными соображениями возмож-

но большей увязки и более легкой и быстрой координации действий союзников.

Вторник, 13 февраля.

Политическая комиссия решила, что было бы уместно просить Японию об оказании большего содействия в форме присылки артиллерийского материала, снаряжения и соответствующего персонала. Комиссия одобрила также идею создания центрального органа междусоюзнических совещаний. Шалойя разъяснил, что слова «регулярность собраний», содержащиеся в решении, не должны означать «нормальность собраний», которые будут происходить в каждом случае в том месте, где это окажется наиболее удобным. Таким образом, в этих собраниях могут принимать участие делегаты и другие технические эксперты, но не в чрезмерном количестве, дабы собрания эти не утратили своей эффективности. Думерг и Милнер одобряют эту мысль, которая заносится в протокол.

Нератов, облеченный функциями, эквивалентными функциям генерального секретаря русского министерства иностранных дел, долго настаивал на немедленном создании постоянного комитета послов, наделенного особыми правами в отношении второстепенных вопросов.

Шалойя заметил, что даже второстепенные вопросы, если они вызывают решения политического порядка, должны в части, касающейся Италии, разрешаться только ответственными министрами и что в нашем случае посол должен был бы докладывать правительству, и таким образом создался бы новый промежуточный орган, что повело бы к новым задержкам. Шалойя предложил, чтобы изучение проблемы создания органа для разрешения некоторых вопросов, органа, наделенного совещательными функциями, явилось бы одной из первых задач в работе конференции, как об этом сказано в другом одобренном сегодня пункте, говорящем о необходимости предпринять шаги в Токио для обеспечения более деятельного участия Японии в войне.

Думерг и Милнер присоединились к этой концепции, и, таким образом, соглашение было достигнуто.

Затем последовала продолжительная дискуссия об особой позиции России в смысле ее представительства на регулярных совещаниях ввиду особенностей ее политической структуры и географического положения. Сазонов в своей речи подробно говорил о положении, в каком оказался бы русский посол по отношению к русскому делегату на конференции, каковым не мог бы быть ни премьер-министр, ни министр иностранных дел.

Вопрос этот касается его лично, как посла в Лондоне. В течение дискуссии он отвечает на выступления министра иностранных дел с резкостью и почти презрением, граничащими порой с издевательством. Кажется, будто он хочет дать почувствовать разницу между ним, его психологией, его опытом и личностью

нового человека—Покровского. Покровский кротко выносит нападки. В заключение отмечается, что речь в данном случае идет о вопросе внутреннего характера, касающемся России и выходящем за пределы компетенции конференции.

Карлотти, бывший раньше посланником в Афинах и поэтому с особенным пониманием и интересом следящий за греческими событиями, принимая во внимание нужды итальянских колоний в Греции, выступил с несколькими предложениями, касающимися блокады Греции, советуя облегчить блокаду пропорционально действительному выполнению взятых на себя Грецией обязательств, вытекающих из последней междусоюзнической ноты. Думерг и Миллер допускают возможность некоторых послаблений в пользу многочисленных итальянских колоний в Афинах и на Патрасе.

Среда, 14 февраля.

Посещение Путиловского завода, где, как говорят, работает 32 тысячи рабочих.

Впечатление беспорядка. Масса погребенного под снегом материала. Недоверчивые взгляды рабочих, среди которых много женщин.

Насчет количества ежедневной продукции нам даются противоречивые сведения.

Вторник, 20 февраля.

Ничего примечательного за последние шесть дней. Визиты, банкеты, сопровождаемые многочисленными речами. Шанзэй был болен два дня, Руджери болен уже десять дней. Карлотти в различных случаях говорил от имени итальянской миссии.

Военные, вернувшиеся с фронта, привезли противоречивые, но не слишком пессимистические вести.

Я заметил, что Палеолог, державший себя за последние дни крайне сдержанно, почти холодно со мной и с итальянской миссией, сейчас очень сердечен, любезен, улыбается, имеет удовлетворенный и довольный вид*.

Сегодня заключительное пленарное заседание. Утверждаются резолюции, вынесенные тремя подкомиссиями: политической, военной, экономической. Эта последняя постановила обязать соответствующие правительства представить для вынесения решения экспозе русского министра финансов, сделанное им 7-го числа.

Относительно резолюции конференции об истребовании от Японии большей помощи было отмечено, что помощь эта, кроме артиллерии и обслуживающего персонала, могла бы выразиться в по-

* Впоследствии из опубликованных большевиками документов выяснилось, что в те дни французская делегация вела непосредственно с царем переговоры, завершившиеся 14 февраля обменом нот между Палеологом и Покровским, в силу чего Россия соглашалась и принимала на себя обязательство поддержать притязания Франции на Эльзас-Лотарингию и левый берег Рейна. Ни англичане, ни мы не были об этом уведомлены.

сылке других вообще войск, и при этом указывалось на возможность отправки около 50 тысяч японцев в Месопотамию. По поводу предложения о внесении дополнения в этом смысле в уже одобренную резолюцию Шалойя заметил, что это может оказаться неудобным, так как в случае отказа со стороны Японии союзники потерпели бы слишком явную неудачу. Эта мысль Шалойя была одобрена.

Возвращаясь к резолюции, касающейся Центрального постоянного совета, Шалойя разъяснил, что, вынося эту резолюцию, конференция не создает тем самым нового органа, которому остается только приступить к действиям, но что резолюция представляет собой рекомендацию правительствам, которым надлежит договориться о более частых встречах государственных деятелей не в чрезвычайном, а нормальном порядке, без торжеств и банкетов.

Милнер и Думерг присоединяются к этой мысли Шалойя, и конференция утверждает резолюцию.

Среда, 21 февраля.

Готовимся к отъезду.

Принимаются строгие меры к обеспечению нашей безопасности. С этой целью был пущен слух, что мы пока остаемся в России, но едем в глубь страны, поэтому наши апартаменты останутся пока за нами и не будут сдаваться, чтобы создать впечатление о предполагаемом возвращении нашем в Петроград перед окончательным выездом. Меры эти кажутся наивными и напрасными, тем более что наш багаж полностью на виду у всех погружается в поезд, направляющийся в Колу.

И как бы не довольствуясь этим, вечером за несколько минут до нашего отъезда к нам в столовую приносят на подпись все протоколы конференции на виду у всей гостиницы.

Четверг, 22 февраля.

Едем в поезде, идущем со скоростью 10 километров в час. Состояние железной дороги таково, что некоторые участки после оттепели придется заново восстанавливать.

Пятница, 23 февраля.

42° мороза.

Воскресенье, 25 февраля.

Грузимся на пароход. Нас будет сопровождать крейсер «Виндиктив».

Нам говорят, что невдалеке от выхода из залива были замечены германские подводные лодки. Идет снег. Качает. Сильный холод.

Вторник, 27 февраля.

Не встречались пока с кораблем, который должен сменить конвоирующий нас «Виндиктив».

Мороз.

Беседую с английским адмиралом о бесполезности спасательного костюма в случае торпедирования, особенно если принять во внимание холод. Он соглашается: «Если пойдем ко дну,—все кончено».

Затем говорит мне: «В сущности лучше остаться без эскорта,—чем меньше нас, тем труднее нас обнаружить».

Среда, 28 февраля.

Встречаемся с английским конвойным судном крейсером «Шанон», участником ютландского боя[6].

Тот же самый адмирал, который вчера говорил о предпочтительности плавания без конвоя, теперь выглядит, однако, гораздо спокойнее.

Четверг, 1 марта.

К «Шанон» присоединяются четыре английских миноносца.

Пятница, 2 марта.

Прибываем на Оркадские острова, куда англичане привезли нас, чтобы показать свой флот. Чудесное зрелище сотен морских единиц, стоящих наготове месяцами, годами с разведенными парами.

Высадка в Терсо, в северной Шотландии.

Суббота, 3 марта.

Прибываем в Лондон в 14 часов.

Резюмирую в двух докладах для Сонино свои путевые впечатления, относящиеся к России и переговорам о Малой Азии. Первый из них составлен в следующих выражениях:

«Вашему превосходительству известно из адресованных вам из Петрограда телеграмм об общем ходе работ конференции, которая разделилась на три конференции: политическую, военную и экономическую.

На единственном заседании экономической конференции министр Барк выступил с неприятным изложением нынешнего тяжелого состояния русских финансов, вызванного как огромной эмиссией бумажных денег (10 миллиардов рублей) и обесценением рубля, «курс которого стремится опуститься ниже уровня марки», так и крайней скудостью поступлений от внутренних займов. На этом заседании английский и французский делегаты ограничились обещанием побудить свои правительства принять большее участие в деле оказания помощи России, финансовое положение которой, по словам министра Барка, почти катастрофично. Переговоры по этому поводу продолжались в частной форме между Барком и главами отдельных делегаций, которые возобновили свои обещания. Но никакого определенного соглашения ни по одному пункту достигнуто, повидимому, не было.

Запрос об оказании итальянским правительством содействия в операциях по русским закупкам в Италии не получил заверше-

ния, так как никакого ответа из Рима своевременно получено не было.

Военная конференция распалась на стратегическую и по вопросам военного снабжения. Первая из них исчерпала свои задачи в течение одного дня, если не считать последующей редакционной отделки заключений, придя к выводу, что не существует никакого специального фронта, на котором следовало бы предпочтительным образом интенсифицировать действия союзников и подтвердить вынесенные в Шантильи[7] решения о согласовании действий в определенных случаях возможного нападения противников или общего наступления союзников.

Наступление это предвидится в апреле месяце. Первое предложение было вновь обсуждено на политической конференции по инициативе Миллнера, действующего по совету Шалойи. Миллнер спрашивает, принималось ли во внимание при выработке плана военных действий то обстоятельство, что следовало бы отдать предпочтение действиям, направленным к лишению неприятеля наибольшего количества хлебородной территории и к достижению, таким образом, двойной цели—нанесения противнику материального ущерба и лишения его источника продовольствия. И он указал при этом на отобрание румынских равнин. Но его замечание было опровергнуто сжатыми доводами генералов Кастельно и Гурко, заявивших, что стратегические соображения, которых они не перечисляли, должны первенствовать над всеми другими соображениями.

Конференция по вопросам снабжения выполнила, пожалуй, бо́льшую сравнительно с другими работу.

На многочисленных заседаниях этой конференции русские выдвигали требования большого масштаба (10 тысяч пушек, 14 тысяч тонн серы и т. п.), в общем на 10 миллионов тонн. Из этого количества союзники обещали взять на себя 4,5 миллиона тонн. В соответствующем протоколе фигурировала фраза, в которой говорилось, что Россия должна, со своей стороны, принять меры к улучшению состояния транспорта, дабы получить, таким образом, возможность использования на фронте присланного ей союзниками материала. Как известно вашему превосходительству, это соответствует одному из основных, побудивших англичан предпринять поездку в Россию, соображений, заключавшихся в необходимости наглядного ознакомления с местными условиями, чтобы иметь возможность судить о том, где именно было бы целесообразнее—в России или другом месте—использовать ту часть британской военной продукции, которую они могли выделить из запасов своего фронта. Генерал Гурко энергично выступил против этой фразы, истолковав ее как незаконное вмешательство, как наставление, как условие, диктуемое России, и лорд Милнер согласился смягчить фразу, что сводило почти к нулю ее значение. Остается узнать, в какой именно мере, притом вне зависи-

мости от какой бы то ни было печатной формулы, примут во внимание англичане и французы, на которых падает главная тяжесть военных поставок, то общее положение вещей в России, с которым они ознакомились во время своей поездки, чтобы и в дальнейшем направлять туда военные материалы, немалая часть которых лежит месяцами без использования вдали от фронта. Военный министр Беляев признался, что материал, присланный из Англии зимой 1915/16 г. через Владивосток (путь через Архангельск был закрыт льдами), не был еще использован. В настоящее время Россия, затребовав поставки 10 миллионов тонн материала до июля 1918 г., не сможет, повидимому, произвести выгрузку и перевозку более двух миллионов тонн.

Темы, предложенные на рассмотрение политической конференции, не имели никакого особого значения; они касались всех основных международных вопросов актуального характера, но производили такое впечатление, что внесены они были не с целью разрешения каких-либо срочных проблем, а лишь для того, чтобы дать конференции какой-либо материал для работы.

В вопросе о Греции концепция, положенная в основу римских решений, возобладала благодаря твердой позиции министра Шалойи над франко-русской попыткой добиться предоставления генералу Саррайлю более широких полномочий; но здесь, так же как и в Риме, обнаружилось расхождение точек зрения держав, проистекавшее из различных позиций соответствующих представителей в Греции, в связи с чем было сделано предложение об одновременной замене четырех посланников.

Относительно Соединенных штатов было признано, что вопрос еще не созрел для рассмотрения.

По вопросу о Японии была признана целесообразность военного ее выступления, причем размеры ее участия определялись в количестве 50 тысяч человек для отправки в Персидский залив, но конференция, состоявшая из членов правительств, и в этом случае, как и в других вопросах, обнаружила тем не менее большие сомнения в достаточности своих полномочий и ограничилась вынесением заключения, представлявшего собой рекомендацию общего характера правительствам.

Предметом долгих дискуссий и резолюций был вопрос о создании так называемого междусоюзнического политического органа для высшего руководства войной, но и здесь дело свелось к рекомендации правительствам созывать более частые совещания. Во время дискуссии, в течение которой были выяснены затруднения, препятствующие превращению этого института в орган, наделенный подлинным правом самостоятельного вынесения немедленных решений, выяснились, кроме того, специальные затруднения, касающиеся представительства России; этим затруднениям не чужд, повидимому, тот факт, что Сазонов в своем

качестве посла в Лондоне не желает оказаться ниже полномочного русского представителя на Западе. Министр Шалойя изложил затруднения конституционального порядка, препятствующие функционированию этого института. Трудности эти были всеми признаны, но все были согласны в том, что Антанте следовало бы по возможности устранить отставание от блока центральных держав в том, что касается быстроты вынесения решений, равно как и выполнения директив военного командования.

В разрешении этого вопроса в значительной степени заинтересована Италия, которой необходимо завоевать среди союзников более видное, чем в настоящее время, положение. В течение этого длительного путешествия постоянно казалось, что роль Франции и Англии значительно выше роли Италии, которая не производит впечатления равной среди равных. Это имеет место, несмотря на несомненные симпатии, завоеванные министром Шалойей, и симпатии, выказанные по отношению к нашей стране лордом Милнером, г. Покровским, а также, и даже в особенности, г. Думергом. Вследствие ли отставания с нашей стороны или большей активности со стороны других держав, но несомненно, что огромные усилия и жертвы, приносимые Италией, не получают должного признания. Мы по слишком многим вопросам оказывались в изоляции. Ситуация эта тем опаснее, чем ближе решающие дни войны, особенно если принять во внимание, что ни Франция, ни Англия не имеют специальных причин к недружелюбию и унижению нашего главного врага—Австрии.

Серьезной ошибкой явился наш отказ от предложения Ллойд Джорджа на Римской конференции об оказании англичанами военной помощи на итальянском фронте. Это повело бы к установлению большей сердечности взаимоотношений между Италией и Англией, каковая оказала бы несомненное влияние и на расширение политического сотрудничества.

Последствием отказа Рима от итало-британского сотрудничества явилось усиление сотрудничества франко-английского, закреплением которого, быть может, явился немедленный визит генерала Нивеля в Лондон. Вероятно и весь вопрос о Малой Азии пострадал от вышеуказанной позиции Италии.

Возможно, что это новое и более тесное сближение между Англией и Францией повело к последствиям, коснувшимся и России. Генерал Кастельно, проезжая через Лондон, вероятно ознакомился с результатами как римских переговоров, так и встречи генерала Нивеля с Ллойд Джорджем. Мне результаты этой встречи неизвестны, но известно, что генерал Кастельно всегда открыто выступал в защиту того принципа, что главные военные усилия должны быть сделаны на франко-английском фронте. Этим наносился ущерб спокойному ознакомлению с военной мощью России—ознакомлению, являвшемуся одной из главных целей, ради которых была созвана Петроградская конференция.

Утверждалось, что присутствие союзнических миссий в России оказалось весьма своевременным для укрепления связи Антанты с Россией и предотвращения возможных с ее стороны отступлений от взятых на себя обязательств. Утверждалось, кроме того, что пребывание миссий в России оказало благотворное влияние на внутреннее положение этой страны, относительно которой к нам поступали самые противоречивые известия. В России часто циркулируют слухи о готовящихся трагических событиях в императорском дворце, уличных бунтах. Оппозиционные настроения по отношению к правительству открыто выражаются повсюду в частных разговорах и, что особенно поразительно, в совершенно свободном высказывании мнений в общественных местах. С другой стороны, нас уверяют, что сильное недовольство императрицей, распространившееся теперь и на царя, найдет выход только после окончания войны, которую народ и армия хотят довести до победного конца.

В чем бы ни заключалась правда, преобладающее впечатление таково, что ввиду дезорганизации административного аппарата в России вряд ли возможно надеяться на то, что там произойдут решающие военные события, по крайней мере в ближайшее время, если только не будет подвезено значительное количество военных материалов из-за границы, и что Россия, если только не произойдут какие-либо чрезвычайные события, вряд ли окажется способной на что-либо большее, чем иммобилизация неприятельских сил на огромном ее фронте. Генерал Руджери Ладерки полагает, со своей стороны, что Россия сможет в согласии с союзниками предпринять в ближайшее время более успешное, чем в июне прошлого года, наступление. Но, как я уже указывал, использование военной мощи России, в столь значительной мере опирающейся на франко-английскую помощь, вероятно, подчинено планам, согласованным между Францией и Англией в результате Римской конференции и переговоров Ллойд Джорджа с генералом Нивелем.

Кроме того, у меня сложилось мнение, что генерал Гурко, который играл несомненно наиболее значительную роль среди русских делегатов конференции, но не произвел на членов иностранных миссий благоприятного впечатления, не выказывает себя ярым сторонником ускорения наступления на фронте. При этом он не считается с финансовыми проблемами и вопросами внутреннего положения страны, в том числе продовольственного, которое вследствие расстройства транспорта приобретает, повидимому, весьма серьезное значение. Впрочем, циркулировал слух, что Гурко будет вскоре заменен генералом Алексеевым, уже оправившимся от болезни. Относительно военного командования мы получали различные сведения, из которых можно было заключить об отсутствии единства действий.

Министр Покровский, пребывание которого у власти не счи-

талось долговечным, оказался, хотя и в скромном своем обличье, человеком уравновешенным, миролюбивым, не лишенным тонкости и в общем симпатизирующим Италии.

Альдрованди».

Понедельник, 5 марта.

Шалойя беседовал с английскими государственными деятелями о наших переговорах относительно Малой Азии.

Днем, во время прогулки по Лондону, Шалойя рассказывал мне об этом. Мы не можем скрыть своего восхищения перед внушительным зрелищем столицы, и Шалойя, повторяя то, что он неоднократно говорил мне во время нашего путешествия, замечает: «Эти англичане являются тем, что они собой в настоящее время представляют, потому что у них был и есть уголь».

Вторник, 6 марта.

Отъезд из Лондона в 10 час. 50 мин.

В Фолкстоне осматриваем обломки торпедированных судов.

Приезд в Булонь к 14 часам; в Париж прибываем в 20 часов.

Париж, среда, 7 марта.

Думерг, соблюдавший в течение всего путешествия отменную любезность, предложил итальянской миссии интимный завтрак. Обмен любезностями с выражением взаимной симпатии.

Выезд в Рим в 20 часов 45 минут.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду разговор Бьюкенена с Николаем II 12 января 1917 г., во время которого Бьюкенен высказал свои опасения по поводу серьезности внутреннего положения России, угрожавшего трону и исходу войны. Сказав при этом, что «на революционном языке заговорили не только в Петрограде, но и по всей России», Бьюкенен указывал царю на необходимость смены правительства и рекомендовал ему выступить перед Думой.

[2] *Селямлик*—публичный прием султаном сановников во время праздника байрама. Селямлик означает также торжественное шествие султана в мечеть, с которым соединяется парад войск.

Праздник байрама—мусульманский праздник (малый байрам—3 дня и большой байрам—4 дня).

[3] Протопопов был ставленником Распутина и сторонником самой крайней реакции.

[4] Это произошло 3 февраля 1917 г. (послание президента Вильсона конгрессу США). Поводом для разрыва дипломатических отношений было объявление Германией с 1 февраля 1917 г. неограниченной подводной войны.

[5] Имеется в виду дворцовый переворот в Сербии (1903 г.), в результате которого были убиты король Александр (Обренович) и его жена Драга.

[6] Имеется в виду сражение между английским и германским флотами 31 мая 1916 г.

[7] Имеются в виду заседания междусоюзнической конференции в Париже 27 и 28 марта 1916 г.

IV

СОВЕЩАНИЯ В РАПАЛЛО И В ПЕСКЬЕРЕ

(6, 7, 8 ноября 1917 г.)

Детальному изложению междусоюзнических переговоров в Рапалло и Пескьере, последовавших за XII сражением на Изонцо, когда события на русском и англо-французском фронтах дали возможность сильнее сконцентрировать австро-венгерские силы и перебросить германские дивизии против нас, я предпосылаю несколько взятых наугад из моего чернового дневника отрывков за период от августа по ноябрь 1917 г.

В Рапалло записи производились тремя присутствовавшими на совещании секретарями: Хэнки, Хельброннером и мной. С записями Хельброннера я не был знаком, они находились, вероятно, на прочтении у автора известной статьи «Миссия маршала Фоша в Италии» («Revue des deux Mondes» от 15 июля 1920 г.).

Записи сэра Мориса Хэнки в точности соответствуют моим записям, просмотренным на месте Орландо и Соннино. Записями Мориса Хэнки воспользовался Ллойд Джордж для IV тома своих «Военных мемуаров», воспроизведя их лишь в минимальной части и опустив при этом детали, представляющие специальный интерес с итальянской точки зрения.

Мои записи воспроизведены в настоящей книге.

Из нижеприведенного можно видеть также происхождение документа, называемого Ллойд Джорджем протоколом совещания в Пескьере с участием итальянского короля.

* * *

Прифронтовая полоса, воскресенье 12 августа 1917 г.

По возвращении из Лондона Соннино и я отправляемся в «Вилла Италия», расположенную в прифронтовой полосе. С нами итальянский посол во Франции Сальваго Раджи.

В местности, называемой «Вилла Италия», возвышается занимаемое королем скромное центральное здание с небольшим садом и рощицей. Лица свиты и мы живем в соседних небольших виллах. Все скромно обставлено мебелью прошлого столетия. Владельцы оставили даже сувениры и романтические семейные фотографии.

Чистые, веселые трели птиц в душистом воздухе жаркого и ясного дня и доносящийся временами отдаленный гул канонады.

В 18 часов Соннино был принят королем.

За обедом присутствует также Гульельмо Маркони. Спартанское меню. Пустые разговоры. Король говорит о Пьере Лоти, которого он принял днем.

Тотчас же после обеда является офицер из главной квартиры с ежедневным донесением верховного командования. Король отходит в сторону и стоя с неподражаемой простотой и достоинством задает несколько вопросов офицеру, затем присаживается вместе с Брузати к обеденному столу, с которого уже убрана посуда, и по разостланной на нем карте знакомится с операциями и положением на фронте за день.

Понедельник, 13 августа.

Едем в Удине, куда в 7 час. 45 мин. прибывает Пуанкаре в сопровождении министра труда Буржуа, посла Баррера и т. д. Никакой парадности. Группа официальных лиц на станции толпится вдоль поезда. Король вынужден широким жестом руки очистить себе и Пуанкаре дорогу.

Улица, которая ведет от станции к «Вилла Италия», даже не полита. Нестерпимая пылища. Я говорю об этом одному из офицеров главной квартиры. К отъезду будет полита.

В окнах ни одного французского флага, только итальянские. Редкие приветствия редкого населения.

Из Консульты доставлена шифрованная телеграмма, извещающая о мирной инициативе папы. За отсутствием секретарей расшифровываю я сам вместе с Сальваго, который временами спокойно комментирует телеграмму, осуждая акцию своего кузена (Бенедикт XV, Делла Кьеза). В телеграмме содержится фраза: «de voir ainsi se terminer au plus tôt la lutte terrible qui apparaît de plus en plus comme un massacre inutile» [«достичь таким образом скорейшего окончания ужасной борьбы, которая все более принимает характер бессмысленной бойни»]. Документ был официально послан британским министром иностранных дел нашему послу в Лондоне ввиду того, что папа просил английского короля передать его главам государств, с которыми св. престол не находится в дипломатических отношениях[1]. На документе имеется собственноручная подпись папы.

После полудня едем на фронт. Автомобилям, которые приготовлены для нас, Баррер и я предпочитаем открытую машину, несмотря на жгучее солнце и ветер. Баррер, несмотря на свои 66 лет, поражает жизненностью и энергией. Проехав через Капоретто, поднимаемся на гору Столь. Вижу Тольмино.

Живописная извилистая дорога, построенная военно-инженерными войсками на горе Столь, которая служит наблюдательным пунктом, содержится в отличном состоянии. Мне говорили, что во

время недавней поездки короля с герцогом Коннаутским, когда они были на вершине горы, над ними начали парить два горных орла.

На бывшей австрийской территории, радуя взор, прекрасно выглядят отремонтированные и заново выкрашенные нами дома, не в пример старым, почерневшим от времени или поврежденным войной.

В тылу—траншеи. Сопровождающий нас офицер Соларо-дель-Борго говорит: «Они устроены на всякий случай».

Вторник, 14 августа.

Рано утром Пуанкаре, произведя вместе с королем смотр некоторым частям в живописной местности, расположенной между холмами в Пурджессимо, лично вручает многочисленные французские ордена итальянским офицерам и солдатам. Выражение живейшей, почти отеческой радости светится на лице короля, вглядывающегося в загорелые симпатичные, скромные лица награжденных героев.

Во время раздачи орденов я слышу, как Кадорна говорит Капелло: «Кто же возьмет Монте-Санто?»—как будто не было никакого сомнения в успехе. Позднее мне показывают готовые лагери, где будут сконцентрированы австрийские военнопленные, которые будут взяты во время ближайшего наступления. И это как будто рассчитано с математической точностью.

В полдень—поездка в Горицу. На каждой улице, на каждой площади, на каждом шагу следы разрушений от бомбардировок, следы пожаров. Ни одного неповрежденного дома. Особенно поражает исковерканное взрывами железо и чугун от фонарей.

Дважды проходим по мосту, замаскированному цыновками. Зной. Чудесный голубовато-зеленый цвет холодной воды реки Изонцо.

Среда, 15 августа.

Днем—вновь на фронте. Добердо, Сан-Микеле.

Скалистые вершины без единого деревца, лишенные всякой растительности. Гигантские обломки, нагроможденные рукой чудовищного каменотеса—работа пушек и пулеметов. И камень и видимая местами земля—все окрашено во влажнокрасный цвет, как бы смочено кровью.

Отъезд Пуанкаре.

Мы выезжаем в Рим*.

---

* В «Дневнике войны» Л. Биссолати (Torino 1935) нахожу заметку, датированную 14 августа (1917 г.): «Прибытие в Удине.—У короля.—У Соларо-дель-Борго.—Коммюнике без упоминания о моем присутствии.—«Неприязнь» ко мне разных Альдрованди, Мартино и мелкие уколы Соннино».

Под коммюнике следует, мне кажется, подразумевать сообщение агентства Стефани о визите Пуанкаре к итальянскому королю. Я составил одно из таких коммюнике, в котором из глав государств были названы только двое, сопроводив это коммюнике фразой, указывавшей на политическое значение этой встречи. В сообщении этом не были названы даже Бозелли и Соннино.

Впрочем, в более полном сообщении Стефани от 15 августа, редактиро-

Рим, четверг, 16 августа.

В специальном выпуске газеты «Osservatore Romano» опубликована папская нота, помеченная 1 августа. В итальянском тексте: «Прекращение этой ужасной борьбы, которая с каждым днем приобретает все больше характер бессмысленной бойни».

Пятница, 17 августа.

Начало итальянского наступления, предсказанного полковником Альбриччи на Лондонской конференции.

Баррер сообщает, что, по мнению Рибо, не следует отвечать на папскую ноту; он надеется, что итальянское правительство придерживается того же мнения. Соннино сказал ему, что он разделяет точку зрения Рибо, но должен предварительно выслушать мнение премьер-министра.

Воскресенье, 19 августа.

Через Изонцо, между Анхово и Доблар, нашими войсками переброшено 14 мостов.

Соннино разослал всем итальянским посольствам и миссиям длинный циркуляр по поводу папской ноты.

В циркуляре, «при всем уважении к св. отцу и его добрым намерениям», он заявляет, что трудно было выбрать более неподходящий момент для его выступления. Выступление это поведет лишь к потрясению умов в переживаемый критический момент. Часть папского послания, касающаяся итальянских притязаний, лишена какой бы то ни было возможной базы для переговоров.

Четверг, 23 августа.

Обмен телеграммами между Пуанкаре и королем.

Пуанкаре радуется блестящему успеху итальянцев на трудной для военных действий местности, которую он осматривал несколько дней тому назад. В телеграмме короля говорится: «Сражение на Изонцо продолжается против неприятеля, сопротивление которого делается все более ожесточенным благодаря характеру местности». Следуют слова восхищения борьбой «на героическом фронте Вердена».

Пишон в газете «Petit Journal» комментирует эти две телеграммы: «Слова короля звучат, как призыв трубы, в то время как так называемые нейтральные прилагают отчаянные усилия

ванном в секретариате председателя совета министров, упоминалось о присутствии министра Биссолати.

Никакой «неприязни» с моей стороны. Если мне приходилось внутренне сожалеть о действиях Биссолати, хотя бы совершенных им без злого умысла, но наносивших вред моему начальнику—министру иностранных дел, то это следует приписать дальнейшему поведению Биссолати в личной, частной и общественной жизни.

О мелких выпадах, «уколах» Соннино против Биссолати мне неизвестно, но в «Дневнике войны» Биссолати действительно содержатся неоправданные выпады по адресу Соннино.

к осуществлению своих планов, которые должны довершить провозглашенное ими наше поражение. Урок будет понят, кроме Парижа и Рима, и в других местах».

Суббота, 25 августа.

Коммюнике Кадорны: «Со вчерашнего дня трехцветное знамя развевается на вершине Монте-Санто».

Понедельник, 27 августа.

Волнения в Турине.

Ввиду появления известия об этом на страницах иностранных газет, особенно французских, как об этом уведомлял Сальваго, в итальянское посольство в Париже была послана следующая телеграмма на основании данных, сообщенных секретариатом премьер-министра: «Вследствие недостатка хлеба, обнаружившегося несколько дней назад в Турине, утром 22-го числа текущего месяца начало распространяться сильное недовольство среди рабочих масс, сопровождаемое уличными демонстрациями и прекращением работ. 23-го числа положение ухудшилось, и были совершены эксцессы, так как волнение приняло погромный характер. 24-го числа волнения продолжались. 25-го числа стало гораздо спокойнее, так как военные власти, на которые было возложено поддержание общественного порядка, быстро оттеснили бунтовщиков на периферию города, где произошло несколько столкновений. Спокойствие восстановлено, и сегодня рабочие приступают к работе. Убитых насчитывается 27 человек».

Среда, 29 августа.

В некоторых политических кругах высказывается сильное недовольство по поводу нашего наступления. Президент Бозелли считает нужным созвать парламент.

Четверг, 30 августа.

За подписью Лансинга опубликован ответ американского правительства на папскую ноту.

Я [говорю]: «Проводит различие между народами и правительствами».

Соннино: «Говорит только о Германии».

Социалистические депутаты-офицеры, выходя от Бозелли, заявили: «В этом году больше не будет наступления».

Пятница, 31 августа.

Несколько печатных листков в открытом конверте доходят и до меня. Один из них, подписанный «L'Idea Nazionale», прислан вместе с копией запрещенной цензурой статьи этой газеты, озаглавленной «Держаться твердо!» В другом листке содержится копия письма Энрико Коррадини к Орландо с жалобами на поведение цензуры.

В запрещенной статье говорилось о туринских событиях, где «социалистическая зараза и джолиттианская зараза спаяны

воедино, как нигде». В статье говорится дальше: «Наступать— это лозунг армии. Держаться твердо—должно быть лозунгом страны... За армией должна стоять уверенная в себе, дисциплинированная, твердая духом страна... В настоящее время наиболее уверена в победе... та нация, у которой и на фронте и внутри страны во главе управления стоят способные люди».

Письмо Энрико Коррадини к Орландо есть письмо «сознательного итальянца, принимающего горячее участие во внутренней жизни своего отечества в этот серьезный час». «Туринские события[2], о которых запрещено говорить, обязаны своим происхождением не столько враждебному отношению его населения к войне, сколько порочному режиму, в условиях которого имели возможность действовать всякого рода противники войны—отечественные и иностранные».

Воскресенье, 2 сентября.

Неуверенность и затруднения парламентского порядка.

Говорю Соннино: «Почему вы не берете на себя должность председателя парламента?»

«Тотчас же между нами возник бы конфликт».

Четверг, 13 сентября.

Совет министров дважды собирался сегодня. В одном официальном коммюнике говорится, что обсуждение вопросов общей политики закончилось «единодушным признанием директив, соответствующих требованиям, вытекающим из нынешнего положения страны».

Опубликовано известие об отставке Камилло Коррадини—начальника кабинета Орландо и Вильяни—генерального директора государственной безопасности, о чем этими лицами были поданы соответствующие прошения от 9 и 12-го числа.

Вторник, 18 сентября.

Бозелли, усталый, отчаявшийся, говорит мне: «Я жду от Орландо приказа об объявлении осадного положения в четырех провинциях».

Среда, 19 сентября.

К., вернувшийся с фронта, говорит, что, как там считают, мир будет заключен до наступления зимы. Кто-то говорил ему: «После выхода из войны русских о ней следует судить иначе». Кадорна отметил усталость и упадок боевого духа в войсках.

В результате наступления в августе 1916 г. (взятие Горицы) у нас было около 50 тысяч убитых и раненых; после наступления в августе текущего года (взятие Байнсицы)—около 140 тысяч.

Х., депутат-нейтралист, интриган, говорит: «Нет сомнения, что министерство падет по открытии парламента. Идет уже торг о постах помощников министров. Кадорна хочет мира. Агитируют

за Орландо, ему будет указана линия поведения, которой он должен придерживаться».

Вторник, 25 сентября.

Король отправляется во Францию с ответным визитом к Пуанкаре.

За последние недели Соннино неоднократно советовал отложить поездку, мотивируя это соображениями внутриполитического характера. Соннино боялся, что Ллойд Джордж захочет воспользоваться этой поездкой для устройства встречи между итальянским королем, королем Георгом и Пуанкаре с целью нового рассмотрения мирных предложений, сделанных Австро-Венгрией через посредство принца Сикста.

Соннино продолжает сохранять абсолютно отрицательную позицию в этом вопросе, занятую им еще в Сен-Жан-де-Морнен, когда ему об этом было впервые сообщено. Он полагает, что сепаратный мир с Австро-Венгрией означал бы полное разочарование или серьезное сокращение итальянских притязаний и сделал бы бесполезными жертвы 28 месяцев войны, сотен тысяч наших убитых и раненых.

Бозелли хотел бы сопровождать короля в его поездке, но именно для того, чтобы поездка эта не приняла вышеуказанного характера, которого не желал Соннино, в совете министров было решено еще в начале сентября, что короля будут сопровождать не министры, непосредственно ответственные за внешнюю политику—премьер-министр и Соннино, а министр Руффини. Впрочем, Пуанкаре прибыл в Италию с одним лишь Буржуа.

По поводу происков принца Сикста, направленных к заключению сепаратного мира, Соннино набросал лично черновик, который он передал мне; черновику пока не должно было быть дано никакого дальнейшего хода*.

Он был составлен в следующих выражениях:

В первой моей личной беседе с Рибо 24 июля он сообщил мне в совершенно конфиденциальном порядке, прося соблюдать строжайшую тайну, что принц Сикст Бурбонский, брат австро-венгерской императрицы, находящийся в настоящее время в рядах французской армии, прислал уведомление о том, что в его распоряжении находится собственноручное письмо императора

* В IV томе своих «Военных мемуаров» Ллойд Джордж посвящает специальную главу (LXI) австрийской попытке заключения сепаратного мира. Как и принц Сикст, разъяснявший в своей книге «L'offre de paix séparée de l'Autriche» значение фразы, содержащейся во втором письме императора Карла, Ллойд Джордж теперь говорит о якобы имевших место односторонних итальянских попытках добиться мира с Австро-Венгрией, причем итальянское правительство не имело касательства к этим попыткам, но е. в. король (!), итальянское командование (!) и некоторые итальянские политические деятели, как Джолитти и Титтони (!), имели отношение к этим попыткам. Подобные невероятные слухи неоднократно и настойчиво распространялись коварным врагом также в Швейцарии, Франции и Англии. В нижеприведенном документе содержится решительное опровержение Соннино этой бессмыслицы.

Карла, уполномочившего его предпринять шаги с целью заключения мира между Австро-Венгрией, Францией и Англией. Военное положение Австро-Венгрии, говорилось в этом письме, датированном 31 марта, весьма удовлетворительно, между тем как этого нельзя сказать о союзниках, имея к тому же в виду недавние события в России. Император Карл заявлял о своей готовности ходатайствовать перед Германией, если только мир этот будет достигнут, о возвращении Франции Эльзас-Лотарингии. Таково было сообщение, которое французское и английское правительства желали передать на рассмотрение глав государств Италии, Франции и Англии, в случае если бы состоялось предполагавшееся их свидание. Ллойд Джордж и Рибо дали знать Австро-Венгрии, что они не могут вести переговоры о сепаратном мире без ведома Италии, тем более что Австрия была главным ее противником и в выдвигаемых переговорах не было сделано никакого предложения в пользу Италии. Они, однако, выяснили намерения Австро-Венгрии относительно уступок в пользу Италии. Франко-британский ответ был дан около 21 апреля. В мае император Карл отправил принцу Сиксту новое письмо, в котором отмечал, что вопрос об Италии не должен служить помехой переговорам, тем более что Италия недавно выступала с предложением о мире с Австро-Венгрией, в котором выдвигались гораздо менее широкие требования, чем в предложении союзников; она ограничивалась притязаниями на одну лишь Трентинскую область, на легкое исправление границ в сторону Изонцо и на некоторые острова. Эти итальянские предложения были якобы сделаны тайком от министра иностранных дел, но с ведома короля Витторио и верховного командования (этого, повидимому, не было сказано в письме императора, но было рассказано самим Рибо, как о переданном ему устно). На это письмо императора Карла был дан ответ в том лишь смысле, что Франция и Англия не могут вести переговоров о мире с Австро-Венгрией, если последняя не обратится одновременно к их союзнице Италии. В письмах императора Карла не говорилось об уступках в пользу Румынии, но Австро-Венгрия оставляла за собой право соблюдать в случае заключения мира с Францией и Англией строгий нейтралитет в войне между этими двумя державами и Германией, сохранив за собой лишь право пропускать в Германию хлеб с засеянных руками немцев полей Румынии.

Я ответил господину Рибо и затем господину Ллойд Джорджу, принимавшему участие в совещании, участниками которого были одни лишь министры без секретарей, что я даю абсолютную гарантию в том, что никаких переговоров между Италией и Австро-Венгрией никогда не предпринималось ни итальянским правительством, ни королем и что, следовательно, вышеупомянутое утверждение должно рассматриваться как абсолютно ложное.

Господин Рибо спрашивал меня, не могла ли подобная инициатива исходить от итальянских военных властей, на что я ответил отрицательно, заметив при этом, что это шло бы в разрез со всей нашей военной тактикой, которая всегда была направлена в сторону Изонцо, а не Трентино.

Я указал, кроме того, что тот факт, что Австрия бралась поддержать перед Германией даже после заключения мира французские требования относительно Эльзас-Лотарингии, свидетельствует о том, что ход был сделан в согласии с Германией, ибо невозможно предположить, чтобы император Карл мог надеяться сохранить какое-либо влияние на союзника, которого он покинул или предал.

В беседе, состоявшейся 3 августа, король Георг говорил мне, что, как сообщил ему принц Сикст, уполномоченные итальянского короля или генерала Кадорны отправились в Швейцарию для переговоров о мире с Австро-Венгрией. Король Георг заявил мне, что он никогда не верил, что король Виктор-Эммануил принимал участие во всем этом.

Четверг, 27 сентября.

Так как Кадорна заявил, что ввиду возможного в ближайшем будущем неприятельского наступления он не может ни сейчас,

ни раньше ближайшей весны предпринять такое наступление, какого хотели бы союзники и ради которого они прислали несколько батарей, Англия снимает свои батареи с нашего фронта. Генерал Робертсон затребовал их в грубой форме телеграммой, которую Кадорна называет «дерзкой». Кадорна ответил ему в резкой форме.

Соннино: «Я ответил бы еще хуже».

Пятница, 28 сентября.

Кадорна принимает участие в совете министров.

Франция также снимает пушки с нашего фронта.

Известие о концентрации неприятельской артиллерии на фронте Тольмино.

Суббота, 29 сентября.

По поводу снятия английских батарей с нашего фронта Робертсон говорил нашему поверенному в делах в Лондоне Боргезе, что он, со своей стороны, не считает вероятным австрийское наступление в ближайшем будущем.

Четверг, 4 октября.

Ватикан вручил английскому посланнику новую ноту за подписью кардинала Гаспарри, в которой по поводу германского и австро-венгерского ответа вновь приводятся предложения, содержащиеся в августовской ноте папы.

Соннино замечает, что германский ответ, не содержащий никакой возможной базы для серьезных переговоров о мире, стремится, главным образом, вызвать в войсках противника разложение и депрессию.

Пятница, 12 октября.

Говорят о созыве междусоюзнического совещания в Париже и возможности участия в этом совещании делегата от «Русского совета».

Соннино: «В последнем случае я на совещание не поеду».

Вторник, 16 октября.

Соннино по поводу попыток заключения мира говорит Барреру: «Центральные империи притворяются, что они разобщены между собою, для того чтобы разобщить нас».

Открытие парламента. Речь Бозелли. Результат голосования: 228—за, 51—против, 15—воздержавшихся.

Соннино после заседания: «Сегодня палата против министерства. Нитти выставляет кандидатуру на пост премьера».

Среда, 17 октября.

Сегодня утром заседание совета министров.

Соннино по поводу политического свидания: «Кто знает, будем ли мы там еще через шесть дней».

В палате. Туринские события. Речь Лабриола, очень бурная: «Национальное министерство, разумеется, не представляет собою министерства внутренне единого». Он против Соннино.

Соннино: «В парламентской игре правые занимают пересчительную позицию, ибо если разразится кризис, они захотят влиять на него».

Четверг, 18 октября.

Слухи о надвигающемся кризисе.

Одна из оппозиционных групп принимает название «Парламентское единение».

В парламенте шумные выступления. Биссолати говорит по адресу крайней левой: «Для защиты Италии и армии я открыл бы огонь даже против вас».

Пятница, 19 октября.

О Соннино, Орландо и Нитти говорят, как о возможных премьерах. Но Соннино не желает поста премьера.

Суббота, 20 октября.

Когда сегодня в палате поднялся на трибуну Нитти, воцарилась глубокая тишина. Начальная фраза его речи: «Мы переживаем тяжелые времена»—является как бы констатацией и ускорением кризиса. Это была программная речь. Он против кабинета, который считает слабым. Комплименты по адресу Орландо. Атаки на Вашингтонскую комиссию по снабжению, в которой Нитти недавно принимал участие и которая послужила предметом его переписки и расхождений с Соннино. Соннино прерывает его. Затем Нитти говорит против возможности революции: «Революция в Италии означала бы голод». Наконец, он заявляет, что «готов оказать поддержку правительству, которое руководствуется чувством реальности, внося в каждое свое действие дух искренности».

Кулуарные слухи: Джолитти хочет, чтобы остались Бозелли и Соннино.

Соннино выказывает меньше враждебности к тому, чтобы остаться, но говорит: «Я не могу быть премьером. К нему, между прочим, приходят жаловаться коллеги. У кого же есть время на то, чтобы принимать, успокаивать, улаживать споры?»

Резкая статья Муссолини в «Popolo d'Italia» по поводу парламентской ситуации. Модильяни посылает ему вызов на дуэль. Муссолини, вынужденный все еще носить костыли из-за тяжелых ран, полученных на фронте, принимает вызов и назначает своих секундантов.

Понедельник, 22 октября.

Начальник кабинета премьер-министра говорит мне: «Участь Бозелли решена. Постановлено назначить премьером Орландо. Нитти займет пост министра снабжения и войдет в военный совет. Используют Соннино и затем грубо вытолкнут его. Новое министерство будет долговечным, заключит мир и назначит выборы».

Барон Монти, осторожный посредник между итальянским правительством и Ватиканом, рассказывал мне, что кардинал Гаспарри сказал, что его святейшество узнал из достоверного

источника, что ответ Антанты на папскую ноту не был дан по вине Соннино*. В Ватикане это истолковали как нелюбезность и сожалели об этом.

Читаю в газете об интервью, данном генералом Кадорной по поводу возможного наступления неприятеля. Газета поместила над тремя столбцами следующую фразу Кадорны: «Что ж, пусть идут, и пусть их будет много!»

Вторник, 23 октября.

В палате. Речь Орландо имела большой успех. Свобода. Свобода.

Среда, 24 октября.

В палате с успехом выступил военный министр Джардино. «На Изонцо на-днях был обнаружен пруссак».—«Пусть наступают, мы не боимся».

Сегодня утром неприятель начал артиллерийский обстрел на Изонцо.

Четверг, 25 октября.

Баррер заявил мне, что ему тяжело было слышать в палате заявления, враждебные Соннино. Надеется, что Соннино будет реагировать.

Соннино сегодня выступил в парламенте. В своей продолжительной речи он особенно подробно остановился на папской ноте. Сочувственное упоминание о Бельгии. Вновь говорил о необходимости внутренней дисциплины, «для того чтобы не провалить войну».

Живейший успех.

Даже Нитти спешит пожать руку Соннино.

Речь Бозелли.

Шумные одобрения.

Результат голосования: 96—за, 314—против.

В., американец, пробывший в палате до окончания речи Бозелли и слышавший горячие аплодисменты по адресу последнего, был ошеломлен, когда вечером я объявил ему о падении министерства.

Секретная телеграмма Кадорны военному министерству. В телеграмме фраза: «Намечается катастрофа».

Соннино говорит мне об этом вполголоса, с болью, но спокойно.

Пятница, 26 октября.

Бозелли объявляет парламенту, что министерство в результате вчерашнего голосования подало в отставку.

Сегодня ранним утром я отправился на Палатин навестить Джáкомо Бони. Он рассказал мне, что прошлой ночью ураганом

* Ср. мою запись от 17 августа, из которой видно, что инициатива принадлежала не Соннино, а французам.

был снесен и почти разрушен построенный им на вершине холма жертвенник.

Он связывает это обстоятельство с событиями на фронте и обращает на меня тревожно-вопросительный взгляд голубых глаз*.

Суббота, 27 октября.

Генерал Ди Джордано говорит Биссолати: «Спокойствие Кадорны вселяет уверенность».

Слухи о необходимости французской и английской помощи и о том, что эта помощь предложена.

Соннино по поводу кризиса: «Затруднительность взаимоотношений между теми, которые хотят остаться, и теми, которых хотят убрать».

Воскресенье, 28 октября.

Франция обещает прислать четыре дивизии. Послезавтра начнут переходить границу.

Соннино был у короля, вернувшегося в Рим в связи с министерским кризисом. Нашел его спокойным. Король говорил ему, что солдаты в тылу держат себя почтительно. Туман причинил серьезный ущерб. Вражеские солдаты появлялись на расстоянии 50 метров. В первой линии находятся 40 германских дивизий; другие стоят в резерве.

Многократные беседы Орландо с Соннино.

Во второй половине дня (17 час. 30 мин.) открываю телеграмму со сводкой верховного командования. Горестные сообщения об «отсутствии достаточного сопротивления со стороны частей II армии»**.

Сообщаю телеграмму Соннино; он велит обратить внимание премьер-министра на необходимость принятия мер к недопущению распространения телеграммы в этой форме. Телефонирую. От премьер-министра мне отвечают, что это будет сделано в области внутренней информации, но замечают при этом, что текст был уже телеграфирован непосредственно командованием швейцар-

* В следующем году Бони нашел поблизости от того места кусок замечательной статуи Победы греческого мастера, использованный в качестве простого строительного материала при постройке средневекового здания. Он показал мне его в своем рабочем кабинете, рассматривая эту находку как счастливое предзнаменование. Бони дал Орландо рисунок этого мрамора.

** Иначе звучат (хотя при этом противник преследовал свои особые цели) неприятельские сводки. В австрийской сводке от 25 октября говорится: «Пехота вела наступление в бурю, снег и дождь; неприятель мужественно оборонялся»; «Вчера итальянская армия оказала ожесточеннейшее сопротивление». Германская сводка: «Несмотря на упорное сопротивление»; «Стойкое сопротивление итальянцев пришлось преодолевать в жестоких рукопашных схватках». Австрийская сводка от 27 октября: «На плоскогорье Байнсица итальянцы защищали каждую пядь земли». Австрийская сводка от 29 октября: «Горица была отвоевана в результате жестоких уличных боев... все усилия итальянцев оказать сопротивление были тщетны». Сводки эти в более полном виде приводятся в предисловии Муссолини к книге генерала Альберти «Свидетельства иностранцев об итальянской войне» (Roma 1933).

скому телеграфному агентству в Базеле и радиотелеграфирован со станции Кольтано.

Итальянский посол в Мадриде Бонин телеграфирует, что король Альфонс испанский, говоривший ему об австро-германском наступлении, повидимому, полагает, что главный удар будет направлен против трентинского фронта, где, как ему передавали испанские офицеры, посетившие месяц назад австрийский фронт, были сосредоточены крупные силы и даже были построены специальные заслоны вдоль дорог, которые, благодаря этому, становятся проезжими и в снежную погоду.

Понедельник, 29 октября.

Со всех сторон от наших представителей за границей поступают известия о потрясающем впечатлении, произведенном военной сводкой от 28-го числа.

Поверенный в делах Англии Эрскин сообщает телеграмму Бальфура. Британское правительство желает знать, что именно оно могло бы сделать для Италии в нынешних обстоятельствах, поэтому вчера вечером начальник генерального штаба Робертсон выехал на итальянский фронт.

Вторник, 30 октября.

Разрешение кризиса. Орландо—премьер-министр, Нитти—министр финансов. Соннино говорит мне о его назначении в это ведомство, цедя слова сквозь зубы, с явно скептическим выражением в глазах.

Вечером, будучи на станции, я увидел на вагоне отходящего поезда надпись «Рим—Удине», а Удине, насколько мне известно, уже занято неприятелем*.

Посланник в Берне Паулуччи телеграфирует, что, как ему передавал один нейтральный дипломат, поддерживающий постоянную связь с тамошней германской миссией, план германского штаба заключается в том, чтобы в течение шести недель занять Геную и затем ударить в тыл французам, продиктовав условия мира до вмешательства Америки. Он добавляет, что, по сведениям, исходящим из того же источника, за последний месяц из Германии

* Известия и слухи тех дней: а) Месяц назад стало известно, что неприятель намеревается повести наступление; две недели назад распространилась весть о том, что наступление это будет направлено в сторону Капоретто. Там была оставлена всего одна линия. Тыловые траншеи были пусты. Никакой маневренной армии. б) Скверная погода, туман. Наступлению предшествовали мощные непрерывные газовые атаки. У наших не было подходящих противогазов. Груды итальянских трупов. Неприятельские войска в районе главного натиска были в четыре раза многочисленнее наших. 24-го числа в 15 часов верховное итальянское командование было уже изолировано. в) Кадорна говорил одному лицу (которое мне об этом непосредственно сообщило): «Я не генерал, потерпевший поражение, я жертва предательства, вместе со мной была предана Италия. В течение двух дней я потерял 600 тысяч человек. За первой линией были расположены пять сильно укрепленных линий».

через Инсбрук проследовало 200 воинских поездов по 35 вагонов, каждый на 48 человек, т. е. около 330 тысяч человек. Кроме того, многочисленные поезда, груженные артиллерией, железнодорожным материалом, продовольствием.

Консул Киовенда сообщает, что в Женеве печатаются для переправы в Италию немецкие прокламации, предназначенные для наших войск с целью вызвать восстание в провинциях, которое должно якобы состояться 2 ноября.

Четверг, 1 ноября.

Империали телеграфирует, что он имел продолжительную беседу с английским королем, который вызывал его по телефону и выразил ему живейшее сочувствие по поводу событий на нашем фронте. Король резко осуждал пацифистскую и пораженческую пропаганду внутри и вне страны и выразил надежду, что Италия счастливо преодолеет кризис.

Принц Уэльский сегодня утром под большим секретом выехал на итальянский фронт в качестве прикомандированного к штабу английского экспедиционного корпуса.

Соннино беседовал с генералом Робертсоном, который прибыл в Рим после краткого осмотра нашего фронта. Робертсон полагает, что следовало бы защищать Тальяменто, но что в этом отношении он полагается на мнение итальянского командования.

Соннино, кроме того, имел беседу с американским послом Пейджем. Пейдж заявляет, что он обратил внимание своего правительства на необходимость объявления войны также и Австро-Венгрии*. Пейдж хочет знать, одобрительно ли отнесутся к присылке нескольких отрядов американских войск в Италию. Соннино соглашается и благодарит, хотя и вяло, ибо сознает, что американский жест в настоящее время не будет иметь никакого практического значения**, однако Соннино признает моральный эффект, который произведет американское предложение.

Новый военный министр Альфиери сообщает телеграмму Кадорны от 30 октября, в которой «ввиду настоящего положения и могущей создаться тяжелой ситуации просит принять необходимые меры к тому, чтобы в случае надобности войска, расположенные в Албании и Ливии, могли быть возможно скорее уведены».

Соннино решительнейшим образом высказывается против этого.

Пятница, 2 ноября.

Ходят фантастические слухи об «измене» Капелло и о том, что Кадорна 25 октября был в Риме с целью вызвать министер-

* Соединенные Штаты объявили войну Германии 6 апреля 1917 г., а 7 декабря 1917 г. им была объявлена война Австрии.

** Единственный американский полк, бывший на нашем фронте, прибыл в Италию из Франции 30 июня 1918 г. и 28 июля 1918 г. расположился южнее озера Гарда. Два батальона этого полка в конце сентября заняли передовые позиции.

ский кризис. Ставку верховного командования будто бы предполагается перевести в Феррару.

Тревожные телеграммы из разных мест, в том числе от Биссолати: «Положение почти безнадежно», «Требуется возможно срочная помощь союзников в размере по крайней мере 200 тысяч человек»*.

Скопление войск при отступлении так велико, что автомобили, как мне рассказывали, были вынуждены стоять на месте с работающими моторами в течение 5 или 6 часов.

Меня уверяют, что прибывший сегодня в Рим генерал Фош будто бы сказал герцогу д'Аоста, всецело поглощенному наведением порядка в III армии: «Итальянцам ничего другого не остается, как отступить к Милану и далее...» На что герцог ответил: «И это вы говорите принцу Савойского дома?»

Начинается эвакуация Венеции**.

Из Швейцарии почтой мне доставлена германская прокламация на итальянском языке, основанная на давнишней дерзкой, бессмысленной клевете о предательстве Италии. Прокламация озаглавлена: «Германское вторжение в Рим».

Неприятельская пропаганда коварно и упорно проводилась среди наших бойцов. Мне говорили, что распространялись слухи и прокламации в духе русского фронта: «Война окончена. Мы все хотим окончания войны, но если вы будете продолжать драться, гибель ваша неминуема».

Соннино сообщили, что на фронте в числе невзорвавшихся крупных снарядов был найден снаряд, на котором было написано мелом «Für Sonnino» [«Для Соннино»]. Соннино отправил этот снаряд в Ромито в средневековую башню, служащую ему летней резиденцией, в которой он велел приготовить себе склеп. Бонин телеграфирует из Испании, что король Альфонс подтвердил

---

* Биссолати пишет 2 ноября в цитированном выше «Дневнике войны»: «От этих трех или четырех дней будет зависеть существование Италии».

** Орландо впоследствии рассказывал мне, что это было сделано без его распоряжения и ведома. Но страх перед оставлением Венеции продолжался несколько дней. 18 ноября мною было получено письмо от Джиберто Арриабене; он призывал оказать сопротивление во что бы то ни стало для спасения Венеции, потеря которой имела бы не только материальное; но и огромное моральное значение. Я ознакомил Соннино с этим письмом. Он промолчал, но, отправляясь на заседание совета министров, захватил с собой письмо. Еще 20 ноября циркулировали слухи о том, что немцы и австрийцы намерены окончательно захватить Венецию. «Тотчас же по занятии Венеции они издадут декрет об ее аннексии». Соннино: «Я этому не верю». Испанский посол Вилла Урруция, представлявший в Италии во время войны Австро-Венгрию, уведомил 12 ноября Соннино, что австро-венгерское правительство официально запрашивает итальянское правительство о том, «является ли Венеция открытым городом. Вилла Урруция добавил, что австро-венгерское правительство слагает с себя всякую ответственность в случае несообщения ответа в течение суток». Соннино, выслушав мнение подлежащих органов, ответил: «Город Венеция не укреплен».

сказанное им несколько дней назад о том, что наибольший удар австро-германской армии будет нанесен на трентинском фронте.

Ллойд Джордж уведомил Империали, что выедет сегодня в Париж, откуда вместе с Пенлеве проследует в Италию, желая встретиться с Орландо.

Воскресенье, 4 ноября.

Реннел Родд пишет Соннино, что по сообщению британского посланника в Берне австрийский министр иностранных дел отправил в Швейцарию агента, желая официозно дать знать британскому правительству, что если оно готово принять участие в совещании на тему о мире, то австрийское правительство возьмет на себя обязательство сохранить это в тайне, и что граф Чернин был бы готов сделать немедленное заявление об обеспечении неприкосновенности итальянской территории в довоенных ее пределах, несмотря на недавние военные события.

Г-н Бальфур инструктировал британского посланника в Берне передать своему информатору, что он, Бальфур, убежден, что мир может быть обсужден британским правительством только совместно с союзниками, но если австрийское правительство желает сделать союзникам какие-либо предложения, он передаст их.

Британский посланник в Берне известит обо всем этом итальянского, французского и русского коллег.

Родд в пост-скриптуме добавляет: «Это является лишним доказательством того, что заключение мира стало абсолютно необходимым для Австрии».

Понедельник, 5 ноября.

Сальваго Раджи извещает, что, согласно идущим из Швейцарии сведениям, австро-германское наступление из Трентинской области должно начаться приблизительно 15-го текущего месяца.

Совещание Орландо и Соннино с Ллойд Джорджем и Пенлеве, которое вначале предполагалось устроить в Нерви, состоится завтра в Рапалло.

Неприятель перешел Тальяменто.

* * *

Рапалло, вторник, 6 ноября.

В Рапалло, кроме Орландо и Соннино, съехались из разных мест премьер-министры Франции и Англии—Пенлеве и Ллойд Джордж в сопровождении многочисленной свиты.

Первое совещание состоится в гостинице «Нью Казино Отель» в 10 час. 15 мин.

На заседании присутствуют Орландо и Соннино, Пенлеве, Франклен-Буйон и генерал Смэтс, сэр Морис Хэнки, комендант Хельброннер и я.

Орландо заявляет, что военное положение на итальянском фронте можно резюмировать следующим образом: против

Италии стоит наиболее боеспособная часть австрийской армии, равно как и значительные германские подкрепления, определяемые в 300 тысяч человек. Во всяком случае речь идет о многочисленных и отборнейших войсках. Под натиском неприятеля итальянский фронт был прорван в районе расположения II армии, войска были охвачены паникой, от которой в известных случаях не гарантированы наиболее закаленные войска, как об этом свидетельствует военная история всех времен.

Ввиду того что II армия представляет собой крупную силу, событие это приобретает характер, серьезность которого не следует преуменьшать. Однако положение вполне поправимо.

Что события должны быть приписаны вышеназванным причинам, а не изменению состояния духа войск, доказывается тем фактом, что остальные армии сражались и сражаются доблестным образом, особенно III армия, которая выполнила и продолжает выполнять отступление в труднейших условиях в совершенном порядке. Солдаты той же II армии были легко собраны, и они составляют все еще внушительную силу из нескольких сот тысяч человек, которым требуется лишь время для реорганизации.

Ллойд Джордж.—Несколько сот тысяч человек во II армии? Мне говорили, что во II армии сейчас осталось не более 24 батальонов.

Орландо.—Да, 24 батальона находятся под ружьем, но кроме них имеется 300 тысяч человек дезорганизованных, которых нужно собрать в армию.

Помощь союзников должна, следовательно, быть оказана в течение срока, необходимого для вышеуказанной реорганизации. Линия реки Пиаве, на которой будет оказано отчаянное сопротивление, представляет собой в общем хорошую позицию за исключением одного пункта. Однако ввиду временного расстройства всех частей II армии остальных войск, которыми располагает Италия, едва достаточно для занятия этой линии. Это чревато двумя серьезными опасностями. Первая касается возможности (имеются все основания считать ее вероятной) форсированного наступления со стороны Трентино: в этом случае охраняющие ее войска недостаточны. Во-вторых, так как всех имеющихся в распоряжении войск едва достаточно (как уже говорилось) для занятия фронта, наша армия осталась бы без всяких резервов и маневренной массы для немедленной переброски на наиболее угрожаемые пункты.

Ввиду всех изложенных выше условий помощь союзников должна выразиться в размере не менее 15 дивизий. Необходимо, кроме того, чтобы прибытие этих дивизий совершилось в кратчайший срок и чтобы распределены они были по таким местам, откуда они могли бы быстро начать действия.

Если военная помощь союзников будет оказана с соблюдением вышеназванных условий, итальянское правительство убеждено,

в той степени уверенности, которая вообще возможна, что оно сможет справиться с положением. Если же условия эти не будут соблюдены, все предположения приведут к противоположным результатам, т. е. к невозможности удержаться на линии Пиаве и, следовательно, необходимости дальнейшего отступления, каковое в связи со всем комплексом обстоятельств не может не превратиться с военной точки зрения в полную катастрофу со всеми возможными опасными последствиями внутри страны.

От решения, которое примут союзники, зависит возможность сохранения военной мощи Италии, которая даже после перенесенных поражений может сдержать натиск австрийской армии. Итальянское правительство обращает внимание союзников на тот факт, что для спасения положения недостаточно оказать какую-либо помощь, а необходимо сделать это как следует.

Ллойд Джордж.—Согласен с премьером Орландо, что союзники должны дать все, что в их силах, для оказания помощи Италии в настоящем затруднительном положении. Это не только вопрос чести: мы дали слово, и этого было бы достаточно; но, кроме этого, в интересах Великобритании и Франции помочь Италии и оказать ей поддержку в войне. Однако есть вопросы, которые мы должны рассмотреть, прежде чем вынести решение относительно возможной помощи. И лучше говорить со всей откровенностью, с той откровенностью, которая вытекает из дружбы со стороны союзников, желающих оказать содействие союзнику...

Орландо.—...который хочет сопротивляться во что бы то ни стало, хотя бы ценой отступления в мою Сицилию.

Ллойд Джордж.—Это в интересах всех союзников. Если Австрия и Германия восторжествуют, образуется новая Европа. Наша борьба есть борьба за свободу народов; если мы будем побеждены, это будет означать для Англии, так же как и для Франции и Италии, конец принципов демократии и свободы. Мы должны пожертвовать всем для борьбы.

Орландо.—Для этого мы и собрались здесь.

Ллойд Джордж.—Франция посылает четыре лучшие свои дивизии, Англия уже выслала две дивизии, которые находятся в пути, и пошлет еще две. Все они вместе составят восемь первоклассных дивизий, которые прибудут так скоро, как скоро железные дороги смогут выполнить их перевозку. Это—лучшие дивизии французской и английской армий. Когда генерал Робертсон спрашивал меня, как ему поступить, я ответил, что следует выбрать лучших людей; выбор дивизий был произведен на этой основе.

Теперь перехожу к тем соображениям, в зависимости от которых можно оказать достаточную помощь. Бесцельно посылать наши войска в Италию, если мы не уверены в том, что они окажутся полезными. Это сводится к вопросу о пригодности командования, т. е. о плодотворном руководстве итальянской армией, ибо если командование не будет пригодным, это будет означать не только

разгром итальянских войск, но и французских и английских дивизий.

На основании полученных сведений я не думаю, чтобы итальянскому командованию возможно было доверить английские и французские дивизии. Я хочу говорить с максимальной откровенностью. Тот факт, что часть итальянской армии была охвачена паникой, нисколько не умаляет доблести самой армии. Наполеон говорил, что самые храбрые армии подвержены панике, так же обстоит дело и с лучшими армиями.

Итальянская армия не нуждается в защите ее доблести. В течение трех лет она выказала себя равной любой другой армии в мире по мужеству перед лицом всякого рода опасностей, поэтому не приходится делать замечаний о доблестном поведении войск. Ничто не изменилось в нашем мнении об итальянской армии. Но из всех добытых сведений явствует, что чего-то не хватало. Это касается организации и деятельности генерального штаба. В этом отношении я полагаюсь на авторитет генералов Робертсона и Фоша. Эти генералы позже всех других заявили бы об этом, если бы они не чувствовали в этом смысле себя обязанными. Среди военных существует дух товарищества, который не позволил бы им говорить подобных вещей, в особенности политическим деятелям, за исключением серьезных случаев. Нынешнее командование является неподходящим. Единственное исключение составляет герцог д'Аоста, умело и хладнокровно командовавший своей армией. По имеющимся у меня сведениям высшее командование было наравне с солдатами охвачено паникой. Мы готовы доверить наши войска доблести итальянской нации, и вера наша не уменьшилась в результате недавних событий, но, откровенно говоря, мы не могли бы доверить их нынешнему верховному командованию.

Пенлеве.—Мне почти нечего добавить к столь ясным словам г. Ллойд Джорджа. Франция готова, подобно Англии, оказать братскую помощь. Нам знакомы трудности войны, мы знаем, что такое паника. Наши войска испытали это в Шарлеруа, между тем те же войска покрыли себя славой на Марне.

Но, посылая наши войска, мы должны принять в соображение многочисленные частности: перевозки, снабжение, экипировку, зависимость от места, куда войска должны быть направлены, целый ряд определенных проблем, которые нужно разрешить в короткий срок, но наиболее важной из них является проблема командования.

В переживаемый период войны мы не можем позволить себе неудачи. Серьезное отступление по своим последствиям явилось бы бедствием, которое отразится как на войсках, так и на гражданском населении. Вопрос о командовании является вопросом первостепенной важности. Армия, составленная из солдат трех различных наций, говорящих на трех различных языках, должна упра-

вляться твердой рукой наиболее способных к тому людей, обладающих такими качествами, как хладнокровие, молодость и т. п.

Орландо.—Благодарю от всего сердца министров союзных держав за эти столь дружественные заявления и за то, что они признали столь существенный пункт, как оказание нашими союзниками поддержки для продолжения войны; ни одного человека больше, но и не меньше. Помощь эта—временная. Я подтверждаю, что численность разбитых частей II армии превышает 300 тысяч человек. В людях нет недостатка, необходимо лишь время для их реорганизации. Солдаты II армии несколько недель назад совершали подвиги на возвышенности Байнсица. Я думаю, что переживаемая нами беда вызвана целым рядом причин. Я убежден, что в число этих причин следует включить трудную стратегическую позицию, в которой мы оказались после прорыва нашего фронта в Капоретто[3] и Лунко, вследствие чего бо́льшая часть II армии была отрезана, когда неприятель продвигался на левом фланге.

Ллойд Джордж.—Кто ее там поставил?

Смэтс.—Это верно. Стратегическая позиция была для вас неблагоприятна. Еще недавно II армия показала много великих примеров доблести.

Орландо.—Итальянское правительство уже признало необходимость реорганизации генерального штаба. Это было решено на последнем заседании совета министров, который возложил полномочия на меня и на Сонинно вместе с военным министром*.

Мы не испытываем колебаний, но необходимо принять во внимание затруднительность таких перемен в тяжелые моменты. Однако я вновь подтверждаю, что реорганизация была решена и осуществляется. Она будет проведена с большой быстротой. Требуется разрешить две проблемы: первую—внутреннюю проблему, за которой мы, однако, признаем и внешнеполитическое значение; вторая проблема касается командования, которому должны подчиниться отныне не только итальянские войска, но и французские и английские части. Необходимо и полезно найти такие формы, которые обеспечили бы полное согласование действий и сохранили бы единство итальянского командования. Но вопрос слишком сложен, чтобы его можно было немедленно разрешить. Сюда относятся технические вопросы, относительно которых нужно действовать согласно и рассмотреть их совместно с военными. Согласен, что быстрота необходима.

---

* В «Дневнике войны» Биссолати имеется следующая запись, датированная 4 ноября: «Беседа <с королем>. Утром он виделся с министром Альфиери. Речь шла о замене генерала Кадорны. Назначение Цуккари исключено...» В дальнейшей части беседы он заявляет, что выбор, повидимому, падет на Диаца в качестве начальника генерального штаба и на генерала Джардино в качестве его помощника.

Смэтс.—Итак, министр Орландо согласен с нами в признании необходимости реорганизации командования и отдает себе отчет в новых взаимоотношениях, возникающих из факта оказания помощи нашими войсками. Но, кроме того, необходимо разрешить серьезную и срочную проблему реорганизации остатков II армии. К этой реорганизации необходимо приступить немедленно. Что касается требования о присылке по меньшей мере 15 дивизий, я должен заявить, что мы эту цифру не считаем необходимой. Генералы Фош и Робертсон полагают, что восьми дивизий лучших наших войск было бы достаточно для получения необходимого в настоящий момент результата. Мы полагаем, что если итальянская армия должным образом организована, она сможет удержаться на Пиаве. Главным же образом необходимо иметь помощь франко-английских войск, чтобы дать ей время собраться с силами.

Линия Пиаве—самая короткая. III армия не тронута. I и IV—целы, и восьми союзнических дивизий вместе с этими тремя армиями было бы достаточно. В Трентинской области скоро выпадет снег, и с этой стороны нечего будет опасаться удара.

Соннино.—I армия может быть атакована крупными силами в Трентино и, вероятно, будет атакована. Операции в этом месте могут происходить даже в ноябре. На эту армию вы не можете рассчитывать; между прочим она лишена резервов. Можно рассчитывать на III армию, которая, однако, нуждается в отдыхе и реорганизации, и на IV, сохранившуюся в неприкосновенности. Нельзя рассчитывать на II армию. Повторяю, у нас нет резервов. Мы не можем посылать новобранцев на первую линию, и все же мы послали туда весь призыв 1899 г. Небольшого количества дивизий было бы недостаточно. Как мне говорили, без 15 дивизий мы не сможем противостоять врагу с надеждой на успех и отразить удар, направленный против нас Австрией и Германией, которые в военных и политических целях рассчитывают усилить натиск.

Баррер.—Вопрос о числе дивизий, 15 или менее, можно было бы обсудить в присутствии военных.

Ллойд Джордж.—Согласен. Следует избегать рассматривать дважды один и тот же вопрос. Лучше обсудить его в присутствии генералов Фоша, Робертсона и Порро. Вопрос о командовании может быть лучше обсужден министрами.

Я рад заявлениям президента Орландо, но еще не вполне удовлетворен. Окажем ли мы нашу помощь с удовольствием или нехотя, это будет зависеть от доверия, которое мы питаем к верховному командованию. Если генералы Кадорна и Порро с их генеральным штабом останутся, мы не сможем сохранить это доверие. Мы должны будем в этом случае бояться, что итальянские войска на правом или на левом фланге наших дивизий могут поставить нас в затруднительное положение. Не по недостатку доблести, которую мы не оспариваем, но лишь потому, что войска могут быть поставлены командованием на невыгодные позиции. Если

итальянцы хотят, чтобы мы охотно с ними сотрудничали, они должны внимательно рассмотреть вопрос. Я понимаю сдержанность итальянцев. Политические деятели, подобно юристам, любят иногда отдалять неприятные вопросы, но я должен настаивать, чтобы этот вопрос был разрешен теперь же, иначе мне трудно будет добиться согласия британского военного кабинета на дальнейшую отправку дивизий. Маршал Хейг воспротивился бы этому. Военный кабинет подумал бы, что следует с ним соглашаться, в особенности если потребуют, чтобы английские войска были поставлены под начальство генералов Кадорны и Порро, к которым он не питает доверия. Он не мог бы отделаться от мысли об опасности, которой подвергаются наши войска. Это—основной пункт, и я желал бы, чтобы он был разрешен прежде, чем пойти дальше и заслушать мнение военных.

Франклен-Буйон предлагает отложить заседание до 11 час. 30 мин., чтобы дать итальянским министрам время обсудить вопрос.

На этом и порешили.

* * *

Великолепный солнечный день. После завтрака на площади перед гостиницей множество отдыхающих. Д. говорит мне: «Ну, как же, спасаете или не спасаете вы эту Италию?»

Один из английских друзей, видя, что не принимается никаких мер охраны, и глядя на толпу итальянцев, французов, англичан, собравшихся на площади перед небольшим заливом, ничем не защищенным, восклицает: «Какая добыча для германской подводной лодки, если бы она неожиданно появилась!»

Баррер говорит мне между прочим, что по имеющимся у него сведениям одной из целей австро-германского наступления в Италии является перерыв сообщения через Италию между Францией и Англией, с одной стороны, и восточной армией—с другой, с тем чтобы развернуть энергичную кампанию на македонском фронте и восстановить на греческом троне короля Константина.

Продолжительная беседа с Хэнки во время нашей прогулки в саду отеля. Выражает мне живейшее сочувствие по поводу недавних событий. Говорит мне: «Это случайность, и у нас тоже были такие; увидите, что положение восстановится». Затем он говорит мне о новом междусоюзническом органе, который предполагают создать, и по поводу фразы Орландо относительно перемен в тяжелое время спрашивает: «Не найдете ли вы желательным назначить туда генерала Кадорну?»

Я передал это Орландо. Тот в свою очередь поговорил с Соннино. Соннино молчит; взгляд его устремлен вдаль, но, повидимому, он за радикальное решение о немедленной замене генерала Кадорны.

* * *

Конференция возобновляется в 14 час. 45 мин. Присутствуют те же, что и на утреннем заседании.

Ллойд Джордж.—Я хотел бы ознакомиться с решением итальянских министров относительно поставленного сегодня утром вопроса, которому я придаю важнейшее значение.

Орландо.—В утреннем заседании я говорил, что правительство уже вынесло решение по этому поводу и наделило полномочиями генерала Альфиери—военного министра, Соннино и меня. Оставалось только осуществить принятое решение, найти формулировку. Я могу заявить, что мы считаем ее установленной. Я слышал, что на этой конференции предложено создать Междусоюзнический военный совет. Предполагается избрать генерала Кадорну в качестве представителя Италии в этом совете. Генерал Альфиери выедет сегодня вечером для доклада королю. Таким образом, будет назначен новый начальник генерального штаба.

Ллойд Джордж.—Это влечет за собой также замену генерального штаба при генерале Кадорне?

Орландо.—Да.

Франклен-Буйон.—Очевидно, генерал Порро разделит судьбу Кадорны. Как был решен вопрос о связи между тремя генеральными штабами?

Орландо.—Разумеется, связь будет осуществляться под единым командованием.

Ллойд Джордж.—Я полагаю, что обе союзные армии должны быть представлены в итальянском командовании.

Соннино.—Разумеется, единство командования в Италии остается за начальником итальянского генерального штаба.

Ллойд Джордж и *Пенлеве.*—Да.

Орландо.—Надо выработать схему, которой займутся специалисты.

Ллойд Джордж.—Речь в настоящее время идет о числе и применении дополнительных войск, которые будут эвентуально посланы союзниками. Необходимо знать теперь же, с кем союзники должны вести переговоры по этому поводу. Это не может быть сделано до того, как мы узнаем о переменах, которые произойдут в итальянском верховном командовании.

Орландо.—Для этого необходимо получить предварительное согласие короля, к которому, как я говорил, сегодня же отправится генерал Альфиери. Я полагаю, что в течение двух дней все может быть урегулировано. Разумеется, тем временем дело должно храниться в абсолютной тайне.

Франклен-Буйон.—Это—ваша тайна.

Соннино.—Нам были предоставлены полномочия, но мы не можем назначить нового начальника генерального штаба без предварительного согласия и утверждения его величества; время не уходит даром. Невозможно сделать скорее. Однако уже сейчас мы заявляем, что верховное командование будет заменено новым.

Ллойд Джордж.—Мне кажется, что можно теперь пригласить генералов, чтобы поставить им несколько технических вопросов.

(Входят генералы Альфиери и Порро, Робертсон и Вильсон, Фош, Вейган, де Гондрекур).

Смэтс.—Г-н Орландо говорил, что, по мысли итальянского командования, необходима присылка 15 французских и английских дивизий. Другой стороной было предложено восемь дивизий. Я думаю, что генералы Робертсон и Фош, побывавшие на местах, могут ознакомить нас со своим мнением по этому вопросу.

Робертсон.—Мне неизвестны соображения, которые были положены в основу исчисления количества необходимых войск (15 дивизий). Я полагаю, что ввиду нынешнего состояния итальянской армии и неприятельских войск восьми дивизий было бы вполне достаточно. Я отдал приказ об отправке двух английских дивизий, и вскоре будут посланы еще две дивизии. Я полагаю, что этих дивизий вместе с четырьмя французскими будет вполне достаточно для восстановления боеспособности итальянских войск, расположенных за рекой Пиаве. Я хотел бы знать, по какой причине испрашивалось 15, а не 14 или 16 дивизий? Речь идет о том, чтобы реорганизовать итальянскую армию, которая не была разбита и даже серьезно атакована. Были атакованы лишь два или три корпуса. Мы думаем послать для командования нашими четырьмя дивизиями одного из лучших наших генералов, с тем чтобы он мог ознакомиться с положением, доложить военному кабинету и затем запросить все необходимое от британского правительства.

Ллойд Джордж присоединяется к мнению Робертсона, полагающего, что итальянская армия не была разбита и что атака в смысле сражения пока не имела места.

Робертсон.—Мы не можем послать больше войск, чем это необходимо. Мое предложение не вызывает потери времени. Даже в случае желания и возможности посылки войск на 40 или 50 тысяч человек больше, этого нельзя было бы сделать из-за затруднений, связанных с перевозкой по железным дорогам этих войск. Кроме того, англичане сами срочно нуждаются в людях ввиду происходящего в настоящее время большого сражения.

Орландо.—Я хотел бы знать, будет ли мнение английского генерала, который отправится на фронт, решающим в смысле определения размеров дальнейшей британской помощи.

Робертсон.—Генерал этот сообщит свое мнение британскому военному кабинету, который затем вынесет решение.

Соннино указывает, какую потерю времени вызовет все это: генерал должен прибыть, командовать войсками, отдать себе отчет в ситуации на фронте, составить рапорт своему правительству, а последнее должно вынести решение. После прибытия первых четырех дивизий понадобятся недели для дальнейшей отправки войск.

Робертсон.—Генерал прибудет раньше, чем его четыре дивизии достигнут места назначения.

Ллойд Джорджс.—Я желал бы выслушать мнение генерала Порро.

Порро.—Эту проблему можно обсудить и вынести решение теперь же на основе имеющихся у нас данных о состоянии наших и неприятельских сил. После отхода от Тальяменто на Пиаве у нас остается на нижнем течении Пиаве почти в полной неприкосновенности III армия (100 батальонов); от Монтелло до Бренты—IV армия (127 батальонов); между долиной Бренты и озером Гарда расположено 118 батальонов I армии; от Гарда до Стельвио—32 батальона, из коих 21—в Валь Джудикарии, 8—в Карнии, 3—на Стельвио, всего 377 батальонов.

На этой хорошо укрепленной линии генерал Кадорна решил сопротивляться до последней крайности. В течение какого времени? Не знаем.

Рассмотрим теперь другую сторону вопроса. Когда 24 октября началось наступление, против нас действовали 54 австро-германские дивизии, из которых 9 германских, в общей сложности 661 батальон, из них 168—в Трентинской области и 493—в Юлианских Альпах. После 24-го числа, по полученным нами согласным сведениям, против нас было направлено от 12 до 15 свежих германских дивизий, взятых из Эльзаса, из Румынии и из внутренних областей Германии и составлявших 150 батальонов. Повидимому, войска эти будут отправлены в Трентино. Суммируя приведенные данные, следует заключить, что мы должны противостоять 318 батальонам в Трентино и 493 на Пиаве, всего 811 батальонам, нашими 377 батальонами.

Ллойд Джорджс.—Какова численность германских дивизий?

Франклен-Буйон.—Генерал Порро уже ответил, что германских дивизий с подкреплениями имеется от 21 до 24, а итальянцы остаются с 377 батальонами против 811.

Робертсон.—Отмечу два обстоятельства: на основании опыта отступлений (при Монсе и первом сражении на Ипре) мне известно, что усталость отступающих войск быстро проходит. Не требуется много времени для отдыха войск. Что касается неприятельских сил, из полученных мной сегодня утром донесений видно, что было обнаружено не более шести германских дивизий на всем итальянском фронте. Может ли генерал Порро указать число германских дивизий на фронте?

Орландо.—Относительно первого замечания генерала Робертсона замечу, что на Марне у французов были кадровые войска, между тем как наша II армия таковых больше не имеет.

Ллойд Джорджс.—Цифры, указанные двумя генералами относительно германских дивизий на итальянском фронте, сильно расходятся между собой. По данным генерала Порро—от 21 до 24 дивизий, по английским же сведениям—всего шесть. Наш

генеральный штаб, без сомнения, считает эту последнюю цифру правильной.

Соннино.—Вы говорите о шести «обнаруженных» дивизиях?

Вильсон.—Каково по этому поводу мнение генерала Фоша?

Фош.—Если даже допустить правильность указанной генералом Порро цифры—54 австро-германские дивизии по девяти батальонов,—возникает вопрос, каким образом была получена цифра 661 батальон? В германских или австрийских дивизиях имеется по девяти батальонов. 54, помноженные на девять, дают 486 батальонов, а не 661, как указывает генерал Порро.

Порро.—Имеются батальоны, не входящие в состав дивизий.

Фош.—Однако вряд ли цифра достигнет 661. Для наступления в ноябре у них, вероятно, было не более 500 батальонов.

Ллойд Джордж.—Каково мнение генерала Фоша относительно количества германских дивизий?

Фош.—24 октября этих дивизий было, вероятно, девять, как указывал генерал Порро, но после этой даты к нам не поступало дальнейших сведений.

Робертсон.—Я не говорю, что не могут подойти новые германские дивизии; я говорю, что по нашим сведениям в настоящее время их не более шести.

Ллойд Джордж.—Полагает ли генерал Фош, что в течение ближайших 15 дней количество германских дивизий на итальянском фронте может быть доведено до 21 или 24?

Фош.—По-моему, весьма затруднительно подвезти по железной дороге это количество войск в вышеуказанный срок. Мы при двух налаженных железнодорожных линиях можем рассчитывать на 44 поезда в сутки, т. е. на перевозку не более двух дивизий в день.

Соннино.—Но, считая по две дивизии в день, за 15 дней можно перевезти более 25 дивизий.

Порро.—У нас имеются сведения о том, что между Мерано и Больцано уже имеется 55 тысяч германцев, с которыми мы еще не вошли в соприкосновение. Кроме того, в Трентино имеется уже три германские дивизии.

Робертсон.—Можете ли сообщить нам цифровые данные?

Порро.—Нет, но нам известно, что немцы перебросили много материала из Эльзаса.

Робертсон.—Мне кажется, что конференция отклоняется от основного, интересующего ее пункта.

Пункт этот заключается в следующем. Если бы мы даже хотели, мы не смогли бы доставить в Италию, притом в более короткий срок, большее количество дивизий, чем то, которое для вас предназначено. Это вызывается причинами транспортного порядка.

Соннино.—Будут ли восемь дивизий в Италии 16-го числа?

Фош.—12-го прибудут шесть дивизий, но снабжение и экипировка будут доставлены не раньше 20 ноября.

Соннино.—Если мы не договоримся теперь же об отправке остальных войск, это неизбежным образом вызовет задержку в прибытии их на место.

Франклен-Буйон.—Наши дивизии были отправлены в течение трех дней.

Порро.—Я хотел бы продолжать обсуждение положения.

Орландо.—Даже если определять неприятельские силы согласно преуменьшенным исчислениям генерала Фоша, остается все же значительное превосходство неприятельских сил над итальянскими.

Робертсон.—Однако если к ним присоединить восемь франко-английских дивизий (150 тысяч человек), будет достигнуто равновесие.

Соннино.—Но это равновесие нарушится, если подойдут германские войска, о которых говорилось выше.

Робертсон.—Подкрепления прибудут на трентинский фронт, где мы расположим наши дивизии.

Фош.—Вопрос о количестве войск является одним из моментов обсуждаемой темы, но не исчерпывает ее. Необходимо иметь в виду различие в характере наступательной войны и войны оборонительной. На Изере мы оказывали неприятелю сопротивление гораздо меньшими силами, такие и при обороне Вердена. При наступлении же нам необходимы гораздо более крупные силы. В современной войне одно численное превосходство не является абсолютной гарантией успеха. Оборона имеет неоспоримые преимущества. Для преодоления такого препятствия, как Пиаве, недостаточно численного превосходства. Хорошо организованная армия может сопротивляться на этой линии силами, численно значительно уступающими атакующим. Повторяю, что на Пиаве хорошо организованная и руководимая армия, лишь бы она была должным образом снабжена, может задержать превосходящие ее силы. В современной войне оборона требует довольно значительного численного превосходства неприятеля, даже в войне на ровной местности, тем более когда речь идет о таком препятствии, как Пиаве.

Порро.—Поэтому-то мы и думаем удержать линию Пиаве. Но несомненно, что мы численно значительно уступаем противнику. На Пиаве нас атакуют 493 батальона, которым мы можем противопоставить всего лишь 200 батальонов III и IV армий. Но так как Пиаве представляет собой хорошо укрепленную линию, мы думаем отстоять ее.

Соннино.—Там имеется один слабый пункт.

Порро.—Да, против Монтелло, так как против Монтелло расположены высоты, на которых может быть развернуто по окружности большое количество артиллерии, но, с другой стороны, неприятель должен сначала провести дороги, в чем мы ему можем помешать, а затем вскоре наступит зима. На Пиаве мы можем

держаться. Самый слабый пункт заключается в прибытии новых германских войск в Трентино. Из Трентино могут быть развернуты наступления в разных направлениях по выбору неприятеля. В Валь Джудикарии мы можем сопротивляться, если у нас будут подкрепления, но долина реки Адидже [Эч] и плоскогорье Азиаго остаются под ударом. Плоскогорье Азиаго в течение долгого времени остается уязвимым пунктом, потому что снежный путь в этих местах устанавливается не раньше конца декабря, поэтому за линией Пиаве в нашем распоряжении должны быть резервы для маневрирования и переброски их в опасные места. С этой целью мы со временем сможем использовать остатки II армии.

Вопрос сводится к следующему—преодолеть нынешний кризис. Нам требуется временная помощь, которая даст нам возможность выиграть время для восстановления армии, действующей на равнине.

Франклен-Буйон.—Сколько времени?

Порро.—Трудно указать это с точностью, так как необходимо убедиться, в каком состоянии находятся остатки II армии. Быть может, мы сумеем создать из нее 15 дивизий, но мы не сможем сделать этого, если одновременно мы будем подвергаться атаке со стороны Азиаго. И именно ввиду этого наш премьер-министр говорил о необходимости присылки 15 дивизий.

Ллойд Джордж.—Где в настоящее время находятся рассеянные части II армии?

Порро.—За Падуей. Не вся II армия дезорганизована, две дивизии продолжают еще драться. Необходимо отметить, что, если упомянутые выше 55 тысяч человек, расположенные между Мерано и Больцано, спустятся с плоскогорья Азиаго, неприятель может обойти линию Пиаве, которую мы в таком случае удержать уже не сможем.

Робертсон.—Но итальянцы все время говорили, что после октября в Трентинской области невозможно вести военные операции.

Порро.—На Азиаго снег иногда выпадает только в декабре.

Ллойд Джордж.—Помнится, когда в августе в Лондоне я просил итальянское командование повременить с итальянским наступлением на Карсо до того, как мне удастся послать туда большее количество пушек, представитель генерала Кадорны заявил, что на Карсо после 15 октября никакое наступление невозможно, а между тем австро-германцы начали свои операции 24 октября. Каким же образом германцы сумели повести наступление в такое время, когда, по мнению итальянцев, это было невозможно?

Порро.—Предпринимать наступление в зимнее время, когда необходимо преодолеть много оборонительных линий, не рекомендуется. Иначе обстоит дело с наступлением из Трентино,

так как там имеется не много укрепленных линий и равнина находится в непосредственной близости.

Ллойд Джордж настаивает на своем замечании.

Порро.—Тут недоразумение. В Лондоне тогда говорилось о серьезном наступлении, план которого был разработан генералом Кадорной и которое развивалось в направлении высот Карсо, а не о наступлении с непосредственным выходом на равнину.

Соннино.—Все это относится к прошлому и представляет чисто исторический интерес. Обстоятельства, связанные с временем года, могут изменяться. Нужно выяснить, возможно ли и представляет ли серьезную опасность наступление на плоскогорье Азиаго также и зимой.

Ллойд Джордж.—У нас просят 15 дивизий те, кто считает возможным наступление в декабре. Но то же командование несколько месяцев назад заявляло нам о невозможности наступления в декабре. Отвечая генералу Порро, замечу, что я имею в виду нынешнее наступление. Когда мы предложили оказать помощь итальянской армии, нам отвечали, что после 15 октября ничего невозможно сделать. Обращаю внимание на нижеприведенный протокол совещания, состоявшегося в Лондоне днем 7 августа:

«Г-н Ллойд Джордж спрашивает, каков крайний срок эффективного наступления на возвышенности Карсо. Генерал Альбриччи ответил, что таким сроком является конец августа и что позднее этого срока наступление придется отложить до конца весны, скажем, до 15 мая. Для обеспечения эффективности наступления потребуется миллион орудийных выстрелов. В настоящее время Италия производила или покупала лишь полмиллиона выстрелов в месяц. Климатические условия на Карсо в период неблагоприятной погоды, которая могла вскоре наступить, делали невозможным ведение операций, в особенности потому, что для обеспечения успеха наступления оно должно было вестись на всем протяжении фронта от Изонцо до моря...

Г-н Ллойд Джордж спрашивал, возможно ли при условии доставки в Италию 400 тяжелых орудий с обильным снаряжением предпринять итальянское наступление в октябре. Генерал Альбриччи ответил, что проведение операции в широком масштабе было бы невозможно, хотя предварительные операции могли бы быть успешно выполнены...

Г-н Ллойд Джордж заметил, что в сентябре метеорологические условия на Карсо вообще удовлетворительны, но генерал Альбриччи ответил, что подготовка зашла уже слишком далеко, для того чтобы можно было ее отсрочить, и что риск, связанный с дождливой погодой, был слишком велик».

Соннино.—Я признаю, что сказанное г. Ллойд Джорджем исторически верно. Однако я вспоминаю, что в августе и после наступления в Байисице французы и англичане предложили несколько тяжелых батарей. Орудия были посланы. Но уже после их прибытия генерал Кадорна, предвидя неприятельское наступление, отменил наступление итальянской армии. Все это свидетельствует о том, что мнение о возможности наступления даже после августа не было окончательным.

Но нас в настоящее время интересует другой вопрос. Немцы сильно приблизились к итальянскому фронту со стороны Мерано и Больцано; если погода будет благоприятствовать, что вполне

возможно, и немцы спустятся с высот, мы не сможем противопоставить им достаточно резервов.

Ллойд Джордж.—Это показывает, что итальянский генеральный штаб изменил свою точку зрения. Когда было получено известие об этой концентрации германских войск в районе Мерано?

Порро.—Сведения поступали к нам из разных источников. Последнее относится к 4 ноября. В нем сообщается, что в мерано-ской зоне расположено 80 тысяч человек с тяжелой артиллерией.

Франклен-Буйон.—Когда же германцы и австрийцы могли бы начать наступление на Пиаве?

Порро.—Через несколько дней. Неприятель сейчас находится на Тальяменто. Через три перехода он может уже оказаться на Пиаве, но нами там уже поставлено 240 тяжелых орудий и произведены оборонительные работы. Неприятель не сможет начать наступление раньше чем через три недели, а для наступления большого масштаба ему потребуется два месяца, так как он должен будет продвинуть вперед тяжелую артиллерию, а это не может быть сделано раньше чем через месяц или полтора, так как мы разрушили все мосты на их пути.

Фош.—По имеющимся в моем распоряжении сведениям разрушение мостов не было доведено до конца.

Порро.—Мы взорвали 14 мостов на Изонцо и вызвали наводнение в районе нижнего течения Изонцо, через который ни одной колонне не удалось еще пройти. На Тальяменто мы взорвали семь мостов, которые были полностью разрушены, за исключением одного, взорвавшегося на протяжении всего 20 метров.

Франклен-Буйон.—Были ли взорваны железнодорожные пути? Например, линия, идущая из Удине? А мосты через Ливенцу?

Порро.—Было сделано все возможное. Железная дорога на Удине уцелела.

Орландо.—Я представляю собой зрителя, быть может, образованного и, надеюсь, понятливого. Вынесены решения, с которыми всякий согласен. Можно вывести заключение, что итальянские военные силы с помощью французов смогут удержать Трентино и Джудикарию. Никто не говорит, что фронт этот не может быть удержан, но никто не говорит также, что там имеется лишняя дивизия. Недостаток, впрочем, ощущается в резерве или маневренной армии для противодействия наступлению на плоскогорье Азиаго. Я имею обыкновение думать так, как по моему представлению должен думать мой противник, и, однако, я полагаю, что мы должны быть уверены, что немцы будут стремиться покончить с Италией, с тем чтобы повести наступление в других местах. На итальянском фронте, возможно, будет решен исход войны. Было бы безумием думать, что они не захотят попытать счастья. В этом случае недостаток резервов на нашем фронте оказался бы роковым. Вы полагаете, что четырех английских дивизий было бы достаточно для достижения целей, к которым мы стремимся?

Соннино.—Опасность настолько близка, что неприятель после одного только перехода может оказаться на равнине и обойти линию Пиаве.

Ллойд Джордж.—Куда вы поставите английские дивизии?

Порро.—В районе Тревизо.

Франклен-Буйон.—Но это не означает расставить их по линии Пиаве?

Порро.—Нет, это будет маневренная масса. Будет ли четыре или больше дивизий, мы будем стараться расставить их вокруг Тревизо, Читтаделла и Монтебеллуна.

Робертсон.—Я обсуждаю с генералом Кадорной вопрос, куда направить наши дивизии, которые по решению военного кабинета должны отправиться в Лоди.

Альфиери.—Надо послать их к Кастельфранко и Читтаделлу. Я согласен с высказанным здесь мнением, что итальянская армия не была разбита, но следует принять меры к тому, чтобы этого не случилось.

Ллойд Джордж.—Нет необходимости сегодня же выносить решение относительно места концентрации наших дивизий. Нужно, чтобы английское и французское правительства договорились между собой. Но раньше я хотел бы задать несколько вопросов. Точны ли цифры доставшихся неприятелю пленных и орудий, приводимые в австрийских и германских сводках? В них говорится о 180 тысячах пленных и 1 800 пушках.

Порро.—Цифры, касающиеся пленных, приблизительно верны. В отношении числа пушек цифры эти, быть может, правильны, но могут быть даже ниже действительных их размеров.

Франклен-Буйон.—Входят ли в число этих 1 800 орудий траншейные орудия? Какова численность пушек? Сколько орудий было во II армии?

Порро.—Во II армии было 2 500 орудий, не считая траншейных орудий. Возможно, что неприятель, не закончив подсчета взятых орудий, не знает точного их числа.

Ллойд Джордж.—Сколько орудий имеется в настоящее время в итальянской армии?

Порро.—III армия из имевшихся 1 114 орудий потеряла 281, и у нее остается, следовательно, 833 орудия, но необходимо иметь в виду, что потерянные ею 281 орудия были почти целиком крупного и среднего калибра. Из бывших в III армии 602 орудий среднего и крупного калибра осталось за вычетом потерь 333 орудия. Можно сказать, что армия эта потеряла почти 50% тяжелых и четверть остального количества орудий. У меня пока не имеется данных о числе уцелевших во II армии пушек.

Как я уже упоминал, у нас на Пиаве имеется 240 орудий крупного и среднего калибра. Мы могли бы присоединить к ним еще 550 орудий крупного калибра, и, быть может, мы доведем число орудий до тысячи на участке в 45 километров.

Ллойд Джордж.—Но если немцы подвезут свои тяжелые орудия к захваченным ими пушкам, сможете ли вы удержаться?

Порро.—Им будет нелегко использовать попавшие в их руки орудия, так как они были нами по мере возможности приведены в негодность. Следует иметь в виду, что наша полевая артиллерия весьма пригодна для оборонительных целей.

Ллойд Джордж.—Но не может ли германская тяжелая артиллерия уничтожить вашу полевую артиллерию? По словам генерала Порро, вам придется иметь дело с противником, численность которого вдвое превышает состав вашей армии и артиллерия которого, в значительной своей части состоящая из тяжелых орудий, сохранившихся в целости и увеличившихся в числе, вдвое и более чем вдвое превосходит вашу артиллерию. Сможете ли вы удержать линию Пиаве?

Порро.—Да, в силу высказанных генералом Фошем соображений, касающихся особенностей обороны.

Робертсон.—Имеются ли на Пиаве французские и английские орудия?

Порро.—Да. 11 английских батарей; 5 из них—в Местре, 6—в Тревизо.

Робертсон.—А французские?

Порро.—Было 60 орудий, из коих уцелело несколько единиц.

Заседание прервано в 18 часов.

* * *

Состоялось отдельное совещание французов и англичан.

Орландо пребывает в тревожном нервном ожидании решения, которое будет ими вынесено на этом совещании.

* * *

Заседание возобновилось в 19 часов.

Присутствуют те же, за исключением генерала Альфиери, выехавшего к королю.

Ллойд Джордж (очень мрачно).—Мы совещались с нашими французскими коллегами о том, какие меры следует нам принять в настоящий момент в целях оказания помощи Италии. Само собой разумеется, что мы готовы действовать возможно лучше. Предложения и цифры, сообщенные генералом Порро, создают у меня впечатление, что положение на итальянском фронте гораздо серьезнее, чем мы предполагаем. Против итальянских войск на Пиаве стоит вдвое превосходящая их по численности неприятельская армия, снабженная главным образом тяжелой артиллерией, в количестве, более чем вдвое превышающем итальянскую. Я считаю такое положение крайне серьезным. Если бы немецкие войска когда-либо оказались перед лицом французов и англичан в столь значительно уступающем им положении, последние не преминули бы, разумеется, немедленно этим обстоятельством воспользоваться. Если Италию постигнет катастрофа и если, несмотря

на их доблесть, итальянцы не смогут удержать за собой линию Пиаве, можно будет сказать, что никакие успехи во Франции не в состоянии будут компенсировать это бедствие.

Орландо.—Совершенно верно.

Пенлеве.—Это—военная истина.

Ллойд Джордж.—Поэтому французское и английское правительства принимают принципиальное заявление, сделанное сегодня утром премьером Орландо, почти в собственной же его формулировке, т. е. что необходимо сделать все возможное и что сделать менее необходимого было бы хуже, чем не сделать ничего. Но что следует разуметь под необходимым? Я как верный выразитель чувств английского правительства, совпадающих с чувствами правительства французского, нисколько не намерен торговаться из-за одной дивизии или батареи. Положение не допускает этого. Речь идет о спасении Антанты от бедствия, превосходящего по своим размерам нынешнюю катастрофу. В этом смысле мы и подходим к разрешению проблемы. Необходимо прежде всего точно ознакомиться с фактами, чего до сих пор не было сделано. Мы были изумлены расхождением между фактами, известными нам по имеющейся у нас информации, и фактами, изложенными генералом Порро. Я боюсь, что эти последние, к сожалению, истинны. Во всяком случае не приходится предполагать обратного. Положение требует быстрого решения, между тем нам необходимо выяснить его. Мы согласились учредить Постоянный междусоюзнический военный комитет, куда итальянское правительство выразило желание назначить генерала Кадорну. Мы назначили генерала Вильсона, а французское правительство—генерала Фоша. Они могут войти в связь с командующим итальянской армией для выяснения положения, после чего итальянское правительство и правительства союзников смогут вынести свои решения. Все, что необходимо для спасения Италии, будет сделано. Нас, однако, ставит в затруднение то обстоятельство, что для перевозки войск в нашем распоряжении имеются всего две железнодорожные линии, и, следовательно, для доставки подкреплений потребуется некоторое время. Дивизии, которые мы уже решили послать, прибудут к 20-му числу; к тому времени положение выяснится и дальнейшие решения правительства будут известны. Мы надеемся, что Италия сделает тем временем все возможное. Я помню, как поступила Франция, когда неприятель был в 20 милях от Парижа. Надо послать на фронт возможно больше вооруженных людей, набрать их решительно отовсюду. Мы говорим об этом не потому, что оказываем Италии какое-то одолжение, а потому, что нас связывает с ней полная и совершенная общность интересов: интересы Италии—наши интересы.

Пенлеве.—Слова г. Ллойд Джорджа в точности выражают точку зрения французского правительства.

Тем не менее я хотел бы собственными словами их подтвердить.

От имени французского правительства я заявляю, что, побуждаемый братскими чувствами, я прибыл сюда для оказания помощи нашему союзнику в минуту опасности. Ни одному ответственному лицу моей страны не может притти в голову мысль торговаться о том, что́ именно следует делать в данных обстоятельствах. Придя к власти, я заявил о необходимости объединения западного фронта. Это пришлось делать в разгар бури. Как француз и как премьер-министр я не могу забыть тех выгод, которые были принесены Франции нейтралитетом, объявленным Италией в 1914 г., благодаря которому мы смогли снять войска с итальянского фронта и использовать их там, где они были более необходимы. Затем Италия пожелала свободно и добровольно броситься в огонь войны. Теперь мы должны итти рядом с ней и, в еще более тесной связи с ней, объединить наши военные ресурсы для их организации и распределения. Мы здесь выступаем в качестве истинных братьев по оружию, побуждаемые желанием выработать лучший план действий. С этой мыслью мы вводим в действие только что сконституированный Междусоюзнический комитет. Три представителя—французский, английский и итальянский—изложат точную картину положения, и правительства на основе полного равенства решат, как действовать. Мои слова соответствуют словам г. Ллойд Джорджа, но я счел нужным лично вновь выразить чувства, связывающие союзников с Италией в нашем общем деле, которое, несмотря на жестокие испытания, завершится, мы верим, общей победой.

Орландо.—Приношу глубокую благодарность гг. Ллойд Джорджу и Пенлеве за их благородные заявления. Я не буду пытаться передать словами испытываемые мной чувства. Если бы чувствам соответствовали средства, мы уже имели бы победу. Сегодня принесение в жертву моей страны не принесло бы, разумеется, пользы общему делу. Ни я, ни мой коллега Соннино никогда не сомневались в чувствах наших союзников. Я нахожу правильным замечание г. Ллойд Джорджа о необходимости изучения положения в его деталях. Я не возражаю против его предложения поручить комитету, который теперь приступает к отправлению своих функций, точно определить нужды. Необходимо быстро действовать, но я признаю, что так как восемь дивизий не могут прибыть раньше 20-го числа, остается достаточно времени для того, чтобы составить себе представление о положении и вынести соответствующее решение.

Ллойд Джордж.—Быстрота решения зависит, главным образом, от итальянского правительства.

Орландо.—Согласен, все возможное будет сделано для обеспечения максимальной быстроты действий.

Порро.—Документы для справок находятся в Падуе.

Орландо.—В самом скором времени будет составлен военный проект. В наших интересах получить его возможно скорее.

Порро.—Но тем временем английские дивизии могли бы быть продвинуты вперед, подобно французским дивизиям. Английские дивизии направляются в Павию, в 400 километрах от фронта, французские же находятся ближе.

Франклен-Буйон.—Это—вопрос, который можно урегулировать.

Орландо.—Я поручу немедленно генералу Кадорне войти в состав этого Междусоюзнического комитета и оказать ему содействие в расследовании обстоятельств. Так как комитет является органом совещательным, то заключения его будут чисто консультативными. Это—вдвойне консультативный орган как по своей сущности, так и по выполняемым им в настоящее время функциям.

Ллойд Джордж.—Мне казалось бы необходимым, чтобы представитель каждого правительства принял участие, на основе сказанного до настоящего времени, в составлении протокола, который должен служить инструкцией генералу Кадорне. Делегатам должна быть предоставлена возможность ознакомиться с положением.

Приношу благодарность генералу Порро за указание, относящееся к документам, находящимся в Падуе, но считаю необходимым, чтобы на фронте были изучены все остальные документы—материальные и человеческие.

Соннино.—Я хотел бы знать, в каком именно смысле предполагается редактировать указанный г. Ллойд Джорджем документ, который должен быть передан органу, до настоящего дня еще не сконституированному.

Ллойд Джордж.—Здесь у меня имеется наспех заготовленная Хэнки схема, которую я, с вашего разрешения, зачитаю:

«Междусоюзнический верховный совет, собравшись в Рапалло, поручает своим военным консультантам немедленно доложить о нынешнем положении на итальянском фронте. Их первой задачей будет установление по согласованию с итальянским верховным командованием фактов, касающихся нынешнего и дальнейшего состояния сил итальянской и неприятельской армий. На основании добытых таким образом данных и общего обзора военного положения на всех фронтах Междусоюзнический комитет военных экспертов внесет свои предложения, касающиеся существа и размеров подкреплений, которые должны быть посланы на итальянский фронт французским и английским правительствами, равно как и предложение о месте концентрации названных подкреплений.

Итальянское правительство берет на себя обязательство преподать итальянскому верховному командованию инструкции об оказании содействия Междусоюзническому военному комитету в получении всевозможных льгот как в отношении предоставления документальной информации, так и в отношении личных посещений фронта».

Орландо.—Не будет ли целесообразным вынести постановление о создании Междусоюзнического правительственного совета, прежде чем выносить решения, относящиеся к его действиям?

Франклен-Буйон.—Это—вопрос формы, но мне кажется, что, так как мы в основном согласны насчет учреждения совета союзных правительств и так как здесь присутствуют лица, которые

примут в нем участие, т. е. премьер-министры и один член правительства, мы можем считать, что завтрашнее совещание явится заседанием этого Междусоюзнического совета, который утвердит пункты его статута и в качестве первого своего акта поручит расследование положения на итальянском фронте Междусоюзническому постоянному военному комитету, о создании которого также достигнуто соглашение.

Заседание закрывается.

* * *

До- и послеобеденное время Орландо проводит в непрерывной работе, диктуя телеграммы. Их так много, с указанием «срочности» и «абсолютной внеочередности», что ввиду затруднительного положения телеграфных служащих Орландо придумывает для одной из них следующее указание:

«Внеочереднейшая из внеочередных».

* * *

Рапалло, среда, 7 ноября.

До начала сегодняшнего утреннего заседания премьер-министрам была передана франко-английская схема постановления об учреждении Высшего военного совета. Этим вопросом с некоторых пор уже занимались французы и англичане, а в последнее время вместе с Ллойд Джорджем во время недавнего его пребывания в Лондоне также и Пенлеве.

Заседание открывается в 11 часов.

Присутствуют участники вчерашнего дневного заседания за исключением генерала Порро, выехавшего сегодня утром на фронт.

Пенлеве.—Французское правительство и парламент давно выражали желание более тесно координировать действия союзников. Мы в настоящее время пытаемся осуществить это более тесное сотрудничество на началах совершенного равенства, предлагая учредить Междусоюзнический военный совет с совещательным комитетом в составе представителей генеральных штабов. Если мы по географическим соображениям указали в качестве местопребывания этого совета Париж, то это нисколько не исключает того, что в особых случаях резиденция совета может быть перенесена в другое место, если обстоятельства того потребуют, как это, например, имеет место в настоящее время с нашей конференцией, происходящей в Рапалло. Еще в феврале и марте текущего года междусоюзнический парламент[4] голосовал за образование Междусоюзнического военного бюро. Во время бесед между представителями французского и британского правительств, имевших место в истекшем октябре, был обсужден способ достижения эффективного соглашения. Было предложено делегировать двух членов от каждого правительства для вхождения в состав этого совета. 10 дней назад г. Ллойд Джордж ознакомил нас со

схемой, которая была в основных чертах одобрена французским правительством за исключением нескольких легких изменений. Этот постоянный генеральный штаб имеет в своем распоряжении всю информацию союзных армий. Он является органом информации, исследования, предложений; им составляются планы коалиции союзников, общие планы, приноровленные к ресурсам каждой страны. Французское и английское правительства согласны также в отношении деталей. Я не сомневаюсь, что мы получим согласие Италии. Итальянские события являются новым доказательством нужности совета, который, я надеюсь, окажется жизненным органом, оружием будущей победы. Представленная схема получила вчера вечером одобрение генерала Смэтса и министра Франклен-Буйона.

Орландо.—Итальянское правительство вполне разделяет общую идею, которая должна обеспечить единство руководства войной. Речь идет не о комиссиях, предназначенных терять время. Дело заключается в установлении контакта между лицами, наделенными необходимыми полномочиями для принятия эффективных мер. Я уже рассмотрел вместе с коллегой Соннино представленную нам схему; мы согласны в общем и в деталях.

* * *

Совещание переходит к рассмотрению отдельных статей схемы.

Статья 1:

Соннино.—Статья 1 в представленной нам редакции предоставляет России право принять участие в Совете, если она того пожелает. Необходимо глядеть в лицо фактам. Можем ли мы при нынешних обстоятельствах довериться русскому правительству? Керенский дает опасные интервью, и так же поступает русский военный министр. Опровержения недостаточно категоричны. Можем ли мы вырабатывать военные планы в присутствии, например, делегата от Советов?

Орландо.—Единство фронта может оправдать внесение в текст ограничения, говорящего о западном фронте: таким образом, будут включены Соединенные штаты и молчаливо исключена Россия.

Ллойд Джордж.—Должен уведомить, что ввиду важности участия Соединенных штатов я послал недавно президенту Вильсону личное письмо, в котором спрашивал его мнение относительно некоторых вопросов в соответствии с этой схемой. Вильсон телеграфно известил меня, что в общем он согласен, но что он не может приступить к обсуждению деталей до приезда полковника Хауза в Европу. Обращаю ваше внимание на тот факт, что было бы опасно учреждать междусоюзнический орган без участия России. Необходимо действовать с бóльшим тактом, приведя какой-либо мотив, полностью нас оправдывающий. Мы могли бы, например, сослаться на ситуацию в Италии или на географическое

положение России и заявить об этом в нашем регламенте. Предлагаю изменить текст статьи 1 следующим образом:

«Ввиду того, что создавшееся на западном фронте в Европе положение вызывает необходимость учреждения Высшего совета...»

Франклен-Буйон.—Мы не можем включать объяснения в статьи регламента. Мы можем сообщить эти объяснения России дипломатическим путем, передав ей текст.

Баррер отмечает практическую невозможность для России послать в Совет своего премьер-министра или министра иностранных дел.

Фош.—Мы можем сослаться на неотложную необходимость установления единства действий на западном фронте.

Ллойд Джордж.—Повторяю, надо действовать с крайней осторожностью. Мы можем воспользоваться этим доводом и мотивировать создание Совета в следующей форме: «Ввиду того, что на западном фронте...»

Смэтс.—Можно было бы добавить: «Положение в Италии».

Соннино.—Это не получило бы одобрения в Италии. Можно было бы поставить: «В целях большей координации военных действий на западном фронте».

Ллойд Джордж.—Имеются ли при этом в виду Салоники?

Франклен-Буйон.—Да, имеются.

Смэтс.—Я считаю, что крайне важно не задевать Россию. Она ищет случая выйти из Антанты. Исключение России из состава Совета могло бы послужить ей подходящим поводом. Быть может, в статье, в которой говорится об учреждении Совета, можно было бы добавить фразу: «Предполагается расширить его задачи».

Франклен-Буйон.—Предложение генерала Смэтса представляется мне еще более опасным: русские не имеют причин обижаться, если говорится о западном фронте; если же вслед за включением вышеупомянутой фразы не пригласить их к участию в Совете, они могли бы иметь основание обидеться.

Смэтс.—Статью можно было бы начать следующим образом: «Ввиду установления на западном фронте такого положения, которое требует, чтобы...»

Фош.—Не вижу необходимости ссылаться на прошлое. Я согласен с формулой, предложенной бароном Соннино.

Смэтс настаивает на своей формулировке.

Орландо.—Не следует создавать впечатления, что Совет был учрежден в связи с положением в Италии, так как это могло бы быть истолковано в смысле ограничения задач Совета.

Франклен-Буйон.—Можно было бы принять также следующую формулировку: «В целях лучшей координации действий на западном фронте учреждается Высший совет в составе...»

Ллойд Джордж.—Видите, как чувствительны итальянцы. Русские не менее чувствительны. Вы полагаете, что они не

знают о том, что мы им не доверяем? Керенский скажет: «Здесь мы имеем дело с федерацией, в которой отсутствует Россия». Мы должны действовать, не закрывая дверей. Если же русские потребуют вхождения в Совет, мы можем отговориться ссылкой на положение, занимаемое лицами, которых мы назначили представлять наши нации в Совете. Русские—великий народ, они могут еще изменить направление политики своей страны в условиях республиканского режима или при правительстве, соответствующем идеалам Соннино.

Соннино.—Я желаю только такую Россию, которая сражается.

Франклен-Буйон.—Возвращаюсь к предложению о посылке русским схемы вместе с дипломатическими разъяснениями.

Ллойд Джордж.—Это представляет некоторую опасность. Россия узнает о документе и подвергнет его обсуждению, не зная разъяснений или же пренебрегая ими. Предлагаю добавить к статье 1 следующую фразу: «Предусматривается распространение деятельности Совета на другие фронты».

Необходимо иметь в виду, что, оставляя, таким образом, открытые двери, мы открываем доступ стремлениям малых государств.

Пенлеве.—В регламенте говорится только о великих державах. Не предусматривается, например, Бельгия, которая также имела бы право принять участие в Совете в качестве заинтересованной на западном фронте стороны.

Франклен-Буйон.—При этой формулировке мы завтра получим телеграмму из Петрограда.

Ллойд Джордж.— Мы ответим, чтобы они послали русского премьер-министра и военного представителя, по своему положению соответствующего английскому, французскому и итальянскому представителям.

Франклен-Буйон.—Вы допускаете возможность обсуждения выбора их делегата.

Соннино.—Керенский скажет: «Я подумаю после, а пока пошлю моего представителя».

Орландо.—Можно вначале поставить фразу: «В целях согласования действий на западном фронте», добавив затем в конце: «Предполагается поступить таким же образом и в отношении других фронтов». Замечу, что в число исключенных великих держав входят Япония и Китай.

Смэтс.—Можно было бы поставить: «Расширение целей Совета предусматривается».

Баррер.—«Предусмотрено».

Пенлеве.—«Будет предусмотрено».

Соннино.—Надо рискнуть на что-либо одно: или допустить Скобелева, или избрать более общую формулу.

Ллойд Джордж.—Можно было бы принять следующую формулировку: «Распространение деятельности Совета на другие фронты явится предметом обсуждения с другими державами».

Соннино.—Этим мы исключаем салоникский фронт из круга нынешней компетенции Совета.

Франклен-Буйон.—Нет. Итак, статья 1 может, повидимому, быть отредактирована следующим образом: «В целях лучшей координации военных действий на западном фронте учреждается Высший военный совет в составе премьер-министра и одного из членов правительства каждой из великих держав, армии которых сражаются на названном фронте. Вопрос о распространении деятельности Совета на другие фронты явится предметом дипломатического обсуждения с другими великими державами».

Статья 1 в этой формулировке утверждается.

Франклен-Буйон.—Не думаю, чтобы имелись какие-либо возражения по остальным статьям.

Соннино.—Мне все же кажется, что их следовало бы вновь зачитать.

Орландо.—Можно было бы решить, не следует ли теперь же договориться о том, чтобы, кроме премьер-министра, другой член правительства, делегированный в Совет, являлся бессменно одним и тем же лицом.

Ллойд Джорджс.—Это будет зависеть от поставленных на обсуждение вопросов. Иной раз, быть может, понадобится специалист, но я признаю, что смена ординарного делегата, возможно, будет связана с некоторыми неудобствами.

Франклен-Буйон.—Во Франции никакого решения по этому поводу мы не выносили, но считаем, что фактически делегатом будет оставаться одно и то же лицо.

Соннино.—Во Франции иное положение; замечание министра Орландо может специально относиться к России.

Орландо.—Обсуждение вопроса можно отложить.

(Решено, что пока каждое правительство даст этому вопросу наилучшее по его мнению истолкование.)

Статья 5.

Ллойд Джорджс.—Следовало бы постановить, чтобы военный представитель правительства в постоянном совещательном военном комитете не выполнял никаких других функций по генеральному штабу.

Баррер.—К чему ограничивать свободу действий правительств?

Франклен-Буйон.—Я разделяю мнение г. Ллойд Джорджа.

Орландо.—Если имеется соглашение, то незачем, быть может, упоминать об этом.

Пенлеве.—Согласен с г. Орландо.

Соннино.—Соглашение это—личного характера, оно не включено в соответствующие акты.

Пенлеве.—Имеется, однако, протокол.

Соннино.—Отчего не заявить об этом открыто?

Пенлеве.—Можно было бы сказать: «...функции которого будут

заключаться только в выполнении обязанностей эксперта Совета».

Это предложение принимается.

Фош.—Моя позиция, однако, отличается от точки зрения генерала Вильсона и генерала Кадорны. Ввиду того что военные представители будут находиться в Париже, я неизбежным образом окажусь в более тесном контакте с военным министерством, нежели с моими коллегами.

Ллойд Джордж.—Я хотел бы, чтобы генерал Фош принял в соображение то обстоятельство, что в своем новом качестве он явится советником не только французского, но и английского и итальянского правительств. Необходимо поэтому обеспечить ему полную независимость в вынесении суждений. Со своей стороны, мне было бы весьма жаль думать, что генерал Фош не является советником британского правительства в той же мере, как правительства французского.

Статья 8.

Ллойд Джордж.—Париж географически является, несомненно, наиболее подходящим местом, однако Совет есть учреждение междусоюзническое и должен казаться таковым. Я считал бы поэтому необходимым, чтобы резиденция Совета находилась вне Парижа, хотя бы и недалеко от него, например в Шантильи или в Версале.

Пенлеве.—Мне кажется, что это будет неудобно. Этим будет осложнено функционирование генеральных штабов, так как согласованность в работе как для французов, так и для иностранцев гораздо легче осуществима в Париже, чем где-либо в другом месте.

Франклен-Буйон.—Я просил бы г. Ллойд Джорджа не настаивать.

Ллойд Джордж.—Скажу вам откровенно: если Совет будет находиться в Париже, невозможно будет избегнуть подозрения в том, что он является эманацией французского правительства. Мне не хотелось бы, чтобы деятельность этого Совета началась с ошибочного мероприятия, могущего оказаться вредным. Пребывание вне Парижа не будет для вас более неудобным, чем для нас. Для того чтобы это учреждение могло успешно выполнять свою работу, необходимо, чтобы оно было и казалось абсолютно независимым.

Пенлеве.—Мне кажется, что Париж больше любого другого города может обеспечить наилучшие условия для концентрации и быстроты работы. В Париже находятся посольства, телеграфное обслуживание лучше поставлено и т. д. На Париже я настаиваю не в качестве француза, выбор этот диктуется интересами самой работы Совета. Г-н Ллойд Джордж задал вопрос, не подвергнется ли Совет, находясь в Париже, каким-либо влияниям. По моему мнению, нежелательные влияния, если таковые могут иметь место, могли бы дать себя почувствовать не только в Париже, но и в Версале.

Ллойд Джордж.—Подозрение относительно независимости какого-либо учреждения было бы равносильно допущению, что оно в действительности не является независимым.

Соннино.—Полагаю, что если послы будут находиться поблизости от Совета, то это будет означать для него большую независимость.

Ллойд Джордж.—Замечу, что в течение 18 месяцев французское командование находилось в Шантильи.

Франклен-Буйон.—Я также считаю, что какие-либо нежелательные влияния сказались бы сильнее в Версале или Шантильи, чем в Париже.

Вильсон.—Я абсолютно против выбора Парижа в качестве резиденции, так как в Париже труднее сконцентрировать работу различных органов учреждения. Было бы весьма затруднительно для меня вылавливать офицеров, которые легко втянулись бы в слишком многочисленные развлечения.

Пенлеве.—Думаю, что в Париже, более чем в другом месте, имеются все возможности для согласованной работы.

Объявляется перерыв.

* * *

После завтрака французы отправляются посетить замок, в котором, по преданию, находился в заключении Франциск I, брошенный туда тотчас же после битвы при Павии[5].

Ллойд Джордж обнаружил в Рапалло статую Христофора Колумба и, не зная о монументомании, которой одно время была одержима Третья Италия[6], сказал мне: «Я не знал, что Колумб родился в Рапалло».

* * *

Заседание открывается в 17 час. 30 мин. Участвуют те же, что и утром, за исключением Орландо, выехавшего в штаб верховного командования.

Ллойд Джордж.—Я совещался с остальными членами британской делегации; они продолжают думать, что необходимо избрать резиденцию Совета вне Парижа. Как бы я ни желал пойти навстречу предложению французского правительства, тем более что Париж пользуется благосклонностью и барона Соннино, я не чувствую себя в состоянии сделать это. Совет должен быть и казаться независимым. Я частным образом беседовал с г. Пенлеве относительно того, какое место вне Парижа предпочитало бы избрать французское правительство. Он упомянул о Версале. Помня, что Германская империя была основана в Версале[7], я высказываю пожелание, чтобы прусский деспотизм был низвержен в том же самом Версале.

Пенлеве.—Я не отвергаю предложения, хотя лично думаю, что Париж является местом более подходящим, чем Версаль. Однако, уступая настояниям, я принимаю предложение о Версале.

Франклен-Буйон.—Необходимо, чтобы работа эта началась в условиях полного единодушия, ни в коем случае не распылялась

на обсуждение незначительных тем, в то время когда на рассмотрении находятся другие столь важные дела.

Ллойд Джордж благодарит Пенлеве.

Присутствующие знакомятся с текстом документов, в которых содержатся принятые решения. Ниже приводится содержание этих документов.

I

Представители британского, французского и итальянского правительств, собравшиеся в Рапалло 7 ноября 1917 г., утвердили схему организации Военного совета, с участием постоянного военного представителя, о котором говорится в следующем параграфе.

II

1) В целях лучшей координации военных действий на западном фронте создается Высший военный совет в составе премьер-министра и одного члена правительства каждой из великих держав, армии которых сражаются на упомянутом фронте. Распространение целей Совета на другие фронты оставляется для обсуждения с другими великими державами.

2) На Высший военный совет возлагается задача следить за общим ведением войны. Он разрабатывает предложения, утверждаемые правительствами, осведомляется об их выполнении и докладывает об этом соответствующим правительствам.

3) Генеральный штаб и военное командование армии каждой страны, на которых возложено ведение военных операций, остаются ответственными перед соответствующим правительством.

4) Общие планы войны, разработанные компетентными военными властями, передаются на утверждение Высшего военного совета, который под высоким руководством правительств обеспечивает их согласование и вносит в случае надобности необходимые изменения.

5) Каждая держава делегирует в Высший военный совет постоянного *военного* представителя, функции которого состоят исключительно в выполнении обязанностей технического консультанта Совета.

6) Военные представители получают от правительства и компетентных военных властей своей страны все предложения, информацию и документы, относящиеся к ведению войны.

7) Военные представители следят день за днем за состоянием сил и всякого рода средств, коими располагают союзные армии, и за состоянием неприятельских сил.

8) Высший военный совет обычно собирается в Версале, где имеют пребывание постоянные военные представители и их штабы. Совет может собираться и в других местах в соответствии с обстоятельствами. Совещания Высшего военного совета будут происходить не менее одного раза в месяце

III

Постоянными военными представителями назначаются нижеследующие лица:

от Франции—генерал Фош,
от Великобритании—генерал Вильсон,
от Италии—генерал Кадорна.

Франклен-Буйон.—Необходимо установить, что́ может быть одновременно сообщено публике.

Соннино уведомляет, что итальянская палата депутатов откроется, вероятно, в понедельник, и предлагает отложить реше-

ние на завтра. Но в общем он был бы согласен, чтобы сообщение было сделано в понедельник.

Ллойд Джордж и *Франклен-Буйон* выражают согласие от имени соответствующих правительств.

Соннино зачитывает текст инструкций союзному военному совету, касающихся изучения положения на итальянском фронте:

1. Высший военный совет, собравшись в Рапалло 7 ноября 1917 г., поручает своим постоянным военным представителям немедленно доложить о нынешнем положении на итальянском фронте. По согласованию с итальянским генеральным штабом они должны изучить существующее положение вещей и в общем обзоре военной ситуации на всех театрах войны донести о размерах и природе содействия, которое должно быть оказано британским и французским правительствами, равно как и о том, каким именно образом названное содействие должно быть осуществлено.

2. Итальянское правительство обязуется дать указания итальянскому верховному командованию об оказании всяческого содействия постоянным военным представителям в отношении документальной информации и передвижения в зоне военных действий.

Текст утверждается.

Франклен-Буйон спрашивает, намерено ли итальянское правительство объявить призыв новых годов.

Соннино.—Подтверждаю, что на фронт уже был отправлен весь призыв 1899 г. и будет ускорен призыв 1900 г. В настоящий момент, в период сева, новый призыв повел бы к усилению тревоги в стране и нанес бы моральный ущерб. Из пожилых возрастов уже были призваны военнообязанные начиная с 1874 г.

Ллойд Джордж.—Сколько человек в настоящее время находится под ружьем в Италии?

Соннино.—Около трех миллионов.

Ллойд Джордж.—Я хотел бы знать, может ли генерал Робертсон сообщить что-либо о салоникском фронте и об итальянских дивизиях в Албании.

Соннино.—По дошедшим до меня слухам одна германская дивизия, пройдя через острова вдоль Далматинского побережья, высадилась в Дураццо. Мы не можем снять оттуда наши дивизии.

Робертсон.—В отношении салоникского фронта мы зависим от информации генерала Саррайля; было бы желательно получать от него регулярную информацию об этом фронте.

Ллойд Джордж.—Можно было бы включить в протокол, что Высший военный совет предполагает заняться всеми кампаниями, которые сообща ведутся представленными в Совете союзниками.

Пенлеве и Соннино выражают согласие.

Соннино читает предложение о коммюнике, касающееся совещания в Рапалло, которое должно быть распространено через агентство Стефани:

«Так как во время переговоров в Рапалло было вынесено решение об учреждении нового междусоюзнического органа, включая Постоянный совещатель-

ный комитет по делам западного фронта, итальянское правительство назначило своим делегатом в названный комитет генерала Кадорну, французское правительство—генерала Фоша, британское правительство—генерала Вильсона.

Верховное командование итальянской армии вместо генерала Кадорны возлагается на генерала...»

Текст коммюнике утвержден*.

Заседание закрывается.

* * *

Совещания последних двух дней проходили гладко, в атмосфере большой сердечности по отношению к Италии.

Орландо внушил к себе большую симпатию своим поведением и своим пылом, выразившимися в фразе: «Будем сопротивляться любой ценой, даже ценой отступления до моей Сицилии».

Никто в такой мере, как он, на котором лежит самая тяжелая ответственность, не мог бы почувствовать сильнее всю серьезность момента, и когда король предложил ему составить кабинет, он будто бы ответил: «Государь, я—солдат, который повинуется приказу своего генерала».

Хэнки, помнивший почтенного, но слишком обремененного летами итальянского премьер-министра в Сен-Жан-де-Морнен, поздравляет меня с переменой. Выясняется, что Пенлеве и Ллойд Джорджу по 54 года, Орландо—57, а Бозелли и Рибо было почти по 80 лет, когда они принимали участие в том совещании.

Когда на вчерашнем заседании Ллойд Джордж (в присутствии генерала Порро) случайно сообщил о назначении генерала Кадорны итальянским консультантом в Совете, следствием чего должна была явиться замена его на посту начальника штаба верховного командования, Порро бесстрастно отнесся к этому сообщению. Побледневшее лицо Порро, казалось, отражало ужас военного положения, к этому примешивалась физическая усталость от бессонной ночи, проведенной в автомобиле, в котором он спешил по скверным дорогам прибыть во-время в Рапалло. Порро сохранял удивительное спокойствие даже в те моменты, когда дискуссия принимала резко критический тон по отношению к сообщенным им сведениям и к итальянскому командованию.

Равным образом Фош, положение которого было неясно, ибо было решено, что функции членов нового комитета, в число которых он был призван, будут заключаться только в выполнении обязанностей технического консультанта Совета, казался спокойным, хотя и с выражением задумчивости на побледневшем лице.

Титул нового учреждения явился предметом непродолжительного совещания. Английское название «Supreme War Council»[«Высший военный совет»] вначале было переведено на французский

* Коммюнике это было опубликовано агентством Стефани 8-го числа с легкими поправками, касавшимися внешней формы. В нем назывались в качестве начальника генерального штаба генерал Диаз и в качестве его помощников генералы Бадольо и Джардино.

язык «Conseil Suprême de Guerre» [«Верховный военный совет»], но затем Баррер указал, что значение французского слова «Suprême» не соответствует английскому «Supreme», и для французского текста было принято выражение «Supérieur» [«Высший»].

Совещание коснулось также вопроса о том, кто будет председательствовать на совещаниях, и был утвержден порядок, согласно которому обязанности председателя будут выполняться в течение нужного времени первым делегатом страны, в которой соберется совет. Но так как Франклен-Буйон, выступавший на совещаниях в Рапалло также в качестве переводчика, не ограничивался одним лишь переводом речей выступавших на английский или французский язык и привносил в них нечто свое в виде разъяснений или возражений, Хэнки с тонким добродушием сказал мне: «Да, все это прекрасно, но когда выступит Франклен-Буйон, мы знаем, что председателем будет именно он».

Днем прибыл Биссолати в военной форме, весь забрызганный грязью, с очевидными следами физической усталости и моральной депрессии.

Долго беседовал с Соннино. Тем временем я разговаривал с начальником его кабинета, привезшим весьма печальные известия.

После беседы с Биссолати Соннино говорит мне: «Когда человек ни на что больше не пригоден, остается револьверный выстрел».

Уже циркулируют слухи о том, что вместо Кадорны назначен генерал Диац. В течение последних часов настойчиво повторялось имя герцога Аостского. Кое-кто из чрезмерно впечатлительных находит достойным сожаления то обстоятельство, что новый командующий носит не итальянское имя. Диац почти незнаком невоенным. Соннино ничего о нем не знает. Генерал де Гондрекур говорит мне, что он хорошо знаком с Дианцем и считает его превосходным человеком*.

* * *

Пескьера, четверг, 8 ноября

Выехав ночью из Рапалло, мы сегодня утром прибыли в Пескьеру. Унылый пейзаж под дождливым небом. Будто над всем краем нависло неопределенное, но грозное ожидание; земля, казалось, замерла под тяжким бременем.

Никаких приготовлений к нашему приезду на станции не было заметно. Я достал одноконную пролетку, которая довезла меня до города. Стоянку у здания, где помещается штаб гарнизона. Ни одного офицера. Вестовой разводит огонь в камине в сырой центральной гостиной, в которой царит ледяной холод. Из камина идет невыносимый чад.

Извещают о прибытии его величества.

---

* Несколько дней спустя, продолжая свои расспросы о новом начальнике генерального штаба, я получил следующий ответ от итальянского офицера, весьма близко стоящего к генералу Кадорне: «Скверный выбор!»; от итальянского офицера из ближайшего окружения генерала Диаца: «Прекрасный выбор. Отлично поведет дело. Это—холодный неаполитанец».

Спускаюсь во внутренний проезд здания.

Король здоровается, принужденно улыбаясь, но взгляд его выражает твердость. Быстро поднимается по лестнице и входит в гостиную. Его окружают Орландо, Соннино, Биссолати, Ллойд Джордж, Смэтс, Пенлеве, Франклен-Буйон.

Все усаживаются за простой стол посреди комнаты.

На совещании никто, кроме них, не присутствует.

Кое-кто из ближайшего окружения короля подтверждает мне слухи о германском наступлении через Швейцарию и сообщает мне, что Кадорна уже получил извещение о его замене на посту начальника генерального штаба армии.

Как я уже говорил, ни одного секретаря не было на конференции, но, как я узнал позже, генерал Смэтс передал впоследствии некоторые подробности конференции Хэнки, который, находясь в пути, составил из них документ, сообщенный мне им самим. Документ датирован в Экс-ле-Бэне 9 ноября.

Из этого документа я извлек нижеследующие заметки, правильность которых Соннино в основных чертах мне подтвердил*.

* Ллойд Джордж в IV томе «Военных мемуаров» публикует полностью протокол Хэнки. В начале этого протокола говорится о том, что итальянский король выразил «великое сожаление по поводу того, что мнение г. Ллойд Джорджа не было принято во внимание и итальянский фронт не был использован союзниками для преодоления сопротивления австрийцев. Он полностью разделял точку зрения г. Ллойд Джорджа и глубоко сожалел о том, что Австрия, находившаяся несколько месяцев назад на грани поражения, получила возможность с помощью немцев обратить создавшееся положение во вред Италии.

Г-н Ллойд Джордж высказал огорчение по поводу того, что итальянский король не присутствовал на Римской конференции, где он энергично высказывался в защиту необходимости комбинированных действий на итальянском фронте.

Итальянский король согласился с замечаниями Ллойд Джорджа и добавил, что ему не всегда удавалось видеть осуществление своих взглядов».

Я опустил в то время эту запись, показавшуюся мне в этой форме неточной; Соннино подтвердил, повторяю, правильность остальной части.

Так же как и Хэнки в опубликованном документе, Ллойд Джордж в упомянутом выше IV томе рассказывает, что он был поражен мужественным хладнокровием, обнаруженным итальянским королем в затруднительных обстоятельствах, когда его страна находилась в опасности. Ллойд Джордж добавляет, что король не выказал признаков страха или моральной депрессии; единственной его заботой было уничтожить впечатление, что его армия не оказала сопротивления: он приводил объяснения, а не извинения по поводу отступления, так что генерал Фош стал выказывать признаки нетерпения. Это выражалось у него в тех протестующих «посапываниях», которые «были понятны тем, кто хорошо его знал». Оставляя в стороне сомнения насчет того, что Фош мог выказать такое непочтение к государю, непонятно, каким образом Фош мог получить возможность так поступить, если, как это явствует из опубликованного самим же Ллойд Джорджем документа, Фош не присутствовал в то время, когда король делал свое экспозе, а вошел с английскими генералами Робертсоном и Вильсоном, с тем чтобы выслушать инструкции, которыми конференция решила их снабдить.

Из документа Хэнки не видно, чтобы Пенлеве принимал участие в пере-

Итальянский король высказал свои замечания об отходе итальянской армии перед комбинированным натиском австро-германских войск.

Основными причинами отступления могут считаться:

1) очень густой туман в день наступления на северный фланг итальянской армии, благодаря чему применение артиллерии оказалось невозможным;

2) недостаток итальянских кадровых офицеров, способных надлежащим образом руководить маневренными операциями, когда отступление уже началось.

Итальянская армия потеряла в течение войны около 30 тысяч офицеров. Заменившие их молодые офицеры не прошли достаточного военного обучения и не смогли удержать в руках своих солдат при отступлении. Солдаты также были мало обучены и могли только оборонять траншеи и совершать несложные наступления. Они не были достаточно обучены для того, чтобы маневрировать в случае отступления, и когда его пришлось совершить, оно приняло беспорядочный характер. Король видел, что то же случилось с австрийскими солдатами, которые не умели отступать в подлинном смысле этого слова и легко становились добычей наступавших после прорыва австрийского фронта итальянских частей. Он полагал, что пацифистской пропаганде в итальянской армии приписывалось чрезмерное значение. Правда, в этом направлении работали социалисты и духовенство, но король не считал, чтобы моральное состояние итальянских войск было серьезно поколеблено этими влияниями. Он приписывал большее значение продолжительности войны, вызывавшей в людях усталость и депрессию, в особенности в тех, которые возвращались на фронт после отпуска в подавленном настроении, ибо видели, в каком состоянии находятся их семьи и личные дела.

Хотя и выдвигались обвинения в измене, однако они ни в одном случае не были доказаны, и король оставался при своем мнении, что противник не оказал на армию серьезного в этом смысле влияния.

Относительно отступления король заметил, что отход III армии был выполнен благополучно, удалось перевезти даже значительное число раненых. Наибольшим испытаниям подверглась II армия, но многие тысячи людей уже собраны в тылу и будут вскоре реорганизованы. Он повторил свои слова о том, что он не верит, чтобы моральное состояние этих войск было

говорах, да это было бы абсолютно невероятным. Ввиду пунктуальности Хэнки это, быть может, следует приписать тому обстоятельству, что Смэтс, рассказывая Хэнки об этой беседе, непреднамеренно опустил это место, побуждаемый естественным желанием напомнить и подчеркнуть главным образом то, что касалось Ллойд Джорджа, а не Пенлеве. Так как этот последний говорил только по-французски, а перевода, быть может, при этом не имелось, Смэтс мог испытать затруднения в передаче слов Пенлеве.

серьезно поколеблено, и указал, что во многих случаях он убедился в этом лично.

Из трех дивизий, находившихся в Кадоре, одна отступила в порядке, о двух других не имелось сведений в течение нескольких дней и неизвестно было, были ли они отрезаны неприятелем или же, отступив благополучно через субальпийскую зону, отошли к западу.

Что касается будущего, король полагал, что линия Пиаве несомненно могла быть удержана. На правом берегу было уже установлено 400 орудий крупного и среднего калибра и 600 полевых. Рылись траншеи, и валы вдоль берегов рек являлись прекрасным прикрытием. В случае оставления этой линии положение сделалось бы тяжелым не только потому, что Венеция была бы потеряна, что само по себе весьма важно, но и потому, что потеря Венеции означала бы уход итальянского флота в Бриндизи и Таранто, ибо никакой другой возможной базы вдоль итальянского побережья Северной Адриатики не имелось. В этом случае австрийский флот и подводные лодки заняли бы господствующее положение в этом море, ситуация на море значительно ухудшилась бы. Поэтому король считал, что следовало приложить все усилия к удержанию линии Пиаве.

Слабым местом этой линии являлась северная ее часть, где нависли германские силы, расположенные на правом фланге австрийской армии. Если бы противнику удалось форсировать верхнюю Пиаве и взять возвышенность Монте-Граппа, позиция вдоль Пиаве могла быть обойдена, что повлекло бы за собой дальнейшее отступление. Монте-Граппа была теперь нами занята, и делалось все необходимое, чтобы задержать неприятельское продвижение, но не было сомнения, что этому сектору угрожала серьезная опасность.

Ллойд Джордж резко высказывался о состоянии итальянского верховного командования.

Сведения, полученные английским и французским правительствами, вынудили их просить о полной смене командования.

Они были вправе выступить с этими замечаниями не только в интересах итальянской армии, но и потому, что английские и французские дивизии прибывали в Италию и должны были поступить под высшее руководство итальянского командования.

Итальянский король ответил, что хотя он ни в какой мере не разделяет критики действий генерала Кадорны, он тем не менее полагает, что следует принять во внимание высказанные по этому поводу замечания. Его правительство уже решило заменить генерала Кадорну генералом Диацем. Относительно еще не старый офицер, но находившийся в генеральном штабе до и в течение войны, Диац признавался всеми мозгом итальянской армии и глубоким знатоком военной науки. Сам король питал к нему большое доверие и, несомненно, на нем остановил бы

свой выбор из числа офицеров итальянской армии. В целях большего укрепления верховного командования правительство решило поставить рядом с ним генерала Джардино, человека необычайно энергичного и исполнительного, деятельность которого могла бы явиться полезным дополнением к мероприятиям генерала Диаца.

Ллойд Джордж.—Касаясь нынешней ситуации, замечу, что по мнению французских и английских военных четыре французские дивизии, находящиеся уже в Италии, не получили наилучшего использования, так как дивизии эти были отправлены в район к западу от озера Гарда, вдоль Валь Джудикарии, между тем как, и об этом упоминалось также его величеством, наибольшая опасность грозила в области верхнего Адидже и на плоскогорье Азиаго. Французское и английское правительства согласно полагали, что ввиду необходимости принятия срочных мер, вызываемых создавшимся положением, следовало бы предоставить генералам Вильсону и Фошу дискреционное право[8] расположить находящиеся в Италии шесть франко-английских дивизий в тех секторах итальянского фронта, где они, по мнению названных генералов, могли бы оказаться наиболее полезными.

Было решено, что:

Генералы Вильсон и Фош немедленно проследуют с г. Биссолати в Падую в главную ставку итальянской армии для обсуждения с генералом Диацем военной ситуации, после чего они должны направить шесть союзных дивизий к наиболее опасным пунктам итальянского фронта, не ожидая дальнейших инструкций от своих правительств. Однако они должны будут совещаться с английскими и французскими генералами, командующими этими дивизиями.

После этого были приглашены генералы Робертсон, Фош и Вильсон для сообщения им вышеуказанных решений*.

Итальянский король сохранял спокойствие во время конференции и заявил, что он сделает, со своей стороны, все возможное для достижения победы дела союзников. Он полагает, что в прошлом можно было бы признать большее значение за итальянским фронтом и что в настоящее время, более чем когда-либо, он считает, что итальянский фронт в ближайшем будущем может приобрести еще более обширное и важное значение. Он выразил свое удовлетворение и благодарность за готовность английских и фран-

* Размеры помощи союзников были доведены в результате переговоров в Рапалло и Пескьере до 11 дивизий—шесть французских и пять английских, из коих французские прибыли в Италию между 31 октября и 2 декабря, английские же—между 11 ноября и первой половиной декабря. Сбор французских дивизий состоялся в Брешии, английских—в Мантуе. Первые подразделения этих войск присоединились к действующим войскам 4 декабря, после того как австро-германское наступление было задержано.

цузских союзников оказать полное содействие итальянской армии в начинающийся период войны.

После совещания король беседует за завтраком с одними лишь итальянскими министрами. Завтрак, отличающийся чрезвычайной скромностью, доставлен сюда в корзинах. Затем король возвращается в главную ставку.

В промежутке Орландо представляет ему на утверждение набросок воззвания, начинающийся следующим образом: «Великое бедствие истерзало мое сердце итальянца и короля». Король вычеркнул эту фразу, одобрив остальную часть воззвания.

Спрашиваю Соннино: «Что говорил его величество об австрийском предложении мира?»

Соннино: «Мирное предложение? Я об этом с ним не говорил»*.

Выезжаем по железной дороге в разных направлениях.

В вагоне-ресторане сижу за небольшим столиком с Хэнки. Он говорит мне о сражении во Фландрии, начатом с такими большими надеждами на окончательный успех, но дающем столь незначительные результаты, и рассказывает о затруднениях с Ирландией. Ллойд Джордж, слушающий нас за соседним столиком, вмешивается в разговор: «О чем вы, Хэнки?», и, блестя живыми, улыбающимися глазами, успокоительной фразой разрешает эти затруднения.

Пенлеве покидает нас, чтобы передать привет французским войскам, которые находятся уже по соседству с нами. Мы встретили воинский поезд: у войск отличный вид и бодрое настроение**.

* Соннино в течение целого месяца переходил от надежды к отчаянию. Однажды в Париже (29 ноября) он сказал мне: «Я больше не надеюсь получить Триест; Италия, быть может, будет расчленена». В тот же день за столом в присутствии Орландо и Соннино Нитти бросил замечание: «Что бы ни случилось, Италию можно будет индустриализировать». Соннино ответил: «Не стоило бы тогда жить. Главнее всего независимость». Клемансо за день перед тем, на заседании на Кэ д'Орсе, заявил: «Война окончится в августе 1919 г.» Соннино: «А как достигнуть этого?» Однако, несмотря на периоды уныния, которые отзывались на физическом его состоянии (он говорил мне: «Несколько недель мне по ночам не удается закрыть глаза»), Соннино неустрашимо следовал избранному им прямому пути, как человек, решивший бороться до конца.

** Без сомнения, Франция, подобно Англии, посылая нам свои подкрепления, выказала лойяльность, сердечность и готовность помочь нам в соответствии с соглашениями и предначертаниями 1916/17 г. Но это не помешало дипломатическим органам забыть о своем долге в интересах Франции. Позднее, в конце ноября, в период нашего пребывания в Париже, итальянский посол Бонин рассказывал Соннино, что на Кэ д'Орсе ему по неосторожности дали прочесть телеграмму Баррера, в которой он констатировал оказанное нами на реке Пиаве сопротивление, но добавлял, что было бы, однако, желательно, чтобы французские войска возможно скорее прибыли на итальянский фронт, дабы вместе с тем создать впечатление, что они принимали участие в обороне.

(Как я уже упоминал, войска союзников влились в действующие части 4 декабря, уже после остановки австро-германского наступления.)

В этом же смысле следует рассматривать другую телеграмму Баррера, которую полковник Эрбийон приводит в своих «Souvenirs» (v. II, p. 161), в главе, датированной 9 ноября 1917 г. В этой телеграмме Баррер, вероятно

В Брешии префект рассказал мне о панике, охватившей город в связи с тем, что из местного музея без его ведома была вынесена на глазах у населения статуя Крылатой Победы[9].

Ллойд Джордж, отвечая на приветствия одной местной особы, вспоминает о героическом городе, «который боролся и, если понадобится, будет вновь бороться за свободу».

Ллойд Джордж едет с нами до Милана. Ночью во время остановки поезда он пожелал взглянуть на Миланский собор, который ему незнаком. Берем такси, единственно доступное средство передвижения, и сопровождаем его с дочерью по городу, который весь погружен в темноту и имеет военный вид, до площади, на которой высится собор. Они выходят из автомобиля и, как могут, разглядывают собор с верхней площадки ведущей к нему лестницы.

Затем англичане отбывают в Англию, мы выезжаем в Рим.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду итальянское правительство, с которым Ватикан прервал дипломатические отношения после взятия Рима в 1870 г. и объявления его столицей Итальянского королевства. Отношения были восстановлены лишь в 1929 г. в силу Латеранского конкордата, по которому Муссолини признал светскую власть папы над «государством Ватикан».

[2] Имеется в виду забастовка в Турине в августе 1917 г., вызванная голодом и войной; забастовало свыше 40 тыс. рабочих. Забастовка сопровождалась демонстрациями.

[3] *В битве при Капоретто* (24 октября 1917 г.) итальянская армия была разбита австро-германскими силами. От поражения при Капоретто Италия не могла оправиться вплоть до конца войны. Понадобилась срочная посылка английских и французских дивизий для спасения Италии от окончательного разгрома.

[4] *Междусоюзнический парламент*—имеются в виду так называемые междусоюзнические парламентские совещания, т. е. собрания делегатов от английского, французского, итальянского, бельгийского и др. союзнических парламентов. На этом съезде принимала участие и делегация русской Государственной думы.

[5] *Битва при Павии в 1525 г.*—сражение между войсками французского короля Франциска I и армиями императора (Габсбурга—Карла V). Во время этой битвы Франциск был разбит, взят в плен и посажен в тюрьму. Был выпущен из плена только после того, как подписал условия, предъявленные ему Карлом V.

из желания побудить добиваться осуществления того, чего так упорно желали во Франции, извещал, что «итальянцы были бы готовы принять французское верховное командование», но приведенные мною четкие заявления Орландо и Соннино не только не оставляют никаких сомнений на этот счет, но являются прямо противоположными.

[6] *Третья Италия*—имеется в виду объединившаяся окончательно в 1870 г. Италия. Третьей она названа здесь потому, что первой была Римская империя, а второй—Италия до объединения.

[7] Имеется в виду провозглашение Германской империи 18 января 1871 г. в Версальском дворце, в присутствии всех германских князей.

[8] *Дискреционное право*—право принимать решение по личному усмотрению.

[9] *Статуя Крылатой Победы* — древнеримская скульптура, изображающая богиню победы. Вынос ее из музея произвел тяжелое впечатление на население.

V

ПЕРЕМИРИЕ С АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ

(28 октября—6 ноября 1918 г.)

Нижеприведенные заметки относятся к периоду от 28 октября по 6 ноября 1918 г., т. е. к периоду междусоюзнической конференции в Париже, где были установлены условия перемирия с Австро-Венгрией и Германией. Приводим главным образом ту часть записей, которая относится к перемирию с Австро-Венгрией.

Нижеизложенное находится в точном соответствии с содержанием официальных и официозных протоколов заседаний, отредактированных для высших военных советов междусоюзническим секретариатом Совета, для заседаний премьер-министров секретарями отдельных делегаций, главным образом сэром Морисом Хэнки от английской делегации и мною—от итальянской. В большей их части протоколы эти до настоящего времени не были изданы.

На основании этих заметок можно установить два обстоятельства:

1. Перемирие с Австро-Венгрией, которому уделено мало внимания в иностранных печатных изданиях, касающихся окончания войны, имело гораздо большее значение, чем это многим было известно или желательно было представить. Так, например, скрывшийся под псевдонимом «Mermeix» автор книги «Les négociations secrètes et les quatre armistices» (Paris 1921) несомненно имел перед глазами вышеупомянутые протоколы, из которых он приводит несколько текстуальных выдержек; но он обходит молчанием все то, что в них было, в соответствии с заметками настоящего Дневника, запротоколировано относительно настроений маршала Фоша и глав союзных правительств, а также относительно некоторых побудительных причин решений, вынесенных ими в течение недели от 28 октября по 4 ноября, а именно: то обстоятельство, что борьба с Германией не была окончена и, как впоследствии признавали сами немцы, развернулась лишь после перемирия с Австро-Венгрией, явившегося следствием итальянских побед, одержанных в результате нашего наступления, предпринятого 24 октября. Это тем более верно, что в числе пунктов перемирия, подписанного 3 ноября, имеется пункт, предусматривающий продолжение войны с Германией с использованием венгерской территории группой армий под командованием герцога Аостского.

2. Италия вынуждена была еще в то время предусмотреть трудности, которые могли встретиться на пути осуществления ее национальных притязаний, считавшихся минимальными в период обсуждения и заключения Лон-

донского договора, пункты которого были весьма далеки от предвидения тяжких условий, в которых оказалась итальянская армия вследствие развала русского фронта. Представители Италии немедленно, и неоднократно, реагировали против относившегося к ним вильсоновского пункта. Благодаря этим заметкам обнаружится в частности то обстоятельство, что вопреки утверждениям, содержащимся в одном из наиболее полных печатных изданий, относящихся к этому вопросу, т. е. в сочинениях Чарльза Сеймура (они заслуживают внимания, ибо опираются на первоклассные документы, как «Intimate Papers of Colonel House, Boston 1926—1931), а также вопреки тому, о чем более откровенно говорится в VI главе IV тома названного издания, озаглавленного «Торжество четырнадцати пунктов», пункт IX, относящийся к Италии, отнюдь не восторжествовал, а был недвусмысленным образом отвергнут как Соннино, так и Орландо как не удовлетворяющий нашим притязаниям и противоречащий нашим правам.

Противоположная этому точка зрения Вильсона послужила, к несчастью, основой той его позиции (проникнутой вначале непониманием, а затем—почти враждебностью), которую он продолжал занимать в отношении нас и в течение последующих событий, когда он приезжал в Европу и играл крупную роль в междусоюзнических совещаниях о мире.

Понедельник, 28 октября.

Отъезд из Рима в Париж.

Итальянское наступление, начатое 24-го числа, развивается неуверенно. На возвышенности Граппа бои в течение трех дней отличались особенным ожесточением. Вчера австрийцы предприняли яростную контратаку. Несколько итальянских частей уже прорвалось через Пиаве, но вздувшаяся после дождей река и быстрота течения затрудняют возведение и сохранение мостов, а следовательно, и снабжение войск, уже перешедших на другой берег. Повидимому, их придется снабжать воздушным путем.

Нитти, уже давно высказывавшийся против нашего наступления, написал Орландо на трех страницах письмо, начинающееся словами «Что происходит на Пиаве?», в котором он пытается предотвратить наступление, предвидит несчастья, настойчиво угрожает уходом с поста министра государственного казначейства.

Соннино, который с сентября устно и письменно путем официальных сообщений премьер-министру неоднократно настаивал на необходимости наступления, сохраняет спокойствие.

. . . .

В Модане, куда мы прибываем ночью, нас извещают об успехах нашего наступления. Сводка генерала Дпаца гласит, что за день было взято 9 тысяч австрийских пленных и 51 орудие.

Париж, вторник, 29 октября.

Совещание в кабинете французского министра иностранных дел Пишона на Кэ д'Орсе.

Присутствуют Клемансо, Пишон, Бертело; Ллойд Джордж, Бальфур, Хэнки; Хауз, Фразье, Очинклосс; Соннино и я; Мантy—переводчик.

Обсуждается процедура, которую следует соблюдать в связи с недавним обменом сообщений между Вильсоном и Германией по поводу перемирия.

Соннино настаивает на необходимости заключения перемирия с Германией и Австрией на единой базе.

Зачитываются и обсуждаются в связи с этим некоторые из Четырнадцати пунктов Вильсона[1].

По II пункту (свобода морей)—оживленный обмен мнений. (Ллойд Джордж с присущим ему красноречием, которому он стремится придать еще больше гибкости и убедительности, когда он касается того, что при нынешних обстоятельствах он считает максимумом английских интересов, в сжатой, твердой, красочной речи приводит причины, по которым он совершенно не может принять этот пункт.)

Выступают Хауз, Клемансо, Соннино, полагающий, что пока нет надобности в обсуждении этого пункта.

Ллойд Джордж говорит, что невозможно заключить перемирие, если это обяжет нас к выполнению названного условия.

Хауз указывает, что президент Вильсон сообщил эти условия неприятелю. Вильсону поэтому не оставалось бы ничего другого, как сообщить ему о том, что условия эти не были приняты союзниками. Возник бы вопрос о том, не должны ли поэтому Соединенные штаты вести переговоры прямо от себя.

Клемансо.—Это означало бы, что Соединенные штаты смогут повести переговоры о заключении сепаратного мира?

Хауз.—Это могло бы повести к тому (It may lead to this).

Хауз совершенно спокоен, делая это заявление. Кажется человеком, лишенным нервов. Ни в его голосе несколько низкого тембра, ни на спокойном лице не заметно никакой перемены. Он спокоен и любезен; не выказывает даже холодности.

. . . .*

Соннино зачитывает пункт IX: «The readjustment of the frontiers of Italy should be effected along clearly recognizable lines of nationality» [«Исправление границ Италии должно быть произведено в соответствии с линиями, ясно различимыми по национальному признаку»]. Соннино заявляет, что такая редакция не удовлетворяет целям безопасности, ради которой также боролась Италия, и поэтому она для нас неприемлема.

<Как обычно**, в речи Соннино, хотя он и старается сдерживать себя, проявляется его глубоко страстный темперамент; в своей

* Ср. прим. на стр. 45.

** Главы I, II, IV, V и VI настоящей книги были уже опубликованы в журнале «Nuova Antologia» за 1933—1935 гг., но без соблюдения хронологического порядка. Сначала была напечатана глава о перемирии с Австро-Венгрией. Этим объясняются те соображения, в силу которых в остроугольных скобках здесь помещены некоторые, печатаемые вне рамок Дневника разъяснительные примечания о характере собеседников, которые логически могли бы в настоящей книге появиться раньше. Но я предпочел оставить их

кристальной прямоте он высказывает почти презрительное отношение к проявлениям противодействия, или, вернее, того, что он считает непониманием той точки зрения, которую он считает правильной. Повидимому, немалую долю раздражения вызывает или укрепляет в нем его неумение легко находить нужные слова. Все это приводит его скорее к схематическим утверждениям, нежели к тонкостям искусства убеждения*.>

Хауз.—Условия президента Вильсона изложены в широких и общих выражениях. В пункте, касающемся Эльзаса и Лотарингии, например, не сказано ясно, что области эти должны быть возвращены Франции, но Вильсон понимает его в положительном смысле.

Клемансо.—Немцы, конечно, не истолковали названный пункт в этом смысле.

<Клемансо, подобно Соннино, в своих высказываниях обнаруживает силу внутреннего чувства, которое, однако, в нем как бы сдерживается спокойной силой и направленностью слова.>

. . . .

Собрание решает отложить обсуждение вопроса о четырнадцати пунктах Вильсона и других условиях мира и вновь собраться завтра. В промежутке представители различных стран рассмотрят замечания, которые должны быть сделаны к четырнадцати пунктам, с целью подготовки общего документа для передачи президенту Вильсону с окончательными предложениями, касающимися перемирия.

. . . .

Бюллетень Диаца: итальянские войска заняли высоты Вальдоббьядене, на левом берегу реки Пиаве.

Среда, 30 октября.

Совещание днем на Кэ д'Орсе. Присутствуют те же, что и на вчерашнем заседании, а также Орландо, прибывший сегодня утром из Италии.

Ллойд Джордж вносит предложение, касающееся посылки сообщения президенту Вильсону, о котором говорилось на вчерашнем заседании.

на месте, внося возможно меньше изменений в отпечатанный уже текст настоящей и других глав.

* После одной из первых союзнических конференций, а именно после Римской конференции, состоявшейся 5—7 января 1917 г., Ллойд Джордж заявил: «Я в течение двух дней знакомился с вами, барон Соннино, и пришел к убеждению, что вы не ягненок».

Британский посол в Париже лорд Берти, который был к нам всегда мало расположен, в своем «Дневнике» (v. II, p. 105), 9 января 1917 г., упоминает о письме из Рима, в котором, говоря о Римской конференции, пишет: «Конечно, Соннино и Кадорна—настоящие татары при переговорах; на них не действуют даже взлеты красноречия».

Впоследствии темперамент Соннино, завоевавший ему несомненное уважение его коллег, показался им очень неудобным, и это явилось одной из причин, по которым они, как это будет видно дальше, объединившись в Совет Четырех, отстранили Соннино от участия в нем.

. . . .

Соннино разъясняет свою, уже излагавшуюся им вчера, точку зрения и заявляет, что им составлен письменный текст.

Ллойд Джорджс.—Сейчас рассматривается только вопрос о перемирии с Германией, между тем как пункт, о котором поднят вопрос бароном Соннино, относится к условиям перемирия с Австрией*.

Соннино.—Если для сообщения Вильсону будет принято достигнутое союзниками соглашение о его Четырнадцати пунктах без оговорок, касающихся пункта, интересующего Италию, это могло бы дать основание полагать, что Италия согласна со всеми Четырнадцатью пунктами. Я мог бы принять предложенный г. Ллойд Джорджем текст только в том случае, если сообщение это не умаляет нашей позиции в отношении Австрии.

Хауз.—Всякое существенное изменение условий, возвещенных Вильсоном, вынудило бы президента обращаться в каждом случае к конгрессу.

Соннино.—Но сам же президент в одной из своих нот признал, что со времени своих первых речей он изменил выставленные им условия в части, касающейся Чехо-Словакии и Югославии, и это было сделано им без обращения к конгрессу.

Соннино зачитывает нижеследующую декларацию: «Итальянское правительство полагает, что «readjustment» [исправление], о котором идет речь в статье IX, представляет собой не одно лишь простое исправление границ; для Италии дело заключается в том, чтобы добиться освобождения областей с итальянским населением и в то же время установить между Италией и Австрией или другими государствами, входившими до настоящего времени в состав Австро-Венгрии, границу, предоставляющую необходимые условия военной безопасности, достаточные для обеспечения независимости и сохранения мира, с учетом географических и исторических условий и с применением тех же принципов, которые были признаны в отношении Германии при разграничениях, явившихся следствием нынешней войны».

Соннино требует, чтобы эта оговорка была включена в нынешнее сообщение союзников Вильсону. Со своей стороны, он склонен принять провозглашенные Вильсоном пункты в части, относящейся к Германии, но он желает, чтобы было твердо установлено, что он их не принимает в части, касающейся Австрии.

Не удается договориться о том, чтобы заявление Соннино было включено в текст сообщения союзников Вильсону, редактированного Ллойд Джорджем и уже одобренного (вне заседаний, как это теперь выясняется) Клемансо и Хаузом, потому что, как замечают Ллойд Джордж, Бальфур, Клемансо и Хауз, итальянская декларация не касается Германии. Однако было решено, что декларация эта будет включена в протокол сегодняшнего совещания**.

После вышеупомянутых оговорок и разъяснений Орландо

* Здесь, как и в других местах, иногда говорится «Австрия» вместо «Австро-Венгрия».

** Декларация была включена в протокол.

заявляет о принятии им представленного Ллойд Джорджем текста сообщения Вильсону.

. . . .

Собрание приступает к рассмотрению вопроса о перемирии с Австро-Венгрией.

Орландо.—На пути в Париж, в Турине, я беседовал по телефону с генералом Диацем. Он сообщил мне, что вчера, 29 октября, австрийский офицер явился с белым флагом на итальянские аванпосты и предъявил письмо, адресованное генералу Диацу австрийским генералом фон Вебером, командующим VI австрийским корпусом. Письмо было подписано генералом Вебером, а не главнокомандующим австро-венгерской армией.

В письме говорилось, что австро-венгерское правительство нотой от 28 октября согласилось со всеми пунктами президента Вильсона и дало инструкции верховному командованию назначить комиссию генералов под председательством генерала, подписавшего письмо, для ведения переговоров с итальянским командованием о заключении перемирия на суше и на море. Комиссия предлагала немедленно назначить место для безотлагательного обсуждения предложения. Генерал Диац, посоветовавшись со мной по телефону, поднял вопрос о положении, занимаемом австрийским генералом. Диац заявил, что он может вести переговоры только с главнокомандующим неприятельской армии или с назначенным им в законном порядке офицером. В последнем случае итальянское командование выражало готовность вести с ним переговоры после получения инструкции от итальянского правительства, которое должно было договориться со своими союзниками.

Кроме того, было получено по радио следующее воззвание:

«Австрийский император итальянскому верховному командованию.

Если эвакуация Венецианской области произойдет под давлением итальянской армии, т. е. в условиях непрерывных боев, то деревни, мосты, железные дороги этой области подвергнутся неизбежным разрушениям. Если же враждебные действия будут прерваны, эвакуация возделанных и урожайных равнин совершится без всякого ущерба для области. С этой целью австро-венгерское верховное командование желает договориться о немедленном прекращении враждебных действий. Император Карл, главнокомандующий венгерскими военными силами».

До настоящего времени ничего другого не произошло, но следует думать, что положение выяснится в течение ближайших часов.

Ллойд Джордж.—Полагаю, что было бы весьма полезно заключить перемирие с Австрией до переговоров с Германией; в особенности полезно было бы включить в условия перемирия пункт, предусматривающий право союзников использовать австро-венгерскую территорию для передвижений их войск. Предлагаю поэтому, чтобы экспертам были даны инструкции о подготовке условий перемирия с Австрией на следующих основаниях:

1. Эвакуация всех занятых территорий.

2. Демобилизация... дивизий.

3. Занятие линии, предусмотренной в Лондонском договоре.

4. С целью защиты угнетенных национальностей, по мысли Вильсона, от возможных нападений немцев:

а) право свободного передвижения союзных войск по шоссейным и железным дорогам или водным путям;

б) занятие стратегических пунктов, которые будут определены союзниками;

в) освобождение всех военнопленных и интернированных граждан союзных государств.

(Предложения эти принимаются.)

. . . .

Пишон зачитывает условия перемирия на море, уже подготовленные экспертами.

Условия эти предусматривают сдачу почти всего австро-венгерского флота.

В конце длинного перечня Клемансо восклицает: «А штанов императора не требуют?»

. . . .

Соннино и Орландо настаивают на том, чтобы возможно скорее было достигнуто соглашение о военных и морских условиях перемирия с Австро-Венгрией, с тем чтобы можно было сегодня же сообщить их генералу Диацу на тот случай, если в итальянский штаб вновь явится законно уполномоченный парламентер.

Четверг, 31 октября.

Утром заседание в доме полковника Хауза.

Обсуждается текст условий перемирия с Австро-Венгрией. Текст, подготовленный военными Высшего совета, был озаглавлен: «*Предложения, касающиеся перемирия с Австро-Венгрией*». Соннино вычеркнул слова «предложения, касающиеся», заменив их словами «*условия перемирия*».

Мне поручено составить статью относительно линии, описанной в Лондонском договоре. Выполняю поручение вместе с Манту в гостинице «Мерис» во время обеденного перерыва.

. . . .

Во второй половине дня—совещание в Версале с участием Клемансо и Пишона, Ллойд Джорджа и Бальфура, Орландо и Соннино, Хауза, Веснича—от Сербии, Венизелоса—от Греции, военных из Высшего совета и секретарей.

Запрошенный о военном положении генерал Фош говорит, что германская армия дезорганизована, вынуждена постоянно отступать, «подобно человеку, потерявшему равновесие и шатающемуся» (Фош рисует положение жестом, раскачиваясь своим мощным корпусом); но он настаивает на необходимости методического уничтожения, на принятии боев повсюду. Борьба продолжается и затягивается.

. . . .

На итальянском фронте положение весьма благополучно.

Мы только что получили известие о том, что неприятельская армия понесла поражение и была разрезана на две части. Это создало возможность наступления на Беллуно и Витторио.

(Вчера утром Орландо по прибытии, объявив нам о взятии Конельяно, рассказал, что им была получена телеграмма от короля, составленная приблизительно в следующих выражениях: «Сегодня перешел Пиаве в Нервезе. Дела идут хорошо. Австрийская армия производит впечатление разбитой армии». Орландо отмечает, что, хотя это и скрыто простым, четким стилем телеграммы, переход через Пиаве должен был произвести на короля глубокое впечатление. Орландо добавил: «Его величество всегда верит, даже в самые трудные минуты, в благополучный исход войны. Последняя фраза короля в адресованной мне телеграмме имеет особое значение, ибо его величество—очень тонкий наблюдатель».)

Клемансо просит зачитать условия перемирия с Австро-Венгрией, выработанные в соответствии с директивами, установленными на совещаниях, состоявшихся вчера и сегодня утром. Параграфы 1 и 2 принимаются без возражений.

Параграф 3 предусматривает отвод австро-венгерских войск за установленную Лондонским договором линию.

Веснич говорит, что он принимает этот параграф, а также следующий, в котором говорится о праве свободного передвижения войск по австро-венгерской территории и занятия на этой территории стратегических пунктов, но что он принимает их с оговорками. Он не понимает, по какой причине, если территории монархии должны быть эвакуированы, предусматривается линия Адриатики и не говорится обо всех югославских территориях.

Клемансо.—Здесь речь идет не об условиях мира, а об условиях перемирия. Эвакуируемые в настоящее время территории будут сообща заняты союзниками. Замечание г. Веснича будет принято к сведению в мирных условиях.

Веснич.—Я не хочу сказать, что это—условия мира. Во всех провинциях Австро-Венгрии царит большое беспокойство. Наши армии скоро будут в этих местах, и я не могу понять, почему в настоящий момент оккупация должна ограничиться только что указанной линией.

После краткого обсуждения, в котором принимают участие Бальфур и Хауз, параграф 3 утверждается.

Переходят к параграфу 4.

Клемансо.—Эта статья принесет удовлетворение г. Весничу.

Веснич просит разрешить перечислить точнее некоторые пункты, которые, по его мнению, союзникам следовало бы оккупировать.

Ллойд Джордж.—Многое можно сказать в пользу оккупации Боснии и Герцеговины. Так как сербские войска находятся поблизости, я не вижу причин, по которым им нельзя было бы дать занять

эту область. Существует значительная разница между параграфами 3 и 4. Параграф 3 касается только занятия некоторых стратегических пунктов, в то время как параграф 4 предоставляет союзникам право передвижения по всей территории монархии. Оба пункта по смыслу отличаются от простой оккупации. Босния и Герцеговина населены славянами, и мы не должны были бы препятствовать сербам вступить на эти территории, с которыми они находятся по соседству.

Бальфур.—Можно было бы добавить к параграфу 4, что это право оккупации во всех провинциях Австро-Венгрии предоставляется также в целях «поддержания порядка».

Веснич.—Я не хотел бы быть неправильно понятым. Мое замечание относится не только к Боснии и Герцеговине, но и ко всем странам, населенным южными славянами. В этих странах идет сильное брожение; союзники заинтересованы в том, чтобы создать в период перемирия в этих областях ясную и благоприятную ситуацию, в особенности потому, что население этих стран с самого начала войны поставило себя под защиту союзников. Мне хотелось бы, кроме того, сделать замечание, касающееся предыдущего параграфа. Г-ном Ллойд Джорджем было раньше сказано, что эти территории, вопрос об эвакуации которых теперь обсуждается, являются территориями итальянскими. Я не хочу, чтобы в протоколах было допущено смешение понятий. Должно быть совершенно ясно, что эти территории будут эвакуированы в военных целях, причем этим не будут предрешены условия будущего мира. Если бы это было не так, я вынужден был бы заявить формальный протест.

(Как обычно, сербскому министру, хотя он и старается сдержать себя и казаться спокойным, не удается скрыть внутреннее волнение, отражающееся в голосе и в выражении лица. Во время спора лицо Соннино краснеет, у Веснича оно бледнеет.)

Венизелос примирительно говорит, что поправка г. Бальфура отражает идею министра Веснича, так как она имеет в виду не только Боснию и Герцеговину, но и всю территорию.

Параграф 4 утверждается с внесением поправки, предложенной Бальфуром.

Итальянские представители соблюдали абсолютную сдержанность и не принимали участия в дискуссии.

Параграфы 5, 6, 7 и 8, относящиеся к эвакуации германскими войсками австро-венгерской территории, к управлению эвакуированными территориями, каковое возлагается на местные власти под контролем союзнических и объединенных оккупационных войск, к военнопленным и больным,—утверждаются без обсуждения.

Совещание переходит к обсуждению морских условий.

Английский адмирал Уэмисс, итальянский Грасси, французский де Бон и сэр Эрик Геддес принимают участие в обсуждении предложения об истребовании (у Австро-Венгрии.—*БШ.*) четырех линейных кораблей и всех миноносцев новейшего типа.

Ллойд Джордж находит это требование чрезмерным; оно, по его мнению, могло бы вынудить Австро-Венгрию продолжать войну.

Соннино в заключение предлагает затребовать три линейных корабля, три легких крейсера, девять контрминоносцев, 12 миноносцев и шесть дунайских мониторов.

Предложение это принимается.

. . . .

Веснич поднимает вопрос об австро-венгерском торговом тоннаже, который должен быть распределен между союзниками. Он замечает, что многое из этого тоннажа принадлежит югославским подданным, и предлагает оставить его свободным до рассмотрения вопроса междусоюзнической комиссией.

Клемансо.—Об этом уже сказано в одной из статей, а именно в девятой, предусматривающей возвращение торговых судов союзных и присоединившихся держав. Южные славяне могут рассматриваться как присоединившаяся держава.

Бальфур.—Я не могу разделить эту точку зрения, так как южные славяне никогда не признавались державой, входящей в объединение.

Веснич.—Это следовало сделать, так как братья сербов должны были бы признаваться присоединившимися наравне с сербами.

Бальфур.—Я был бы готов так поступить, но есть еще вопрос об использовании мирового тоннажа. Предлагаю поэтому предоставить весь тоннаж в распоряжение специальной комиссии.

Хауз.—Условие это не следовало бы включать в текст перемирия, оно должно быть принято в соображение при обсуждении условий мира.

Ллойд Джордж.—Блокада продолжается, что дает нам возможность диктовать желательные нам условия в период перемирия.

Орландо.—Согласен. Но я не вижу причин, по которым исключения должны касаться только южных славян.

Большое количество итальянских судов находится в Фиуме—городе по преимуществу итальянском. Я не знаю города более итальянского, чем Фиуме: Фиуме—город более итальянский, чем Рим. Почему бы не предоставить ему подобную же свободу? Предлагаю образовать международную комиссию с предоставлением ей права применять исключения.

(Предлагаются другие поправки.)

Веснич.—Я желаю, чтобы в протоколах было ясно указано, что статья эта относится к югославскому тоннажу.

Клемансо.—Г-н Орландо сделал необходимые замечания по этому поводу.

Веснич.—Протестую против этого заявления.

Соннино.—Мне представляется весьма затруднительным различать южных славян; некоторые из них являются австрийцами и австрофилами.

Веснич.—Я не хочу начинать спора по этому вопросу на нынеш-

нем заседании, но прошу, чтобы мой протест был занесен в протокол на предмет будущих ссылок.

Клемансо.—Предлагаю принять предложение г. Бальфура с поправкой г. Орландо, а именно: «Не считая исключений, которые могут быть сделаны комиссией, назначенной союзниками и Соединенными штатами Америки».

(Предложение принимается.)

После некоторых замечаний, касающихся блокады, текст условий перемирия с Австро-Венгрией полностью утверждается.

Тотчас же после заседания условия эти передаются по телефону на итальянском языке генералу Диацу; французский текст отправляется со специальным курьером.

Орландо говорит мне, что им получено сообщение о том, что австрийские парламентеры вернулись и находятся в Вилла Джусти. Один из парламентеров почувствовал себя дурно и в изнеможении произнес: «Австрия пойдет на любые условия».

Сводка Диаца извещает, что неприятель отступает к Тальяменто. Число пленных превышает 50 тысяч человек, взято более 300 пушек.

Пятница, 1 ноября.

Утром собрание у полковника Хауза (Клемансо, Фош, Вейган, Ллойд Джордж, Геддес, Орландо, Хауз и секретари).

Ллойд Джордж зачитывает перехваченную телеграмму из Полы австрийскому морскому атташе в Константинополе с некоторыми инструкциями, касающимися не-югославского персонала австро-венгерских судов, ввиду того, что «флот, предприятия и все другое морское имущество будет передано югославскому Национальному совету».

Орландо.—Условия перемирия с Австро-Венгрией были вчера переданы по телефону генералу Диацу. В Адриатике австрийский миноносец с югославским экипажем пытался послать парламентера к итальянскому флоту, но итальянцы ответили, что австро-венгерским уполномоченным были уже сообщены условия перемирия. Кроме того, на итальянский фронт явился уполномоченный Гинденбургом германский полковник, заявивший, что ему поручено присутствовать при переговорах о перемирии с Австро-Венгрией. Генерал Диац ответил, что он не может разрешить ему этого.

. . . .

Обсуждаются условия перемирия с Германией. Если Германия не уступит, можно будет повести на нее наступление через Австро-Венгрию.

. . . .

Днем заседание Верховного совета в Версале. Кроме участников вчерашнего заседания, присутствуют Мацуи от Японии, Гиманс от Бельгии и соответственные эксперты и секретари.

Клемансо читает текст ноты, подготовленной премьер-министрами для отправления Вильсону от имени союзных правительств.

. . . .

Орландо.—Напомню, что на совещании премьеров, где нота была подготовлена, итальянское правительство в связи с вильсоновским пунктом IX, который может дать место различным его толкованиям, уже заявляло о том, что оно вынуждено сделать оговорку. Было отвечено, что вопрос не относится к Германии, о которой идет речь только в ноте президенту Вильсону. Но так как теперь требуется утвердить этот документ на пленарном заседании, я желаю, чтобы вновь было принято к сведению, что Италия выдвигает оговорки относительно этого пункта IX.

Клемансо.—Полковник Хауз представит вскоре общие разъяснения по четырнадцати пунктам.

. . . .

Клемансо зачитывает принятое по радио сообщение, адресованное президенту Вильсону и главнокомандующему американским флотом.

В сообщении этом подписавшие его южные славяне жалуются на продолжение враждебных действий в Адриатике и утверждают, что в их руках находится весь австро-венгерский флот, за исключением двух броненосцев, пущенных ко дну итальянцами. Южные славяне требуют, чтобы весь флот был поставлен под защиту Америки или какой-либо союзной державы. (Слушая это сообщение, смысл которого не вполне ясен, командир Русполи из нашей морской секции в Версале, сидящий рядом со мной, говорит мне: «Видно, дело в Поле удалось». Так, благодаря протесту южных славян мы получаем первое известие об изумительном подвиге Паолуччи и Россетти[3].)

Клемансо.—Можно было бы ответить на только что зачитанное послание, если бы оно было обращено к союзникам, что суда, захваченные южными славянами, как и другие суда, взятые другими, должны быть переданы в распоряжение держав Антанты.

Соннино.—Это—просто австрийский трюк. Допустим, что Германия при подписании условий перемирия стала бы утверждать, что весь ее флот передан Дании и что поэтому у нее больше не имеется судов для сдачи. Что мы смогли бы поделать в этом случае? После заключения мира она получила бы обратно свои суда, и мы оказались бы в смешном положении. Не далее как вчера мы утвердили условия перемирия с Австрией. Условия эти были уже сообщены генералу Диацу. Мы не можем принять теперь заявление о том, что та или иная сумма ценностей была передана другим.

Веснич.—К моему сожалению, я не могу согласиться с бароном Соннино. Уже было вынесено решение о создании комиссии по вопросам тоннажа; интересующий нас в настоящее время факт является военным актом и результатом содействия, оказываемого южными славянами делу союзников с самого начала войны. Сотрудничество это нашло в настоящее время явное подтверждение в факте овладения всем австрийским флотом. Южные славяне,

как союзники союзников, взяли этот флот и требуют, чтобы он рассматривался в качестве союзного флота. Я хочу присоединиться к просьбе моих братьев по крови и прошу конференцию принять ее.

Клемансо.—Необходимо принять во внимание доводы барона Соннино. Вчера мы установили условия перемирия, которые распространяются, между прочим, на австро-венгерский флот. Сегодня мы узнаем, что он находится в руках южных славян. Мысль о передаче флота одному из союзников, точнее говоря, президенту Вильсону, нельзя считать удачной. Президент Вильсон находится в Вашингтоне, далеко, он не знаком с Адриатикой и не мог бы отдавать приказаний, мы же в состоянии это сделать. Южные славяне совершили удачный акт войны, и мы приносим им живейшие поздравления, но я не могу присоединиться к их предложению передать флот наиболее отдаленному из союзников. Флот следовало бы передать союзникам как единому целому (as a whole).

Хауз указывает, что в послании, принятом по радио, говорится: «...президенту Вильсону или одному из союзников». По его мнению, в обсуждении вопроса в настоящее время не представляется необходимости.

Ллойд Джордж.—Я согласен, что нет надобности обсуждать вопрос. Но он гораздо шире, чем кажется. Я и мои английские коллеги получили это известие сегодня утром и успели обсудить его. Было бы ошибкой посылать ответ, могущий показаться проявлением недоброжелательства. Вчера было принято решение относительно австрийского флота, а именно решение об истребовании одной части флота и интернировании остальной. Сегодня мы имеем предложение, касающееся сдачи всего флота и передачи его одному из союзников. Не следовало бы отвергать добрые намерения. Мы готовим Германии тяжелые условия перемирия. Если Германия откажется признать их, нам понадобятся все силы для преодоления последнего ее сопротивления. Южные славяне—молодая и сильная нация, которая могла бы оказать нам действенную помощь на юге. Вышеуказанным актом они выпотрошили наших врагов (they have rent the very entrails of our enemies). Мы должны дать им ответ, который не являлся бы чисто формальным.

Веснич.—Я был рад выслушать слова, только что сказанные британским премьер-министром. Прошу собрание принять во внимание, что люди, совершившие этот акт, рисковали своей головой. Они не дипломаты. Быть может, они не искушены в писании нот. Однако то, о чем они говорят, может быть выражено в следующих словах: «Мы взяли этот флот и передаем его в распоряжение президента Вильсона». В сущности я должен был бы поздравить их с этим их выбором, так как правительство Соединенных штатов не союзное, а присоединившееся. Не следует ставить им в вину их обращение к президенту Соединенных штатов. Он, как и все державы Согласия, является другом малых наций. От имени южных славян, с которыми я нахожусь в тесной связи и подлинные чувства

которых я выражаю, я прошу собрание истолковать их просьбу в том смысле, что они предоставляют в распоряжение союзников флот и себя самих как верных солдат. Прошу дать ответ в духе, согласном с этими их чувствами.

Орландо.—Здесь обсуждается предмет, о котором мы не имеем пока достаточно сведений. До настоящего времени мы располагаем всего лишь одной перехваченной телеграммой. Кстати о радиограммах. Командующий итальянскими силами в Венеции получил радиограмму от одного адмирала из г. Полы. Если бы мы имели дело с восстанием моряков, которые предложили бы нам захваченный ими флот, мы должны были бы принять его с радостью, в особенности потому, что большинство экипажа состоит из итальянцев или южных славян. Но большинство офицеров на судах, о которых идет речь, состоит из венгров или австрийцев. Так как эта радиограмма получена от адмирала, мы должны быть осторожны. Если экипажи, принадлежащие дружественным Согласию народам, состоят из южных славян или итальянцев, желающих сдаться, мы должны быть довольны этим, ибо они дают нам больше того, что мы требовали по условиям перемирия. Генерал Диац уже получил условия перемирия и, быть может, уже сообщил их неприятельским уполномоченным. Условия не могут быть изменены.

Ллойд Джордж.—Ответный шаг—за нами, так как мы получили официальный запрос.

Клемансо.—Мы не имеем официального запроса, есть только радиограмма.

Веснич.—Мне хотелось бы сделать одно замечание. Г-н Орландо говорил, что условия перемирия были утверждены вчера. Теперь приходит это известие, подобное громовому удару, хотя и приятное. На основании предшествовавших событий, которые мне известны, я вправе думать, что сообщение это правильно. Поэтому нам следовало бы рассматривать его как официальное требование, не игнорировать его, не отвергать выражения доброй воли, которая могла бы оказать в дальнейшем свое действие в других случаях.

Хауз.—Полагаю, что следовало бы дождаться более официального сообщения.

Орландо.—Командующий военными силами в Венеции получил послание, извещающее его о том, что он может отправиться в Полу. Я дал свое согласие на поездку адмирала, но рекомендовал ему соблюдать осторожность ввиду коварства Австрии, засвидетельствованного опытом прошлых времен.

Ллойд Джордж.—Повторяю, что предложение это лучше условий перемирия, так как в отличие от них предусматривает передачу всего флота. Предлагаю, чтобы американское правительство от имени Союзного Совета предложило австрийским судам отправиться в Корфу и стать под командование союзного главнокомандующего средиземноморскими силами. Если они согласятся на это, тем лучше, в противном случае мы ничем не рискуем.

Орландо.—Что же должен я сказать Диацу в этом случае? Я не могу советовать ему ни ждать, ни вести переговоры только о военных условиях, оставляя в пренебрежении условия перемирия на море. Условия эти неотделимы друг от друга.

Венизелос.—Думаю, что г. Орландо прав в своей ссылке на то, что условия перемирия уже сообщены неприятельским уполномоченным. У нас имеется два параллельных средства для достижения успеха. Если адмирал может передать суда, мы должны будем продолжать процедуру перемирия, в противном случае мы можем принять другое предложение.

Думаю, что соглашение может быть достигнуто на этой основе.

Клемансо.—Предлагаю отложить обсуждение вопроса на завтра.

(Предложение принимается.)

. . . .

В бюллетене Диаца сообщается о занятии Фельтре. Число взятых орудий превышает 700.

Суббота, 2 ноября.

Совещание в 10 часов в военном министерстве. Присутствуют премьер-министры с Хаузом, военными советниками и некоторыми секретарями. От Италии—Орландо, Ди Робилант и я.

Клемансо.—Необходимо обсудить, как поступить в нижеследующих трех случаях: 1) если Австрия не примет условий перемирия; 2) если Австрия впадет в хаотическое состояние; 3) если Австрия согласится на условия перемирия. Лучше всего передать вопрос на обсуждение военных экспертов.

Ллойд Джордж.—Согласен.

Орландо.—Генерал Диац сообщил, что вначале австрийские уполномоченные обнаруживали максимальную поспешность и сетовали на медленность действий, чего не было на самом деле, ибо условия перемирия были посланы с рекордной быстротой, теперь же они, повидимому, стараются выиграть время. Не следует ли послать генералу Диацу инструкции о назначении срока, в течение которого должен быть дан австрийский ответ?

Ллойд Джордж.—Условия перемирия были уже вручены?..

Орландо.—Да. В тот же день, как они были утверждены, они были переданы на итальянском языке по телефону Диацу. Одновременно был послан офицер с французским текстом. Итальянский текст вчера генералом Диацем был сообщен австрийским уполномоченным, которые сегодня, наверное, получат и французский текст.

Затем собрание переходит к обсуждению вопросов, поставленных Клемансо.

Ллойд Джордж.—Если Австрия примет условия перемирия, можно будет подумать об оккупации Баварии и Чехии. Мы можем воспользоваться чехо-словаками, являющимися отличными солдатами; их можно было бы рассматривать как союзников.

Орландо.—Я согласен, что следует воспользоваться всеми враждебными Австрии национальностями. В Италии находится пол-

торы дивизии отличных чехо-словацких войск, возглавляемых итальянскими офицерами.

Хауз.—Я полагаю, что можно было бы отложить обсуждение вопроса.

Орландо.—Согласен; тем временем военные могли бы заняться изучением вопроса о способах оккупации Австрии.

(Затем собрание переходит к обсуждению срока, который должен быть предоставлен австрийским уполномоченным для дачи ответа о принятии условий перемирия. Фош предлагает 24 часа, Клемансо—48, чтобы дать время связаться с Веной. Собрание утверждает этот последний срок, и Орландо дает распоряжение о немедленном извещении по телеграфу Дпаца.)

. . . .

Решено, что завтра премьер-министры соберутся в доме Хауза, чтобы выслушать его сообщение по поводу четырнадцати пунктов.

Днем в 15 часов совещание в Версале. Кроме обычных участников (от Италии—Орландо и Соннино), присутствует также премьер-министр Португалии.

. . . .

Клемансо предоставляет слово Пишону.

Пишон.—Как сообщается в телеграмме генерала Франше д'Эспере, генерал Пиаченцини известил командующего восточной армией, что в соответствии с инструкциями итальянского правительства он готов согласиться в принципе и при известных условиях на смешанную оккупацию Скутари, но что оккупация Черногории должна быть предоставлена исключительно Италии. Я думаю, что здесь имеет место недоразумение, и желал бы получить какие-либо разъяснения.

Соннино.—Здесь недоразумение. Италия желала бы только принять участие в вышеупомянутых оккупациях.

. . . .

Собрание переходит к обсуждению морских условий перемирия с Германией.

Ллойд Джордж.—Условия будут в значительной степени зависеть от того, как пойдут дела с Австрией. Если Австрия примет наши условия или же если итальянские успехи будут продолжаться, мы сможем поставить более серьезные условия. Иначе, если Австрия не сдастся, но будет продолжать войну, мы должны будем серьезно изучить положение. Не зная этого, мы не сможем решить, что́ мы должны потребовать от Германии. Мы должны установить, хотим ли мы заключить мир немедленно или же продолжать войну еще в течение одного года. Если Австрия уступит, мы будем знать, как нам поступить. Быть может, мы узнаем об этом послезавтра.

Хауз.—Немцы узнают об этом раньше нас. Какую выгоду даст нам ожидание?

Ллойд Джордж.—Форма нашего требования может быть изменена в зависимости от ответа Австрии. Если мы будем знать, что

мы можем пойти на Мюнхен или Дрезден, мы сможем принять другой тон.

Клемансо.—Предлагаю отложить дальнейшее обсуждение на понедельник.

. . . .

Вечером Орландо говорит мне, что он получил из Фиуме телеграмму с просьбой об оказании помощи и о занятии города итальянцами. После некоторого размышления, ввиду того что такая оккупация не была предусмотрена в беседах с коллегами, Орландо дает распоряжение в положительном смысле. Фиуме будет оккупирован.

Воскресенье, 3 ноября.

Собрание премьер-министров и некоторых из секретарей в доме Хауза в 15 часов. Присутствуют Клемансо, Ллойд Джордж и Хэнки, Орландо и я, Хауз и Фразье, Гиманс.

. . . .

Клемансо.—Я получил известие о послании, адресованном эрцгерцогом Карлом в Мальту, в котором сообщалось, что выход флота из Каттаро был отменен распоряжением Комитета южных славян и что связь с Полой прервана. Как сообщает одна радиограмма, часть флота южных славян в Каттаро шлет привет морским силам Согласия и просит прислать в Каттаро английский и американский флоты.

Ллойд Джордж.—Ясно, что югославский флот готов поступить в распоряжение английского или американского флота или же принять эти флоты в Каттаро.

Орландо.—Я слышал, что Комитет южных славян хотел бы, чтобы австро-венгерский флот плавал под югославским флагом. Не говоря о том, что флаг этот не был признан ни одной державой, замечу, что до настоящего времени не имеется точных сведений о положении этого флота. Все это может скрывать за собою какой-либо трюк, направленный против нас. Единственно приемлемой формой передачи флота является водружение белого флага, т. е. сигнал о сдаче. Нужно поэтому ответить, чтобы флот направился в Корфу с белым флагом.

(Предложение принимается.)

. . . .

Собрание переходит к обсуждению четырнадцати пунктов Вильсона и, главным образом, пункта, касающегося свободы морей[3].

Орландо вновь обращает внимание участников совещания на замечания итальянского правительства, касающиеся пункта IX.

Ллойд Джордж замечает, что пункты IX, X, XI, XII относятся к Австро-Венгрии, Румынии, Сербии, Черногории и Турции и что приводить их при заключении перемирия с Германией нет необходимости.

Хаус.—Я думаю, что было бы лучше не сообщать об этом Вильсону: не стоит увеличивать количества возражений.

Клемансо.—Согласен.

. . . .

Заседание закрывается, но тотчас же по выходе Орландо вручают извещение о том, что, согласно только что полученной из Турина фонограмме, австрийцы час назад подписали перемирие на Вилла Джусти[4] и что военные действия будут приостановлены завтра, в понедельник, 4 ноября, в 15 часов.

Орландо сообщает об этом своим коллегам. Ллойд Джордж восклицает: «Это очень интересно!»

Премьер-министры возвращаются, и заседание продолжается.

Атмосфера заседания кажется изменившейся—выражение удовлетворения на прояснившихся лицах. Кроме Орландо, наиболее довольным кажется Ллойд Джордж, нервным, возбужденным, полным решимости тоном обсуждающий вопрос о дальнейшем образе действий.

Решено немедленно опубликовать извещение о подписании перемирия, но так как враждебные действия будут прекращены только завтра днем, указать, что условия перемирия будут опубликованы во вторник, 5-го числа.

Выходя из автомобиля, доставившего нас в гостиницу «Мерис», Орландо в порыве радости говорит шоферу: «Подписано перемирие».—«Как?»—«Да, перемирие с Австрией!»

Французский «человек улицы» кажется разочарованным.

. . . .

В 16 часов собираются генералы Фош, Блисс, Ди Робилант, Вильсон для обсуждения вопроса об использовании союзных сил против Германии.

. . . .

Предлагается нижеследующий текст постановления:

«Незамедлительно будет образована группа из трех армий, предназначенных для операций на баварском фронте.

Численность названной группы армий будет в кратчайший срок постепенно доведена до 30 или 40 дивизий, которые будут сняты с итальянского фронта, включая в это число три британские и две французские дивизии.

Названная группа армий будет поставлена под командование итальянского генерала; три армии будут находиться под командованием генералов соответствующих национальностей.

В целях согласования операций против Германии эта группа армий будет подчинена главнокомандующему союзных армий (Фошу)».

Бюллетень Диаца: «Наши войска заняли Тренто и высадились в Трнесте. Трехцветный флаг развевается над замком Буон Консильо и башней Сан-Джусто».

Понедельник, 4 ноября.

Утром на заседании премьер-министров утверждаются предложения военных советников.

На пост командующего группой армий, предназначенных для операций на австрийской территории, после того как были названы имена Франше д'Эспере и Диаца, решено назначить герцога Аостского.

Днем—заседание в Версале.

Утверждаются условия перемирия с Германией и соответствующая процедура, а именно: решено просить президента Вильсона предложить немцам послать уполномоченного к маршалу Фошу.

. . . .

Итальянские войска заняли Зару, и итальянские военные корабли «Эмануэле Филиберто» и «Стокко» вошли в порт Фиуме.

Отъезд из Парижа в Рим.

Среда, 6 ноября.

Во избежание демонстрации при его прибытии в Рим Соннино сошел с поезда в Фурбаре и в специально заказанном автомобиле проехал незамеченным в Рим.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Четырнадцать пунктов Вильсона* как условия мира были изложены Вильсоном в его послании конгрессу Соединенных штатов 8 января 1918 г. Содержание этих пунктов таково: 1) отказ от тайной дипломатии; 2) свобода морей; 3) свобода торговли: 4) ограничение вооружений; 5) справедливое урегулирование колониальных претензий; 6) очищение занятых русских областей и разрешение всех касающихся России (революционной) вопросов; 7) очищение и восстановление Бельгии; 8) очищение и восстановление занятых французских областей и возвращение Франции Эльзас-Лотарингии; 9) исправление итальянских границ согласно ясно выраженному национальному признаку; 10) самостоятельное развитие народов Австро-Венгрии; 11) очищение и восстановление Румынии, Сербии и Черногории; предоставление Сербии свободного выхода к морю; 12) урегулирование турецкого вопроса; самостоятельное развитие нетурецких народностей в Турции; интернационализация Дарданелл; 13) создание независимой Польши с несомненно польским населением; 14) «Должно быть образовано общее объединение наций на основе особых статутов в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств».

Переговоры о перемирии между Германией и союзниками были начаты при посредстве президента Вильсона, автора приведенных Четырнадцати пунктов. В ночь с 4 на 5 октября германское правительство сообщило Вильсону о своем согласии заключить мир на основе четырнадцати пунктов. Что же касается союзников, то они сообщили Вильсону, что принимают Четырнадцать пунктов, за исключением пункта 2 (свобода морей), и с тем, чтобы Германия возместила все убытки, причиненные военными действиями немцев на суше, на море и в воздухе.

[2] Автор допустил неточность. Паолуччи и Россетти потопили в ночь с 31 октября на 1 ноября адмиральский корабль «Вирибус Унитис», а не два броненосца.

[3] Речь идет о пункте 2 из четырнадцати пунктов Вильсона: «Абсолютная свобода судоходства на морях, вне территориальных вод как в

мирное, так и в военное время, кроме случаев, когда некоторые моря будут частью или полностью закрыты в международном порядке для исполнения международных договоров». Этот тезис выражал стремления американского империализма обеспечить для американского судоходства в будущем полную свободу плавания во время войны. Против этого тезиса решительно возражали англичане, ибо свободное плавание американских судов во время войны препятствовало бы проведению блокады. На совещании 4 ноября Ллойд Джордж настоял на том, чтобы в ответе президенту Вильсону этот пункт был объявлен дискуссионным.

[4] *Перемирие на Вилла Джусти* (Падуя) между Австро-Венгрией и Антантой было подписано 3 ноября 1918 г. Условиями перемирия в числе других были:

I. Военные положения: 1) Немедленное прекращение враждебных действий на суше, на воде и в воздухе. 2) Полная демобилизация Австро-Венгрии и увод ее войск с фронта от Северного моря и до швейцарской границы. На территории Австро-Венгрии могут остаться максимум 20 дивизий, переведенных на мирное положение; половина всего артиллерийского материала и снаряжения должна быть сдана союзникам. 3) Эвакуация всех областей, занятых австрийцами и венграми с начала войны. 4) Союзникам предоставляется неограниченное право: а) свободного передвижения их войск по всем железнодорожным и водным путям Австро-Венгрии с использованием нужных транспортных средств страны; б) занятия союзными силами стратегических пунктов в Австро-Венгрии; в) реквизиции за плату всего, что нужно для союзнических войск. 5) Удаление с австро-венгерской территории в течение двухнедельного срока всех германских войск и интернирование оставшихся. 6) Временное управление в очищенных Австро-Венгрией областях передается местным властям под контролем командующих союзническими оккупационными армиями. 7) Немедленная репатриация без применения начала взаимности всех союзнических военнопленных и гражданских интернированных в Австро-Венгрии.

II. Морские положения: 1) Немедленное прекращение всяких враждебных действий на море с точным указанием местонахождения и маршрутов всех австро-венгерских судов. Нейтральные державы должны быть оповещены о том, что им предоставляется право освободить все союзнические военные и торговые суда, находящиеся в их территориальных водах. 2) Передача 15 австро-венгерских подводных лодок, полная демобилизация и разоружение всех остальных подводных лодок, остающихся под надзором союзников и Соединенных Штатов. 3) Передача трех броненосцев, трех легких крейсеров, девяти истребителей, всех миноносцев, шести дунайских мониторов, демобилизация и разоружение всех остальных военных судов Австро-Венгрии, включая и речные, и надзор над ними союзников и Соединенных Штатов. 4) Свобода плавания для всех военных и торговых судов союзников в территориальных водах Австро-Венгрии, в Адриатическом море и по Дунаю с его притоками (в пределах Австро-Венгрии). 5) Сохранение союзнической блокады в прежних условиях. 6) Все вооруженные средства австро-венгерского флота должны быть собраны в указанных союзниками и Соединенными Штатами гаванях. 7) Эвакуация всего побережья и всех торговых портов, занятых Австро-Венгрией вне пределов своей территории, и передача союзникам всего судоходного материала. 8) Занятие союзниками и Соединенными Штатами всех сухопутных и морских укреплений, созданных Австро-Венгрией, а также всех ее верфей и арсеналов. 9) Выдача союзникам захваченных торговых судов.

VI

НЕДЕЛЯ БОРЬБЫ ЗА АДРИАТИКУ

(Париж, 17—27 апреля 1919 г.)

Вопросы, касающиеся Италии, которые, как мы видели, создали затруднения в момент заключения перемирия, неоднократно обсуждались в разное время на мирной конференции в официальном или официозном порядке, на пленарных заседаниях или в частных беседах между отдельными делегатами.

Соннино, настаивавший на необходимости установления единой основы перемирия с Германией и Австро-Венгрией, полагал, что для мирных условий равным образом должна иметься единая база, более того—единый мирный договор.

По многим причинам, которых я здесь не буду касаться, это оказалось невозможным. Как известно, было заключено столько же мирных договоров, сколько было врагов. Был последовательно утвержден и подписан ряд отдельных трактатов.

В первую очередь был обсужден договор с Германией, особенно интересовавший Англию, Францию, Америку. Это заняло около трех месяцев.

Сначала обсуждение велось на многолюдных собраниях, в которых участвовали главы делегаций главнейших союзных и входивших в объединение держав—Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции, Италии, Японии, соответствующие министры иностранных дел, некоторые другие члены отдельных делегаций, маршалы, генералы, адмиралы, эксперты и многочисленные секретари.

В дальнейшем по соображениям секретного, как утверждали, характера, так как Вильсон и Ллойд Джордж жаловались на разглашение переговоров, возможное при многочисленном составе участников заседания (кое-кто полагал, что из-за желания исключить из их числа Соннино, показавшегося Вильсону неудобным оппонентом) было решено 24 марта, что четыре премьер-министра—Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж и Орландо—будут собираться на «частные» совещания, которые получили название совещаний Четырех.

На этих совещаниях, происходивших обычно два раза в день, в течение трех часов по утрам и двух или трех часов в послеполуденное время в помещении, занимаемом Вильсоном (11, Place des Etats Unis), не присутствовал вначале ни один из секретарей, за исключением французского переводчика Мантy.

Впоследствии, в период с 19 апреля до подписания Версальского договора

(28 июня 1919 г.), я был приглашен присутствовать на этих заседаниях вместе с сэром Морисом Хэнки от Англии.

Все делали записи: Манту—с целью использования их для своих немедленных устных переводов на французский или английский языки, Хэнки—на английском, я—на итальянском. Заметки Манту мне неизвестны. Хэнки, как я упоминал в предисловии к настоящей книге, составлял из своих записей протоколы в форме заметок для английской делегации, которые затем он передавал Вильсону, Клемансо, Орландо, а также весьма ограниченному кругу лиц. Заметки Хэнки никогда формально не утверждались и поэтому не являются документами официальными. Однако против них никаких возражений Четверка не выдвигала. Они почти буквально совпадали с моими записями, которые я после заседаний зачитывал в присутствии Орландо на совещаниях итальянской делегации (Орландо, Соннино, Саландра, Сальваго и Бардзилаи).

Я переводил, торопливо записывая по-итальянски, выступления, происходившие на английском и французском языках. Этот итальянский язык, разумеется, не отличается чистотой, однако я сохранил обороты речи, подходящие возможно ближе по смыслу к выражениям, которыми пользовались на своем языке отдельные ораторы.

В тот же день, 24 марта, было решено, что Четверка обсудит между собой стоящие на очереди вопросы в следующем порядке:

Репарации (возмещение убытков).

Предоставление Франции гарантий на случай внезапного нападения со стороны немцев.

Итальянские границы.

Итальянские вопросы, о которых уже шла речь на некоторых официальных заседаниях, главным образом на совещании 18 февраля, на котором Веснич и Трумбич выступили с изложением югославской точки зрения, были вновь поставлены Четырьмя на заседании 3 апреля, когда Орландо был неожиданно приглашен изложить итальянскую точку зрения.

Выступление Орландо и дискуссия между Орландо и Вильсоном длились в тот день от 11 час. 30 мин. утра до 13 часов. В то время как главы правительств, поднявшись со своих мест, собирались уходить, Ллойд Джордж сказал: «Настала пора выслушать южных славян».

Орландо спросили, не встречается ли возражений с его стороны. Он ответил отрицательно, добавив, однако, что он оставляет за собой право не принимать в этом участия, и заметил, что не следует вести споров с врагами, подобно тому, как было сделано с немцами.

Ллойд Джордж заметил, что Веснич в случае его участия в совещании явился бы представителем союзного государства. Орландо вновь указал, что лично он стоит за неучастие, но оставляет за собой право договориться по этому поводу с коллегами из итальянской делегации.

Выслушав мнение итальянской делегации, присоединившейся к его точке зрения, Орландо написал президенту Вильсону письмо, в котором он подтверждал мотивы своего неучастия, и не присутствовал на дневном заседании, на котором выступал Трумбич.

Затем в течение последующих дней происходили частные беседы между Орландо и Ллойд Джорджем (8 апреля) и Орландо и Вильсоном (11 апреля).

13 апреля, когда условия мира с Германией были уже почти выработаны, Ллойд Джорджем в согласии с Клемансо было предложено пригласить немцев на 23-е число.

Орландо в связи с этим заявил устно и письменно об оговорках Италии, заметив, что не следовало приглашать немцев до того, как будут разрешены итальянские вопросы.

14-го числа между Орландо и Вильсоном произошел частный разговор весьма бурного характера.

Вильсон вручил в тот день Орландо меморандум, в котором излагались его соображения по итальянскому вопросу, «которому он более чем какому-либо другому вопросу посвятил самое пристальное и пытливое внимание», при этом он рекомендовал или настаивал на «представлении меморандума итальянскому парламенту».

Ознакомившись с документом, Орландо в тот же день заявил Вильсону, что содержащиеся в нем предложения, как полагает он и его итальянские коллеги, не представляли для нас и не могли представить собою никакой основы для переговоров и что «положение в этих условиях представляется безнадежным».

На следующий день (15 апреля) Орландо отправился переговорить с полковником Хаузом, с которым он поддерживал неизменно сердечные отношения, с Клемансо, с Бальфуром (замещавшим Ллойд Джорджа, отправившегося в Англию по парламентским делам).

Я пока не буду касаться этих бесед, большинства которых я был свидетелем, и ограничусь приведением записей из моего Дневника, начиная от 17 апреля.

Я опускаю те места из Дневника, которые относятся к другим предметам, выходящим из круга итальянских вопросов.

Как будет видно из дальнейшего, приводимая мною здесь дискуссия относится, главным образом, к содержанию Лондонского договора, к попытке Орландо осуществить наши требования независимо от этого договора, вопреки, если это возможно, идеологическому предубеждению президента Вильсона против «тайных договоров», а также к вопросу о Далмации и Фиуме.

Два обстоятельства, хотя они затрагивались лишь вскользь, представляют особенный интерес в связи с общеизвестными фактами, а также с враждебными Италии аргументацией и позицией:

1. Утверждение британского министра иностранных дел (от 21 апреля), что у Вильсона имелась копия Лондонского договора и что он, Бальфур, обсуждал его с Вильсоном в период своей миссии в Америке (апрель 1917 г.).

Это впоследствии отрицалось Вильсоном перед комиссией по иностранным делам американского сената (19 августа 1919 г.); отрицание это представляется весьма странным, так как невозможно подвергнуть сомнению слова Бальфура, воспроизведенные здесь со всей точностью, в записи от 21 апреля, и связанные с двумя аналогичными его заявлениями в палате общин 4 марта 1918 г.: «Президент Вильсон был полностью осведомлен» (относительно тайных договоров), и 16 мая 1918 г.: «Вся моя дипломатическая информация была полностью известна президенту Вильсону».

Вильсон доказывал в послании от 23 апреля 1919 г.[1], что Америка всту-

пила в войну, не зная об этом частном соглашении (private understanding), но факт существования Лондонского договора был обнародован, причем приводилась часть его содержания в международной прессе еще до вступления Италии в войну, когда возможность ее вступления в войну, в течение второй недели мая 1915 г., вызывала сомнения; полный же текст договора был опубликован позднее большевиками в России и воспроизведен газетой «Manchester Guardian».

Американское правительство, объявившее войну Австро-Венгрии 7 декабря 1917 г., не могло не знать об этом, но оно никогда не делало заявлений или оговорок по этому поводу итальянскому правительству.

Впрочем, остается несомненным факт, о котором упоминают здесь Орландо и Соннино, что, как это явствует из главы V настоящей книги, при обсуждении вопроса о перемирии с Австро-Венгрией было четко установлено в присутствии Хауза, со стороны которого не последовало ни возражений, ни оговорок, что территориальная линия по этому перемирию должна «соответствовать линии, предусмотренной Лондонским договором».

2. Заявление Ллойд Джорджа, сделанное им 19 апреля, о том, что решение о передаче города Фиуме по Лондонскому договору Хорватии «было известно сербам» и что «отдать Фиуме Италии означало бы не оправдать доверия сербов».

Каким образом и когда решение это стало известно сербам? Почему же отдать Фиуме Италии означало бы не оправдать доверия сербов?

Если оно не было сообщено сербам официальным путем и с согласия подписавших Лондонский договор сторон, это не могло изменить смысла договора res inter alios acta [договор между другими][2] в отношении сербов и не могло создать для третьих лиц ни прав, ни обязательств.

Но это не могло быть сделано в официальном порядке, если лондонские переговоры были начаты и завершены в условиях совершеннейшей секретности одними лишь четырьмя контрагентами (Англия, Франция, Россия, Италия) со включением в число условий договора особого пункта (XVI) о том, что договор «должен сохраняться в тайне». Италия никогда не снимала со своих союзников этого обязательства; с другой стороны, ни Франция, ни Англия никогда не принимали и не заявляли о принятии на себя особых обязательств перед сербами на основе Лондонского договора.

Что касается упоминания о Фиуме в Лондонском договоре, я отсылаю читателя к главе II настоящей книги и к содержащимся в ней кратким замечаниям и ограничусь здесь указанием, что Фиуме также и по вышеизложенным причинам нисколько не был «окончательно» присужден Хорватии, как об этом писал Вильсон в своем послании от 23 апреля; упоминание о Фиуме не могло и не должно было безоговорочно связать Италию и союзников, которые всегда могли при сложившихся обстоятельствах внести изменения в эту статью, ими самими принятую.

Пусть говорят факты. В течение дискуссии, приводимой ниже, сам Ллойд Джордж признавал, что пункт о передаче Фиуме Хорватии, упоминавшийся в Лондонском договоре, мог быть переделан в пункт об образовании «свободного города» или же «свободного государства Фиуме», как это было предложено и Францией (предложение Тардье, см. главу VII). Более того, Ллойд Джордж прямо заявил на совещании 24 апреля, что ввиду сложившихся

обстоятельств он считает себя «свободным взять на себя ответственность за внесение изменений в Лондонский договор в вопросе о Фиуме».

Но если все это, быть может, заключающее в себе, на первый взгляд и противоречивые элементы, возникшие благодаря различным выводам и толкованиям, может уже в настоящее время послужить для внимательного читателя предметом обсуждения, то впоследствии оно может явиться также источником дальнейшей разработки в более обширном и более систематическом труде.

* * *

Добавлю еще несколько частностей, которые помогут отчетливо представить себе атмосферу переговоров за эти дни.

На заседании 19 апреля, в то время как Ллойд Джордж открыто признавал, что соблюдение Лондонского договора является бесспорным обязательством для союзников, и заверял, что Англия сдержит свое слово, Клемансо, выражая свое согласие кивком головы, в то же время воздевал руки к небу, как бы в знак покорности и мольбы.

Такая позиция вытекала, быть может, еще из того факта, что Ллойд Джордж находился в составе правительства в период обсуждения и подписания Лондонского договора, а Клемансо в состав правительства в ту пору не входил. Это, быть может, верно и в отношении Бальфура, который, как это явствует и из других документов, отнесся весьма равнодушно к содержанию договора; это, быть может, верно также в отношении Соннино и Орландо, из коих первый являлся одним из авторов Лондонского договора, а второй таковым не был и разделял точку зрения Римского пакта.

Вильсон мрачнел при упоминании о Лондонском договоре, доходя временами до того, что одна сторона его лица начинала при этом судорожно подергиваться.

С другой стороны, мне кажется знаменательной малоизвестная подробность, отмеченная на страницах настоящей книги, а именно уступка Вильсоном Италии острова Лисса. Столь сухой и холодный по отношению к нам Вильсон (вспоминается его рассеянный взгляд, в то время когда Орландо показывал ему в преподнесенном ему альбоме великолепные памятники итальянского и венецианского искусства в далматских городах), казалось, понял, произнося название этого острова, идейное значение его для нас, что, видимо, не было известно итальянцам, которые вели последующие переговоры, и игнорировалось ими.

Еще одно, последнее замечание.

Я привел некоторые частности, которые, быть может, можно было опустить, но я намеренно так поступил, с тем чтобы дать представление о степени лихорадочного напряжения, охватившего итальянских делегатов в дни, которым всеми придавалось «трагическое» значение.

Известно, что обсуждение итальянских вопросов, о которых здесь я веду речь, происходило незадолго до страстной недели; эта апрельская неделя 1919 г. показалась многим поистине «страстной неделей» Италии.

С другой стороны, одна американка, находившаяся в самых искренних и близких отношениях с семьей Вильсона, с которой она проживала в Париже,

опубликовала 24 апреля следующие слова: «Сегодня в доме президента царила такая же напряженная атмосфера, как в Вашингтоне накануне объявления нами войны».

Но «трагедия» и «лихорадка» имели место не только в Париже.

Хорошо известны теоретические и практические разногласия по адриатическому вопросу среди итальянских политических деятелей, входивших в состав правительства, и тех из них, которые членами правительства не являлись. К этому относятся слова Соннино, заканчивающие настоящую главу.

Кроме того, Италия была потрясена постоянными забастовками, волнениями, конфликтами революционного и разлагающего характера, побудившими Орландо произнести проникнутые страстью слова, которые приводятся ниже.

Ночью 15 апреля в Париж были доставлены первые сведения о миланских событиях [3], которые были истолкованы как «мятеж». Но у себя в Дневнике я нахожу запись: «На демонстрации взяли верх патриотические силы». Это — результат отпора, данного фашистскими ударными отрядами, которые незадолго перед тем создал Муссолини.

Еще три года борьбы и крови положат начало новому возрождению Италии.

* * *

Париж, отель «Эдуард VII», четверг, 17 апреля 1919 г.

Орландо послал сегодня президенту Вильсону письмо, в котором напоминал о срочной необходимости скорейшего разрешения итальянских вопросов и просил его принять во внимание, что он вынужден выдвинуть предложение о том, чтобы утреннее субботнее заседание было посвящено окончательным решениям, которые должны быть вынесены по этим вопросам.

В заключение Орландо выражал желание, чтобы на совещании присутствовал также министр иностранных дел Соннино.

Пятница, 18 апреля 1919 г.

Судя по сообщению Орландо, на сегодняшнем утреннем совещании Четырех, на котором, как обычно, секретари не присутствовали, Вильсон ничего не сказал вошедшему Орландо о посланном им вчера письме.

Ллойд Джордж казался весьма удовлетворенным своими парламентскими успехами в Лондоне.

Были обсуждены различные вопросы: согласование и окончательная формулировка мирного договора (с Германией), вопрос о Львове, Данцигский статут. Клемансо сообщил, что сербы желали бы ознакомиться с текстом договора с Германией. Единогласно было признано, что они не имели на это больше прав, чем другие.

Затем речь зашла о Киао-Чао [4] и репарациях, в том числе о внесении репарационных платежей и Австро-Венгрией. Ллойд Джордж

заметил, что вопрос следует рассмотреть с точки зрения технической и с точки зрения политической. «Некоторые страны, как например Сербия, удваивают свою территорию и, не платя репараций, освобождаются также от австрийского государственного долга. В подобном же положении находится Румыния».

Вильсон высказывался в том же смысле; Клемансо не принимал участия в обмене мнениями; Ллойд Джордж пожелал узнать мнение Орландо, который ответил, что это сильно затрагивает интересы Италии, но ввиду того, что итальянские вопросы остаются еще не разрешенными, он не собирается пока принимать участия в прениях.

Однако ввиду настояний Ллойд Джорджа Орландо заметил, что, по его мнению, проблема должна быть разрешена в положительном смысле, а именно бывшие австро-венгерские территории должны принимать участие в платежах, если только не будет установлена сравнительная платежеспособность и соответственное разграничение различных территорий. Это должны сделать эксперты.

Эта точка зрения была признана правильной Ллойд Джорджем и Вильсоном.

Затем говорилось о дальнейшей судьбе подводных кабелей бывших противников.

После этого коллеги поднялись, собираясь уходить.

Орландо спросил в это время, состоится ли заседание сегодня днем. Последовал отрицательный ответ. Орландо вначале заявил, что ему хотелось бы задать кое-какие вопросы. Вильсон, направляясь к нему, сказал, что он согласен с его предложением, о котором говорилось во вчерашнем письме, и что, если Ллойд Джордж и Клемансо выразят свое согласие, итальянские вопросы будут рассмотрены завтра утром.

Орландо подтвердил сказанное им во вчерашнем письме, а именно, что вместе с ним на совещание придет Соннино. Это, рассказывает Орландо, произвело впечатление.

Никто не возражал.

Ллойд Джордж упомянул затем о парламентской ситуации в Италии и выразил надежду, что Орландо удастся благополучно разрешить положение, подобно тому, как это было с ним самим недавно в Англии.

Орландо ответил: «Положения различны, так как в Италии раздражение наблюдается не только в парламенте, но одновременно и в стране и направлено оно не против меня, а против того, что происходит на конференции».

Ллойд Джордж спросил: «Как же вы рассчитываете поступить?»

Орландо ответил: «Останусь со своей страной».

На заседании Ллойд Джордж имел улыбающийся и приветливый вид; Клемансо был хмур, молчалив и раздраженно отвечал на вопросы.

Косвенная информация: чехо-словаки, полагая, что Фиуме будет передан Италии, выражают желание начать с нами переговоры о заключении торговых договоров.

Указания Кэ д'Орсе прессе: Италия получит Фиуме в обмен на Далмацию.

Суббота, 19 апреля.

Заседание в доме Вильсона в 11 часов. Присутствуют Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж, Орландо, Соннино, переводчик Мантэ, Хэнки и я. Вильсон лично пригласил меня быть на заседании «ввиду серьезного значения совещания».

Вильсон.—Совещание мог бы открыть г. Орландо.

Орландо.—Должен ли я выступить с общей декларацией по итальянским вопросам?

Вильсон.—Да.

Орландо.—Я рассматриваю итальянский вопрос под углом зрения тех же принципов, которые легли в основу других требований. Так как одна из представленных здесь держав, а именно Соединенные Штаты, не принимала участия в Лондонском договоре, как Франция и Англия, я рассматриваю итальянские вопросы независимо от всяких обязательств по договору. Три итальянских требования вполне определенны и аналогичны тем решениям, которые были вынесены в отношении других держав. Я хочу провести параллель между итальянскими требованиями, основанными на вышеуказанных принципах, и применением этих принципов:

1. Италия требует прежде всего присоединения территорий, находящихся по эту сторону всей естественной границы Италии.

Италия является страной, четко очерченной самой природой; в Европе мало найдется таких стран, за исключением разве Испании и Скандинавии. Море окружает ее с трех сторон; на севере ее отделяют от остальной Европы самые высокие горы нашего континента. Поэтому мы и хотим получить ту пограничную линию, которая представляет собой нашу естественную границу. Иначе говоря, мы требуем передачи нам альпийского водораздела. По эту сторону упомянутой линии живут народности, не являющиеся итальянскими. Не отрицаю этого. Я не буду поднимать вопрос о числе инородцев, остающихся на итальянской стороне. Все говорившие об этом на конференции заявляли, что австрийские статистические данные заведомо неверны; южные славяне, быть может, наиболее резко высказывались по этому поводу. Мы могли бы доказать на основании совершенно неоспоримых документов, что эти австрийские данные были фальсифицированы в ущерб Италии. Но об этом не стоит говорить сейчас. Дело не в том, чтобы установить, имеется ли там несколькими сотнями тысяч инородцев больше или меньше. Во всех случаях, когда мы сталкивались с необходимостью создавать какое-либо государство, мы убеждались,

что факт сожительства нескольких народностей не являлся основанием для проведения зигзагообразной границы при организации государств, подобных по своему составу леопардовой шкуре, основанием для непризнания за какой-либо нацией ее естественных границ. В настоящее время речь идет не о применении этих прецедентов к Италии. Я сейчас не привожу аналитических доказательств, следует привести синтетические доказательства. Истрия не может быть разделена: она представляет собой однородное и органически неразрывное целое. Если к Истрии будет применен выдвинутый здесь принцип разделения, ее оборона станет невозможной. Триест оказался бы под угрозой обстрела неприятельской артиллерией. Истрия представляет собой единое целое, как это видно с первого взгляда на географическую карту. Даже в случае применения к Истрии и ко всем нашим притязаниям вышеуказанного принципа естественной границы, включающей иностранцев, численность полученных таким образом Италией народов нетальянской национальности будет значительно уступать количеству инородного населения, передаваемому всем другим странам. В Польшу с ее 25-миллионным населением войдет от 1 800 тысяч до 2 миллионов немцев. В Италии, если она получит все ею требуемое, окажется около 600 тысяч иностранцев на 40 миллионов человек ее населения. Румыния получит огромное количество венгров; о Сербии не приходится говорить. Чехи присоединят к себе от 2 до 3 миллионов иностранцев—венгров и немцев—при основном народонаселении в 10 миллионов человек. Италия считает себя, таким образом, вправе требовать предоставления ей границы, данной ей самой природой. Если бы между Францией и Рейном проживало только 400 или 500 тысяч немцев, это не могло бы послужить достаточным основанием, могущим помешать конференции дать Франции великую реку в качестве границы.

2. Второй пункт относится к Фиуме. Мы могли бы думать, что вопрос о Фиуме разрешается тем, что мы называем естественной границей. Римляне называли гору Монте-Невозо «италийской границей», и граница эта включала в себя Фиуме. По фиумскому вопросу мы апеллируем к принципу самоопределения народов. Исторический факт заключается в том, что независимо от какого бы то ни было итальянского выступления вопрос о Фиуме возник до заключения перемирия. Единогласно избранный депутат от Фиуме заявлял в венгерском парламенте 18 октября 1918 г., что автономный город Фиуме, ввиду внутреннего разложения Австро-Венгрии, требует присоединения его к Италии. Что касается Фиуме, вопрос был поднят не Италией, а самим Фиуме. Италия обязана поддержать это требование, которое находится в соответствии с принципом самоопределения народов. Можно возразить, что принцип самоопределения народов не может быть применен к таким небольшим единицам, как Фиуме. Это можно было бы сказать с известным правом в том случае, если бы Фиуме являлся

отдельной, изолированной единицей, находящейся вне естественной границы; но если принять во внимание, что Фиуме уже в течение многих веков имеет свою собственную историю и свободу, следует признать, что Фиуме составляет особое и значительное исключение и ему, наподобие Сан-Марино, традиция предоставила право на самоопределение. Но помимо этого имеется экономический вопрос, а также данцигский прецедент. Мы не согласились с требованием присоединить Данциг к Польше; так мы поступили ввиду того, что немцы в Данциге являются преобладающим элементом. В отношении Данцига мы не отдали предпочтения экономическому принципу перед национальным. Если будет установлено, что Фиуме должен быть обращен в вольный город, подобно Данцигу, в Италии могли бы сказать, что с немцами обращаются более дружелюбно, чем с итальянцами. Что касается Данцига, были еще более серьезные обстоятельства. Польша не имела никакого иного выхода к морю, в то время как у Югославии их немало. В самом деле, настоящим портом Югославии является не Фиуме, и не может являться Фиуме. У Югославии имеется по крайней мере шесть или семь других портов и сотни километров побережья. В то время как имелись особые основания для передачи Данцига Польше, для уступки Фиуме Югославии оснований этих не существует. Данциг может служить только Польше, в то время как Фиуме является для Югославии лишь подсобным портом. Приходящийся на долю Хорватии оборот порта Фиуме равен 7%. Я читал в газетах, что Трумбич уверял, будто оборот этот равен 50%. Хотя я уверен в моей правоте, но запросил дополнительную справку от торговой палаты в Фиуме. Мне ответили, что оборот этот равен 7%. Но независимо от этих цифр, будь то 7, или 8, или даже 15%, основной факт заключается в том, что Фиуме обслуживает, главным образом, не Югославию, а Венгрию, Галицию и Чехию. Если, несмотря на это, Фиуме не отдадут Италии, в Италии, повторяю, могут сказать, что с врагом обошлись лучше, чем с другом. Я хочу привести небольшое доказательство этой исторической независимости города Фиуме. На гербе Австро-Венгрии, где различные секции представляли владения Габсбургов, герб Фиуме был изображен отдельно. Это доказывает, что в таком феодальном государстве, как Австрия, в котором геральдическим отличиям придавалось значение, Фиуме рассматривался как отдельная величина, как государство в государстве.

3. Третий пункт относится к Далмации.

Соннино.—А острова?

Орландо.—Когда я говорю об этих территориях, тем самым я говорю об островах; так, говоря об Истрии, я имею также в виду острова Керсо и Луссин [5], имеющие вполне итальянский характер. Что касается Далмации, то здесь главным аргументом являются соображения стратегического характера. Не надо быть моряком, чтобы знать, что итальянское побережье открыто для нападений

с противоположного берега. Положение таково, что, если предоставить державе, владеющей другим берегом, простые полицейские средства, даже при условии сведения их к минимуму, у нее всегда будет возможность бомбардировать итальянские города и уводить невредимыми свои силы в надежные гавани. Географическая карта может показать, насколько это легко сделать. Нынешняя война доказала это. Державы Согласия обладали абсолютным превосходством сил в Адриатике. Несмотря на подавляющее превосходство итальянского флота, усиленного французскими и английскими единицами, наши города подвергались риску неприятельских бомбардировок, без возможности оказания какого-либо сопротивления. Дело очевидно само по себе. Италия никогда не будет уверена в своей безопасности, если она не будет обладать оборонительной базой на другом побережье.

Но в отношении Далмации дело не ограничивается одними стратегическими соображениями. У нас имеются национальные и исторические мотивы, которые не могут не оказать решающего влияния на постановления, касающиеся Далмации. Бывают моменты, когда не следует восставать против исторических аргументов. С самого начала своей истории до Кампо-Формио[6] Далмация была объединена с Италией вначале как часть Римской империи, впоследствии—как часть Венеции. Это является следствием естественного факта, так как горы отделяют ее от территории, лежащей к востоку. Поэтому культура Далмации неизбежно тяготела к Италии. Далмация до самого последнего времени была итальянской. До 1881 г. большинство далматинской диэты (парламента) было итальянским. Пусть не говорят, что мы обращаемся к прошедшим векам для обоснования нашего исторического права. В одном австрийском документе 1887 г., найденном в Заре, копию которого я передал президенту Вильсону, содержатся следующие статистические данные относительно официального языка (Dienstsprache) 84 далматских общин: 59 общин пользовались исключительно итальянским языком, 25—двумя языками. Из названного австрийского источника следует, таким образом, что более чем половина далматских общин в 1887 г. пользовалась итальянским языком. Даже сегодня в Заре, Трау и Спалато большинство, быть может, составляют итальянцы. Речь идет о цветущей итальянской культуре. Возможно ли, чтобы Италия после всех понесенных ею в войне жертв явилась свидетельницей того, как эта итальянская культура обрекается на гибель? То, чего Италия требовала в порядке соглашения, заключалось лишь в небольшой части Далмации, с оставлением Сербии городов Каттаро, Спалато, Рагузы. Мы считаем, что, настаивая на этом, мы не выходим из границ умеренности.

Вильсон.—Как было условлено с г. Орландо, я говорил об итальянских островах с ним и в отдельности с его коллегами и сказал всем одно и то же. Теперь я вынужден настаивать на той же

точке зрения. Я говорил от имени присоединившихся держав, когда начались эти мирные переговоры. Были сделаны особые заявления относительно принципов, на которых должен базироваться мир с Германией. Но разве возможно заключить мир с Германией на иных принципах, чем с Австрией, Болгарией или Турцией? Необходимо всюду поступать одинаковым образом; мы должны стремиться найти одинаковую базу. Весь вопрос сводится к следующему: мы сейчас пытаемся положить основание миру, невиданному в веках. Мы должны установить совершенно новую базу международных отношений. Никогда не ставился вопрос такого огромного значения. Никогда ни одному государственному деятелю не приходилось уделять больше забот переговорам или приступать к заключению соглашений подобного рода. Существуют аргументы, которые должны быть оставлены в стороне; к ним относятся соображения стратегического и экономического порядка. Природа в некоторых случаях предоставила естественные границы, как г. Орландо указывал, ссылаясь на Испанию и Скандинавию; горами разделяются не только воды, но и нации. У меня не имеется возражений по вопросу о границах Италии, как они были указаны в первой части речи г. Орландо. Горные вершины легко различимы, и определяемые ими границы обнимают область, в которую входят Трнест, Пола и большая часть Истрии. Я без труда присоединяюсь к точке зрения итальянских представителей, но, продвигаясь дальше к югу, я наталкиваюсь на противоположный аргумент.

Мы оказываемся перед лицом другой национальной единицы, занимающей территорию на другом склоне водораздела.

Это меня приводит к вопросу о Фиуме. Судьбы этой зоны в довоенное время были связаны с судьбами Австро-Венгрии. Зона эта управлялась людьми той же психологии, что и немцы, людьми, являвшимися оружием в руках немцев. Если бы война закончилась иначе, то и последствия были бы иные. Если бы Австро-Венгерская империя не развалилась, не возникли бы эти затруднения. Но она перестала существовать. В настоящее время знание существующей обстановки обязывает нас создать новые отношения между народами, жившими в условиях политического режима, господствовавшего в Австро-Венгерской империи. Мы должны устранить раздоры, которые в ней доныне поощрялись. Когда мы пытались отделить южных славян от Австро-Венгерской империи, мы их рассматривали как друзей. Мы не можем рассматривать их в настоящее время как врагов. Орландо говорил о Фиуме в таком смысле, будто он представляет интерес только для итальянцев или для южных славян. Фиуме несомненно важен для последних, но, какова бы ни была доля южных славян в общем обороте порта, последний является, главным образом, международным портом, обслуживающим Румынию, Венгрию и Чехо-Словакию. Сам г. Орландо напоминал, что Венгрия главные свои отношения

имела с Фиуме. Венгрия пользовалась итальянскими элементами в Фиуме для оказания противодействия окружающему славянскому населению. Поэтому она снисходительно относилась к автономии Фиуме.

Соннино.—Автономия вещь давнишняя.

Вильсон.—Знаю, но я сказал «снисходительно относилась». Я хочу сделать несколько замечаний относительно сказанного г. Орландо о принципах, которые мы должны применить в вопросе о суверенности Данцига. Относительно Данцига было решено, что он должен быть изъят из подчинения прежней власти, между тем как в данном случае речь идет о распространении на Фиуме суверенитета, которому он не был подчинен.

Экономические и стратегические соображения противоречат принятым нами решениям. И те и другие привели бы к соединению Данцига с Польшей, мы же в целях сохранения неприкосновенности наших принципов решительно отказались от стратегической границы, установив неправильную с начала до конца линию; так, в других местах мы отказались игнорировать национальные соображения перед стратегическими. Таким образом, при рассмотрении требований бельгийцев экономические аргументы не получили преобладания—мы им отказали в зоне, которая представила бы выгоды для железнодорожной ветки, и это было сделано из соображений, касающихся немецкого населения. Я должен откровенно заявить, что подчинить Фиуме итальянскому правительству означало бы принять решение, абсолютно противоречащее новому принципу, на котором мы хотим основать международный порядок. Как мы должны поступить? Главным образом, следует иметь в виду, что Фиуме служит торговле Чехо-Словакии, Венгрии и Румынии так же, как торговле Югославии, поэтому необходимо установить свободное пользование им, как международным портом. Неоспоримо, что население Фиуме образует собою лишь остров, не будучи соединено с Италией смежным итальянским населением. Передача Фиуме Италии явилась бы произвольным актом, настолько противоречащим принципам, которых мы придерживаемся, что я, со своей стороны, не мог бы принять в этом участия.

Относительно Далмации я должен отметить, что соображения, которыми барон Соннино обосновал свою мотивировку, когда я прибыл в Париж, являются соображениями стратегическими. И в этом случае принимаем мы новый принцип или же не принимаем его? При новом порядке вещей мы должны объединить наши усилия в целях обеспечения территориальной целостности и экономической независимости. Я не могу представить себе югославский флот, который в условиях режима Лиги наций мог бы угрожать Италии.

Единственный риск заключался бы в союзе, заключенном Югославией с какой-либо другой державой в целях нападения на Италию.

По этому поводу я замечу, что вмешательство и контроль великих держав на Балканах должны исчезнуть. Балканы до настоящего времени являлись лишь ставкой в европейской игре. Константинополь являлся значительным центром интриг, замышлявшихся великими державами и представлявших постоянную серьезную опасность. Сами Балканы не были независимы. Великие державы, и особенно Берлин, решали то, что там должно было происходить. Поэтому я высказываюсь против предоставления какой бы то ни было европейской державе точки опоры на Балканах. Если бы мы это допустили, это привело бы к роковым последствиям. Мы должны устранить там всякую возможность вмешательства великих держав. Стратегические мотивы представляют большую опасность. Трактаты 1815 и 1871 гг. были заключены военными; они были ответственны за аннексию Эльзаса и Лотарингии; именно военные вызывали одно бедствие за другим. Если бы Италия получила владения в восточной части Адриатики, это нанесло бы ущерб всеобщему миру. Мы сейчас заняты организацией великой международной ассоциации, частью которой является Италия, более того—одной из руководящих частей. Если ей требуется также стратегическое преимущество—это другое дело. Таким образом возникли бы два порядка—старый и новый. В правой руке она держала бы новый принцип, в левой же—старый. Американский народ не потерпел бы этого. В Америке питают отвращение к старому порядку вещей. Но не только в Америке—весь мир устал от него. В Америке не поддержали бы правительство, являющееся сторонником такого порядка. Мы говорим в этом зале, как будто мы являемся господами Европы, а поступаем, как дети. Если новый порядок не будет правильно понят, мир ожидает трагическая судьба, поэтому я даю настойчивый совет моим итальянским коллегам в этом направлении. Я стремлюсь быть их другом, понимающим другом. Я не оказал бы пользы Италии, если бы присоединился к их желанию. Предоставляю истории судить о том, хорошо ли я ей послужил или же ей лучше служат они, настаивая на требованиях, касающихся Фиуме и Далмации. Я отделен от Европы большим расстоянием. Я родился за три тысячи миль отсюда и прожил там бо́льшую часть своей жизни. Было время, когда я нисколько не заботился (a snap of the fingers) о том, что происходило в Европе. Теперь, однако, перед Америкой была поставлена задача помочь Европе в создании нового порядка, и я должен довести эту задачу до конца. Я могу убедить американский народ отдать все свои ресурсы для достижения этой цели, иначе мне это не удастся. Я напомню моим итальянским коллегам, что, если мне не удастся добиться этой цели, от американского народа нечего больше ожидать. Вопрос о Фиуме возник в последнее время. Фиуме представляет лишь остров, населенный итальянцами. Если судить о Фиуме на основании принципа самоопределения народов, это должно было бы иметь место и во

многих других частях света. Чехии и Польше мы предназначили исторические границы; Фиуме не входит в исторические границы Италии.

Я чувствую торжественность момента и должен говорить со всей серьезностью; я приступил к обсуждению этого предмета в самом дружественном духе; решения, к которым я пришел, являются решениями человека, желающего послужить итальянским интересам, а не бороться с ними.

Соннино.—Я коснусь той части речи президента, в которой он указывал, что мною выдвигались стратегические соображения в пользу передачи Далмации Италии. Президент говорит, что он не мог бы принять этих соображений в вопросе об установлении нового порядка. Я должен сказать, что мы никогда не добивались стратегических выгод для каких-либо наступательных действий; мы требовали лишь предоставления нам условий, необходимых для обороны и безопасности. Мы не питаем никаких агрессивных намерений по отношению к кому бы то ни было, а лишь стремимся покончить с таким безысходным положением, когда Италия оставалась открытой для любой агрессии. Даже при теоретических гарантиях Лиги наций небольшой неприятельский флот мог бы, укрывшись за островами, расположенными вдоль противоположного побережья Адриатики, бросить оттуда вызов любой Лиге наций. Это было доказано в течение нынешней войны. Если бы флот держав Согласия мог встретиться с австрийским флотом, он несомненно уничтожил бы этот последний, но он не смог сделать этого, несмотря на свое огромное численное превосходство. Если Италии не будет передано требуемое ею побережье, то тем самым охотники напасть на нас будут введены в искушение; вместе с тем это могло бы соблазнить и Италию объявить войну и покончить раз навсегда с этим опасным и являющимся источником слабости положением. Поскольку Лига наций сможет создать положение, аналогичное внутреннему положению цивилизованного государства, в котором суды и полиция оказывают содействие в деле защиты гражданина, вы, разумеется, должны предоставить этому гражданину также возможность запереть на замок дверь своего дома. Таково наше положение, и поэтому мы не в состоянии обойтись без того, чего мы требуем.

Что касается Балкан, то мы твердо решили держаться вне круга балканских вопросов. Далмация, в особенности северная ее часть, находится совершенно вне Балкан. Все ее экономические и культурные отношения тяготеют к итальянской части Адриатики. Этим объясняется то обстоятельство, что итальянское население сумело постоять за себя, несмотря на то, что правительство было ему совершенно враждебно. Этим объясняется тот факт, что Зара, Себеник, Спалато смогли отстоять свое существование. До 1859[7] и 1866 гг.[8] итальянское население в Австрии было настолько многочисленно, что центральному правительству из-за парламентских

соображений было выгодно внимательно к нему относиться. После потери Ломбардии и Венецианской области итальянское население подверглось преследованиям, ибо, уменьшившись в числе, оно утеряло свое значение как силы, могущей противостоять натиску славян. Несмотря на эти неблагоприятные условия, наш народ нашел в себе силу к сопротивлению благодаря неразрывной связи этих областей с итальянцами, живущими на другом берегу.

После стоившей огромных жертв войны, в которой Италия потеряла 500 тысяч убитыми и 900 тысяч человек ранеными, невозможно представить себе возврат к положению худшему, чем прежде, потому что сама Австро-Венгрия, чтобы помешать вступлению Италии в войну, уступала нам некоторые острова Далматинского побережья. Вы же не хотите дать нам даже этого. Для итальянского народа это было бы необъяснимо. Италии было бы непонятно, зачем она принимала участие в войне. Это было бы преступлением против итальянского народа. Я испытал бы угрызения совести, если бы, идя в политике навстречу союзникам, причинил ущерб своей стране, которой я готов отдать свою жизнь.

Вы говорите о Лиге наций, но она не в состоянии все уладить. Я бы хотел видеть, каким образом Лига наций сможет оказать пользу и установить порядок в России. Разве можем мы доверять Лиге, раз она не выказала себя способной на эффективные действия? Это требует времени, и для этого недостаточно издать декрет или заключить договор; надо изменить весь образ мышления и чувствования народов. Принять предлагаемые вами условия улажения наших дел было бы преступлением. Ответственность, которую мы взяли бы на себя, была бы огромной. Италия была призвана взять на себя большую ответственность для обеспечения положения других и ничего не получила для себя.

Вильсон.—Вы также получили эти гарантии.

Соннино.—Мы не гарантированы, как я вам объяснил. С другой стороны Адриатики мы граничим с балканскими народами, легко возбудимыми, склонными к интригам, ловкими и привычными к фальсификации документов и т. д.

Кроме того, в распоряжении и под прямым контролем Лиги наций не имеется никаких сил*.

---

* Мне говорили, что Уинстон Черчилль, входивший в состав британской делегации, в следующих выражениях высказывался в те дни об эффективности «ковенанта»:

«Лига наций? Вот как она поступит. Между двумя странами возникают серьезные противоречия, которые грозят привести к войне. Совет Лиги наций экстренно собирается и после продолжительных дебатов решает послать обеим странам увещевательную телеграмму, приглашая их принять меры к устранению всякой опасности вооруженного столкновения. Обе страны продолжают угрожать друг другу. Война неизбежна. Совет вновь экстренно собирается и после продолжительного совещания решает... послать правительствам обеих стран новую телеграмму, в которой, ссылаясь на первую, предлагает немедленно разоружиться. Страны не обращают на это вни-

Вильсон.—Вы говорите о том времени, когда Балканы находились в других условиях и великие державы пользовались ими для своих целей.

Соннино.—Вы не знаете, чем будут Балканы через 5—10 лет. Я полагал, что я выполняю целиком и полностью мой долг. Вы, может быть, пожелали бы доказать, что я, наоборот, принес ущерб своей стране.

Ллойд Джордж.—Следует ли продолжать дискуссию? Как я, так и г. Клемансо должны изложить точку зрения тех, которые связаны договором.

Клемансо.—Я предпочитаю продолжать дискуссию, если вы будете кратки так же, как рассчитываю быть я.

Речь, которая должна быть произнесена Ллойд Джорджем и мною, была произнесена президентом Вильсоном. Мы пытаемся совершить рискованное, но благородное предприятие. Мы пытаемся оторвать Европу и мир от старого порядка, который приводил к прежним конфликтам и, наконец, к нынешней войне, которая была самой большой и ужасной из всех войн. Но невозможно сразу изменить всю мировую политику. Это приложимо как к Франции, так и к Италии. Я хочу напомнить, что, когда Италия находилась в другой орбите, я всегда оставался другом Италии. Я был бы готов пойти на уступки в пользу наших союзников. Это—народ, вполне заслуживший признание человечества и культуры; я должен вспомнить об этом в эту трагическую минуту ради них и в связи с возможными последствиями. Президент Вильсон привел весьма сильные доводы. У Франции и Англии связаны руки. Мы связаны обязательствами по договору. В Лондоне было заключено соглашение. Я не входил в состав заключившего это соглашение правительства, но на этом соглашении имеется подпись Франции. По этому договору Далмация передается Италии. Этот факт не может быть предан забвению. Однако в этом же самом договоре Фиуме предназначен Хорватии. В тот момент Италия не претендовала на Фиуме. Она отдавала его хорватам. Г-н Бардзилаи выдвинул тот аргумент, что с тех пор Австрия перестала существовать и что обстоятельство это меняет положение. Это верно. Однако Италия подписала документ, в силу которого Фиуме передается Хорватии. Я удивлен, что Италия претендует кроме Далмации, которую мы ей отдали, также на получение Фиуме, который был ею уступлен Хорватии. В этих условиях договор не существует. Подписи не принимаются во внимание. Невозможно, чтобы Италия требовала выполнения одного из пунктов договора и отрицала другой.

мания. Начинаются военные действия. Война свирепствует. Совет Лиги наций вновь спешно собирается и после долгих прений решает послать правительствам этих стран третью телеграмму: «Ссылаясь на первую и вторую телеграммы, уведомляю вас, что, если вы не прекратите немедленно войну, я заявляю вам, что... не пошлю вам больше ни одной телеграммы!»

Было бы прискорбно, если бы итальянцы искали в этом повода, чтобы порвать с союзниками. Я полагаю, что наши друзья союзники совершили бы ошибочный шаг, и не думаю, чтобы они этим могли послужить своему делу и делу цивилизации. Надеюсь, что мои итальянские друзья не будут слишком рассчитывать на первые проявления энтузиазма, которыми на первых порах будет сопровождаться их поступок. Позднее обнаружатся неизбежные последствия. Нам, французам, приходилось, как я неоднократно говорил, жаловаться на то, как итальянцы обращаются с нами в Адриатике*. Но времена эти прошли. В настоящее время необходимо преодолеть другой критический период. Я не могу говорить без чувства большого волнения при мысли, что народы, которые годами вместе боролись, должны расстаться. Мы будем много страдать, если нас покинут, но Италия будет страдать больше.

Орландо.—Без сомнения.

Клемансо. — Если итальянские полномочные представители уедут, я высказываю пожелание, чтобы правильная оценка положения привела их обратно к нам. Я надеюсь, что они сделают последние усилия к достижению соглашения. Мое сердце всегда было с Италией, с ее великой, благородной историей. Я признаю великие услуги, оказанные ею цивилизации, но существует долг, голос которого сильнее этого. Мы не можем отказаться от принципов, на которых зиждется цивилизация. Италия услышала наше слово, но если я держу свое слово, я требую, чтобы те, с которыми я иду, также оставались верны своему.

---

* Как он сам заявляет, это был не единственный случай, когда Клемансо выразился в таком смысле. Однажды он с еще большей силой заявил, что «французскому знамени было нанесено оскорбление итальянцами в Адриатике».

Сотрудничество союзников в Адриатике дало повод для совершения актов героизма и самопожертвования участниками его. То и другое было в большей мере проявлено с итальянской стороны, если принять во внимание преобладание наших интересов и сил в Адриатике. Но признание роли Италии было или казалось недостаточно справедливым и запоздалым. Я имею в виду то, что произошло в связи со спасением сербской армии, когда вначале царь, забывая Италию, казалось, приписал в одной из своих телеграмм заслугу французскому флоту, между тем как заслуга эта несомненным образом принадлежит в гораздо большей мере итальянскому флоту. После поражения, нанесенного Австро-Венгрии Италией, вначале казалось, что австро-венгерский флот был отнят у нас путем коварства или хитрости.

Все это породило различные инциденты, казавшиеся более серьезными, чем они были в действительности, так как зависть или затаенная обида придавали им больше остроты. Так было, например, тотчас же после заключения перемирия с Австрией, когда французские военные суда хотели войти в Адриатическое море, включенное в компетенцию нашего командования, и посетить порты, предназначенные Италии по Лондонскому договору. Другой инцидент имел место в Корфу, где французское командование жаловалось, что стоявшая там в момент празднования перемирия с Германией итальянская эскадра не приняла в торжественной форме участия в этой церемонии. Инцидент этот был изложен в противоречивых версиях во французских и итальянских официальных сообщениях.

Франция не может согласиться с одной из статей договора и отвергать другую.

Орландо.—Я должен сделать заявление по поводу требований Италии. Я в начале сегодняшнего заседания заявил, что намерен при обсуждении вопросов придерживаться принципов президента Вильсона, предполагая, что Лондонский договор не будет обсуждаться. Я говорю: «предполагая». Очевидно, что в тот день, когда я потребовал бы точного выполнения Лондонского договора, я не смог бы требовать Фиуме на основании этого договора.

Относительно остального я с глубокой тревогой в сердце нахожу в себе силы протестовать против предположения, что на наше поведение могло бы оказать какое-либо влияние желание добиться популярности и вызвать проявления энтузиазма. Энтузиазм, который вспыхнет в Италии, будет иметь другие побудительные причины.

Я полностью отдаю себе отчет в трагической торжественности переживаемой минуты. Для Италии существуют два способа умереть: или ограничить свои требования по договору, или расстаться с друзьями и занять изолированное положение в мире. Я бы предпочел умереть с честью. Генрих III, увидев труп герцога Гиза, которого он велел умертвить, воскликнул: «Я не думал, что он такой большой». Италия, став трупом, была бы все еще так велика, что я бы желал, чтобы разложение его не отравило друзей и весь мир.

Ллойд Джордж.—Скажу несколько слов. У меня нет никаких новых аргументов, но положение настолько серьезно, что я хочу выразить точку зрения Англии, которая также является одной из держав, подписавших Лондонский договор.

Английская точка зрения находится в соответствии с французской. Мы подписали договор; я нахожусь в том же положении, что и г. Клемансо. Я признаю силу доводов президента Вильсона, но замечу, что, если бы у нас возникли сомнения относительно итальянских требований, мы должны были бы их высказать до того, как Италия потеряла полмиллиона героических жизней. У меня нет оснований высказывать в настоящее время сомнения, после того как Италия приняла участие в войне. Именно поэтому я говорю Италии: Англия стоит за выполнение подписанного ею договора. Но стоит за выполнение всего договора, а в договоре Фиуме предназначен Хорватии. Это известно Сербии. Разве мы можем разорвать часть договора и сохранить другую? Что касается принципа самоопределения народов, то следует заметить, что принцип этот или вовсе не применяется, или же его следует применить ко всей территории от Триеста до Сплато. Однако не это составляет предмет предложений. Что же касается вопроса о самоопределении Фиуме, оно также вызывает сомнения, ибо если наличие итальянского большинства населения на правом берегу реки не вызывает сомнений, то положение оказывается иным, если считать также население на другом берегу.

Соннино.—И в этом случае большинство было бы итальянским.

Ллойд Джордж.—Г-н Орландо указывал на то, что Истрию не следует делить, дабы иметь возможность защищать Трнест, который в противоположном случае оказался бы под угрозой артиллерийского обстрела со стороны соседей, но каким образом будет разрешена аналогичная проблема защиты Фиуме, если к Италии будет присоединен Фиуме, и только Фиуме, с оставлением Югославии территории, лежащей от него к востоку?

Итальянский аргумент, касающийся итальянской национальности населения города Фиуме, был бы действителен лишь в случае его применения к небольшому старинному городу, где итальянское население составляет большинство. Но если для разрешения вышеназванной проблемы обороны Фиуме вы хотите присоединить окружающую территорию, подавляющим большинством населения присоединенной территории окажется югославское население. Население всей долины составляет около 100 тысяч человек, из которых только 25 тысяч итальянцев. Я не знаю, какой принцип мог бы послужить основанием для передачи Фиуме Италии. Отдать Фиуме Италии значило бы не оправдать доверия сербов, значило бы не признать договора, на основании которого Италия вступила в войну, это означало бы непризнание принципов, на которые опирается мирный договор.

Мы согласны с тем, что итальянские потери были весьма тяжелы и даже ужасны. Г-н Клемансо мог бы вызвать огромный энтузиазм во Франции, объявив границей Франции реку Рейн. Это—стратегическая граница, удовлетворяющая старинные притязания Франции. Многие мечтают о таком решении, и г. Клемансо должен был считаться с этим. Они могут указать, что Франция потеряла полтора миллиона человек для защиты принципа справедливости их притязаний. Что касается стратегических соображений, замечу, что даже английские города подвергались бомбардировке. Так же как и итальянский флот, английский флот не смог пагнать неприятеля; тем не менее немцы не сумели перевезти войска через Северное море, австрийцы равным образом не сумели транспортировать их через Адриатику. Во Франции же, за исключением Рейна, представляющего собой военное препятствие, вдоль границ с Германией тянется сухопутная полоса. Если принцип безопасности будет расширен, это вынудит нас пересмотреть все принципы, на которых покоится договор, начиная с Франции.

Вильсон.—Франция отказалась от этого принципа.

Ллойд Джордж.—Как же мы можем применить к Италии принцип, отличный от принципа, примененного нами к Франции и Польше?

Клемансо намекнул на возможность ухода Италии с конференции. Это явилось бы весьма серьезным решением, о котором я ничего не знал.

По какой причине? Потому, что в городе с 25-тысячным населением имеется итальянское большинство. Но большинство это было бы сомнительно, если к городу присоединить пригороды, если же принять во внимание окружающую территорию, славянское население оказалось бы в заметном большинстве.

Я прошу итальянских друзей обсудить положение, которое могло бы возникнуть в результате этого их шага. Что стали бы делать итальянцы? Каково было бы наше положение? Я полагаю, что Италия не права, и притязания эти невозможно отстаивать. Если бы в результате этого последовала новая война, каково было бы создавшееся положение? У меня нехватает решимости сказать это. Было бы нелепо нарушать союз по такому поводу. Если бы Италия так поступила, ответственность пала бы не на нас. Мы стоим на стороне договора, и ответственность легла бы на тех, кто нарушает договор.

Соннино.—Но Вильсон не признал договора.

Ллойд Джордж.—Я говорю только за Англию. Я уже говорил г. Орландо, что британский кабинет решил придерживаться договора.

Орландо.—Я заявил, что на сегодняшнем совещании я не буду поднимать вопроса о Лондонском договоре. Если сказанное г. Ллойд Джорджем означает, что конференция согласна с нами в вопросе о Лондонском договоре и что конференция затем приступит к разрешению вопроса о Фиуме, я рассмотрю вопрос с моими коллегами из итальянской делегации и сообщу ответ.

Вильсон.—Это возлагает большое бремя на меня, и это несправедливо. Я не знаю и не чувствую себя вправе спрашивать, считают ли Франция и Англия Лондонский договор соответствующим тем принципам, на которых базируется мирный договор. Однако я могу сказать, что со своей стороны я не верю в это. Обсуждать вопрос на основе Лондонского договора означало бы принять в качестве базы тайный договор. Я был бы тогда вынужден заявить миру, что мы создаем новый порядок, при котором тайные договоры исключаются. Я не знаю, как можно заключить мир с Германией на ином принципе, чем с Австрией. Лондонский договор не соответствует общим принципам того порядка, который мы хотим учредить. Я прекрасно знаю, что Лондонский договор был заключен при совершенно других обстоятельствах, и не хочу критиковать то, что сделано, но принять решение на основе Лондонского договора означало бы поставить Соединенные Штаты в невозможное положение.

Соннино.—Я просил только о принятии содержания Лондонского договора.

Вильсон.—Я готов изложить, и, быть может, я должен буду заявить миру мотивы моих возражений. Я не могу заставить при-

нять в Соединенных Штатах принципы, противоположные тем, ради которых они вступили в войну*.

Соннино.—Вильсон принял принцип безопасности Италии в своей декларации от 21 мая 1918 г.[9]

Вильсон.—Я не признавал, что Далмация необходима для безопасности Италии. Немыслимо, чтобы Италия покинула своих друзей, и я прошу итальянских делегатов пересмотреть положение и не принимать поспешного решения, которое может явиться одним из самых трагических последствий войны.

Ллойд Джордж.—Я бы хотел, чтобы итальянцы приняли во внимание и это. Если итальянцы не будут присутствовать в пятницу, когда прибудут немцы, союзники не смогут выставить репарационных требований в пользу Италии.

Вильсон.—Обращаюсь вновь к итальянцам с призывом своевременно обсудить положение.

Клемансо.—Замечу, что имеются неотложные вопросы, касающиеся договора с Германией, которые нужно обсудить в связи с теми изменениями, которые пришлось бы ввести в случае ухода Италии.

Ллойд Джордж.—Согласен. Пришлось бы вводить изменения в части, касающейся репараций.

Решено, что ближайшее заседание состоится завтра, в воскресенье, в 10 часов.

В течение всего заседания Клемансо имел недовольный и сонный вид. Остальные были заметно взволнованы.

Вильсон начал говорить прерывающимся и почти дрожащим голосом и был все время очень бледен. Уходя, Вильсон сказал мне: «Try to smooth things over» [«Постарайтесь уладить дело»]**.

Отвечаю: «Вы обещали представить предложение о Далмации».

Вильсон ответил: «Эксперты отсоветовали мне это».

Заседание продолжалось до 14 часов. К концу совещания Клемансо, старавшийся прервать его, не скрывал своего нетерпения.

Слышу, как Ллойд Джордж говорит Вильсону: «Вы не намеревались выступить с предложением о Фиуме?» Вильсон ему ответил: «Я не поддерживаю его больше в настоящее время».

В гостинице «Эдуард VII» весьма бурное заседание пяти итальянских делегатов (Орландо, Соннино, Саландра, Сальваго Раджи, Бардзилаи). Бурный спор между Соннино и Бардзилаи. Соннино упрекает Бардзилаи в том, что тот слишком много «болтал», утвер-

* Здесь и в других местах Вильсон настаивает на этой мысли. Необходимо, однако, напомнить, что Соединенные Штаты вступили в войну 6 апреля 1917 г. вследствие «неоднократных актов войны» Германии, направленных против них, и что Четырнадцать пунктов были обнародованы Вильсоном только 8 января 1918 г.

** Впоследствии Вильсон уже не считал меня примиренческим элементом, в котором возможно было бы усмотреть оттенок отступничества. Когда кто-то высказался обо мне перед ним в этом смысле, он, как мне говорили, ответил: «Нет, Альдрованди—худший из всех» (The worst of all).

ждая между прочим, что «Далмация» означает «Зару и Себенико». Спор принимает настолько бурный характер, что Соннино с покрасневшим лицом восклицает: «Ну, что же, возьмемся за ножи»*. Спокойнее всех Саландра, который между прочим заметил: «Придут Джолитти и Биссолати, которые согласятся».

Решено требовать выполнения Лондонского договора.

Воскресенье, 20 апреля, пасха.

Собрание в 10 часов у президента Вильсона; присутствуют Четверо и Соннино, переводчик Манту, Хэнки и я.

Вильсон (обращаясь к итальянским делегатам).—Был бы рад узнать ваши предложения.

Орландо зачитывает нижеследующее заявление [перевод с французского текста]:

«Я должен оставить в силе все сделанные мною заявления по вопросу о Фиуме. Сведя этот вопрос к *минимальным* его пределам, я обращаюсь к президенту Вильсону с указанием, что при всем его благородном стремлении к укреплению международного мира, он, как выдающийся политический деятель, не может не сознавать, что существенным условием достижения этой цели является устранение у народов чувства возмущения против несправедливости, которое послужит несомненно фатальнейшим источником будущих войн. Я утверждаю, что, если Фиуме не будет передан Италии, это вызовет в итальянском народе такую сильную бурю протеста и ненависти, что они приведут в сравнительно недалеком будущем к глубоким конфликтам.

Я полагаю, таким образом, что, если Фиуме не будет передан Италии, факт этот по своим последствиям окажется в высшей степени роковым как для интересов Италии, так и для международного мира.

Английский и французский союзники заявили вчера, что они признают за Италией право нарушить союз только в том случае, если ей не будет предоставлено то, что было гарантировано договором. Я слишком глубоко сознаю свою ответственность за международный мир в случае разрыва союза, чтобы не постараться сделать все необходимое во избежание возможных в этом смысле обвинений. Я поэтому формально заявляю, что в случае если мирная конференция гарантирует Италии все предоставленные ей Лондонским договором права, я не буду поставлен в необходимость нарушить союз и воздержусь от всяких действий и поступков, могущих быть истолкованными в этом смысле».

Следует продолжительное молчание.

Вильсон.—Невероятно, чтобы представители Италии встали на эту позицию. В центре войны стояли три великие державы: Франция, Великобритания, Италия. Они вынесли на себе главную тяжесть войны. Весь мир отдает себе отчет в том, что именно они спасли его от предпринятых центральными державами действий; но война была выиграна не только ими. Здесь были и другие державы, не принимавшие участия в заключении Лондонского договора. Я позволю себе заявить, что без финансовой и материальной помощи Соединенных Штатов нельзя было бы довести войну до такого конца или по крайней мере в такой срок *(Клемансо и Ллойд*

* «Хотелось бы ответить не словами, а ножом»—*Данте*, Пир, IV, 14.

Джордж выражают согласие кивком головы). По случаю вступления Соединенных Штатов в войну* они заявили, каковы были их принципы. В изложении этих принципов содержались некоторые выражения симпатии малым нациям. Принципы эти вызвали также одобрение населения великих держав. Делая эти заявления, я нисколько не думал, что они являются моими заявлениями; разумеется, это были заявления североамериканского народа. Действие их было бы неэффективным, если бы они не принадлежали американскому народу. Они не представляли собой ни в какой мере моей индивидуальной инициативы, но тот факт, что принципы права и справедливости, возвещенные вначале Ллойд Джорджем, а затем мною, рассматривались в качестве истолкования целей войны, побудил другие народы вступить в войну. Я хочу напомнить вам, каковы эти принципы, целью которых является признание всех законных национальных стремлений. Приведу два из так называемых Четырнадцати пунктов:

IX. Исправление границ Италии должно быть произведено в соответствии с линиями, ясно различимыми по национальному признаку.

XI. Румыния, Сербия и Черногория должны быть эвакуированы; занятые территории должны быть им возвращены; Сербии предоставляется свободный и надежный выход к морю; отношения между балканскими странами определяются дружественным соглашением в соответствии с исторически сложившимися линиями подданства и национальности; будут выработаны международные гарантии политической и экономической независимости и территориальной целостности различных балканских стран.

Мы пытались выполнить эти два пункта. Если мы не будем поступать в соответствии с ними, а примем за основу договор, на который ссылается Италия, мы создадим конфликты, пламя которых не потухнет до тех пор, пока мы не изберем другую основу. Если Италия настаивает на выполнении Лондонского договора, она этим замедляет заключение мира. Моя позиция была бы совершенно иная, если бы Австро-Венгрия продолжала существовать, если бы Италии пришлось иметь дело с большой враждебной ей державой, ибо тогда я сказал бы, что Италия должна получить все гарантии безопасности; но обстоятельства не таковы. Если державы, подписавшие договор, не имеют права уйти, другие право это имеют. Хочу спросить своих итальянских друзей о следующем: вы решили уменьшить вероятность заключения мира с Германией, возобновить возможность всеобщей войны в Европе, оттолкнуть от Италии народы, которые были ей дружественны, готовы ли вы сказать, что вы не желаете признать новый порядок вещей потому, что в условиях этого нового порядка невозможно восстановить старый? Я думаю, что то, что получает Италия, есть нечто великое и прекрасное. Без Лондонского договора она получает свои естественные границы, освобождение итальянского населения. Это было гипотезой, которую в начале войны, пять лет

* Ср. прим. на стр. 180.

назад, она не могла надеяться осуществить. Мечта превратилась в действительность благодаря доблести итальянских солдат и мощи союзников. Я считаю невероятным, что раскол совершится.

Было бы наивысшей трагедией войны, если бы вы отвернулись от ваших друзей, с тем чтобы занять изолированную позицию. Я очень сожалел бы об этом, это истерзало бы мое сердце, но я являюсь представителем Соединенных Штатов и не могу нарушать принципов, защита которых была мне поручена моими согражданами.

Орландо.—Я должен заявить президенту Вильсону, что я сослался на Лондонский договор лишь в последнюю минуту и против своей воли. Я поступил так, чтобы ответить на увещания гг. Ллойд Джорджа и Клемансо, которые апеллировали к союзу и заявили мне, что я взял бы на себя слишком большую ответственность, нарушив союзный договор в отношении союзников, готовых выполнить свои обязательства. Президент Вильсон должен признать это за мной. Если я должен был апеллировать к тексту договора, а не к справедливости, я поступил так не без внутренней боли. Впрочем, Италия не непримирима. Какого рода соглашение мне было предложено? Никакого. Каково положение Италии? Президент Вильсон указывал на свои обязательства, но вчера он признал, что пункты его заявлений, касающиеся Австро-Венгрии, отпали по той причине, что Австро-Венгрии более не существует.

Вильсон.—Согласен.

Орландо.—Рассмотрим пункт, касающийся Сербии, который был им сегодня утром цитирован. Но, быть может, случайно Сербия имеет право на Фиуме? Все притязания на доступ к морю, о которых Сербия заявляла в прошлом, касались самое большее Алессио и Сан-Джованни-ди-Медуа. Получение Рагузы было бы чем-то выходящим из круга ее надежд. Теперь она получает гораздо больше. Прошу президента Вильсона вспомнить о следующем:

1. Разве из всех принципов, которые объявляются неприменимыми к Австро-Венгрии после ее исчезновения, применимы только те, которые касаются Италии?

2. Что касается относящегося к ней пункта, Италия заявила о своих весьма ясных оговорках, выступив с этими оговорками в присутствии полковника Хауза, от которого не последовало никаких возражений. Я поэтому не связан никакими обязательствами, противоречащими моим требованиям, так же как и президент Вильсон. Президент Вильсон говорит с большим волнением, что война была предпринята в защиту справедливости и права. Я полагаю, что я со своими требованиями стою на той же почве. Я не претендую на монопольное обладание абсолютной истиной. Идея справедливости—субъективная идея. Иисус сказал: «Quid est veritas?» [«Что есть истина?»] Я уважаю мнение президента Вильсона, но считаю, что говорю со всей откровенностью

и искренностью, заявляя, что я стою за право и справедливость. Я также воспал за право и справедливость. Президент Вильсон в заключение говорил, что его сердце страдает при мысли о возможности разрыва с Италией. Я благодарю его, но замечу, что мое сердце еще больше страдает. Я испытываю те же чувства, что и он: чувства искренней и горячей дружбы между двумя народами и даже, осмелюсь сказать, между их представителями.

Вильсон.—Разумеется.

Орландо.—Но я испытываю также чувства крайне острого страдания, которых не испытывает он. Передо мной стоят гигантские трудности, и я охвачен ужасом перед тем, что должно произойти с моей страной. Но именно потому, что я убежден в том, что мои требования отвечают праву и справедливости, я должен бросить вызов всему, даже самым тяжелым последствиям, и если это необходимо, даже самой смерти, если я и моя страна должны умереть за дело права и справедливости. *(Орландо настолько взволнован, что речь его прерывается продолжительными рыданиями.)*

Вильсон.—Г-н Орландо может быть уверен, что я не скрываю от себя значения высказанных мотивов. Между нами существует лишь одно основное политическое различие. Итальянские представители не связаны Четырнадцатью пунктами. Я признал это; но я только повторяю, что, со своей стороны, не могу заключать мира с Германией на одних определенных принципах, а с Австрией—на других. Мы должны применить ко всем национальностям принцип одинакового отношения, который мы стремились применять в других странах света.

Ллойд Джордж.—Мы находимся в самом трудном положении, с тех пор как открылась конференция. У нас были трудности, и мы сумели их преодолеть; но в каждом случае у нас было по крайней мере полдюжины решений, из которых мы могли выбирать любое. Здесь же я не вижу выхода. Не исключена возможность для нас услышать, что Италия не может притти к соглашению с союзниками по вопросу о заключении мира с Австро-Венгрией или с Германией из-за вопроса об Адриатике и Трентинской области. Существует другая трудность, заключающаяся в том, что Соединенные Штаты не могут присоединиться к этому из-за принципов, ради которых они вступили в войну. И с той и с другой стороны улажение вопроса представляет большие трудности. Лично я не вправе говорить по существу вопроса, так как я уважаю взятые моей страной обязательства,—обязательства, ради которых Италия проливала кровь, приносила жертвы, расходовала деньги. Никто лучше меня не отдает себе отчета в значении концепции президента Вильсона. Очень трудно для Италии притти на заключение мира, имея немцев в Тироле и славян в Далмации, но я не имею права вмешиваться. Я изложил президенту Вильсону свою точку зрения, полагая, что итальянские политические деятели не могут вернуться обратно. Сказанное г. Орландо произвело на меня большое впечатление.

Выражаю свои особые симпатии барону Соннино. Он взял на себя большую ответственность, отвергнув то, что Австрия предлагала в целях сохранения нейтралитета Италии. Он не может возвратиться в Италию, не добившись того, что он мог бы получить от князя Бюлова без войны[10]. Теперь же Италия потеряла полмиллиона человек убитыми и полтора миллиона ранеными и инвалидами. Я не представляю себе, как барон Соннино мог бы вернуться обратно. Не знаю, что мы могли бы сделать.

Я предлагаю, чтобы подписавшие Лондонский договор собрались для рассмотрения важной декларации президента Вильсона. Если мы не найдем выхода, Англия выполнит свои обязательства. Я не могу ничего рекомендовать по этому поводу. Но, быть может, мы придем к какому-либо выводу на собрании представителей держав, подписавших Лондонский договор. Пока ничего другого я сказать не могу. Что думает об этом президент Вильсон?

Вильсон.—Наш долг изыскать, если это возможно, способ достижения соглашения. Если бы я посоветовал передать Фиуме сербо-хорватам, как это предусмотрено в Лондонском договоре, и оставить Далмацию во временном управлении пяти держав с правом распоряжения ею впоследствии, без всякой, однако, гарантии дальнейшей передачи Италии, могли бы итальянские представители принять такое предложение? Напомню, что существует стратегический пункт, который я передал бы Италии,—Лисса. Я признаю, что этого мало в сравнении с тем, что предусмотрено Лондонским договором. Однако я был бы не откровенен, если бы не заявил итальянцам о маловероятности перспективы передачи в будущем Соединенными Штатами Италии островов и других территорий, предусмотренных Лондонским договором.

Ллойд Джордж.—Я хотел бы подумать об этом. Участники Лондонского договора могли бы собраться завтра.

Орландо.—У меня нет возражений.

Соннино.—Это наш долг.

Ллойд Джордж.—Однако я предупреждаю теперь же, что я не намерен ничего рекомендовать.

Соннино.—Я приношу благодарность г. Ллойд Джорджу за то, как он изложил вопрос также и в части, относящейся ко мне. Мы должны сделать все возможное, чтобы притти к соглашению. Я не вижу выхода, а говорилось, что выхода и нет и что это означает мой конец. Я не говорю о физической смерти, которая не идет в счет, а о смерти политической. Но я об этом вовсе не забочусь. Я думаю лишь о моей стране. Скажут, что я погубил свою страну. Ничего больше этого не могло бы потрясти меня. Я стремился выполнить свой долг и ошибся. Но не занимайтесь больше моей личностью.

Ллойд Джордж.—Нет, это важно. Италия могла не вступать в войну, приняв сделанные ей предложения, а она все же приняла в ней участие. Это следует установить в первую очередь.

Вильсон.—Барон Сонино в начале моего с ним знакомства говорил мне, что Италия не преследует империалистических целей. Верю этому. Я никогда ни на минуту не сомневался в этом. Люди, стоящие во главе Италии, несомненно не питали агрессивных намерений; насчет южных славян не знаю. Я отдаю себе отчет, так же как и г. Ллойд Джордж, в трагичности положения, в котором вы находитесь, барон Сонино. Вы вполне оправдали славу прямого человека. Я должен вам сказать об этом как по общим причинам, так и по соображениям личным.

Сонино.—Благодарю за доброе намерение. Что касается вопроса об империализме, замечу, что в наших требованиях нет ничего, что могло бы походить на это. В них выражено лишь желание гарантировать безопасность своего дома. То, чего мы требуем, не является империализмом. Мы не преследуем целей, угрожающих нашим соседям. В отношении Греции мы уже доказали, что мы готовы притти к примирительному решению. Но наши требования направлены к тому, чтобы избавить нас от опасности. Возьмите балканский вопрос. Все, к чему мы стремимся, сводится к тому, чтобы остаться вне круга затруднений. Мы ищем базу, позволяющую нам держаться за пределами этих вопросов; если же мы не получим этих территорий, мы будем постоянно вынуждены вмешиваться в эти вопросы. Сербия угрожает нам—значит мы должны соединиться с Болгарией. Вся политика, содержащаяся в Лондонском договоре, была направлена к тому, чтобы отстранить от нас опасность нападения и держаться в стороне от соблазна напасть самим для предупреждения опасности.

Ллойд Джордж (улыбаясь).—Италия вторглась даже в Великобританию![11]

Сонино.—Да, но вместе с тем дала ей культуру.

Ллойд Джордж.—Надеюсь, что хотя бы частично она там сохранилась!

Сонино.—Но все это относится к старине. Италия была в течение веков ареной вторжения иностранцев—испанцев, немцев и т. д. Нынешнее вторжение явилось поводом для освобождения нас от всякой опасности.

Вильсон.—Если бы я верил, что требования ваши необходимы для того, чтобы запереть дверь вашего дома, я бы согласился удовлетворить их.

Сонино.—Спросите об этом ваших экспертов. Тогда вы не скажете, что Фиуме представляет собой возможность агрессии.

Ллойд Джордж.—Фиуме в договоре предназначен хорватам.

Сонино.—Но вопрос возник по причине национальных чувств, усилившихся из-за войны. Город Фиуме вынес самостоятельное решение. Докажите мне, что какое-либо из наших требований представляет опасность для соседа, я скажу вам, что вы правы. Посмотрите на Лондонский договор. Мы отказались от Спалато вместе с одним из больших островов—Брацца; мы отказались также

от Вельи и Арбе, которые являются итальянскими, и уступили в вопросе о порте Сенья; точно так же мы поступили в отношении полуострова, расположенного перед Метковичем. Я не вижу, что мы могли бы сделать больше. Было бы легко управлять миром при помощи одних лишь трех принципов, но огромные трудности заключаются в их применении в соответствии с различными обстоятельствами.

Решено, что завтра у Ллойд Джорджа в 10 часов состоится заседание глав союзных правительств с участием соответствующих министров иностранных дел.

Вечером за обедом, устроенным супругами Брамбилла, сижу рядом с Хаузом. Пытаюсь убедить его, что то, что хочет дать нам Вильсон, меньше того, что нам хотели дать австрийцы в случае соблюдения Италией нейтралитета. Хауз очень интересуется этим делом, но сохраняет максимальную сдержанность, хотя и выслушивает меня с обычным спокойствием и любезностью.

Понедельник, 21 апреля.

Утреннее заседание в 10 часов у Ллойд Джорджа (Rue Nitot, 23) с участием трех союзных премьер-министров с соответствующими министрами иностранных дел—Бальфуром, Пишоном, Соннино; секретари—Хэнки и я; переводчик—Мантy.

Клемансо.—Я говорил сегодня утром с Пишоном и пришел к твердому заключению, что Франция подписала договор, который она выполнит. Следовательно, мы будем заодно со своими союзниками.

Ллойд Джордж.—В этом нет никакого сомнения, но бесполезно отрицать, что дело приняло бы серьезный оборот, если бы Америка не подписала мирного договора. На требуемых Италией территориях находятся две разные народности: немцы—в Трентинской области и славяне—в Далмации. Если Соединенные Штаты останутся вне мира, создастся впечатление, что они симпатизируют этим двум сильным расам, и в каждом случае возникновении затруднений между ними и Италией обстоятельство это будет в десять раз их усиливать. С другой стороны, я не представляю себе, каким образом Европа сможет оправиться, если Соединенные Штаты не пойдут с нами и не окажут ей содействия материальными средствами. После заключения договора я предполагаю внести предложение о создании всеобщей Экономической лиги Европы. Если это нам не удастся, то наступит полный застой. Укажу на пример Южной Африки. По окончании войны страна-победительница[12], в то время премьер-министром был г. Бальфур, вынуждена была израсходовать 30 миллионов фунтов стерлингов для восстановления завоеванного края.

Бальфур.—И деньги эти никогда не были возвращены.

Ллойд Джордж.—Но если бы они не были даны, Южная

Африка осталась бы разоренной. В Европе наблюдается аналогичное явление. Поэтому важно действовать вместе с американцами до конца и быть совершенно лойяльными по отношению к ним. Что касается репараций, американцы сделали немало шагов вперед по сравнению с тем, что было ими сделано раньше. Так было с саарским вопросом. Пожалуй, возможно было бы притти к удовлетворительному результату в этом смысле, если бы Италия проявила уступчивость. Если же итальянцы не найдут возможным пойти на уступки, мы выполним условия договора.

Клемансо.—Это относится и ко мне. Я уже обсуждал положение с г. Ллойд Джорджем и согласен со всем тем, что он высказал. Я думал, что можно достигнуть соглашения, но, что касается Фиуме, я потерял всякую надежду. Президент Вильсон сделал небольшое указание относительно Далмации, но я должен признать, что положение не улучшилось. Я вновь виделся с президентом Вильсоном вчера днем по другим делам, и, когда я говорил с ним к концу беседы об итальянских делах, он произвел на меня впечатление человека, занявшего весьма четкую позицию. Разрешения вопроса можно было бы достигнуть в том случае, если бы Италия оставила Далмацию ради Фиуме или же, довольствуясь Далмацией, согласилась бы на получение чего-либо другого.

Вчера говорилось о предложениях, сделанных Австро-Венгрией Италии до ее вступления в войну. Я сегодня утром просмотрел их в «Зеленой книге». Я надеялся найти аргументы против Вильсона, но я убедился, что мы не можем воспользоваться ими, так как Австро-Венгрия не давала ничего или давала очень мало. Не давала ни Истрии, ни Триеста.

Бальфур.—Ни Полы.

Клемансо.—То, что теперь получает Италия, представляет собой весьма значительное достижение.

Соннино.—«Зеленая книга» заканчивается 4 мая; после этой даты и до 24-го числа Австрия предложила другое.

Клемансо.—Да, но не Триест. Мы не можем найти в этом аргументов, могущих убедить Вильсона. Мы—друзья и даем советы друзьям. Даже получая не всю Далмацию, а некоторые пункты, вы тем самым приобретаете достаточно сильную позицию,—сделайте сравнение с французскими делами. Я должен был отказаться от левого берега Рейна, которого требовали от меня все сенаторы и все депутаты. Я оставил мысль получить границы 1815 г.[13] с Кельном, Кобленцом, Майнцем и другими пунктами по ту сторону Рейна.

Если Италия будет сотрудничать с нами до конца в этих переговорах, это ей принесет выгоду. Территориально она получает гораздо больше того, на что надеялись итальянцы в начале войны. Я не могу давать советы, но считаю своим долгом сказать, что, если мы вступим на этот путь, решение может быть найдено, иначе последствия будут плачевны. Если Италия изолируется, дело

держав Согласия не будет доведено до конца, не будут разрешены большие проблемы, в Европе возникнут новые конфликты, которых я хотел бы избежать во что бы то ни стало. В заключение заявляю: мы остаемся друзьями Италии, и решение находится в ее руках.

Соннино.—Дело обстоит не так. Вильсон сказал, что не отдаст Фиуме, равно как и Далмацию. Она должна перейти к пяти державам; но Вильсон ясно заявил, что в будущем передача Далмации Италии исключается. Но как же заключить мир с Австро-Венгрией, которая больше не существует? Вы вместе с нами взяли на себя обязательство выполнить договор, касающийся нашего вступления в войну, которая стоила Италии 70 миллиардов деньгами и до полутора миллионов убитыми и искалеченными. Почему Италия должна обмануться в своих ожиданиях? Почему Вильсон раньше не говорил ясно? Когда при обсуждении условий перемирия с Австро-Венгрией была принята оккупационная линия, предусмотренная Лондонским договором, у Италии получилось впечатление, что это было признано за нами также Америкой. Действительно, со стороны Америки не последовало ни протестов, ни возражений. Это было истолковано в смысле ее согласия.

Ллойд Джордж (Бальфуру).—Мы передавали копию Лондонского договора президенту Вильсону?

Бальфур.—Да. Когда я был в Америке, я обсуждал его вместе с ним.

Соннино.—Что произошло после? И прежде всего, что сделала Америка для нашей страны? Правда, она дала нам денег, но прислала нам всего лишь один полк и потеряла в Италии всего одного человека убитым.

Клемансо.—Это не довод.

Соннино.—Да; я не говорю против Соединенных штатов. Я говорю вообще. Италия знает, что против нее стояла вся австро-венгерская армия. Теперь выступает третья сторона и говорит: вы должны отказаться от всего этого. И это на основе новых принципов, в которые верит Вильсон, но я не верю. Возможно ли, сидя в комнате, изменить мир руками нескольких дипломатов? Скажите: пусть идут на Балканы применять на практике Четырнадцать пунктов. Наш народ остался бы разочарованным. Когда после перемирия я вернулся в Рим, я пробрался туда тайком, а когда пришли приветствовать меня к моему дому, я убежал, так как я видел трудности, навстречу которым шла Италия. Но теперь президент Вильсон, предав забвению свои Четырнадцать пунктов, хочет вновь вернуть им девственный вид путем строгого применения тех пунктов, которые относятся к Италии. Какое впечатление создастся в моей стране, имевшей основание в течение пяти месяцев надеяться на удовлетворение своих стремлений? Все это должно исчезнуть, так как существует Лига наций, о которой никто не знает, что она собой представляет. Что случится

в моей стране? У нас будет не русский большевизм, а анархия. Я не знаю, как мы сможем поступить. Я не вижу решения.

В течение пяти лет ни одна моя мысль, ни одно мое слово, обращенное к кому бы то ни было, не уклонялось, чтобы об этом ни говорил император Карл Габсбургский, от прямого пути, который был избран Италией, и я привел Италию к этим последствиям!

Ллойд Джордж.—Я не хочу быть дурно истолкованным, выдвигая новое предложение. Я прочел представленную вами записку относительно мотивов, в силу которых Далмация необходима для вашей обороны в Адриатике. Нет сомнения, что содержащиеся в ней доводы весьма основательны. Но главную опасность для Италии представляют острова, за которыми могли бы укрыться хотя и незначительные по размерам, но представляющие опасность неприятельские силы. С другой стороны, обладая территорией на материке, вам не удастся никогда обеспечить себе спокойствие.

Соннино.—На Балканах имеется столько мотивов к внутренним раздорам, что мы будем оставлены в покое.

Ллойд Джордж.—Но там всегда имеется слишком много людей, готовых перегрызть друг другу горло. У вас хватит затруднений на много поколений. Вы вынуждены будете держать в Далмации мощный гарнизон. Не можете ли вы удержать за собой только острова, предложив желающим переселиться на материк? У южных славян нехватает населения. Много народу было убито в их стране. Я бы вам советовал удержать острова и не касаться материка.

Соннино.—Я не говорю, что на приобретенных нами территориях не будет волнений, в особенности при подстрекательстве со стороны южных славян. Такова участь территориальных изменений. Но если все будет окончательно улажено, в течение двух лет всякие волнения прекратятся.

Ллойд Джордж.—Из ваших статистических данных видно, что там проживает 600 тысяч славян против 40 тысяч итальянцев.

Соннино.—Во всей Далмации, а не в требуемой нами части.

Орландо.—Я хочу сделать некоторые заявления. Во-первых, я хочу объяснить мотивы нашего сопротивления, которое в известных случаях должно быть абсолютным сопротивлением во что бы то ни стало. Имеется мотив практической пользы в интересах всего мира. Если я возвращусь в Италию с неполным миром, могущим вызвать в Италии возмущение, это оказало бы плохую услугу всем. Если я вернусь в Италию с миром Вильсона, в Италии вспыхнет революция. Во время последних демонстраций в Риме...

Соннино.—... и в Милане.

Орландо.—...выступали друг против друга две стороны... сторона большевистская, сторона отрицателей родины против стороны патриотической и фашистской. Эти последние одержали верх. Среди большевиков имелись двое убитых и пятеро раненых.

Была разгромлена и сожжена редакция газеты «Avanti». Патриотическое движение приняло мощные размеры. Если мы получим худой мир, эти элементы пойдут на революцию и большевики соединятся с ними, так как целью большевиков является провокация беспорядков и революций, каковы бы ни были побудительные к тому причины, с тем чтобы воспользоваться их последствиями. В этом вы можете быть уверены. Если же Италия будет удовлетворена в своих национальных требованиях, она, разумеется, сохранит спокойствие. Я ручаюсь за это. Но если в Италии будет революция, то ввиду общего положения, царящего в мире, это создаст опасность для всех.

Во-вторых, я должен заявить, что я не мог бы принять предложения Вильсона даже в качестве основы. Хочу добавить следующее. Линия, которую Вильсон предлагает в настоящее время Италии, есть та же самая линия, которая в истекшем октябре предлагалась газетой «New Europe», которая, как вы знаете, является органом южных славян. Теперь для итальянцев южные славяне являются тем же, чем для вас боши[14]. Принять предложение Вильсона означало бы то же самое, что для г. Клемансо — предложение бошей об окончании войны. В январе я имел беседу с президентом Вильсоном. Показывая мне карту, он сказал: «Что вы думаете об этой возможности?» Линия была та самая, о которой я говорю. Я ответил: «Я прошу иметь в виду, что после этого предложения Италии не остается ничего другого, как уйти с конференции». Президент Вильсон остановил тогда переводчика и спросил: «Прошу вас: г. Орландо хочет сказать, что он в этом случае уйдет с конференции?» Я ответил: «Разумеется». Это произошло в январе прошлого года. В течение трех месяцев я оставался в фальшивом положении. Я сотрудничал с самыми искренними намерениями, принимая участие во всех переговорах, происходивших там; в то же время нас с Вильсоном разделяло недоразумение, возникшее на почве нашего разговора. Быть может, слово «недоразумение» не подходящее выражение, так как каждый из нас прекрасно знал мысли другого. Теперь г. Ллойд Джордж говорит: попытаемся притти к соглашению. Я охотно ищу, но не вижу его. Я преклоняюсь перед г. Ллойд Джорджем во многих отношениях, в том числе и перед его изобретательностью в деле приискания решений. Если ему удастся согласовать с Вильсоном какую-либо скромную комбинацию, признания которой я могу добиться в моей стране, я готов рассмотреть ее. Коллегиальные переговоры не представляют больше пользы. Мы все время находимся на одной точке, когда собираемся вчетвером, и ни к каким изменениям не приходим с самого начала до конца совещаний. Если гг. Ллойд Джордж и Клемансо в согласии с президентом Вильсоном представят мне предложение о соглашении, которое обязательно должно предусматривать аннексию Фиуме Италией, я готов принять его.

Клемансо.—Мне хотелось бы выяснить один пункт: согласился ли бы г. Орландо на такое разрешение, которое исключало бы Фиуме?

Орландо.—Ни в коем случае. Я считаю, что лучше ясно заявить об этом, чем оставить место каким-либо сомнениям. Если это возможно, то прекрасно, если нет—лучше было бы для всех нас покончить с этим неудобным положением. В этом случае мы должны будем апеллировать к Лондонскому договору, выполнение которого является предметом обязательств, взятых союзниками, и, пока он не будет выполнен, мы останемся одни и в стороне.

Пишон.—Вы не обсуждали никакого конкретного проекта соглашения?

Орландо.—Нет. Именно с вами должен быть уточнен вопрос, что́ именно необходимо отдать, чтобы получить Фиуме. Мы должны иметь Фиуме.

Ллойд Джордж.—Это кладет конец обсуждению. Фиуме не следует брать. Что касается Фиуме—это невозможно. Сербы знают, что Фиуме был предназначен им, и я не могу предать сербов, так же как и итальянцев.

Клемансо.—Итак, придерживаетесь вы или не придерживаетесь условий пакта? Здесь не может быть среднего пути. Я отдал Фиуме сербам и не могу взять его обратно.

Орландо.—Мы придерживаемся договора.

Клемансо.—Если г. Орландо стоит за выполнение договора, мы также будем стоять за это, но я не могу взять обратно обещание отдать Фиуме Сербии.

Орландо.—Я хочу иметь проект соглашения вне договора.

Ллойд Джордж (представляя английскую карту, приложенную к договору, на которой Фиуме обозначен желтой краской, а Италия—голубой).—Мы согласились как с одной, так и с другой статьей договора.

Соннино.—Я объясню, что хочет сказать президент Орландо. Он говорит: «Если вы хотите все бросить на весы в качестве основы соглашения с вами, тогда я не буду придерживаться исключительно договора». В противном случае он будет сообразоваться с условиями договора. Напомню, что, когда велись переговоры с Болгарией о ее вхождении в войну на стороне держав Согласия, Сербии были сделаны предложения об уступке некоторых ее македонских территорий Болгарии, в каковом случае она была бы компенсирована территориями Хорватии и Боснии. Тогда не пришли ни к какому соглашению. Это означает, что в то время вы не считали себя связанными с Сербией Лондонским договором. Впрочем, Лондонский договор отдает Фиуме Хорватии, а не Сербии.

Клемансо.—Это одно и то же.

Ллойд Джордж.—Не знаю, стоит ли продолжать этот разговор. Быть может, было бы лучше, чтобы г. Клемансо и я отправились навестить президента Вильсона, чтобы спросить его, может ли

он и насколько сдвинуться с занятой им позиции; согласен ли он, например, на передачу островов.

Орландо.—А Фиуме?

Ллойд Джордж.—Фиуме,—нет.

Орландо.—Тогда это невозможно.

Соннино.—Значит мы должны даром отдать Далмацию? Что касается Далмации, я вновь замечу, что она представляет для нас вопрос о безопасности в Адриатике, но в отношении Далмации имеется еще этнический вопрос. Правда, что сельское население состоит преимущественно из славян, но в городах население итальянское. Все, что там есть культурного,—итальянское.

Ллойд Джордж.—Согласен.

Соннино.—Мы не можем покинуть всех этих наших соотечественников и выбросить вон все наши исторические права. Президент Вильсон говорил, что национальные мотивы превалируют над всеми остальными, в том числе над интересами стратегического и железнодорожного характера, когда он отказывал Бельгии в присоединении 4 тысяч немцев. Почему же мы должны отказаться от 26 или 30 тысяч итальянцев, населяющих Фиуме? Эти же мотивы мы должны выдвинуть и в вопросе о наших соотечественниках в Далмации.

Ллойд Джордж.—Но в вопросе, о котором указывал президент Вильсон, немцы находились в контакте с Германией, как это имеет место с небольшими итальянскими группами населения в Далмации, которые находятся там «в гарнизоне», употребляя выражение, применяемое к англичанам, живущим в Ирландии.

Соннино.—Но итальянцы представляют там собою все культурное.

Ллойд Джордж.—Это то же самое, что говорят англичане про Ирландию.

Бальфур.—Если вы учитываете трудности, с которыми президенту Вильсону пришлось встретиться при разрешении итальянских вопросов, вы должны допустить, что он встретит на своем пути большие затруднения при передаче вам немцев, которых вы присоедините в Тироле.

Соннино.—Он их нам уже отдал.

Бальфур.—Я не знал этого. Очень этому рад.

Ллойд Джордж.—Повторяю: мне уже, по-моему, нет надобности спорить. Однако я считаю вопрос настолько серьезным, что полагаю необходимым вновь поговорить о нем с президентом Вильсоном.

Бальфур.—У меня нет впечатления, что здесь обсуждалось очень серьезное обстоятельство. Г-н Орландо говорит, что если он вернется в Италию без требуемых территорий, там вспыхнет революция.

Орландо.—Безусловно.

Бальфур.—Необходимо иметь в виду, что если Италия оттолкнет от себя Америку, я не знаю, на чем сможет удержаться итальянская экономика; и если это так, каким образом революция может

быть преодолена? Поэтому в Италии произойдет революция как в том случае, если она примкнет к договору, который отказывает ей в требуемых территориях, так и в том, если она договор этот отвергнет. Революция вспыхнет в обоих случаях. Италия осталась бы изолированной одна против всей Европы, что мне кажется совершенно невозможным.

Орландо.—Я вполне признаю правильность того, что было сказано г. Бальфуром. Обе опасности одинаково серьезны. Но Италия нетребовательна. Ей знакомо искусство умирать от голода. Но если обе опасности одинаково серьезны и даже обе приводят к смерти, я предпочитаю смерть, так как при этом мы сохраняем честь.

Поведение Клемансо было неприветливее чем когда-либо. Желая, очевидно, побеседовать наедине с Пишоном, Клемансо в один из наиболее патетических моментов совещания обращается к нему, говоря: «Вы видели знаменитую картину Болдини?», и уводит его в соседнюю комнату, где делает вид, будто долго рассматривает с Пишоном портрет хозяйки дома.

В 17 часов Хэнки пришел к Орландо, который принял его в присутствии Соннино.

Хэнки заявляет, что он пришел от Вильсона, Ллойд Джорджа и Клемансо, которые, в результате только что состоявшегося между ними совещания, поручили ему спросить Орландо и Соннино, стоит ли им притти для обсуждения вопроса о возможности уступки Италии некоторых островов Далматинского побережья.

Орландо отвечает, что, имея в виду базу дискуссии, он не считает нужным отправляться к остальным трем главам правительств. Орландо указывает при этом, что сегодня утром говорилось об островах, между тем как теперь говорится о «некоторых» островах.

Хэнки отвечает, что, по его мнению, имелись в виду острова, имеющие стратегическое значение, и были исключены те из них, которые расположены ближе к берегу, как, например, остров Паго. Таким путем пытались разрешить проблему безопасности Италии в Адриатике.

Соннино отвечает, что вопрос о безопасности может быть разрешен лишь в неполной мере, так как острова имеют стратегическое значение постольку, поскольку те, кому они принадлежат, владеют также и побережьем.

Орландо отвечает, что проблема Далмации является не только проблемой безопасности, но также проблемой национальностей для Зары, Себенико, Спалато и т. д. Так, на недавних совещаниях Четырех говорилось о разрешении вопроса национальностей в Фиуме путем предоставления ему автономии, путем превращения его в свободный город.

Хэнки отвечает, что это предложение отпало, и вновь возвращается к вопросу о том, считает ли итальянская делегация нужным принять участие в происходящем сейчас совещании.

Орландо повторяет, что не считает этого необходимым.

Хэнки отвечает, что это ему неприятно и что, по его мнению, речь идет об окончательном предложении.

Хэнки, с которым я поддерживал в течение многих лет совместной работы самые сердечные отношения, выходя со мной из комнаты Орландо, обнаруживает признаки явного смущения. Крепко пожимает мне руку и начинает говорить: «До свиданья...» Он задерживается, точно хочет добавить что-то, затем заключает фразу попросту: «... Альдрованди».

Но одно лишь это слово по тону, которым оно произнесено, по сопровождающему его взгляду отражает волнение, симпатию.

Занятые позиции кажутся окончательными, положение безнадежным.

Орландо и Соннино предполагают отправить письмо о своем уходе с конференции. Заготовлен текст письма, в котором констатируется расхождение союзных и присоединившихся держав по вопросу об удовлетворении итальянских требований; принимаются к сведению заявления Англии и Франции о том, что они придерживаются Лондонского договора; выставляется требование об осуществлении его условий; указывается, что, так как условия мира с Германией уже можно считать в основном окончательными, Италия готова подписать этот договор вместе с союзниками, как только условия мира, касающиеся итальянских границ, будут установлены; напоминается, что, как это явствует из договора, равно как из декларации, подписанной в Лондоне 26 апреля 1915 г.[15], державы, подписавшие вышеназванные акты, должны притти к совместному заключению общего мира.

Вторник, 22 апреля.

Итальянская делегация собирается в 9 часов и утверждает текст составленного вчера письма.

Телефонирую Клозу, секретарю Вильсона, о том, что Орландо не будет сегодня на совещании Четырех, но пошлет письмо.

Предварительно договорившись, Орландо в 14 часов отправляется со мной к Ллойд Джорджу. Ллойд Джордж нервничает, бледен.

Орландо говорит ему, что он очень ценит дружеское его отношение к нам во время переговоров последних дней и что поэтому хотелось бы разъяснить содержание письма, которое он предполагает отправить президенту Вильсону и союзникам, с тем чтобы дать ясное представление о намерениях, которыми итальянская делегация руководилась при вынесении решения.

Ллойд Джордж.—Что же это должно означать? Что вы не прибудете в Версаль вместе с нами, когда там будут немцы?

Орландо.—Совершенно верно.

Ллойд Джордж.—Каковы же будут последствия? Должно ли это означать, что вы не заключите мира с Германией?

Орландо.—Нет, мы примем участие в момент заключения общего мира.

Ллойд Джордж.—А тем временем?

Орландо.—До тех пор, пока не будут улажены итальянские дела, мы не примем участия.

Ллойд Джордж.—Но это помешает и нам вести переговоры, так как некоторые пункты не были вами приняты и нуждаются в вашем одобрении, а мы можем подписать эти условия только вместе с вами.

Орландо.—Поставьте себя в мое положение и скажите, что бы вы стали делать в этом случае. Мы находимся в весьма затруднительном положении.

Ллойд Джордж.—Согласен, но вы должны принять во внимание те плачевные последствия, к которым вы приведете ваших союзников; с другой стороны, недопустимо, чтобы эти последние не смогли самостоятельно и без вас подписать эти условия с Германией до того, как будут урегулированы также вопросы, касающиеся Болгарии и Турции.

Орландо.—В Лондонской декларации говорится, что должен быть заключен единый общий мир.

Ллойд Джордж.—Да, но так как этого невозможно сделать еще и вследствие исчезновения Австро-Венгрии, вы не можете помешать нам подписать тем временем мир с Германией.

Орландо.—Я спрашиваю: если бы я подписал, что было бы с итальянскими делами? Нынешние трудности не изменятся через месяц, и если их придется разрешать тогда, я не понимаю, почему этого нельзя сделать теперь же.

Ллойд Джордж.—Замечу, что положение весьма серьезно; не только Италия, но вся Европа нуждается в Америке. Без Америки Европа не может жить. Скажу вам в конфиденциальном порядке, что президент Вильсон, который вчера казался очень раздраженным и упорствовал, пребывает в совершенно враждебном и непреклонном расположении духа. Чтобы убедить его принять предложение об островах, г. Клемансо и я были вынуждены просить об этом полковника Хауза, которому с большим трудом удалось это сделать. Затем мы получили сообщение о документе, который Вильсон хотел направить г. Клемансо и мне и который должен был быть сдан вчера вечером в печать и опубликован сегодня утром, если бы мы не просили президента отложить печатание на 48 часов, дабы попытаться найти какой-либо путь к соглашению по итальянским вопросам. Вы представьте себе, какой скандал вызвало бы напечатание этого документа и как народы различных стран стали бы на сторону своих представителей, выступая одни против других, ко всеобщему ущербу! Создалось бы непоправимое положение.

Орландо.—Не понимаю, какой враждебный нам смысл можно усмотреть в этом заявлении президента Вильсона.

Ллойд Джордж.—Знаю, но во всяком случае пожар, который был бы этим вызван, нельзя было бы потушить.

Орландо.—Вы говорили о возможности соглашений, но скажите мне откровенно, предлагалось ли какое-либо соглашение, хотя бы в отдаленной степени приемлемое? Вильсон сделал некоторые предложения относительно Фиуме (по типу Данцигского статута[16]), а также о Далмации (по типу Саарского статута[17]), но предложения эти были затем взяты обратно. Нам предстоит разрешить три вопроса: вопрос о Фиуме, об островах и далматинском материке.

Ллойд Джордж.—Признаю, что предложения были сделаны отдельно одно от другого. Полагаете ли вы, что предложения эти могли бы послужить базой для обсуждения, если их представить одновременно?

Орландо.—Можно было бы это обсудить.

Ллойд Джордж.—Я вновь поговорю с президентом Вильсоном, я попытаюсь убедить его принять удовлетворительную комбинацию на вышеуказанных основаниях, которая предусматривала бы передачу Италии линии Альп до Волоски согласно Лондонскому договору; установление в Фиуме режима, аналогичного данцигскому, с дипломатическим представительством и таможенным союзом с Италией; передачу Италии островов, по крайней мере в стратегическом отношении наиболее важных; обращение Зары, Себенико, Трау и Спалато в свободные города с режимом, аналогичным саарскому. Я поговорю об этом с президентом Вильсоном до 15 часов и сообщу вам что-нибудь к 18 с половиной часам.

Орландо сообщил об этой беседе итальянской делегации.

Империали передает Орландо, что Ллойд Джордж ему сказал: «Будьте осторожны с Вильсоном. Это—мстительный человек».

Орландо и я в 18 с половиной часов возвращаемся к Ллойд Джорджу.

Ллойд Джордж сообщает, что после долгих усилий ему удалось убедить Вильсона согласиться с таким решением, в котором, за исключением уже разрешенного в благоприятном для Италии смысле вопроса об альпийской границе и внешней линии островов под итальянским суверенитетом, Фиуме, Зара и Себенико признаются свободными городами под управлением Лиги наций.

Ллойд Джордж добавляет, что вопрос о Спалато, по мнению Клемансо, не может служить предметом обсуждения, так как он не предусматривается Лондонским договором. Что касается Фиуме, то Ллойд Джордж и Клемансо, в случае если бы соглашение не было достигнуто, примкнули бы к Вильсону. По вопросу же о Лондонском договоре Франция и Англия были бы всегда на стороне Италии.

Ллойд Джордж имеет совершенно другой вид: выражение озабоченности исчезло, он спокоен; возможно, что он выслушал мнение своих юристов о Лондонской декларации и о возможном уходе Италии.

Итальянской стороной было решено послать Ллойд Джорджу для передачи Вильсону нижеследующие контрпредложения:

1. Линия Альп (Бреннер до моря, к востоку от Волоски).

2. Фиуме под суверенитетом Италии.

Италия установит в порту Фиуме свободную зону в соответствии со статьями 8, 9, 10, редактированными комиссией по делам портов, водных путей и железных дорог, и распространит на Фиуме те льготы, которые могли бы быть установлены впоследствии общим соглашением, касающимся свободных портов.

3. Италия получит все указанные в Лондонском договоре острова, за исключением Паго.

4. Зара и Себенико будут управляться Лигой наций, причем Италия будет мандатной державой.

Среда, 23 апреля.

Челлере было поручено лично передать Миллеру текст итальянских предложений о соглашении, утвержденных вчера вечером. Он выполнил поручение вчера же вечером. Сегодня утром в 9 часов я отнес текст Керру, секретарю Ллойд Джорджа, живущему с ним вместе.

Керр прочел предложения в моем присутствии. Он хмурится, читая пункт об «итальянском суверенитете над Фиуме». Говорит мне, что, по мнению Ллойд Джорджа, это сделает невозможным соглашение. «Ллойд Джордж сделал все возможное и не в силах сделать больше». Керр спрашивает меня, пойдем ли мы на совещание Четырех в 15 часов. Отвечаю: «Если будут разрешены территориальные вопросы, касающиеся Италии, то пойдем, в противном же случае—нет».

15 часов.—Челлере, оптимист, говорит, что Миллер, поговорив с Вильсоном относительно проекта итальянской делегации, вынес такое впечатление, что Вильсон, «повидимому, был бы непрочь принять все условия».

15 час. 30 мин.—Керр, придя в гостиницу «Эдуард VII», хочет видеть меня. Я его тотчас же принимаю, задержав Челлере, который в это время беседовал со мной. Керру было поручено передать в ответ на сообщенное ему сегодня утром итальянское контрпредложение, что не представляется затруднений к принятию пунктов названного предложения, за исключением одного из них, касающегося вопроса о суверенитете над Фиуме. Я спросил его, в каких условиях окажется Фиуме, если он не будет под итальянским суверенитетом. Керр ответил: «free City» [вольный город], затем поправился: «free State» [свободное государство] по типу данцигского. Я спросил его, будет ли дипломатическое представительство в Фиуме передано Италии, как представительство Данцига было передано Польше. Он ответил мне в отрицательном смысле.

Я спросил его, на кого же оно будет возложено; он ответил мне: «На само государство».

Керр добавил, что необходимо возможно скорее получить ответ от итальянской делегации, потому что Вильсон опубликует свои заявления завтра утром; более того, Керр указал, что декларации будут сделаны тремя державами—Францией, Англией и Соединенными штатами. Я сказал ему, что не вижу, о чем могли бы заявлять Франция и Англия. Я спросил его, знает ли он, кто именно выступал против вопроса о суверенитете над Фиуме, так как на основании сведений, полученных от лица, беседовавшего с президентом Вильсоном сегодня утром о представленных нами пунктах, президент был бы непрочь одобрить все пункты. Керр отвечал, что это исходит от Вильсона, но добавил с некоторым замешательством: «Я, впрочем, не присутствовал при этом». Я тогда сказал ему, что мы надеялись на иное и лучшее решение, так как Клемансо часто говорил, что он нам окажет содействие в вопросе о Фиуме, если мы откажемся от Далмации. Теперь мы уступаем все Далматинское побережье по Лондонскому договору, оставляя в качестве свободных городов Зару и Себенико. Я добавил, что Ллойд Джордж говорил премьеру Орландо, что в вопросе о Фиуме он полагается на то решение, о котором мы договоримся с Вильсоном.

Я сказал Керру, что тотчас же извещу Орландо обо всем сказанном мне и сообщу ему ответ.

В заключение Керр заявил, что Ллойд Джордж готов пойти нам навстречу.

Итальянская делегация, которой я сообщил о том, что мне было сказано Керром, решает отправить тотчас же Челлере к Вильсону, а Империали—к Ллойд Джорджу с целью выяснения пункта о Фиуме. По телефону испрашивается свидание, когда Трое находятся в доме Вильсона.

Вильсон велит ответить, что, будучи занят в настоящее время, примет Челлере, как только это будет возможно. Ллойд Джордж просит Империали прибыть тотчас же и по его прибытии говорит ему, между прочим, что необходимо вынести решение до опубликования манифеста Вильсона, назначенного на завтра утром.

17 часов.—В то время как происходит совещание итальянской делегации, нам приносят газету «Temps» с отпечатанным уже манифестом Вильсона.

Изумление и негодование делегатов.

Соннино предлагает отправить немедленно письмо об уходе Италии с конференции, одобренное во вторник утром и еще не отосланное; Бардзилаи в страшном раздражении замечает, что нельзя его отсылать, потому что в нем содержится отказ от Фиуме; Бардзилаи, между прочим, взывает по вопросу о Фиуме к авторитету короля. После оживленнейшего спора, во время которого Бардзилаи удаляется из комнаты и возвращается в нее только

после того, как его зовут обратно, утверждается новая редакция письма. Это письмо тотчас же отсылается в тождественных экземплярах Клемансо и Ллойд Джордж и препровождается для сведения президенту Вильсону и первому японскому делегату.

Письмо начинается напоминанием о том, что разрешение вопроса об итальянских территориальных требованиях вступило в такую фазу, в которой изыскивается путь к примирению между различными тенденциями и возможностями. Далее в письме говорится:

«Во время переговоров сегодня в 3 часа пополудни г. Керр, секретарь г. Ллойд Джорджа, сделал итальянской делегации сообщение от имени трех держав—союзных и присоединившейся,—касающееся рассматриваемого вопроса.

В 4 часа 30 мин. пополудни маркиз Империали запросил от имени итальянской делегации и получил от г. Ллойд Джорджа разъяснения относительно одного из пунктов названного сообщения.

Итальянская делегация обсуждала требуемый ответ, когда в дневных парижских газетах появилось послание президента Вильсона, которое вам, несомненно, известно».

Орландо затем заявляет, что он хочет воздержаться от всякого суждения по этому поводу, но не может обойтись без того, чтобы не апеллировать к договору о союзе, связывающему нас с союзниками, с вытекающими из него обязательствами и правами. После напоминания о возобновленных союзниками более формальных заявлениях, «относительно которых никогда не высказывалось сомнений», об обеспечении Италии всех прав, вытекающих из договора, в письме говорится:

«Ссылаясь на эти союзные обязательства, я обращаюсь к вам с просьбой принять во внимание то обстоятельство, что итальянская делегация вследствие происшедшего серьезного инцидента не видит возможности принимать дальнейшее участие в работах конференции.

Условия мира с Германией могут уже считаться установленными в их существенных элементах, и я заявляю, что был бы в состоянии подписать их вместе с союзниками Италии после того, как вопрос об итальянских границах будет одновременно урегулирован.

Действительно, из договора, равно как и из декларации, подписанных в Лондоне 26 апреля 1915 г., ясно следует, что державы, подписавшие вышеназванные акты, должны сообща притти к заключению общего мира».

Орландо получил весьма сердечное и любезное письмо Ллойд Джорджа, в котором, выражая свое крайнее сожаление по поводу трудностей настоящего момента, Ллойд Джордж спрашивает, возможно ли сделать еще что-либо во избежание катастрофы. Он спрашивает, может ли он побеседовать с Орландо и не желает ли Орландо позавтракать с ним завтра утром, в 9 часов, «разумеется, с графом Альдрованди» и, если Орландо «желает—с бароном Сонино», или же, если Орландо предпочитает, он сам мог бы притти в указанный час в гостиницу «Эдуард VII». В заключение Ллойд Джордж пишет: «Я искренне желаю быть полезным Италии и оказать ей всяческую помощь».

Орландо велит ответить, что охотно примет Ллойд Джорджа в гостинице «Эдуард VII», в час, который окажется наиболее удобным для британского премьер-министра.

Орландо готовится немедленно ответить на послание президента Вильсона. Повидимому, его лихорадит. До поздней ночи, под давлением ожидающих итальянских и иностранных журналистов, он занят составлением листков с ответами, которые он передает нам по мере их написания.

Четверг, 24 апреля.

Агентство Рейтер опубликовало ночью сообщение, в котором говорится, что, если итальянцы, несмотря на то, что Великобритания советовала Италии отказаться от некоторых ее требований, все же будут настаивать на получении ими прав, предоставленных им Лондонским договором, Франция и Великобритания выполнят свои обязательства. В заключение в коммюнике говорится: «Президент Вильсон опубликовал декларацию под своей ответственностью».

В 10 с половиной часов Ллойд Джордж посетил Орландо.

Орландо благодарит его за дружелюбный жест, выраженный вчерашним письмом и сегодняшним приходом.

Ллойд Джорджс.—Уверяю вас, что для меня явилось большой неожиданностью опубликование Вильсоном его декларации, в то время как я знал, что он должен был опубликовать ее только сегодня утром. Поэтому я и послал вам в 3 часа сообщение с Керром.

Орландо.—Я приготовил ответ на послание президента Вильсона.

Ллойд Джорджс.—В этом ответе вы говорите о Фиуме?

Орландо.—Да.

Ллойд Джорджс.—Видите ли, это ставит вас в очень деликатное положение и по отношению к нам. Как вы знаете, в Лондонском договоре Фиуме предназначался хорватам, и Франция и Англия не могут отдать его вам, отняв его у них.

Вы должны принять во внимание, что Италии не следовало бы настаивать на получении этой территории, с тем чтобы впоследствии очистить ее по требованию союзников. С другой стороны, если вы с нами не договоритесь, вы нарушите договор с нами, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Орландо.—Нет, я говорю о Фиуме потому, что Вильсон говорит о нем в своем послании, и я опровергаю своими доводами его доводы; но я намерен оставаться верным союзникам. И если я по известным вам причинам покину Париж, я нисколько не намерен нарушать союз.

Ллойд Джорджс.—Ваш уход, однако, является весьма серьезным фактом, потому что он совпадает с прибытием врагов, явившихся для подписания мира. Я считаю ваш шаг очень вредным и хотел бы, чтобы было сделано все возможное, чтобы избежать его.

Орландо.—Я не знаю, что можно было бы сделать.

Ллойд Джордж.—Не думаете ли вы, что можно было бы сделать последнюю попытку и постараться достигнуть соглашения сегодня же?

Орландо.—Мне представляется затруднительным достигнуть соглашения в течение нескольких часов.

Ллойд Джордж.—Меня заботит также серьезное положение, которое может возникнуть между вами и Америкой. Италия и Европа абсолютно нуждаются в Америке, и разрыв с вами может повести к самым серьезным последствиям. Я боюсь, что послание Вильсона вызовет в Италии манифестации и взрыв страстей, которые принесут один лишь вред. Если одновременно или вскоре после опубликования послания можно было бы объявить, что переговоры возобновились или, лучше того, что соглашение достигнуто, положение возможно было бы спасти.

Орландо.—Я понимаю всю серьезность вашего совета, и я согласился бы остаться несколько дней, но следовало бы сделать сообщение, из которого явствовало бы, что вы и Клемансо просили меня остаться.

Ллойд Джордж.—Не возражаю против этого. Можно было бы поступить следующим образом: «По просьбе г. Клемансо и г. Ллойд Джорджа г. Орландо согласился отложить свой отъезд из Парижа, предполагая возобновить переговоры для разрешения вопроса о Далмации и Фиуме».

Орландо.—Полагаю, что было бы лучше включить в коммюнике также слова: «по просьбе президента Вильсона».

Керр, сопровождавший сегодня утром Ллойд Джорджа в гостиницу «Эдуард VII», вручает мне свое письмо, датированное сегодняшним числом.

Письмо это, касающееся сообщения, сделанного Орландо вчера вечером Ллойд Джорджу и другим, уточняет, что «итальянское предложение было рассмотрено тремя державами и что он уполномочен г. Ллойд Джорджем заявить, что соглашение невозможно до тех пор, пока Италия требует суверенитета над Фиуме, но что он, Ллойд Джордж, полагает, что по другим пунктам было бы возможно договориться».

По правде говоря, вчера в присутствии Челлере я слышал нечто иное; к этому и относилась фраза во вчерашнем письме Орландо о том, что г. Керр, секретарь г. Ллойд Джорджа, сделал итальянской делегации сообщение «от имени трех держав—союзных и присоединившейся».

Готовлю для Керра мое письмо в этом смысле, но, выслушав Соннино, не отправляю его, ибо теперь это бесполезно.

В полдень Керр приносит текст сообщения, согласованного сегодня утром между Ллойд Джорджем и Орландо, с указанием, что просьба об отсрочке отъезда Орландо сделана также от имени президента Вильсона.

Итальянская делегация посылает меня к Ллойд Джорджу со следующим сообщением: «Итальянская делегация принимает полученное обращение, но полагает, что было бы в интересах дела, чтобы эта последняя попытка соглашения была сделана до полудня. Итальянская делегация готова к услугам союзников и присоединившейся державы для ведения тех переговоров, которые могут иметь место в послеполуденное время».

Назначаю заседание на 16 часов; однако, по совету Салландры, уже не у Вильсона, как обычно, ввиду позиции, занятой им в деле с опубликованием послания, а у Ллойд Джорджа.

В мое отсутствие, в то время когда я передавал предписанное мне сообщение, Бардзилаи защищал в делегации ту мысль, что теперь уже не следует входить в рассмотрение вопроса.

Думаю, что Соннино, наоборот, хотел бы, чтобы были сделаны конкретные предложения со стороны союзников в соответствии с этим сообщением, но, повидимому, Соннино умолчал об этом.

К Ллойд Джорджу отправляемся в одной машине: Орландо, Соннино и я. Молчание в течение всего пути.

16 часов.—На заседании, кроме обычных участников, присутствует американский секретарь Клоз.

Ллойд Джордж спрашивает Орландо, не имеется ли у него предложений.

Орландо.—Должен заявить, что я с максимальным вниманием обсудил положение, которое представляется несомненно весьма серьезным. Я имел два телефонных разговора с моими коллегами в Риме и должен заявить, что положение создалось весьма мучительное. Но есть вопрос, который следует разрешить даже раньше территориальных вопросов, а именно вопрос о впечатлении, произведенном посланием президента Вильсона. Я должен заявить, что мое уважение и личная дружба к президенту Вильсону, которую я старался всячески ему засвидетельствовать, заставляют меня думать, что, направляя ко мне послание, он руководился только дружескими намерениями. Но в политике приходится, кроме того, считаться с общественными настроениями, которые нередко выходят за пределы действительного положения вещей. В этом документе невозможно усмотреть что-либо, что не было бы выражением дружбы и любезности, но на публику он производит такое впечатление, что призыв, обращенный к итальянскому народу или даже к заинтересованным народам, ставит под сомнение помимо его воли мой авторитет как представителя итальянского народа. Такое впечатление создалось у всех в Италии и в Риме; это ставит меня в деликатное положение, поэтому мне необходимо вернуться к источнику моего авторитета. Если я решил уехать, то обстоятельство это никакого отношения к вопросам территориальных соглашений не имеет. Я вовсе не думаю о разрыве, но я обязан вернуться к своему народу, для того чтобы

установить, с какими полномочиями я могу принимать участие в конференции. Вопросы территориальные отходят на второй план. Вы могли бы предоставить то, о чем я просил вчера, я же не смог бы повторить свои слова. Я должен был бы заявить, что я обязан вернуться в Рим. Я должен удостовериться, каковы мои полномочия. Я не уверен, что после всего случившегося я имею право принимать или отвергать что бы то ни было.

Вильсон.—Г-н Орландо выступил с удивительным изложением своей позиции; я могу уверить его, что выраженные им чувства пользуются взаимностью. Ничего, кроме уважения, я не испытываю к тому, что было им сказано. Ничто не может оказать влияния на наши отношения, но я нахожу весьма благородным тот способ и ту форму, в которой он пожелал выразить свои чувства, и благодарю его за это.

Есть одна сторона вопроса, которая никогда не входила в мои намерения, а именно обращение к итальянскому народу против него. Этого у меня никогда не было в мыслях. Я пользуюсь этим случаем, чтобы изложить мотивы, побудившие меня опубликовать этот документ. Я должен напомнить г. Орландо, что моя позиция в этом вопросе была неизменна с самого первого момента. В течение всех этих месяцев высказывались сомнения со стороны публики, не принимавшей участия в обсуждении вопроса. Во Франции, Италии и Америке печатались вещи, выставлявшие меня и мой народ в ложном свете, и мне необходимо было выступить с этим заявлением, чтобы показать моему народу, каковы принципы, на которых основывается мое поведение. Кроме того, следовало рассмотреть, какое впечатление создалось в других государствах ввиду этих произвольных толкований. Я очень рад тому, что было сказано г. Орландо относительно как его поездки в Рим, так и его намерения не порывать с союзниками и присоединившейся державой. Уход великого Итальянского королевства с конференции в момент подписания мира с Германией явился бы роковым шагом, и я рад был узнать, какова цель поездки г. Орландо в Рим. Там он изложит свою точку зрения. Он говорил мне о своих впечатлениях, и я признаю его желание возвратиться домой, с тем чтобы узнать, чего желает его народ. Я надеюсь и жду, когда будет опубликовано, какая именно необходимость вынуждает его вернуться в Рим, т. е. станет известно, что этот его шаг вызван его желанием выяснить положение, а не стремлением уйти с конференции в этот критический момент.

Орландо.—Я благодарю президента Вильсона за его благородное заявление. Его желание дать мне эти разъяснения продиктовано его доброжелательством, так как я уже заявлял о том, что всякое недружелюбное отношение ко мне я исключаю, а также тем, что он так хорошо понял мотивы моего отъезда. В дополнение скажу со всей откровенностью, что, если бы даже не возникло это положение, было бы, быть может, хорошо с моей стороны отпра-

виться для возобновления связи с моим народом. Напомню, что в определенный момент президент Вильсон сам мне советовал отправиться в Рим изложить там положение моей страны. Теперь это стало необходимо. Опубликование послания сделало повсеместно известной необходимость моей поездки, которая до сих пор только подразумевалась. У нас имеются расхождения по вопросам, непримиримость которых доказана опытом. Я желал бы известить об этом мой народ, и я заинтересован в отсрочке решения этого вопроса. Я изложу положение в отношении соглашений, которые можно было бы заключить как с одобрения президента Вильсона, так и путем соблюдения Лондонского договора. Я говорю, как друг своему другу. Италия превратила вопрос о Фиуме в национальный вопрос. Америка и союзники заявили, что они не могут дать своего согласия. Поэтому придется решать итальянскому народу. Он увидит, можно ли примириться с этой жертвой. Положение остается весьма серьезным, но оно будет разъяснено; мы извлечем по крайней мере эту выгоду.

Вильсон.—Я прошу г. Орландо выявить в своих заявлениях парламенту также позицию Соединенных штатов, с точки зрения которых поддержка Лондонского договора—не в интересах взаимоотношений Италии и Югославии и не в интересах всеобщего мира. Как бы я ни желал притти к соглашению, я должен быть откровенным и сделать эту оговорку.

Орландо.—В моих заявлениях итальянской палате депутатов я напомню не только содержание послания президента Вильсона, но также о том, какие заключения были выведены мною из частных с ним разговоров, равно как и о меморандуме, который он недавно мне вручил, разрешив мне воспользоваться им в итальянском парламенте.

Клемансо.—Прошу разрешить мне изложить свою точку зрения, которая является равным образом точкой зрения г. Ллойд Джорджа в вопросе о Фиуме. Лондонский договор связал нас с Италией в вопросе о некоторых территориях, но он обязал нас также по отношению к славянам, которым по этому договору передается Фиуме. Если мы не можем изменить нашему слову по отношению к Италии, мы не можем сделать этого также и по отношению к славянам.

Ллойд Джордж.—Согласен. Но, кроме того, нельзя отрицать, что после подписания Лондонского договора возник новый элемент: вступление в войну Соединенных Штатов Америки, совершенно свободных от каких бы то ни было соглашений и обязательств перед остальным миром. Это не меняет нашей точки зрения о Лондонском договоре, но при некоторых обстоятельствах это повело бы к пересмотру вопроса о Фиуме. Ввиду сложившихся обстоятельств я считаю себя свободным взять на себя ответственность за внесение изменений в Лондонский договор в вопросе о Фиуме. По Лондонскому договору Фиуме передается Хорватии.

Если Италия внесет изменение относительно Далмации, мы будем вправе внести изменение касательно Фиуме. Изменение это будет заключаться в превращении Фиуме в свободный порт, контролируемый самим итальянским, венгерским и славянским населением, с предоставлением всем близлежащим территориям, обслуживаемым его портом, одинаково свободного выхода к морю. В этих пределах я считаю себя вправе внести изменения в Лондонский договор, если союзники будут согласны. Я не могу требовать, чтобы г. Орландо не ездил в Рим; я сам недавно вынужден был отправиться в Лондон по обстоятельствам менее важным, но я хотел бы знать, какова будет тем временем позиция Италии. Если бы речь шла о нормальной неделе, никакого неудобства отсутствие г. Орландо не представило бы, но в ближайший вторник немцы, вероятно, будут здесь. Наш главный противник, единственный противник, до сих пор стоящий на ногах, будет здесь. Если г. Орландо тут не будет, быть может, будет Соннино? Когда г. Орландо сможет выслушать мнение парламента?

Орландо.—Я мог бы созвать его на 28 апреля.

Ллойд Джордж.—Немецкие делегаты смогут быть здесь во вторник. Будет ли Италия тем временем проконсультирована? Имеется вопрос о репарациях. Вчера английские и итальянские эксперты приняли совместные решения, но итальянские делегаты не были представлены на совещании Верховного совета, на котором должно было быть принято окончательное решение. Сегодня должно состояться решение. Можно ли выносить решения в отсутствие Италии? Полагаю, что невозможно. Я думаю, что народы в общем больше заинтересованы в экономических, а не территориальных вопросах, которыми интересуются особенно газеты и специальные лица, занимающиеся внешней политикой. Затем в вопросе об угле Франция представлена г. Лушером; будет ли Италия представлена г. Креспи? Должна ли Италия не быть при этом представленной? Имеются серьезные вопросы, касающиеся экспорта немецкого угля. Имеют ли союзники право выдвигать требования от имени Италии, которая при этом не будет представлена? Хочет ли Италия, чтобы мы занялись разрешением касающихся ее вопросов? Будет ли она согласна с тем, что нами будет принято от ее имени, или она скажет, что мы не имели никакого права давать согласие? Имеется также вопрос об общем кредитовании мероприятий, направленных к восстановлению нормального течения жизни Европы. Примет ли Италия участие в соответствующей схеме? Кто будет обсуждать ее от имени Италии? Должны ли мы выдвигать итальянские требования? Или же мы должны итти своим путем и затем добавить итальянские требования? Так как Италия не была удовлетворена в вопросах о мире с Австрией, должна ли она не получить мира с Германией? Это проблемы, имеющие практический характер, на которые я желал бы получить ответ.

Клемансо.—После событий этих последних дней немцы смогли

бы обнаружить трения среди союзных держав; если итальянцы не будут представлены в Версале, это затруднило бы заключение мира.

Вильсон. — Надеюсь, что итальянская делегация останется. Я полагаю, что сказанное г. Ллойд Джорджем преследовало эту цель.

Ллойд Джордж.—Да, это было моей целью.

Орландо.—Принимаю к сведению заявление гг. Клемансо и Ллойд Джорджа относительно Лондонского договора, но сейчас не время входить по существу в разбор этого вопроса. Что касается замечаний г. Ллойд Джорджа, я признаю их практически правильными. Имеются два вопроса. Первый касается промежутка времени между нынешним моментом и подписанием договора с Германией. В течение последних недель договор этот был обсужден и условия его были в принципиальном порядке согласованы. Остается решить много серьезных вопросов. Однако я питаю доверие к союзникам и считаю, что, когда им придется обсуждать какие-либо вопросы, касающиеся итальянских интересов, они рассмотрят их с таким же беспристрастием, как если бы Италия была представлена здесь своим адвокатом. Я полагаюсь на них, как на судью, стоящего на страже справедливости в процессе, в котором одна из сторон не имеет защитника. Однако я мог бы поговорить со своими коллегами из делегации, чтобы исправить положение. Я мог бы оставить Креспи, который продолжал бы поддерживать контакт со своими коллегами. Во-вторых, еще стоит вопрос о нашем присутствии после прибытия немцев. Я читал в газетах, что они просили отложить переговоры на 1 мая.

Клемансо.—Об этом у меня не имеется официальных сведений. Все, что я читал в газетах, сводится к тому, что они могли бы уехать из Берлина до 28 апреля.

Орландо.—Я надеюсь, что мне удастся в самом ближайшем времени посоветоваться с парламентом. Я согласен с замечаниями гг. Ллойд Джорджа и Клемансо о том, что не следует вызывать в немцах впечатления, будто союзники менее сплочены, чем раньше, но, с другой стороны, поставленные на карту основные вопросы имеют настолько жизненное значение для Италии, что я предпочитаю пойти навстречу трудностям, на которые указывал г. Ллойд Джордж.

Клемансо.—Мне хотелось бы знать, будет ли Италия представлена на заседании с немцами.

Орландо.—Это будет зависеть от тех решений, которые будут приняты в Италии. Прошу отсрочки.

Вильсон.—Вопросы итальянской границы не имеют тесного отношения к миру с Германией; не вижу ничего противоречивого для Италии, если она примет участие в заключении мирного договора с Германией с необходимыми оговорками, касающимися мирного трактата с Австрией.

Ллойд Джордж.—Считаю, что если итальянцы не будут представлены, то, несмотря на их веру в своих союзников, будет невозможно выдвигать их требования. Если они не будут участвовать

в заседании 1 мая, если г. Орландо не получит согласия своего парламента на участие в названном заседании, каким образом могут быть выдвинуты их требования?

Клемансо.—Полагаю, что мы с трудом могли бы встретиться к этому сроку, ибо это потребовало бы внесения изменений в редакцию всего трактата.

Ллойд Джэрджс.—Немцы спросят, где же представители Италии. Мы не можем выставлять требования за Италию, это было бы возможно при участии итальянцев или же в том случае, если бы г. Орландо обратился к союзникам с письменной просьбой о представлении требований от имени Италии.

Орландо.—Если возражение г. Ллойд Джорджа рассматривать само по себе, на это может быть лишь один ответ: он прав. Я признаю невозможность внесения предложений со стороны не представленной на конференции державы. Вопрос этот должен быть тщательно рассмотрен, и решение должно быть принято сообразно с обстоятельствами. Я согласен с г. Ллойд Джорджем, что Италия, если она не будет представлена, не будет вправе выставлять какие-либо требования к Германии.

Я не согласен с г. Клемансо, что редакция статей должна подвергнуться большим изменениям, так как Италия лишь по немногим вопросам заинтересована в договоре с Германией, за исключением вопроса о репарациях.

Но возражение г. Ллойд Джорджа я рассматриваю в связи с требованием президента Вильсона, чтобы Италия приняла участие в заключении мира с Германией, отсрочив договор с Австрией. На это у меня имеется два ответа. Первый заключается в том, что общая интерпретация Лондонского договора 1915 г. и присоединение Италии к сентябрьской Лондонской декларации 1914 г.[18] подразумевают, что мир должен быть общим. Мир не был бы общим, если бы другие державы пользовались миром, а Италия не пользовалась. Верно, что президент Вильсон не связан этими пактами, но я должен указать вам, что вопрос должен быть рассмотрен с точки зрения общей справедливости не только союзниками, но и вместе с присоединившейся к ним державой, и что мир должен быть общим. С другой стороны, я должен указать президенту Вильсону, что при подписании мирного договора с Германией подписывается также статут Лиги наций. Одна из статей устава Лиги наций предусматривает взаимные гарантии, касающиеся территорий, подписавших этот пакт держав. Получилось бы, что Италия обязуется гарантировать чужие территории, не будучи сама гарантирована. Другое затруднение возникло из того факта, что в пакте Лиги наций имеется условие, направленное к предотвращению будущих войн и разрешению мирным путем конфликтов между государствами. Если Италия войдет в Лигу наций, это будет означать, что вопрос ее границ с южными славянами мог бы рассматриваться как вопрос, подлежащий разрешению Лигой наций,

а не как следствие победоносной войны. Это мне помешало бы подписать мир с Германией в том случае, если бы итальянские территориальные вопросы не были сначала разрешены.

Ллойд Джордж.—Если г. Орландо уезжает, необходимо решить, что следует сообщить печати.

Соннино.—Г-ну Орландо не легко будет выступить с точными заявлениями в итальянской палате, если не имеется предложений других сторон. Я полагал, что сегодня будут сделаны предложения, касающиеся последней точки зрения союзников и присоединившейся к ним державы, но президент Вильсон выступил с той же мыслью, которая была изложена им три или четыре дня назад, до того, как были внесены некоторые дополнительные предложения.

Г-н Ллойд Джордж говорил, что в вопросе о Фиуме он согласился с тем, чтобы внести изменения в известном смысле в статьи Лондонского договора, если Италия пожелает пойти на уступки. Повидимому, г. Клемансо придерживается иной точки зрения; он подтвердил, что Фиуме был обещан Хорватии.

Ллойд Джордж.—Идея превращения Фиуме в свободный город и отторжения его от хорватов является изменением, на которое мы согласны, если Италия расположена внести изменения в Лондонский договор.

Соннино.—Г-н Клемансо согласен с этим?

Клемансо.—Это моя точка зрения.

Вильсон.—В меморандуме, врученном мною на-днях г. Орландо, я одобрял идею превращения Фиуме в свободный город, как это указано на приложенной к нему географической карте.

Соннино.—В меморандуме президента Вильсона указываются другие границы, вроде Истрии, не соответствующие Лондонскому договору. Согласен ли президент Вильсон оставить эти границы, как они указаны в договоре? Я обращаюсь с этим вопросом исключительно в целях выяснения положения.

Вильсон.—В меморандуме я заявлял, какова должна быть позиция Соединенных Штатов, от которой я не желаю отдаляться. Надеюсь, что в своих заявлениях в итальянском парламенте г. Орландо соблаговолит сообразоваться с моим меморандумом.

Орландо.—Мне хотелось бы резюмировать мысль Соннино. Чтобы ясно изложить в парламенте положение, необходимо ознакомить его с заявлениями президента Вильсона в соответствии с его меморандумом, а также с заявлениями правительств, подписавших Лондонский договор. Теперь Соннино спрашивает, можем ли мы сделать в итальянском парламенте сообщение о решении, относительно которого два союзника и присоединившаяся к ним держава согласны между собой. Могу ли я заявить, что имеется решение, на которое все трое могут согласиться? Если вы не можете дать мне ответ сегодня, быть может, вы дадите мне его завтра. Могу ли я пока сказать, что союзники сообразуются с Лондонским договором?

Клемансо.—Могу ответить сейчас, равно как и г. Ллойд Джордж.

Орландо.—Относительно декларации, касающейся Лондонского договора, меня спросят: «Имеется ли у вас согласие президента Вильсона?»

Вильсон.—По этому поводу я должен ответить, что я не могу предлагать изменения принципов, являющихся основой моих заявлений, но могу рассмотреть предложения; до сих пор не делалось никаких предложений, по которым можно было бы договориться.

Ллойд Джордж.—Это не моя точка зрения. Г-н Клемансо и я пытались предложить среднюю линию, с тем чтобы поддержать союзника и сохранить мир, и пришли к заключению, что президент Вильсон был бы готов дать свое согласие в случае, если итальянские коллеги также выразят свое согласие. Я лично позволил себе заявить итальянцам, что так обстояло дело. Если я ошибся, я сожалею об этом. Я сообщил итальянским представителям, что если они готовы отказаться от своих прав на Далматинское побережье, оставляя Зару и Себенико в качестве свободных городов, и довольствоваться островами, за исключением тех из них, которые практически составляют часть материка, я полагал, что президент Вильсон не возражал бы, и можно было бы на этой основе достигнуть соглашения.

Вильсон.—Я никогда не брал на себя обязательства относительно такого соглашения; я только просил г. Ллойд Джорджа установить, согласны ли итальянцы обсудить вопрос на этой основе, причем был получен отрицательный ответ. Во всяком случае я остался при своем мнении. Мне жаль, если мне не удалось ясно высказаться.

Ллойд Джордж.—Вина всецело ложится на меня. У меня создалось впечатление, что если итальянцы примут это соглашение, то со стороны президента Вильсона не встретится никаких непреодолимых препятствий.

Вильсон.—Я хотел бы, чтобы мои итальянские друзья не думали, будто я не желаю обсудить все стороны вопроса. Я готов сделать это сто раз, если это необходимо.

Ллойд Джордж.—По тому, как президент Вильсон настаивал на том, чтобы Спалато и внутренние острова были оставлены вне обсуждения, у меня создалось впечатление, что он был бы готов принять остальное.

Соннино.—Это случилось позавчера, когда было выдвинуто неприемлемое для нас предложение. Мы вновь обсудили вопрос и нашли, что мы можем выдвинуть контрпредложение, заключающееся в следующем:

1. Линия Альп—до моря на восток от Волоски.
2. Суверенитет Италии над Фиуме с предоставлением крупных льгот и свобод в пользовании его портом.
3. Острова, предусмотренные Лондонским договором, за исключением острова Паго.

4. Признание Зары и Себенико свободными городами под мандатом Италии.

Мы получили ответ, что пункт о суверенитете над Фиуме неприемлем, но что остальное приемлемо.

Вильсон.—Вы полагали, что речь идет об общем соглашении?

Ллойд Джордж.—Я полагал, что именно таково было положение после утреннего заседания, за исключением вопроса о мандатах, о которых я забыл. Однако я полагал, что остальное было полностью принято.

Соннино.—Вчера днем мы узнали из сообщения, сделанного Керром графу Альдрованди, что требование о суверенитете над Фиуме неприемлемо, но что остальное могло бы быть одобрено. Тогда мы пожелали выяснить, чем бы был заменен суверенитет Италии над Фиуме. Я прошу Альдрованди сказать, был ли нами получен ответ.

Альдрованди.—Маркиз Империали был уполномочен выслушать мнение г. Ллойд Джорджа для выяснения международного положения Фиуме. Империали получил ответ в том смысле, что Фиуме будет превращен в свободный город, подчиненный Лиге наций.

Вильсон.—Г-н Ллойд Джордж, вышедший во время совещания навстречу прибывшему к нему послу Империали, вернулся в помещение, где мы обсуждали вместе с нашими консультантами вопрос о репарациях, и информировал нас о содержании сообщения посла. Однако по поводу ответа на это сообщение он со мной не советовался.

Соннино.—У меня получилось такое впечатление, что Фиуме должен быть объявлен свободным городом с широкой прилегающей к нему зоной.

Ллойд Джордж.—Это—предложение, содержащееся в документе президента Вильсона.

Вильсон.—Барон Соннино говорил, что нам было послано сообщение в течение вчерашнего дня, в то время когда мы советовались с нашими консультантами о репарациях. Мне помнится только, что г. Ллойд Джордж вышел из комнаты, чтобы видеть маркиза Империали и, вернувшись, сообщил только г. Клемансо и мне о том, что требовал маркиз Империали. Барон Соннино сказал, однако, что он получил сообщение.

Клемансо.—Я не посылал никакого сообщения.

Ллойд Джордж.—Мы долго обсуждали вопрос на утреннем заседании. Я не говорил ничего такого, что не соответствовало бы тому, о чем мы уже договорились. Единственный пункт расхождения касался мандатов, и по этому вопросу возникла неясность, но не со стороны графа Альдрованди. Это была моя вина; я забыл упомянуть о мандатах в связи с Зарой и Себенико. Все остальное явствовало из утреннего разговора. Маркиз Империали хотел узнать от меня, каково было бы положение Фиуме, если бы суверенитет над ним принадлежал не Италии.

Я ответил ему, что город Фиуме остался бы подчиненным Лиге наций. Другой вопрос маркиза Имперпали касался дипломатического представительства от Фиуме, и я ответил, что населению Фиуме следовало бы самому заняться этим.

Соннино.—В доставленном нам маркизом Имперпали ответе указывалось, что Фиуме будет свободным городом, подчиненным Лиге наций. Мы приступили к обсуждению этого ответа, но в это время нам принесли газеты с опубликованным в них посланием Вильсона. Это меняло все положение, и мы не отослали ответа на доставленные г. Керром предложения, но отправили союзникам другое сообщение. Сегодня в гостиницу «Эдуард VII» прибыл г. Ллойд Джордж посоветоваться о возможности достижения соглашения в течение текущего дня. Мы благодарили г. Ллойд Джорджа за его участие. Я предполагал, что, придя сюда, мы найдем здесь какое-либо предложение Трех. Тогда мы смогли бы сказать парламенту что-либо более определенное. Бесполезно заявлять ему, что двое из союзников готовы сделать что-либо, а третий—нет.

Ллойд Джордж.—Я оказываюсь в обычном для меня неприятном положении человека, желающего найти разрешение вопроса при наличии двух трудно примиримых сторон. Однако я еще надеюсь сделать какое-либо предложение. Но, как я понял, что бы ни было предложено, двое моих итальянских коллег не имеют пока возможности принять предложение.

Соннино.—Мы находимся в весьма затруднительном положении, но я хотел бы точно знать размеры разделяющего нас расстояния.

Ллойд Джордж.—Я понимаю затруднительное положение, в котором оказывается президент Вильсон, заявляющий, что он выразил свое согласие, между тем как он не может примирить этого согласия со своими принципами. Итальянские представители могут возвратиться в Италию с предложением, согласованным между тремя их коллегами, но тогда они могут оказаться в совершенно другой атмосфере, в условиях которой понятна только одна точка зрения. Поэтому я вполне понимаю трудность для президента Вильсона заявить a priori [заранее] итальянским представителям, на что он мог бы дать свое согласие. У меня самого имеется большой опыт в области споров между промышленниками и рабочими. Я всегда говорил: «Хотите ли вы, рабочие, взять на себя ответственность за принятие данного предложения, если другая сторона поступит так же?» Теперь я говорю то же самое итальянским представителям: «Берете ли вы на себя ответственность рекомендовать то, что было бы здесь временно установлено?»

Соннино.—Да, в том случае, если это будет приемлемо.

Орландо.—Я не думаю, чтобы у меня было право давать согласие на какое бы то ни было предложение; это противоречило бы заявлению, сделанному мною в начале настоящего заседания. Я должен изложить перед парламентом мое положение. Я обра-

щался к трем державам, из коих две союзные и одна присоединившаяся, с вопросом, имеется ли у них проект, получивший их одобрение. Они дали мне отрицательный ответ. В последнем их предложении, как я его понял, они говорили о превращении Зары и Себенико в свободные города, о передаче Италии островов и о признании Фиуме свободным городом, но они забыли об одном пункте, а именно об Истрии. Для Италии важно, чтобы границы спускались вплоть до Волоски.

Соннино.—Предложение, как мы его поняли, предусматривало всю Истрию до линии на восток от Волоски. Г-н Ллойд Джордж спрашивал, согласятся ли итальянцы принять предложение, если бы имелось согласие трех держав. Он желал узнать, сможем ли мы рекомендовать принятие такого предложения. Я ответил, что если предложения будут приемлемы, мы их будем рекомендовать. Г-н Ллойд Джордж разъяснил затруднительность для президента Вильсона выдвинуть точное предложение. Однако надежда на успех невелика, если придется излагать весь вопрос парламенту, не получив предварительно подробно разработанной основы.

Ллойд-Джордж.—Если итальянские министры не готовы принять на себя ответственность за то, чтобы рекомендовать предложение парламенту, бесполезно обсуждать дальше вопрос, так как мы не оказались бы на равной ноге с нашими итальянскими коллегами.

Соннино.—Если мы сможем получить план, который мы признаем приемлемым, мы сможем сказать, что согласны всячески рекомендовать его.

Орландо.—До сих пор мы, однако, не получали никакого предложения в этом роде.

Вильсон.—Г-н Орландо должен будет разъяснить трудное положение, в котором находятся различные нации. Великобритания и Франция связаны договором, а Соединенные Штаты—известными принципами. Он должен будет разъяснить эту ситуацию в парламенте и спросить: «Уполномочен ли я вернуться в Париж и урегулировать все наилучшим способом?» Я не думаю, что было бы правильно формулировать предложение, которое г. Орландо мог бы выдвинуть перед парламентом.

Соннино.—Опасность заключается в следующем: допустим, что парламент подтвердил свое доверие к нам и мы вернулись сюда с предписанием найти разрешение вопроса, но нам не удалось найти его. Положение будет гораздо хуже. Если бы сегодня было сделано предложение и мы нашли бы его приемлемым, мы тогда знали бы, на чем следует базировать наши сообщения и предложения парламенту. В противном случае мы возвратимся сюда с мандатом, но без всякой вероятности найти разрешение вопроса.

Орландо.—Я согласен с президентом Вильсоном. События последних дней разъяснили положение. Почему должны мы оказывать давление на президента Вильсона? Положение должно

оставаться таким же, как вначале. Что станет делать парламент? Я не скажу: «Решайте как вам нравится». Кабинет должен иметь свое мнение. И я выскажу его. Или парламент подтвердит свое доверие, или придут другие. Но я надеюсь, что как в том случае, когда я обратился с призывом к итальянскому народу после Капоретто, на каковой призыв последовал единодушный ответ итальянского народа, так и в настоящем случае итальянский народ выкажет свою единодушную волю. Президент Вильсон получит более ясные основания для своего решения.

Соннино (к Орландо).—Я не нахожу этого.

Вильсон.—Я думаю, что было бы великолепно занять такую позицию. Г-н Орландо, положим, скажет, что Вильсон, опубликовавший свои предложения, готов теперь от них отказаться, каково будет в этом случае мнение в Италии?

Соннино.—Вы одобрите заключение соглашения с южными славянами. Последовать совету президента Вильсона было бы опасно, потому что мы не можем сказать в палате: «Окажите нам доверие во всем, что бы ни случилось». Будет гораздо труднее притти к соглашению после того, как мы побываем в парламенте. Если бы возможно было найти решение теперь же, нам было бы гораздо легче выступить перед нашим парламентом.

Ллойд Джордж.—К несчастью, здесь происходит столкновение принципов. Имеются принципы президента Вильсона, с которыми я согласен и которые я защищал, несмотря на известное противодействие; затем существует принцип, в силу которого подписанные международные договоры должны уважаться, и это нас снова приводит к тому самому принципу, который послужил одной из главнейших причин, приведших к нынешней войне. Я не понимаю, какая опасность может скрываться в компромиссе; в подобных случаях лучшее, что можно сделать,—это достигнуть лучшего соглашения и лучшего компромисса. Сделанное мною предложение не нарушало никакого принципа—ни принципа Италии, ни принципа президента Вильсона. Я не знаю, какой способ является наилучшим для получения одобрения в итальянском парламенте, но я знаю британский парламент, в котором я участвую уже 30 лет, и со своей стороны хотел бы знать, где я нахожусь и ради чего я должен работать.

Клемансо.—Согласен.

Ллойд Джордж.—Я не мог бы, например, отправиться в парламент и просить свободу действий по вопросу о репарациях.

Соннино.—Именно это я и имею в виду.

Вильсон.—Однако г. Ллойд Джордж поступил не так с английским парламентом в вопросе о репарациях.

Ллойд Джордж.—Это не так. Я смог успокоить английский парламент, так как я точно знал, что я близок к разрешению вопроса. Иначе английский парламент не выразил бы мне своего доверия, полагая, что и я не питаю доверия к самому себе.

Вильсон.—Итальянские представители могли бы сказать в парламенте, что ни союзные державы, ни присоединившаяся к ним держава не могут согласиться на передачу Фиуме Италии. Англичане и французы как союзники чувствуют себя обязанными выполнить свое обещание. Что касается возможности соглашения, итальянские делегаты могли бы сказать, что я понимаю их затруднительное положение и готов принять любое соглашение, соответствующее моим принципам, хотя я никакого предложения не могу выдвинуть.

Ллойд Джордж.—Мне кажется, что положение президента Вильсона заключается в следующем: он не хочет делать предложений, но настаивает на четком зафиксировании того, что Фиуме не должен перейти к Италии.

Вильсон.—Должен напомнить моим коллегам, что итальянскому парламенту никогда не была известна позиция правительства Соединенных Штатов, как она была указана в моем меморандуме. Содержащиеся в меморандуме мои предложения имеют не только отрицательный, но и положительный характер. Предложения эти предусматривают необходимые меры для обеспечения безопасности восточных берегов Адриатики. В целях преодоления этих трудностей в предложениях указывалось на необходимость принятия соответствующих мер и предусматривалось ограничение вооружений, разрушение укреплений и другие мероприятия. Поэтому мои предложения были и положительного и отрицательного порядка. Мне бы хотелось, чтобы итальянский парламент узнал о том, что было мною сказано по этому поводу.

Бардзилаи зовет меня к телефону и сообщает: «Мы в большой тревоге по поводу происходящего. Выезжаем».

Докладываю об этом Орландо, который встает, заметив, что ему уже время отправляться к поезду.

Орландо и Вильсон прощаются: Вильсон—более холодно, Орландо—более сердечно.

Во время заседания выявилось расхождение, по крайней мере относительно метода, между Орландо и Соннино, которые предварительно не договорились между собой.

Ллойд Джордж временами выказывал некоторое замешательство в связи с тем, что выявлялись неточности в его сообщениях, сделанных им вне конференции. Временами, когда ему казалось затруднительным дать ответ или разъяснение, он выходил на несколько минут из комнаты (чтобы спросить Керра?). Но эти его «неточности» были, вероятно, вызваны стремлением принести пользу делу и являлись приемом искусного ведения переговоров.

По отъезде Орландо Хэнки передал мне документ, подписанный вчера Клемансо и Ллойд Джорджем. Документ этот озаглавлен «Фиуме и соглашение о мире». Он состоит из шести тщательно отредактированных страниц. Нам известно также, что он составлен Бальфуром.

В нем автор старается предотвратить возможность разрыва Италии со своими союзниками и просит итальянских делегатов пересмотреть свою политику в отношении соседей-славян, в особенности в части, касающейся Далмации и Фиуме*.

Орландо, Сальваго, Бардзилаи и Диац выехали сегодня вечером в Рим. Провожает большая толпа итальянцев и французов. Орландо в качестве прощального приветствия произнес, выглядывая из окна вагона: «До скорого свидания».

Газета «Petit Parisien» опубликовала послание Орландо следующего содержания:

«Покидая Францию, считаю необходимым обратиться к французской нации и ее премьер-министру Клемансо с выражением искреннейшей благодарности за братское гостеприимство, оказанное мне в Париже великодушной Францией—нашей вчерашней и завтрашней союзницей».

Агентство Рейтер опубликовало ночью нижеследующее сообщение, полученное британской делегацией:

«Перед отъездом в Рим гг. Орландо и Соннино имели беседу с президентом Вильсоном и гг. Ллойд Джорджем и Клемансо. В течение беседы все присутствующие проявили сильнейшее стремление к достижению разрешения обсуждавшейся проблемы.

Главы английского, американского и французского правительств выразили г. Орландо надежду, что итальянский парламент окажет им помощь в достижении названного решения.

Эта беседа происходила в доме г. Ллойд Джорджа».

Пятница, 25 апреля.

Соннино не желает никого видеть, даже японского посла, который ввиду притязаний его страны на Шаньдун[19], внимательно следил в течение этих дней за нашим положением и явился выразить свои симпатии; Соннино не желает видеть даже Баррера.

Во французской прессе появилось сообщение о том, что Соннино не покинет Парижа.

Суббота, 26 апреля.

Отъезд из Парижа в 14 часов.

Пишон прибыл на вокзал проститься с Соннино, уезжающим вместе с Саландрой.

Директивы Кэ д'Орсе французской печати—«Roses sur l'Italie; ménager l'Amérique» [«Осыпать розами Италию; не затрагивать Америку»].

Воскресенье, 27 апреля.

Соннино, хотя и против своего желания, говорил вчера ночью в Турине, сегодня—на станциях Кьявари, Пиза, Гроссето.

---

* Документ этот был опубликован Р. С. Бэкером в книге «Woodrow Wilson and World Settlement», v. III, p. 231.

Большая демонстрация по прибытии в Рим (21 час).

Толпа на всем пути настолько велика, что проходит два часа, прежде чем нам—Соннино, Борсарелли и мне—удается добраться на автомобиле от вокзала до Консульты, где Соннино снова выступает.

Центральный пункт его речей «Неоспоримые права национальности; неотъемлемые права на обеспечение безопасности; будем едины и победим».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В этом послании Вильсон протестовал против присоединения Фиуме к Италии, мотивируя это тем, что обстановка со времени заключения Лондонского договора коренным образом изменилась ввиду исчезновения Австро-Венгрии как государства и возникновения на ее месте ряда самостоятельных равноправных государств. Передача Италии Фиуме означала бы, как указывалось в послании, лишение Чехо-Словакии, Югославии и Венгрии выхода к морю, подчинение их торговли и промышленности итальянскому контролю, что противоречило бы новому порядку содружества наций. В ответ на это послание итальянская делегация покинула конференцию и вернулась лишь через две недели.

[2] Речь идет о том, что Лондонский договор, заключенный без Югославии, не мог быть обязательным для нее.

[3] *Миланские события в апреле 1919 г.*—15 апреля в Милане во время митинга произошло вооруженное столкновение рабочих с полицией. В тот же день началась всеобщая стачка. В Милане имели место уличные бои. Движение распространилось на Турин, Геную, Болонью и Брешию. 18 апреля стачка была подавлена.

[4] *Киао-Чао (Цзяочжоу)*—бухта с портом Цингдао в Шаньдуне (Северный Китай). Была захвачена в 1897 г. Германией. Германии удалось нейтрализовать противодействие царизма, согласившегося санкционировать захват Киао-Чао в обмен на захват Порт-Артура (в начале 1898 г.). Толкая царское правительство на захватническую политику на Дальнем Востоке, германское правительство стремилось отвлечь силы России от Европы, где Германия тем самым получала более широкие возможности в борьбе с Францией. Во время мировой войны 1914—1918 гг. Киао-Чао было захвачено Японией, но затем, по решению Вашингтонской конференции 1921—1922 гг., было возвращено Китаю.

[5] *Острова Керсо и Луссин*—расположены в северо-восточной части Адриатического моря, между Истрией и Хорватией. По Сен-Жерменскому договору эти острова перешли от Австрии к Италии.

[6] *Мир в Кампо-Формио* между Францией и Австрией 17 октября 1797 г. В результате этого мира (после сражений при Лоди, Арколе и Риволи, в которых Наполеон разбил австрийцев) Австрия должна была отказаться от Бельгии, левого берега Рейна и Ломбардии.

[7] *1859 г.*—имеется в виду война между Францией и Италией с одной стороны и Австрией—с другой. Война началась в апреле 1859 г. В сражениях при Мадженте (4 июня) и Сольферино (24 июня) австрийцы были разбиты соединенной франко-итальянской армией. После этого Наполеон III, опасавшийся развития национально-освободительного движения в Италии, принявшего революционный характер, а также вмешательства Пруссии в пользу Австрии, начал сепаратные переговоры с Австрией вопреки настояниям

Виктора-Эммануила II, короля Сардинии и союзника Наполеона III. 11 июля произошло свидание Наполеона III с австрийским императором Франц-Иосифом в Виллафранке. В результате этого свидания был подписан договор о перемирии, а затем, в ноябре 1859 г., мирный договор в Цюрихе. По этому договору Ломбардия была уступлена Австрией Сардинии, но Венеция осталась в составе Австрийской империи. За помощь в войне с Австрией Виктор-Эммануил II вынужден был отдать Франции Савойю и Ниццу. Война 1859 г. и ее результаты вызвали разочарование итальянского народа, боровшегося за полное освобождение Италии от австрийского гнета.

[8] *События 1866 г.*—имеется в виду австро-прусская война и участие в ней Италии. Для Бисмарка было чрезвычайно важно, чтобы Италия отвлекла часть австрийских войск и, таким образом, способствовала победе Пруссии над Австрией. Итальянские войска, а равно и флот потерпели ряд поражений со стороны Австрии, однако австрийские войска в известной мере были оттянуты для борьбы с Италией и это позволило Пруссии разбить Австрию при Садове. В результате войны 1866 г. Австрия уступила Италии Венецианскую область.

[9] *Декларация Вильсона от 21 мая 1918 г.*—речь идет, очевидно, о послании Вильсона от 23 мая 1918 г., в котором он приветствует Италию в связи с трехлетием со дня ее вступления в войну.

[10] В начале первой мировой войны бывший германский рейхсканцлер князь Бюлов был послан в Рим, где от имени Германии и Австрии вел переговоры с итальянским правительством в целях удержания его от выступления на стороне держав Антанты. В случае если бы Италия согласилась сохранить нейтралитет, Бюлов предлагал ей следующие компенсации: населенную итальянцами часть Тироля, а также Градиску и западный берег Изонцо, где имеется чисто итальянское население. Триест должен был стать имперским свободным городом с итальянским университетом и итальянским муниципалитетом. Австрия соглашалась признать суверенитет Италии над Валоной и готова была заявить о своей политической незаинтересованности в Албании.

Эта программа уступок, на которую австрийцы шли весьма неохотно, была значительно меньше того, что предлагали державы Антанты на случай присоединения Италии к ним.

[11] Ллойд Джордж имеет в виду вторжение Юлия Цезаря в Британию и высадку его на островах.

[12] Ллойд Джордж имеет в виду англо-бурскую войну 1899—1902 гг.

[13] *Под границами 1815 г.* имеются в виду границы, к которым была сведена Франция на Венском конгрессе в 1814—1815 гг. В отношении границ Франции этот конгресс подтвердил условия мирного договора, подписанного 30 мая 1814 г. в Париже между Францией и союзниками (Англия, Австрия, Пруссия и Россия). Франция должна была отказаться от всех территорий, завоеванных ею в эпоху Республики и Империи, и была возвращена к границам, существовавшим до 1792 г.

[14] *Боши*—презрительная кличка по адресу немцев, распространенная во Франции во время и после первой мировой войны.

[15] «*Лондонская декларация*» России, Великобритании, Италии и Франции о незаключении сепаратного мира была подписана в Лондоне 26 апреля 1915 г. В декларации сказано: «Французское, великобританское, итальянское и российское правительства взаимно обязуются не заключать

сепаратного мира в течение настоящей войны. Четыре правительства соглашаются, что, когда наступит время обсудить основы мира, ни одна из союзных держав не сможет устанавливать мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников».

[15] «*Данцигский статут*»—имеется в виду отдел II Версальского договора, определяющий положение Данцига в качестве вольного города. Статья 102 Версальского договора гласила: «Главные союзные и присоединившиеся державы обязуются образовать из города Данцига, с указанной в статье 100 территорией, Вольный город. Он будет поставлен под защиту Лиги наций».

[17] «*Саарский статут*»—имеется в виду статут Саарской области (бассейна), изложенный в отделе IV Версальского договора. Согласно этому статуту, Саарская область должна была управляться особой комиссией Лиги наций во главе с французом. Через 15 лет после ратификации договора в Сааре должен был быть произведен плебисцит с целью определения дальнейшего положения этой области. (Как известно, в 1935 г., в результате голосования, фальсифицированного германскими фашистами, Саарская область была передана Германии).

[18] 5 сентября 1914 г. уполномоченными России, Англии и Франции было подписано в Лондоне соглашение о незаключении сепаратного мира. Текст его гласил: «Российское, английское и французское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны. Три правительства соглашаются в том, что, когда настанет время для обсуждения условий мира, ни один из союзников не будет ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников».

[19] *Японские притязания на Шаньдун.* В январе 1915 г. Япония предъявила Китаю известные «21 требование», причем в Шаньдуне она домогалась передачи ей всех германских владений, прав и концессий, открытия ряда новых вольных портов и обязательства со стороны Китая не передавать никаких территорий третьей державе. Эти же требования она поддерживала и после войны на Парижской мирной конференции.

VII

МИР С АВСТРИЕЙ

(2 мая—2 июня 1919 г.)

Настоящую главу точнее следовало бы назвать «Прелиминарные условия мирного договора с Австрией»; в ней содержатся отрывки из моего Дневника, начинающиеся 2 мая—днем получения нами в Риме известия о том, что союзники и присоединившиеся к ним державы, не предупредив нас, пригласили австрийцев для вручения им мирных условий; выписки эти заканчиваются 2 июня, когда эти условия, либо отдельные места из них были действительно вручены австрийцам в Сен-Жермен-ан-Лэ [1].

Когда приглашение, подписанное Клемансо от имени Верховного совета и союзных и присоединившихся к ним держав, было отправлено австрийцам, ни одно из условий мира с Австрией не обсуждалось еще Верховным советом; если же это и имело место, то Италия, как и в момент приглашения австрийцев, не получала об этом никаких сведений.

7 мая, в день возвращения итальянской делегации в Париж, мирные условия были вручены Германии. По окончании заседания с немцами в том же Трианонском дворце [2] собрались Четверо, и Франция и Англия поделили между собой богатую колониальную добычу, доставшуюся им от Германии. После чего, так же как и на утреннем заседании, в течение небольшого промежутка времени было решено приступить к обсуждению условий мира с Австрией.

То, что больше всего интересовало Францию, Англию и Соединенные Штаты на мирной конференции, было уже ими получено. Вильсон и Ллойд Джордж желали поскорее покинуть Париж, где единственным и главным образом их удерживала необходимость узнать, подпишет ли Германия продиктованные ей условия.

Условия мира, которые должны были быть продиктованы Австрии, были формулированы в период этой неуверенности и изучения тех проблем, которые могли бы возникнуть в случае отказа немцев, в период бессистемного и частичного рассмотрения положения, создавшегося в Турции и России. В качестве образца были приняты условия, сформулированные для предъявления Германии, за исключением изменений и смягчений, продиктованных особыми обстоятельствами, равно как и изменений, вызванных раз-

решением особых проблем, возникших вследствие развала австро-венгерской монархии, главным образом проблемы создания новых государств.

Ллойд Джордж, которому еще больше, чем Вильсону, хотелось уехать из Парижа, активно принялся за дело и при помощи своего бесподобного секретаря полковника Хэнки привел в действие механизм, менее чем в месячный срок выработавший мирные условия, предъявленные Австрии 2 июня.

На нижеследующих страницах показан полностью этот механизм: совещания Четырех, происходившие почти ежедневно утром и днем, главным образом в доме президента Вильсона, где были приняты важнейшие решения; совещания министров иностранных дел, состоявшиеся на Кэ д'Орсе, на которых обсуждались менее важные вопросы, но временами не без горячих дискуссий. Остальная работа выполнялась различными комиссиями, которые под руководством Четырех или Пяти вырабатывали резолюции для передачи в редакционный комитет с целью их превращения в статьи договора, требовавшие, однако, последующего окончательного одобрения Четырех.

Среди этих комиссий особенный интерес представляла для нас комиссия «версальских военных», а именно: военных советников и экспертов Высшего совета, учрежденного в Рапалло, местопребывание которых находилось в Версале; затем комитет для выработки экономических, финансовых и репарационных статей и комитет по территориальным делам и делам южных славян.

Я привожу подробные отчеты заседаний Четырех, на которых я неизменно присутствовал; отрывки из отчетов заседаний Пяти, о которых я имел сведения или на которых я также присутствовал, когда не бывал занят на заседаниях Четырех; и привожу сведения о важнейших решениях, выработанных комиссиями.

К моим протоколам, в большей своей части почти буквально согласующимся с протоколами Хэнки, относится то, что было мною сказано в предисловии.

Но если Хэнки сгладил в своих заметках резкости и пафос импровизаций, я и здесь в точности сохранил резкие выражения, сопровождая их иногда примечаниями внешнего характера, подчеркивающими и истолковывающими значение действительно произнесенных слов.

Среди приводимых мной главнейших дискуссий можно найти обсуждение вопроса о военном статуте Австрии, первоначальное разоружение, которое, по мысли Ллойд Джорджа, должно было быть распространено и на другие балканские государства или близкие к ним страны (как дружественные, так и экснеприятельские)—Югославию, Венгрию, Болгарию, Чехо-Словакию, Грецию, Румынию, Польшу,—обсуждение это было прервано, вследствие чего ни одна военная статья, даже та, которая относилась к Австрии, не была предъявлена 2 июня.

Затем читатель найдет отрывочную запись совещаний, касающихся финансовых и репарационных статей; особое значение имеет запись о бывшем австро-венгерском тоннаже с дополнением, относящимся к адриатическим портам, из

чем энергично настаивал премьер Орландо и на что не менее энергично нападали Ллойд Джордж и Клемансо. Финансовые и репарационные статьи также не были закончены и не были представлены 2 июня.

Заслуживает особого внимания забота Соннино о том, чтобы Триест был связан удобными железнодорожными путями с центром Европы, минуя территорию Югославии. Это послужило причиной резких дискуссий касательно бассейна Клагенфурта и треугольника Асслинга; на этих дискуссиях теория Вильсона о принципе национальности пришла в столкновение с непререкаемыми фактами экономического порядка. Вопросы эти также не были разрешены или, если это частично имело место, как, например, в отношении вопроса о Клагенфурте, обсуждение их было прервано в последний момент, за несколько минут до предъявления мирных условий в Сен-Жермене. Это служит явным доказательством, если оно вообще нужно, трудности вопроса, неутомимой деятельности новых государств, нерешительности Вильсона при спешной выработке решений накануне предстоявшего вручения австрийцам мирных условий,—вручения, откладывавшегося три раза в течение одной недели и, наконец, состоявшегося 2 июня.

Тем не менее, к этому дню был подготовлен и предъявлен в последний момент (хотя ему и угрожала опасность срыва) пункт мирного договора, предусматривавший передачу Италии линии Альп: граница Бреннера и самая северная вершина, называемая «Vetta d'Italia» [«Итальянская вершина»], что само по себе является верным свидетельством, вопреки английским и американским суждениям, совершенной оправданности нашего требования. Об этой капитальной для нас важности статье я подробно говорю в примечании, содержащем детальные сведения о том, каким образом по распоряжению Вильсона в одном, визированном им самим, решении Совета Четырех была сделана при определении границы Бреннера ссылка на то, что Вильсон именовал «так называемым» Лондонским договором, одно упоминание которого приводило его почти в эпилептическое состояние.

Здесь, как и в других главах, можно найти также психологические соображения, подтверждающие блестящие импровизации и тонкие политические ходы Ллойд Джорджа, грубую прямолинейность Клемансо, вытекающую отчасти из его исключительного преклонения перед французским отечеством, хотя и свидетельствующую о его недальновидности в смысле установления в будущем отношений со старшей латинской сестрой; враждебное упорство Вильсона, у которого я не хотел бы, однако, a priori отрицать наличие некоторой абстрактной квакерской справедливости, хотя и ослабленной незнанием многих фактов и большими пробелами в области понимания исторических событий и человеческих отношений.

Желание притти к какому-либо заключению заставило британского премьер-министра внести предложение о том, чтобы мирные условия, хотя бы в незаконченном и неотпечатанном, а только переписанном на машинке виде, были вручены Австрии.

В то же время (хотя я и опустил почти полностью всю ту часть дискуссии, содержащуюся в моем Дневнике и моих протоколах, которая не имеет специального отношения к Италии, ограничившись схематическим указанием предметов обсуждения) я не счел возможным выбросить некоторые записи,

сделанные в мае 1919 г., которые я считаю особенно характерными, хотя они нисколько не относятся к миру с Австрией, являющемуся предметом настоящей главы.

С тем большим основанием привел я во всей полноте возобновившуюся дискуссию между Четырьмя по адриатической проблеме (Фиуме и Далмация), упомянув также о некоторых официозных переговорах, направленных к разрешению итало-югославской проблемы, каковая ввиду неизменности ситуации, существовавшей в апреле и в течение предыдущих месяцев, всецело подчиняла себе и в мае действия и помыслы наших представителей, стремившихся к достижению соглашения не только ради решения проблемы самой по себе, но и ввиду ее влияния на внутреннее положение Италии.

Равным образом не считал я возможным опустить переговоры, быть может, наиболее трагичные, происходившие в мае между Четырьмя по вопросу о Малой Азии. Предмет этот связан для нас с общей проблемой наших требований, в том числе и адриатических. Дискуссия и деятельность, связанные с вопросом о Малой Азии, казалось, усилили мстительность Вильсона и углубили дипломатическое искусство Ллойд Джорджа; они, по мнению благородного английского солдата—маршала Генри Вильсона, представляли собой нечто «бессмысленное, безумное, гадкое», а наиболее компетентный и преданный президенту Вильсону американский историк Р. Стеннард Бэкер называет их «грязным делом» и «постыднейшей интригой конференции».

Рим, пятница, 2 мая 1919 г.

Из Парижа получена телеграмма за подписью Кроспи, Имперпали, Бонина, Челлере, Де Мартино, в которой извещается, что Пишон вызывал вчера Бонина на Кэ д'Орсе.

«Предупредив, что он говорит в качестве министра иностранных дел, Пишон заявил Бонину, что вследствие задержки в редактировании договора он будет предъявлен немцам во вторник, 6 мая, вместо субботы, 3 мая. Только в этот день произойдет первая встреча между союзными уполномоченными по переговорам и германскими представителями. Пишон намеренно подчеркивал это обстоятельство, заметив несколько раз во время беседы, что нам не следовало ни под каким видом покидать конференцию.

Бонин, приняв к сведению это сообщение, коснулся слухов о предстоящем признании Сербо-хорвато-словенского королевства, в связи с чем он сегодня утром послал частное письмо Пишону. Пишон ответил, что вопрос о признании будет почти наверное поставлен при проверке полномочий, каковые будут предъявлены южными славянами под вышеуказанным наименованием. Нельзя было, сказал министр, отвергнуть их полномочий по этим мотивам. Бонин настаивал на том, что это произведет скверное впечатление в Италии; но он вынес убеждение, что редактированные таким образом полномочия будут приняты, что повлечет за собой признание.

Во время беседы Пишона вызвал Клемансо, уходивший на заседание Трех. Возвратившись и вновь указав, что он говорит в качестве министра иностранных дел, а не как член конференции, Пишон сказал Бонину, что австрийцы и венгры приглашены на 12 или 15 мая в Сен-Жермен для обсуждения мирных условий.

Бонин выразил свое полное горечи удивление и отметил серьезность

шага, заключающегося в том, что нашему главному врагу, против которого мы, почти никем не поддержанные, вели войну, наши союзники предъявляют мирные условия без нашего участия.

Кроме нескольких указаний на то, что с австро-венграми переговоры будут вестись, главным образом, по вопросам, касающимся не наших границ, Пишон не пытался выставить никаких доводов в защиту этого решения, которое, очевидно, было ему самому сообщено лишь в последнюю минуту, когда дело было уже сделано.

Бонин откровенно высказал все свое огорчение, сказав Пишону при расставании, что он не думал, чтобы после четырех лет совместного участия в войне можно было дойти до этого».

Готовлю ноту протеста. Она основана, главным образом, на Лондонской декларации от 26 апреля 1915 г., согласно которой французское, британское, итальянское и русское правительства обязуются «не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны... Четыре правительства устанавливают, что при обсуждении условий мира ни одна из союзных держав не может предъявить мирных условий без предварительного согласования с каждым из остальных союзников».

Соннино решительно высказывается против моей редакции, затем вносит небольшую поправку. Орландо смягчает.

В последней редакции ноты в заключение говорится, что в деле установления «мира с Австрией и Венгрией Италия представляет наиболее заинтересованную из пяти великих держав и что никакого соглашения, касающегося территориальных условий, равно как и всех других вопросов, не достигнуто. Королевское правительство вынуждено поэтому указать союзным правительствам, что значение этого акта нельзя согласовать с договорами, заключенными между союзниками и являющимися основой союза».

Нота послана французскому и английскому посольствам в Риме и сообщена нашим в Париже с указанием использовать ее при переговорах.

Суббота, 3 мая.

. . .

Воскресенье, 4 мая.

Сегодня в помещении Августео[3] большая демонстрация.

Говорит мэр города Рима Просперо Колонна, предлагая резолюцию, в которой между прочим содержится категорическое предупреждение «союзным правительствам не предъявлять немецким делегатам мирных условий в отсутствие Италии, каковой акт был бы равносилен формальному нарушению Лондонской декларации».

Резолюция принята единогласно.

Затем говорит д'Аннунцио. В некоторых местах он удивителен. Бурная речь.

Между прочим он говорит: «*Без нас они сыграли фарс объединения в Лигу—объединения, которое разъединяет*» (фраза эта была вычеркнута цензурой). «*Они замышляют подписать без нас этот клочок бумаги, который у них называется справедливым миром. Без нас они уже готовятся извлечь выгоду из нашей нерешительности и нашей медлительности*». «*Итак, я говорю, если наши руководители возвратятся на те скамьи, все будет потеряно, даже честь*» (фраза вычеркнута цензурой).

Одновременно происходит заседание совета министров. По окончании заседания Соннино телеграфирует в Париж:

«Для Империали, Бонина, Челлере. Прошу ваши превосходительства передать французскому, британскому и американскому правительствам нижеследующее вербальное сообщение: „Получив полнейшее подтверждение доверия, которое парламент* и страна оказывают королевскому правительству в деле осуществления более широких национальных стремлений к освобождению и обеспечению безопасности, не желая усугублять в настоящий столь серьезный момент сложное политическое и моральное положение Европы каким-либо положительным или отрицательным актом, могущим послужить кому бы то ни было мотивом и предлогом для оттяжки заключения всеми ожидаемого мира, и полагаясь на заверения союзных правительств и доброе желание облегчить заключение соглашения, могущего ко всеобщему удовлетворению и в общих интересах разрешить деликатные вопросы, интересующие Италию в Адриатике,—председатель совета министров и я решили выехать завтра (в понедельник) вечером в Париж, куда мы прибудем не ранее, чем во вторник вечером, в надежде принять участие в первом заседании с германскими делегатами. Мы надеемся, что заседание это возможно будет перенести на среду, что позволит нам на нем присутствовать. Прошу подтвердить получение настоящей телеграммы“».

Понедельник, 5 мая.

Подтверждаю по телефону в Париж наш отъезд сегодня вечером.

Вчера в 11 часов послы сделали предписанные вчерашней телеграммой сообщения.

Едва Бонин сказал об этом на Кэ д'Орсе, Пишон «бросился» в автомобиль, чтобы уведомить об этом Трех.

. . . .

Отъезд в Париж в 21 час. 30 мин.

---

* На заседании 29 апреля. Ср. прим. на стр. 235.

Вторник, 6 мая. В поезде.

Орландо говорит мне, что он обдумывает—нельзя ли выйти из положения следующим образом: Лондонский договор, арбитраж по вопросу о Фиуме.

Затем: «Надо подумать о замене Саландры и Сальваго в качестве членов делегации». Говорю: «Отчего бы не назначить Титтони?» Отвечает: «Да, но как убедить Соннино?»

Я говорю об этом Соннино. «Берегитесь! Берегитесь! Этот был бы хуже всех».—«Он умеет вести дела».—«Видно: Босния и Герцеговина! В Париже его все ненавидели».—«Потому что его боялись».

Париж, среда, 7 мая. Отель «Эдуард VII».

Прибыли в Париж в 8 час. 45 мин.

Хэнки написал Империали письмо, прося его уведомить Орландо по его прибытии, что Верховный совет (Четырех) соберется завтра в доме Вильсона в 11 часов.

По нашей просьбе встреча с немцами вчера не состоялась, она произойдет сегодня днем в Версале.

Орландо и я в 11 час. 15 мин. входим в знакомую комнату в доме Вильсона, где происходят совещания Четырех.

Там уже находятся Клемансо, Вильсон, Ллойд Джордж, Хэнки и Манту.

Присутствующие встают, приветствуя Орландо, который сдерживает свое негодование. Вильсон бледен, повидимому, испытывает замешательство; Клемансо смущен, нелюбезен; Ллойд Джордж, сердечно пожимая руку, смотрит в упор и испытывает Орландо и меня вопрошающим взглядом улыбающихся голубых глаз.

Ни слова о случившемся и о возвращении итальянской делегации.

Заседание, начатое до нашего прибытия, продолжается. Речь идет о польско-украинском перемирии[4] и о России. Входит французский министр колоний Симон.

Симон.—Прошу извинить меня за непредставление документа, составление которого мне было поручено. Это требует большого внимания. Он еще не готов. Прошу дать отсрочку.

Ллойд Джордж.—Я телефонировал лорду Милнеру относительно колоний и надеюсь получить ответ в течение дня. Тем временем я просил бы г. Симона посоветоваться относительно этого документа с одним английским колониальным офицером, адъютантом лорда Милнера, который будет к его услугам.

(Вручает Симону документ.)

Говорю Орландо: «О чем идет речь? Следовало бы спросить об этом».

(Симон удаляется.)

Вильсон.—Я получил письмо от одного господина, называющего себя председателем совета министров и министром иностранных дел Черногории. Он просит предоставления ему места на дневном заседании конференции, напоминая, что Черногория была в войне с Германией.

Ллойд Джордж.—Черногорцы принимали участие на первом пленарном заседании?

Клемансо.—Они хотят быть в Версале сегодня.

Вильсон.—Я поднимаю вопрос не из-за нынешнего дня, но для того, чтобы знать, следует ли принять решение по отношению к ним до заключения договора с Австрией *.

(Все выражают согласие.)

Вильсон.—Я получил письмо также от одной американки, которая замужем за персом; она жалуется на то, что персы не были приняты во внимание при переговорах о мире.

Ллойд Джордж.—В Индии имеются магометане, заинтересованные в том, чтобы говорить о Константинополе и будущности ислама. Однако как персы, так и индусы не заинтересованы непосредственно в мире с Германией. Они могут быть выслушаны в свое время.

Вильсон.—Что мы будем делать после сегодняшнего заседания в Версале? Должны ли мы говорить о договоре с Австрией?

Клемансо.—Да, австрийцы приедут, венгров не будет.

Вильсон.—Австрийцы прибудут 12-го числа текущего месяца.

Клемансо передает Манту документ с просьбой зачитать его.

Манту читает документ, представляющий собой телеграмму французского представителя в Вене. Из него явствует, что австрий-

* О Черногории упоминалось в одном из Четырнадцати пунктов Вильсона, а именно в пункте XI, в котором сказано: «Румыния, Сербия и Черногория должны быть эвакуированы; оккупированные территории должны быть возвращены... Будут обсуждены международные гарантии, обеспечивающие политическую и экономическую независимость и территориальную целостность различных балканских государств».

Кроме того, Вильсон отправил в июле 1918 г. королю Николаю телеграмму с недвусмысленным подтверждением этого обещания: «Я надеюсь, что ваше величество и благородный и героический народ Черногории не дадут поработить себя и возложат свои надежды на стремление Соединенных Штатов добиться при несомненной окончательной победе обеспечения и признания целостности и прав Черногории».

Вопрос о Черногории неоднократно поднимался в Париже, в особенности в связи с оспаривавшимся правом этой страны на представительство на мирной конференции и с обследованием, которое Вильсон хотел провести на местах с целью выяснения воли черногорского народа и законности правительства, назначенного сербами против воли находившегося в изгнании короля. Вопрос был оставлен открытым и разрешен формально только в июле 1922 г., когда конференция послов признала целесообразным объединение Черногории с Сербо-хорвато-словенским королевством. Помнится, когда на одном официальном собрании Соннино напомнил колебавшемуся Вильсону о вышеупомянутой телеграмме, Вильсон пренебрежительно отмахнулся: «Ну! Какая-то там телеграмма!»

ская делегация будет готова выехать в субботу вечером, 10-го, или в воскресенье утром. Однако имеются затруднения в деле назначения представителей. Партия христианских социалистов[5] не хотела бы, чтобы делегация возглавлялась г. Клейном, благоприятно относящимся к объединению немецкой Австрии с Германией. Манту затем зачитывает другую телеграмму, полученную тремя часами позднее первой от того же французского представителя в Вене, сообщающую о том, что тамошний английский представитель обратился к нему с вопросом, не может ли быть дата приглашения австрийцев в Париж отложена на срок позднее 12-го числа.

Ллойд Джордж.—Здесь, повидимому, какое-то недоразумение.

Клемансо.—Оставим тогда 12-е число для австрийцев?

Ллойд Джордж.—Согласен.

Клемансо.—Сохраняем прежний срок—12-е число, но мы готовы на разумную отсрочку.

Вильсон.—Необходимо объяснить г. Орландо, что наша встреча с австрийцами должна носить характер гораздо менее официальный (informal), чем встреча с немцами*.

Ллойд Джордж.—Я не знаю, почему австрийские немцы должны быть включены в предмет обсуждения, касающегося южных славян и других народностей бывшей Австро-Венгерской империи. Достаточно сказать им, что общее разрешение вопроса входит в нашу компетенцию; что же касается Австрии, мы предполагаем только установить ее границы. Вопрос о границе между Италией и Австрией не подлежит обсуждению. Можно сказать им: это—ваша граница. Все затруднения относятся к границам между Хорватией и Италией.

Вильсон.—Мне бы хотелось подумать над этим. Мне кажется, что к 12 мая было бы невозможно подготовить договор.

Ллойд Джордж.—Однако мы должны поспешить с заключением мира.

---

* Я просил затем генерального секретаря конференции Дютаста прислать мне текст приглашения австрийцев на конференцию, о чем мы и получили сведения в Риме 2 мая. В документе этом говорится: «Париж, 1 мая 1919 г. Председателю мирной конференции г. генералу Галлие, главе французской военной миссии в Вене. Срочно перешлите в Вену австрийскому правительству следующее сообщение: Во-первых, Верховный совет союзных и присоединившихся держав решил пригласить австрийских делегатов, снабженных полномочиями, в Сен-Жермен-ан-Лэ в понедельник вечером, 12 мая, для обсуждения мирных условий с союзными и присоединившимися державами. Во-вторых, ввиду этого австрийское правительство благоволит срочно указать количество, имена и функции делегатов, которых предполагается послать в Сен-Жермен, а также количество, имена и функции сопровождающих их лиц. Австрийская делегация должна быть строго ограничена рамками возложенной на нее задачи, и в состав ее должны входить лишь лица, облеченные необходимыми полномочиями. Подпись *Клемансо*».

Сообщение венграм было сделано в тех же выражениях, за исключением даты созыва, назначенного на 15-е число.

По правде говоря, непонятно, почему Вильсон мог сказать, что приглашение это носило «informal» («неофициальный») характер. Ср. стр. 319.

Орландо.—Я всегда полагал, что мир с Австро-Венгрией не может быть заключен, ибо в настоящее время австро-венгерское государство в довоенном его виде перестало существовать. Австро-Венгрия, исчезнув как государство, не может больше являться договаривающейся стороной. Сейчас следует только определить границы новых государств, одним из которых является Австрия. Поэтому необходимо одновременно установить границы различных государств, являющихся преемниками Австро-Венгрии. Это в сущности то, о чем говорил г. Ллойд Джордж.

Ллойд Джордж.—Правильно. Но необходимо определить границы различных государств, каждого в отдельности, в последовательном порядке. Не понимаю, какое дело Австрии до границ других государств, уже к ней не примыкающих?

Вильсон.—Как указал г. Орландо, границы всех государств—преемников Австро-Венгрии должны быть определены одновременно, с тем чтобы можно было достигнуть общего соглашения. Чехи боролись на стороне союзных и присоединившихся держав; южные славяне практически принимали участие на нашей стороне до окончания войны. Границы всех государств должны быть установлены одновременно.

Ллойд Джордж.—Необходимо, однако, с чего-либо начать. Почему Австрия должна умирать от голода только по той причине, что еще не заключен мир с Хорватией? Чем дольше будет затягиваться дело, тем серьезнее будет опасность возникновения большевизма и других зол в Австрии. Не думаю, чтобы в отношении границ между Венгрией и Хорватией имелись какие-либо затруднения.

Вильсон.—Мирный договор не может быть, однако, так легко заключен путем дробления на куски и дележа провинций различных стран. Напомню, кроме того, что хорватские депутаты были членами будапештского парламента, а не венского.

Ллойд Джордж.—Начнем с обеспечения мира в одном какомлибо месте.

Орландо.—Можно было бы, однако, переговоры вести одновременно.

Клемансо.—Мы можем вновь поговорить об этом на дневном заседании. Могу ли я удалиться?

Вильсон.—Как мы должны явиться днем: в цилиндрах?

Клемансо (иронически).—Да, в шляпах с перьями!

Для вручения мирных условий Германии приготовлена зала в первом этаже Трианонского дворца в Версале.

Вспоминаю происходившие в этом здании заседания Верховного совета, часто принимавшие обескураживающий характер. Резкая полемика между союзниками. Опасения, вызываемые скудостью военных резервов.

В зале, полной света, проникающего сквозь выходящие в сад

широкие окна, расставлено много столов в виде прямоугольника.

За центральным столом сидит Клемансо, справа от него—Вильсон и американцы, по левую руку—Ллойд Джордж и англичане. Итальянцы занимают боковой стол, справа, после американцев. Для немцев оставлен стол с пятью креслами против стола Клемансо, но на расстоянии многих метров от него.

Сзади Клемансо расположился секретариат. Впервые вижу рядом с собою, с Дютаста и с Хэнки безбородое лицо Манделя, начальника кабинета Клемансо.

За немцами, кроме секретарей, разместилось около 40 журналистов различных национальностей.

Зал заполнили генералы, адмиралы, большей частью одетые в форму. Вижу Фоша, относительно присутствия которого на этом заседании были сомнения, основанные на слухах о том, что он хочет подчеркнуть своим отсутствием несогласие с Клемансо относительно мирных условий.

В 15 часов, когда все уселись на свои места, Дютаста просит одного из секретарей протелефонировать. Через несколько минут швейцар объявляет: «Господа германские уполномоченные!»

Первый делегат, Брокдорф-Ранцау, входит, с трудом передвигаясь, багровый, первничающий. Он в очках в широкой черной оправе. Рядом с ним улыбающийся германский министр юстиции.

Клемансо поднимается и заявляет: «Заседание открыто».

В зале как бы ощущается ускоренное биение многих сердец. На лице Клемансо не заметно удовлетворения достигнутыми победой и миром; кажется, что все еще длится трагедия войны*. Но я верю во внутреннее чувство этого 77-летнего человека, полвека назад пережившего Седан и первый Версаль [6], и, быть может, лелеявшего в течение пятидесяти лет мечту, до столь полного осуществления которой он, возможно, не надеялся дожить; я думаю о пророчестве Ллойд Джорджа в Рапалло, когда он предсказывал наступление второго Версаля, который должен вычеркнуть из истории Версаль 1871 г. И вот мечта, пророчество сбылись.

Среднего роста, но прямой, плотного сложения, с суровым лицом, будто перед его внутренним взором вновь проходят жесто-

* Нахожу подтверждение этому в том факте, что Клемансо пожелал, чтобы в момент подписания договора с Германией в зеркальной галлерее Версальского дворца присутствовали три инвалида войны.

Сам Клемансо нижеследующим образом описывает этот эпизод («Grandeurs et misères d'une victoire», p. 343):

«Трагическое молчание...

И вдруг безмолвная толпа содрогнулась. На бархатной скамье, в простенке между окнами, на виду у всех, появились три фигуры из адской трагедии, с искаженными судорожной гримасой чертами,—выкатившиеся из орбит глаза, искривленные челюсти, исполосованные шрамами лица,—три доблестных инвалида войны, приглашенные на это почетное место, как живое напоминание о героически принятых ими на себя чудовищных страданиях».

кости и жертвы долгой войны, стоя говорит Клемансо. Говорит, как обычно: ясно, точно, без неуверенности, без замедлений, без единой риторической фразы, жеста, вытянув сжатые в кулак руки по швам, тоном, черпающим свою силу из внутреннего убеждения. Говорит о навязанной, жестоко навязанной войне. «Вы нам навязали войну, поэтому мы примем меры, чтобы агрессия, подобная этой, не могла больше повториться. Наступил час сведения счетов. Вы просили у нас мира. Мы готовы предоставить его вам. Вы получите документ с изложением мирных условий... Вы встретите в нас готовность оказать вам содействие в выполнении вашей задачи, но этот второй Версальский мир был добыт слишком дорогой ценой, чтобы мы не имели права требовать всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами законного удовлетворения».

Речь Клемансо переведена на немецкий и английский языки.

Генеральный секретарь Дюстаста передает печатный экземпляр мирных условий Брокдорф-Ранцау, который, не открывая, кладет эту большую белую папку на стол рядом с собой и затем бросает на нее с выражением презрения и безразличия свои темные перчатки.

Брокдорф-Ранцау, едва подняв руку, просит слова.

Клемансо.—Слово предоставляется г. Брокдорф-Ранцау.

Брокдорф-Ранцау, не вставая, начинает читать по-немецки.

Этот невежливый жест вызывает негодование за столом Клемансо. Он раздраженно говорит об этом своим соседям—Вильсону и Ллойд Джорджу, которые присоединяются к нему, осуждая и выражая также жестами столь грубый, «отвратительный» поступок*.

Брокдорф-Ранцау продолжает глухим голосом, постепенно оживляясь.

Во время перевода с немецкого на французский и английский раздражение Клемансо выражается в резком тоне его обращения к переводчикам, один из которых немец: «Ничего не слышно! Громче! Пусть переводчики подойдут поближе!»

Немецкий переводчик переводит речь Брокдорф-Ранцау, по мере ее произнесения, на грубоватый, типично американский, английский язык.

Брокдорф-Ранцау читает: «...Мы признаем размеры нашего бессилия и огромность нашего поражения. Мы знаем, что мощь германских армий разбита. Мы знаем силу ненависти, направленной против нас, и мы чувствуем страстное желание победителей заставить нас платить как побежденных и как виновных...»

---

* Именно поэтому при подписании договора с Германией (Версаль, 29 июня) за несколько минут до прибытия немецких делегатов Дюстаста, как бы в отместку, объявил во всеуслышание: «Все остаются на местах», в противоположность тому, как это было 7 мая в момент прибытия немцев в Трианонский дворец.

Невыразительность немецкого языка не передает чувств, вызванных поражением, даже в том случае, когда высказывается признание в этом поражении. Впечатление это усугубляется, когда немецкий переводчик, быть может, желая частью повиноваться требованию Клемансо, переводит, скандируя и почти выкрикивая заносчивым и дерзким тоном слова, как если бы слова эти должны были вместо «мы побеждены» означать «мы победители».

Ллойд Джордж замечает: «Какой свирепый!»

По окончании речи, неожиданным образом оказавшейся длинной и полемической, Вильсон обменивается мнениями с Клемансо и Ллойд Джорджем: «Ничего нового».—«Я думал, что он будет сильнее».—«В речи нет ни связности, ни единства».—«Быть может, дерзкие места речи принадлежат Брокдорф-Ранцау, а остальное—другим делегатам».—«Неисправимый юнкер».—«Юнкеров не убедишь до тех пор, пока не будет занят Берлин».

Клемансо (вставая).—Нет ли других замечаний?

Брокдорф-Ранцау (по-французски).—Нет, с моей стороны не имеется.

Клемансо (вполголоса).—Всякий сказал бы: нет, милостивый государь! *(затем, громким голосом)*: В таком случае заседание считаю закрытым.

Часы показывают около 16-ти.

Один американец напоминает мне, что сегодня—годовщина гибели «Лузитании»[7].

Выходя, вижу за одним столиком с Дютаста Клемансо, который просматривает только что произнесенную им речь*.

В 16 час. 15 мин.—заседание Четырех в том же Трианонском дворце.

Кроме Четырех, участвуют Соннино, французский министр колоний Симон, Бальфур и Страчи. Присутствуем, как обычно, Хэнки, я и переводчик Манту.

Совету предстоит рассмотреть документ, врученный на сегодняшнем утреннем заседании Ллойд Джорджем Симону.

В документе этом предусматривается раздел германских колоний. Все ее колонии передаются Франции, Англии и доминионам, Японии. Италии—ничего.

Вильсон.—Кроме Новой Гвинеи[8], имеются ли в Тихом океане острова, мандат[9] на которые передается Австралии?

Ллойд Джордж.—Есть определенное количество малых островов, расположенных на восток от Новой Гвинеи.

---

* Быть может, поэтому более резкая фраза Клемансо не появилась ни в официальном тексте, ни в газетах.

Клемансо (Симону, указывая на документ).—Вы это видели? *(Клемансо говорит это почти презрительно.)* Вы ничего не скажете?

Симон.—Я согласен с предложением г. Ллойд Джорджа, но с оговоркой относительно Камеруна. Для Франции могут возникнуть неудобства в том случае, если одна часть Камеруна останется подмандатной Франции, а вторая перейдет под непосредственный суверенитет Британской империи.

Ввиду этого Симон предлагает свою формулировку. После краткого совещания, в котором принимают участие Ллойд Джордж, Клемансо, Симон и Бальфур, утверждается формула, измененная в части, касающейся Того и Камеруна[10].

Вильсон.—Детали, касающиеся распределяемых таким образом мандатов, будут установлены Лигой наций.

Обращаюсь к Соннино: «Что означает оговорка, касающаяся Того и Камеруна?* Разве это еще не было окончательно решено? И можем ли мы попытаться получить их? Во всяком случае, почему мы не протестуем по поводу остального, отчего мы отстранены?» Дважды обращаюсь к нему с этим вопросом.

Соннино говорит с Орландо.

Орландо.—Замечу, что в представленной г. Ллойд Джорджем схеме Италия остается отстраненной от всякого участия в мандатах в Африке. Я уже говорил об этом раньше и заявил, что если мандаты представляют собой тяжелую обязанность, Италия готова принять ее на себя; если же мандаты представляют выгоду, Италия имеет право на участие**.

---

* Того и Камерун явились предметом тайного соглашения, заключенного без нашего ведома в мае 1916 г. между Францией и Англией (Грей—Поль Камбон). Оговорка вызвана тем обстоятельством, что Франция добивалась прямого обладания этими колониями, а не мандата над ними.

** 28 января в связи с вопросом о германских колониях, их распределении и мандатах Орландо сказал между прочим, «что Италия готова принять любой принцип, лишь бы он был справедлив и Италия могла бы участвовать в деле насаждения цивилизации. Положение это настолько верно, что даже при отсутствии статьи XIII Лондонского договора следовало бы его применить. Вопрос этот имеет крайне серьезное значение».

30 января, когда было возобновлено обсуждение вопроса о компетенции Лиги наций и о расходах, связанных с военной оккупацией в Австрии, Турции и бывших германских колониях в Африке и на Тихом океане, Орландо заявил, что единственное и совершенно справедливое желание Италии заключается в соблюдении справедливой пропорции при оккупации названных территорий. Вследствие этого он требовал и полагал, что не может считаться чрезмерным требование, чтобы Италия получила свою долю мандатов и территорий, подлежащих военной оккупации.

Орландо вновь говорил об этом 31-го числа, заявив в заключение, что он требует только соблюдения справедливости при исчислении причитающейся Италии доли.

Мне неизвестно, был ли впоследствии обсужден этот вопрос в части, касающейся Италии и бывших германских колоний.

Помнится, однако, что по поручению премьера Орландо я обратился

Клемансо.—Разве в Восточной Африке у вас ничего нет?

Орландо.—Об этом говорится в Лондонском договоре. Статья XIII предусматривает предоставление Италии компенсаций в специально интересующих ее частях Африки в том случае, если Франция и Англия расширят свои владения на этом континенте.

Симон.—Верно. Статья XIII Лондонского договора гласит: «В случае, если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия могла бы требовать предоставления ей некоторых равноценных компенсаций, именно в урегулировании в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии и смежных с ними колоний Франции и Великобритании».

Клемансо.—В статье говорится «могла бы».

Ллойд Джордж.—Заявляю теперь же, что я признаю полностью действительность статьи XIII Лондонского договора и что поэтому британское правительство всегда готово приступить к обсуждению этого вопроса с итальянским правительством. Однако это было бы бесполезно, если Франция не будет также согласна.

Клемансо.—Согласен.

Бальфур.—Замечу, что содержание статьи XIII Лондонского договора относится к увеличению английских и французских территорий, а не к мандатам, которые, строго говоря, не означают собой увеличения территории. Но я не настаиваю на этом пункте.

После этого Бальфур удаляется.

Совет утверждает следующее постановление:

1. Франция и Великобритания совместно внесут в Лигу наций предложения, касающиеся будущности колоний Того и Камеруна.

Мандат на Германскую Восточную Африку будет дан Великобритании.

к Хэнки, желая узнать, может ли Италия получить Германскую Восточную Африку. Хэнки ограничился заявлением, что завоевание этой территории обошлось Англии в 100 миллионов фунтов стерлингов.

Также по поручению Орландо я предпринял в марте шаги перед генералом Генри Вильсоном, заявив, что Италия готова заменить своими войсками британские войска в Закавказье. Генерал Вильсон весьма одобрительно отнесся к этому предложению, высказав, впрочем, некоторое сомнение относительно выгодности такого обязательства. Ллойд Джордж принял предложение, заметив, однако, при этом вполголоса: «Что ж, итальянцы думают таким образом получить закавказскую нефть? Нефтяные промыслы являются частной собственностью!» 2 апреля Ллойд Джордж сообщил Вильсону и Клемансо о состоявшемся между Италией и Англией соглашении о замене британских войск в Закавказье итальянскими. Вильсон сделал недовольное лицо. Как известно, кабинет Орландо продолжал добиваться осуществления этого плана, от которого впоследствии отказался следующий кабинет. Соннино неблагоприятно относился как к вопросу о Германской Восточной Африке, так и о Закавказье.

Мандат на Германскую Западную Африку на юге будет дан Южно-Африканскому Союзу.

Мандат на острова Самоа[11] будет дан Новой Зеландии.

На другие германские тихоокеанские владения к югу от экватора, исключая германские острова Самоа и Науру, мандат будет предоставлен Австралии.

Мандат на остров Науру[12] будет передан Британской империи.

Мандат на германские острова к северу от экватора[13] будет дан Японии.

2. Будет образована междусоюзническая комиссия в составе представителя от Британской империи, одного представителя от Франции и одного от Италии для изучения применения статьи XIII Лондонского договора от 26 апреля 1915 г.

3. Вышеприведенные решения будут опубликованы.

Возвращаюсь из Версаля в автомобиле с Хэнки.

Он говорит мне: «Вильсон еще сильнее прежнего раздражен против вас; он утверждает, что Орландо и Соннино не являются выразителями воли Италии»*.

Хэнки советует выждать; тем временем урегулировать кое-какие вопросы; дождаться отъезда Вильсона.

Сообщаю обо всем Соннино и Орландо.

В вопросе о колониях Орландо выказывает скептицизм и разочарование.

Четверг, 8 мая.

11 часов. Заседание Четырех у Вильсона. Участвует также Соннино. Перед заседанием Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж снова обмениваются впечатлениями по поводу вчерашней речи Брокдорф-Ранцау.

Вильсон.—Я не думаю, чтобы Брокдорф-Ранцау действительно являлся выразителем точки зрения нынешнего германского правительства. *Ллойд Джордж.*—Я вчера убедился в том, какое чувство ненависти может испытывать француз. Со вчерашнего дня я чувствую себя французом. *Клемансо.*—Это—не ненависть, это—отвращение. *Ллойд Джордж.*—Жаль, что ему позволили говорить. *Клемансо.*—Я узнал, что Брокдорф-Ранцау заявил, будто он не подпишет договора. Кажется, вчера ночью все делегаты были пьяны, за исключением Брокдорф-Ранцау, который хорошо держался; министр юстиции был отнесен на постель за руки и за ноги.

Рассматривается предложение Брокдорф-Ранцау о назначении смешанной комиссии для обсуждения некоторых статей договора с Германией.

* По сведениям из других прямых источников, Вильсон, узнав о вотуме итальянского парламента (29 апреля в палате 382 голоса—за, 40—против; в сенате 191 голос — за из 191 голосовавшего), заявил, что правительство Орландо «купило» эти голоса.

Клемансо.—Нет, это противоречит принятым решениям. Устные дискуссии исключены.

. . . .

Вильсон.—У меня имеется подготовленный американской делегацией обзор положения, в котором в настоящее время находятся вопросы, касающиеся границ бывшей австро-венгерской территории. По некоторым границам все эксперты пришли к соглашению, но остальным—соглашения не достигнуто. Американские, французские и английские эксперты договорились о границах, относящихся к Болгарии, Греции, Чехо-Словакии, Румынии, Югославии. Вопрос о границе между Бельгией и Голландией не обсуждался. Правда, это не входит в компетенцию настоящей конференции. Относительно Польши соглашения не было достигнуто, кроме вопросов, касающихся Германии и границы между Польшей и Чехо-Словакией. Границы Албании и границы России пока еще не установлены. Возможно также, что заинтересованные стороны будут несогласны с нашими экспертами.

Ллойд Джордж.—Предлагаю следующие резолюции:

1. Военный, морской и авиационный комитет маршала Фоша, выработавший условия мира с Германией, соберется с целью передачи на обсуждение Верховного совета проекта морских, военных и авиационных статей, которые должны быть включены в текст мирного договора с Австрией и мирного договора с Венгрией.

Доклады различных комиссий могут быть приняты в качестве общего руководства при разрешении вопроса о границах Австрии и Венгрии.

2. Группа финансовых экспертов, которая под непосредственным руководством Верховного совета завершила выработку статей, касающихся репараций, включаемых в текст мирного договора с Германией, соберется для передачи на рассмотрение Верховного совета проекта статей, подлежащих внесению в текст мирного договора с Австрией и мирного договора с Венгрией.

3. Группа экспертов, которая под непосредственным руководством Верховного совета закончила выработку финансовых статей для включения в текст мирного договора с Германией, соберется для передачи на обсуждение Верховного совета проекта статей, подлежащих включению в текст мирного договора с Австрией и мирного договора с Венгрией.

Орландо.—Что касается резолюции второй, решение уже принято, и соответствующая комиссия займется этим вопросом на заседании, которое должно состояться сегодня же.

Ллойд Джордж.—Вы в этом уверены?

Орландо.—Да.

Ллойд Джордж.—Вы разрешите мне подумать? Кто соберет военных?

Клемансо.—Я.

Хэнки.—Но у них уже состоялось заседание, они заявили, что не могут принять решения до тех пор, пока не будут разрешены территориальные вопросы.

Ллойд Джордж.—Лучше, если вопрос обсудят версальские технические консультанты, без Фоша, который так упрям.

(Принимаются предложенные Ллойд Джорджем резолюции.)

Ллойд Джордж.—Мы должны обсудить общие принципы по территориальным вопросам, как я предлагал вчера.

Клемансо.—Это следует сделать поскорее: австрийцы приезжают 12-го.

Ллойд Джордж.—Как только будут разрешены территориальные вопросы, касающиеся Австрии и Венгрии, мы сможем рассмотреть вопросы, по которым имеются расхождения среди союзников.

Вильсон.—Трудность заключается в следующем: после того как будет заключен мир с Австрией и Венгрией и страны эти окажутся юридически отделенными одна от другой, и после того как мирные договоры с ними будут заключены, нынешняя конференция не сможет сохранить дольше свой авторитет. Могут возникнуть серьезные затруднения, если разрешение спорных между ними вопросов будет предоставлено государствам-наследникам. Я считаю весьма важным сохранить за настоящей конференцией силу, что обяжет новые государства принять установленные нами границы.

Ллойд Джордж.—Трудность эту можно преодолеть, включив в мирный договор статью, обязывающую Австрию и Венгрию соответственно признать границы соседних с ними стран, установленные союзными и присоединившимися к ним державами.

Вильсон.—Статья эта не может, однако, обязать новые государства уважать решения главных держав. Если таким образом цель не будет достигнута, это заставит нас вновь окунуться в целый океан переговоров.

Ллойд Джордж.—Прошу моих итальянских коллег извинить меня. Я не требую, чтобы они соглашались или не соглашались со мной относительно того, что я сейчас скажу. Окружающая нас атмосфера не кажется мне благоприятной для разрешения более спорных вопросов. В настоящее время наблюдается большое общественное возбуждение, частью непроизвольное, частью же искусственное. Лучше всего было бы все предоставить времени. Для установления мира союзными и присоединившимися державами с Австрией и Венгрией нецелесообразно разрешать в этих условиях вышеупомянутые вопросы.

Вильсон.—Мне хотелось бы установить такой порядок, при котором разрешение вопросов о границах между различными государствами не откладывалось бы до заключения отдельных соглашений по ним. Поэтому я предлагаю ввести в мирный договор условие, обязывающее Австрию и Венгрию к соответственному

признанию примыкающих к ним государств в тех границах, которые удалось установить; в тех же случаях, где невозможно установить границы теперь же, они должны быть определены каким-либо авторитетным органом, например Лигой наций.

Ллойд Джорджс.—Мне кажется, что Лигу наций не следует с самого начала отягощать разрешением этих потрясающе трудных проблем. Их следовало бы разрешить союзным и присоединившимся державам.

Вильсон.—Лучше всего, если проблемы эти будут разрешены главными союзными и присоединившимися державами. Мы не должны лишать себя всякого авторитета.

Ллойд Джорджс.—Наоборот, авторитет этот должен быть поддержан. Но мы должны ускорить наши работы. Австрия и Венгрия умирают от голода. Касающиеся их мирные трактаты должны быть заключены как можно скорее. Когда я слушал вчера речь г. Брокдорф-Ранцау, мне один единственный раз стало не по себе: это было в тот момент, когда он намекнул на сотни тысяч умерших от голода со дня заключения перемирия до нынешнего дня.

Клемансо.—Но это утверждение должно быть доказано.

Ллойд Джорджс.—Во всяком случае нет сомнения в том, что в Австрии и Венгрии умирают от голода.

Вильсон.—Мы не должны поддаваться впечатлению, вызванному тем, что вчерашняя речь г. Брокдорф-Ранцау нам не понравилась. Нет сомнения в том, что много народу спаслось бы от голодной смерти, если бы мирный договор смог быть заключен раньше.

Ллойд Джорджс.—Между тем еще сегодня утром Эрве в газете «Victoire» признал, прочитав краткое содержание врученного вчера мирного договора, что ему по справедливости следовало бы взять обратно прежние нападки на медленность подготовки договора.

Клемансо.—Я мог бы дать возможность президенту Вильсону посетить женщин от 14 до 60 лет, изнасилованных немцами.

Ллойд Джорджс.—Комиссия по вопросам нарушения права войны, сообщила мне, что в материалах расследования имеются столь отвратительные документы, что их даже невозможно зачитать.

Вильсон.—Резюмирую дискуссию, касающуюся границ, нижеследующим образом: там, где они могут быть установлены, это будет сделано; там, где это будет невозможно, высокие договаривающиеся стороны возьмут на себя обязательство принять то, что будет решено по этому поводу главными союзными и присоединившимися державами.

(Никто не возражает.)

Украина.

. . . .

Ллойд Джорджс.—Украины не существует. Она изобретена немцами. Это—малая Россия.

. . . .

Вильсон.—Мне кажется, что мы могли бы просить совет министров иностранных дел произвести тщательное расследование и представить затем предложения относительно всех бесспорных границ бывшей австро-венгерской территории, за исключением границ, касающихся Италии.

Ллойд Джордж.—Вы предлагаете, чтобы министры иностранных дел представили нам территориальные границы?

Соннино.—Также и между различными государствами? Напомню, что часть границы между Австрией и Югославией тесно связана с итальянской проблемой. Речь идет о зоне Марбурга и Клагенфурта[14]. Она должна быть пересмотрена. Железнодорожная линия между Триестом и Веной окажется проходящей по югославской территории, если проблема не будет разрешена в ином порядке. Министрам иностранных дел следовало бы пересмотреть то, что было до настоящего времени сделано различными комиссиями, дополнить и представить предложения в Совет Четырех.

(Предложение утверждается, и выносится решение, чтобы министры иностранных дел собрались сегодня же с этой целью.)

Ллойд Джордж.—Предлагаю потребовать от редакционного комитета возможно скорее приступить к работе по выработке договора с Австрией и Венгрией.

Вильсон.—Мне кажется, что редакционный комитет заслуживает некоторого отдыха после большой работы, которую он вынужден был провести в связи с подготовкой договора с Германией.

(Собрание выражает согласие.)

. . . .

Речь заходит о необходимости для комиссии изучить вопрос о том, какие союзные силы следует держать на левом берегу Рейна.

Вильсон.—Было бы лучше, если бы маршал Фош оставался в стороне от обсуждения этого вопроса. Его психология такова, что он не мог бы с пользой повести дело.

Ллойд Джордж.—Да, Фош и Фпуме—два слишком жгучих вопроса.

. . . .

Вильсон.—Как следует поступить в вопросе о санкциях против виновников войны и актов, нарушающих законы и обычаи войны?[15]

Ллойд Джордж.—Положение в данном случае неодинаково в отношении Германии и Австрии. Например, в Австрии императора, объявившего войну, нет в живых. Император Карл—безответственный молодой человек.

Орландо.—Однако большое количество преступлений было совершено за время войны против Италии, и эти случаи равным образом аналогичны тем, в отношении которых были внесены соответствующие пункты в договор с Германией.

Соннино.—Подтверждаю сказанное премьером Орландо, добавив к этому, что и австрийцы также должны нести ответственность за подводную войну.

Вильсон.—Мне говорили, что во многих случаях не удавалось различить, были ли это австрийские или германские лодки.

Соннино.—Однако имеются верные доказательства, что в некоторых случаях это были именно австрийские подводные лодки.

Ллойд Джордж.—Но кто-то, однако, должен был давать соответствующие указания в Австрии. Я считаю, что в мирный договор с Австрией должны быть включены соответствующие пункты.

(Предложение принимается.)

Вильсон.—Рассмотрению подлежит также проблема водных путей сообщения, портов и железных дорог.

(Выносится решение, что особая комиссия, подготовившая статьи по этому вопросу для договора с Германией, подготовит таковые и для договора с Австрией и Венгрией.)

Ллойд Джордж.—Нужно рассмотреть также экономические вопросы. Разрешение некоторых из них было отложено до возвращения итальянских делегатов.

(Решено выслушать экспертов Экономического совета завтра в 10 час. 30 мин. у президента Вильсона.)

Ллойд Джордж. — Состоится ли заседание сегодня днем?

Вильсон.—Не будет ли неудобно, если я сегодня днем отправлюсь на скачки? Сегодня, кажется, состоятся интересные скачки. Я обещал поехать туда.

Ллойд Джордж.—Я никогда в жизни не бывал на скачках.

Днем в 16 часов происходит заседание на Кэ д'Орсе, в котором участвуют министры иностранных дел Америки, Англии, Франции, Италии, Японии со своими секретарями и экспертами. Председательствует Пишон.

Пишон.—Мне казалось бы удобным начать обсуждение с вопроса о намеченных границах Румынии. Я просил бы г. Тардье изложить результаты работ соответствующей комиссии.

Бальфур.—Я полагаю, что, перед тем как приступить к обсуждению отдельных докладов, следовало бы установить, что будут представлять собою Австрия и Венгрия с территориальной стороны. Например, Форарльберг. Будет ли он швейцарским или австрийским?

Соннино.—Для нас Форарльберг есть Австрия. Форарльберг как независимая единица мне неизвестен.

(Продолжается обсуждение вопроса о Форарльберге и других возможных случаях отделения народностей от Австрии. Лансинг замечает, что не следовало бы допускать отделения населения бывшей Австро-Венгрии, если это делается во избежание усиления экономических тягот, ложащихся на население в случае его оставления на старой территории. Тардье докладывает о работах

отдельных комиссий, изучавших вопрос о границах между Венгрией и Югославией, между Венгрией и Чехо-Словакией.)

. . . .

Обсуждается вопрос о том, есть ли необходимость в изменении границы между Австрией и Венгрией. Полагают, что необходимости в этом не ощущается, но что во всяком случае комиссия может изучить вопрос на тот случай, если он будет поставлен. Соннино говорит: «К чему подстрекать их таким образом к постановке вопроса?»

Вопрос об остальных границах Австрии будет рассмотрен завтра. В совещании принимали участие, главным образом, Соннино, Бальфур от Англии, Лансинг от Америки. Между Соннино и Лансингом заметно известное расхождение.

В эти дни Ллойд Джордж обнаруживал сердечность и дружелюбие; Клемансо казался враждебно настроенным; Вильсон—в душе враждебным, но внешне медоточиво любезным.

Из Рима пришло известие, что Баррер, в поисках разрешения наших затруднений, выехал в Париж. Пишон делает вид, что это ему неизвестно.

Из Рима же приходит известие, якобы проникшее на страницы печати, о высказываниях Соннино в 1914 г. в том смысле, что Италия должна итти вместе с Германией и Австро-Венгрией. Говорю об этом Соннино, который мне отвечает: «Публичных заявлений не было». Так как в печати указывалось также на одно его письмо к Гвиччардини или Бертолини, выражавшее ту же мысль, я спрашиваю его: «Вы желали бы выступить с опровержением?» Соннино отвечает: «Я ничего не говорю. Здесь нечего сказать». Имперали рассказывает, что у Стида будто бы имеется копия одного письма Соннино в вышеуказанном смысле*.

Пятница, 9 мая.

10 час. 30 мин.—Заседание Четырех с Экономическим советом у Вильсона.

. . . .

15 часов.—Собрание на Кэ д'Орсе.

Присутствуют пять министров иностранных дел, эксперты, секретари. 42 человека! От Италии—Соннино, Де Мартино, Альдрованди, Ваннутелли и Бертеле.

Сначала речь идет о границах между Австрией и Чехо-Словакией.

. . . .

Затем обсуждается вопрос о границах между Австрией и Югославией. И после долгой дискуссии о том, компетентен ли совет министров иностранных дел обсуждать связанный с этим вопрос о границе между Австрией и Италией, разрешение которого

* Ср. стр. 36 и 37.

было предоставлено Совету Четырех, все передается подготовительной комиссии. Комиссия эта должна представить специальный доклад об экономико-этнографическом положении бассейнов Марбурга и Клагенфурта, относительно которых Соннино выдвинул оговорки, настаивая на принадлежности этих бассейнов Австрии. В дискуссии, кроме Соннино, принимали особенное участие, так же как и вчера, Бальфур и Лансинг.

В 16 часов —заседание Четырех у Вильсона.

(Обсуждается вопрос о мерах, которые следует принять в случае отказа немцев подписать договор.

Вильсон хотел бы быть осведомленным также в части, касающейся репатриации американских войск. Ллойд Джордж замечает: «Через 15 дней мы узнаем, будет ли у нас еще война или не будет».)

Клемансо.—В настоящий момент военная комиссия занята изучением этого вопроса. Мне было сообщено, однако, что итальянцы в этой комиссии не участвуют, так как на приглашение они ответили, что не готовы. Разумеется, мы не можем остановить работу по той причине, что итальянцы не готовы. Я просил генерала Белена продолжать работу и обсудить вопрос без итальянцев.

Орландо.—Здесь какое-то недоразумение.

Ллойд Джордж.—Следовало бы рассмотреть также вопрос о возможности оккупации Берлина и Франкфурта.

Клемансо.—Я бы предложил выслушать маршала Фоша завтра.

Вильсон.—Хорошо.

Поговорив по телефону с генералом Каваллеро, сообщаю, что, как он заявил мне, он ни разу не был приглашен на заседание по военным вопросам, касающимся Германии. Он получил приглашение принять участие в комиссии, вырабатывающей военный статут Австрии и Венгрии, и ответил, что ввиду ожидающегося послезавтра приезда генерала Диаца он считал необходимым дождаться его приезда.

Россия.

. . . .

(Решено, что статьи 228, 229, 230 мирных условий, сообщенных германским делегатам, будут приняты редакционным комитетом в качестве основы соответствующих статей мирного договора с Австрией и Венгрией, но что в мирных договорах с Австрией и Венгрией не должна содержаться статья, соответствующая статье 227, ввиду отсутствия необходимости предъявления обвинения австрийскому императору Карлу, как это было сделано в отношении императора Вильгельма[16]*.)*

Немецкие подводные лодки.

. . . .

Хэнки.—У меня имеется письмо лорда Кенлифа, который от имени возглавляемой им комиссии хотел бы знать решение

Четырех о том, должны ли новые государства вроде Польши и т. д. принимать участие в возмещении ущерба, нанесенного войной.

Орландо.—Я бы сказал—да.

Вильсон.—Мне кажется, что следовало бы применить иное трактование к некоторым нациям, которые, подобно Польше, менее ответственны за политические директивы, осуществлявшиеся государствами, принимавшими между прочим участие в давнишнем преступлении раздела самой Польши. Так, по отношению к другим странам, как, например, к Чехии, следовало бы применить другие соображения.

Орландо (Вильсону).—Я просил бы вас самих сформулировать по этому вопросу решение, которое мы могли бы рассмотреть завтра.

Вильсон.—Я сделаю это.

. . . .

Хэнки представляет приведенную ниже формулу, которую он считает соответствующей решению, принятому на вчерашнем заседании:

«В каждом из мирных договоров с Австрией и Венгрией будут содержаться статьи, обязывающие как Австрию и Венгрию, так и другие договаривающиеся державы признать границы различных государств, возникших из прежней Австро-Венгерской империи, равно как и всех других прилегающих государств. Где это возможно, все границы этих государств должны быть установлены мирными договорами с Австрией и Венгрией. В тех случаях, однако, когда полное определение этих границ представится невозможным до подписания этих договоров, Австрия и Венгрия, как и другие договаривающиеся стороны, взаимно согласятся признать эти государства в пределах тех границ, которые будут впоследствии установлены главными союзными и присоединившимися державами. Разумеется, это не будет применяться к австро-венгерской территории, границы которой будут установлены соответствующими мирными трактатами».

Орландо.—Я оставляю за собой право рассмотреть эту формулу и сказать завтра, принимаю ли я ее.

Возвращаясь от Вильсона в гостиницу «Эдуард VII», Орландо говорит мне: «Если бы я знал, что моя отставка поможет Италии получить даже самый небольшой островок в Адриатике, я тотчас же подал бы в отставку. Я мог бы мотивировать ее расхождением мнений в кабинете. Действительно, на заседании совета министров 4-го числа только два министра высказались за оказание сопротивления, остальные—за оставление Фиуме».

Баррер был остановлен на полпути в Париж, где он намеревался выступить со своим планом соглашения. Это было сделано по приказу Клемансо, который дал ему понять, что у него гораздо больше дела в Риме, чем в Париже. Пишон говорил об этом с Бонином, добавив, что это мы «добивались приезда Баррера в Париж», чего на самом деле не было.

Суббота, 10 мая.

11 часов.—Заседание Четырех у Вильсона с участием маршала Фоша и генерала Вейгана.

(Обсуждается вопрос о мерах, которые должны быть приняты в случае отказа немцев подписать мирный договор: занять Берлин и Веймар, отрезав Баварию.)

. . . .

Ллойд Джордж.—Надо тратить возможно меньше времени, так как в этот момент немцы выносят свои решения.

Клемансо.—Согласен.

Фош.—Я к услугам правительства, но замечу, что у немцев имеется время для ответа до 22-го числа.

Клемансо.—Они уже послали два письма.

Фош.—О! Они пошлют еще больше!

Ллойд Джордж.—Я считал бы необходимым, чтобы они тем временем узнали, что маршал Фош на всякий случай отправился на фронт.

Фош.—Я мог бы отдать приказ о перевозке военных материалов.

Ллойд Джордж.—Немцы медленно соображают. Нужно начать действовать возможно скорее.

Клемансо.—Согласен. Рекомендуем вам действовать быстрее.

Фош.—Тщательнее.

(Маршал Фош и генерал Вейган выходят.)

Россия. В 11 часов приглашают Чайковского.

. . . .

(Чайковский уходит.)

11 час. 45 мин.

Орландо.—Заявляю, что, рассмотрев формулу, предложенную вчера полковником Хэнки по вопросу о границах бывшей Австро-Венгерской империи и сопредельных государств, я принимаю ее.

Орландо.—Президент Вильсон говорил мне вчера, что он разработал формулу, касающуюся общих принципов австро-венгерских репараций.

Вильсон.—Мне это было поручено? Не помню. Во всяком случае у меня не было времени подумать об этом.

Клемансо.—Австрийские делегаты прибудут в среду, 14-го числа. Делегат Ламмаш, ссылаясь на нездоровье, просил разрешить ему прибыть в сопровождении жены и дочери.

Вильсон.—Я тоже получил через Лансинга такую же просьбу.

Клемансо.—Я уже согласился дать на это разрешение.

В 16 часов—заседание Четырех у Вильсона.

Ввиду опоздания Орландо Трое беседуют между собою.

Клемансо (шутливо).—Впредь мы будем заседать в лесу Фонтенебло; рассядемся по деревьям.

Вильсон.—Согласен.

Клемансо.—Однако мы приняли это решение, не выслушав мнения Орландо!

Вильсон (разрезая объемистый том мирных условий с Германией).—Надеюсь, остатка моих дней будет достаточно для того, чтобы успеть прочитать этот том. Мы в течение минимального времени * выполнили огромную работу, которую когда-либо удавалось проделать четверым.

Ллойд Джордж.—Что вы думаете о Чайковском?

Вильсон.—Он мне нравится. Это человек прямой. Он—сторонник Колчака.

Ллойд Джордж.—А он не интриган? Мы должны узнать его.

Вильсон.—Возможно, что это второй Наполеон.

Ллойд Джордж.—Нет, это не Наполеон.

Разговор о Чайковском, Колчаке и России продолжается до прихода Орландо.

Хэнки.—Следовало бы принять решение относительно просьбы, обращенной ко мне лордом Кенлифом. Как мне говорил Альдрованди, финансовый комитет не может заняться изучением вопроса об австрийских репарациях, если сначала не будет установлен общий принцип, на основании которого репарации эти должны быть истребованы.

Вильсон.—Моя первоначальная идея, основанная на чувстве, заключается в том, что Польша должна быть исключена, так как она принимала участие в войне на трех фронтах—австрийском, германском и русском—и поэтому перенесла ужасные лишения. Мне кажется, что ее следовало бы освободить от всяких обязательств по репарациям. Однако этого нельзя сказать о других частях Австро-Венгрии; но я не сумел бы сказать, на какой основе должна быть исчислена падающая на них доля репарационных платежей. Должна ли быть возложена на них пропорциональная часть государственного долга, или только репарационных платежей, или же и то и другое?

Ллойд Джордж.—Раньше государственного долга должны быть рассмотрены права союзников.

Вильсон.—Репарации для Австрии и Венгрии следовало бы исчислить на той же основе, что и для Германии.

Ллойд Джордж.—В этом случае австрийские репарации приобрели бы характер, аналогичный с германскими и таким образом уменьшили бы долг Германии.

Клемансо.—Нет, нет.

Вильсон.—Один из принципиальных элементов, которые я имел в виду, заключается в справедливом отношении к Италии;

---

* В начале мирной конференции Ллойд Джордж заявил, что конференция, как он надеется, не примет «характера Трентинского собора [17], продолжавшегося 43 (?) года и закончившегося тогда, когда никого из первоначальных его участников уже не осталось в живых».

поставить Австрию в положение аналогичной Германии плательщицы значило бы увеличить возможность соответственных репараций для Италии.

Ллойд Джордж.—Италия находится в таком же положении, как и мы.

Орландо.—До настоящего времени—да.

Вильсон.—Мы все считаем, что репарации, которые может предложить Австрия, несоразмерны и это является основанием для того, чтобы рассматривать долю ее репарационных платежей, как аналогичную.

Ллойд Джордж.—Следует полагать, что Австрия не сможет оплатить убытки; однако все же было бы лучше установить размеры суммы, приходящейся на долю Австрии и Венгрии.

Вильсон.—И предъявить умеренные требования.

Клемансо.—Но кто может дать указания на этот счет?

Ллойд Джордж.—Имеется специальная комиссия.

Вильсон.—Мы можем затребовать от экспертов их заключение о полной сумме платежей для целой территориальной группы, за исключением Польши, добавив, если это будет возможно, схему пропорциональной квоты, налагаемой на каждую из держав, входивших в состав бывшей Австро-Венгерской империи.

Ллойд Джордж и *Клемансо.*—Согласен.

Орландо.—Это очень сложный вопрос, который должен быть передан на рассмотрение экспертов. Например, принимая во внимание только военные долги, было бы весьма затруднительно точно установить в этом смысле положение различных государств, возникших из бывшей Австро-Венгерской империи. Может случиться, что у одних имеются военные долги, у других же этих долгов может не оказаться, и положение сделалось бы очень запутанным. Поэтому было бы лучше передать вопрос на рассмотрение экспертам, которые должны в качестве основы в своей работе принять концепцию, согласно которой все государства, за исключением Польши, обязаны платить. На этой основе эксперты должны оценить платежеспособность всей группы; затем они должны обсудить вопрос о распределении ответственности и платежных средств отдельных плательщиков. Немцы могли бы выступить с жалобами в том случае, если им не будет известно, должны ли и в каком размере платить их бывшие союзники. Это является лишним основанием для рационального рассмотрения вопроса.

Ллойд Джордж.—Да, это служит лишним основанием. Но имеется еще другое. Все союзные державы вошли в большие долги, чтобы освободить народы, которые добились освобождения не только собственными силами, но и благодаря усилиям союзников. Роль их в войне заключалась в том, что они вели борьбу против нас. Не принимая окончательного решения, я считал бы, что расследование следует распространить также на Польшу.

Вильсон.—Но Польшу, с известной точки зрения, можно уподобить, в смысле перенесенных ею лишений, Бельгии.

Ллойд Джордж.—Бельгия будет самой богатой страной Европы.

Вильсон.—В таком случае я беру назад свое сравнение.

Орландо.—Я предлагаю, чтобы Хэнки составил текст решения по поводу всего сказанного нами.

Хэнки.—Это будет сделано. Уведомляю, что финансовая комиссия, занятая рассмотрением австрийских вопросов, желает знать, имеет ли она право выслушать чехо-словацкую делегацию.

(Орландо и остальные выражают свое согласие.)

Клемансо.—Могу подтвердить, что австрийские делегаты прибудут в среду.

Ллойд Джордж.—А венгерские?

Клемансо.—Никому ничего об этом неизвестно.

(В то время, когда у Вильсона происходило заседание Четырех, на Кэ д'Орсе состоялось совещание министров иностранных дел с экспертами и секретарями.

Как мне сообщили, комиссия, изучающая вопрос о границе между Австрией и Югославией, представила доклад, принятый ее большинством. Итальянские делегаты в этой комиссии выступили с оговорками. В возникшей по этому поводу дискуссии Соннино вновь настаивал на том, что не следует прерывать сообщения между Триестом, Австрией и Чехией. Имеются три решения: передать территорию, о которой идет речь, Австрии, либо Югославии, либо Италии. Италия не желает включать в свои территории неитальянское население, если только к этому ее не вынудят соображения безопасности; передача названной территории Югославии привела бы к созданию непреодолимых экономических трудностей; отчего не вынести теперь же решение о передаче ее Австрии? Тогда Бальфур выступил с длинной речью, заметив между прочим, что передача территории Австрии повлекла бы за собой не только отделение почти 60 тысяч южных славян от основной их национальной массы, но также передачу их враждебному государству. Кроме того, итальянскому предложению противоречили соображения географические. «Нельзя провести параллель с Бреннером [13], приобретение которого Италией могло быть оправдано географическими соображениями, хотя эти последние и менее вески, чем соображения этнографического порядка. В рассматриваемом же случае как этнографические, так и географические соображения были бы нарушены». Лансинг заявил, что он согласен с Бальфуром. «В вопросе о Бреннере совет решил оказать предпочтение географическим соображениям перед мотивами этнографическими и решил передать Италии территорию, включающую значительное число австро-немцев». Лансинг затем упомянул также о Фиуме. «Если рассматриваемая территория не должна быть югославской, так как южные славяне могли бы использовать ее для перерыва сообщений с Триестом, можно было бы тогда считать, что и примыкающая к Фиуме территория также не должна быть югославской во избежание перерыва торговых сообщений с названным портом». Отвечая Лансингу, Соннино не допускал возможности проведения параллели между этими двумя случаями. Он продолжал утверждать, что порты Триест и Фиуме должны быть поставлены в такие условия, которые давали бы им возможность дальнейшего развития. Касаясь точки зрения этнографической, Соннино напомнил, что около 300 тысяч немцев были переданы Польше и около 280 тысяч венгров сделались румынскими подданными. Лансинг возражал, говоря, что в данном случае принцип оказания преимущества друзьям перед недругами выворачивается наизнанку. Здесь территория отбирается от Югославии для передачи

Австрии. Соннино заметил, что словены не являются для него друзьями в большей степени, чем были австрийцы. Лансинг возразил, что Америка считает их друзьями. Соннино заметил, что новые государства не следует рассматривать ни в качестве друзей, ни как врагов. «Если Австрия войдет в состав дунайской конфедерации, австрийцы смогут считаться друзьями, если же она примкнет к немецкой конфедерации, австрийцы могут быть причислены к врагам... Впрочем, когда говорят о друзьях, следует иметь в виду, что имеется еще Италия». Дискуссия принимала все более горячий и резкий характер. Бальфур и Пишон призывали к практическому решению вопроса. Соннино заявил тогда, что, как он указывал с самого начала, он согласен, не желая задерживать доклад о договоре с Австрией, принять доклад комиссии, предусматривающий уступку Австрией союзным и присоединившимся державам округа Тарвис и зоны, расположенной к югу от него, при условии, если комиссия вновь соберется и примет во внимание сделанные им замечания в интересах Триеста и постоянных торговых взаимоотношений между указанными странами.

Черновик затем был передан комиссии по югославским делам. Если комиссия вынесет единодушное решение, проект может перейти на обсуждение Четырех без обязательного возвращения его в совет министров иностранных дел.)

Воскресенье, 11 мая.

Соннино в унынии.

Сегодня нет заседаний.

Необходимо принять меры к пополнению итальянской делегации ввиду того, что Салландра и Сальваго Раджи вышли из ее состава и неизвестно, останется ли Бардзилаи.

Сальваго Раджи получает телеграфную просьбу взять обратно заявление о выходе из состава делегации. Знаю, что Сальваго решил не возвращаться.

Понедельник, 12 мая.

Огорченный, измученный Орландо говорит мне: «Как я понимаю—ныне отпущаеши!»

В автомобиле по дороге на заседание коллег в доме Вильсона Орландо говорит мне: «Еще хуже после передышки. Предпочитаю непрерывную борьбу».

11 часов.—Заседание Четырех.

Зачитывается письмо Брокдорф-Ранцау.

. . . .

(Утверждается проект письма Хэнки к лорду Кенлифу в смысле принятых вчера решений по вопросу о репарационных пунктах в договорах с Австрией и Венгрией, о новых государствах и военных убытках.)

Орландо.—Я должен поднять вопрос, представляющий особый интерес для Италии в связи с австрийскими и венгерскими репарационными платежами. Речь идет о вопросе, касающемся адриатического торгового флота. С моей точки зрения, решения о распределении неприятельского торгового флота, касающиеся Германии, неприложимы к Австро-Венгрии, ибо речь идет о судах тех портов, которые перестанут быть австро-венгерскими и

сделаются итальянскими или югославскими. Если эти суда будут взяты из итальянских и югославских портов, это будет равносильно гибели названных портов.

Клемансо.—Где находятся эти суда?

Орландо.—Они были секвестрованы союзниками и используются ими в настоящее время в Средиземном море. Возникает вопрос: кому будут принадлежать эти суда впоследствии?

Клемансо.—Я не понял как следует предложения.

Ллойд Джордж.—Если Италия должна получить известную долю германских судов, невозможно будет применить предлагаемый сейчас порядок к австро-венгерским судам. Это было бы несправедливо по отношению к северным государствам.

Орландо.—Австрийские суда не могут увеличить собой сумму итальянского тоннажа. Они относились к специальному роду экономической службы, которая вполне отличалась от итальянской торговли. Говорить, что приобретение этих судов компенсировало бы Италию за потерю тоннажа, нет оснований, если принять во внимание, что тоннаж этот является нераздельной частью приобретенных в настоящее время Италией портов, которые сами нуждаются в собственном тоннаже.

Клемансо.—Не понимаю, что это должно означать.

Ллойд Джордж.—Я думаю, что мне удалось понять. Я бы не возражал, если бы Италия отказалась от своей доли германского тоннажа, возместив ее за счет австро-венгерского торгового флота. Наибольшее участие в войне против Германии принимали Великобритания и Франция, тем не менее было решено присудить Италии известную квоту германского тоннажа. Но если Италия должна получить квоту по тоннажу страны, против которой она не сражалась, и в дополнение к этому весь торговый флот страны, против которой она действительно боролась, мне трудно было бы понять, на каком именно принципе справедливости и равноправия основывается ее требование.

Вильсон.—Г-н Орландо полагает, что австро-венгерский тоннаж является некоей единицей, которая не должна быть удалена из Адриатического моря.

Ллойд Джордж.—Меня очень удивляет способ постановки вопроса. Было бы в такой же степени справедливо не уводить из Северного моря принадлежащий этому морю флот.

Германские суда, курсирующие в Северном море, столь же необходимы для соответствующих портов, как и австрийские суда в Адриатическом море. Несмотря на это, британское правительство никогда не думало выдвигать подобного рода требований. *(С большой силой.)* Такого необыкновенного требования мне никогда не приходилось слышать.

Орландо.—Я просил бы рассмотреть вопрос под другим углом зрения. Я очень сожалею о том впечатлении, которое произвело мое предложение на г. Ллойд Джорджа. Но я твердо убежден, что

предложение мое справедливо. Италия должна получить Триест, являвшийся большим торговым портом. Если, однако, Триест будет передан Италии без его торгового флота, Италия получит в свои руки разоренный город. Было справедливо решено, что Эльзас не должен принимать участия в репарационных платежах. Эльзас-Лотарингия представляет собой речную область, и по отношению к ней было решено, что речной тоннаж не должен быть включен в германский тоннаж, подлежащий распределению между союзниками в счет репараций, но должен быть оставлен Эльзасу. То, о чем я прошу, заключается в применении того же принципа к Триесту, ибо без флота Триест придет в упадок.

Клемансо.—Пропорция должна быть одинакова. Если вы хотите получить все на севере и на юге, мы не сможем договориться. Я не был готов к этому.

Ллойд Джордж.—Я готов ко всему.

Клемансо.—Англия потеряла огромный тоннаж.

Орландо.—Равно, как и Италия.

Клемансо.—Итальянские потери невозможно сравнивать с британскими.

Ллойд Джордж.—Я думаю, что даже относительно британские потери превышают итальянские.

Клемансо.—Я вполне согласен с г. Ллойд Джорджем.

Вильсон.—Мне хотелось бы знать, что именно подразумевает г. Орландо под торговым флотом Триеста. Все суда, торгующие с Триестом?

Орландо.—Нет, суда, приписанные к Триестинскому порту.

Ллойд Джордж.—Я не помню, что́ именно было решено относительно тоннажа рейнского флота, но, судя по тому, что мне сейчас говорит Хэнки, флот этот не мог бы плавать нигде, кроме Рейна, между тем как зарегистрированные в Триесте суда могут быть использованы в своем большинстве в любой части света. Если бы Италия уведомила об этом своем намерении, я воспротивился бы передаче Италии какой бы то ни было квоты германских судов. Невозможно, чтобы Италия участвовала в разделе тоннажа, который мы берем у противника, против которого она не сражалась, и вместе с тем удерживала бы австро-венгерские суда. Я не ожидал этого после всего того, что нами было сделано для Италии на общефинансовом фронте против Германии. Я горячо протестую против этого предложения.

Орландо.—Мне приходится с прискорбием констатировать, что мои представления о справедливости не соответствуют представлениям г. Ллойд Джорджа.

Клемансо.—Так же как и мои.

Орландо. — Я прошу применить к Италии положение, аналогичное положению, предусматриваемому в договоре с Германией.

Ллойд Джордж.—Мне непонятно, что это означает.

Клемансо.—Я не нахожу в договоре с Германией ничего применимого в данном случае.

Орландо.—Я зачитаю извлечение из статей, касающихся репараций, предусматриваемых договором с Германией (часть VIII, приложение III, пункт 3, стр. 108):

«В число кораблей и судов, указанных в параграфе 1, входят все корабли и суда: а) плавающие или имеющие право плавать под торговым германским флагом; или б) принадлежащие германскому гражданину, германскому обществу или компании, или товариществу или компании страны, иной, чем союзные или присоединившиеся страны, и находящиеся под контролем или в заведывании германских граждан; или в) строящиеся в настоящее время: 1) в Германии; 2) в странах, иных, чем союзные или присоединившиеся страны, за счет германского гражданина, германского общества или компании».

Таков текст статьи, в которой указаны германские торговые суда, могущие явиться предметом репарационных платежей. Все, чего я требую, заключается в том, чтобы этот же принцип был применен к австро-венгерским гражданам, за исключением триестинских граждан, так как эти последние делаются итальянскими гражданами.

Клемансо.—Я не хочу отдавать вам все. Я не хочу отдавать вам сто миллионов, когда я сам получаю четыре пятака. Вы это называете справедливостью, я же считаю это высшей несправедливостью.

Ллойд Джордж.—То, что хотел сказать г. Орландо, означает, что так как по договору с Германией должны быть получены только суда, принадлежащие германским гражданам, то суда, зарегистрированные в Триесте, не должны быть взяты по той причине, что жители Триеста приобретают итальянское гражданство.

Клемансо.—Но они не являются итальянскими гражданами до тех пор, пока договор не будет подписан.

Орландо.—Но на дружественные страны репарации не распространяются. Если мое предложение не будет принято во внимание, окажется, что Италия практически не получит никаких репараций в виде судов, так как она должна будет оставить австро-венгерский тоннаж в портах, и, следовательно, она не получит никакой компенсации за потерянный ею тоннаж.

Ллойд Джордж.—Мне не удается понять, как можно делать подобное предложение. Сотни тысяч тонн судов были потоплены при доставке Италии зерна, угля и военных материалов, а теперь союзники не должны получить доли австрийского тоннажа. В этом случае тоннаж, принадлежащий Триесту и Поле[19], был бы исключен, так как эти два порта будут итальянскими, и судами, подлежащими распределению, оказались бы только суда Себенико и Сплато и других югославских портов; однако, поскольку южные славяне сделались теперь сербами и являются союзниками,

главные союзные и присоединившиеся державы должны быть совершенно исключены при распределении и этих судов.

Вильсон.—Да, в силу той же теории.

Клемансо.—Но если этот принцип восторжествует, мы не получим ни одного сантима.

Орландо.—Я начал с того, что Югославия должна иметь равные права.

Клемансо.—То же самое говорю я.

Ллойд Джордж.—Надеюсь, что не придется отчитываться перед британским парламентом в этой истории и объяснять, почему Англия ничего не получила из адриатического флота. Я не представляю себе, как бы я мог сделать это.

Орландо.—Повторяю, что так как невозможно, чтобы Италия лишила Триест его флота, в результате оказалось бы, что Италия не получит никакой компенсации за потерянные ею суда.

Клемансо.—Триест является неприятельским городом до установления нового порядка.

Ллойд Джордж.—Самым опасным участком пути во время войны являлся путь в Италию, и британский торговый флот понес серьезнейшие потери в этих узких морях. Я оспариваю утверждение, что Триест является более разоренным портом, чем какой-либо другой. Если у него будут возможности торговли и транзита, корабли всех флагов будут заходить туда, и порт будет процветать.

Орландо.—Могу ли я в связи с тем, что только что было сказано г. Ллойд Джорджем, отказаться от итальянской квоты германского торгового флота и принять взамен весь флот, зарегистрированный в Трисете и в Поле, который останется за названными портами.

Ллойд Джордж.—Существуют два принципа репараций: или Италия выдвигает рекламации против немцев за причиненный ей Германией ущерб и выдвигает другую рекламацию против австрийцев за нанесенный ей Австро-Венгрией ущерб, или же она участвует в общей сумме репараций. Возможен также третий принцип, заключающийся в том, чтобы Италия обратилась к Австрии за получением всей суммы причитающихся ей рéпараций, и в то же время Великобритания и Франция обратятся за тем же к Германии. Мне неизвестны другие принципы.

Орландо.—Минимум моих требований заключался бы в том, чтобы в квоту предназначенных Италии судов был включен триестинский тоннаж.

Вильсон.—Пропорция получилась бы соразмерная?

Орландо.—Да.

Ллойд Джордж.—Мысль г. Орландо заключается в том, что в случае передачи Италии ста судов они должны быть взяты из числа триестинских судов. Об этом можно потолковать.

Вступление Германии в конвенцию о труде. Манту зачитывает документ на немецком языке.

Клемансо.—Переведите мне все это на удобопонятный язык.

Клемансо.—Теперь остается только греческий вопрос, относительно которого необходимо объясниться. В отсутствие итальянских делегатов греки просили разрешить им сделать высадку в Смирне[20], и мы им разрешили это. Результатом этого явилась концентрация судов, кажется, в Кавалле[21]. Дело заключалось не в том, чтобы принять какое-либо решение относительно Смирны, но мы хотели, чтобы греки могли там высадиться для предотвращения резни их соплеменников, имевшей неоднократно место за последнее время. Мы сочли необходимым, чтобы английский, французский и итальянский отряды приняли участие в десанте. Насколько нам известно, в Смирне находится уже много итальянских военных судов, шесть или семь.

Орландо.—Только два*.

Клемансо.—Мы не хотели бы, чтобы высадка английских, французских и итальянских войск производилась в различных пропорциях. У Франции там имеются небольшие силы, и нам не хотелось бы, чтобы итальянцы высадили значительно более крупные части. Мы не могли сделать этого, не предупредив об этом г. Орландо, прося его принять соответствующие меры.

Орландо.—Речь идет о высадке греков, французов, англичан и итальянцев?

Клемансо.—Греки займут Смирну, но, повторяю, мы не предполагали давать никаких указаний о распределении территории.

Ллойд Джорджс.—Мы предложили, чтобы оккупация была выполнена греками с целью предотвращения возможных в дальнейшем убийств греческих граждан.

Клемансо.—Повторяю, что греки просили разрешения произвести эту высадку.

Вильсон (внезапно прерывая, резким тоном).—Это мы посоветовали грекам. Первоначальная просьба исходила не от греков. Совет рекомендовал грекам высадить свои войска для предупреждения дальнейшей резни.

Клемансо.—Да, это так. При этих обстоятельствах в целях предупреждения бойни и поддержания возможно большего порядка были даны инструкции адмиралу Калторпу отправиться из Константинополя в Смирну. По имеющимся у меня сведениям итальянцы несколько дней назад высадили в Смирне некоторое количество моряков и затем увезли их обратно.

---

* 10 апреля во французских газетах появилось известие о том, что 10 итальянских судов отплыли в Смирну. Повидимому, сообщение это было сделано в целях подготовки греческого десанта. Были запрошены сведения от итальянского флота, и адмирал Таон-ди-Ревель ответил: «Сообщение это абсолютно ложно. В Смирне находится только королевское судно «Пьемонте».

Орландо.—Мне это неизвестно.

Клемансо.—Мы хотим, чтобы одновременно с греческой оккупацией была произведена высадка итальянцев, французов и англичан, после чего город должен быть оставлен под охраной греков.

Ллойд Джордж.—Мы будем занимать форты до тех пор, пока греки нас сменят. Тогда мы вновь погрузимся на корабли. Естественно, что в отдельных местах не должно находиться несколько команд. Команда в Смирне должна состоять из греков. *(Обращаясь к Хэнки:)* Турция была об этом извещена?

Хэнки.—Не думаю.

Ллойд Джордж.—Сэр Джордж Риддел получил от одного англичанина, жителя Смирны, лица весьма уважаемого и заслуживающего доверия, письмо с описанием турецких зверств над греками, сопровождавшихся пытками.

Клемансо.—Когда произойдет высадка?

Орландо.—Я хотел бы поговорить об этом с Соннино, так как мне точно неизвестно, какова наша позиция в этом вопросе. Я мог бы дать ответ в течение дня.

Ллойд Джордж.—По имеющимся у меня сведениям высадки были произведены итальянцами без всякого ведома союзников, а именно в Макри, Будруме, Мармарице и Скаланове[22]. Я бы хотел спросить г. Орландо, верно ли это и по каким мотивам это совершилось*.

---

* После заключения перемирия с Турцией Франция и Англия произвели оккупацию территорий, в соответствии со своими интересами, в зонах, им предназначенных или на которые они претендовали.

Было бы слишком долго останавливаться на вопросе об участии или неучастии Италии в переговорах о заключении названного перемирия или в оккупационных операциях. С некоторых пор циркулировали слухи о том, что греки готовятся занять Смирну и другие местности в зоне, которая была предназначена Италии в силу соглашений, состоявшихся в Сен-Жан-де-Морьен и в Лондоне.

Уже 23 марта до итальянского правительства дошли слухи о концентрации греческих войск в Митиленах, Хиосе, Леросе ввиду возможности высадки десантов в Анатолии.

Крупнейший греческий крейсер «Averof» прибыл в Смирну 17 апреля, и, как утверждали, в тот же день к Лемносу были стянуты греческие войска и греческие офицеры. Многочисленные агенты, прибывшие поодиночке в штатском платье, были уже в Смирне, готовые ко всяким неожиданностям.

23 апреля Блистательная Порта[23] послала союзническим верховным комиссарам в Константинополе ноту, сообщавшую о слухах, согласно которым Греция готовилась высадить 25 тысяч человек на смирнском побережье.

Вслед за тем пришло известие о том, что 6 мая, когда итальянская делегация еще не возвращалась в Париж, Трое предложили грекам оккупировать Смирну.

8 мая, т. е. до того, как Трое известили нас об этом, британский верховный комиссар в Константинополе заявил своему итальянскому коллеге, что «было вынесено решение о немедленном занятии Смирны греками».

Ввиду всего этого итальянское правительство, и особенно Соннино, заблаговременно распорядилось о том, чтобы верховное командование и флот были готовы произвести десанты и оккупацию в защиту наших интересов и наших прав в случае, если в Анатолии состоится или будет предстоять высадка греческих войск.

В связи со всем вышесказанным были произведены десанты итальянских

Клемансо.—Высадка была произведена также в Адалии[24].

Ллойд Джордж.—Мы знаем об этом.

Орландо.—Поэтому я и хочу поговорить с Соннино, который в курсе всего дела.

Вильсон.—Прошу г. Орландо принять к особому сведению указание г. Ллойд Джорджа о десантах.

Ллойд Джордж.—Это—места, прилегающие к Смирне.

Вильсон.—В каком положении находится подготовка договора с Австрией?

Ллойд Джордж. Работы еще не закончены. Относительно одной из территорий идет спор между Австрией и Югославией.

Вильсон.—Как мы будем обсуждать эти вопросы? Было бы лучше отправиться сегодня на Кэ д'Орсе, обсудить и вынести решение в присутствии министров иностранных дел.

Ллойд Джордж.—Было бы лучше покончить сначала с вопросом о Смирне.

(Решено собраться сегодня днем в доме президента Вильсона в 15 час. 30 мин. для обсуждения вопроса о Смирне, а затем на Кэ д'Орсе вместе с министрами иностранных дел для рассмотрения вопроса о границах Австрии.)

Возвращаясь в гостиницу, Орландо говорит мне: «Сегодня утром, отправляясь на заседание, я думал, что дошел до предела огорчения, теперь я убеждаюсь, что заблуждался».

Соннино, осведомленный о том, что сегодня утром происходило на совещании Четырех, не скрывает своего негодования.

Говорю об этом итальянскому адмиралу, который восклицает: «В эти союзные страны я хочу вернуться с оккупационными войсками!»

Орландо и Соннино в 14 час. 30 мин. отправляются к Ллойд Джорджу. Соннино напоминает Ллойд Джорджу, что Смирна по соглашению 1917 г. была предоставлена Италии.

Ллойд Джордж.—Да, но в настоящее время соглашения эти более не действительны. Недостает согласия России[25]. Впрочем, вы заняли много пунктов.

Соннино.—Лондонский договор все еще остается в силе.

Ллойд Джордж.—Вы не должны были производить высадки, не предупредив об этом союзников. Мы всегда извещали*

войск в Адалии 2 апреля, в Макри, Мармарице и Будруме—между 11 и 12 мая, в Скалановс—14 мая. 26 апреля наш пехотный батальон по предварительному согласованию прибыл в Конию и сменил английские войска.

* Как именно в действительности обсуждался союзниками этот вопрос о Смирне, их переговоры с Венизелосом, их желание поставить нас лицом к лицу с совершившимся фактом в вопросе о Малой Азии (6, 7, 10, 11 мая), явствует из дневника маршала Генри Вильсона (London 1927, v. II, p. 188 etc.; см. также R. S. Baker, op. cit, v. II, p. 191 etc.), в котором он называет это «грязным делом» и «постыднейшей интригой конференции».

и еще сегодня утром уведомили г. Орландо относительно Смирны.

Было бы хорошо рассмотреть все итальянские вопросы вместе. Отчего бы не собраться четырем неответственным (irresponsille) лицам, которые обсудили бы вопрос и пришли бы к какому-нибудь определенному решению? Этим могли бы заняться полковник Хауз от Америки и несколько неответственных лиц от нас.

Орландо.—Так как мне важно знать ваше справедливое мнение, я спрашиваю: считаете ли вы справедливым, чтобы Эльзас-Лотарингия, оцениваемая в 150 миллиардов, не имела никаких обязательств, в то время как мы получаем всего лишь несколько камней? Я говорю об этом, не входя в рассмотрение затронутого мною сегодня утром вопроса о тоннаже.

Предложение Ллойд Джорджа умеряет раздражение Орландо и Соннино, вызванное утренним внезапным заявлением о занятии греками Смирны, которую мы считали уже своей.

В 15 час. 30 мин.—заседание Четырех у Вильсона.

Присутствует также Соннино.

Приглашают министра Лушера. Обсуждается статья 430 договора с Германией (вторичная оккупация германских территорий в случае невыполнения немцами обязательств по репарациям).

. . . .

Опубликование текста мирного договора, врученного немцам. (Пока согласия не имеется.)

. . . .

(Лушер уходит.)

Вильсон.—Каково решение итальянских коллег относительно требования, предъявленного им сегодня утром?

Орландо.—В принципе я принимаю. Я считал бы предпочтительным оставить войска главных держав на суше, около 200 человек от каждой, и не уводить их до тех пор, пока решение о судьбе Смирны не будет окончательно вынесено. В этом заключается единственное изменение, о котором я прошу.

Вильсон.—Численность десантов с французских и английских кораблей не превысит 200 человек.

Ллойд Джорджс.—В британском отряде будет не более 50 человек.

Соннино.—Их пребывание на суше придало бы оккупации международный характер.

Клемансо.—Скажем, что территориальный вопрос не урегулирован, и довольно. В чьих руках будет командование?

Ллойд Джорджс.—В руках греков.

Вильсон.—Естественно, чтобы командование было греческим, так как греки располагают гораздо бо́льшими силами.

Клемансо.—Я не считаю нужным оставлять французские войска под греческим командованием. После сегодняшнего реше-

ния требуется только, чтобы высадка была произведена без нарушения пункта о Смирне в мирном договоре.

Вильсон.—Я не считаю желательным оставлять на суше группы военных различных национальностей.

Ллойд Джордж.—Корреспондент г. Риддела, о котором я упоминал сегодня утром, видел сам, как турки стреляли в греков, он видел также, как убивали безоружных людей. Это ничем не было спровоцировано.

Вильсон.—Я не считаю нужной продолжительную оккупацию смешанными войсками.

Орландо.—Не буду настаивать.

Ллойд Джордж. — Мы должны сделать какое-либо сообщение туркам? Что должны мы сказать им?

Клемансо.—Правду.

Вильсон.—Мы уведомим их за 12 часов до высадки.

Ллойд Джордж.—Греки готовы выступить.

Вильсон.—Пусть они немедленно отправятся.

Ллойд Джордж.—Они могут это сделать. Кавалла находится в 24 часах пути от Смирны.

Сонино.—Проведена ли уже концентрация судов?

Вильсон.—Да. Они были сконцентрированы в ваше отсутствие.

Ллойд Джордж.—Так. Решение было принято уже более недели тому назад.

(Решено, что греческие силы выступят из Кавалы, как только они будут готовы, и что итальянский отряд примет участие в высадке военных сил. Хэнки получат инструкции довести это решение до сведения британских морских властей для осведомления адмирала Калторпа и г. Венизелоса.)

В 16 часов—заседание на Кэ д'Орсе в кабинете министра. Присутствуют Четверо, министры иностранных дел, эксперты и секретари.

Клемансо просит г. Тардье изложить выводы, к которым пришла комиссия по югославским делам.

Тардье излагает заключения комиссии, выражающиеся в предложении провести плебисцит в бассейне Клагенфурта.

Бальфур.—Обсуждалась ли связанная с этим плебисцитом процедура?

Тардье.—Поскольку плебисцит в принципе не был еще принят, не приходилось думать о порядке проведения плебисцита.

Клемансо.—Принят ли принцип плебисцита?

Вильсон.—Да.

Ллойд Джордж.—Согласен.

Сонино.—Если в отношении Клагенфурта допускается плебисцит, это должно быть сделано также в отношении Марбурга и других вызывающих сомнение мест вдоль предлагаемой границы.

Бальфур.—Правда, имеются другие области со смешанным населением, но если конференция убеждена, что у нее уже имеются достаточные данные для разрешения соответствующих проблем без референдума, мне кажется, что плебисцит может быть оставлен лишь для Клагенфуртского бассейна.

Тардье.—Комиссия единодушно высказалась по вопросу о других границах; с тем же единодушием выдвинула она свое предложение о том, что плебисцит должен иметь место только в отношении одного этого участка.

Вильсон.—Следует срочным порядком утвердить статью для внесения в текст договора. Комиссия в своем докладе предлагает следующее:

«По всему бассейну Клагенфурта, как это указано ниже, междусоюзнической комиссии будет поручено пятью союзными и присоединившимися державами убедиться на месте, каковы желания населения относительно присоединения их территории к Югославии.

Если заключениями этой комиссии будет установлено формальное желание населения быть присоединенным к Югославии, пять союзных и присоединившихся держав оставят за собой право удовлетворить это желание».

Бальфур.—Все, о чем Австрия должна знать, заключается в том, что население рассматриваемой территории будет опрошено.

Орландо. — Если я правильно понял, статья эта означает, что решение о судьбе этой территории будет отложено до завершения работ комиссии, которая будет послана на места. В этом смысле я понимаю эту статью в предлагаемом виде.

(Статья утверждается.)

Тардье разъясняет затруднения, касающиеся треугольника к юго-востоку от Тарвиса, как это явствует из доклада комиссии.

Соннино.—Когда произойдет окончательное присуждение? Наиболее подходящим для этого временем мне представляется момент заключения договора с Австрией.

Бальфур.—На состоявшемся позавчера последнем заседании министров иностранных дел мы пришли к компромиссу единственно с целью вынесения решения о договоре с Австрией. Я согласен с бароном Соннино, что окончательное присуждение названной территории должно быть сделано в заранее определенный день. Если это не может быть сделано немедленно, то вопрос этот может быть вновь обсужден, когда конференция будет выносить решение о границах Югославии.

Клемансо.—Можно было бы принять это предложение.

Соннино.—Согласен с точкой зрения г. Бальфура, что проблема должна быть разрешена немедленно. В этом заинтересована не только Италия, но и главным образом Австрия. Австрийцы должны знать, каким образом они могут сообщаться с морем. Территория, о которой идет речь, представляет собой небольшую горную зону с очень редким населением.

Вильсон.—Речь идет о двух вопросах. Один из них касается

суверенитета, под которым должно оказаться население округа. Так как в данном округе преобладают южные славяне, естественным ответом был бы тот, что суверенитет должен принадлежать Югославии. Второй вопрос касается прямого железнодорожного сообщения между Австрией и Италией. Конференция не встретила серьезных затруднений при разрешении почти тождественного вопроса. Был найден способ обеспечить удобное сообщение между Восточной и Западной Пруссией.

Соннино.—Чтобы предоставить Чехо-Словакии 60 километров железнодорожного пути и обеспечить беспрерывное сообщение между Чехо-Словакией и Румынией, под чехо-словацкий суверенитет было отдано около 60 тысяч мадьяр. Подобно этому, не менее 280 тысяч мадьяр было передано Румынии. В Польше на 100 километров железнодорожного пути под польский суверенитет было передано около 100 тысяч немцев.

(На заседании возникают разногласия по этому заявлению, утверждают, что такие решения вопросов, быть может, и были предложены комиссиями, но до сих пор не были утверждены Советом.)

Клемансо.—Я прошу только Совет принять или не согласиться с тем, чтобы границы Австрии были установлены временно и чтобы окончательная передача рассматриваемого треугольника была отложена до тех пор, пока не будут определены границы Югославии.

(Предложение принимается.)

Граница между Австрией и Чехо-Словакией.

. . . .

(Принимается предложение комиссии.)

Граница между Австрией и Венгрией.

Вильсон.—Обсуждался ли вопрос о назначении комиссии для выяснения вопроса о границах между Австрией и Венгрией? Была ли она назначена? Насколько я знаю, Австрия поднимет этот вопрос.

Соннино.—Не будет ли достаточно потребовать от Австрии признания независимости Венгрии и от Венгрии—независимости Австрии, не поднимая вопроса о границе?

Вильсон.—Я знаю, что австрийцы поднимут вопрос.

(Выносится решение о том, чтобы потребовать от Австрии признания границы 1867 г. между Австрией и Венгрией[26], а также о том, что в случае возникновения каких-либо затруднений, касающихся названной границы, союзные и присоединившиеся державы, если это окажется необходимым, выступят в качестве арбитров.)

Клемансо нервничает, выказывает раздражение против Соннино. Во время перерыва, за чаем, Клемансо приближается к Соннино и говорит ему: «Еще один день жизни, прошу вас! Я прошу у вас только одного дня!»

Соннино отвечает: «Я не дипломат, нет, но у меня есть одно качество: я искренен».

Я разглядываю великолепные гобелены, украшающие залу, в которой помещается кабинет французского министра иностранных дел. Гобелены эти изображают пышные сцены царствования Марии Медичи, времен Ришелье и Мазарини. Около чайного столика, «у водопоя», как выражается Клемансо, в углу, на шкафчике стоит большая чернильница из позолоченной бронзы. В то время как я ее рассматриваю, Пишон подходит ко мне и говорит: «Чернильница эта служила при подписании Парижского трактата 1856 г.[27] Сюда погружалось перо графа Кавура». Мария Медичи, Ришелье, Мазарини и граф Кавур! Какими ничтожными кажутся присутствующие сегодня в этом зале! Впечатление это особенно усиливается, когда Клемансо, желая сострить, иронически говорит Пишону, указывая на бесстрастных и загадочных японских делегатов: «Подумать только, что на свете существуют блондинки, а мы сидим здесь взаперти с этими японцами, которые так неприглядны!»

Вторник, 13 мая.

В 9 час. 30 мин. Орландо отправляется к полковнику Хаузу. Ничего нового. Несколько слов о комиссии Четырех, о которой вчера говорил Ллойд Джордж*.

10 час. 30 мин.—Орландо и Соннино едут к Ллойд Джорджу. Планы раздела Турецкой империи. Если Соединенные штаты не возьмут Армении, можно будет отдать ее Франции. Италия должна получить Анатолию без Смирны, которая остается за турецким правительством. Ллойд Джордж советует подготовить проект мандата в этом смысле.

Возвращаемся в гостиницу. Атмосфера так насыщена электричеством, что после возбужденного разговора между Соннино и мной по поводу Смирны и Малой Азии я представляю письменное заявление об отставке от должности начальника кабинета.

Немедленно Соннино послал мне письмо с целью «откровенного и лойяльного объяснения», прося меня не настаивать

---

* *C. Seymour*, The Intimate Papers of Colonel House, London 1928, v. IV, p. 479; 13 мая 1919 г.: «Визит Орландо был наиболее важным. Он прибыл в 9 час. 30 мин. и оставался до 10 час. Мы всесторонне обсудили адриатический вопрос. Я советовал, чтобы оспариваемая территория была передана Лиге наций на некоторый период времени, до тех пор, пока не возобладает более спокойное суждение. Было решено, что Давид Миллер отправится к нему и они вместе обсудят легальные средства, обеспечивающие возможность достижения соглашения при посредстве Лиги наций или каким-либо другим путем. Орландо назначил свидание с Миллером в 11 час. 30 мин.

Миллер пробыл у него полтора часа. Они не пришли к соглашению, но добились некоторого успеха. Они встретятся вновь завтра в 9 часов.

Я известил президента о происшедшем, он встревожился, опасаясь что Орландо ввиду моих близких отношений с президентом сказанное мною примет за его прямое предложение. Я заверил его, что Орландо правильно понял, как обстояло дело. Разве соглашение может быть достигнуто без предварительного его обсуждения?»

на отставке. «Мне кажется,—добавил он,—что в настоящее время долг каждого из нас не создавать новых осложнений в столь трудной и тяжелой ситуации».

Возвращаюсь к своей работе; Соннино приходит пожать мне руку.

Империали и Де Мартино, по распоряжению Соннино, составили памятную записку по вопросу об итальянском мандате на Анатолию. Записка эта была вручена в 15 часов Керру. В ней не говорится о Смирне, которая тем самым признается покинутой. Трое собрались для обсуждения наших дел.

Среда, 14 мая.

11 часов.—Заседание Четырех у Вильсона.

Клемансо говорит Орландо, ссылаясь на вчерашнее заседание: «Дела пошли лучше, настала пора действовать вместе».

Орландо спрашивает его, когда они могут побеседовать вдвоем.

Клемансо.—Завтра утром, в 10 часов. Да, нам необходимо повидаться. Мы сейчас переживаем неблагодарный и опасный момент. Итальянская пресса говорит о союзе Италии с немцами.

Орландо.—Итальянская печать вся против меня.

Хэнки говорит мне, что вчера произошла благоприятная для нас перемена.

Ллойд Джордж просит меня сказать Орландо, что вчера обсуждались все итальянские вопросы вместе. По вопросу о Малой Азии еще не достигли пункта, которого хотел Соннино, однако приблизились к нашим желаниям. Сейчас наблюдается благоприятная для Италии атмосфера.

В начале заседания присутствует Кресни. Речь идет о железнодорожных и морских перевозках в связи с договором с Австрией.

Затем (в 11 час. 45 мин. с участием лорда Р. Сесиля) обсуждается вопрос о блокаде Германии: она будет снята, если Германия подпишет договор, или же будет возобновлена в случае, если Германия откажется подписать.

. . . .

Остаются только Четверо с Хэнки, мной и Манту.

Орландо.—Редакционный комитет поставил два вопроса в связи с договорами с Австрией и Венгрией. Один из этих вопросов касается ответственности за нарушение законов войны. Разумеется, пункт договора с Германией, касающийся кайзера, неприменим к договорам с Австрией и Венгрией, в которых не имеется соответствующих статей.

Однако в некоторых случаях граждане Австро-Венгерской империи, совершив преступление, переходили в другое гражданство—в чехо-словацкое или иное. Необходимо предусмотреть меры, препятствующие подобным лицам уйти от правосудия.

Вильсон.—Никакая статья в договоре с Австрией или с Венгрией не могла бы обязать чехо-словацкое правительство выдавать своих граждан, обвиняемых в совершении преступления.

Орландо.—Имеется другой пункт, на который я желал бы обратить внимание Совета, а именно вопрос о том, на каком языке должны быть редактированы договоры с Австрией и Венгрией. Я согласился, чтобы договор с Германией был составлен только на английском и французском языках. Но ввиду особого положения Италии по отношению к Австрии и Венгрии я прошу, чтобы оба трактата были редактированы также на итальянском языке*.

Клемансо.—Не имею возражений.

Вильсон.—Не возражаю при условии, если итальянские представители в редакционном комитете будут уполномочены на это.

Орландо.—Они имеют все необходимые полномочия.

(Выносится решение, чтобы договоры с Австрией и Венгрией были редактированы на итальянском, французском и английском языках.)

. . . .

Иду завтракать к Хэнки; он зачитывает часть своего протокола вчерашнего заседания Трех.

Ллойд Джордж расточал похвалы Италии: «Италия во время войны обнаружила некоторые, издавна присущие ей высокие качества: выносливость, умение проводить великолепные дороги. Эмиграция из Италии могла бы колонизовать Анатолию. Я не требую, чтобы ей был выдан мандат на всю Анатолию, его можно ограничить лишь существенной частью Анатолии. Италия полагает, что до настоящего времени с нею не обращались как с подлинной первоклассной державой».

Прошу Хэнки дать мне более точные сведения о том, что именно подразумевается под Анатолией, и убеждаюсь, что речь шла в части, нас касающейся, лишь о южной Анатолии. У нас оспаривают даже Скаланову.

Хэнки говорит мне: «Франция не хочет Армении. Будет ли она отдана Америке? Не хотите ли вы взять ее себе? В последнем случае пришлось бы уступить грекам Додеканез».

Я не скрываю от Хэнки своего негодования. Говорю ему, что «более благоприятная для Италии атмосфера», о которой мне сегодня утром говорил Ллойд Джордж, остается атмосферой, т. е. чем-то лишенным какой бы то ни было прочности. Доба-

---

* Вопрос о применении итальянского языка в мирных договорах, поставленный и обсуждавшийся в начале конференции, был, несмотря на противодействие, отложен по настоянию Орландо и Соннино. Вопрос в отсутствие итальянской делегации был решен против нас Советом Трех; по возвращении итальянской делегации уже не оставалось достаточно времени для пересмотра этого решения, так как мирные условия были уже отпечатаны только на французском и английском языках и вручены немцам в день нашего возвращения.

вляю, что «если бы мир точно знал о том, что Англия говорила нам о прекращении действия договоров 1917 г. о Малой Азии[28], а именно, что они не существуют из-за отсутствия согласия России, я уверен, что он строго осудил бы подобное поведение. Правда, по требованию Франции, ссылавшейся на свои особые обязательства перед Россией, нами была принята эта статья, но она была принята в августе 1917 г., когда иные могли еще верить, что Россия, несущая особые обязательства перед Францией, продолжает еще существовать. Теперь эта Россия не существует больше, и вы хотите отречься от принятых обязательств, являвшихся к тому же лишь уточнением Лондонского договора, под тем предлогом, что „Россия“ их не ратифицировала?»

Хэнки молчит.

Я продолжаю: «Но в этом есть нечто большее. Как нам известно, сама Франция, требовавшая включения этого пункта, не отказывалась от соглашения 1917 г., и затем, если Англия в 1917 г. согласилась на это уточнение Лондонского договора, почему же она не хочет во всяком случае возобновить теперь это свое согласие? Англия прикроется аргументом об отсутствии согласия России. Но согласие это не было и не могло быть получено ввиду измены, более того, ввиду исчезновения старой России.. Эта измена вынудила Италию напрячь военные усилия в большей, чем это было предусмотрено, степени. Теперь, после того как усилия эти были проявлены и итальянская победа сыграла столь значительную роль в деле разгрома Германии, вы хотите воспользоваться спорной буквой этой статьи, не придавая значения духу, которым проникнуто ее содержание?»

Хэнки молчит.

Я продолжаю: «Да, правда, Ллойд Джордж всегда проявлял сердечность к нам и выказывает благоприятное к нам отношение. Но найти такое решение для Италии, которое не поставило бы Англию в затруднительное положение перед Соединенными штатами, было бы в интересах Англии.

Что же было решено вчера Тремя по адриатическому вопросу?» Хэнки отвечает: «Решение вопроса было оставлено за Вильсоном».

Днем заседание Четырех не состоялось. Трое собираются, чтобы вновь поговорить между собой об итальянских делах.

Орландо имел беседу с Миллером *.

* По поводу этой беседы Ч. Сеймур (op. cit., v. IV, p. 479) публикует следующее письмо полковника Хауза президенту Вильсону: «Париж, 17 мая 1919 г. Дорогой губернатор, сегодня утром в беседе с Давидом Миллером г. Орландо сделал предложение о возможности заключения соглашения между Италией и Югославией по всему адриатическому вопросу, включая Фиуме. Орландо задает следующие два вопроса:

Во-первых, одобрит ли президент соглашение, свободно достигнутое итальянским и югославским правительствами, если они придут к решению, отличному от решения, которое он подготовит? Во-вторых, в случае благо-

В 15 часов на Кэ д'Орсе состоялось заседание министров иностранных дел.

Как мне говорили, на этом заседании были рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся договоров с Австрией и Венгрией, а именно: железнодорожные статьи, относящиеся к Чехо-Словацкой республике, отказ Австрии от своих прав на австрийские провинции Галицию и Силезию, равно как и на ту часть Буковины, которая будет уступлена Румынии.

Соответствующие статьи были одобрены.

Вечером Орландо говорит мне: «У нас дома—оппозиция. Кроспи выставляет свою кандидатуру на пост председателя совета министров».

Кроспи спрашивает меня, почему мы не приняли мер к тому, чтобы Италия присоединилась к гарантийному пакту между Францией и Англией и Соединенными штатами[39].

Четверг, 15 мая.

Орландо и Соннино отправились сегодня утром, в 10 часов, к Клемансо.

Орландо возвращается в хорошем настроении.

Говорит мне: «Сценический трюк! Единственный путь к разрешению вопроса, по мнению Вильсона, заключается якобы в том, чтобы итальянцы и южные славяне договорились между собой. Вильсон не смог бы воспротивиться такому разрешению вопроса. Он сам вчера говорил об этом Трем. Но нужно все выполнить в течение суток».

11 часов, у Вильсона. В ожидании экспертов для обсуждения военных, морских и воздушных статей с Австрией и Венгрией Четверо совещаются и выносят решения по некоторым другим вопросам.

Военнопленные. Письмо графа Брокдорф-Ранцау.

. . . .

Международное бюро труда. Письмо графа Брокдорф-Ранцау.

. . . .

Четверо поручают Хэнки написать лорду Кенлифу, что они были бы благодарны ему за подготовку репарационных пунктов для включения в договор с Австрией и Венгрией не позднее, чем послезавтра, в субботу.

приятного ответа президента на первый вопрос, согласится ли он, чтобы переговоры между итальянским и югославским правительствами велись впредь при дружественном посредничестве представителя американского правительства? Прошу известить меня. Преданный вам Э. М. Хауз». Президент Вильсон возвратил письмо, подчеркнув слова «свободно достигнутое» с примечанием, сделанным карандашом: «Да, согласен в обоих случаях».

См. также по вопросу об итало-американских переговорах, происходивших вне конференции в течение мая 1919 г., дневник посла Челлере, опубликованный в книге «V. Macci di Cellere all'Ambasciata di Washington», Bemporad, Firenze 1920.

Вопрос о представительстве Черногории на конференции[30]. Предложение о посылке комиссии в Черногорию для выяснения вопроса. Президент Вильсон оставляет за собой право подумать об этом*.

. . . .

Орландо одобрил предложения редакционного комитета для включения в договоры с Австрией и Венгрией в части, касающейся Лиги наций и конвенции о труде[31]. Эти предложения были утверждены его тремя коллегами на заседании, состоявшемся вчера днем.

11 час. 15 мин.—Кроме Четырех, присутствуют военные эксперты (от Италии—генералы Диац, Каваллеро, адмиралы Таон-ди-Ревель, Грасси, командант Русполи; от Франции—генералы Белен, Дюваль, адмирал де Бон, командант Лакомб; от Англии—генералы Вильсон, Секвилл-Уэст, Гровс, адмирал Хоп, г. Керр; от Америки—генерал Локридж).

*Вильсон***.—Мы получили военные, морские и авиационные пункты для включения в текст договоров с Австрией и Венгрией, как они были предложены соответствующими комиссиями***. Мне казалось бы необходимым, чтобы Совет рассмотрел в первую очередь те пункты, относительно которых имеются расхождения среди экспертов.

Ллойд Джордж.—Первая глава схемы военных статей ставит большой принципиальный вопрос, который должен быть рассмотрен не только в отношении Австрии, но и всех создающихся в настоящее время небольших государств.

Если будет решено, что этим малым государствам, включая Румынию, Чехо-Словакию, Югославию, будет разрешено содержать сравнительно крупные армии, никто не может помешать тому, чтобы государства эти пошли друг на друга войной. С другой стороны, если Австрия и Венгрия сохранят сильные армии, в то время как это будет воспрещено другим малым государствам, то Австрии и Венгрии придется постоянно бороться против искушения вмешаться в войну, вызывая этим серьезное нарушение порядка. Это наблюдается даже теперь.

Клемансо.—Действительно, некоторые государства все еще находятся в состоянии войны.

Ллойд Джордж.—Государства, о которых я говорю, не воюют; предполагается даже, что они находятся в дружественных между собой отношениях. Несмотря на это, поляки и украинцы, поляки

---

* Ср. прим. на стр. 227.

** Председателем конференции был Клемансо, но на заседаниях в доме Вильсона, особенно в случаях их многолюдности, фактически председательствовал Вильсон.

*** В представленной схеме было сказано, что численность кадров и запасных не должна превышать 40 тысяч человек в австрийской армии и 45 тысяч человек—в венгерской.

и чехо-словаки режут друг друга. По моему мнению, необходимо, чтобы Совет выработал какой-нибудь окончательный принцип, применимый к вооружениям Австрии и Венгрии и смежных с ними государств. Военные эксперты предложили два различных текста. Большая между ними разница заключается в том, что американское и английское предложение высказывается за уменьшенные армии, в то время как предложение французское и итальянское приведет на практике к созданию в короткий срок крупных армий, которые могут быть организованы немцами в целях войны. Поэтому я высказываюсь за англо-американское предложение.

Совершенно необходимо, чтобы Совет сделал все возможное в целях противодействия возрождению крупных армий, которые практически оказались бы под руководством немцев. Опыт показывает, что разница между боеспособностью солдат, прошедших 12-месячное военное обучение и двух- или трехлетнее, невелика. Разумеется, первые были не так хороши, как последние, однако выказали себя все же с наилучшей стороны.

Клемансо.—Я думаю, что пока г. Ллойд Джордж имеет в виду Австрию и Венгрию, а не смежные с ними государства.

Вильсон.—Лично я считал решенным, что армии должны быть сокращены.

Клемансо. — Если в Совете речь идет об Австрии, я предложил бы соблюсти соответствие с численностью населения, как это уже было решено относительно Германии. Насколько я могу судить, цифра 40 тысяч человек постоянного состава и резервов, предложенная для австрийской армии, не имела под собой никакой логической основы. В случае с Германией при населении в 60 миллионов человек армия в 100 тысяч человек была признана достаточной для поддержания внутреннего порядка и охраны границ, в то время как для Австрии при 7-миллионном населении предусматривается 40-тысячная армия. По-моему, цифра эта чрезмерно велика.

Ллойд Джордж.—Я готов согласиться. Я хочу отметить, кроме того, что в случае принятия франко-итальянского предложения об организации армии на основе обязательной службы создалась бы возможность возникновения в течение четырех или пяти лет весьма крупной армии.

Клемансо.—Согласен. Присоединяюсь к англо-американскому предложению о том, что австрийская армия должна набираться из волонтеров.

Орландо.—Я всецело присоединяюсь к предложению г. Ллойд Джорджа. Говоря вообще, я полагаю, что одной из первых причин будущих войн послужит темперамент балканских народов. Ввиду этого настоящий момент является наиболее благоприятным для того, чтобы вынести решение по принципиальному вопросу и выяснить, должны или не должны все эти небольшие государства обладать ограниченными вооружениями.

Относительно двух предложений—англо-американского и франко-итальянского—г. Клемансо заявил, что, со своей стороны, он высказывается за первое из них, предусматривающее, что в будущем австрийская армия будет набираться из волонтеров. В этом случае Италии пришлось бы одной поддержать предложение о том, что австрийская армия должна быть организована на основе годичной обязательной службы. Мотив, в силу которого я поддерживал эту систему, был всесторонне освещен в то время, когда разрабатывался проект статута Лиги наций. Как я разъяснял президенту Вильсону, Италия не могла бы иметь добровольческую армию, этому препятствуют традиции страны. Как бы то ни было, так как в отношении Германии было решено, что обязательная военная служба должна быть отменена, а будущая армия должна состоять исключительно из добровольцев, я согласен, что не имеется достаточных оснований к принятию иного решения в отношении Австрии. Поэтому я принял бы англо-американское предложение, как это было сделано г. Клемансо.

Что касается численности постоянного состава и резервистов австрийской армии, итальянский военный советник заявил мне, что цифра 40 тысяч человек была предложена британским советником. Цифра эта является максимальной. Я убежден, что Австрии не удастся достигнуть цифры добровольцев ввиду недостатка финансовых средств.

Ллойд Джордж.—Согласен с заявлениями гг. Клемансо и Орландо, хотя мои военные советники придерживаются противоположной точки зрения. Было бы, однако, интересно знать, каким образом они пришли к этой цифре в 40 тысяч человек.

Сеймилл-Уэст.—Допустимый максимум в 40 тысяч человек в действительности даст сравнительно небольшую армию, так как эта цифра обнимает собой все виды обслуживания. Было решено, что формирования, составляющие австрийскую армию, не должны превышать двух пехотных и одной кавалерийской дивизий, т. е. от 15 до 20 тысяч бойцов. Я думаю, что этой цифры достаточно для поддержания внутреннего порядка и для контроля границ Австрии. Замечу, что упомянутой армии было бы достаточно для контроля границ, но не для их защиты. Более того, военные советники полагают, что Австрия имеет различных потенциальных врагов, многие из которых обладают армиями, превышающими по численности армию, которую Австрии будет разрешено держать.

Вильсон.—Я бы хотел знать больше подробностей о том, что на 40 тысяч человек можно считать только от 15 до 20 тысяч бойцов.

Сеймилл-Уэст.—Существуют виды обслуживания, как-то: учреждения, школы и т. д., поглощающие большое количество людей. Однако было ясно установлено, что состав армии не должен превышать трех дивизий, которые не могут быть увеличены путем мобилизации.

Вильсон.—Это же рассуждение может быть применено к Германии в отношении разрешенных ей 100 тысяч человек.

Сесвилл-Уэст.—В более многочисленной армии требуется пропорционально меньше людей для вспомогательных служб. Думаю, что армия из 100 тысяч человек могла бы дать 60 тысяч бойцов.

Клемансо.—Я придерживаюсь радикально противоположного предложениям военных советников мнения. Германии при 60-миллионном населении было разрешено иметь 100-тысячную армию, теперь же предполагается предоставить Австрии армию в 40 тысяч человек при населении в 7 миллионов человек. Я желал бы получить разъяснение относительно причин такого расхождения. Какой ответ можно было бы дать германским уполномоченным в том случае, если, основываясь на этой цифре в 40 тысяч солдат, предоставленных австрийцам, они стали бы протестовать, говоря что 100 тысяч человек, предоставленных Германии, будет недостаточно для обеспечения ее безопасности? Напомню Совету, что маршал Фош предлагал 200-тысячную армию для Германии, и Совет по своей инициативе снизил эту цифру до 100 тысяч. По моему мнению, для наемной армии, состоящей из профессиональных солдат, нет надобности в том, чтобы они учились в школе. Рассматривая предложения военных советников, я желаю напомнить моим коллегам, что долг военных заключается в ведении войны, а долг глав государств—в сохранении мира.

Г-н Ллойд Джордж говорил, что, разоружая Австрию, необходимо иметь в виду уменьшение военных сил на прилегающих территориях. Я готов принять это предложение, но если Германии разрешено содержать 100-тысячную армию, недопустимо давать 40 тысяч Австрии, ибо Германия имела бы основание заявить, что с ней несправедливо обошлись. Я лично никогда не соглашусь на это предложение. Я преследую единственную цель, а именно заключить мирный договор, гарантирующий в будущем всеобщий мир. Я с гг. Вильсоном и Ллойд Джорджем установлю мир в Европе. С этой целью необходимо обеспечить разоружение бывших агрессоров, и поэтому я в первую очередь настаиваю на разоружении Австрии и Германии. Австрия объявила войну, Австрия не согласилась на арбитраж. Я хорошо знаю австрийцев. Это небоеспособный народ, и именно поэтому они позволили более боеспособной державе воспользоваться ими в качестве военного материала. Я согласен, что Совет должен внимательно рассмотреть предложения, сделанные военными, но Совет должен решить, какой политики следует придерживаться. Я не говорю, что при исчислении австрийской армии необходимо фиксировать с математической точностью ту же пропорцию в отношении населения, как и для Германии. Но, по-моему, 10, 12 или 15 тысяч человек было бы вполне достаточно для поддержания внутреннего порядка и контроля границ Австрии. В новом австрийском государстве не будет большого промышленного населения; крупнейшие про-

мышленные предприятия монархии находились в Чехии. Сельское население является по существу мирным населением. Я прошу в отношении Австрии соблюсти ту же пропорцию, которая была установлена для Германии.

Вильсон.—Согласно заявлению генерала Секвилл-Уэста соотношение между армиями должно выражаться цифрой 15 к 60, а не 40 к 100. Необходимо иметь в виду точные исчисления, а не только поверхностный итог.

Ллойд Джордж.—Рассматривая количество бойцов в Австрии и в Германии, можно видеть, что соотношение между ними выражается цифрой 1 к 4, между тем как соотношение населения этих стран выражается цифрой 1 к 7. Каково было бы количество бойцов, если бы общий состав был установлен в 25 тысяч человек?

Секвилл-Уэст. Около 13 тысяч.

Вильсон.—Быть может, маршал Фош был прав, рекомендуя 200-тысячную армию для Германии.

Клемансо.—Абсолютно отказываюсь вновь поднимать вопрос. Разумеется, я не желаю давать немцам в руки аргумент, который они могли бы использовать против союзников. Я настаиваю, чтобы общая численность австрийской армии не превышала 15 тысяч человек. Меня нисколько не заботит тот факт, что для школ и подобных им учреждений должны быть найдены люди.

Орландо.—Допуская принцип, в силу которого цифру в 40 тысяч следует снизить, мне кажется, что для установления точной цифры необходимо передать вопрос на рассмотрение военных экспертов, так как при исчислении количества бойцов следует принимать в соображение вспомогательные службы и т. п. Одновременно я предложил бы моим коллегам дать соответствующим экспертам инструкции о том, чтобы они установили, какие вооруженные силы должны быть предоставлены всем частям бывшей Австро-Венгерской империи. Это связано с общим состоянием дела разоружения. Относительно принципа мы все согласны. Необходимо найти формулу и метод. Г-н Клемансо говорил, что Европа сделалась жертвой агрессивного духа Германии и Австрии. Мне хотелось бы, однако, заметить, что Австрия состояла из агломерата различных национальных элементов и что не совсем точно известно, в каком именно из них особенно силен был этот агрессивный дух.

Клемансо (прерывая).—Я очень хорошо знаю, где именно пребывает агрессивный дух в Австрии. Он находится в Вене, где дюжина юнкеров являлись послушными приверженцами Бисмарка. Г-н Орландо не хочет сказать, что война была начата в Польше, Чехии или Трансильвании. Я сам имел случай часто бывать в Вене в течение 20-летнего периода до войны, и в венских аристократических кругах, когда я пытался их отвлечь от Германии, мне всегда отвечали, что им не оставалось другого выбора, как следовать за Германией.

Орландо.—Я не хочу настаивать на этом пункте. Во всяком случае я не думаю, что г. Клемансо захочет отрицать, что Вена представляет собой штаб-квартиру различных национальностей. С точки зрения французской, было бы весьма близко к истине думать, что опасность идет из Вены, но для итальянца необходимо просмотреть вопрос более внимательно и убедиться, нет ли других источников опасности, кроме Вены.

Клемансо.—Есть другого рода соображение: Венгрия. Австрийцы в своей массе не являются воинственным народом, но венгры именно таковы. И теперь Венгрию хотят трактовать наравне с Австрией, причем невозможно избежать опасности, заключающейся в том, что она может вовлечь Австрию в военную авантюру. У меня нет никакого намерения собственными руками вооружать Австрию и Венгрию, для того чтобы они могли предпринять военные операции против новых соседних с ними государств. Я читал в итальянских газетах, что Австрия должна быть вооружена, чтобы сдержать Югославию. Это не моя политика. Если малые государства не будут поставлены в условия, дающие им возможность атаковать Австрию, этой последней в свою очередь не должна быть предоставлена возможность предпринять совместно с Венгрией военные действия для подавления освобожденных союзниками народов. По этой причине я соглашаюсь с предложением г. Ллойд Джорджа о разоружении Австрии, Венгрии и всех окружающих их государств. Кроме того, я читал в итальянских газетах, что Италии следовало бы объединиться с Германией для того, чтобы обратиться против славян. Я никогда не согласился бы со столь враждебной интересам союзников политикой.

Орландо.—Прошу г. Клемансо принять в соображение, что я вполне с ним согласен в том, что касается вопроса о разоружении. Я согласился, что было бы справедливо уменьшить численность австрийской и венгерской армий. Я знаю по горькому опыту итальянского фронта, что венгры—превосходные солдаты. Это является доводом в пользу дальнейшего уменьшения армии, предоставленной Австрии. Поэтому, как будет поступлено с Австрией, так будет поступлено и с Венгрией.

Г-н Клемансо ссылался на некоторые итальянские газеты. Я желал бы обратить внимание на тот факт, что эти же самые газеты нападают и на меня. Несомненно, что они являются противниками итальянского правительства. Если бы я мог повлиять на них, я начал бы с того, что запретил бы им нападать на меня.

Ллойд Джорджс.—Я полагаю, что мы должны принять предложение г. Орландо, а именно, что военным представителям должно быть поручено пересмотреть весь вопрос на более широкой основе, и сообщить, какие силы должны быть предоставлены Австрии, Венгрии и всем прилегающим к ним малым государствам. Вопрос этот имеет весьма важное значение, и если он не будет рассмотрен во всей его полноте, мир в Европе вновь будет нарушен в ближай-

шем будущем. Решение об уменьшении австрийской и венгерской армий до 15 тысяч человек в каждой не приведет к желанному результату, если одновременно не будут ограничены вооружения Чехо-Словакии, Югославии, Румынии, Болгарии и Греции. Не будучи ничем ограничены, каждое из этих государств определит всех своих мужчин на военную службу, и в короткий срок у них образуются армии численностью от одного до двух миллионов человек. Я вполне согласен с г. Клемансо, что Вена в прошлом являлась центром интриг, но, по-моему, атмосферу, чреватую войнами в Европе, создавала непрерывная цепь войн в балканских странах. Военные были свидетелями сменяющих одна другую войн в этих областях, и это возбуждало в них воинственный дух. Поэтому, если Югославия смогла бы создать миллионную армию, Чехо-Словакия—полуторамиллионную, Румыния—двухмиллионную, Греция—шестисоттысячную армию, результат получился бы катастрофический. В Германии до настоящего времени живет весьма воинственное население. Равным образом—в России; и если балканским государствам будет разрешено содержать крупные армии, союзные и присоединившиеся державы оказались бы вовлеченными в осложнения, которые при этом неизбежно возникли бы. Мне нет надобности напоминать моим коллегам, что в силу человеческой природы нередко сегодняшние угнетенные превращаются завтра в угнетателей. Государство с крупной армией начало бы угрожать государству, располагающему небольшой армией, в особенности если в прошлом первое из них подвергалось угрозам или угнетению со стороны второго.

В связи с этим Италия хочет избегнуть в будущем необходимости содержать для своей защиты большую армию, состоящую из миллионов людей, призванных как на основе добровольного, так и обязательного набора; но если ее соседям с другого адриатического берега будет дано право содержать крупные армии, Италия лишится свободы выбора. Поэтому я приглашаю своих коллег принять предложение г. Орландо о том, чтобы версальским военным представителям было поручено выяснить, какие силы могут быть предоставлены Австрии, Венгрии, Румынии, Чехо-Словакии и Югославии (включая Сербию и Черногорию), Польше, Болгарии и Греции, с соблюдением соотношения, уже установленного для германской армии, с учетом местных условий, а в отношении Польши—с учетом также того обстоятельства, что она может быть вынуждена защищаться против возможных нападений со стороны большевистских сил. Полагаю, что все это следовало бы разрешить до подписания мирного договора.

Клемансо.—Должно быть ясно установлено, что военные представители обсудят вопрос с точки зрения чисто военной.

Вильсон. — Согласен. Думаю, что Совету невозможно будет определить размеры австрийской армии до тех пор, пока не будет установлена численность армий, предоставляемых смежным

государствам. По моему мнению, все эти проблемы связаны между собой. Разумеется, расчет, как говорил г. Клемансо, не может быть произведен на узко военной основе, но военный режим, примененный к Германии, должен послужить образцом, с допущением исключения в отношении Польши.

Клемансо.—Предлагаю, чтобы военные представители приступили к обсуждению австрийского вопроса, имеющего весьма срочный характер. Остальные вопросы связаны с русской проблемой, т. е. с неизвестным фактором. Я имею, главным образом, в виду Польшу.

Ллойд Джордж.—Невозможно рассматривать вопросы, касающиеся различных государств, независимо друг от друга, иначе Совет оказался бы перед лицом требования Австрии, которая могла бы заявить, что она не имеет возражений против цифры, например, в 15 тысяч человек, но сначала желала бы знать, каковы размеры армий окружающих ее государств.

(Выносится решение, что военные представители Высшего военного совета в Версале подготовят и представят доклад относительно размеров военных сил, которые будут разрешены Австрии, Венгрии, Чехо-Словакии, Югославии (включая Черногорию), Румынии, Польше, Болгарии и Греции, беря в качестве основы соотношения этих сил германские цифры. Что касается Польши, следует учитывать ситуацию на ее восточной границе.)*

Обсуждаются морские статьи мирного договора с Австрией и принимается предложение морских экспертов.

(Президент Вильсон хотел бы, чтобы предусматриваемое договором с Германией запрещение производить морские материалы для иностранцев было отменено в отношении Австрии. Это вызывает дискуссию, в которой принимают участие Клемансо, Орландо, адмиралы Хоп, Де Бон, Таон-ди-Ревель, высказывающиеся против отмены этого запрещения. Ллойд Джордж поддерживает президента Вильсона, полагая, что вопрос не имеет большого значения в случае с Австрией. Клемансо настаивает на своих возражениях, отмечая, подобно другим, что следует воспрепятствовать тому, чтобы Австрия могла выпускать оружие для Германии. Клемансо раздражен и груб: «Не понимаю, почему мы должны отказываться от принятия мер предосторожности? Вы полагаете, что решения Совета будут целиком выполнены? Германия, Австро-Венгрия, Болгария будут пользоваться всяким случаем для того, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств. А Америка будет далеко... Президент Вильсон говорит, что речь идет о незначительных вещах. Дело обстоит иначе. Адмиралы де Бон и Ревель говорили, что Австрия сможет производить военные материалы для Германии. Пусть поступают, как хотят, но это будет против моего желания. Я хочу, чтобы это было занесено в протокол». Вильсон настаивает на своем предложении, заявляя, что не видит опасности в предоставлении этого права, так как у Австрии будет всего лишь одна фабрика. «Возможно, что это происходит от моего непонимания, но я могу видеть только видимые вещи, но не то, что невидимо». Во всяком случае Вильсон ввиду отсутствия своих морских экспертов предлагает отложить обсуждение вопроса.)

---

* В тексте решения, переданного военным экспертам, слова в скобках, касающиеся Черногории, не были включены.

Утверждаются авнационные пункты, как они были предложены специальной комиссией для мирного договора с Австрией, с оговоркой насчет второго чтения.

Это же относится к пунктам, касающимся между союзнических контрольных комиссий.

Выносится решение, что содержащаяся в статье 30 договора фраза «подчиняться всяким обследованиям» будет заменена менее жесткой фразой и будет сформулирована следующим образом: «Пока останется в силе настоящий договор, австрийское государство обязуется допускать все обследования, которые Лига наций большинством голосов признает необходимыми».

По окончании заседания Вильсон обращается к Орландо: «Сегодня утром мы хорошо поработали, несмотря на насыщенную электричеством атмосферу». Орландо отвечает: «Не по моей вине».

Клемансо был действительно свиреп, как тигр, говоря о поведении итальянской прессы, выступающей в защиту итало-германского союза. Орландо, как и вчера, спокойно отвечал ему.

Клемансо раздражен также против Ллойд Джорджа и говорит ему: «Англия ничего другого не желает, как только уйти».

Днем заседание Четырех не состоится, так как Ллойд Джордж уехал на фронт для смотра английских войск из Уэльса. Вернется в субботу.

Орландо отправится повидать Хауза.

Сегодня происходила беседа между Кресси, Миллерэном и Симоном по вопросу о колониальных компенсациях в пользу Италии. Беседа носила малоудовлетворительный характер.

Пятница, 16 мая.

Челлере, за эти дни часто видавшийся с Миллером, сообщает нижеследующее предложение, являющееся последней попыткой Миллера урегулировать адриатический вопрос:

1) относительно Альп: линия, установленная по перемирию, от Бреннера до границы с Фиуме;

2) Фиуме («Corpus separatum»[32], следуя по долине Фиумары до выхода в море)—свободный и независимый город и порто-франко; независимость будет гарантирована Лигой наций;

3) Зара и Себенико передаются Италии;

4) территория, примыкающая к побережью Далмации, будет нейтрализована;

5) требуемые Италией острова отойдут к Италии, за исключением острова Наго, который перейдет к Югославии и нейтрализуется;

6) Валона переходит к Италии. Если будет установлен мандат над Албанией, его получит Италия.

Орландо и Челлере, собравшись у Соннино, сформулировали следующие итальянские контрпредложения:

Италия была бы готова принять пункты 1, 4, 5 и 6. Пункт 2 нужно изменить следующим образом: Фиуме предоставляется свобода поручить Италии свое дипломатическое представительство. Задача Лиги наций ограничивается обеспечением независимости и автономии Фиуме без какой-либо другой формы или содержания контроля. Пункт 3 принимается с нижеследующим дополнением: соразмерная территория (например избирательный политический округ) будет оставлена городам Заре и Себенико.

Итальянское правительство надеется на дружественную поддержку со стороны американского правительства по нижеследующим вопросам:

а) итальянцы городов Трау и Спалато могут свободно принять итальянское гражданство в течение года, причем славянам, проживающим в Заре и Себенико, будет взаимно предоставлено такое же право;

б) две большие железнодорожные линии между Трнестом и Веной (Понтэббанская и Трансальпийская) останутся вне пределов югославской территории;

в) устранение всех специальных таможенных статей, подразумевающих специальную таможенную систему, между территориями государств, входивших в состав бывшей Австро-Венгерской империи;

г) пересмотр решений, принятых по вопросам адриатического торгового флота;

д) Италия получит мандат на всю Анатолию, за исключением города Смирны и части, включенной в мандат на Константинополь.

Челлере уполномочен передать эти контрпредложения Миллеру.

Заседание Четырех не состоится. Отправляюсь на Кэ д'Орсе на заседание министров иностранных дел.

Заседание начинается с обсуждения вопроса о границах Болгарии с Грецией.

. . . .

Болгаро-румынские переговоры.

. . . .

Болгаро-сербские переговоры.

. . . .

Пишон сообщает текст трех статей, представленных польской депутацией для включения в мирный договор с Австрией. Условия эти касаются возвращения архивных документов, реестровых и инвентарных книг, карт и вообще всех документов, относящихся к территориям, перешедшим в настоящее время под суверенитет Польши и ранее принадлежавшим австро-венгерской монархии. Это же относится к книжным магазинам, музеям, собраниям произведений искусства, к предметам науки и культа и т. д., находившимся во владении австрийской монархии с 1772 г.[33] до настоящего времени.

Соннино.—Все это относится к давно прошедшим событиям, имевшим место несколько веков назад. Если будут выдвигаться рекламации, относящиеся к событиям, совершившимся до наполеоновских войн, Италия сможет сослаться на прецедент.

(Вопрос передается на рассмотрение репарационной комиссии.)

Пишон зачитывает письмо доктора Бенеша, протестующего против включения чешских немцев в состав австрийской мирной делегации.

Соннино.—Мне кажется, что конференция не может выдвинуть формального возражения. Можно сказать австрийцам, что сделанный ими выбор делегатов не представляется подходящим, но официальный протест по-моему был бы неуместен. Если бы австрийцы выбрали в состав делегации лиц, родившихся на итальянской территории, как, например, в Трентино или Триесте, я подумал бы, что выбор сделан неудачно, но не выступил бы с официальным предложением.

(Решено не давать хода просьбе д-ра Бенеша.)

Бальфур вполголоса говорит: «Если этих делегатов по возвращении в Чехию повесят, это нас не будет касаться».

Орландо отправился вместе с Челлере к Хаузу в «Отель Крийон» в 17 часов и пробыл там до 20 час. 15 мин.*

В комнате, отделенной от комнаты Хауза салоном, находились южные славяне и среди них Трумбич. Хауз служил посредником между двумя группами, причем ему помогали Фразье и Джонсон, находившиеся в одной комнате с Трумбичем.

Челлере говорит мне, что сербы согласны уступить Италии только половину Истрии, Луссин, Каццу, Пелагозу; согласны на предоставление автономии Фиуме, но все остальное хотят оставить за Югославией под контролем Лиги наций.

Таким образом, представляется невозможным итти дальше в смысле попыток прямого соглашения между итальянцами и южными славянами. Переговоры возобновятся завтра утром. Если они не приведут ни к каким результатам, придется вернуться к предложениям Миллера и итальянским контрпредложениям.

Спрашиваю Челлере: «Вильсон согласен с Миллером?»

Челлере отвечает: «Определенно мне это неизвестно, но думаю, что согласен».

Напоминаю Челлере об оптимизме, проявленном им 23 апреля и обнаружившем впоследствии свою несостоятельность.

Суббота, 17 мая.

В 9 час. 30 мин. Орландо вместе с Челлере отправляется к Хаузу, который во время разговора часто телефонирует Вильсону**. Главной темой совещания является восточная сторона Истрии.

* Ср. *C. Seymour*, op. cit., p. 480 etc.

** Ср. *C. Seymour*, op. cit., IV, p. 483 etc. Хауз пишет: «Я обсудил вопрос с президентом (Вильсон) до их (Орландо и Челлере) прихода, но он был непреклонен в своем решении ничего не уступать».

Орландо возвращается с мрачным лицом. Относительно Фиуме Орландо согласился бы на плебисцит через 10 лет.

Соннино выражает неодобрение.

В 11 часов—заседание Четырех у Вильсона.

Вопрос об опубликовании мирного договора с Германией.

. . . .

Вероятность принятия мер в случае неподписания немцами договора.

Ллойд Джордж рассказывает, что вчера он выступал перед английскими войсками, говоря о том, какие плачевные последствия возникли бы в том случае, если бы результаты пяти лет войны оказались напрасными. Он говорил войскам, что, быть может, придется пойти на Берлин. «Войска, как один человек, выказали единодушное желание поступить именно таким образом, если это будет необходимо. Среди них имеется дивизия, потерявшая около 9 тысяч человек во время прошлогоднего наступления».

. . . .

Ответы на письма Брокдорф-Ранцау.

По поводу поставки оружия новым государствам Центральной и Восточной Европы решено, что три представителя (один от Франции—Лушер, один от Англии—Лэйтон и один, которого назначит Орландо) изучат вопрос.

Ллойд Джордж.—Работа этого комитета будет связана с работой версальских военных представителей при исчислении военных сил новых государств в связи с мирными договорами с Австрией и Венгрией.

Клемансо.—Это очень важный вопрос. По моему мнению, потребуется вмешательство Лиги наций.

Вильсон.—Если все нации будут включены в группу, достижение согласия не представит затруднений.

Польско-украинское перемирие.

. . . .

Ввиду того что на совещании затрагивался вопрос о том, каково должно быть точное наименование Совета Четырех, Хэнки заметил, что до настоящего времени применялся термин «Верховный совет главных союзных и присоединившихся держав».

Вильсон.—Я бы возражал против слова «верховный», которое может не понравиться некоторым малым государствам.

Решено, что в будущем он будет именоваться Советом главных союзных и присоединившихся держав*.

---

* Хэнки, который между прочим содержал архив в отличном порядке, имел обыкновение помечать свои папки одними лишь инициалами, а не полным обозначением. Папку с делами Четырех, так называемой «Большой Четверки» («Big Four»), он обозначил буквами «B. F.». «Не странно ли,—сказал он однажды вполголоса,—что этими же инициалами начинаются слова «Bloody Fools» (закоренелые идиоты)». Слышавший это Ллойд Джордж весело и громко

Тешен.

. . . .

Сабба—еврей.

. . . .

Говоря о евреях, Ллойд Джордж замечает, что необходимо поступить, подобно немцам, а именно: использовать способности евреев. Он отметил, что немецкая делегация наполовину состоит из евреев.

Черногория.

. . . .

Международные организации труда.

Брокдорф-Ранцау телефонировал в секретариат о том, что сегодня вечером он выедет в Спа, с тем чтобы переговорить со своим правительством.

. . . .

(Говорят, что по требованию секретариата и редакционного комитета, которые до настоящего времени получали решения Четырех в форме простой заметки, посылаемой полковником Хэнки, отныне на решениях этих должна стоять подпись или инициалы Четырех.)

Ллойд Джордж предлагает, и предложение это принимается, заслушать днем индусскую делегацию.

У Орландо подавленный, изнуренный вид.

Клемансо спрашивает его: «Как идут ваши дела с Югославией?»

Орландо.—Никак. Это невозможно.

Клемансо.—Могу ли я сказать об этом Вильсону?

Орландо.—Скажите ему, но думаю, что ему это уже известно.

Клемансо говорит об этом Вильсону и Ллойд Джорджу, сопровождая свои слова широкими жестами... Слышу: «Итальянцы в Вене очень волнуются в связи с вопросом о присоединении Австрии к Германии».

После заседания по поручению Орландо отправляюсь к Хаузу, прося его ускорить окончательный ответ Югославии. Хауз, любезный, сердечный, говорит, что это будет сделано.

16 час. 15 мин. Заседание Четырех у Вильсона.

Клемансо (направляясь к Орландо).—Сейчас печатается на машинке касающаяся вас бумага относительно ваших десантов в Анатолии. Она будет вам вручена. Тем временем сообщу вам ее содержание:

Президент Соединенных штатов, премьер-министр Великобритании и я были информированы о том, что итальянские войска заняли Скалапову, высадив моряков и солдат, заняв таможни и водрузив итальянский флаг. Будем весьма признательны, если премьер-министр Италии соблаговолит

рассмеялся. Сонинно пожелал узнать, о чем шла речь. Ллойд Джордж разъяснил ему, добавив: «Но это можно отнести также к «Big Five»!» («Большой Пятерке», т. е. пяти министрам иностранных дел, включая Сонинно.)

известить нас, верно ли это сообщение, и в этом случае какие мотивы побудили его предпринять вышеназванные действия без предварительного извещения своих коллег о намерениях итальянского правительства. Мы тем более встревожены этим, что означенной высадке предшествовали другие десанты—в Адалии, Мармарице и Будруме, относительно которых мы равным образом не были поставлены в известность. Нам хотелось бы отметить, что мы никогда не предпринимали выступлений в Турции без предварительного согласования с итальянским коллегой*. При недавней высадке греческого десанта в Смирне мы обсудили предложение об этом с ним, прежде чем было дано приказание хотя бы одному греческому отряду покинуть греческую территорию, и сам г. Орландо согласился на посылку и совместную с союзниками высадку десанта для занятия фортов. Мы вынуждены также выразить наше удивление по поводу предпринятых итальянскими властями действий, если они в действительности имели место, ввиду того что в прошлый четверг я известил вас, что, по мнению большинства коллег Совета Четырех, Скалановa не должна быть включена в сферу итальянского влияния в Малой Азии. Мы были бы вам весьма обязаны, если бы вы могли возможно скорее исчерпывающим образом осведомить нас относительно названных фактов, ибо Совету Четырех было бы невозможно договориться о проблеме Ближнего Востока, если один из его членов настойчиво предпринимает самостоятельные действия, не согласуя их с остальными членами.

Орландо.—Когда вы мне на-днях сообщили о решении договориться насчет высадки греческих войск в Смирне, г. Ллойд Джордж пожелал узнать от меня сведения об итальянских десантах в других пунктах Малой Азии. Я ответил, что я не имею об этом данных и что я запрошу их у барона Соннино. В тот же день Соннино и я навестили г. Ллойд Джорджа в его доме, и барон Соннино объяснил, что эти десанты были произведены по причине местных беспорядков. Впоследствии на заседании Четырех, когда я сообщил ответ относительно решенной союзниками высадки греков в Смирне, больше не было речи о произведенных десантах. Я считал вопрос исчерпанным. Теперь, по получении письменного сообщения, я обсужу вопрос вместе с Соннино.

Ллойд Джордж.—Я слышал, что в Скалановe был высажен небольшой итальянский десант для ремонта дока, после чего итальянские силы вновь были посажены на суда. Но последние известия носят гораздо более серьезный характер. Речь идет о высадке войска в 500 человек. Был поднят итальянский флаг, таможни были заняты, и часть войск продвинулась в глубь страны. В Мармарицу отправился только итальянский флот; что же касается Скалановы, там были высажены значительные силы. Сверх того высадки эти были произведены в тот момент, когда главные союзные и присоединившиеся державы высказались против включения Скалановы в сферу итальянского влияния и за распространение на Скаланову греческого влияния. Это по настоящее время являлось предметом обсуждения, причем окончательное решение еще не было вынесено. Итальянская высадка была произведена при наличии этих условий. Это еще более затрудняет при-

* Ср. прим. на стр. 254.

нятие решения по вопросу о Малой Азии и о любом другом месте. Если бы что-либо подобное произошло между нами и французами и мы предприняли бы аналогичные этим действия в оспариваемых территориях, последствия могли бы быть весьма серьезны. Я особенно сожалею, что названное выступление компрометирует протекавшее благоприятно, по моему мнению, обсуждение вопроса. Должен прямо заявить, что я считаю весьма вредным то, что случилось. Когда вчера вечером я узнал об этом, это произвело на меня наихудшее впечатление. Это значит перепрыгнуть через препятствие, в то время когда оно является предметом обсуждения.

Орландо.—Я понимаю чувства г. Ллойд Джорджа, имея в виду то толкование, которое он придал случившемуся. Но я категорическим образом заверяю его, что высадка эта не имела той цели, которая вызывает его сожаление. Впрочем, повторяю, он сам недавно говорил о произведенной уже нами высадке в Скалановe. Мне неизвестны случаи крупных десантов, занятия таможен, водружения итальянского флага. Я думаю, что речь идет о высадке, произведенной без всякого намерения причинить ущерб будущим решениям, относящимся к этой территории. Это обязательство должно соблюдаться нами, как и греками, как это было постановлено. Я рассмотрю сообщенный мне документ и отдам необходимые распоряжения.

Ллойд Джордж.—Я сожалею о случившемся тем более, что мы намеренно исключили оккупацию Скалановы греками, хотя при обсуждении вопроса о греческой оккупации мы полагали, что Скаланова должна войти в сферу их влияния. Мы поступили так потому, что поступить иначе было бы несправедливо по отношению к Италии, пока вопрос об окончательной передаче Скалановы оставался неразрешенным.

После заявления Ллойд Джорджа следует продолжительный интервал тяжелого молчания.

Спустя некоторое время Вильсон начинает вновь говорить, заявляя, что нужно перейти в верхний этаж, где помещается делегация Индии; он рассказывает, что, по полученным сведениям, генерал Деникин одержал крупную победу над большевиками, взяв в плен 10 тысяч человек[31].

В конце заседания Орландо вручают меморандум, о котором говорил Клемансо. Он напечатан на американской пишущей машинке, на американской бумаге.

Четверо переходят в верхний этаж, где находится делегация Индии.

Кроме нас, присутствуют английский государственный секретарь по делам Индии Монтегю, махараджа Биканира—лорд Синх, Ага-хан, Афтаб Ахад, Юсуф Али.

Все излагают свои заявления, как заученный урок под руководством английского государственного секретаря. Все они заявляют о том, что они слышали, будто Константинополь будет

изъят из-под власти Турции и халифата[35], и выражают свое сожаление по этому поводу, ибо не могут понять, по какой причине Константинополь не остается у турок, в то время как столицы других государств, хотя и побежденных (Берлин, Вена, София), остаются в руках немцев, австрийцев, болгар. Они ссылаются при этом на право национальности, на XII из Четырнадцати пунктов президента Вильсона, который зачитывается, и все они ссылаются, как бы для того, чтобы растрогать Вильсона, на Лигу наций, куда Индия и мусульмане хотят вступить. Не обошлось без единодушных ссылок и подробностей, касающихся халифата: «Мусульмане сражались, понеся так много жертв кровью и деньгами, против турок, явившихся жертвою дурных советов, но вместе с тем они в течение всей войны ежедневно молились за султана, который является их халифом». Не было недостатка в многократных указаниях на опасности, которые могли бы угрожать будущему миру в том случае, если мусульмане почувствуют себя недовольными и сочтут свои надежды обманутыми. Приводится также фраза Ллойд Джорджа, в которой содержалось обещание не лишать турок их столицы, Фракии, Малой Азии, населенных главным образом турецким племенем.

Индийская делегация удаляется.

Ллойд Джордж не возражал, когда недавно президент Вильсон говорил о возможности американского мандата на Константинополь и Фракию. Сегодня он, казалось, с живейшим любопытством слушал только что произнесенные речи, с содержанием которых он, разумеется, был предварительно ознакомлен. Почти все время он подпирал голову рукой в состоянии глубокого размышления.

По отъезде делегации он утверждает, что заявления их произвели на него очень сильное впечатление и что он, со своей стороны, убежден в необходимости сохранить халифат в Константинополе. Он говорит: «Я связан заявлением, сделанным мною турецкому правительству. Клемансо подтвердил мне телеграммой свое согласие с этим моим заявлением».

Клемансо (озабоченный, недовольный).—Не помню.

Ллойд Джордж.—Я пошлю вам копию. В Британской империи около полумиллиона человек сражалось против турок, между тем как ни у кого другого не было более двух тысяч. Прошу моих коллег решить, не представляется ли желательным сохранить халифат в Константинополе.

Вильсон, который перед тем говорил о возможности предоставления Соединенным Штатам мандата на Константинополь, сильно хмурится. Он ограничился обращением к мусульманской делегации, в котором заявил, что возможность вхождения в Лигу не исключена ни для одной из религий.

Соннино дает инструкции Империали о подготовке ноты с изложением итальянской точки зрения в вопросе о Малой Азии.

Орландо спрашивает меня, нет ли какого-либо ответа от Хауза. Отвечаю: «Никакого»*

Воскресенье, 18 мая

Орландо и Соннино вносят изменения и смягчающие выражения в составленную Империали ноту по вопросу о Малой Азии.

Нота получает следующее содержание:

«Случаи итальянской оккупации в Малой Азии, относительно которых президентом Соединенных штатов и премьер-министрами Франции и Великобритании были запрошены сведения, вызывались повелительными мотивами поддержания общественного порядка и были произведены без тех столкновений, которые произошли в связи с греческой высадкой в Смирне.

Провинция Адалия приблизительно за месяц до итальянской оккупации бесспорно являлась жертвой анархии. Дальнейшие оккупации имеют чисто военный характер, наподобие других оккупаций, произведенных союзными державами в Турции, и не оказывают никакого влияния на окончательное решение судьбы различных территорий, принадлежащих Оттоманской империи.

Ввиду этого, а также поскольку вопрос об окончательном урегулировании положения на этих территориях пока еще не возбуждался, председатель итальянского совета министров не может не напомнить премьер-министрам Франции и Великобритании о содержании статьи IX Лондонской конвенции от 26 апреля 1915 г. и о тех правах, которые на основе этой статьи были признаны за Италией.

Что касается отмеченного ими факта непредупреждения союзников, г. Орландо желает в свою очередь отметить, что причина, равно как и способ этих оккупаций исключают возможность предварительного уведомления. Впрочем, приглашение принять участие в оккупации Смирны было обращено к Греции без ведома г. Орландо. Таким образом, фактически, если не юридически, компрометировалось окончательное решение, касающееся города, относительно которого между итальянским правительством и греческим, в соответствии с желанием союзных держав, происходили и все еще продолжались переговоры, свидетельствующие о духе примирения, которым руководилось в этом случае итальянское правительство.

Равным образом никакого предварительного сообщения о произведенной французами оккупации Гераклеи не было сделано председателю совета министров Италии.

Председатель итальянского совета министров желает в заключение заверить президента Соединенных Штатов и премьер-министров Великобритании и Франции в том, что он не менее, чем они,

* Стид писал («Through Thirty Years», v. II, p. 333), что «ускользавшую от американцев» причину настойчивости Орландо он «открыл» в «боязни Орландо, как бы его соперник Нитти не обратил итальянское общественное мнение против него. Он надеялся выйти из положения при помощи заявления, что адриатическая проблема урегулирована».

заинтересован в достижении в полном и дружественном согласии со своими коллегами окончательного разрешения средиземноморской проблемы, каковое, целиком отвечая духу и букве соглашений, определивших вхождение Италии в войну, могло бы и в этом случае принести Италии удовлетворение, справедливо требуемое всей нацией».

Днем, в половине первого, Орландо отправляется вместе со Скордна* к Ллойд Джорджу. Он не хочет иметь при себе переводчиков, которые «подобно Империали, Соннино, Альдрованди вносят свое».

Орландо, вернувшись, рассказывает о происшедшей между ним и Ллойд Джорджем беседе. Об этом у меня имеется следующая запись.

Сначала речь заходит о тех шагах, направленных к достижению соглашения по адриатическому вопросу, которыми интересовался полковник Хауз.

Ллойд Джордж выказал себя осведомленным об этом, или, вернее, о тех переговорах с Югославией, которые имели место позавчера, а не о тех результатах, к которым переговоры эти последовательно привели позавчера вечером и вчера утром.

Это доказывает, что между Хаузом и Ллойд Джорджем никакой связи не имелось вопреки тому, что нам об этом говорилось. Что касается высадки в Скаланове, Ллойд Джордж говорил, что протест исходит от президента Вильсона. Ллойд Джордж выразился в точности следующим образом: «Не понимаю, почему президент Вильсон так близко принимает к сердцу вопрос о Скалановe».

Ллойд Джордж зачитал список условий, предоставленных нам Миллером, а также представленные Италией контрпредложения. Из этих контрпредложений Орландо снял то, которое относилось к пересмотру топонима в Адриатике, и указание на таможенную лигу.

Ллойд Джордж выразил надежду на возможность разрешения адриатического вопроса. Он заявил, что сможет вместе с Клемансо повлиять на президента Вильсона и убедить его пойти на уступки.

Говоря затем об Анатолии, он заявил, что разрешение этого вопроса представляется весьма затруднительным, так как Франция не хочет ничего уступать, кроме северной части. Клемансо, быть может, и согласился бы, но Кэ д'Орсе придерживается иного мнения и настаивает на своей точке зрения перед Клемансо.

Ллойд Джордж заявил, что у него создалось такое впечатление, что Франция поглотила слишком много, и поэтому ей с трудом удастся переварить то, что она приобретает в этой войне.

Ллойд Джордж заявил затем, что его очень заботит вопрос о магометанах и что в Анатолии можно будет вести речь о сфере влияния, но не о лишении султана всяких прав.

---

* Князь Скордна—секретарь миссии, личный секретарь Орландо.

Ллойд Джордж.—Почему вы считаете важным получение Анатолии?

Орландо.—Вы хорошо понимаете, что, для того чтобы получить согласие моей страны на мирные условия, не дающие ей полного удовлетворения в Адриатике, мне необходимо добиться удовлетворительных результатов в других местах.

Ллойд Джордж.—Если вы говорили, что Фиуме является национальным вопросом, каким образом можете вы полагать, что удовлетворительные результаты в другом месте могут явиться достойной компенсацией?

Орландо.—Я признаю, что это нельзя будет считать компенсацией, но это послужит некоторым утешением.

Ллойд Джордж.—Следовательно, вы в случае получения Фиуме не стали бы настаивать на передаче вам всей Анатолии?

Орландо.—Разумеется, я не стал бы настаивать. С получением Фиуме дело приняло бы другой оборот.

Ллойд Джордж.—Вопрос о Фиуме был раздут; не стоило делать этого. Я знаю, что южные славяне придают ему большое значение. Трумбич—человек упрямый, и вопрос этот он считает важным, но Пашич не придает ему значения.

Орландо.—Дайте мне возможность получить Фиуме, и моя общая точка зрения изменится. Если же Фиуме останется свободным городом, я не знаю, удастся ли мне получить согласие Италии на мирные условия.

Я должен заявить также нечто, чему я придаю большое значение. По подписании мира с Германией окажется, что другие страны практически получат мир, а Италия—нет. Вы понимаете, в какое трудное положение попадет в этом случае Италия. Но, кроме этого, необходимо иметь в виду статью о Лиге наций. Я не могу подписать договор с Германией, в который включается пакт Лиги наций, не сделав заявления, могущего избавить Италию от обязательств, так как Италия еще не получила следуемых ей территорий.

Ллойд Джордж.—Признаю серьезность положения, но мне кажется, что вам не следует выступать с публичным заявлением. Скорее следовало бы рассмотреть, не может ли Совет Четырех согласовать между собой удовлетворяющую вас декларацию.

Орландо.—Если мы ее согласуем вчетвером, можно будет обойтись без публичного заявления.

Что касается итальянских территориальных вопросов, то если по ним и не будет достигнуто компромисса, остается только применить Лондонский договор. Что может, по вашему мнению, произойти? Каким именно практическим путем можно притти к соглашению?

Ллойд Джордж.—Произойдет то, что Америка в публичной форме заявит вам, что вы, по ее мнению, должны очистить некоторые

территории. Естественно, что в этом случае Франция и Англия заявят, что вы имеете право удержать территории, предусмотренные Лондонским договором, но из числа этих территорий они, разумеется, исключат Фиуме.

В 17 часов Орландо имел беседу в «Отель Ритц» с епископом города Чикаго Келли. Беседа происходила в апартаментах советника миссии Брамбилла, участвовавшего в этой беседе в качестве переводчика.

На основании этой беседы, содержание которой Орландо сообщил итальянским делегатам, была составлена следующая заметка.

Монсиньор Келли приступил к беседе, говоря, что теперь, ввиду расчленения Австрии, а также потому, что Франция совершенно атеистична, Италия является единственной католической великой державой. Он считает, что Италия могла бы воспользоваться этим обстоятельством, чтобы утвердить свое положение в мире, используя все средства, имеющиеся в распоряжении католической церкви. По его мнению, следует принять весьма срочное решение.

Орландо.—Что вы хотите этим сказать? Я не могу принять никакого решения без согласия короля и парламента.

Келли.—Решение должно быть принято в срочном порядке ввиду представляющейся возможности принятия папы в Лигу наций.

Орландо.—Принятие папы в Лигу наций я рассматриваю только как результат примирения с Италией, ибо я не могу себе представить, чтобы св. престол мог быть принят куда бы то ни было вопреки воле Италии[36]. Если бы представитель папы вошел в какое-либо помещение, Италии не оставалось бы ничего другого, как уйти оттуда. Между Италией и св. престолом возобновилась бы, таким образом, борьба на ножах.

Келли.—Да ведь папа и не думает добиваться принятия в Лигу наций помимо и против вас.

Замечу, что положение президента Вильсона в Соединенных Штатах сильно пошатнулось. Он не будет переизбран. Но помимо него лично в Соединенных Штатах на карту поставлены интересы его партии. Против него выступают ирландцы, так как он не защищал, как было им обещано, их прав на конференции; против него будут итальянцы, притязаний которых он не удовлетворил; против него, следовательно, будет вся католическая масса Соединенных Штатов. Единственное средство для примирения этих противоречий он видит в оказании поддержки папе.

Понедельник, 19 мая.

Орландо плохо себя чувствует, телефонирует об этом Хэнки, а также о том, что вместо него сегодня в совещании Четырех примет участие Соннино.

Ответ: сегодня нет заседания*.

Соннино принял Миллера. Миллер не оптимист, в особенности в вопросе о восточной части Истрии. Он говорит: «Отчего не откладываете решения?»

Соннино отвечает ему: «А нервы итальянского народа?»

Орландо говорит ему, что Маркони видел Стида. Стид сбавил тон: он утверждает, что Югославия не обнаруживает непреклонности в вопросе о Фиуме и что более всего противодействует этому Вильсон, который жалуется на то, что мы пользуемся союзническими деньгами для борьбы с союзниками на страницах печати.

Хэнки мне телефонирует: «Не хочет ли барон Соннино принять участие в заседании в 16 с половиной часов?»

«О чем будет итти речь?»

«Кажется, хотят обратиться к нему с вопросом о десантах в Малой Азии».

Отправляясь на заседание, сильно нервничающий Соннино говорит мне: «Попытаюсь овладеть моими нервами».

В приемной Вильсона находится Венизелос. Его приглашают к Четырем.

Вильсон (у него довольный, удовлетворенный и злорадный вид).—Обращаю внимание барона Соннино на врученный нами вчера г. Орландо меморандум, в котором Совет указывает, что итальянские десанты в Малой Азии, повидимому, не имеют никакого оправдания.

Соннино вручает ответ итальянской делегации на меморандум Трех; затем, взглянув на Венизелоса, возражает против «присутствия третьего лица». «Я не могу согласиться с присутствием г. Венизелоса».

Изумление и замешательство Вильсона, Клемансо, Ллойд Джорджа. Венизелос собирается удалиться. Вильсон просит его остаться, но Венизелос все же выходит из комнаты.

Вильсон.—Не понимаю поведения барона Соннино. Г-н Венизелос является членом мирной конференции наравне со всеми другими.

Соннино.—Я говорю не от своего имени, а от имени председателя итальянского совета министров, который сейчас болен. Я не могу допустить, чтобы лицо, не присутствовавшее при вручении меморандума г. Орландо, принимало участие в общем обсуждении этого документа. Я не считаю это справедливым ни по отношению к себе, ни по отношению к итальянской делегации, а в осо-

* Р. С. Бэкер (op. cit., v. II, p. 199) публикует незнакомый мне отрывок из книги «Secret Minutes of the Council of Four», относящийся к 19 мая. Из контекста цитаты явствует, что никто из итальянцев не мог быть на собрании. По всей вероятности, речь идет о заседании Четырех (но без Орландо и Соннино), состоявшемся утром 19 мая. На этом заседании говорилось об Италии и о Малой Азии. Другое заседание без нашего участия состоялось 21 мая. См. стр. 296.

бенности потому, что для г. Венизелоса вопрос представляет особый интерес.

Вильсон.—Вы говорите, что г. Венизелос не должен присутствовать, потому что он не заинтересован?

Ллойд Джордж.—Нет. Барон Соннино говорит, что он не должен присутствовать, потому что он заинтересован.

Соннино.—Мне мало известно об обстоятельствах, при которых меморандум был вручен Орландо, но я не могу понять, почему он должен обсуждаться в присутствии пятой стороны. Итальянская делегация не была призвана участвовать в обсуждении вопроса об отправке греческих солдат в Смирну.

Ллойд Джордж.—Ни один греческий солдат не был отправлен в Смирну без уведомления о том итальянской делегации.

Соннино.—Г-ну Венизелосу было предложено отправить войска 6 мая.

Вильсон.—В то время итальянская делегация не была в Париже.

Соннино.—Итальянская делегация имела беседу общего характера с греками в начале мирной конференции. Затем все было приостановлено в связи с обсуждением более широких вопросов: Адриатика, мандаты в Турции и т. д.

Ллойд Джордж.—Решение о посылке греческих войск в Смирну было нами принято по той причине, что греки подвергались там насилиям и уничтожению. Я сам получил письмо от одного английского коммерсанта в Смирне, который это засвидетельствовал. В Смирне было от 200 до 300 тысяч греков, которых нужно было защитить. Этого основания для итальянской высадки в Скаланове не имелось, так как там итальянцы не проживают.

Клемансо.—Я знаю, что итальянцы жаловались на высадку французами десанта в Гераклее, о чем имеются указания в меморандуме, только что врученном бароном Соннино. Я тщательно расследовал это обстоятельство. Десант этот был произведен не по приказу из Парижа, где об этом ничего не знали. Высадка была произведена по требованию турок французским командованием в Константинополе, так как Константинополь нуждался в угле, который вследствие беспорядков в Гераклее не прибывал оттуда. Я готов распорядиться об уводе французских солдат, которых насчитывается всего одна рота, если конференция того пожелает.

Вильсон.—Только что врученный бароном Соннино меморандум не дает ответа на наш меморандум. Он не разъясняет, почему 2 тысячи итальянских солдат были высажены в Скаланове.

Соннино.—В округе происходили беспорядки. Когда греки высадились в Смирне, там произошли убийства и имели место случаи массовых избиений со стороны греков. Впрочем, в 1917 г. не только Скаланова, но и Смирна были предназначены Италии. Вопрос еще находился на рассмотрении, когда было разрешено произвести греческий десант.

Ллойд Джордж.—По Лондонскому договору Смирна не была присуждена Италии.

Соннино.—Статьей IX Лондонского договора было признано вообще, что в случае полного или частичного раздела Азиатской Турции Италия получит справедливую долю в средиземноморской зоне по соседству с провинцией Адалией.

Ллойд Джордж.—Во время войны Италия не выказывала никакого стремления занять какую-либо часть Турции—ни Смирну, ни Будрум, ни Скаланову. В то время подобного рода выступление было бы весьма желательно.

Соннино.—Италия неоднократно предоставляла свои войска для турецкого фронта. Так, например, мы предоставили наши эритрейские войска для Палестины.

Ллойд Джордж.—Были отправлены только абиссинские (sic) войска, всего в количестве 1 тысячи, в то время как их требовалось от 200 до 300 тысяч для борьбы с Турцией*.

* 27 апреля 1917 г. Родд передал Соннино телеграмму английского министерства иностранных дел с сообщением британского военного кабинета. Сообщение это относилось к происходившим переговорам для определения, причитающейся Италии доли в Анатолии на основе статьи IX Лондонского договора.

В сообщении между прочим содержится следующий пункт: «Британский военный кабинет желает разъяснить, что передача Италии столь обширных территорий Оттоманской империи с трудом может быть оправдана степенью участия Италии по сравнению с жертвами, понесенными Великобританией, Францией и Россией в борьбе с Турцией, в которой итальянские силы до настоящего времени никакого участия не принимали».

Соннино на это ответил, что, «возвращаясь лишний раз к заявлению самого широкого характера о настойчивом желании довести войну до конца в полном согласии с союзниками, используя для общего дела все силы страны на всех тех фронтах, где это окажется возможным, он, с другой стороны, никак не может допустить, чтобы передача Италии оккупированных или включенных в сферы влияния малоазиатских территорий была каким бы то ни было образом обусловлена использованием сил именно в Турции, или же чтобы—в случае, если в момент заключения мира какие-либо области, входящие в состав этих территорий, не могут быть переданы той или иной державе,—справедливый пересмотр создавшегося таким образом положения (путем сопоставления с ныне предоставляемой долей) был произведен в зависимости от степени усилий каждой из держав и тем более—от усилий, затраченных в пределах одной Оттоманской империи. Поэтому он должен решительно отвергнуть сообщенное сегодня окончательное предложение военного кабинета, заключающееся в том, что осуществление итальянских притязаний в Малой Азии должно быть во всяком случае обусловлено дальнейшим и более значительным участием Италии в борьбе против Турции. Он обратил внимание Родда на то, что подобных количественных и качественных условий не было и следа в соглашениях, заключенных в 1916 г. между Францией, Англией и Россией, и что Италия не намерена подчиниться дискриминационным условиям и неполному равенству с остальными державами.

Принятие предложений военного кабинета практически привело бы к тому, что Италия была бы вынуждена в кратчайший срок отозвать нынешний 40-тысячный контингент своих войск, не рассчитывая на получение какой-либо части Болгарии и Македонии, и перебросить их в Малую Азию. Все это расходилось с темпом единого фронта».

Соннино готов был возобновить ранее выдвигавшееся предложение об

Соннино.—У Италии их оказалось достаточно для того, чтобы победить Австрию. Вся тяжесть борьбы с Австрией легла на наши плечи.

Вильсон.—Это не ответ.

Соннино.—Это не ответ? Впрочем, я не понимаю, какое право имеет Америка вмешиваться в то, что было установлено Лондонским договором? Это Америки не касается.

Вильсон.—Установление всеобщего мира не дело Америки? Я вынужден весьма почтительно заметить барону Соннино, что это не подходящий разговор среди союзников. Соединенные Штаты имеют право занимать здесь место и задавать вопросы, выходящие из рамок Лондонского договора. Договор этот не дает достаточных оснований для итальянского десанта. Были ли беспорядки в Макри, Будруме, Скалановe?

Соннино.—В Адалии происходили беспорядки, близкие к анархии.

Вильсон.—Десанты в Скалановe, Макри, Будруме, Мармарице были вызваны теми же причинами?

Соннино.—В Макри и Будруме происходили беспорядки. Мармарица была занята потому, что необходимо было держать корабли на адалийском побережье; Мармарица являлась единственным местом, где корабли могли стоять на якоре. Эти десанты не затрагивали окончательного решения по вопросу о территориях.

Вильсон.—Хотя намерения итальянцев при этом не затрагивали окончательного решения, они, однако, фактически наносили ему ущерб.

Соннино.—Вы сами, отправляя греков в Смирну, говорили, что это не влияет на окончательное решение. С другой стороны, мне было дано знать, что греки находятся в Айдыне. Это не соответствует тому, что нам было известно.

Клемансо.—Греки просили разрешения на высадку в названной

участии итальянских войск в количестве 5—6 тысяч человек в нынешней английской экспедиции против Палестины; количество это было по желанию английского правительства сведено до нескольких сотен бойцов, фигурировавших в качестве простого представительства флага. «Сегодня он не может взять на себя больше обязательств, так как военное командование не считает это возможным из боязни подвергнуть страну серьезной опасности».

3 мая Родд заявил в пояснение предыдущих своих сообщений, что в намерения британского военного кабинета не входило требовать от Италии неиспользования своих сил специально в Турции... «Военный кабинет полагал тем не менее, что для дела союзников имело бы величайшее значение оказание итальянцами дальнейшей помощи в Салониках, не обязательно в настоящий момент, но, быть может, позднее».

Численность итальянских войск в Салониках (там мы располагали одной дивизией, которая в действительности превосходила по размерам армейский корпус) временами достигала 55 тысяч человек. Не следует также забывать, что размеры участия Италии, например в 1918 г., на французском фронте в смысле людского состава и понесенных ею потерь иногда превышали размеры междусоюзнической помощи, оказанной Италии.

местности, и именно в связи с этим Венизелос находился сегодня здесь.

Вильсон.—Мы полагали, что приглашение барона Соннино участвовать в обсуждении вопроса о расширении оккупационной зоны греков было по отношению к нему актом вежливости.

Соннино.—Я предпочитал бы, чтобы обсуждение это протекало без участия г. Венизелоса. Я не хочу обсуждать вопрос с ним. В начале мирной конференции итальянская делегация предприняла переговоры с г. Венизелосом. Он тотчас же опубликовал в газетах все, о чем тогда говорилось.

Ллойд Джордж.—Г-н Венизелос действовал теперь только с согласия Совета Четырех. *(С силой.)* Если Италия предпочитает зависеть от своих собственных действий, то это—вопрос, который она должна решить сама. В этом случае она не должна, однако, претендовать на участие в совещаниях Совета. Что касается меня, я должен заявить, что если Италия не уведет своих войск, она больше не примет участия в обсуждении итальянских требований в Малой Азии. Итальянская акция явилась прямым вызовом Совету. Она была выполнена в такой форме, которой я не хочу давать определения. В то время происходило совещание с участием Италии, и вопрос о Скаланове не был решен. Я не могу представить себе ничего более оскорбительного для Совета, чем эта итальянская акция.

Соннино.—В 1917 г. Смирна была присуждена Италии.

Ллойд Джордж.—Это было сделано под условием получения согласия России, которая, однако, не дала своего согласия и вышла из войны. Затем вступили в войну Соединенные Штаты, и вся ситуация изменилась. Об этом г. Бальфуром было письменно заявлено итальянскому правительству.

Соннино.—Франция заявила нам, что она считает действительным соглашение 1917 г.

Клемансо.—Пишон не говорил мне об этом.

Соннино.—Признаю, что Соединенные Штаты не связаны Лондонским договором. Но статья IX названного договора обязывает Францию и Англию передать Италии области, расположенные вокруг Адалии. Наши десанты были произведены в этих областях.

Вильсон.—Я думаю, что Италия слишком широко интерпретирует эту фразу. Я уверен, что мои английские и французские коллеги поймут меня, если я скажу, что Соединенные Штаты не признают за ними права передавать греческое или турецкое население Италии. Это—международный порядок, которого мы все придерживаемся.

Ллойд Джордж.—Французское и английское правительства договорились о том, что те части Турецкой империи, на которые были предложены мандаты, должны быть обследованы комиссией. Я спрашиваю барона Соннино: применимо ли это же самое к Адалии и Скаланове?

Соннино.—Италия не имеет возражений.

Ллойд Джордж.—Это очень важное заявление.

Вильсон.—Не думает ли барон Соннино увести войска из Скалановы? Барон Соннино по крайней мере не ссылался на убийства в Скалановe, Макри или Будруме.

Соннино.—Беспорядки происходили в Макри, Будруме и очень серьезные, граничащие с анархией, в Адалии.

Ллойд Джордж.—По какому праву вмешались итальянцы?

Соннино.—Итальянцы находятся на Родосе.

Вильсон.—Но Родос не был уступлен Италии.

Соннино.—Итальянцы находятся на Родосе со времени их войны с Турцией [37]. Сейчас мы с греками обсуждаем вопрос о Додеканезе, а острова эти пока заняты нами. Высадки были произведены без затруднений, при этом не было ни убитых, ни раненых, как у греков в Смирне. Почему Совет желает, чтобы Италия отозвала свои войска?

Итальянское правительство должно считаться с общественным мнением Италии, и если мы уйдем с Родоса, это вызовет большое волнение. Нет к тому оснований. Вряд ли кто захочет нанести этот ущерб Италии.

Вильсон.—Я хотел только получить разъяснение относительно оккупации. Согласен с тем, что барон Соннино заявлял относительно беспорядков в Адалии, но в других местах их не было.

Соннино.—Чтобы занять Адалию, требовались суда. Этим объясняется занятие Мармарицы.

Ллойд Джордж.—К высадке войск в Скалановe не было оснований.

Соннино.—Никто при этом не потерпел ущерба.

Ллойд Джордж.—Если это так, то каждый из нас может занять, что ему угодно, без согласия союзников?

Соннино.—Соединенные Штаты могут это сделать, но Великобритания и Франция связаны договорами.

Ллойд Джордж.—Скаланова ни в какие соглашения не была включена.

Соннино.—Я имею в виду соглашение 1917 г.

Ллойд Джордж.—В Сен-Жан-де-Морьен я подробно разъяснил г. Соннино, что доля Италии по соглашению зависит от степени ее участия в войне против Турции*.

Соннино.—Мы сражались всеми нашими силами. Италия вложила все, что могла, в войну, каждого человека и каждую копейку. Ни одной страной не было затрачено больше усилий, чем Италией. Мы встретились с самыми серьезными затруднениями на фронте. Никто не перенес столько страданий. Все наши войска направлялись в те места, где необходимость в них была наиболее велика.

---

* Ср. прим. на стр. 287—288.

Вильсон.—Я не делаю упреков барону Соннино.

Ллойд Джордж.—Равно как и я. Однако в Сен-Жан-де-Морьен я неоднократно говорил барону Соннино, что выполнение условий соглашения находится в зависимости от более интенсивного участия Италии в достижении победы над Турцией.

Вильсон.—Речь сейчас идет не о том, что они не сделали того, что было в их силах. Дело в том, что они не сделали этого в данном секторе войны. Другая сторона вопроса заключается в том, что не следует делать того, что может породить ошибочные представления. Нужно действовать в согласии. Узнать, что Италия высадила войска в Малой Азии, никого об этом не известив, было весьма прискорбно.

Ллойд Джордж.—И это тем более печально, что благодаря этому создалось фактическое положение в защиту претензии, по которой еще не вынесено окончательного решения. В Скаланове не было беспорядков. Мы сказали г. Венизелосу, что он не должен высаживать свои войска в Скаланове, потому что вопрос пока еще находится в стадии обсуждения. Итальянцы произвели высадку, не сказав ни слова людям, которые заседают с ними в одной комнате. Не знаю, что сказали бы про делового человека, который поступил бы таким образом.

Венизелоса приглашают войти.

Вильсон.—Совет желает обсудить предложение, сделанное г. Венизелосом г. Ллойд Джорджу относительно дальнейшей оккупации греками Смирнского вилайета.

(Венизелос начинает историческую диссертацию на тему о греческих правах в Малой Азии, о Лондонском договоре, о заявлениях Грея, о своем правительстве и т. д. Ллойд Джордж прерывает его, говоря, что речь идет не об обсуждении окончательного устройства этой территории, а о настоящих и ближайших действиях Греции в Айдынском вилайете.)

Вильсон.—Нужно разрешить два вопроса: 1) отправка греческих войск в Айдынский вилайет; 2) использование железной дороги Смирна—Айдын.

Венизелос.—Кроме первой греческой дивизии, посланной мной в Смирну, я отправил еще два полка и 500 жандармов. Я поступил так по той причине, что турки предприняли нечто вроде забастовки по случаю греческого десанта, и в Смирне не оказалось организованной силы для поддержания порядка в городе. У командующего в настоящее время имеется достаточно людей для отправки их даже внутрь страны. Он может в случае надобности послать их в различные санджаки. Когда я отправлялся на заседание Совета, в это время расшифровывали телеграмму, из которой видно, что турки подняли греческий флаг и просят послать греческие войска внутрь страны. Я не хочу этим сказать, что турки восхищены греческой оккупацией.

Вильсон.—...но, что они хотят порядка.

Ллойд Джордж.—Внутри страны происходят беспорядки?

Венизелос.—У меня нет об этом сведений. Беспорядки в Смирне вызваны отчасти забастовкой турецких офицеров, частью же тем, что были открыты тюрьмы. В настоящее время порядок внутри страны находится в руках турок. Я не отдавал приказания об отправке войск в Айдын, но я не имею сведений о том, что они туда не отправились.

Клемансо.—Уверен ли г. Венизелос в том, что он не отдавал приказания об отправке войск в Айдын?

Венизелос.—Я отдал общие распоряжения греческому командованию об отправке войск в том случае, если явится необходимость занять местности, где произойдут беспорядки. Поэтому я не в состоянии точно указать, куда именно греческие войска были направлены. Так как требуется 12 часов пути для прибытия в Айдын, я не считаю правдоподобным, чтобы войска были посланы туда без моего ведома. Я отдал распоряжение о том, чтобы войска не посылались в те места, где они рисковали встретиться с итальянскими войсками. Я хочу ясно заявить, что к югу наиболее отдаленным пунктом, куда я желаю отправить войска, является Айдын. Я не хочу посылать войск южнее или восточнее этого пункта.

Вильсон.—Не полагает ли г. Венизелос, что было бы лучше в интересах дела повременить с выполнением дальнейших планов оккупации? Совет может всегда обсудить положение, когда прибудут известия о новых беспорядках внутри страны. Дела в настоящее время обстоят таким образом, что всякое действие было бы лучше предпринимать с общего согласия.

Венизелос.—Я готов отдать приказ, чтобы греческие войска ни в коем случае не посылались внутрь страны. Однако во избежание возможности крупных беспорядков и убийств я хотел бы установления какой-либо процедуры, не связанной с промедлениями, вызываемыми отправкой телеграмм в Париж, обсуждением вопроса в Совете и посылкой телеграмм в Азию. Поэтому я предложил бы, чтобы наш командующий не имел права посылать войска без приказания адмирала Калторпа. Если каждый шаг должен утверждаться в Париже, то можно не успеть предотвратить убийства. Мы не пошлем войск южнее, где была произведена высадка итальянских войск.

Вильсон (выражая согласие кивком головы).—Это мне кажется весьма разумным предложением.

Ллойд Джордж.—Предлагаю наделить адмирала Калторпа или старшего по чину офицера союзного флота в Смирне, которым может быть французский или английский адмирал, необходимыми полномочиями.

Вильсон.—Мне это представляется наилучшим планом. Железная дорога Смирна—Айдын может быть использована сообразно с обстоятельствами.

Венизелос.—Можем ли мы пользоваться французской железной дорогой?

Клемансо.—Да. Принимаю предложение г. Ллойд Джорджа.

Венизелос.—В Греции и на островах находится большое количество беженцев из Малой Азии. Было бы необходимо вернуть их своевременно на места, с тем чтобы они могли приступить к сельскохозяйственным работам. Речь идет о населении Смирнского санджака и Айвалыкской казы[38]. Прошу о том, чтобы греческие войска посылались в эти округа без специальных разрешений для поддержания порядка и защиты возвращающихся беженцев. Разумеется, они не пройдут ниже Айясолука.

(Предложение принимается.)

Венизелос удаляется.

Хэнки представил адмиралу Калторпу проект телеграммы, которая утверждается в следующей редакции:

«Совет главных союзных и присоединившихся держав постановил, чтобы в случае беспорядков в Айдынском вилайете и в любой местности к северу от Айдына туда посылались греческие войска для восстановления порядка, но лишь с разрешения старшего офицера союзных флотов в Смирне, которому принадлежит последнее слово в решении вопроса о том, оправдывают ли обстоятельства посылку войск. Однако греческие войска могут быть отправлены без особого разрешения в округ, входящий в Смирнский санджак, но не южнее Айясолука, или в Айвалыкскую казу с целью установления там порядка и защиты возвращающихся беженцев. Греческим военным властям будут предоставляться все удобства для выполнения передвижений на всех железнодорожных линиях Смирнского узла. Г-н Венизелос посылает греческим властям инструкции в соответствии с настоящим постановлением».

Соннино.—Вриду этого я прошу указать мне, можно ли считать установленным, что мои коллеги согласны сохранить положение без отзыва итальянских войск.

Вильсон.—По-моему это означает, что итальянское правительство берет на себя всю ответственность за то, что может случиться в случае оставления этих войск.

Ллойд Джордж.—Это в точности выражает мою точку зрения.

Клемансо.—И мою.

Ллойд Джордж.—Итальянское выступление оказалось весьма вредным для работы конференции, и вместе с тем оно не способствовало осуществлению итальянских стремлений в Малой Азии. Г-н Орландо, когда к нему была обращена просьба дать разъяснения, ответил, что ему ничего неизвестно, и было совершенно ясно, что он ничего не знал. Повидимому, глава правительства не был даже запрошен об этом.

(Затем речь заходит об ответственности за войну и о германских репарациях, о саарском вопросе, о германских военнопленных, о России, об австрийских, венгерских и болгарских

военнопленных (статьи, содержащиеся в договоре с Германией, должны быть повторены в договорах с Австрией, Венгрией, Болгарией); о статье 232 договора с Германией (репарации). В статье этой указывается, что германские репарации относятся к периоду состояния войны с Германией каждого союзника и присоединившегося государства. Это ограничение в результате нелепых инструкций, отданных в последний момент перед вручением мирных условий немцам, фигурировало в английском, но не во французском тексте. Решено привести их также в последнем.)

После заседания рассказываю Креспи о том, как обсуждалась статья 232. Креспи говорит: «Это для нас будет означать потерю двух миллиардов».

Следует признать, что Венизелос проявил большую ловкость. Выказывая умеренность, он сумел под видом оказания помощи беженцам добиться расширения зоны греческих десантов, которые по смыслу другого его предложения могут производиться без предварительного согласия Совета.

Вторник, 20 мая.

8 час. 30 мин.—Орландо говорит мне, что он ночью думал о произнесенных вчера союзниками фразах, о которых я ему докладывал: «Это значит, что Италия берет на себя ответственность за то, что она делает». «Быть может союзники хотят заручиться материалом для того, чтобы объявить Лондонский договор потерявшим силу?»

Извещаю его о том, что говорилось при обсуждении статьи 232 относительно ограничения репарационных обязательств периодом «состояния войны». Орландо повидается с Креспи.

В автомобиле по дороге к Четырем речь заходит о новых делегатах, ввиду того что Саландра и Сальваго Раджи отказались вернуться, а Бардзилаи не уверен в том, что останется. Орландо думает о Луццати, Феррарисе, Кавасоле.

11 часов. Заседание Четырех.

Обсуждается проект ответа на письмо Брокдорф-Ранцау об экономических последствиях мирного договора; проект этот составлен экспертами четырех держав.

. . . .

Вильсон.—Последний пункт проекта мне кажется слабым. Нехватает необходимого пафоса при указании на то, что все страны испытывают затруднения в связи с недостатком сырья, вызванным потерями тоннажа.

Ллойд Джордж.—Это—один из наиболее важных ответов, которые мы должны дать немцам. Редактирование ответа должно быть поручено человеку, обладающему литературными способностями.

Вильсон.—Генерал Смэтс?

Хэнки.—Сэр Роберт Сесиль?

Ллойд Джордж.—Можно было бы попытаться поручить Керру.

Вильсон.—Гувер?

Ллойд Джордж.—Гувер превосходно говорит, но когда пытается писать, можно притти в отчаяние.

Хэнки.—Керзон? Уинстон Черчилль?

Ллойд Джордж.—В Керзоне есть нечто от большого стиля. Решают поручить Керзону.

(Кроме того, обсуждаются ответ Брокдорф-Ранцау по вопросу о репарациях и ответственности; вопрос о договоре с Польшей; о Смирне (Ллойд Джордж зачитывает телеграмму, полученную из английских источников, касательно боев между турками и греками, имевших место в связи с высадкой войск: «Греки убивают встречающихся им турецких солдат; добивают раненых и бросают их в море»; решено уведомить Венизелоса). Вновь затрагивается вопрос о статье 232 договора с Германией: ограничение германских репараций периодом состояния войны с каждым из государств. Вопрос этот поставлен в письме французского юридического консультанта Фромажо. Клемансо.—*Никто не мог понять этого письма г. Фромажо!* Орландо.—*Не согласен; я оставляю за собой право дать свое согласие.* Ллойд Джордж.—*Но Италия в течение целого года не была в войне с Германией! Нужно обладать чувством справедливости. Я поддерживаю вчерашнее решение.* Орландо.—*Я поддерживаю свое.)*

Кроме того, обсуждался продовольственный вопрос в России: предложение Ленина—Нансена[39] относительно совещания с большевиками.

Вильсон.—Отчего бы не просить Бальфура подготовить ответ?

Ллойд Джордж.—Мне хотелось бы немного больше демократизма. Он и Соннино относятся к одной и той же категории.

Клемансо.—Что такое демократизм? Роберт Сесиль—демократ.

Ллойд Джордж.—Иногда эти старинные английские семьи приносят демократические плоды.

Керр, принадлежащий к одному из самых старинных шотландских родов, в такой степени пропитан демократическими идеями, что его подозревают в большевизме!

Если Колчак придет в Москву, война будет окончена. Он назначит всеобщие выборы. Колчак—не реакционер.

Вильсон.—Он не представляет собой ничего значительного. Это—вроде наших военных...

Ллойд Джордж.—Возьмите Фоша: это—ребенок, когда принимается говорить о политике.

Клемансо (улыбаясь).—Позовемте Керра.

(Кроме того, рассматривается письмо Брокдорф-Ранцау о военнопленных, письмо сербской делегации, требующей ассигнования 80 миллионов фунтов стерлингов из первого миллиарда, который должен быть уплачен Германией.)

Выходя, Орландо беседует с Ллойд Джорджем. Ллойд Джордж говорит ему: «Да, я говорил с Вильсоном. Он все еще сильно вос-

стает против оставления вам Фиуме. Надо, чтобы на это согласились южные славяне. Я тоже поговорю об этом с Вильсоном, но следовало бы сказать давление на Клемансо. Нужно бы также отказаться от чего-либо в Малой Азии».

Орландо уведомляет Ллойд Джорджа, что сегодня вечером он должен выехать для совещания со своими коллегами, входящими в состав итальянского кабинета.

Вернувшись в гостиницу, Орландо пишет Вильсону и Клемансо, что он должен отлучиться на 24 часа для участия в заседании совета министров, которое состоится на фронте. «Речь идет об обсуждении вопроса внутриполитического характера». Предупреждает, что его, вероятно, заменит Соннино.

Вместе с Орландо выезжает также Креспи.

Хэнки телефонирует мне, что дневное заседание Четырех не состоится «за неимением готового материала». Он уведомит меня, когда Четверо вновь соберутся.

Среда, 21 мая.

Нет никакого уведомления от Хэнки о заседании Четырех. Кажется, состоялось заседание Трех, собравшихся для того, чтобы выслушать Трумбича*.

16 часов. Заседание Четырех. Соннино заменяет Орландо. Немцы просят отсрочить подписание договора.

Предоставляется отсрочка до 29 мая. Имеется еще много сомнений относительно того, подпишут ли немцы.

На совещании выступают члены польско-украинской комиссии (от Италии—Брамбилла).

Обсуждается польско-украинское перемирие.

. . . .

Выходя, Соннино говорит мне: «Кто знает, быть может, кабинет уже подал в отставку?»

Вчера Орландо сказал мне: «Личные отношения между нами до того затруднены, что, по-моему, было бы лучше, если бы нас пришли заменить другие».

Итальянские газеты помещают статьи под заглавием: «Правительство должно остаться».

Начальник кабинета Орландо сообщает мне, что премьер-министр подтвердил по телефону, что вернется завтра.

Четверг, 22 мая.

Сообщение из Улька. Заседание совета министров длилось 6 часов. Совет подтвердил свое согласие с премьером. Правитель-

* Рей-Стеннард Бэкер (op. cit., v. II, p. 200) пишет, что Ллойд Джордж 21 мая «прибег к уловкам и обходным маневрам, попытался выдвинуть новые предложения и в конце концов не только не сумел удовлетворить Италию, но даже вступил в отчаянный спор с Клемансо, доказывавшим, что Ллойд Джордж обошел права французов в Турции, с тем чтобы удовлетворить

ство остается. Саландра и Сальваго Раджи заменены другими лицами.

Орландо прибывает в 10 час. 25 мин.

Фразье телефонирует мне, что Хауз желал бы поговорить с Орландо. Отвечаю ему: «Хорошо. Согласен ли полковник Хауз быть в гостинице «Эдуард VII» к 14 час. 15 мин.?» Фразье отвечает: «Хорошо, я вас извещу по телефону».

Хэнки уведомил, что заседание Четырех состоится не в 11 часов, а в 11 час. 30 мин.

11 час. 30 мин.—Орландо отправляется со мной к президенту Вильсону.

Нам говорят, что Вильсон и Клемансо находятся у Ллойд Джорджа.

В 11 час. 45 мин. прибывают Вильсон и Клемансо.

Вильсон.—Иногда незначительные вопросы отнимают больше времени, чем важные.

Входят также Лушер, Тардье, Кроу, Хедлэм-Морли (саарский комитет).

Клемансо.—Чем занят Ллойд Джордж, что не приходит?

Тардье (имея, быть может, в виду вопрос, обсуждавшийся утром Тремя: Сирию и т. д.).—Переваривает *.

Вильсон любезен с Орландо. Орландо кажется подозрительной эта любезность.

Входит Ллойд Джордж; обращаясь к Орландо: «Как вы нашли своих коллег?»

Орландо.—Они единодушны, солидарны. Страна раздражена.

Ллойд Джордж.—Почему?

Орландо.—Считает, что дела наши не разрешены, заброшены здесь.

Ллойд Джордж.—Какое из них является самым важным?

Орландо.—Фиуме.

Ллойд Джордж сжимает губы.

(Речь заходит о Сааре; затем—ответ Брокдорф-Ранцау относительно экономического положения Германии; военнопленные; Лига наций; пункт о защите национальных меньшинств, подлежащий включению в договоры с Австрией, Венгрией, Болгарией.—Утверждается Четырьмя.)

итальянцев и выйти из запутанного положения, в котором он (Ллойд Джордж) оказался». См. также у Генри Вильсона («Life and Diaries», v. III, p. 194), который пишет, что 21 же мая произошла «первоклассная собачья драка» между Ллойд Джорджем и Клемансо по поводу Сирии и месопотамской нефти.

* Ср. Генри Вильсон (op. cit., v. II, p. 194), где он пишет о заседании, состоявшемся 22 мая у Ллойд Джорджа: «...Ллойд Джордж в заключение заявил, что он признает границу, указанную генералом Вильсоном... Клемансо в своем ответе наотрез отказался признать эту линию».

Фразье сообщает по телефону Галлаврези*, что беседа Хауз—Орландо уже не представляется срочной. (Хауз не имел обыкновения приходить в гостиницу, так как Орландо всегда сам отправлялся к нему. Не потому ли отложил он беседу, что, отвечая утвердительно на вопрос о желании Хауза видеть Орландо, я сказал Фразье, что Хауз может притти в гостиницу?) Делая свое сообщение Галлаврези, Фразье добавил: «Вильсон высказал свое мнение по адриатическим вопросам и остается при нем. Италия и союзники могут, если хотят, соблюсти, со своей стороны, условия Лондонского договора».

В 16 часов у Вильсона заседание Четырех с участием саарской комиссии.

Утверждается ответ союзников германской делегации по этому вопросу.

В 16 час. 15 мин. саарский комитет удаляется; входят эксперты по репарационным вопросам (от Америки—Барух, Мак-кормик, Ламонт, Норман Девис, Дэллс, Робинсон; от Англии—лорд Сэмнер, лорд Кенлиф, Сэттон; от Франции—Клоц, Лушер, Жуассе; от Италии—Кресни, д'Амелио).

Во время перерыва Ллойд Джордж говорит Орландо: «Если получите Фиуме, не будете поднимать вопроса о редакции?» [40] Орландо отвечает: «Нет».

Вильсон.—В проекте статей по репарациям, подлежащим включению в текст договора с Австрией, было предложено, чтобы на новые государства, возникшие из бывшей Австро-Венгерской империи, была возложена часть репарационных долгов. Я полагаю, что это явилось бы чрезмерным бременем для названных государств. Мне сообщили, что, если эти страны примут на себя долю довоенного долга в соответствии с размерами их территорий и обязательства по репарациям, доля эта на душу населения значительно превысила бы квоту Франции и Англии.

Ллойд Джордж.—Я не могу согласиться с этими предположениями. К тому же размеры обязательств, касающихся этих стран, еще не были установлены; это должна была решить репарационная комиссия.

Вильсон.—Я считал решенным, что государства эти должны полностью выплатить причитающуюся с них долю репараций. Это, по моему мнению, явилось бы чрезмерным бременем, и у меня есть сведения, что, если бы это условие было им поставлено, некоторые из этих государств отказались бы подписать договор. Это представляется опасным, потому что, если эти государства будут поставлены в положение солидарных с Германией должников, они могли бы обратиться к Германии за содействием в деле их экономического развития. Добавлю, что не столько размеры

* Проф. Джузеппе Галлаврези входил в состав секретариата итальянской делегации.

квоты, сколько принцип, в силу которого квота эта была установлена, окажет вредное влияние на кредитоспособность этих стран.

Ламонт:—Несомненно, предложение, чтобы эти государства платили, в принципе справедливо, но требование репарационной комиссии, повидимому, имеет слабую связь с целями комитета, учрежденного для оказания помощи этим государствам в деле восстановления их кредита. Кроме того, я сомневаюсь, чтобы они были в состоянии выплачивать более или менее значительные суммы.

Ллойд Джордж:—Бо́льшая часть граждан этих стран сражалась против союзников до конца войны; они никогда не добились бы свободы иначе, чем путем войны. Если бы они сохранили нейтралитет, продолжительность войны сократилась бы на два года. Почему же они должны получить свободу, ничего за это не уплачивая? Это было бы очень несправедливо, раз в Великобритании на семью приходится по 800 фунтов стерлингов военных расходов. Эти государства должны взять на себя ту же долю бремени, которая ложится на тех, которые помогли им добиться свободы. Почему крестьянин Калабрии, например, должен, кроме своего военного бремени, нести также бремя хорватского или чехо-словацкого крестьянина? Кроме того, союзники выдали крупные суммы вперед Сербии. Разве югославское государство не должно поэтому нести никаких тягот? Замечу, что некоторые из этих государств, как, например, Чехия и Трансильвания, имеют большие доходы.

Вильсон.—По смыслу финансовых статей договора государства эти должны поделить между собой долги, до- и послевоенные, бывшей Австро-Венгерской империи. Я согласен с г. Ллойд Джорджем относительно изложенного им принципа, но не понимаю, каким образом названные страны могли бы принять участие в общем упорядочении европейского кредита, если на них будет возложено слишком много тягот и если им в течение двух лет не были известны размеры их долга.

Орландо.—Повидимому, хотят выдвинуть предложение об отмене решения Верховного совета о том, что бывшая Австро-Венгерская империя должна отвечать за всю сумму долга. Что касается Италии, она не берет на себя ответственности за присоединенные территории. Г-н Ллойд Джордж недавно говорил о триестинском тоннаже, как о неприятельском тоннаже, но вряд ли его можно считать таковым, если новые государства не будут признаны ответственными. Можно с вероятностью допустить, что они не смогут уплачивать значительных сумм, но здесь важен принцип. Я не могу вернуться в Италию и заявить, что четыре пятых Австро-Венгерской империи отстранены от всякой финансовой ответственности.

Ллойд Джордж (вполголоса).—Отличный аргумент.

Вильсон.—Никто не утверждал, что эти государства не должны ничего платить. Мне хотелось бы, однако, чтобы им теперь же было известно, сколько им придется платить.

(Клемансо, откинувшись с видом полного безразличия на спинку кресла, с полузакрытыми глазами и большими опущенными усами, с неизбежными серыми перчатками на руках, лежащих вдоль вытянутых ног, производит впечатление спящего человека.)

Клоц.—В предложенных репарационных статьях имеются пункты, особенно выгодные для этих государств: так, например, они не должны будут выпускать гарантийные боны; в течение двух лет они ничего не будут выплачивать; ответственность их, установленная с 1921 г., не может быть впоследствии усилена, т. е. не будет солидарной ответственности и т. д.

Ллойд Джордж.—Я согласен с президентом Вильсоном в том, что на эти государства не следует в течение столь долгого времени налагать ответственность, размеры которой не выяснены. Я полагаю, что размеры эти могли бы быть установлены скорее, чем в два года: шести месяцев было бы достаточно. Проблема эта не имеет такого гигантского масштаба, как мы это видим в случае с Германией. Полагаю, кроме того, что выплата австрийских долгов союзникам должна предшествовать уплате внутренних долгов. Я сомневаюсь в необходимости того, чтобы репарационная комиссия рассматривала вопросы, касающиеся Германии и Австрии. Это могло бы затянуть дело.

Вильсон.—Вопрос надо тщательно изучить. Я считаю, что для рассмотрения дел, касающихся Германии и Австрии, можно было бы назначить одну большую руководящую комиссию, разумеется при участии различных экспертов, для рассмотрения особых вопросов и в особых местах.

Ллойд Джордж.—Решение о создании единой комиссии было принято в связи с двухгодичным сроком, предусмотренным с целью установления размеров причитающихся с Германии и Австрии сумм; но если принять более короткий срок, скажем, шесть месяцев для Австрии, это могло бы вызвать необходимость назначения отдельной комиссии. Кроме того, директивы в отношении Австрии могли бы носить менее строгий характер.

Ламонт.—Замечу, что если будут работать две комиссии и если обеим будет дано право рассматривать вопросы о бонах, это может повести к разногласиям.

Орландо.—Полагаю, что во всяком случае придется назначить необходимое количество подкомиссий; однако я стоял бы за создание единой верховной комиссии.

Клоц.—Мне кажется, что одной комиссии будет трудно рассматривать обязательства обеих сторон в том случае, если будет принято предложение об установлении размеров долга Австрии в течение более короткого срока. Я предложил бы, чтобы большая комиссия выделила специальную подкомиссию по вопросам, касающимся Австрии.

Вильсон.—Повидимому, мы все в принципе согласны. Нынеш-

няя репарационная комиссия может выносить постановления, касающиеся деталей.

Креспи.—Обращаю ваше внимание на последний параграф статьи 2, относящейся к предлагаемым репарационным пунктам, и на прилагаемое к нему примечание. Некоторым государствам, хотя и не находившимся в тот момент в войне с Германией, был причинен ущерб немцами. Это касается, например, Австрии. Думаю, что в этих случаях следовало бы признать право на возмещение убытков.

Орландо.—Вопрос этот в равной степени касается Австрии и Германии: текст должен быть идентичным.

Ллойд Джордж.—Текст, предлагаемый для репарационных статей, исключает Польшу. Текст этот дал бы Италии право предъявлять требования к Германии даже за тот период, в течение которого она не была в войне с Германией[41]. Мне кажется, что этого не следовало бы допускать.

Орландо.—Репарации основаны на принципе солидарности. В части, касающейся Адриатики, Италия придерживается той точки зрения, что этот принцип не допускает никаких особых рекламаций. Я думаю также, что было бы весьма затруднительно отличить ущерб, нанесенный Австрией, от убытков, причиненных Германией.

Креспи.—Германские аэропланы бомбардировали мою фабрику до объявления войны Италией Германии, и нет сомнения, что немецкие подводные лодки топили итальянские суда до этой даты. На основе принципа солидарности Германию следовало бы признать ответственной за все убытки.

Ллойд Джордж.—Италия по соображениям, несомненно весьма правильным, в течение долгого времени не объявляла войны Германии, хотя ее об этом просили союзники. Это наносило значительный ущерб союзникам, особенно в деле эффективного применения блокады. Германские подводные лодки топили нейтральные суда так же, как и союзные. Я не думаю, чтобы требование о возмещении Германией убытков, нанесенных Италии до объявления ею войны, можно было считать оправданным.

(По предложению Клоца выносится решение, чтобы слова «в течение периода состояния войны каждой из союзных и присоединившихся держав» были включены также в текст мирного договора с Австрией. Орландо подписывает, как это уже сделали Вильсон, Клемансо и Ллойд Джордж, резолюцию о включении названной фразы также во французский текст статьи 232 договора с Германией.)

. . . .

Клоц.—Обращаю внимание на третье приложение проекта репарационных статей для Австрии, относящихся к торговому тоннажу. Так как Австрии будет закрыт выход к морю, было выдвинуто предложение, чтобы она передала весь тоннаж союзным

и присоединившимся державам. Италия выступила с возражениями по этому поводу. Французские и американские представители в репарационной комиссии советовали вынести решение, в силу которого Италии из общего фонда должен быть предоставлен процент адриатического тоннажа в более крупных размерах, чем это могло бы ей причитаться в нормальном порядке.

Орландо.—Благодарю за французские и американские предложения. Мне не удается, однако, понять, почему Адриатика в части, касающейся тоннажа, должна оказаться в худшем положении, чем Германия, которой оставляется часть ее малого тоннажа и рыболовных судов. Этот флот является важным элементом экономической жизни прибрежного населения, и мне кажется несправедливым и опасным отнимать его у владельцев. Правда, у Австрии не будет портов, но приморское население остается. Тоннаж, о котором идет речь, содержит около 60 тысяч тонн и представляет сравнительно незначительную величину.

Ллойд Джордж.—Я думаю, что в отношении рыболовных судов не возникнет затруднений. Но тоннаж—вещь весьма важная для Великобритании ввиду понесенных ею тяжелых потерь, размеры которых достигают 8 миллионов тонн. Греки также понесли тяжелые потери, главным образом судами того типа, которые теперь предлагается передать Италии и Югославии. Напомню Совету, что Англия потеряла свои суда при перевозке продовольствия для Италии и Франции. Британский тоннаж был передан во всеобщее распоряжение, и ни одна из его частей не была использована частными предприятиями. Недавние изъятия судов из общего фонда, сделанные по различным соображениям различными странами, как, например, Соединенными Штатами, Бразилией, Португалией, произвели в Англии самое неблагоприятное впечатление. В стране осталось весьма мало тоннажа, который составляет, вероятно, важнейшую отрасль промышленности Британии. Прошу Совет не вынуждать Англию к уступкам на сегодняшнем заседании. Я предложил бы созвать конференцию заинтересованных сторон, включая Грецию, при участии представителей британского министерства торговли, которые, быть может, согласились бы пойти на уступки.

(Предложение принимается.)

Затем заседание переходит к рассмотрению югославского предложения о предоставлении Югославии доли библиотек, музеев, художественных коллекций города Вены; утверждается пункт следующего содержания:

Относительно всех предметов художественного, археологического, научного и исторического характера, являющихся частью коллекций, ранее принадлежавших правительству австро-венгерской монархии или короне, не предусмотренных другими статьями настоящего договора, Австрия обязуется:

а) заключить с заинтересованными государствами, если посту-

нит соответствующее требование, полюбовное соглашение, в силу которого часть вышеназванных коллекций и предметов, относящихся к культурным ценностям уступленных округов, может быть на началах взаимности возвращена тем округам, откуда они происходят;

б) ничего не продавать и сохранять в целости эти коллекции и не распоряжаться названными вещами в течение 20 лет, если только не будет заключено до истечения этого срока специальное соглашение; гарантировать их целость и сохранность и предоставлять их для научных работ подданным любой из союзных или присоединившихся держав.

По предложению Ллойд Джорджа проект репарационных статей для Болгарии передается репарационной комиссии.

Вильсон.—Я думаю, что представителям государств, входивших ранее в состав Австро-Венгерской империи, следовало бы сообщить свою точку зрения до того, как текст статей договора с Австрией будет окончательно утвержден.

(Предложение принимается.)

Эксперты по репарационным вопросам удаляются.

Собрание рассматривает вопрос о перемирии между Польшей и Украиной.

. . . .

Пятница, 23 мая.

11 часов.—Заседание Четырех.

(Речь идет о нижеследующих предметах: письмо Брокдорф-Ранцау о частной собственности; письмо Брокдорф-Ранцау о международном законодательстве о труде: Россия; Люксембург; военные силы Австрии.)

Клемансо.—Это весьма щекотливый вопрос. Со своей стороны, я готов в еще большей степени согласиться со взглядами президента Вильсона. Что касается малых государств, то здесь можно усмотреть две стороны вопроса: финансовую и политическую, кроме военной. О финансовой статье говорилось вчера. Я, однако, рад, что доклад репарационной комиссии еще не окончательно утвержден и не передан для дальнейшего редактирования. Я считаю, что финансовые эксперты действовали с точки зрения чисто финансовой и не принимали в достаточной степени в расчет политических соображений. В действительности вопрос связан с проблемой военных сил, которые могут содержаться такими странами, как Польша или Чехо-Словакия. Я согласен относительно ограничения их вооружений, но полагаю, что ограничение это не должно быть произведено немедленно или слишком поспешно.

Вильсон.—Мне кажется, что можно было бы ввести систему постепенного снижения численности армии в ожидании разрешения русского вопроса. Я полагаю, что снижение окончательных цифр может зависеть от разрешения этого вопроса.

Вильсон предлагает перейти в верхний этаж и немедленно побеседовать об этом с экспертами. Клемансо высказывает желание, чтобы в репарационную комиссию были введены политические деятели для выработки договоров с Австрией, Венгрией и Болгарией.

Ллойд Джордж и Вильсон не возражают.

Ллойд Джордж.—Со своей стороны, предлагаю генерала Смэтса и г. Кейнса.

Клемансо.—А я—Лушера и Тардье.

Для Италии остаются Кресси и д'Амелио.

11 час. 30 мин.—В верхнем этаже вильсоновского дома. Кроме Четырех и секретариата, присутствуют военные, морские и авиационные эксперты (от Италии генерал Каваллеро, полковник Тони, адмирал Грасси, граф Ваннутелли Рей, подполковник Пиччио).

Вначале речь идет о статьях договора с Австрией, относящихся к вопросу о военнопленных.

Вильсон.—Схема мирного договора с Австрией в части, касающейся военнопленных, была составлена на той же основе, что и соответствующие статьи мирного договора с Германией. Статьи касаются только освобождения военнопленных—подданных собственно Австрии. По достаточным и веским соображениям не упоминалось о военнопленных различных национальностей, подданных бывшей австро-венгерской монархии, как, например, Чехо-Словакии, Югославии и австрийской Польши. Комиссия по делам военнопленных, однако, в своем докладе Верховному совету сформулировала следующее предложение:

Австро-венгерские военнопленные и австрийские интернированные граждане, происходившие из областей бывшей австро-венгерской монархии, ныне передаваемых союзным и присоединившимся государствам, будут немедленно отпущены на свободу. Союзными и присоединившимися государствами будут оказаны все необходимые льготы уполномоченным миссий и консульств новых государств, с тем чтобы они могли войти в прямую связь со своими соотечественниками—военнопленными и интернированными гражданами—и получить возможность облегчить или ускорить их репатриацию.

Председатель комиссии по делам военнопленных француз Каэн зачитывает документ, иллюстрирующий те соображения, которые побудили комиссию выдвинуть вышеуказанное предложение.

Орландо.—Члены комиссии по делам военнопленных единодушно высказались в том смысле, что рассматриваемый вопрос не имеет непосредственного отношения к мирному договору с Австрией. По моему мнению вопрос должен быть рассмотрен с двух точек зрения—с фактической и правовой.

Что касается фактического положения, то Италия, предоставляя специальный режим австро-венгерским военнопленным и интернированным гражданам, не оставалась позади кого бы то

ии было. Почти все чехи, около 40 тысяч человек, уже отпущены на свободу, а также поляки, румыны, трансильванцы и даже южные славяне. Оставшиеся в Италии военнопленные, бывшие гражданами территорий, принадлежавших бывшей австро-венгерской монархии, были сконцентрированы в специальных лагерях, где они пользуются особым режимом. Было бы освобождено гораздо больше военнопленных, если бы этому пока не препятствовали серьезные транспортные затруднения. Политика итальянского правительства стремится к репатриации возможно большего числа военнопленных, поэтому оно приняло меры для осуществления предложений комиссии. Мы будем продолжать репатриацию военнопленных, поскольку это позволит нынешнее состояние транспорта.

С юридической стороны возникают затруднения, заключающиеся в том, что репатриация военнопленных, несомненно, находится в зависимости от заключения мира. Разумеется, как только мир будет заключен, все военнопленные будут освобождены, поэтому проблема сводится к тому, чтобы решить, в какой именно момент мир с новыми государствами—Югославией, Чехо-Словакией, Польшей и т. д.—можно считать заключенным.

Что же касается территорий, входящих в Австрию и Венгрию в собственном смысле слова, будет заключен отдельный мирный договор, и с этого момента военнопленные, проживавшие на этих территориях, будут репатриированы. Но что касается новых государств, ранее входивших в состав австро-венгерской монархии, то мир, по моему мнению, будет установлен только тогда, когда территории эти будут окончательно делимитированы. С этого момента военнопленные будут на законном основании освобождены. Ввиду этого я не могу принять предложения комиссии в той его части, которая требует, чтобы все австро-венгерские военнопленные и интернированные граждане, проживавшие на территориях, принадлежавших австро-венгерской монархии, были немедленно отпущены на свободу. Во-первых, я не могу взять на себя такого рода формального и международного обязательства, прежде чем мир будет заключен. Кроме того, фактически было бы невозможно выполнить такое решение, ибо до тех пор, пока границы не будут определены, нельзя будет знать, к какой именно стране принадлежит в действительности тот или другой военнопленный, т. е. будет невозможно знать, относится ли он к дружественной стране или неприятельской. Например, было бы невозможно знать, должен ли житель Баната или Галиции рассматриваться в качестве румына, венгра или кого-либо другого.

Резюмирую: Италия фактически отпустила на свободу большое количество австро-венгерских военнопленных и интернированных граждан, происходивших из областей, принадлежавших бывшей австро-венгерской монархии, учитывая имеющиеся возможности и состояние транспорта. Но что касается правовой стороны вопроса, я не могу взять на себя формального обязательства, потому

что ни одна нация не может быть вынуждена освободить всех военнопленных до того, как будет заключен мир.

Ввиду этих обстоятельств я полагаю, что не следует принимать формального решения. Если, однако, мои коллеги желают принять предложение комиссии, оно должно быть рассмотрено только с точки зрения политической.

Вильсон.—Я думаю, что военнопленные, о коих идет речь, должны быть репатриированы возможно скорее независимо от того, идет ли речь о лицах, имеющих на то право или же этого права не имеющих.

Орландо.—Именно так и поступает Италия. Иными словами, я готов согласиться с принципом, из которого исходит предложение комиссии, но не могу взять на себя формального обязательства.

Вильсон.—Я думаю, что если после освобождения военнопленных, принадлежащих собственно Австрии, каждая из союзных держав будет задерживать военнопленных, принадлежащих другим частям бывшей австро-венгерской монархии, может получиться впечатление, что с дружественными государствами обращаются хуже, чем с бывшими неприятельскими, и положение в Южной Европе от этого еще больше осложнится.

Орландо.—Такое допущение я считаю исключенным. Заверяю Совет, что в тот момент, когда граждане Австрии в собственном смысле будут освобождены Италией, будут также освобождены остальные граждане бывшей австро-венгерской монархии. Но, повторяю, я не могу взять на себя обязательство о немедленном освобождении всех военнопленных, интернированных в Италии. И это—единственное обязательство, которого я не мог бы взять на себя.

Вильсон.—Я думаю, что союзные и присоединившиеся правительства могли бы в настоящий момент быть только запрошены о признании принципа без всякого формального конкретного обязательства.

Орландо.—Тогда мы согласны. Я сделаю все возможное для освобождения наибольшего количества военнопленных. Единственное затруднение будет заключаться в возможностях их перевозки.

(Совет утверждает пункты, касающиеся военнопленных и заботы о могилах: 13 статей, подобных статьям, представленным комиссией, и соответствующих статьям договора с Германией. Кроме того, главы правительств договариваются о том, что все военнопленные, ранее являвшиеся гражданами австро-венгерской монархии и ныне ставшие гражданами одной из союзных и присоединившихся держав, должны быть немедленно освобождены, если состояние транспорта и окончательные решения относительно границ новых государств допускают это. Во всяком случае они не должны быть освобождаемы позднее военнопленных граждан нового австрийского государства.)

Вильсон.—Версальские военные представители, в соответствии с решением Верховного совета от 15-го числа текущего месяца,

представили 21-го числа доклад о численности армий, которые разрешается держать Австрии, Венгрии, Болгарии, Чехо-Словакии, Югославии, Румынии, Польше и Греции.

Орландо.—Присутствующие здесь военные представители могли бы подробно изложить свои предложения.

Ллойд Джорджс.—Мне кажется, что мотивы предложений, выдвинутых военными представителями, содержатся в сопровождающем эти предложения докладе, который был роздан. Я считаю этот доклад весьма правильной сводкой аргументов, относящихся к рассматриваемому вопросу.

Вильсон.—Я просил бы генерала Блисса взять слово.

Блисс.—Первый проект военных пунктов, подлежащих внесению в текст мирного договора с Австрией, был подготовлен военными представителями во время моего вынужденного отсутствия. По моем возвращении в Версаль я нашел, что проект этот был уже рассмотрен Верховным советом, который решил возвратить его военным представителям для внесения изменений согласно указаниям Совета. Внимательно рассмотрев работу моих коллег, заявляю, что я принимаю безоговорочно и без всяких изменений их заключения. Установленные первоначально военными представителями цифры были основаны на соображениях военного характера. Однако я отдаю себе отчет в том, что вопрос должен быть разрешен, главным образом, с точки зрения политической. Во время обсуждения военные представители учитывали все связанные с этим вопросы: население и территорию, характер территории, границы и соотношение границ сухопутных и морских, характер местных промышленных предприятий, т. е. являются ли они главным образом сельскохозяйственными или промышленными предприятиями, общий характер населения, наличие больших городов и т. д.* Каждый военный представитель, ведя работу самостоятельно, сформулировал свои заключения. Заключения эти, естественно, расходились между собой в деталях, но достигнутые результаты практически были одинаковы.

Я полностью отдаю себе отчет в том, что Верховный совет связан своим решением, касающимся военных сил, предоставляемых Германии, и что в этом отношении военным представителям были даны точные инструкции принять германские цифры за основу при исчислении соотношения военных сил, предоставляемых Австрии, Венгрии, Чехо-Словакии, Югославии, Румынии, Поль-

* В этом докладе военных предусматривались нижеследующие цифры максимального состава армий: Австрия—40 тысяч, Венгрия—45 тысяч, Болгария—20 тысяч, Чехо-Словакия—50 тысяч, Югославия—40 тысяч, Румыния—60 тысяч, Польша—80 тысяч, Греция—20 тысяч человек. Однако упомянутые версальские военные представители указали в том же докладе следующие цифры, исчисленные на основе, рекомендованной Верховным советом: 15 тысяч—Австрии, 18 тысяч—Венгрии, 10 тысяч—Болгарии, 22 тысячи—Чехо-Словакии, 20 тысяч—Югославии, 28 тысяч—Румынии, 44 тысячи—Польше, 12 тысяч—Греции.

ше, Болгарии и Греции. Мне кажется бесполезным повторять, что цифры, касающиеся Германии, не были основаны на соображениях военного характера. Военный комитет, возглавляемый маршалом Фошем, вначале единодушно предложил Верховному совету предоставить Германии военную силу в размере 200 тысяч человек, призываемых в армию путем набора. Предложение военного комитета было отвергнуто Верховным советом с указанием, что обязательная военная служба должна быть заменена добровольной. Вследствие этого комитет предложил, чтобы общее количество кадровых и резервных войск не превышало 140 тысяч человек. Французские представители горячо настаивали на снижении этой цифры до 100 тысяч человек. Когда вопрос вновь рассматривался в Верховном совете, британский премьер-министр высказал несколько соображений, свидетельствующих о его расхождении с мнением военных советников. Он настойчиво указывал на существующие во Франции опасения насчет возможности новой агрессии со стороны немцев и добавлял, что опасения эти следует принять во внимание; вследствие этого он рекомендовал, чтобы Совет согласился на цифру в 100 тысяч человек, предложенную французскими представителями. Мне пока не приходилось слышать аргументов, могущих убедить меня в правильности цифры 100 тысяч с точки зрения военной; я же лично могу заставить себя отказаться от своего мнения военного человека только под напором убедительной аргументации.

Наконец, когда вопрос о малых государствах был вновь передан 15-го числа текущего месяца на рассмотрение военных представителей, причем в качестве предпосылки было указано, что численность австрийских военных сил не должна превышать 15 тысяч человек, положение представилось мне в таком виде. Тщательное рассмотрение положения в Центральной и Южной Европе оправдывает то предположение, что в близком будущем в названных областях могут вспыхнуть большие волнения как следствие выполнения мирных условий. Если союзные и присоединившиеся державы захотят отказать вышеназванным государствам в предоставлении сил, достаточных для поддержания порядка, на кого ляжет ответственность за это? По моему мнению, рекомендованная военными представителями цифра чрезвычайно мала для поддержания порядка в названных неспокойных областях. Я полностью признаю основательность того мнения, что вопрос этот должен быть разрешен, главным образом, с точки зрения политических соображений, но я убежден, что в случае уменьшения военных сил Австрии и других государств эти последние превратятся в простых вассалов двух континентальных держав Согласия. В случае беспорядков и при условии, что эти государства будут бессильны ликвидировать их за отсутствием необходимых сил, Франция и Италия неизбежным образом будут вынуждены содержать больше войск для того, чтобы время от времени оккупиро-

вать эти территории с целью подавления беспорядков. Я не думаю, чтобы такое положение могло способствовать поддержанию европейского мира в будущем. Совет, несомненно, отдает себе отчет в том, какую опасность представляют собой будущие комбинации между Германией и славянскими и азиатскими расами, в результате чего западноевропейская культура может быть сметена с лица земли. Лично я не верю в возможность исчезновения англо-латинской культуры Западной Европы, но полагаю, что, устраняя возможность поддержания порядка в Центральной и Южной Европе, Совет содействует осуществлению такого предположения. Блеск военной славы, сопутствующей в настоящее время некоторым западноевропейским нациям, может в действительности свидетельствовать не о здоровье, а только о болезненном, лихорадочном возбуждении, которое могло бы привести к разрушению латинской и англосаксонской культуры вдоль западного побережья Европы.

В заключение я желаю обратить внимание на тот факт, что принятие цифр, основанных на инструкциях, исходящих от Верховного совета, неизбежным образом свело бы рассматриваемые государства на положение вассалов западных держав Согласия.

Ллойд Джордж.—Я просил бы генерала Блисса сформулировать свое предложение.

Блисс.—Мое предложение заключается в том, чтобы Совет принял рекомендуемые военными представителями цифры.

Вильсон.—Было предложено, чтобы Верховный совет дал военным представителям инструкции выносить свои решения, беря за основу цифру 15 тысяч человек войск для Австрии. Я сам никогда не соглашался на эту цифру и предлагал цифру 20 тысяч. Изложенные генералом Блиссом соображения весьма серьезны и требуют внимательного рассмотрения. По моему мнению, Верховный совет не должен с легкостью принимать или изменять цифры. Я предлагаю поэтому, чтобы вопрос был отложен для дальнейшего его рассмотрения с точки зрения политической.

Клемансо.—Я присоединяюсь к сказанному президентом Вильсоном. Я хотел бы, чтобы копия речи генерала Блисса была роздана членам Совета.

Орландо.—Речь генерала Блисса произвела на меня большое впечатление.

Ллойд Джордж.—Несомненно, Верховный совет вскоре получит от Германии протест по поводу предоставляемой ей цифры военных сил в 100 тысяч человек. По моему мнению, немцы никогда не согласятся на эту цифру. Пока я готов согласиться с генералом Блиссом, что 100 тысяч человек—несоразмерная для Германии цифра. Вначале я согласился на эту цифру под давлением маршала Фоша. Французы находятся ближе к немцам, и ввиду этого их желания должны учитываться в возможно большей мере. Однако я убежден, что через два-три дня Верховный совет узнает мнение немцев по этому вопросу. Я думаю поэтому, что

было бы лучше рассмотреть вопрос с точки зрения Германии, Австрии, Венгрии и других государств в целом. Я не считаю возможным рассматривать Австрию и Венгрию в отдельности друг от друга.

Вильсон.—Обращаю внимание на следующий пункт, содержащийся в докладе военных представителей:

«Своими восточными границами эти две нации—Польша и Румыния—соприкасаются с большевистской Россией. Они не только подвергаются непосредственной угрозе с этой стороны, но фактически представляют собой барьер, защищающий Европу от большевизма. Поэтому государствам этим должна быть предоставлена возможность продолжать войну против максималистской России всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Необходимо предоставить Польше и Румынии право держать в мобилизационной готовности свои войска под контролем Лиги наций до тех пор, пока русский вопрос не будет окончательно разрешен».

Ллойд Джордж.—Напоминаю о своем заявлении, что вопрос о предоставлении военных сил Австрии, Венгрии, Болгарии, Чехо-Словакии, Югославии и Румынии, Польше и Греции должен рассматриваться в целом. Если Чехо-Словакии будет предоставлено право содержать армию без ограничения размеров набора, она сможет держать 1 250 тысяч человек против 100 тысяч, предоставленных Германии. По моему мнению, невозможно применять к Германии ограничения, не делая этого одновременно в отношении других стран; в противном случае Германия будет вынуждена пойти на агрессивный союз с балканскими странами, направленный против западных держав. В этом смысле мне показались весьма убедительными замечания генерала Блисса относительно возможности образования немецко-славянского союза.

(Решено отложить дальнейшее рассмотрение военных статей мирных условий с Австрией.)

Морские статьи.

Ллойд Джордж.—По моему мнению, единственный пункт, требующий вынесения решения относительно предлагаемых статей, заключается в оговорке, сделанной американским представителем адмиралом Бенсоном, о невключении в мирный трактат с Австрией статьи, запрещающей производство военно-морских материалов по иностранным заказам на территории государств, ранее входивших в состав Австро-Венгерской империи. По-моему, в данном случае речь идет о незначительных вещах, и мне безразлично—будет или не будет включена названная статья в текст трактата.

Вильсон.—На последнем заседании у меня получилось впечатление, что речь идет о серьезном предмете. После этого я советовался со своими экспертами и убедился, что речь идет о предмете незначительной важности. С другой стороны, я не знаю, стоит ли включать в текст мирных условий статьи, лишенные реального значения. Поэтому я предлагаю исключить эту статью.

(Решено, что морские условия будут одобрены в виде, представленном комиссией по договору с Австрией, с исключением параграфа 2 статьи 25, запрещавшей производство морских

материалов по иностранным заказам в странах, входивших ранее в состав Австро-Венгерской империи.

Утверждаются авиационные статьи (27—39) без изменений.

Статьи, относящиеся к Междусоюзнической контрольной комиссии по военным, морским и авиационным пунктам, подлежащим включению в договор с Австрией (статьи 40—46), утверждаются в представленной специальной комиссией редакции без изменений; таким же образом утверждаются общие (47—50) статьи.)

Выходя, Ллойд Джордж рассказывает Орландо, что полковник Дельме-Рэдклиф, бывший долгое время военным атташе при британском посольстве в Риме и благоприятно к нам относящийся, сказал Вильсону: «Если вы отдаете Италии 200 тысяч немцев на Бреннере, отчего бы не отдать ей несколько тысяч фиумских славян?» Орландо говорит мне: «Лишь бы теперь Вильсон не раскаялся в том, что согласился на уступку Бреннера!»

Орландо озабочен тем, как ему поступить: если он согласится подписать мирный договор с Германией, он сможет воспользоваться какой-либо своей оговоркой для оказания давления при урегулировании адриатического вопроса. Но теперь может ли он сказать «не подписываю»? И если бы он это сказал, каким образом Австрии могут быть предъявлены мирные условия? Какую можно приискать формулу или оговорку, которая звучала бы менее громко, чем «не подписываю»?

Фразье, принимавший вчера участие в вопросе о беседе Хауз—Орландо, разговаривал сегодня с Галлаврези. Каждый из них высказывает другому горькие истины, поддерживая точку зрения Вильсона или Орландо. Беседа не приводит ни к каким заключениям. Однако со стороны Фразье высказывается признание заслуг Италии, «которая в 1915 г. спасла Антанту», а также больших жертв, понесенных Италией; Фразье признает также, что благодаря эгоизму Франции и Англии Италия не получила компенсации. Фразье высказывается за проведение плебисцита в Далмации, Фиуме и Либурнии.

Вильсон беседовал с Маркони. Вильсон сказал: «Лондонский договор—великая несправедливость»*.

16 часов.—Заседание Четырех у Вильсона.

Ллойд Джордж зачитывает сообщение маршала Фоша, полученное им от секретариата, в котором говорится, что немцы не подпишут договора и подготовят новую войну. Письмо это, имеющее весьма важное значение, было получено им в тот момент, когда он отправлялся на заседание, и датировано 17 мая. Он отмечает, что письмо пришло с опозданием.

Клемансо.—Мне об этом ничего неизвестно. (Зачитывает сообщение, согласно которому южные немецкие католики хоте-

* Ср. стр. 328.

ли бы образовать отдельную антипротестантскую и антибольшевистскую конфедерацию.)

(Четверо подписывают принятое вчера решение о морских статьях, подлежащих включению в текст договора с Австрией.)

Клемансо.—Я должен сообщить важную вещь *(обращаясь к Орландо)*, которая касается вас.

Мне сообщили, что итальянское общественное мнение очень возбуждено против Франции. Это—факт, в рассмотрение причин которого я не желаю входить. Французский посол в Риме Баррер, являющийся другом Италии, прислал мне за последние дни очень неприятные телеграммы. «Марсельеза» была освистана в Турине; французские офицеры подверглись оскорблениям в различных местах. Баррер предпринял шаги в Риме, рекомендовав итальянскому правительству вмешаться и положить конец крайностям, в которые впадает пресса. Сегодня Баррер сообщил, что французские офицеры подверглись в Милане столь серьезным оскорблениям, что им не следовало бы там больше оставаться.

В Милане находится около 1 200 французских солдат. Я запросил военное министерство о том, нельзя ли немедленно отозвать их оттуда, но мне было отвечено, что Милан является базой французских войск в Италии и что если база будет перенесена в другое место, придется отозвать все войска. Я не хочу делать этого, не посоветовавшись с г. Орландо. Опасно отзывать их. Это будет свидетельствовать о том, что между Францией и Италией происходят трения. Это нехорошо. С другой стороны, если войска не будут отозваны, можно опасаться повторения весьма серьезных инцидентов. Я не могу взять на себя ответственности за допущение этих инцидентов. Сегодня во французском парламенте состоится торжественная демонстрация в ознаменование четвертой годовщины вступления Италии в войну. Это получило полное одобрение французского правительства. И именно в этот момент французские офицеры подвергаются оскорблениям. Я не обвиняю итальянское правительство; знаю, что г. Орландо совершенно непричастен к этому.

Орландо.—Мне очень жаль, что я не в состоянии отрицать того, что общественное мнение Италии причиняет мне серьезные заботы. Это является результатом ожесточения, вызванного продолжительной войной и тревогой по поводу того обстоятельства, что наиболее интересующие Италию вопросы не получили еще разрешения. Разумеется, правительство не имеет никакого отношения к этим выступлениям, которые в последнее время были направлены против самого правительства. Это и явилось причиной моей последней поездки в Италию, где я хотел встретиться с моими коллегами по кабинету. Мне было сказано, что за последние дни положение несколько улучшилось и наступило некоторое успокоение. По просьбе г. Клемансо я велел произвести расследование инцидента в Генуе. Префект этого города сообщил мне,

что там не произошло ничего такого, о чем сообщалось. Сегодня я первый раз слышу о других инцидентах. Я не знаю о шагах, предпринятых г. Баррером перед Консультой. Альдрованди говорит мне, что никакого сообщения по этому поводу до сих пор от министерства иностранных дел не получено.

Клемансо.—Возможно, что эта информация осталась в Риме, так как Баррер просил меня сказать об этом г. Орландо.

Орландо.—Я осведомлюсь и немедленно дам ответ. Я узнал об этих инцидентах с величайшим прискорбием и сожалением.

Клемансо.—Я думаю, что не следует терять время, так как я должен буду немедленно отозвать войска во избежание серьезных инцидентов. Я не вижу особых причин к оставлению французских войск в Италии за исключением того соображения, что настоящий момент кажется мне неподходящим для их отозвания. Это повело бы к отозванию двух итальянских дивизий, находящихся во Франции.

Ллойд Джордж.—Сколько французских войск находится в Италии?

Орландо.—Я думаю, что в настоящее время там имеется всего лишь одна бригада французских и одна бригада английских войск.

Клемансо, говоря о миланских событиях, впадает в чрезвычайно грубый тон.

Рассматриваются различные вопросы: Россия; мирный договор с Болгарией.

. . . .

Вильсон.—Обращаю внимание на заявления, сделанные на сегодняшнем утреннем заседании генералом Блиссом. Они мне кажутся весьма важными.

Клемансо.—Согласен. Но они касаются лишь одной стороны вопроса.

Ллойд Джордж.—Великие державы не должны бы позволять малым государствам пользоваться ими как «кошачьими когтями» (catspaws) для удовлетворения своих жалких амбиций. Пруссия начинала совершенно так же, как теперь начинают эти государства, а в то время население ее не превышало населения Югославии. Мы должны заключить мир с Австрией. Должны ли мы сказать, что у Австрии должно быть войско всего в несколько тысяч человек, что Германия может иметь только 100 тысяч человек и позволить Чехо-Словакии держать полтора миллиона войск и два миллиона—Польше, которая именно в этот момент вопреки решениям великих держав упорно ввязывается в империалистическую авантюру? Это является оскорблением скромности, изменой верности, справедливости. Мы должны быть справедливыми также и в отношении германского народа.

Вильсон.—Я полагаю, что весь вопрос о вооружениях должен быть разрешен в целом.

Орландо.—Я обдумал все это. Последствия принятых в настоящее время решений будут различны и весьма значительны. Снижение цифры военных сил, предложенное военными представителями, довело бы численность войск этих государств до состава итальянских довоенных сил. У Чехо-Словакии оказалось бы 50 тысяч человек; мирный контингент Италии составлял 180 тысяч человек, между тем как население Италии было в три раза многочисленнее, чем Чехо-Словакии. Цифры, предложенные военными представителями, не означают разоружения. В сравнении с цифрами, предоставленными Германии, чехо-словацкая армия была бы пропорционально гораздо больше, т. е. равнялась бы половине немецкой армии, хотя Германия во много раз больше Чехо-Словакии. Весь мир должен уменьшить свои вооружения.

Клемансо.—Я полагаю, что это является самым серьезным из всех вопросов, которые нам предстоит разрешить. Я имею в виду то, о чем говорил г. Ллойд Джордж, но имеется еще другой пункт.

Ллойд Джордж.—Я его не знаю. В чем он заключается?

Клемансо.—Он заключается в том, что итальянцы кого-то будут убивать.

(Манту неточно переводит эту фразу на английский язык для Вильсона и Ллойд Джорджа; но, как он имеет обыкновение поступать в трудных случаях, смягчает тон: так, вместо «убивать» он говорит «нападать».)

Клемансо.—Я считаю необходимым выслушать то, что хотели бы сказать малые государства. В настоящий момент они обременены обязательствами по выплате австрийских долгов. Я не думаю, что они будут хорошо расположены к великим державам, если последние потребуют от них снижения вооружений. Одна из наибольших гарантий против германской агрессии заключается в том, что за Германией находятся Чехо-Словакия и Польша, занимающие превосходную стратегическую позицию. Это обстоятельство затруднит Германии возможность возобновить свой удар 1914 г. Мои военные эксперты ввиду русской опасности высказываются против уменьшения польской армии. Это относится и к Румынии. Будет ли Сербия после всех понесенных ею жертв довольна уменьшением ее военных сил до 20 тысяч человек? То же самое можно сказать о Чехо-Словакии. Я признаю силу аргументации г. Ллойд Джорджа, но не знаю, каким образом его политическая идея может получить применение.

Вильсон.—Я сложил все цифры, указанные военными, и нашел, что сумма их составляет 350 тысяч человек для всей Восточной Европы.

Ллойд Джордж.—Цифры, указанные военными, не представляют действительной мощи армий, которые предположено создать. За исключением случаев, касающихся Германии, Австрии и Венгрии, где допускаются только добровольческие армии, цифры практически будут годичными цифрами. Например, если у Чехо-Слова-

кии будет армия в 50 тысяч человек и они будут обучаться в течение года, то через 12 лет у нее окажется более чем полумиллионная армия.

Вильсон.—Я полагаю, что ограничение снаряжения и снабжения является частью плана военных экспертов.

Ллойд Джордж.—Опыт Англии показывает, что в начале войны у нее имелись очень скудные запасы военного снаряжения. Впрочем, весьма затруднительно гарантировать, что эти государства не сумеют добыть его каким-либо другим образом.

(Вопрос откладывается.)

На сегодняшнем заседании Ллойд Джордж был бледен, озабочен, к нам благожелателен; Вильсон все время настроен против; Клемансо—враждебен. Он произнес фразу, касающуюся разоруженного соседа, которого итальянцы будут «убивать», грубо, с подчеркнутой резкостью в тоне и вращая устремленными на Орландо глазами. При выходе протягивает, как обычно, руку. Я не пожимаю ее. Он не реагирует на это. Не знаю, заметил ли он это или не хотел замечать.

Соннино согласен с Орландо, что лучшее, что нам следует делать в адриатическом вопросе, это—ждать. Орландо рад, что Соннино разделяет его мнение.

Суббота, 24 мая.

Четвертая годовщина вступления Италии в войну.

Получаем декреты о назначении Кресси и Империали членами итальянской мирной делегации вместо Саландры и Сальваго Раджи, окончательно вышедших из состава делегации. Я читаю в тексте декретов, что они назначены полномочными представителями «для участия в обсуждении и вынесении решения по вопросам, имеющим целью установление условий справедливого и длительного мира». Да, именно «справедливого и длительного» мира, сказано в декретах. Мне хотелось бы найти происхождение этой формулировки. «Справедливый и длительный» мир представляет собой фразу, которую газеты повторяют в течение нескольких месяцев. Не далее как вчера я сообщал Клемансо в комнате Вильсона то, о чем уже в течение нескольких недель говорилось в Париже, а именно, что Четверо со всей тщательностью готовят «справедливую и длительную войну». Клемансо: «Кто это сказал? Кто это сказал?»

Говорю Кресси: «Мои поздравления!»—«Соболезнования!»—отвечает он.

11 часов.—Заседание в доме Вильсона.

Четверо будут обсуждать с экспертами экономические статьи, подлежащие внесению в договор с Австрией.

В ожидании прихода остальных экспертов Четверо, стоя, обсуждают другие вопросы: Саар, редакционные ошибки, вкрав-

шиеся в статьи 102 и 104 мирного договора с Германией; Хэнки дает Четырем подписать принятые вчера решения по договору с Австрией, которые он перешлет в редакционный комитет. Подписываются статьи, касающиеся военнопленных, авиационные статьи, пункты, относящиеся к международной контрольной комиссии в Анатолии (с временной оговоркой Вильсона, полагающего, что американцы не примут в ней участия), общие пункты, а именно пункты от 47 до 50, военных, морских и авиационных статей, подлежащих включению в договор с Австрией (с временной оговоркой Орландо, желающего посоветоваться со своими экспертами).

Я слышу, как Клемансо говорит остальным Трем: «Мне пришла в голову мысль образовать военный союз некоторых бывших австро-венгерских государств с соблюдением специальных гарантий».—*Вильсон*: «Мне также пришла в голову мысль: вынести постановление о разоружении, но ввести его в действие лишь после решения Лиги наций».—*Орландо*: «Это следует обсудить».

Присутствуют нижеследующие эксперты по экономическим статьям: от Америки—Барух, Ламонт, Пальмер; от Англии—Лльюэллин Смит, Пэйн, Картер; от Франции—Клемантель, Альфан, Серрюйс; от Италии—Кресни, д'Амелио, Луччоли.

Вильсон.—Я узнал, что эксперты вполне согласны между собой в вопросе об экономических статьях мирного договора с Австрией.

Клемантель.—Да, за исключением одного пункта, предусматривающего меры по аннулированию чрезвычайных контрактов, заключенных во время войны, и соответствующие компенсации.

После продолжительного обсуждения, коснувшегося также вопроса о том, должны ли эти экономические статьи в случае их утверждения быть включены также в договор с Германией, выносится следующее решение:

«Статьи, касающиеся аннулирования чрезвычайных мер, должны быть выпущены из договора с Австрией, а статьи, касающиеся компенсаций за аннулирование контрактов, должны быть сохранены в договоре с Австрией и предъявлены немцам для включения в договор с Германией, если они этого пожелают».

Кресни, молчавший в течение всего заседания, следующим образом резюмирует положение: «Теряем 80 миллионов».

После ухода экспертов экономической комиссии Четверо продолжают обсуждать вопросы, касающиеся России, польско-украинского перемирия.

Возвращаясь в гостиницу, Орландо имеет озабоченный вид; он думает о том, что произойдет сегодня в Риме: он запретил произнесение речи в Августео Габриэлем д'Аннунцио. Американский посол, помня грубо оскорбительные выпады против Вильсона, содержащиеся в речи от 4 мая, обратил на это внимание правительства, угрожая разрывом отношений между Соединенными Штатами и Италией.

Бардзплан рассказал мне, что 4 мая д'Аннунцио хотел силой проникнуть в Августео с револьвером в руке.

16 часов.—Заседание Четырех у Вильсона.

Участвует также представитель Японии виконт Чинда.

Обсуждаются вопросы: Россия; военное положение в Сибири; введение еще одного представителя Японии в комиссию по делам новых государств; положение балтийских провинций; договор с Болгарией; предложение Венизелоса заслушать его мнение о греческих границах; Данциг.

Мне сообщили, что на заседании пяти министров иностранных дел, состоявшемся сегодня на Кэ д'Орсе, были обсуждены менее важные вопросы, касающиеся договора с Австрией; запроса Бенеша о финансовых статьях, интересующих Чехо-Словакию (статьи эти переданы в комиссию по финансовым и репарационным делам); запроса Гимапса относительно произведений искусства, находившихся ранее в бельгийских провинциях и в настоящее время хранящихся в Вене, в частности «Триптих святого Ильдефонса» Рубенса, «Сокровище золотого руна» и т. д.

Воскресенье, 25 мая.

Орландо сегодня утром побывал у Клемансо. Застал его в страшном возбуждении. Клемансо говорит, что поставит завтра на обсуждение Четырех вопрос об антифранцузских демонстрациях в Италии и отзовет все французские войска из Италии. Рассказывая мне об этом, Орландо говорит: «Пусть делает»*.

Понедельник, 26 мая.

11 часов.—Заседание Четырех.

Легкие исправления, предложенные Сесилем для внесения в статут Лиги наций в части, касающейся воздухоплавания. Письмо Четырех адмиралу Колчаку[42] при участии японского делегата.

. . . .

(Орландо также подписывает общие пункты (47—50) военных, морских и авиационных статей в договоре с Австрией, взяв обратно сделанную им ранее оговорку. Передаются в редакционный комитет.)

---

* Привожу рассказ Хауза, датированный 25 мая (C. Seymour, op. cit., v. IV, p. 486): «Наиболее интересным был визит Тардье. Он пришел заявить мне от имени Клемансо, что Орландо только что побывал в военном министерстве, уведомив его, что итальянцы на завтрашнем заседании хотят потребовать от французов и англичан применения Лондонского договора. Тардье находился в сильно возбужденном состоянии и хотел, чтобы я связался с президентом, что мною и было сделано по частному телефону. Незадолго перед тем я расстался с президентом в «парижском Белом доме», но в тот момент никто из нас не знал о последней «dénoûment» [развязке] положения в Адриатике. Президент был смущен, но не потерял самообладания. Он полагал, что возможно будет найти путь к выходу».

Зачитывается письмо австрийской делегации от 24-го числа, в котором указывается, что вызванная в Париж делегация находится в Сен-Жермене с 14 мая, ничего до настоящего времени ей не было дано знать и она хотела бы ускорения переговоров, так как задержка эта вредно влияет на международное положение Австрии и вызывает чрезмерные расходы ввиду переживаемого ею тяжелого экономического положения.

Ллойд Джордж.—Я думаю, что в отношении Австрии мы могли бы допустить процедуру, отличающуюся от той, которая была принята нами при переговорах с Германией.

Нельзя сравнивать эти два случая. Австро-Венгерская империя раскололась: одна из ее частей дружественна нам, другая, состоящая из Австрии и Венгрии, в лучшем случае не враждебна. Австрия не относится к той категории, в которую входит Пруссия. Не следует ли поэтому дать Австрии ответ, несколько отличный от ответа, данного Германии? Насколько мне известно, вопрос о компенсации и военных условиях будет готов только через несколько дней—от 8 до 10, но остальные части договора готовы, как, например, статьи, касающиеся границ Австрии и Венгрии.

Вильсон.—Южные границы Австрии пока не определены.

Ллойд Джордж.—Они могли бы быть установлены в течение весьма непродолжительного срока. Порты и водные пути и железные дороги готовы, также и финансовые статьи. Можно было бы пока предъявить все это австрийцам и оставить вопросы, касающиеся репараций, и военные статьи. Тем временем эксперты союзных и присоединившихся держав могли бы встретиться с австрийскими экспертами. Я не говорю, чтобы Совет Четырех встретился с австрийцами; но встреча эта могла бы состояться между экспертами для обсуждения в общих чертах вопросов о компенсациях и военных вопросов.

Клемансо.—Но эксперты потребуют точных инструкций.

Вильсон.—Нам точно известно, что́ думают об этом эксперты. Здесь у меня имеется заметка, составленная сэром Морисом Хэнки на основании его дневника за неделю. Отмечаю, что из этой заметки не видно, чтобы редакционному комитету было сделано какое-либо сообщение относительно границ между Австрией и Италией.

Ллойд Джордж.—Это́ можно было бы урегулировать сегодня.

Вильсон.—Как мне помнится, мы договорились о том, что по отношению к Австрии надо действовать несколько иначе, чем по отношению к Германии. Поэтому я согласен с г. Ллойд Джорджем и принимаю его предложение созвать экспертов.

Орландо.—Я спрашиваю себя, нет ли возможности разрешить все вопросы в общих чертах. Думаю, что неурегулированные вопросы можно было бы уладить в течение двух-трех дней; тогда мы смогли бы приступить к переговорам. Но принятие особой

процедуры в отношении австрийской делегации вопреки первоначальному решению не было бы правильно понято в Италии, где Австрия всегда считалась главным врагом. Австро-Венгерская империя развалилась, и образовавшиеся при этом государства вызывают в Италии различное к себе отношение: одни—дружелюбное, другие же—наоборот. Австрия все еще считается главным врагом. Если принять по отношению к ней особую процедуру, это произведет в Италии тяжелое впечатление. Я согласен, что следует принять быстрое решение, но я не понимаю, почему один или два вопроса должны оставаться неразрешенными, между тем как остальные условия мирного договора будут вручены Австрии. Принятие особой процедуры, отличной от процедуры переговоров с Германией, создало бы самое неблагоприятное впечатление в Италии, не принеся никакого полезного результата. Если в три или четыре дня возможно будет в достаточной мере закончить договор и вручить его австрийцам, не создавая при этом впечатления, что договор предъявляется в неполном виде, я не буду возражать.

Ллойд Джордж.—Италия должна отдать себе отчет в том, что мир с Австрией глубоко отличается от мира с Германией. Если бы предположить, что Бавария и Саксония отделились до окончания войны от Пруссии и стали сражаться против нее, то для союзников оказалось бы невозможным придерживаться принятой нами линии поведения. Прежде всего мы не встретились бы с представителями Германской империи. Поэтому мы можем принять другую линию поведения. Я не вижу причин, по которым Италии следовало бы возражать против иной процедуры. Сомневаюсь, чтобы вопрос о военных условиях и компенсациях мог бы быть удовлетворительно разрешен в течение трех или четырех дней.

Клемансо.—Я готов приложить все усилия к тому, чтобы договориться с г. Орландо, ибо мне по опыту известно, что когда союзники несогласны с Италией, непосредственным результатом этого бывает что-либо антифранцузское, а иногда и демонстрации в Италии, что в высшей степени неприятно.

Поэтому мне прежде всего хотелось бы избежать каких бы то ни было расхождений с Италией.

Однако относительно заявления Орландо о том, что вначале было решено принять одинаковую процедуру как в отношении Австрии, так и Германии, замечу, что это не так. Г-н Орландо не присутствовал, и не по нашей вине, на совещании, когда определялась линия поведения, на которую намекали президент Вильсон и г. Ллойд Джордж. Новая процедура была согласована в его отсутствие. Все, чего я добиваюсь, это—разумное соглашение. Мир с Австрией отличается и в некоторых отношениях гораздо труднее мира с немцами, так как страна распалась на части, что породило всевозможные вопросы, касающиеся границ. Кроме

того, мы сталкиваемся с вопросами, возникающими на польском фронте и в других пунктах бывшей Австро-Венгерской империи. Между тем я узнал, что в Истрии строятся траншеи и устанавливаются проволочные заграждения с той и другой стороны. Президент Вильсон прибыл в Европу с мирной программой для всех. Его идеал весьма возвышенный, но приводит к серьезным затруднениям по причине застарелой, вековой ненависти между различными народностями. В Центральной Европе мы должны не только дать всем то, что каждому полагается, но и иметь при этом в виду самих себя. Возьмем вопрос о разоружении. Г-н Орландо навестил меня вчера, чтобы обсудить со мной вопрос о Далмации; но южные славяне, конечно, не согласятся разоружиться, если Италия сохранит свою нынешнюю позицию. Мне, со своей стороны, невозможно выступать против Италии в этом вопросе, так как Франция поставила свою подпись под договором 1915 г.; но вопрос этот не может быть разрешен в два или три дня. Во время вчерашнего визита г. Орландо мы касались, главным образом, антифранцузских манифестаций в Италии. Г-н Орландо сказал, что наступило улучшение, но после его визита я получил от г. Баррера две телеграммы, в которых говорится, что положение, наоборот, ухудшилось. В Италии ведется открытая германофильская пропаганда, на которую Германия расходует огромные суммы. Все это следует прекратить, и для этого существует единственный путь. Необходимо иметь мужество приняться за дело и разрешить возможно скорее наиболее трудный вопрос. Нелегко это сделать, и это возможно только в том случае, если г. Орландо примет во внимание, что наиболее важный пункт заключается в сохранении согласия со своими союзниками. Напомню, что на прошлой неделе у меня было серьезное расхождение с г. Ллойд Джорджем по вопросу о Сирии. Мы оба говорили со всей откровенностью. Несмотря на это, мы оба пришли к заключению, что не допустим, чтобы наши расхождения могли подорвать прочность Согласия. В некоторых итальянских кругах полагают иначе. Повторяю, что вышеуказанные вопросы не могут быть разрешены в течение трех дней, поэтому с австрийцами невозможно встретиться с готовым договором, как это было с немцами. Если г. Орландо согласен, я считал бы необходимым начать с совещания экспертов. Благодаря этому было бы выиграно время. Очень трудно быстро разрешить эти в высшей степени трудные вопросы. Президент Вильсон настаивает на своих принципах, считая их применимыми к договору с Австрией. Франция и Англия принимают эти принципы, но при этом не могут отказаться от своих обязательств, вытекающих из факта подписания ими договора 1915 г. Если г. Орландо желает соглашения, он должен обсудить его, имея при этом, главным образом, в виду сохранение Согласия. В то же время надо изыскать средства для того, чтобы австрийская делегация была спокойна. Мы должны будем заявить ей, что договор еще не готов,

но что мы считали бы полезным передать вопрос на обсуждение экспертов. Я не хочу создавать хлопот г. Орландо в Италии; если таковым должен быть результат, я возьму обратно все свои слова, но мне очень хочется, чтобы австрийские делегаты не уезжали в Вену.

Орландо.—Искренне благодарю г. Клемансо за его слова, сказанные с полной откровенностью и ясностью. Я не хочу детально останавливаться на переживаемых Италией затруднениях. Сведения, полученные мной из Италии, совершенно отличаются от донесений г. Баррера, которые я считаю преувеличенными. Несмотря на это, я не хочу отрицать, что в Италии создалось весьма серьезное положение. Прошу извинить меня, если я напомню, что г. Ллойд Джордж перед своим отъездом в Лондон известил нас, что если ему пришлось бы возвращаться в Англию, не сделав важных шагов к достижению мира, то положение его было бы весьма трудным. Совершенно так же обстоит дело в отношении Италии. Там затруднения возникают на почве неуверенности. Раз ее требования будут удовлетворены, Италия будет столь же лойяльна по отношению к союзникам, как и раньше. Я совершенно уверен в том, что наблюдающиеся в настоящее время в Италии явления беспокойства вызваны тревогой и неуверенностью. Подобно г. Клемансо, я решил никогда не порывать связи с Согласием и принять все вытекающие отсюда лично для меня рискованные последствия. Я думаю, что меня невозможно обвинить в чрезмерной непримиримости. Я всегда искал возможности достижения соглашения; так, например, во время недавних переговоров с полковником Хаузом и г. Миллером я обсуждал предложения, обязывавшие Италию к серьезным уступкам. Приношу благодарность г. Клемансо за его мужественные слова, направленные к разрешению главнейших проблем, как бы трудны и сложны они ни были. Но ввиду возбужденного состояния общественного мнения, я спрашиваю, следует ли усиливать это возбуждение вопросами процедуры. В условиях нервной атмосферы, царящей в Италии, вопросы о процедуре, вроде рассматриваемой нами, могли бы вызвать новый взрыв раздражения, которое привело бы к нежелательным последствиям. Это является единственной причиной моего беспокойства.

Вильсон.—Мне кажется, что г. Орландо в своем выступлении указал путь к выходу. Он предложил заявить австрийцам, что в среду или четверг им будут представлены все вопросы, которые оказалось возможным разрешить, и что остается еще несколько неразрешенных вопросов.

Орландо.—Президент Вильсон точно передал мою мысль, и я принимаю его предложение.

Ллойд Джордж.—Остается только подразделить мирный договор на две категории.

Вильсон.—Полагаю, что следует отложить только военные и репарационные вопросы.

Решено, что мирный договор будет вручен австрийцам в течение этой недели*, но что военные и репарационные статьи будут оставлены для обсуждения их с австрийскими экспертами.

Хэнки подготовит в соответствии с этим решением проект ответа для австрийской делегации.

Заседание продолжается. Обсуждаются нижеследующие вопросы: принятие Германии в Международную организацию труда; мероприятия на случай отказа немцев подписать договор (Фош будет уведомлен Советом за три дня); письмо д-ра Бенеша, в котором он просит выслушать его мнение по военным и финансовым вопросам, касающимся договора с Австрией, границы Баната; требование Японии о допущении на заседания Совета Четырех (Японии дан любезный ответ, что она будет приглашена, когда речь пойдет о вопросах, особенно ее интересующих); письмо германской делегации относительно статьи 438 договора с Германией (религиозные миссии); письмо германской делегации об ответственности за последствия, вытекающие из репараций (отослано на заключение репарационной комиссии).

. . . .

Орландо, докладывая сегодня итальянской делегации об утреннем заседании и о принятом решении относительно вручения Австрии условий мира, добавляет: «Альдрованди не находит решение удовлетворительным, мне же кажется, что это не так». Бардзилаи говорит: «Да, да». Соннино и Кресси молчат, не высказываются.

16 часов.—Заседание Четырех у президента Вильсона.

Присутствуют гг. Ламонт, Тардье и Кресси из репарационной комиссии; они сообщают о своих утренних беседах с делегациями держав, имеющих особые интересы в части, касающейся репарационных статей в договоре с Австрией и Венгрией, и требуют инструкций.

Затем входят члены комитета по делам новых государств: от Америки—Миллер и Гудзон; от Англии—Хедлэм-Морли и Карр; от Франции—Бертело и Каммерер; от Италии—де Мартино.

Обсуждается составленный комитетом по делам новых государств проект подлежащих включению в договоры с Австрией и Венгрией статей, касающихся защиты меньшинств. Эти статьи те же, что и принятые для договора с Польшей, за исключением специальных не указанных здесь пунктов, касающихся евреев. Пункты эти не были признаны необходимыми в применении к Австрии, где положение евреев иное.

Вильсон.—Быть может, было бы лучше включить сюда эти статьи, хотя в них и не представляется необходимости? Иначе Польша могла бы обидеться на это.

Хедлэм-Морли.—Должна ли Австрия рассматриваться как новое государство или как старое государство, являющееся наследником Австро-Венгерской империи? Некоторые части договора, по-видимому, редактированы на основе первого из этих предположе-

* Он был вручен на следующей неделе, в понедельник, 2-го числа.

ний, другие же—на основе второго. Опасно трактовать Австрию в качестве государства, обладающего правами бывшей Австро-Венгерской империи. Я составил по этому поводу памятную записку.

Ллойд Джордж.—Вопрос этот достоин внимания. Предлагаю передать его на обсуждение редакционного комитета.

Орландо.—Вопрос требует внимательного рассмотрения. С первого взгляда я не мог бы дать своего согласия. Мне кажется, что здесь создается новый прецедент.

Клемансо.—Согласен с г. Орландо.

(Вопрос решено передать в редакционный комитет. Статьи, касающиеся меньшинств, утверждаются без изменений.)

. . . .

Люксембург.

. . . .

Хэнки.—Я советовался с английским членом редакционного комитета, который после рассмотрения вопроса всем комитетом сказал мне, что сомнительно, чтобы мирный договор с Австрией даже в случае изъятия военных и репарационных статей мог бы быть готов к субботе. Одна из причин задержки заключается в том, что печатание итальянского текста проходит очень медленно.

Ллойд Джордж.—Нельзя ли было бы передать его в отпечатанном на машинке виде?

(Решено вновь поговорить об этом в редакционном комитете.)

Орландо.—Замечу, что в Каринтии продолжаются бои между австрийцами и южными славянами. Австрийская делегация в Сен-Жермене просила нас о вмешательстве.

(Решено, что важнее всего было бы немедленное установление границ Австрии. Министрам иностранных дел поручается обсудить вопрос завтра днем.)

Польско-украинское перемирие.

. . . .

Клемансо.—Я хочу обратиться с новым вопросом к итальянскому коллеге. Я видел его вчера и разъяснил ему серьезность положения как для Франции, так и для Италии. Г-н Орландо с присущей ему широтой взгляда заявил, что необходимо выдвинуть какое-нибудь предложение. Я надеюсь, что это будет сделано, чтобы дать нам возможность выйти из затруднительного положения. Даже посредственное решение вопроса явилось бы большим облегчением не только для правительств, но и для народов. Если у г. Орландо имеется какое-либо предложение, я обращаюсь к нему с просьбой сообщить его нам по возможности сегодня же.

Орландо.—Как я указывал сегодня утром, достижение соглашения явилось бы подлинным облегчением. Я прекрасно и даже глубже г. Клемансо чувствую то, о чем он говорил. Я благодарю его за то, что он поднял этот вопрос. Он спрашивает: каковы предложения Италии? Когда здесь между 19 и 24-м истекшего апреля обсуждался этот вопрос, обнаружилось противоречие между

желательным максимумом, так сказать максимумом требований Италии, и взглядами всех остальных союзных и присоединившихся держав. 20 апреля я говорил, что, если Италия вынуждена будет отказаться от своих добавочных требований, я должен буду придерживаться условий Лондонского договора. Это вызвало расхождения между союзниками и президентом Вильсоном, потому что союзники заявили, что хотя они, быть может, и не согласны с Лондонским договором, однако готовы применить его. Но президент Вильсон заявил, что он не согласен с договором, которым он не связан. Таким образом, могло бы возникнуть расхождение между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Францией и Великобританией—с другой, что ни для кого не желательно. С итальянской точки зрения мне хотелось бы только достигнуть какого-либо компромисса, позволяющего заключить почетное соглашение, в противном случае остается прибегнуть к Лондонскому договору. Я испробую все пути к соглашению. Например, между 20 и 23 апреля г. Ллойд Джорджем были сделаны предложения, прерванные манифестом, опубликованным президентом Вильсоном. Затем последовали переговоры между полковником Хаузом, г. Миллером и мной, не давшие результатов. Резюмирую: я хотел бы выйти из этого затруднительного положения путем всеобщего соглашения, но если это невозможно, требую соблюдения Лондонского договора.

Вильсон.—Нам, я думаю, угрожает опасность «зайти в тупик»—«cul-de-sac»—«a blind alley»*. Я желаю со всей серьезностью изложить моему итальянскому коллеге, как именно ситуация представляется мне в целом. Мы не можем двигаться в двух противоположных направлениях. Лондонский договор был заключен при наличии уже давно прошедших обстоятельств. В настоящее время существует общество, охватывающее весь мир. В настоящее время имеется общественное мнение, базирующееся на мире. Во время заключения Лондонского договора существовало только общество, ограниченное тремя или четырьмя великими державами: Францией, Россией и Великобританией, против Германии, Австрии и Турции. Добровольными членами являлись Франция, Россия и Великобритания (так как Сербия и Бельгия были вынуждены вступить в войну вследствие вторжения на их территорию). Три добровольно вступившие в войну державы хотели привлечь Италию к участию в войне и по этой причине заключили Лондонский договор. В то время никто еще не отдавал себе отчета в том, что в войне заинтересован весь мир. Я это знаю, так как мой народ принял в ней участие. Это повело не только к усилению военной мощи, но и к политическому развитию всего мира. Возникла идея политической независимости всех стран мира. Когда это было осуществлено, Америка прониклась мыслью, что мы все должны вступить в войну.

* Вильсон произнес эти выражения по-французски и по-английски.

В нее вступили другие державы, которые не были заинтересованы в территориальных вопросах европейского характера. Они вступили в войну, руководствуясь той точкой зрения, что им надо устранить угрожавшее им политическое господство. Так в умах народов родились новые идеи. Речь шла не только о защите малых государств, но и о защите меньшинств. Сознание озарило мысль, что вскоре будет заключено общее и окончательное соглашение. В этот момент я выступил в конгрессе с речью о результатах войны. Кажется, речь эта была произнесена мною три дня спустя после речи г. Ллойд Джорджа в британском парламенте. Единственная разница заключалась в том, что я резюмировал свою речь в Четырнадцати пунктах. Обе речи, моя и британского премьер-министра, выражали одну и ту же принципиальную, идейную линию. В наши речи было вложено то, что начинало проникать в сознание всего мира. Когда возник вопрос о перемирии, мои заявления были приняты не только в качестве базы для завершения победы, но и для поддержания мира. Идеи эти сделались общим достоянием всего мира. Даже Восток начал разделять эти идеи. Так появилась Лига наций, рассматривавшаяся дотоле как вещь, имеющая чисто академический интерес. Народы всего земного шара пожелали заключить мир на этих основаниях. Когда их представители прибыли в Париж, уже имелась целая платформа мира. Платформа эта не имеет отношения к идеям, принадлежавшим старой европейской политике, приведшей к заключению Лондонского договора, т. е. к тому, что более сильные державы могли диктовать свою волю более слабым и по своему усмотрению раздавать территории. Идеи эти были отброшены. Новая концепция не допускала их. Если бы старые принципы были допущены, они уничтожили бы новые принципы.

Если бы малые нации явились свидетелями угнетения других наций, это вызвало бы среди них возмущение. Если бы часть Югославии была отдана Италии, нации эти сказали бы: «Придет и наш черед». Одним из главных мотивов вступления американского народа в войну послужило то обстоятельство, что ему было сказано, что старые концепции перестали существовать, поэтому, если Италия будет настаивать на применении Лондонского договора, она тем самым будет настаивать на применении принципа, не соответствующего новому порядку. От Соединенных Штатов как члена Лиги наций потребовалась бы гарантия Лондонского договора. Если Италия будет настаивать на Лондонском договоре, вопрос нельзя разрешить, как это отметил г. Клемансо.

Мы не сможем потребовать от Югославии уменьшения численности ее армии ниже уровня, необходимого для защиты ее безопасности от Италии. Югославия никогда этого не сделает. Невозможно применить силу против народа, территория которого явилась жертвою военного насилия, народа, вызвавшего взрыв мирового конфликта. Невозможно повторить войну для удовле-

творения желаний Италии. Если я должен попрежнему быть руководителем и идейным представителем моего народа, я никоим образом не могу согласиться на то, чтобы какой-либо народ был отдан под власть, которой он не желает, и, наоборот, я могу согласиться, чтобы любой народ подчинился власти, которую он признает. Я согласен, чтобы Италия получила любую часть Истрийского полуострова, даже к востоку от Альпийского хребта, если плебисцит покажет, что часть эта желает присоединиться к Италии, но я не соглашусь на аннексию какой-либо народности, если она не вынесет соответствующего вотума. Я хочу обратить внимание г. Орландо на то, что Великобритания и Франция могут передать Италии какую-либо часть Истрии только в порядке осуществления принципов мира. Этот мирный трактат не будет иметь силы до тех пор, пока мы его не подпишем, т. е. пока все стороны не будут согласны. Мы не можем оказаться в таком положении, при котором три державы делали бы то, чего не делает четвертая из держав. Итальянская печать и итальянские представители постоянно заявляют, что не хотят оставлять своих братьев, живущих на другом берегу Адриатики. Нельзя ли разрешить этот вопрос путем плебисцита? Для Италии не представило бы риска, если бы плебисцит был осуществлен под контролем Лиги наций. Италия является частью Лиги наций, и возможность несправедливости с ее стороны по отношению к Италии исключена. Если мы поступим иначе, мы создадим врага Италии в другой части Адриатики, и, таким образом, там могут возобновиться беды, в прошлом возникавшие на Балканах. В пределах итальянских границ оказались бы южные славяне, взоры которых были бы обращены на народности, поставленные западными державами в подчинение Италии. Италия не может применять два принципа. Она должна итти или в одном или в другом направлении. Она должна полностью отказаться или от новых методов или же от старых и вступить в мир с новыми методами при условии, что они дадут больше оснований рассчитывать на мир, чем когда-либо раньше.

(Во время выступления Вильсона, произносящего свою речь вдохновенным и проповедническим тоном, Ллойд Джордж закрывает рукой лицо, как бы желая сосредоточиться; Клемансо углубляется в кресло с усталым и рассеянным видом.)

Орландо.—Мне нетрудно признать совершенную логичность речи г. Вильсона при том условии, что отправная гипотеза верна. Но я отрицаю верность самой гипотезы. Г-н Вильсон исходит из того предположения, что Лондонский договор является нарушением принципа справедливости. Отправляясь от этой предпосылки, изложенной им с такой искренностью и красноречием, он сделал верные выводы. Но я не согласен с самой предпосылкой. Я не согласен с тем, что Лондонский договор является сознательным нарушением принципов справедливости, которых Франция

и Англия не отстояли. Лондонский договор лишь заранее установил границы, которые должны были быть намечены. В течение всей этой конференции пришлось обсуждать труднейшие задачи, касающиеся этнических, географических, стратегических и других проблем. Во многих случаях приходилось преодолевать серьезные затруднения в целях достижения соглашения. Лондонский договор попросту предупредил эти затруднения. Лондонский договор сам по себе является мирным соглашением и компромиссом. Наличие компромисса доказывается отказом от Фиуме и от наиболее богатой половины Далмации, включая итальянские города Спалато и Трау, которые Италия всегда считала своим долгом требовать. Этот компромисс вызван наличием смешанного состава населения. Поэтому я не могу принять предпосылку президента Вильсона о том, что Лондонский договор является попросту нарушением права и справедливости. Хорош ли он или плох,—не знаю. Опыт показал, что он плох, потому что не отдает нам Фиуме. Это—компромисс. Президент позволит мне повторить, что если предпосылка неприемлема, неприемлемы также соответствующие выводы. Президент не согласен. Это вызывает отсрочку решения по итальянскому вопросу. Поэтому-то я не могу согласиться с плебисцитом. Плебисцит задерживает решение. Ввиду нынешнего состояния беспокойства в Италии я предпочитаю получить меньше, но выйти из этого состояния.

Второе возражение заключается в том, что рассматриваемые проблемы крайне сложны. Я не могу отрицать, что по эту сторону Истрийских Альп большинство населения состоит из славян, но в этом случае я должен прибегать не этнографический, а какой-либо другой принцип, а именно, что альпийская линия является естественной стратегической линией для защиты Италии.

Третье соображение—я бы не хотел выказать этим недостаток уважения к другим народам—заключается в том, что между сербами и итальянцами существует разница в уровне культурного развития. Это оказало бы задерживающее влияние. Правда, итальянские военные власти во многих местах живут в полном согласии с населением. Но не подвергнутся ли они угрозам со стороны славян? В этих условиях я не мог бы положиться на искренность плебисцитов.

Таковы три мотива, в силу которых я не могу принять предложения о плебисците. Пока приходится сделать вывод, что мы зашли в тупик. Я готов добиваться решения вопроса, но не нахожу его. Где же выход в этих условиях? Мне остается только апеллировать к договору. Я не Шейлок, требующий своего фунта мяса от Югославии. Великобритания и Франция приняли это соглашение. Я, со своей стороны, недоволен им, и мне глубоко жаль, что я встретил затруднения со стороны Соединенных Штатов. Но так как невозможно найти никакого другого выхода, как должен я поступить? У меня нет другого выхода.

Вильсон.—Я никогда не характеризовал Лондонский договор в указанном г. Орландо смысле*. Я считал его только несовместимым с новым порядком соглашений, а именно, что должен быть применен этнический принцип за исключением тех случаев, когда могут быть выдвинуты высшие соображения, как, например, об Альпах. Поскольку в данном случае соображений этих не имеется, следует соблюсти принцип самоопределения. Напомню г. Орландо случай с Польским коридором и непредоставлением Данцига Польше по той причине, что там имеется значительное немецкое население, хотя главный доступ Польши к морю проходит через эту территорию. Кроме того, я не мыслю плебисцита без необходимых мер предосторожности. Если плебисцит состоится, его надо проводить при тщательном контроле; нельзя допустить плебисцит, если не исключено принуждение. В самом дружелюбном тоне я спрашиваю: если бы я сам высказал публично эти соображения и выступил с этими моими предложениями, т. е. заявил бы, что на территории, расположенной между водоразделом Истрийского полуострова и линией, предусмотренной Лондонским договором, был бы проведен плебисцит, сможет ли г. Орландо публично выставить свои возражения?

Орландо.—Я должен прежде всего рассеять одно недоразумение. Когда я говорил о принуждении со стороны славян, я под этим ничего не подразумевал такого, что могло бы случиться до или во время плебисцита. Я говорил скорее о страхе и опасениях относительно будущего, которые помешали бы людям свободно голосовать. Вследствие этого нельзя было бы получить свободного вотума. Что касается Польши, то независимо от результатов плебисцита около 1 700 тысяч немцев будут переданы Польше. Если бы все итальянские требования были удовлетворены и если бы австрийские, заведомо неточные, цифры были сочтены правильными, Италии не было бы передано даже половины этого числа иностранцев. Только что приведенный пример Польши свидетельствует не против нас, а скорее в нашу пользу. Что касается последнего вопроса президента Вильсона, я, разумеется, хотел бы избежать всякого публичного обсуждения вопроса, в особенности пока решение еще не достигнуто. Но если бы президент Вильсон выступил с подобным публичным заявлением, я ответил бы так же, как сегодня, приведя те же самые доводы.

Вильсон.—Надеюсь, что до того, как начнется окончательное обсуждение, г. Орландо соблаговолит посоветоваться со своими коллегами. Надеюсь, что он пожелает напомнить им о том, что выполнение условий Лондонского договора было бы невозможно. Вся созданная нами организация оказалась бы для этого неподходящей. Я надеюсь, что он пожелает вновь обсудить вопрос со

* Ср. стр. 311.

своими коллегами и приложит все усилия к отысканию каких-либо новых путей.

Орландо.—Могу ответить сейчас же, что, когда дело касается изыскания способов соглашения, я никогда не отказываюсь от этого.

Клемансо.—Что меня поразило во всей этой дискуссии, это тот факт, что г. Орландо не выдвинул ни одного конкретного предложения. Вопрос заключается в Фиуме и Далмации. Он выдвинул требование о Фиуме. Он требовал применения принципа самоопределения к Фиуме, но когда дело дошло до обсуждения вопроса о Далмации, он отказался от этого принципа. В его методе имеется еще одно противоречие. Он требовал от нас применения Лондонского договора, когда дело касалось Далмации, но когда речь заходит о Фиуме, он требует от нас нарушения Лондонского договора. Существует другая сторона дела, как об этом говорил президент Вильсон, а именно, что Лондонский договор не дает в действительности разрешения вопроса. Предположим, что Франция и Великобритания признают основательность доводов Италии в пользу Лондонского договора. Это не повело бы к миру и не явилось бы разрешением вопроса. Таким образом, единственное предложение, которое было выдвинуто, не разрешает вопроса. Поэтому я полагаю, что необходимо изменить метод. Можно было бы создать небольшой комитет в составе трех или четырех лиц для изучения предложений. Если Совет не придет ни к какому заключению, он сделается всеобщим посмешищем и, быть может, явится опасностью для всего мира. Оказалось бы, что, прежде чем заключить мир, он стремится продолжать войну. Единственное сделанное предложение представляет собой предложение об установлении анархии во всем мире. Я надеюсь, что если это случится, никто не сможет сказать, что это происходит по моей вине. Поэтому я заключаю подобно президенту Вильсону требованием, чтобы обсуждение вопроса было перенесено на другое заседание. Я стою за соблюдение Лондонского договора. Но необходимо заметить, что в то время речь шла о клочках территорий. Впоследствии родилась новая концепция, как отметил президент Вильсон. Это—весьма серьезный аргумент. Необходимо выбраться из тупика, в котором мы находимся. Я приглашаю итальянское правительство и итальянскую нацию принять участие в этой работе. Если мы—культурные люди, мы должны найти решение. Мы не имеем права толкать человечество в войну.

Орландо.—Как я говорил, я готов продолжать обсуждение вопроса.

Клемансо.—Повторяю, что г. Орландо не сделал еще ни одного конкретного предложения. Даже сегодня все, что он мог рекомендовать, сводится к Лондонскому договору, но Лондонский договор означает анархию и продолжение войны. Прошу г. Орландо выдвинуть свои предложения.

(Четырьмя главами правительств утверждаются представленные сегодня в начале вечернего заседания комитетом по делам новых государств статьи мирного договора с Австрией и Венгрией, касающиеся положения национальных меньшинств.

Четырьмя главами государств подписываются экономические статьи мирного договора с Австрией и Венгрией, утвержденные 24-го числа текущего месяца.

Хэнки перешлет оба документа в редакционный комитет.)

За все время Ллойд Джордж не произнес ни одного слова. Он сделал жест удивления, как бы показывая этим, что не помнит сделанных им в апреле предложений, о которых напомнил сегодня Орландо.

Вторник, 27 мая.

11 час. 15 мин.—Заседание Четырех у президента Вильсона.

Присутствуют также члены редакционного комитета: Браун Скотт—от Америки, Херст—от Англии, Фромажо—от Франции, Риччи Бузатти—от Италии, Нагаока—от Японии.

На заседании было постановлено:

1) черновой текст мирного договора с изъятием военных условий и статей, касающихся репараций и долгов (ибо эти последние приобрели особое значение вследствие раздела Австрийской империи на различные части, что требует рассмотрения этих частей с точки зрения падающих на них обязательств), должен быть передан австрийским делегатам в пятницу, 30 мая, в полдень, и редакционный комитет должен принять соответствующие меры;

2) в том случае, если не окажется времени для отпечатания договора в окончательной форме, он будет передан австрийцам в черновом виде;

3) если не окажется времени для отпечатания на одной странице статей договора на трех языках, редакционный комитет уполномочен отпечатать статьи на трех языках на отдельных страницах;

4) редакционный комитет должен заняться в самом скором времени рассмотрением порученного ему днем раньше вопроса о том, должна ли Австрия рассматриваться в качестве нового государства или государства-преемника Австро-Венгерской империи, и применить наиболее подходящий метод при редактировании договора;

5) окончательный проект политических статей, касающихся полученной Италией от Австрии территории и подлежащих включению в текст договора с Австрией, должен быть немедленно роздан итальянской делегацией и рассмотрен сегодня на дневном заседании;

6) сэр Морис Хэнки в согласии с генеральным секретариатом немедленно сообщит сегодня днем Чехо-Словакии и другим новым государствам касающиеся их политические статьи договора;

7) вопрос о гарантиях в договоре с Австрией откладывается до того, как г. Орландо выслушает мнение своих военных экспертов;

8) сэр Морис Хэнки удостоверится, признаны ли мандатным комитетом полномочия австрийских делегатов, которыми их наделило австрийское правительство.

Хэнки представляет письмо, которое было ему поручено составить в ответ на письмо австрийской делегации. Проект письма одобрен и сегодня же будет передан на подпись Клемансо.

11 час. 45 мин.—Члены редакционного комитета покидают зал заседания. Входят финансовые эксперты: от Америки—Девис, Ламонт, Смит; от Франции—Лушер, Сержан, Лион, Шейссон; от Англии—Сэмнер, Кенлиф, Кейнс, Фальк, Пиль, Зипман, Сэттон; от Италии—Кроспи, Юнг.

Ламонт.—В согласии с инструкциями Верховного совета делегаты входивших в состав бывшей Австро-Венгерской империи государств были приглашены вчера для обсуждения вопроса о репарациях. Они не хотели, чтобы в вопросе о репарациях их рассматривали как врагов и относили к той же категории, что и Австрию. На это заявление не было дано окончательного ответа. После заседания д-р Бенеш в частной беседе утверждал, что Чехо-Словакия благожелательно отнеслась бы к требованию взять на себя известную долю военных долгов при условии, что требование это не будет выдвинуто в порядке выполнения репарационных обязательств. От д-ра Бенеша требуют представления удовлетворяющей его формулы; формула эта, вероятно, удовлетворила бы также остальные четыре государства. Однако необходимо будет заключить отдельное соглашение с каждым из них.

Ллойд Джордж.—Я также видел д-ра Бенеша и узнал от него, что он не будет против участия в расходах по войне, явившейся освободительной войной для Чехо-Словакии. В самом деле, здесь не должно быть противодействия, так как Чехия представляет собой очень богатую страну, могущую пойти на некоторые жертвы для дела своего освобождения. Необходимо и справедливо, чтобы государства эти приняли в какой-либо форме участие в платежах, имея в виду, что в союзных странах военные тяготы во многих случаях лягут на крестьян, которые беднее населения освобожденных стран. Но имеются достаточные основания для признания стремления новых государств добиться определенной интерпретации их участия в платежах.

Кроспи.—Я принимаю принцип, особенно ввиду того факта, что Трентино и Триест не должны рассматриваться в качестве неприятельских стран, так как они во многих отношениях находятся в положении, аналогичном положению Эльзаса и Лотарингии.

Орландо.—Естественно, что эти страны не хотят, чтобы их считали ответственными за войну, жертвами которой они оказались.

Необходимо признать, что чехи начали выступать на стороне союзников еще во время войны и немало способствовали победе. Поэтому я не имею никаких возражений против предложения о признании за ними их особого положения.

Ллойд Джордж.—Имеется общее соглашение о том, чтобы репарационные статьи по договору с Австрией редактировались на этой основе и чтобы соответственно этому принципу эксперты могли вести переговоры с государствами, входившими в состав бывшей Австрийской империи.

Вильсон.—Мне кажется, вернее было бы сказать, что новые государства приглашаются внести свою долю стоимости их освобождения.

Что касается пункта 1 финансовых статей, подлежащего внесению в текст договора с Австрией и предусматривающего установление преимущественного права в отношении всех имуществ и кредитов Австрии, обеспечивающих ее платежи, мне кажется, что пункт этот накладывает вечное и незгладимое пятно на австрийский кредит. Можно было бы включить выражение: «не считая исключений, которые могут быть сделаны репарационной комиссией».

Лушер.—Изменение это может оказаться неудобным вследствие того, что статья, тождественная рассматриваемой, была уже предъявлена Германии.

Вильсон.—Мне кажется нетрудным провести различие между Австрией и Германией.

Ллойд Джордж.—Вопрос этот представляется мне незначительным, тем более что п в договоре с Германией были допущены исключения.

(Принимается предложение президента Вильсона.)

Лушер.—Предлагаю специальную статью о «Südbahn» [«Южная железная дорога»] для включения в договор. Стоимость облигаций этой компании во Франции достигает приблизительно полутора миллиардов, облигации эти принадлежат многочисленным держателям. Железнодорожная сеть этой компании будет разделена на пять частей, которые будут пролегать по территории нескольких новых государств. Управление этой железнодорожной компанией будет поэтому весьма сложным делом, которое не сможет быть разрешено Советом. Французское правительство полагает, что договор должен установить общие положения, с тем чтобы возможно было достигнуть необходимого соглашения.

Вильсон.—Речь идет о государственной железной дороге?

Клемансо.—Это—частная компания.

Вильсон.—Мне представляется затруднительным внести статью, дающую союзным и присоединившимся державам право контроля над частной компанией. Я не вижу особых причин для принятия постановлений, касающихся железнодорожного общества «Südbahn», тем более что, насколько мне известно,

существует по крайней мере 20 международных комиссий, в которых Соединенные Штаты обязались участвовать. Мирные договоры породят большое количество подобных вопросов и невозможно будет принять специальные меры для урегулирования каждого из них при посредстве международных органов. Было бы весьма затруднительно пытаться контролировать одно общество; на практике же пять групп железнодорожной сети компании «Südbahn» могли бы отстоять свои интересы и разрешать затруднения лучше любой международной комиссии.

Ллойд Джордж.—Я также думаю, что Совет не должен принимать участия в защите частных интересов держателей названных облигаций. Если мы начнем охранять частные интересы, принцип этот должен быть применен повсюду. На деле же все законные интересы охраняются пунктом 6 финансовых статей, имеющим в виду также и держателей облигаций. Совет не должен заниматься отдельными обществами, и я не без больших колебаний согласился бы оказать покровительство неизвестным нам акционерам, которые могли бы использовать это обстоятельство в целях спекуляции.

Лушер.—Французское предложение не имеет в виду оказания особого покровительства отдельным держателям акций. Оно направлено только к разрешению практической проблемы, которая несомненно возникнет. Здесь мы имеем дело с компанией, которая будет функционировать на пяти территориях. Необходимо сказать, как эта компания будет функционировать и как, в какой именно форме она сможет эксплоатировать пять различных зон. Если это действительно предусмотрено статьей 6, осуществление французского предложения, таким образом, обеспечено.

(Решено внести финансовые статьи в договор с Австрией, за исключением части, предложенной президентом Вильсоном и уже одобренной.)

Креспи говорит Орландо, что решение, принятое на сегодняшнем заседании, означает 800 миллионов в нашу пользу. Орландо отвечает: «Лишь бы они не вздумали вернуться к обсуждению вопроса».

Ллойд Джордж по окончании заседания спрашивает Орландо, говорил ли он с Вильсоном об итальянских делах. Орландо отвечает: «Поговорю с Тардье».

16 часов.—Заседание Совета Четырех в доме президента Вильсона; участвуют также министры иностранных дел и многочисленные эксперты.

Вильсон.—Проблема, которую Совет призван разрешить, касается границ между Австрией и Югославией в районе Клагенфурта. Полагаю, что проблема должна быть поставлена следующим образом. Что касается так называемого бассейна Клагенфурта, то в этом случае экономическая граница не соответствует границе

этнической. Этническая линия разделяет бассейн на две части: северную и южную. Южная часть, включающая в себя большое количество словенцев, экономически неразрывно связана с северной частью. Кроме того, южную часть Клагенфуртского бассейна пересекает одна из наиболее замечательных естественных демаркационных линий, а именно цепь гор с более крутыми и изрезанными склонами в южной своей части, составляющая, таким образом, серьезнейшую преграду с южной стороны. По-моему вопрос о делимитации Клагенфуртского бассейна во многих отношениях напоминает положение с итальянской границей. В этом случае, хотя и было признано, что многие словенцы (?) находятся на итальянской стороне, было принято во внимание то обстоятельство, что здесь имеется ясно установленная природой граница. Подобное же положение наблюдается в бассейне Клагенфурта. Словенское население, проживающее в южной части бассейна, экономически связано с северной его частью. Тем не менее вопрос не может рассматриваться единственно с политической и этнической точки зрения. Другими словами, Совет должен решить, следует ли признать по политическим соображениям факт, не соответствующий естественным условиям, или же следует считаться с естественными условиями независимо от политических соображений.

Я лично оказался бы в весьма затруднительном положении, отступив от принципа, который я решил применить в итальянском вопросе; с другой стороны, я не желаю менять решения, принятого в отношении Италии с учетом обстоятельств естественного порядка.

Четверо частным образом обмениваются между собой несколькими словами.

Вопрос откладывается.

Соннино подошел к Вильсону, чтобы поговорить с ним об Асслинге. Соннино красен, Вильсон бледен; видно, не могут столковаться.

Затем Четверо обсуждают между собой вопрос о России.

. . . .

(Решено поручить компетентным экспертам составление дополнительной статьи к разделу «Порты, водные пути и железные дороги», касающейся телеграфных и телефонных сообщений между Австрией и Чехо-Словакией.)

По окончании заседания Ллойд Джордж просит Орландо притти со мной завтра в 10 с половиной часов утра к нему, чтобы поговорить об итальянских делах и после этого отправиться к Вильсону.

Беседуя после этого со мной, Орландо говорит, что, по его мнению, следует констатировать разногласие, но не порывать.

Тардье в контакте с итальянцами работает до поздней ночи в поисках схемы разрешения итало-югославского вопроса.

Среда, 28 мая.

10 с половиной часов.—С Орландо у Ллойд Джорджа.

Ллойд Джордж просит разрешения отправиться на полчаса к Вильсону, желая узнать, какое впечатление произвело на него решение, предложенное Тардье.

Прогулка с Орландо в Булонском лесу. Орландо продолжает искать формулу, «которая констатировала бы расхождение, но не порывала бы с союзниками».

11 часов.—Возвращаемся к Ллойд Джорджу. Через несколько минут появляется Ллойд Джордж с Хаузом.

Ллойд Джордж.—Прошу извинения за опоздание, но я совещался с президентом Вильсоном о способах достижения соглашения.

Орландо.—Хорошо.

Ллойд Джордж показывает два листка с изложением основы соглашения.

Листки эти заключают в себе предложение Тардье:

(Первый листок.)

I. Фиуме и железная дорога в Истрии

Создание независимого государства под суверенитетом Лиги наций со следующей границей:

на западе, начиная от Волоски до пункта северо-западнее Сан-Пьетро—предложенная американскими делегатами линия;

на севере—от этого пункта до горы Монте-Невозо;

на востоке—линия, требуемая в итальянском меморандуме.

В состав вышеназванного государства войдет Велья.

Управление, осуществляемое комиссией в составе пяти членов, назначаемых Лигой наций (два итальянца, один уроженец Фиуме, один от Югославии, один от какой-либо другой державы).

Муниципальная автономия обеспечивается фиумскому «Corpus separatum» в соответствии с его конституцией, существующей со времен Марии-Терезии.

Фиуме—свободный порт. Никакой воинской повинности. Никаких налогов, кроме местных.

Плебисцит через 15 лет.

II. Далмация

Оставление Югославии всей Далмации за исключением Зары и Себенико с их административными округами.

Нейтрализация.

III. Острова

Все острова по Лондонскому договору—Италии, за исключением острова Паго. (Велья—Фиумской республике.)

(Второй листок.)

IV. Албания

Мандат на Албанию передается Италии, от северной границы Албании в нынешнем ее виде до южной границы, которая будет установлена конференцией.

В Албании должна быть построена железная дорога: 40%—на итальянский капитал, 40%—на югославский и 20%—других стран.

V. Область к северу от границы

Тарвис передается Италии, так же как и территория Быстрицы.

VI. Другие пункты соглашения

1. Удовлетворение итальянских требований, касающихся адриатического флота (репарационная комиссия).

2. Треугольник Асслинга передается Австрии без фортификаций.

Ллойд Джордж.—Президент Вильсон был бы благодарен г. Орландо, если бы он пожелал отделить для обсуждения первый листок от второго. Президент готов поговорить об Албании, но это—новое требование, и он не мог бы принять его без обсуждения. Правда, для Албании необходимо нечто вроде мандата. Но вопрос мог бы быть рассмотрен как часть вопроса о мандатах. Кроме Италии, нет подходящей страны для вручения мандата на Албанию. Греция и Сербия слишком втянуты в албанскую политику; Франция и Великобритания не интересуются ею; больше прав имеет Италия. Президент не отрицает этого и не противодействует этому, но желает, чтобы ему было предоставлено некоторое время на размышление. Возвращаясь к первому листку предложения, президент делает следующих два главных замечания. Первое относится к назначению административной комиссии в Фиуме. Было предложено, чтобы она состояла из пяти членов: двух от Италии, одного от Фиуме, одного от Югославии и одного от других держав. Выбор комиссии будет зависеть от того, что понимать под Фиуме. Если под Фиуме подразумевать только старый город, выбор падет, разумеется, на итальянца, в результате чего весь округ окажется в действительности под итальянским управлением. Президент предлагает поэтому, чтобы в состав комиссии вошли два итальянца, один южный славянин, один—избранный всем государством Фиуме и один—назначенный другими государствами. Таким образом, представителю держав будет обеспечено нейтральное положение и практически решающий голос.

Что касается островов, президент Вильсон отмечает, что, если все острова за исключением Паго будут переданы Италии, это создаст большие затруднения. Югославия занимает очень твер-

дую позицию в вопросе об островах и никогда не согласится на то, чтобы все острова перешли к Италии. Необходимо в частности отметить, что остров Велья был бы теперь передан Фиуме, хотя по Лондонскому договору он не предназначался Италии. Наоборот, остров этот по договору предназначался Хорватии. Президент Вильсон усматривает в этом большую разницу. Он рекомендует поэтому, чтобы Италия указала один или два из наиболее важных для нее с точки зрения обороны островов.

Хауз.—Один из главнейших доводов президента Вильсона заключается в том, что к востоку от Италии не должно быть враждебного ей населения. Он не хочет, чтобы в Югославии вспыхнуло прредентистское движение против Италии.

Ллойд Джордж.—Какие из островов представляют наибольшую важность для Италии?

Орландо.—Острова являются дополнением к Заре и Себенико. Я рассмотрю вопрос вместе с морскими экспертами. Обсужу весь вопрос в целом с итальянской делегацией и сделаю это в самом скором времени. Я думаю, что смогу дать ответ в течение дня.

Ллойд Джордж:—Попытаюсь резюмировать. Насколько я могу судить, президент Вильсон желает достигнуть соглашения и готов рекомендовать Югославии заключить разумное соглашение. Согласие Югославии необходимо. Но если согласие это не будет получено, а президент Вильсон будет настаивать на получении его, вся позиция переменится. Тогда не Италия, а Югославия стала бы препятствовать разрешению вопроса. По моему мнению, суть в том, чтобы главные державы были согласны между собой. Если бы в отношениях между Италией, с одной стороны, и Францией и Великобританией—с другой, наступило охлаждение, создалось бы весьма затруднительное положение. Резюмирую нижеследующим образом предложение о Фиуме:

Государство Фиуме будет подчинено Лиге наций и будет представлять собой достаточно большое государство, как указывалось при переговорах, происходивших вчера вечером. Государство будет управляться следующим образом: два представителя, назначаемые Италией, один—назначаемый государством Фиуме, один—Югославией и один—другими великими державами.

Через 15 лет будет проведен плебисцит, и население решит, желает ли оно остаться независимым, сделаться итальянским или же хорватским.

Соглашение явится подобным соглашению по саарскому вопросу, и Лига наций предоставит военную защиту общего порядка.

Вся Далмация будет оставлена Югославии.

Орландо.—За исключением Зары и Себенико? Я полагал, что они будут переданы Италии.

Ллойд Джордж.—Не думаю, чтобы Вильсон согласился. По моему мнению, Зара и Себенико должны сделаться свободными городами под покровительством Лиги наций.

Орландо.—Это представляет большую разницу.

Хауз.—Хэнки предлагает,чтобы Зара и Себенико были объединены с Фиуме.

Орландо.—Предложение мне не нравится.

Ллойд Джордж.—Я не думаю, чтобы президент Вильсон присоединился к какому-либо предложению, по которому Зара и Себенико не будут переданы под покровительство Лиги наций или Югославии. Если они будут признаны свободными портами под покровительством Лиги наций, они будут одинаково свободны как для южных славян, так и для итальянцев, и это будет важно, потому что порты эти открывают Далмации доступ к морю. В отношении островов положение, повидимому, продолжает оставаться весьма затруднительным. Я обращаюсь к г. Орландо с настоятельнейшей просьбой, чтобы он при пересмотре вопроса об островах ограничился возможно меньшими и самыми необходимыми для обеспечения безопасности Италии требованиями, выбрав те из островов, которые наиболее плотно населены итальянцами. Обсуждение вопроса об Албании откладывается.

Хауз.—Президент Вильсон думает, что по албанскому вопросу следовало бы назначить комиссию, которая представит соответствующий доклад.

Орландо.—Я рассмотрю весь комплекс предложений вместе с моими коллегами и дам ответ в течение дня.

В конце заседания Ллойд Джордж вручает Орландо свое «частное и конфиденциальное» письмо, помеченное сегодняшним числом, в ответ на такое же письмо, посланное ему три дня назад Орландо. Хэнки прилагает оба письма к составленному им протоколу заседания.

В своем письме Орландо сообщал о недовольстве в Италии, «которая считает, что с нею обращаются скорее как с побежденной, а не победившей страной», указывал на грозящую не только Италии, но и континентальной Европе опасность анархии, которая может возникнуть в результате вышеуказанного недовольства, соединенного с положением, царящим в России и Германии, и поэтому настаивал на необходимости достижения соглашения по итальянским делам.

В своем ответе Ллойд Джордж настаивает на бесспорном для него обстоятельстве, что население на территориях, требуемых Италией, состоит в большинстве из славян: в Далмации славян по крайней мере вчетверо больше, чем итальянцев.

Во время беседы Хауз вполголоса спросил Орландо: «Что для вас важнее—Зара или Лисса?» И когда Ллойд Джордж сказал сначала, что Далмация будет отдана Югославии, Хауз шепнул ему: «Вы не говорили с президентом о Заре и Себенико, как о свободных городах под итальянским суверенитетом?» Из всего

этого, повидимому, следует, что Ллойд Джордж не отказывается применять свое тонкое искусство дипломата и что Хауз, с другой стороны, остается верен своей уравновешенной лойяльности.

Утренняя беседа, о которой Орландо сообщил итальянской делегации, произвела хорошее впечатление. Даже Бардзилаи молчит. Адмирал Грасси, к которому был обращен вопрос об островах, главным образом о Курцоланских, заявил, что он должен телеграфировать об этом адмиралу Ревéлю, но со своей стороны не выдвигает возражений.

Бардзилаи говорит Орландо: «Во всяком случае сделай так, чтобы они были оставлены один за другим».

Днем в автомобиле Орландо говорит мне: «Не любопытно ли, что даже Бардзилаи так легко согласился с решением о Фиуме?»

15 час. 30 мин.—Прежде чем отправиться к Вильсону, заходим к Ллойд Джорджу. Орландо говорит ему, что готов отказаться от островов Лезина, Курцола, Меледа, но настаивает насчет Зары и Себенико. Ллойд Джордж просит Орландо разрешить ему пойти к Вильсону на пять минут раньше него.

16 часов.—У Вильсона.

Вначале речь заходит о просьбе китайской делегации, желающей получить копию решений Четырех по вопросу о Шаньдуне.

. . . .

Ллойд Джордж.—Сегодня утром я сделал г. Орландо несколько предложений, касающихся разрешения адриатического вопроса. Мне казалось, что г. Орландо готов согласиться с решением по вопросу о Фиуме. Однако имеются затруднения, касающиеся островов Далматинского побережья, Зары и Себенико. Итальянское правительство, повидимому, готово притти к соглашению о Далмации при том условии, что Зара и Себенико будут поставлены под суверенитет Италии или если мандат на них, как на это недавно соглашался г. Орландо, будет передан Италии. Г-н Орландо был бы согласен также отказаться от трех крупнейших островов южной группы, равно как и от острова Наго. Остальные острова представляют собой пустынные скалы. Г-н Орландо настаивает, однако, на том, чтобы остров Керсо, являющийся в сущности продолжением Истрийского полуострова и населенный, главным образом, итальянцами, был передан Италии. Однако у президента Вильсона имеются другие сведения о населении.

Клемансо.—Каков будет официальный язык в Фиуме?

Ллойд Джордж.—Государство Фиуме решит этот вопрос.

Вильсон.—Необходимо, чтобы г. Орландо знал, в чем заключается затруднительность моего положения. Правительство Соединенных Штатов не имеет права передавать территории кому бы то ни было, оно может только следовать принципу, на котором основаны остальные мирные договоры. То, что я могу сделать,

заключается в следующем: взять выдвинутое в качестве базы предложение и рекомендовать его Югославии. Дальнейшее будет зависеть от ее согласия. Я постараюсь узнать, возможно ли добиться решения в этой плоскости. Я ценю серьезные усилия г. Орландо, отказавшегося от части Лондонского договора. Однако, прежде чем выдвинуть эти вопросы перед Югославией, я хотел бы знать, смогу ли я при переговорах с ней включить не только остров Велья, но и Керсо в состав государства Фиуме. Я не говорю о Луссине, так как остров этот явно итальянский. Что же касается Керсо, то на основании итальянской этнографической карты я прихожу к заключению, что лишь северную часть этого острова можно считать итальянской. Мне хотелось бы также предложить, чтобы восточный склон горной цепи Истрии был включен в территорию государства Фиуме. Цель моего предложения заключается в том, чтобы доступ к Фиуме—я при этом подразумеваю также острова—был поставлен под контроль государства Фиуме. Мне хотелось бы также, внося эти предложения, напомнить,что при утверждении Данцигского статута пришлось обеспечить Польше бо́льшую свободу выхода к этому порту, а также железнодорожные магистрали и железнодорожные пути в глубь страны. Без этих гарантий Данциг не сделался бы свободным портом. Это следовало бы применить также к Фиуме. Если бы я мог предоставить эти гарантии государству Фиуме под контролем союзных и присоединившихся держав, это в значительной мере облегчило бы мне переговоры и могло бы обеспечить им успешное завершение.

Орландо.—Я очень рад, что дух примирения, которым проникнуто итальянское правительство, получил признание со стороны президента Вильсона. Я заявляю, что будут даны всяческие льготы с целью предоставления порту Фиуме абсолютной свободы. В этом будет заключаться основная задача. Относительно решения, которое следует принять, замечу, что это—вопрос в высшей степени деликатный. Когда я получил представленный г. Тардье документ, о котором было известно г. Вильсону и Ллойд Джорджу, я приложил все усилия к тому, чтобы моя делегация согласилась принять его. Со своей стороны, несмотря на связанные с этим серьезные затруднения, я взял бы на себя ответственность за принятие этого документа. Однако я должен уведомить об этом моих коллег по кабинету. Было бы весьма затруднительно убедить теперь моих коллег согласиться на дальнейшие уступки. Я старался устранить вопрос о большинстве южных островов. Я взял обратно требования, касающиеся островов Лезина, Курцола, Меледа, являющихся самыми значительными из этой группы. Но если нужно пойти на дальнейшие уступки, я должен буду взять обратно мое согласие. Согласие мое основано на документе Тардье. Документ этот не только признает право Италии на острова, но и отдает ей Зару и Себенико. Я готов предоставить всяческую свободу этим портам и гарантировать, что там не будут

установлены военные и морские базы, служащие наступательным целям. Я убедил также делегацию в Париже согласиться с решением о назначении административной комиссии в Фиуме. Наконец, я принял бы документ Тардье, оставляя вторую его часть, как это требовалось, с поправкой о предложенной президентом Вильсоном комиссии для Фиуме и с поправкой, касающейся Курцолан-ских островов. Но дальше этого я не пойду. Скажу даже, из лойяльности, о моем опасении, что мои коллеги в Италии не смогут согласиться с этим.

Вильсон.—В качестве друга обеих сторон я сделаю все возможное для того, чтобы воспользоваться этим предложением как базой для соглашения, и сделаю это в самой дружественной форме.

Мы должны прервать беседу. Я знаю, что г. Гиманс и люксембургская комиссия ждут нас наверху.

17 часов.—С Гимансом и комиссией по делам Люксембурга. Люксембург.

. . . .

Во время переговоров Клемансо очень нелюбезно и грубо ведет себя по отношению к Гимансу, который нервничает и с трудом сдерживает себя.

По окончании заседания Вильсон просит меня передать ему подробный список островов, которые мы согласны уступить.

Завтра будет обсуждаться вопрос о границе между Австрией и Югославией. Вильсон дважды произносит: «Без министров иностранных дел! Без министров иностранных дел!»*

В то время как мы собираемся уходить, Бардзилаи телефонирует, что он хотел бы поговорить с Орландо. Не раскаивается ли он? Выходим. Орландо говорит мне: «Если мне удастся покончить со статьями договора с Австрией, меня больше не увидят в Париже! Я совсем не собираюсь подписывать договоры».

Орландо делает итальянской делегации сообщение о сегодняшнем заседании. Я не присутствую при этом выступлении Орландо, которое, как мне говорит Соннино, проходит удовлетворительно.

Четверг, 29 мая, вознесение.

«Figaro» публикует статью Габриэля Ганото, касающуюся Орландо: «Большой оратор, большой демократ, крупный государственный деятель, мудрый в энтузиазме, не поддающийся обуревающей его страсти, стойкий защитник народа и династии»**.

---

* Ср. прим. на стр. 142.

** Полковник Хауз, как передает Ч. Сеймур (op. cit., v. IV, p. 452), писал к концу мирной конференции об Орландо следующее: «Мне неизвестно, какое впечатление производил на Вильсона Орландо в мое отсутствие, но знаю, что, когда мы втроем бывали вместе и когда нам с Орландо приходилось работать вдвоем, он казался самым довольным из своих коллег. Он был всегда любезен и даже в критических обстоятельствах проявлял велико-

В английских черновиках текста договора с Австрией, в разделе II «Будущие австрийские границы», в параграфе 4 напечатано, что «главными союзными и присоединившимися державами граница с Италией будет установлена впоследствии».

Говорю об этом с итальянским представителем в редакционном комитете Риччи Бузатти; он отвечает мне, что комитет пока не получал инструкций по этому поводу.

Уведомляю об этом Орландо.

Прибыв к Вильсону, я говорю об этом с ним до начала заседания; он, повидимому, непрочь принять соответствующие меры; затем сообщаю о том же Ллойд Джорджу, который начинает: «Надо кое-что сказать об этом»*, но затем не возражает; говорю об этом Клемансо, он выказывает равнодушие.

В 11 часов начинается заседание.

По поводу письма члена редакционного комитета г. Херста выносится решение, что в случае расхождений между английским, французским и итальянским текстами в мирном договоре с Австрией будет иметь силу французский текст. Редакционный комитет внесет соответствующую статью в договор. В этом смысле будут даны инструкции редакционному комитету.

Херст послал еще одно письмо, извещая, что редакционный комитет исправил в мирном договоре формулировку, касающуюся взаимоотношений новой Австрии с бывшей Австро-Венгрией, и поэтому из параграфа 32 экономических статей исключил слова: «*в том виде, в каком она существовала к 1 августа 1914 г.*»

Орландо.—Это не есть чисто редакционный вопрос, он имеет реальное значение, ибо относится к убыткам и к вопросу о том, кто должен их оплатить. Прошу передать вопрос на обсуждение репарационной комиссии.

Вильсон.—Быть может, моя точка зрения отличается от точки зрения г. Орландо. Я слышал, что по договору только австрийские граждане будут обязаны платить за убытки, нанесенные Австрией. Следовательно, если рассматривать Австрию в том ее виде, в котором она существовала к 1 августа 1914 г., территория, охватываемая платежными обязательствами, в действительности не расширяется. Предположим, что какая-либо английская фирма понесла убытки в Праге и убытки ее были оплачены из австрийских фондов в Лондоне. Это было бы несправедливо. Сумма должна быть уплачена из средств Чехии. Несправедливо обязывать Австрию, заключенную в новые, более тесные границы, к уплате

душие, быть может, несколько чрезмерное, в признании американской точки зрения в тех случаях, когда это не затрагивало его страны. И даже при переговорах, касавшихся Италии, он старался быть справедливым, и когда он, с нашей точки зрения, таковым не был, это происходило вследствие давления, оказывавшегося Римом и его итальянскими коллегами. Он навсегда запомнился мне как обходительный, безукоризненный джентльмен, старавшийся в затруднительных обстоятельствах поступать наилучшим образом».

* В связи с позицией Ллойд Джорджа в этом вопросе ср. прим. на стр. 345.

убытков, понесенных в других частях бывшей Австрии. Совершенно справедливо включить Венгрию, но не Чехию и другие области, которые перестали быть вражескими.

После краткого совещания выносится решение:

1) вопрос будет сообщен репарационной комиссии для замечаний;
2) слова: «*в том виде, в каком она существовала к 1 августа 1914 г.*», должны остаться в мирном договоре впредь до их изъятия из текста после получения мнения комиссии по репарациям.

Утверждается, подписывается и отсылается редакционному комитету подлежащая включению в договор с Австрией статья, относящаяся к телефонному и телеграфному сообщению с Чехо-Словакией.

. . . .

Клемансо.—Мы получили новый документ, содержащий немецкие контрпредложения к их договору.

Ллойд Джордж.—Прошу передать его для перевода в самом срочном порядке. Кажется, он состоит из 87 печатных страниц.

. . . .

Орландо.—Мне сообщили, что редакционный комитет не получал до сих пор инструкций, касающихся границ между Австрией и Италией.

Вильсон.—Насколько я помню, было решено, что граница будет та же, что указана в Лондонском договоре, с исправлениями, в силу которых Италии передается долина Секстен, равно как и некоторые районы по соседству с Тарвисом. Все это следует ясно указать на географической карте, а также принять решение по поводу Клагенфурта и Асслингского «треугольника».

Четверо вместе с секретарями переходят в верхний этаж, где мы находим экспертов и остальных секретарей. Среди них от Италии—Ваннутелли Рей.

Вильсон расстилает на полу географическую карту и, стоя на коленях, рассматривает ее, интересуясь Клагенфуртом, Асслингом. Поручает одному из американских секретарей составить карту с определенными указаниями. Затем Вильсон высказывает желание, чтобы в договоре не указывались оговорки, касающиеся Асслинга. Я говорю ему: «Если будет определена граница, а „треугольник“ будет оставлен вне Австрии без указания на оговорку, Югославия подумает, что „треугольник“ принадлежит ей!» Вильсон мне отвечает: «Мы здесь заняты составлением договора с Австрией, остальное нас не касается». Говорю Вильсону о продвижении югославских войск в этой зоне; указываю на возможность столкновений. Вильсон говорит: «Надо послать австрийцам и южным славянам письменное предупреждение!» Отвечаю: «Но как поддержать порядок там, где нет никого, имеющего на то право?»

Вильсон продолжает на коленях изучать географическую карту, Ваннутелли разъясняет ему вопрос о торговле, но Вильсон отвечает ему: «Не следует никогда ставить национальные вопросы

в зависимость от экономических». Ванпутелли продолжает свои разъяснения с большей любезностью и наилучшей аргументацией, но Вильсон заключает разговор словами: «Мы не признаем такого рода аргументов».

Возвращаемся в комнату, где обычно происходят заседания Четырех.

Секретари из комиссии по югославским делам А. Портье (француз) и Э. Абрагам (англичанин), которым Вильсон дал аналогичные инструкции, приносят географическую карту и нижеследующий текст, каковой утверждается и подписывается Четырьмя:

«Редакционный комитет включит в мирный договор с Австрией границу между Италией и Австрией, как она была указана в Лондонском договоре от 26 апреля 1915 г., с приведенными на прилагаемой карте изменениями, в силу которых Италии передается долина реки Секстен и определенная зона по соседству с Тарвисом. Долина Клагенфурта, включая город Клагенфурт, будет передана на основе плебисцита в шестимесячный срок со дня подписания мирного договора с Австрией».

Вопрос о «треугольнике», в который входит Асслинг, откладывается до вынесения союзными и присоединившимися державами решения, которое будет принято Австрией.

Хэнки поручено отправить это постановление в генеральный секретариат для передачи редакционному комитету*.

---

* Относительно Бреннера следует иметь в виду, что, как полагают некоторые, эта «жизненно вредная уступка» была сделана Вильсоном еще в январе 1919 г. под впечатлением возбуждения и волнения, вызванного его «римским триумфом».

Р. С. Бэкер (op. cit., v. II, p. 146) пишет: «Уже давно президент Вильсон, к сожалению, обещал Орландо границу Бреннера, в связи с чем Италия получала около 150 тысяч немецких тирольцев; впоследствии он рассматривал этот свой шаг как серьезную ошибку и глубоко об этом сожалел. Это было сделано им еще до того, как он тщательно изучил предмет, но он взял на себя это обязательство по той причине, что Орландо требовал предоставления ему стратегической границы. Быть может, он думал, что уступка в Альпах будет способствовать смягчению итальянских требований в Адриатике, но итальянцы хотели и то и другое».

Неизвестно, к какой именно дате относится это «уже давно» Бэкера, но, судя по месту, занимаемому этим отрывком в его книге, речь идет, повидимому, о первых месяцах 1919 г.

Впрочем, Бэкер пишет (op. cit., v. III, p. 259) о «базе, рекомендованной 21 января 1919 г. американскими экспертами для урегулирования итальянской границы», причем в качестве северной границы рекомендуется средняя линия, проходящая между лингвистической линией и границей, предусматриваемой Лондонским договором.

Помнится, я видел соответствующую карту, повешенную 12 марта 1919 г. в комнате, соседней с рабочим кабинетом президента Вильсона. По этой карте Италия не получала ни Бреннера, ни Фиуме, ни всей Истрии, ни Далмации. Додеканез фигурировал на ней в качестве владений, присужденных Греции.

Сеймур (op. cit., v. IV, p. 450) пишет: «Он (президент) совершил дальнейшую ошибку, которую он впоследствии сам признал, согласившись

Передаю одному из американских секретарей это постановление для напечатания на пишущей машинке и беру один экземпляр.

Зачитывается доклад Жюля Камбона о его беседе с сербско-

на итальянское требование о Бреннере, быть может, наименее оправданное из всех итальянских требований. Несколько лет спустя полковник Хауз обсуждал этот вопрос с г. Фразье, присутствовавшим в период мирной конференции при многих переговорах между президентом и итальянцами. Фразье говорил мне,—пишет Хауз,—что Вильсон обещал Орландо отдать Тироль Италии. Он сказал мне, что Орландо просил его, Фразье, быть переводчиком между ними и что никто, кроме Вильсона, Орландо и его, при этом не присутствовал. Орландо вкратце изложил вопрос о Фиуме; Вильсон ответил: «Я не могу согласиться, чтобы Фиуме перешел к Италии, но что касается линии Бреннера, вы можете рассчитывать на меня». Это не удовлетворило Орландо, но Вильсона связало обещанием... Я много раз думал, по какой причине Вильсон дал свое согласие на установление этой линии. Клемансо, Ллойд Джордж и я обсуждали этот вопрос во время процедуры по заключению перемирия и пришли к единодушному заключению, что Тироль не должен быть отделен от Австрии. Они были связаны тайными договорами, но полагали, что Соединенные Штаты могли бы протестовать.

Но и здесь неясно, к какому времени относится «уступка» Вильсона, но, насколько мне известно, в одной из первых бесед, состоявшихся между Вильсоном и Орландо 9 января 1919 г. в Париже—через несколько дней после «римского триумфа», Вильсон дал понять, что Италии можно передать «часть Истрии». Но не более.

Мне, однако, известно также, что 14 апреля во время утренней беседы с премьером Орландо, когда последний приступил к изложению итальянских требований, начав с требования о линии водораздела Альп, президент Вильсон сказал ему, что «бесполезно настаивать на этом, так как он отдает нам линию Альп». Тогда же Вильсон передал Орландо географическую карту, служившую приложением к меморандуму, в котором было сказано: «Я лично вполне согласен признать, чтобы Италия получила на всем протяжении своих северных границ и повсюду, где она соприкасается с австрийской территорией, все то, что ей предназначалось по так называемому Лондонскому договору».

Правда, на другом заседании, состоявшемся 14 же апреля, Орландо обратил внимание Вильсона на то обстоятельство, что географическая карта и меморандум, переданные ему сегодня утром, не совпадают между собою в части, относящейся к линии Бреннера. Вильсон ответил: «Это меня не касается. Изменение на карте, означающее сокращение линии, предусмотренной Лондонским договором, соответствует желанию г. Ллойд Джорджа. Я считаю, что граница Бреннера принадлежит вам».

19 апреля Вильсон, как это показано на стр. 170, вновь заявил Четырем, что он не имеет возражений относительно северных границ, указанных премьером Орландо.

В послании, опубликованном 23 апреля, он писал: «На севере и северо-востоке она (Италия) вступает в естественные свои границы вдоль альпийских горных цепей».

В своем публичном ответе Орландо отметил это заявление: «Президентское послание признает необходимым отметить, что Италия с получением указанных в послании земель достигла барьера Альп, служащего ей защитой. Это является признанием, имеющим большое значение, если, однако, восточная сторона этого барьера не будет оставлена открытой и права Италии будут распространены на линию Монте-Невозо:..»

Однако, когда 7 мая, как это видно из настоящего Дневника, Ллойд Джордж, желавший ускорить редактирование мирного договора, заявил: «Вопрос о границах между Австрией и Италией не подлежит обсуждению», Вильсон ответил: «Мне хотелось бы подумать над этим».

Правда, из других указаний, также занесенных в настоящий Дневник,

югославской и чехо-словацкой делегациями, которые возражают против того, чтобы Австрийская республика называлась «немецкой Австрией»[43]. Название это находится также в австрийском законе от 14 марта 1919 г. и других официальных документах. Они требуют исключения из текста слова «немецкая», которое

явствует, что передача Бреннера была, повидимому, давно решена: Лансинг, повторяя фразу Бальфура, заявил на заседании, состоявшемся 10 мая на Кэ д'Орсе, что «Совет решил отдать эту территорию Италии»; затем, 23 мая, как сообщал Ллойд Джордж, английский полковник Рэдклиф говорил Вильсону: «Если вы отдаете Италии 200 тысяч немцев на Бреннере...», и, как об этом сказано несколькими страницами выше, на дневном заседании 27 мая президент Вильсон напомнил о принципе, которого он решил придерживаться в итальянском вопросе, и заявил о своем нежелании менять свое решение относительно Италии, «где горная цепь отчетливо отмечает собой естественную демаркационную линию».

Во всяком случае до 29 мая не было принято формального и окончательного решения, и в английских черновиках схемы договора, которые через день должны были быть вручены Австрии, содержалась вышеуказанная оговорка об итало-австрийской границе, которую «предстояло определить впоследствии».

Относительно того, какие именно обстоятельства окончательно обеспечили за нами линию Бреннера, относя к их числу не только реальные силы, определившие эту линию, но и внешнюю ее историю (весьма мало известную, как об этом свидетельствуют цитированные мною отрывки из двух книг Бэкера и Сеймура, считающихся наиболее документальными и подлиннейшим образом отражающими взгляды президента Вильсона), я счел необходимым запросить премьера Орландо, который в письме от 25 октября 1935 г. сообщил мне нижеследующее:

«Предыдущие переговоры относительно итальянских требований создавали почву для этого противоречия; Вильсон (новое доказательство взятого им на себя обязательства перед Югославией), выказывавший гордую непримиримость в вопросе о включении в наши границы славянского населения, обнаружил индиферентное отношение к вопросу о возможном включении немцев. Более того, он пользовался выказываемой им готовностью предоставить Италии линию Бреннера как средством для того, чтобы принудить нас к отказу от наших требований в Адриатике. Союзники (Франция и Англия) поддерживали взаимный контакт с австрийцами в надежде использовать какие-либо уступки в пользу последних в области верхнего Адидже в целях усиления препятствий, направленных к удержанию Австрии от тяготения к Германии.

Вильсон, таким образом, пользовался Бреннером в качестве как бы заложника в интересах Сербии. Когда во второй половине апреля расхождение с Вильсоном резко обострилось и дело дошло до разрыва, вопрос о Бреннере окончательно повис в воздухе. Прибыла австрийская делегация. Трактат с Австрией был всесторонне рассмотрен нами, Четырьмя, за исключением вопроса об итальянской границе.

Встревоженный этим обстоятельством, я проработал (слово это точно выражает мою мысль) различные компромиссные решения, последним из которых является компромисс, предложенный Тардье. В сопоставлении с тем, чем в конечном счете явилось урегулирование адриатического вопроса, компромисс Тардье представлял собой новую, отчасти лучшую, частью же худшую, но в общем эквивалентную форму компромиссного соглашения. Но, повторяю, я проработал эти переговоры, главным образом, с целью найти выход из положения, создавшегося в связи с вопросом о Бреннере. Оставляю в стороне многие частности, не представляющие в настоящем случае интереса. Вечером 28 мая, за день до канупа предполагавшегося вруче-

между прочим фигурирует в тексте верительных грамот австрийских делегатов на мирной конференции.

Ллойд Джордж.—Я согласен, что не следует допускать слова «немецкая».

ния договора австрийцам, мне удалось сообщить Вильсону через полковника Хауза, что я, стремясь к ликвидации обострившейся борьбы, готов принять компромиссное предложение Тардье в качестве основы обсуждения вопроса. В связи с этим сообщением утром следующего дня состоялось заседание Четырех. В соответствии с моими намерениями в результате этого жеста (по крайней мере в результате непосредственного его действия) лед, образовавшийся между мною и Вильсоном, был сломан. И тогда разыгралась следующая сцена. Я прихожу с Хаузом и застаю Вильсона с Клемансо и Ллойд Джорджем. Вильсон поднимается с места и идет ко мне с раскрытыми объятиями и, почти обнимая меня, заявляет, что, согласившись на компромиссное предложение Тардье хотя бы в качестве базы обсуждения, я по его мнению, проявил дух примирения, который он сумел оценить и по поводу которого он выражает свое восхищение и т. п. После чего, оглядевшись вокруг, спрашивает: «Как же было постановлено поступить завтра в вопросе об итальянской границе?» Неловкое молчание обеих сторон. Полковник Хэнки замечает, что в мирных условиях, уже переданных в типографию, пункт о границе с Италией помечен словом «Reservée» [«Отложено»]. Вильсон, со своей стороны, заявляет: «Но вопрос этот не следует откладывать; Италия имеет право на эту линию, и она должна быть ей передана!» Следует молчание двух других. Хэнки спрашивает: «Отдадим ли мы линию на Бреннере, как это следует из Лондонского договора?» Вильсон: «Да, но с некоторыми изменениями, потому что пограничная линия, предусмотренная Лондонским договором, недостаточно справедлива для Италии (sic!). Линию эту следует исправить, добавив к ней Секстен и долину Тарвиса». Молчание продолжается.

И мы получили Бреннер, а кроме того, долины Тарвиса и Секстена!»

Неоднократно в настоящем примечании и других местах этой книги мне приходилось приводить враждебные суждения, касающиеся получения нами Бреннера. Приведу последнее из этих высказываний. Бывший британский посол в Вашингтоне лорд Брайс, который не мог не знать об обязательстве, взятом на себя его правительством по Лондонскому договору, писал полковнику Хаузу, как передает Ч. Сеймур (op. cit., v. IV, p. 450), что он «горячо надеется, что 900 тысяч тирольцев немецкого происхождения не будут переданы Италии». Это можно присоединить к тому, что в настоящем примечании Хауз приводит в качестве доказательства двойственности Клемансо и Ллойд Джорджа в вопросе о Бреннере; вышеприведенное соответствует также словам Вильсона, сказанным Орландо по поводу географической карты о «желаниях» Ллойд Джорджа, настроенного против подписанного Англией договора.

Но мне хочется повторить здесь сказанное мной в предисловии к настоящей главе, а именно, что наиболее северная вершина линии Альп, несомненнейшим образом заканчивающая собой на севере итальянскую границу, называется «Итальянской вершиной», являющейся надежным географическим и историческим свидетельством в пользу того, что мы требовали и получили. С итальянской стороны никогда не отрицалось, что по эту сторону альпийской «завесы» живут инородцы, но, как я уже имел случай говорить Штреземану, когда в бытность мою в течение почти четырех лет в Берлине мы единственный раз коснулись этого вопроса, инородцы эти, представляющие собой остатки иностранных нашествий, «не должны были бы там находиться».

Мне хочется напомнить еще о недвусмысленном заявлении Соннино по этому поводу. В момент заключения перемирия с Австрией Фразье, пользующийся доверием Вильсона и Хауза, спросил итальянского посла в Париже графа Бонин-Лонгаре, включен ли Триест в число наших условий перемирия

Вильсон.—Согласен.

(Выносится решение в этом смысле; Хэнки распорядится, чтобы генеральный секретариат известил об этом редакционный комитет.)

Чешский и сербский делегаты Крамарж и Пашич прислали письмо, прося об изъятии некоторых политических статей, предложенных комитетом по делам новых государств для включения в договор с Австрией.

(Решено сообщить эти статьи редакционному комитету и дать возможность вышеназванным делегатам изложить свою точку зрения на дневном пленарном заседании.)

Польско-украинское перемирие.

. . . .

Данциг.

. . . .

Конвенция об оккупации рейнских провинций. Оккупационные войска.

. . . .

Президент Вильсон зачитывает письмо, полученное им от американского делегата в междусоюзнической комиссии по рейнским делам П.-Б. Нокса. Он сообщает, что, по его мнению, конвенция об управлении рейнскими территориями, подготовленная 11 мая военными представителями Высшего совета, более «груба», чем этого могли бы желать сами ее авторы, если бы они над этим снова поразмыслили. Конвенция эта регламентирует «невыносимое» притеснение шести миллионов населения в течение многих лет.

Ллойд Джордж.—По-моему необходимо пересмотреть весь вопрос об оккупации рейнских провинций. Оккупация России иностранными войсками, судя по полученным мною сведениям, создала там большевизм. Оккупации порождают антагонизм между народами. Затем это наложило бы на Германию очень тяжелое финансовое бремя. Я считаю, что нами было принято

и можем ли мы со всей уверенностью настаивать на нашем утверждении об итальянском характере Триеста. Бонин ответил ему, что достаточно провести несколько часов в Триесте, чтобы убедиться, что находишься в таком же итальянском городе, как Венеция. Фразье говорил затем о верхнем Адидже, и Бонин ответил ему, руководствуясь недавней телеграммой Соннино, в которой указывалось, что граница Бреннера предполагала включение в состав королевства полосы земли вверх от Больцано, населенной инородцами. Но линия, намеченная Лондонским договором, была продиктована не только неоспоримыми соображениями, но и стремлением к обеспечению длительного мира. «Эти наши справедливые притязания не заключают в себе стремления ни к завоеванию, ни к обеспечению какого-либо преобладающего положения, дающего нам легкую возможность агрессии против какого-либо соседнего государства, и являются просто лишь стремлением к обеспечению равенства военных позиций, при котором возможно усилить разоружение и вступить в период мирного строительства в свободном сотрудничестве со всеми народами».

слишком поспешное решение. В течение 15 лет Германия не будет представлять опасности. Опасность начнется по прошествии этих 15 лет. А мирный договор предусматривает, что оккупационных войск будет меньше, когда Германия станет сильнее.

Клемансо.—Я отнюдь не намерен пересматривать то, что было установлено в договоре.

Ллойд Джордж.—Как представитель державы, нанесшей поражение Германии, настаиваю, чтобы вопрос был пересмотрен. Я имею право быть выслушанным.

Вильсон.—С моей точки зрения, жизнь гражданского населения должна протекать без вмешательства военных.

Клемансо.—Я согласен с точкой зрения президента Вильсона, но не желаю, чтобы решение было пересмотрено.

Вильсон.—Можно назначить комиссию, которая изучит вопрос.

. . . .

На Кэ д'Орсе, куда я отправился днем, чтобы узнать о положении дела с австро-итальянской границей, встречаю Гиманса. «Вы были вчера на заседании с делегатами Люксембурга?—спрашивает он.—Вы слышали, что вчера Клемансо предлагал заключить тройственное экономическое соглашение между Францией, Бельгией и Люксембургом?» Отвечаю: «Да». Гиманс: «А сегодня он отрицает, что говорил об этом».

Мне сообщили, что, несмотря на недвусмысленное решение, вынесенное сегодня утром, английские и американские эксперты отказываются внести в мирные условия, подлежащие предъявлению Австрии, определение итало-австрийской границы.

В противовес американскому эксперту по итальянским вопросам Джонсону, полагающему, что вопрос об итало-австрийских границах должен быть отсрочен и требующему новых инструкций, я представляю текст решения, вынесенного сегодня утром. Вопрос улажен. Граница Бреннера включается в схему договора с Австрией.

15 часов.—Заседание на Кэ д'Орсе с представителями малых держав, принимавших участие в войне или прервавших отношения с Австро-Венгрией. Им сообщают утвержденные Четырьмя условия мира, которые будут предъявлены Австрии.

Братиану требует по крайней мере 24-часовой отсрочки, с тем чтобы изучить и затем обсудить названные условия.

Предоставляется 48-часовая отсрочка. Таким образом, вручение условий Австрии не может состояться, как было установлено в пятницу утром; они будут вручены на ближайшей неделе.

Газета «Temps» почти полностью публикует формулу адриатического соглашения, утверждая, что оно принято премьером Орландо. Итальянские журналисты вынесли неблагоприятное впечатление и пришли в гостиницу «Эдуард VII» за получением сведений. Я говорю им, что пока ничего определенного не имеется.

Пятница, 30 мая.

Соннино сегодня утром прочитывает мою запись позавчерашней беседы между Орландо, Ллойд Джорджем и Хаузом. Соннино пришел в бешенство, когда узнал о сделанных нами уступках. Он требует немедленного созыва итальянской делегации.

Я не присутствую на заседании. Повидимому, проект Тардье был частью согласован между Тардье и Кресни. Империали, которого я встретил через несколько часов, все еще очень взволнован в связи с тем, говорит он, что между Соннино и Кресни произошла крайне бурная сцена.

Тотчас же после заседания я снова увидел Соннино. Он был спокоен.

10 с половиной часов.—С Орландо у Вильсона.

Вильсон очень нервничает, лицо его подергивается.

Орландо излагает Вильсону проект разделения Фиуме на две части во избежание конфликтов между двумя национальностями, могущих отразиться на их взаимоотношениях.

Вильсон высказывается против этого проекта.

Речь заходит о Малой Азии. Вильсон говорит, что нельзя выносить решения без предварительного расследования на месте.

. . . .

Орландо затронул вопрос об Асслинге.

Вильсон говорит: «Об этом речь пойдет на дневном совещании».

. . . .

Новое заседание итальянской делегации в гостинице «Эдуард VII». На этом заседании я не присутствую.

Таон-ди-Ревéль телеграфирует, что, по сведениям, сообщенным итальянским военным кораблем «Дуилио», греческий верховный комиссар заявил нашему делегату в Смирне, что греческие войска получили приказ продвинуться на юг от Айясолука и занять без промедления Сокиа* и что задержатся только с занятием города Скалановы, входящего в зону, предназначенную Греции.

По распоряжению Соннино сообщаю об этом Русполи, чтобы он уведомил Ревéля о том, что в решениях, принятых 19 мая Советом Четырех и сообщенных по телеграфу адмиралу Калторпу, ничего не изменилось, поэтому наши войска не должны покидать ни одной из занятых ими местностей и оставаться в

---

* Впоследствии оказалось, что 29 мая войска были высажены в Айвалыке. Великий визирь[44] протестовал по поводу этого десанта перед союзными верховными комиссарами в Константинополе, утверждая в риторически расцвеченной ноте, что это «доводит турецкий народ до высшей степени раздражения».

От греков же пришла восторженная телеграмма из Айвалыка: «Aivaliq, la vierge capitale martyre d'Eolie, delivrée des martyres et des souffrances de l'hideux joug turc» [«непорочная мученица Айвалык—столица Эолии, освобождена от ужасов отвратительного турецкого ига»].

Скаланове и Сокиа, заняв также Магнезию. Командование судна «Дуилио» будет поддерживать связь с адмиралом Калторпом, чтобы быть осведомленным о случаях греческой оккупации, могущих иметь место с его разрешения.

16 часов.—Заседание Четырех у Вильсона.

Перед началом заседания Вильсон рассказывает о том, что он обращался к кому-то за разъяснением значения слова «Пуанкаре» и узнал, что слово это означает «квадратный кулак».

Клемансо.—Нет. Здесь недостает буквы «*g*». «Пуанкаре» ближе по своему значению к выражению «point carré»—«not square»—«нелойяльный», что является более верным определением *. Это был хороший министр, но он не подходит для роли премьера.

Орландо.—Передаю документ, касающийся положения в Каринтии. Из этого документа явствует, что 27-го числа Югославия возобновила враждебные действия. Днем 29-го числа австрийский делегат при правительстве Каринтии уведомил ближайшее итальянское командование о том, что югославские войска, вероятно, войдут сегодня в Клагенфурт и что Виллах также находится в опасности. Я считаю необходимым, чтобы междусоюзническая комиссия в составе четырех офицеров—английского, французского, американского и итальянского—немедленно отправилась на место для прекращения враждебных действий.

Клемансо.—Необходимо также дать знать грекам, чтобы они не продвигались на юг от Магнезии.

Вильсон.—Было бы лучше, если бы г. Клемансо от имени главных союзных и присоединившихся держав послал немедленно нашим друзьям в Югославию письмо с предписанием прекратить бои, если они хотят, чтобы вопрос о границах был урегулирован, и предупредить их при этом, что во всяком случае результат боев не повлияет на окончательные решения, касающиеся их границ.

Клемансо.—Согласен. Это—невероятное выступление.

Статьи 102 и 104 договора с Германией.

. . . .

Клемансо.—Я получил письмо от турецкого великого визиря, который просит разрешить ему прибыть в Париж, с тем чтобы «дать разъяснения» конференции.

Ллойд Джордж.—Я не вижу необходимости обращаться с турками, как с немцами. Можно было бы разрешить им приехать. Равно как и болгарам, если они хотят.

Вильсон.—Прежде всего они будут протестовать по поводу того, что нами было сделано в Смирне.

Клемансо.—Отчего бы им не протестовать?

---

* По поводу этой игры слов, которая так свойственна французскому языку, мне говорили, что Клемансо сказал одной даме, которая написала его имя, акцентировав первое «е», чего он сам не имел обыкновения делать: «Je ne suis ni clément, ni sot!»[45].

Ллойд Джордж.—Пусть протестуют. Но я хотел бы, чтобы заседания происходили на яхте, потому что здесь скоро станет очень жарко.

Статья 228 договора с Германией.

. . . .

Орландо спрашивает, будут ли политические статьи, касающиеся передаваемых Италии австрийских территорий, готовы для включения в договор, который должен быть передан австрийским делегатам в понедельник. Я сообщаю, что комиссии, которым были переданы вышеназванные статьи, соберутся сегодня в 15 часов. Хэнки поручено проследить за этим.

Германские контрпредложения.

. . . .

Германская нота о международной организации труда.

. . . .

Предложения Крамаржа, касающиеся политических статей, относящихся к Чехо-Словакии.

Сегодняшнее совещание откладывается, так как статьи договора с Австрией, на которые ссылается Крамарж, не готовы.

Польско-украинское перемирие.

. . . .

Ллойд Джордж.—В документе, переданном нам вчера г. Клемансо, говорится, что генерал Галлер утверждает, будто он не получал инструкций, запрещающих ему пользоваться своими войсками против украинцев. Мне кажется, что военные смеются над нами, игнорируя наши распоряжения.

Клемансо (бросает недовольный взгляд на Ллойд Джорджа и затем начинает улыбаться).—А если мы уже получили ответ?

Ллойд Джордж.—Я хотел бы видеть первоначальный приказ. Мы послали распоряжение Фошу. Мне неприятно говорить об этом предмете. Но у меня есть кое-какие сомнения. Я думаю, что Галлер не получал ясного распоряжения. Это в духе Фоша*. Следовало бы произвести расследование.

. . . .

Орландо.—Мне говорили, что редакционный комитет не получал инструкций относительно статей, подлежащих включению в договор с Австрией по вопросу о бывших австро-венгерских, чехо-словацких и других подданных, виновных в нарушении военных законов.

Вильсон.—Затруднение заключается в том, что австрийский договор не может обязать Чехо-Словакию.

---

* Вероятно, Ллойд Джордж имел в виду известный поступок Фоша, который вследствие неодобрительного, со своей стороны, отношения к условиям мира с Германией, к тому времени уже установленным французами, не отправил генералу Дюрану 17 апреля 1919 г. телеграмму о приглашении немцев, как это ему было поручено Клемансо от лица союзных и присоединившихся держав.

Орландо.—Чехо-словаки могут, однако, взять на себя обязательство предавать суду лиц, обвиняемых в нарушении этих законов.

Предложение принимается, и Четверо подписывают нижеследующее решение:

«Статьи 228 и 230 договора с Германией в части, касающейся лиц, обвиняемых в совершении актов, противоречащих законам и обычаям войны, относятся равным образом к правительствам государств, которым были переданы территории, принадлежавшие бывшей австро-венгерской монархии, если эти лица находятся на территории, состоящей в распоряжении вышеназванных государств.

В случае, если названные лица приобрели гражданство одного из этих государств, правительство каждого из них обязуется принять все необходимые меры для обеспечения предания их суду и наложения кары по требованию и по согласованию с заинтересованной державой».

Во время заседания я получаю переданную мне Скордией следующую телеграмму Ревéля, которую я тотчас же сообщаю Орландо:

«Для их превосходительств Орландо и Соннино. Ссылаясь на сообщения адмирала Грасси, имею честь высказать мое мнение относительно необходимости, с точки зрения морских интересов, безусловного и бесконтрольного владения нами городом Себенико и островами, простирающимися до Зары. Что касается урезанной Истрии и Фиуме, то всякий контроль над ними явился бы причиной новых великих страданий и унижения. Если того не требуют неизвестные мне политические соображения, соблюдение Лондонского договора было бы предпочтительнее компромиссов, которые впоследствии повели бы к большему нашему материальному ущербу и ослаблению нашего престижа.

Ревéль».

Заседание закрывается.

Сегодня вечером большой банкет в «Ритце», устраиваемый маркизом Солари. Итальянцы и португальцы. Кстати, о португальских колониях: обширные территории, огромные возможности для итальянской рабочей силы.

Суббота, 31 мая.

15 часов.—На Кэ д'Орсе, в зале Часов, пленарное закрытое (присутствует более 150 человек!) заседание с участием малых держав для «обсуждения» мирных условий с Австрией, которые будут вручены в понедельник.

Итальянская делегация, согласно расписанию мест, располагается за отведенным ей столом, поставленным в форме подковы, как раз напротив югославской делегации—Пашича, Трумбича, Веснича.

Клемансо сильно нервничает.

Братиану пытается что-то сказать по поводу статей о защите меньшинств, которые распространяются и на Румынию. Ллойд Джордж, обращаясь к Клемансо, бормочет недовольным тоном: «Этот сменной чудак*, который теперь так волнуется, вел себя иначе во время войны». Братиану выражает сожаление по поводу того, что обязательства о меньшинствах предусматриваются в отношении Сербии, Румынии, но не Италии. Ллойд Джордж говорит вполголоса: «Потому что евреев преследуют в Румынии, а в Италии их не преследуют». Клемансо отвечает Братиану нелюбезно, в отрицательном смысле. Говорят также Падеревский, Крамарж, Трумбич. Встает Вильсон и с присущим ему учтиво-докторальным и пресвитериански-догматическим красноречием советует малым державам согласиться с решением великих держав.

Тотчас же по окончании речи Вильсона Клемансо встает и говорит: «Нет ли других замечаний?» и, не дожидаясь ни одной секунды, объявляет: «Заседание закрывается».

Сегодня утром Вильсон послал в редакционный комитет личные инструкции об изъятии из трактата с Австрией пункта, касающегося Асслингского «треугольника». Как мне говорил Риччи Бузатти, комитет, разумеется, отказался принять их во внимание. На сегодняшнем пленарном заседании Вильсон переслал Орландо карандашную записку, в которой просил подписать, как это было уже сделано им, Клемансо и Ллойд Джорджем, приложенный к ней документ, содержащий инструкции редакционному комитету в вышеуказанном смысле. Орландо соглашается.

Во время заседания завязывается продолжительная беседа между Ллойд Джорджем и Венизелосом. Быть может, речь идет о греческих захватах в Малой Азии, о чем сообщалось в газетах.

Фош говорит мне, что в России белые вскоре займут Петроград. Финляндские войска движутся медленно из-за трудностей снабжения. Впрочем, они не должны вступать в Петроград без представительства союзников. Я спрашиваю его, не знает ли он чего-либо о Карнитии. Фош отвечает: «Мне ничего об этом неизвестно. Этот сектор находится не под моим командованием, и я им не занимаюсь».

Вильсон говорит Орландо, что южные славяне готовят и вечером вручат меморандум относительно проекта соглашения с Италией. Орландо отвечает, что соглашение следовало бы осуществить и опубликовать возможно скорее; только таким путем можно было бы избегнуть в Италии проявления слишком большого недовольства по поводу сделанных уступок, сведения о которых уже проникли в печать.

Бардзилаи нашел в итальянской корректуре вступления к мирному договору с Австрией, полученной утром, фразу:

---

*Ллойд Джордж сказал «d... fool».

«Принимая во внимание, что, благодаря свободному волеизъявлению народов бывшей австро-венгерской монархии, монархия эта в настоящее время перестала существовать...»

Бардзилаи негодует и выходит из себя. Этим, повидимому, хотят совершенно обесценить значение итальянской победы.

Говорю об этом генеральному секретарю Дютасте; он не знает, кому принадлежит эта фраза; извещаю об этом Орландо—он немедленно заявит об этом на заседании Четырех.

17 час. 30 мин.—После пленарного заседания заседание Четырех на Кэ д'Орсе в кабинете министра Пишона.

(Хэнки представляет различные документы, касающиеся принятых вчера и сегодня решений. Среди них имеется решение относительно изъятия из текста договора указания на Асслингский «треугольник», о чем просил Вильсон и получил согласие также от Орландо, кроме того, черновик письма, которое должно быть послано югославской делегации в Париже и сообщено по телеграфу союзным посланникам в Белграде для прекращения военных действий между южными славянами и австрийцами в Каринтии (утверждается); предложение великому визирю прислать турецкую делегацию в Париж и т. д.)

Орландо.—Обращаю внимание на следующую фразу, которая фигурирует во вступлении к мирному договору с Австрией:

«Принимая во внимание, что, благодаря свободному волеизъявлению народов бывшей австро-венгерской монархии, монархия эта в настоящее время перестала существовать...»

Свободное волеизъявление народов! Кто автор этого утверждения? Ясно, эти слова оскорбляют правду и итальянское общественное мнение. Они обесценивают роль итальянской армии.

Ллойд Джордж.—Я согласен на изъятие этой фразы также и потому, что фраза эта выражает непочтительное отношение к монархии *(английской)*.

(Выносится решение об изъятии цитированных Орландо слов.)

Орландо.—В том же вступлении сказано, что союзные и присоединившиеся державы признали Сербо-хорвато-словенское государство. Италия его не признала. Не помню, были ли редакционному комитету даны инструкции касательно этого вступления.

Вильсон.—Фразу можно было бы исправить следующим образом: «Так как большинство главных союзных и присоединившихся держав уже признало...» и т. д. Замечу, что Польша не включена.

Тем временем по требованию Клемансо в зал заседаний входит редакционный комитет. Фроманто, являющийся его членом, отмечает, что, когда по случаю вручения мирного трактата Германии были предъявлены и приняты верительные грамоты сербо-хорвато-словен, факт этот был сочтен равноценным признанию*.

Орландо.—Не настаиваю.

* Ср. стр. 223.

После краткого обсуждения выносится решение не вносить изменений в статьи мирного договора с Австрией, касающиеся прав меньшинств, вопреки тому, о чем только что просил Братиану на пленарном заседании конференции.

Входит Жюль Камбон, который предлагает внести изменения в статью договора с Австрией, касающуюся границ Чехо-Словакии, в соответствии с частью только что выдвинутых чехо-словацкой делегацией требований.

(Совет принимает предложение; главы правительств парафируют новую статью; Хэнки поручается препроводить ее в редакционный комитет.)

Камбон уходит. Входит Дютаста и вручает Клемансо письмо.

Клемансо.— Я получил письмо от главы австрийской делегации г. Реннера, который хочет поговорить со мной. Если будет на то согласие моих коллег, я предполагаю ответить ему, что было решено не вступать в устные переговоры, а сноситься с мирными делегациями лишь письменно, но что, однако, если г. Реннер желает послать мне конфиденциальное письмо, я могу взять на себя обязательство ознакомить с ним только четырех глав правительств.

(Собрание выражает свое согласие.)

Дютаста удаляется. Входит Тардье.

Предложение об отправке межсоюзнической комиссии в Сирию для расследования.

Клемансо.— Я не собираюсь посылать ни одного француза до тех пор, пока продолжается английская оккупация в Сирии.

Ллойд Джордж.—Равно как и я, если французы не пошлют.

Орландо.— Я поступлю так же.

Ллойд Джордж выражает Орландо живейшую радость по поводу принятого решения. Тогда Орландо начинает сомневаться в том, что он поступил правильно, тем более что это может не понравиться Вильсону.

Орландо.—Я хочу передать на утверждение моих коллег несколько поправок к финансовым статьям мирного договора с Австрией, уже подписанных итальянским, французским, английским и американским представителями в соответствующем комитете.

Вильсон.—Прежде чем дать свое согласие, я хотел бы получить кое-какие сведения.

В поздний час пришло известие, что южные славяне отвергли основы соглашения с нами*.

---

* 31 мая Хауз пишет (*Seymour*, op. cit., v. IV, p. 488): «У нас было совещание с южными славянами. Они сообщили нам о непринятии ими наших вчерашних предложений. Они назвали свой ответ «уступкой», но, как каждый из нас мог видеть, ответ этот означал, что через три года все далматинское побережье, Истрия и острова перейдут к Югославии.

Они подготовили тщательно разработанный план, по которому через три года путем плебисцита все, несомненно, перешло бы к ним. Они не оставили итальянцам ни малейшей возможности (loop-hole) победить. Когда я об этом сообщил президенту, он заявил, что они правы».

Воскресенье, 1 июня.

Сегодня у Вильсона большое оживление по поводу Клагенфуртской зоны.

Южные славяне, видимо, дали знать, что не примут участия в завтрашнем пленарном заседании, если вопрос о Клагенфурте не будет отложен или по крайней мере не будут приняты их пожелания о голосовании по общинам, а не всем блоком. Они знают, что в последнем случае результат голосования будет для них неблагоприятным. Вильсон, однако, заявляет, что он не согласен на дальнейшие изменения.

Вильсон подписывает только в 19 часов сегодня вечером финансовые статьи договора с Австрией, относительно которых говорил вчера Орландо и по которым Вильсон выдвинул оговорку.

За обедом сижу рядом с Коромиласом*. Он говорит, что Грецию неоднократно приглашали занять Смирну. Он полагает, что греки Додеканезских островов желают плебисцита. Я спрашиваю его об Айдыне. Отвечает: «Адмирал Калтори разрешил нам немедленно произвести оккупацию».

Понедельник, 2 июня.

Еду в автомобиле с Соннино в Сен-Жермен.

Молчание в течение всего пути.

Замок Сен-Жермен походит на крепость и местами на тюрьму. Часть замка в настоящее время отведена под геологический музей. Мне вчера рассказывали, что на стенах зала, в котором состоится вручение мирных условий, сделаны различные надписи, одна из которых, расположенная как раз напротив стола, за которым будут заседать австрийские делегаты, гласит: «Кости вымерших пород животных». Клемансо, приехав в замок, пожелал убедиться, все ли в порядке для заседания. Его спросили, не следует ли стереть эту надпись. «Нет,—ответил он,—она очень кстати в данном случае».

За подъемным мостом, по которому мы переходим пешком, на архитраве входного портала мое внимание привлекают два горельефа XVIII века, повидимому изображающие Победу и Славу.

Входим во двор. Среди орнаментов нахожу саламандру—символ Франциска I, реставрировавшего замок и пожелавшего, как мне говорили, придать двору форму греческой дельты, совпадающей с начальной буквой имени Дианы Пуатье.

Во дворе встречаемся с Фошем. Обращаясь к Соннино, он говорит с улыбкой: «*Вы приехали свернуть шею вашему врагу!*»

Соннино молчит.

В нижнем этаже при входе вижу изображения римских побед: триумфальные арки или колонны Траяна.

---

* Греческий посланник в Риме.

Поднимаемся по лестнице. В одной из комнат, через которую пройдут австрийские уполномоченные, рассматриваю оружие отдаленнейших времен, между прочим топор, состоящий из большого куска камня, вставленного в олений рог; дикие варварские орудия, которые связываются в моем представлении с оружием, которым наш враг пользовался в этой войне.

Вильсон опаздывает, как говорят, из-за автомобильной аварии или же из-за обращения к врачу. Югославские представители, поддержанные некоторыми союзными экспертами, настаивали сегодня утром перед Ллойд Джорджем и Клемансо на том, чтобы вопрос о Клагенфурте был отложен. Эти последние согласились. Орландо представляют документ, редактированный в этом смысле и подписанный Ллойд Джорджем и Клемансо. Орландо не возражает. Югославы возвращаются к Вильсону, который вопреки вчерашним своим заявлениям выражает согласие. Вопрос о Клагенфуртском бассейне и плебисците, таким образом, откладывается и не будет фигурировать в черновиках мирных условий, которые через несколько минут будут вручены австрийцам.

Церемония протекает примерно в том же порядке, как это имело место 7 мая в Версале при вручении мирных условий немцам, но в весьма смягченном тоне. Когда все союзники заняли свои места, вошли австрийцы. Справа от австрийской делегации находятся среди победителей югославские делегаты с Паничем и среди них Цоглер, который был министром императора Карла Габсбургского, чехо-словаки во главе с Бенешем и другие экс-австрийцы.

Клемансо встает и спокойно произносит:

«Господа представители Австрийской республики!

Союзные и присоединившиеся к ним державы поручили мне передать вам, если не полный текст проекта мирных условий, то по крайней мере готовые его части.

Имею честь сообщить вам, что при этом будет соблюдена следующая процедура: устные переговоры не будут иметь места, и ваши замечания должны быть представлены в письменном виде».

Ни одного намека об ответственности, о жестокостях войны или расплате, один лишь любезный, чисто формальный и процессуальный акт.

Так же поступает Реннер, стоя прочитывающий по-французски свой ответ с любезными улыбками и приветливыми поклонами.

«Дунайская монархия, с которой союзные и примкнувшие к ним державы находились в войне и с которой они заключили перемирие, перестала существовать. 12 ноября 1918 г. может считаться днем ее исчезновения».

Кажется, будто присутствующие здесь австрийцы ничего общего не имеют с войной, вызванной их страной.

«... Наша молодая республика... является лишь несчастной жертвой ужасающего преступления, содеянного в 1914 г. бывшими правительствами, но не народами...»

Реннер заключает свой ответ следующими словами:

«Мы знаем, господа, что вы—победители: вы нам продиктуете условия мира, и мы готовы лойяльно рассмотреть все ваши предложения, равно как и все советы, которые мы получим от вас...»

Так как обе речи переведены не только на английский, как было условлено, но и на итальянский язык, мне вручают листок с французским текстом, который был зачитан Реннером.

Я прочитываю его по-итальянски, не преминув отметить любопытные фонетические заметки, нанесенные карандашом в тексте, отпечатанном на машинке, с тем чтобы облегчить Реннеру произношение незнакомых ему французских слов.

В Версале союзные и неприятельские делегаты вышли в две различные двери, в те же двери, через которые они входили вначале. Дюгаста указал Клемансо, что таким же образом следовало бы поступить и в настоящем случае, но это не было принято во внимание.

При выходе Диаду и Орландо были поднесены цветы.

За завтраком Орландо выглядит бодрее, чем за последние дни. «Следует досрочно созвать палату»,—говорит он, но, повидимому, он не питает иллюзий и не обнаруживает желания остаться в составе правительства. Орландо продолжает: «Во всяком случае Реннер обеспечен. Из остального мы ничем не пожертвовали».

Соннино продолжает безмолвствовать. Его сомкнутые уста не произнесли ни единого слова о том, что сегодняшний день явился днем завершения его мысли, его трагической ответственности, пятилетнего непрерывного труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сен-Жермен-ан-Ле* — город во Франции в 19 километрах от Парижа, в котором 10 сентября 1919 г. был подписан договор между союзниками и Австрией.

[2] *Трианон*—один из дворцов Версаля. Здесь 4 июня 1920 г. был подписан договор между союзниками и Венгрией.

[3] *Августео*—большой концертный зал в Риме.

[4] Альдрованди уклоняется от передачи дискуссии, имевшей место на Парижской конференции, как по вопросу о Советской республике, так и по вопросу о польско-украинской войне. Между тем о взаимоотношениях Польши и Украины, о Галиции и т. д. Парижская конференция имела немало весьма интересных суждений и решений. В частности о польско-украинских отношениях и о польско-украинском перемирии (в 1919 г.) Рене Мартель в своей книге «La France et la Pologne» пишет следующее: «Антанта поручила генералу Бартелеми смягчить украинско-польские противоречия. Он

должен был установить modus vivendi и заключить перемирие, условия которого должны были затем служить базой для будущих переговоров. Генерал Бартелеми не скрывал от поляков своих симпатий. Он им обещал военную помощь Антанты. Кончил он предложением установить демаркационной линии, которая отдавала полякам Львов и нефтеносные районы. Заключенное перемирие было нарушено 5 февраля 1919 г.»

[5] *Партия христианских социалистов*—клерикально-буржуазная партия Австрии, отрицательно относившаяся к объединению Австрии с Германией.

[6] Имеется в виду провозглашение Германской империи в Версале 18 января 1871 г. Провозглашение Германской империи явилось одним из результатов разгрома Франции в франко-прусской войне 1870—1871 гг.

[7] 7 мая 1915 г. английский пассажирский пароход «Лузитания» на пути из Нью-Йорка в Ливерпуль был торпедирован германской подводной лодкой. Погибло больше тысячи человек, из которых больше ста являлись американскими гражданами. Последнее обстоятельство сильно способствовало подготовке общественного мнения страны к вступлению Соединенных штатов в войну.

[8] *Новая Гвинея*—крупнейший остров в Тихом океане. До первой мировой войны был поделен между Голландией, Англией и Германией. После войны германская часть Новой Гвинеи в виде мандата «С» была передана Австралии.

[9] *Колониальные мандаты*—система, введенная после первой мировой войны в отношении к бывшим германским колониям и владениям Турецкой империи. Номинально подмандатные территории объявлялись свободными, а фактически они перешли к странам-победительницам. Статья 22 устава Лиги наций делит мандаты на три категории: категория «А»—бывшие турецкие владения. Мандатарий ведает их внешней политикой и обеспечивает их защиту. По мандату «А» Сирия и Ливан отошли к Франции, Палестина, Трансиордания и Ирак—к Англии. Мандат «В» дает право на вмешательство и во внутреннее управление. В виде мандата «В» между Англией и Францией были распределены Того и Камерун (германские колонии в Центральной Африке). Мандат «С» ничем не отличается от колониального режима, и на основании такого мандата германские владения в Тихом океане были переданы Японии, а в Юго-Западной Африке—английским доминионам.

[10] *Камерун*—область в Центральной Африке, до войны принадлежала Германии, после войны в виде мандата поделена между Англией и Францией.

Того — бывшая германская колония в Западной Африке, поделенная между Францией (52 тыс. кв. *км*) и Англией (32,6 тыс. кв. *км*) в 1928 г.

[11] *Самоа*—острова в южной части Тихого океана. До войны два лучших острова—Савайя и Уполу принадлежали Германии, а остров Тутуила—Соединенным штатам. После войны эти острова от Германии перешли к Новой Зеландии.

[12] *Науру* — остров в Тихом океане, до войны принадлежал Германии, по Версальскому договору в виде мандата «С» был передан Британской империи.

[13] *Германские владения к северу от экватора—Марианские, Маршальские* и *Каролинские* острова, отошедшие по Версальскому договору в виде мандата «С» к Японии.

[14] *Зона Марбурга* и *Клагенфурта.*—По Сен-Жерменскому договору союзников с Австрией зона Марбурга отходила к Югославии. Вопрос о принадлежности Клагенфурта решался плебисцитом 10 октября 1920 г. Австрия получила большинство голосов, и Клагенфурт был оставлен за нею. Югославия отказалась признать это решение и оккупировала зону Клагенфурта, но под давлением союзников была вынуждена вывести свои войска. Зона Клагенфурта осталась за Австрией.

[15] В Версальский договор и в сопутствующие ему договоры включена статья, в силу которой «германское (австрийское, венгерское и т. д.) правительство признает за союзными и присоединившимися державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны». Далее статья заключала в себе обязательство выдачи германским правительством лиц, к которым будут предъявлены подобные обвинения, для суда над ними в одной из союзных стран.

[16] В текст Версальского договора была включена статья 227, в которой было сказано: «Союзные и присоединившиеся державы предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров. Специальный суд будет образован, чтобы судить обвиняемого, обеспечив ему существенные гарантии права защиты.

Он будет состоять из пяти судей, назначенных каждой из пяти следующих держав, а именно: Соединенными штатами Америки, Великобританией, Францией, Италией и Японией... Союзные и присоединившиеся державы обратятся к правительству Нидерландов с просьбой о выдаче бывшего императора в их руки для того, чтобы он был судим».

Вильгельм II, как известно, никогда судим не был. Верховный совет союзников обратился к правительству Нидерландов с просьбой о выдаче Вильгельма, но правительство Нидерландов отказало в этом.

[17] *Тридентский (Тридентский) вселенский собор*—созван был 15 марта 1545 г. папой Павлом III. Этот собор заседал с перерывами до 1563 г. Таким образом, Ллойд Джордж, говоря о том, что этот собор заседал 43 года, ошибался, ибо собор заседал лишь 18 лет.

[18] *Бреннер*—горный проход в Тирольских Альпах, на границе Австрии с Италией, до войны принадлежал Австро-Венгрии; по Сен-Жерменскому мирному договору Бреннер отошел к Италии.

[19] *Триест* и *Пола*—города в Истрии; по Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. они перешли от Австрии к Италии.

[20] Вопрос о Смирне был предметом острых контроверз как во время войны, так и после нее. По соглашению 1917 г., заключенному путем обмена нот в Лондоне и Париже, Смирна передавалась Италии с обязательством учредить в Смирне порт-франко, поскольку то касается торговли Франции, ее колоний и протектората, а также торговли Великобритании и зависимых от нее областей. На Парижской мирной конференции Греция также заявила свои претензии на Смирну. Союзники приняли сторону Греции и дали согласие на оккупацию Смирны греческими войсками. Не ограничившись Смирной, греческие войска стали расширять оккупационную зону. В июле 1919 г. Италия в секретном договоре между ее послом в Константинополе Титтони и греческим премьером Венизелосом признала Смирну за Грецией в обмен на признание итальянских притязаний на Албанию (кроме южной части) и на южную часть Анатолии. Севрский договор 10 августа 1920 г. оставлял Смирну с хинтерландом (территория на 100 километров в глубь Малой Азии) под суверенитетом Турции, которая передавала «осуществление своих прав суверенитета над Смирной и хинтерландом» (статьи 65—83) Греции. В сентябре 1922 г. турецкие войска разгромили греческую армию и заняли Смирну. На Лозаннской конференции 1923 г. державы вынуждены были признать Смирну за Турцией.

[21] *Кавалла*—город в восточной Македонии (Греция), расположенный на берегу одноименного залива Эгейского моря.

[22] *Скаланова* (по-турецки—Куш-Адази, по-гречески—Неа Эфеос)—населенный пункт в Турции, в 60 километрах от Смирны (Измира). В 1919 г. был оккупирован греками. По Севрскому договору в 5 километрах от Скалановы проходила граница Смирны с хинтерландом, которые отходили к Греции. В настоящее время Скаланова принадлежит Турции.

[23] *«Блистательная Порта»* — официальный титул турецкого правительства.

[24] *Адалия*—провинция с одноименным портом на юге Турции. По соглашению 1917 г. Адалия была включена в итальянскую зеленую зону. Однако после войны Адалия осталась за Турцией.

[25] Имеется в виду недействительность договора вследствие выхода России из лагеря воюющих держав.

[26] *Граница 1867 г. между Австрией и Венгрией* была установлена после создания дуалистической австро-венгерской монархии в феврале 1867 г. По Сен-Жерменскому договору от 10 сентября 1919 г. австро-венгерская граница была изменена. К Югославии отошла Словения, в результате чего перестала существовать часть границы от Фиуме до Раткерсбурга. На севере часть территории, по которой проходила граница, была передана Чехо-Словакии. Центральный отрезок австро-венгерской границы (от Раткерсбурга до Пресбурга) был изменен незначительно. Лишь часть западной Венгрии в районе озера Нейзидлер-Зее перешла от Венгрии к Австрии.

[27] *Парижский трактат 1856 г.*—мирный договор, подписанный в результате Крымской войны между Россией, с одной стороны, и Англией, Францией, Австрией, Пруссией, Сардинией и Турцией—с другой. По условиям договора Россия лишалась части южной Бессарабии, отошедшей к Молдавии; России не разрешалось держать в Черном море военный флот. Береговые укрепления России и Турции уничтожались. Гарантировались независимость и целостность Турции. Сербия получала самоуправление, но оставалась под властью Турции. По Дунаю устанавливалось свободное плавание под контролем международной комиссии. Следствием Парижского трактата было ослабление влияния России в Европе и в частности на Балканском полуострове.

[28] *Договоры 1917 г. о Малой Азии.*—На совещании в Сен-Жан-де-Морьен (Савойя) в апреле 1917 г. союзники обещали Италии огромную территорию от Смирны до Мерсины. Одновременно подтверждался заключенный в мае 1916 г. договор Сайкс—Пико (названный так по имени подготовивших его дипломатов) о разделе азиатских владений Турции на французскую (синюю) и английскую (красную) зоны. К Франции отходила Киликия (в Малой Азии), побережье Сирии, часть Армении и Курдистана. Англия получала Междуречье от Персидского залива до Багдада. Окончательно раздел Оттоманской империи был утвержден в августе 1917 г. в форме обмена меморандумами между Лондоном, Парижем и Римом. Кроме раздела территорий, был произведен раздел на сферы влияния Франции (зона «А»—Сирия), Англии (зона «В»—Месопотамия), Италии (зона «С»—область к северу от зеленой зоны). Осуществление итальянских требований было обусловлено согласием России. На Парижской и Севрской мирных конференциях Англия и Франция отказали Италии в ее притязаниях на территории в Малой Азии.

[29] *Гарантийные пакты* между Францией, с одной стороны, Англией и Соединенными штатами—с другой, были подписаны 28 июня 1919 г., во время Парижской мирной конференции. Англия и Соединенные штаты взяли на себя обязательство выступить на стороне Франции в случае нападения на нее Германии. Американский сенат не ратифицировал гарантийный пакт, как и Версальский договор в целом. На этом основании английское правительство также отказалось от этого пакта.

[30] Черногория как самостоятельное государство перестала существовать во время первой мировой войны. Еще в начале января 1916 г. под натиском австро-венгерских войск Черногория вынуждена была капитулировать, но в дальнейшем продолжала воевать на стороне Антанты. Ряд оппозиционных деятелей, живших в эмиграции в Швейцарии, образовали черно-

горский национальный совет и в 1917 г. присоединились к декларации южных славян об образовании единого государства сербов, хорватов и словен, позднее переименованного в Югославию. После распада Австро-Венгрии сербские войска заняли Черногорию и собравшаяся в Подгорице скупщина (парламент) 26 ноября 1918 г. постановила объявить черногорскую королевскую династию низложенной и войти в состав единого Югославского государства. Таким образом, к моменту Парижской мирной конференции Черногория формально как независимое государство не существовала. Бывший черногорский король Николай протестовал против недопущения черногорского представительства на конференцию. Но эти протесты ни к чему не привели.

[31] *Конвенция о труде* является частью Версальского договора. При Лиге наций была создана Международная организация труда, состоявшая из общей конференции и Административного совета. Последний состоял из 24 членов: 12 представителей правительств, 6 представителей предпринимателей и 6 представителей служащих и рабочих. Международное бюро труда должно было публиковать информацию о реорганизации труда, посредничать между рабочими организациями и правительствами и проводить специальные обследования. Деятельность Международного бюро труда почти не дала никаких результатов. Заключительная часть конвенции содержала меры, которые должны были быть проведены немедленно: введение 8-часового рабочего дня, еженедельный день отдыха, право союзов предпринимателей и рабочих, отмена детского труда и т. д.

[32] *Corpus separatum* (лат.)—буквально: «отдельное тело». В данном случае: обособленный (т. е. самостоятельный) государственно-политический организм.

[33] В приложении 3 к статье 196 Сен-Жерменского договора на Австрию возлагается обязанность вернуть Польше золотой кубок короля Владислава IV, попавший в Вену после первого раздела Польши в 1772 г.

[34] Речь, повидимому, идет о наступательных операциях Деникина весной 1919 г., когда им был захвачен Луганск и часть Донбасса.

[35] *Халифат*—термин, обозначающий главенство (религиозное) турецкого султана над мусульманским миром. Упразднение халифата было произведено Великим национальным собранием Турции 3 марта 1924 г.

[36] Во время обсуждения на Парижской мирной конференции вопроса о создании Лиги наций поднимался также вопрос о принятии в Лигу папы римского. Этот вопрос встретил серьезные затруднения прежде всего потому, что по уставу Лиги в нее входили лишь независимые государства. Принятие папы в Лигу как бы узаконяло светскую власть Ватикана, и это обстоятельство вызывало отрицательное отношение итальянского правительства, которое с 1870 г. не находилось в дипломатических отношениях с Ватиканом. Вот почему Орландо в разговоре с епископом Чикаго Келли определенно заявлял, что папа не может быть принят в Лигу без согласия Италии.

[37] Италия заняла Родос во время итало-турецкой войны 1911—1912 гг.

[38] *Санджак* и *каза*—название административных единиц в Турции.

[39] Речь идет о предложении Нансена (3 апреля 1919 г.) Совету Четырех организовать комиссию для помощи России продуктами питания и лекарствами. 17 апреля Вильсон, Орландо, Ллойд Джордж и Клемансо в своем ответе Нансену заявили, что эти благотворительные начинания могут быть выполнены лишь при условии «прекращения всех враждебных действий на русской территории».

В ответе советского правительства 7 мая 1919 г. выражалась благодарность Нансену «за выраженный... теплый интерес к благополучию

русского народа». Одновременно НКИД заявлял: «Мы всегда были готовы вступить в мирные переговоры и теперь готовы на это в равной мере, как и раньше. Мы будем рады начать обсуждать эти вопросы, но, конечно, непосредственно с другими воюющими, т. е. с присоединившимися правительствами... Но для нас, конечно, невозможно сделать какие-либо уступки... под маской будто бы гуманитарной работы. Последняя должна оставаться чисто гуманитарной и не политической, и в этом смысле мы будем приветствовать любое предложение с вашей стороны, сделанное нам в духе нашего письма, полученного вами Совету Четырех 3 апреля».

Все сказанное говорит о том, что запись Альдрованди неверна, ибо речь шла не о предложении Ленина—Нансена, а о предложении Нансена и ответе советского правительства.

[40] Очевидно имеется в виду редакция статута Фиуме.

[41] Италия объявила войну Германии 28 августа 1916 г.

[42] Речь идет о ноте Верховного совета союзников на имя адмирала Колчака от 26 мая 1919 г. В этой ноте союзники требовали от Колчака ряда «демократических гарантий» как условия оказания ему помощи против советской власти. В числе этих «гарантий» был созыв учредительного собрания на основании свободных выборов, признание независимости Финляндии и Польши, признание гражданской и религиозной свободы, присоединение России к Лиге наций и т. д. Ответ Колчака удовлетворил Верховный совет союзников, который 12 июня 1919 г. выразил готовность «оказывать адмиралу Колчаку и тем, кто с ним объединился, помощь, указанную в основном письме».

[43] *«Немецкая Австрия»*—до 1918 г.—обычное обозначение населенных немцами альпийских частей Австрии и судетских немецких округов Чехии, Моравии и Австрийской Силезии. 12 ноября 1918 г., после распада Австро-Венгрии, эти области образовали республику «Немецкую Австрию» (108 000 кв. *км*, 10 млн. населения), сильно урезанную в дальнейшем Сен-Жерменским договором.

[44] *«Великий визирь»*—титул председателя совета министров в докемалистской Турции.

[45] Имеется в виду игра слов с именами Пуанкаре и Клемансо. Если разложить слово «Пуанкаре» на два слова, то получится — «point» и «carré», что по-русски можно было бы перевести как нелояльный. Что же касается «Клемансо», то это слово состоит из двух слов «clément» (милосердный) и «sot» (глупый). Намекая на эту игру слов, Клемансо в разговоре подчеркивал, что он не милосердный и не глупый.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абдул-Гамид II (1842—1918)—султан бывшей Оттоманской империи; прозван «кровавым султаном» за жестокий террор против сторонников конституционных реформ. При нем Оттоманская империя окончательно превратилась в полуколонию империалистических держав. На престоле находился с 1876 по 1909 г., когда был низложен революцией, возглавляемой партией «Единение и прогресс»—67.

Абрагам (Abraham), Эдгар — секретарь комиссии по югославским делам Парижской конференции—344.

Аварна (Avarna), Джузеппе (1843—1916), герцог—итальянский дипломат. Начал свою карьеру в 1866 г. дипломатическим атташе в Париже, был в дальнейшем итальянским посланником последовательно в Белграде, Афинах, Берне, а с 1902 по 1916 г.—послом в Вене. Значительно содействовал возобновлению в 1912 г. Тройственного союза между Германией, Австро-Венгрией и Италией. В 1914—1916 гг. был сторонником немедленного выступления Италии на стороне Германии и Австро-Венгрии—10—12, 14—16, 19—21, 23, 27, 28, 30, 32, 35, 37, 55.

Ага-хан (род. в 1875 г.)—один из лидеров индийских мусульман. Член индийской делегации на Парижской конференции, неоднократно бывал первым делегатом Индии на ассамблеях Лиги наций—279.

Александра Федоровна (1872—1918)—жена Николая II, бывшая гессенская принцесса. Возглавляла наиболее реакционные группы при дворе—69, 83.

Алексеев, Михаил Васильевич (1857—1918)—в империалистическую войну был начальником штаба верховного главнокомандующего, в дальнейшем—верховным главнокомандующим Временного правительства и начальником штаба Керенского. После смерти Корнилова стоял во главе контрреволюционной «добровольческой армии»—83.

Алигьери (Alighieri), Данте (1265—1321)—величайший итальянский поэт, автор «Божественной комедии» и других произведений. В результате активного участия в политической борьбе партий был изгнан в 1300 г. из своего родного города Флоренции и до конца жизни оставался в изгнании—181.

Альфан (Alphand), Шарль (род. в 1879 г.)—французский дипломат; финансовый эксперт на Парижской конференции; участвовал в качестве французского делегата на Гаагской конференции 1922 г. В 1933—1936 гг. был послом в Москве, затем послом в Берне—316.

Альфиери (Alfieri), Витторио (1863—1918)—итальянский генерал. В 1915—1916 гг. был главным интендантом итальянской армии, в 1917—1918 гг.—военным министром—99, 105, 108, 109, 114, 117.

Альфонс (Alfonso) *XIII* (1886—1941)—последний испанский король, бежал из Испании после свержения монархии и провозглашения республики в 1931 г.—98, 100.

Амелио—см. *Д'Амелио*.

Аннунцио—см. *Д'Аннунцио*.

Асквит (Asquith), Герберт-Генри (1852—1928), лорд—один из вождей либеральной партии Англии. Членом парламента стал с 1886 г., в дальнейшем занимал министерские посты: премьер-министр с 1908 по 1916 г. В 1916 г. был заменен Ллойд Джорджем, сформировавшим собственное правительство—49, 50, 52, 57.

Б

Бадольо (Badoglio), Пьетро (род. в 1871 г.)—маршал, участвовал в войнах ливийской и первой мировой. Направлялся в 1921 г. с чрезвычайными поручениями в Соединенные штаты и Румынию; в 1924—1925 гг. был послом в Бразилии. В дальнейшем занимал посты начальника генерального штаба и губернатора Ливии (1928—1933). Главнокомандующий итальянской армией в Абиссинии с конца 1935 г.; завершил в 1936 г. завоевание страны. Получил титул герцога Аддис-Абебы. В декабре 1940 г. вследствие неудачных военных операций в Греции смещен с поста главнокомандующего итальянской армией. Вплоть до июля 1943 г. находился не у дел. Вокруг Бадольо в течение последних двух лет фашистского режима группировались военные элементы, оппозиционно настроенные по отношению к Муссолини. После падения Муссолини Бадольо получил пост главы правительства. 3 сентября 1943 г. он подписал капитуляцию Италии, а 13 октября 1943 г. Бадольо объявил войну Германии—130.

Бальфур (Balfour), Артур-Джемс (1848—1930)—один из лидеров консервативной партии, депутат парламента с 1874 г. Занимал неоднократно министерские посты; в 1902—1905 гг. возглавлял консервативный кабинет. В 1915—1919 гг. входил в коалиционные кабинеты Асквита и Ллойд Джорджа в качестве морского министра и министра иностранных дел. Член английской делегации на Парижской конференции и глава ее на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг.—59, 98, 101, 140, 143, 145—149, 161, 163, 187—189, 193, 194, 215, 232—234, 240—242, 247, 248, 257, 258, 275, 289, 295, 346.

Бардзилаи (Barzilai), Сальваторе (род. в 1860 г.)—видный итальянский политический деятель и адвокат. С 1904 по 1915 г.—председатель итальянской ассоциации печати. В 1915—1916 гг. входил в кабинет Саландры в качестве министра освобожденных земель; член итальянской делегации на Парижской мирной конференции—158, 172, 177, 196, 200, 212, 213, 244, 290, 313, 318, 335, 337, 351.

Барж, Петр Львович—царский министр финансов во время первой мировой войны (1914—1916), преемник Коковцева. Его переговоры с союзниками были неудачны и способствовали выкачиванию из России золотого запаса—63, 72, 79.

Баррер (Barrère), Камилл (род. в 1851 г.)—французский дипломат. Долголетний посол Франции в Риме (с 1897 по 1925 г.). Играл большую роль в деле вовлечения Италии в первую мировую войну на стороне союзников. Член французской делегации на Генуэзской конференции—87, 89, 94, 106, 107, 123—125, 136, 216, 241, 243, 313, 320, 321.

Барух (Baruch), Бернард (род. в 1870 г.)—американский экономист, эксперт на Парижской конференции—298, 316.

Беляев—русский военный министр перед Февральской революцией—63, 81.

Бенедикт (Benedetto) *XV* (1852—1922)—римский папа с 1914 по 1922 г.; во время первой мировой войны выступал неоднократно с предложением посредничества между воюющими странами—87, 93.

Бенеш (Beneš), Эдуард (род. в 1884 г.) — руководящий деятель чехо-словацкого освободительного движения. В 1918 г. занял пост министра иностранных дел во временном чехо-словацком правительстве и оставался на этом посту до 1935 г., когда был избран после смерти Масарика президентом Чехо-Словакии. Фактический организатор Малой Антанты. Эмигрировал за границу вскоре после заключения Мюнхенского соглашения. После начала второй мировой войны снова принял звание президента Чехо-Словацкой республики и возглавил правительство Чехо-Словакии, находящееся временно в Лондоне. В мае 1935 г. был в Москве. В ноябре 1943 г. во время пребывания Бенеша в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехо-Словацкой республикой. Бенеш является автором ряда научных трудов—275, 317, 322, 358.

Бенкендорф, А., граф—русский посол в Лондоне с 1903 по 1917 г.—53, 54.

Бертело (Berthelot), Филипп (1866—1934) —французский дипломат. В годы первой мировой войны входил в кабинет Бриана; на Парижской конференции был французским секретарем Совета десяти; в 1920 г.—генеральный секретарь министерства иностранных дел. Впоследствии был замешан в спекуляциях, отстранен из министерства иностранных дел и отдан под суд, затем амнистирован и снова возвращен на пост генерального секретаря министерства иностранных дел—58, 140, 322.

Берти оф Тэм (Bertie of Thame), лорд—был британским послом в Париже с 1914 по 1919 г.—25, 142.

Бертолини (Bertolini), Пьетро (1859—1920)—итальянский политический деятель. Занимал министерский пост в 1907—1909 гг.; в 1912—1914 гг.—министр колоний. Был крайним приверженцем Тройственного союза—241.

Берхтольд (Berchthold), Леопольд (род. в 1863 г.), граф—крупный политический деятель австро-венгерской монархии. Был послом в Петербурге (1906—1911), а затем министром иностранных дел (1912—1915); сторонник военных действий против Сербии, которой предъявил знаменитый ультиматум от 23 июля 1914 г.—16, 18—21, 23—25, 29, 31, 41.

Бианкери (Biancheri), Аугусто (род. в 1871 г.) — личный секретарь Сан-Джулиано и Соннино (1910—1919); в последнее время—начальник управления в министерстве иностранных дел—33.

Биканирский магараджа (род. в 1880 г.), по имени Ганга Синх (Ganga Sinh)—находился во время первой мировой войны на военной и дипломатической службе Англии. На Парижской мирной конференции представлял индийские государства—279.

Бисмарк (Bismarck), Отто (1815—1898), князь—прусский премьер-министр с 1862 г. и первый канцлер Германской империи с 1871 по 1890 г.—269.

Биссолати (Bissolati), Леонида (1857—1926)—один из лидеров итальянского реформизма, первый редактор органа итальянской социалистической партии «Avanti», сторонник итало-турецкой войны 1911 г. Во время первой мировой войны—социал-шовинист; министр в кабинетах Боселли и Орландо в 1916—1918 гг.—34, 88, 89, 95, 97, 109, 105, 131, 132, 135, 181.

Блисс (Bliss), Таскер-Хауард (1853—1930)—американский генерал, в 1917 г. начальник генерального штаба Соединенных штатов; член Высшего военного совета союзников и делегат Соединенных штатов на Парижской конференции—156, 307, 309, 310, 313.

Боселли (Boselli), Паоло (1839—1932)—крупный итальянский государственный деятель. Входил в качестве министра в кабинеты Криспи (1888—1896) и Соннино (1906). Премьер-министр в 1916—1917 гг.; в августе 1916 г. объявил войну Германии—5, 88, 90—92, 94—96, 130.

Болдини (Boldini), Джованни (1789—1872)—итальянский художник—191.

Боллати (Bollati), Риккардо (род. в 1858 г.)—генеральный секретарь итальянского министерства иностранных дел в 1908—1912 гг.; в 1912—1915 гг.—итальянский посол в Берлине; в 1920—1922 гг.—председатель комиссии по иностранным делам сената—12, 21, 26.

Бонар Лоу (Bonar Law), Эндрю (1858—1923)—лидер английской консервативной партии. Входил в коалиционные кабинеты Асквита и Ллойд Джорджа, был членом английской делегации на Парижской конференции. После отставки Ллойд Джорджа в 1922 г. стал премьер-министром—56.

Бони (Boni), Джакомо (1859—1925)—известный итальянский археолог и архитектор—96, 97.

Бонин Лонгаре (Bonin Longare), Лелио (род. в 1859 г.), граф—итальянский посол в Брюсселе, Мадриде (1904—1917), а с 1917 по 1921 г.—в Париже—98, 100, 136, 223—225, 247, 347, 348.

Боргезе (Borghese), Ливио, князь—поверенный в делах Италии в Лондоне—94.

Брайс (Bryce), Джемс (1838—1922), лорд—британский посол в Соединенных штатах (1907—1913)—347.

Брамбилла (Brambilla), Джузеппе—советник итальянского посольства в Париже—187, 284, 296.

Братиану, Ион (1864—1927)—румынский государственный деятель, вождь либеральной партии; министр иностранных дел в 1897—1899 гг. и в 1901—1904 гг.; неоднократно премьер-министр. В 1915 г., будучи премьер-министром, втянул Румынию в войну на стороне союзников; после заключения сепаратного мира с немцами в январе 1918 г. вышел в отставку. Снова пришел к власти в конце 1918 г. и сохранял ее с небольшими перерывами до 1927 г.—64, 68, 349, 354, 356.

Бриан (Briand), Аристид (1862—1932)—крупный французский политический деятель. С 1911 по 1929 г. 12 раз возглавлял кабинет министров и 20 раз был министром иностранных дел. Играл крупнейшую роль в международной политике послевоенного периода; активно участвовал в заключении Локарнского договора, пакта Келлога и других международных договоров. Автор плана «пан-Европы». На президентских выборах 1932 г. потерпел поражение—57, 58.

Брокдорф-Ранцау (Brockdorff-Rantzau), Ульрих (1869—1928), граф—во время первой мировой войны—посланник в Дании, после революции 1918 г.—министр иностранных дел Германии. Возглавлял первую германскую делегацию на Парижской конференции. После ультимативного требования союзников безоговорочно подписать разработанный ими мирный договор Брокдорф-Ранцау, считая условия неприемлемыми, покинул мирную конференцию и ушел в отставку. С 1922 по 1928 г. был германским послом в Москве—230—232, 235, 238, 248, 264, 276, 277, 294, 295, 297, 303.

Броун Скотт (Brown Scott), Джемс (род. в 1866 г.)—американский профессор международного права. Участвовал в качестве юридического консультанта на Гаагской конференции мира 1907 г. и на Парижской конференции 1919 г.—330.

Буржуа (Bourgeois), Леон (1851—1925)—французский государственный деятель. Член палаты депутатов с 1888 г.; занимал многократно министерские посты в период 1889—1919 гг.; представлял Францию на Гаагской конференции мира в 1899 г. Во время первой мировой войны—министр без портфеля (1915—1916) и министр труда (1917). Один из авторов проекта устава Лиги наций, председатель французского сената. С момента образования Лиги наций являлся в ней представителем Франции—87, 92.

Буриан (Burian), Стефан, барон—австро-венгерский дипломат и государственный деятель. В 1915—1916 гг. и с апреля по октябрь 1918 г.—министр иностранных дел Австро-Венгрии—55.

Бьюкенен (Buchanan), Джордж (1854—1924)—английский посол в России с 1910 по 1918 г. Оказывал сильное влияние на внешнюю политику царского и Временного правительств. Накануне Февральской революции настаивал перед Николаем II на реформах. Временному правительству открыто диктовал волю английского империализма. Наступление 18 июня 1917 г. было предпринято Керенским под давлением Бьюкенена. После Октябрьской социалистической революции был одним из вдохновителей вооруженной интервенции. В 1919—1921 гг. был английским послом в Риме—60, 61, 63.

Бэкер (Baker), Рей-Стеннард (род. в 1870 г.)—американский журналист, директор прессбюро американской делегации на Парижской конференции, автор ряда книг о Вильсоне и Парижской конференции — 7, 216, 223, 255, 285, 296, 344, 346.

Бюлов (Bülow), Бернгард (1849 — 1929), князь—германский государственный деятель и дипломат. В 1888 г. назначен посланником в Румынии, в 1894 г.—послом в Риме. С 1897 г. был статс-секретарем по иностранным делам, а с 1900 по 1909 г.—рейхсканцлером; в начале первой мировой войны был послан в Рим для переговоров с итальянским правительством. Переговоры не дали результатов —27, 33, 185.

В

Ваннуттелли Рей (Vannuttelli Rey), Луиджи (род. в 1880 г.), граф—во время первой мировой войны был советником итальянского посольства в Париже, участвовал в работах Парижской конференции, а затем в ряде комиссий по выполнению мирных договоров—241, 304, 343, 344.

Вебер-фон-Вебенау (Weber v. n Webenau), Виктор—австрийский генерал—144.

Вейган (Weygand), Максим (род. в 1867 г.)—французский генерал, начальник штаба и ближайший сотрудник Фоша в первую мировую войну; с ноября 1917 г.—член Высшего военного совета союзников. В 1920 г. был командирован в Польшу в качестве советника Пилсудского и фактически руководил операциями польской армии против советских военных сил. В послевоенный период занимал ряд высоких постов: верховного комиссара Сирии, начальника генерального штаба и др. Военный министр в кабинете Рейно летом 1940 г.—109, 149, 244.

Венизелос (Venizelos), Элевтерий (1864—1936)—крупный государственный деятель Греции, многократно бывший министром и премьер-министром. Один из инициаторов балканских войн 1912—1913 гг. В июне 1917 г., после десанта союзников в Афинах и изгнания ими короля Константина, Венизелос возглавляет правительство и объявляет в йну центральным державам. Возглавлял греческую делегацию на Парижской конференции. После некоторого перерыва вновь пришел к власти в 1922 г. и осуществлял фактическую диктатуру в Греции до своего поражения на выборах 1932 г. После неудачной попытки военного переворота бежал за границу в 1935 г.—18, 145, 147, 153, 255, 257, 285, 286, 289, 291—295, 317, 354.

Веснич (Vesnič), Миленко (1863—1921)—сербский государственный деятель. После балканской войны 1912 г. был делегатом на Лондонской мирной конференции; представлял Югославию на Парижской конференции. Один из создателей Сербо-хорвато-словенского государства (Югославии)—145—152, 160, 353.

Вивиани (Viviani), Рене (1863—1925)—французский государственный деятель. Входил в социалистическую партию, но вышел из нее в 1905 г. и занимал министерские посты в ряде правительств. Премьер-министр в 1914—1915 гг. и министр юстиции в 1915—1917 гг. После войны представлял Францию в Лиге наций, а также на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг.—57.

Вид (Wied), Вильгельм (род. в 1876 г.)—принц из мелкого немецкого княжеского рода. В 1913 г. после образования Албанского княжества стал князем Албании. В начале первой мировой войны вынужден был бежать из Албании (4 сентября 1914 г.)—16, 29.

Виктор-Эммануил (Vittorio Emanuele) *III* (род. в 1869 г.)—король Италии с 1900 г. Содействовал вступлению Италии в первую мировую войну на стороне союзников. После захвата в 1936 г. Абиссинии принял титул императора Абиссинии—86—89, 92, 97, 105, 117, 130, 132—134, 136, 146, 199.

Вильгельм (Wilhelm) *II* (1859—1940) — последний германский император (1888—1918). После отставки Бисмарка (1890) «стал своим собственным канцлером». Проводил крайне агрессивную внешнюю политику, вызвавшую взрыв первой мировой войны. После военного краха Германии и ноябрьской революции бежал за границу (в Голландию). Им написаны «Мемуары (События и люди. 1878—1918)»—19, 27, 70, 242.

Вильсон (Wilson), Генри (1864—1922)—английский генерал, впоследствии фельдмаршал. С 1918 г.—начальник английского генерального штаба. Занимал резко антиирландскую позицию; 22 июня 1922 г. был убит ирландскими националистами—59, 61, 109, 111, 118, 126—128, 130, 132, 135, 156, 223, 234, 255, 265, 297.

Вильсон (Wilson), Томас-Вудро (1856—1924)—президент Соединенных штатов в 1913—1921 гг. Был одним из творцов Версальского и связанных с ним мирных договоров, а равно и устава Лиги наций—6—8, 42, 122, 140—145, 149—151, 159—166, 169, 171, 174—181, 183—216, 220—229, 232—250, 252, 253, 255—277, 279, 280, 282, 284—300, 303—305, 309, 310, 313—317, 320—324, 326—351, 354—358.

Витте, Сергей Юльевич (1849—1915), граф—царский министр финансов в 1892—1906 гг. Принимал выдающееся участие в заключении Портсмутского договора 1905 г. с Японией, после чего получил пост премьер-министра и титул графа. Автор манифеста 17 октября 1905 г.—65.

Волконский, П., князь—чиновник царского министерства иностранных дел—62.

Вольтер (Voltaire), Франсуа-Мари (1694—1778)—знаменитый французский писатель и философ—60.

Г

Галлер (Haller), Иосиф (род. в 1873 г.)—бывший польский генерал и реакционный политический деятель. В 1918 г. командовал «польской армией во Франции», затем перешел со своими дивизиями в Польшу и руководил захватом восточной Галиции. Во время приближения Красной армии к Варшаве (1920 г.) был командующим польским северным фронтом—351.

Ганото (Hanotaux), Габриэль (род. в 1853 г.)—французский историк и политический деятель. Был министром иностранных дел в период 1895—1898 гг.; энергично содействовал заключению франко-русского союза. Во время первой мировой войны выполнял ответственные дипломатические поручения—341.

Гаррони (Garroni), Камилло, маркиз—итальянский посол в Константинополе в 1911 г. Был представителем Италии на Лозаннской конференции в 1922 г.—29.

Гаспарри (Gasparri), Пьетро (1852—1934)—кардинал, ватиканский дипломат. Был назначен статс-секретарем Ватикана папой Бенедиктом XV в 1914 г. и оставался на этом посту до 1931 г. Большую дипломатическую актив-

ность проявлял в период первой мировой войны, несколько раз менял свою ориентацию в пользу той или другой воюющей стороны—94, 95.

Гвиччардини (Guicciardini), Франческо (1851—1915), граф—был дважды министром иностранных дел в кабинетах Соннино—241.

Гвиччардини (Guicciardini), Франческо (1483—1540)—известный итальянский историк и политический деятель во Флоренции. В 1512 г. ездил с дипломатической миссией к испанскому королю Фердинанду. В своем главном труде «История Италии» и других работах верно отразил особенности политического быта эпохи—8.

Генрих (Henri) *III* (1551—1589)—король Франции (1574—1589). Опасаясь влияния и соперничества герцога Гиза, он заманил его в свой замок в Блуа, где герцог и был убит—177.

Георг (George) *V* (1865—1936)—английский король с 1910 по 1936 г., сын Эдуарда VII—92, 93, 99.

Гиз (Guise), Генрих (1550—1588), герцог—вождь Священной лиги и один из организаторов Варфоломеевской ночи. Был убит по приказу Генриха III—177.

Гимане (Hymans), Поль (род. в 1865 г.)—бельгийский государственный деятель и дипломат; в 1915—1917 гг. был послом в Англии. На Парижской конференции был представителем Бельгии; после войны — министр иностранных дел (1924—1925, 1927) и представитель Бельгии в Лиге наций. Участвовал на многих международных конференциях—149, 155, 317, 341, 349.

Гинденбург (Hindenburg), Пауль фон Бенкендорф унд фон Г. (1847—1934)—главнокомандующий германской армией в первую мировую войну и президент Германской республики с 1925 по 1934 г. 31 мая 1932 г. Гинденбург образовал реакционное правительство Папена—Шлейхера; 1 января 1933 г. он согласился на образование правительства Гитлера—149.

Гогенлоэ (Hohenloe), Конрад (1819—1901), князь—германский рейхсканцлер с 1894 по 1900 г. Крупный помещик и поборник интересов консервативных аграриев. В 1874—1885 гг. был послом во Франции, в 1885—1894 гг.—штатгальтер Эльзас-Лотарингии. Во внешней политике проводил программу строительства мощного военного флота и широкой колониальной экспансии. Крупнейшую роль в дипломатическом ведомстве играл при нем барон Гольштейн—29.

Гогенцоллерны (Hohenzollern)—немецкий княжеский род, бывшая германская императорская династия, последним представителем которой был свергнутый в 1918 г. Вильгельм II—34.

Голицын, Николай Дмитриевич (1850—1925), князь—председатель совета министров перед Февральской революцией—58.

Горький Максим—64.

Грасси (Grassi), М.—итальянский адмирал—147, 265, 304, 339, 353.

Грей (Grey), Эдуард (1862—1933)—один из вождей либеральной партии, английский министр иностранных дел в 1905—1916 гг. В 1907 г. заключил с Россией договор о разграничении сфер влияния в Азии; был одним из создателей Антанты—46—50, 53—56, 233, 291.

Гувер (Hoover), Герберт-Кларк (род. в 1874 г.)—президент Соединенных штатов в 1929—1933 гг. В годы первой мировой войны руководил продовольственным делом в Европе и Соединенных штатах. Был членом продовольственного совета союзников. В 1921 г. руководил из Америки работой АРА в РСФСР и УССР. До избрания президентом состоял министром торговли и возглавлял движение капиталистической рационализации и стандартизации производства в Соединенных штатах. На предвыборной кампании 1928 г. выступал как кандидат республиканцев. Был противником признания Советского Союза. В настоящее время примыкает к изоляционистам—295.

Гудзон (Hudson), М. О. (род. в 1886 г.)—профессор международного права Гарвардского (Соединенные штаты) университета. Юридический консультант на Парижской конференции—322.

Гурко, Василий Осипович (род. в 1864 г.)—генерал. В 1916 г.—начальник штаба верховного главнокомандующего; в январе—июне 1917 г.—главнокомандующий русско-румынским фронтом—64, 68, 72, 80, 83.

Д

Д'Амелио (D'Amelio), Мариано (род. в 1871 г.)—сенатор, председатель кассационного суда. Итальянский эксперт на Парижской конференции—298, 304, 316.

Д'Аннунцио (D'Annunzio), Габриэль (1869—1938)—итальянский поэт и писатель. Во время первой мировой войны был поборником выступления Италии на стороне союзников; после объявления войны вступил в армию и участвовал в ряде сражений. В сентябре 1919 г. во главе небольшого отряда захватил город Фиуме и его район и объявил о присоединении их к Италии—34, 224, 316, 317.

Данте—см. *Алигьери*.

Девис (Davis), Норман (род. в 1878 г.)—американский дипломат, специалист по финансовым вопросам. Был американским финансовым комиссаром в Европе в 1919 г. и финансовым экспертом американской делегации на Парижской конференции. В послевоенное время участвовал в качестве американского представителя на многих международных конференциях. В настоящее время стоит во главе Красного Креста США—298, 331.

Де Мартино (De Martino), Джакомо (род. в 1868 г.)—генеральный секретарь итальянского министерства иностранных дел в 1913—1919 гг. Впоследствии был итальянским послом в Берлине, Лондоне, Токио и Вашингтоне—37, 223, 241, 261, 322.

Деникин, Антон Иванович (род. в 1872 г.)—бывший генерал царской армии. После Октябрьской революции бежал на Дон; активно участвовал в формировании «добровольческой армии», а в дальнейшем возглавлял ее. В ноябре 1918 г. был признан в качестве главнокомандующего Антантой, которая снабжала его оружием, деньгами и пр. После разгрома «добровольческой армии» передал командование Врангелю, сам же уехал за границу—279.

Дешанель (Deschanel), Поль (1856—1922)—французский политический деятель. В течение многих лет председатель палаты депутатов. Был избран президентом республики в 1920 г., победив более популярного в стране Клемансо—58.

Джардино (Giardino), Гаэтано (род. в 1864 г.)—маршал. Был военным министром в кабинете Бозелли (1917), представителем Италии в военном совете союзников, военным губернатором, а затем губернатором Фиуме (1921—1930)—96, 105, 130, 135.

Джиолитти (Giolitti), Джованни (1842—1928)—крупнейший политический деятель Италии, вождь либералов, член парламента с 1882 г. На протяжении 1892—1921 гг. пять раз возглавлял кабинет министров. В 1920 г. с помощью реформистских вождей рабочего движения подавил революционное восстание итальянских рабочих, захвативших ряд фабрик и заводов. Сочувствовал фашистскому движению и по своим взглядам являлся одним из предшественников фашизма—11, 27, 36, 92, 95, 181.

Диац (Diaz), Армандо (1861—1928)—итальянский генерал. После битвы при Капоретто (24 октября 1917 г.)—начальник генерального штаба итальянской армии. После прихода к власти фашизма был военным министром с октября 1922 г. до конца 1924 г. Одновременно с Кадорной был в 1924 г. возведен в маршалы—105, 130, 131, 134, 135, 140, 142, 144, 149, 152, 153, 156, 157, 216, 242, 265, 359.

Думерг (Doumergue), Гастон (род. в 1863 г.)—президент Французской республики с 1924 по 1931 г. Член парламента с 1893 г.; занимал ряд министерских постов в 1902—1921 гг.; в 1923 г.—президент сената. В 1934 г., с февраля по ноябрь, стоял во главе кабинета «национального единения» всех буржуазных партий. В 1935 г. выступил с реакционным проектом реформы конституции—57, 59—61, 64, 66—70, 73, 75—78, 82, 84.

Дэллс (Dulles)—видный американский юрист. В 1917 г.—специальный агент государственного департамента в Центральной Америке. Участник американской делегации на Парижской конференции. Член репарационного комитета и Высшего экономического совета—298.

Дюмэн (Dumaine), А.—французский посол в Вене—24.

Дютаста (Dutasta), Поль (1873—1925)—генеральный секретарь Парижской конференции—228, 230—232, 355, 356, 359.

Е

Екатерина II (1729—1796)—российская императрица (1762—1796)—урожденная принцесса Ангальт-Цербстская.—71.

И

Империали (Imperiali), Гульэльмо (род. в 1858 г.), маркиз—итальянский дипломат. На дипломатической службе с 1884 г.; был посланником в Белграде (1904) и послом в Константинополе (1904—1910). С 1910 по 1921 г.—посол в Лондоне; при его активном участии был заключен Лондонский договор 26 апреля 1915 г. В качестве представителя Италии подписал Версальский договор. После войны представлял Италию в Лиге наций—44—56, 98, 101, 197, 199, 211—213, 225, 226, 241, 261, 281, 282, 315, 350.

К

Кавальеро (Cavallero), Уго (род. в 1880 г.)—генерал, в первую мировую войну секретарь итальянского генерального штаба, член Высшего военного совета союзников. В 1925—1928 гг.—заместитель военного министра; с декабря 1937 г.—начальник генерального штаба вооруженных сил Итальянской Восточной Африки. В декабре 1940 г. был назначен начальником генерального штаба на место смещенного маршала Бадольо. В феврале 1943 г. уволен в отставку—59, 269, 300.

Кавур (Cavour), Камилло-Бензо (1810—1861), граф—государственный деятель Италии периода ее воссоединения. С 1850 г. занимал с краткими перерывами министерские посты. В целях воссоединения Италии под властью Савойского дома, возглавлявшего Сардинско-Пьемонтское королевство, и борьбы с революционным движением сблизился с Наполеоном III—260.

Кадорна (Cadorna), Луиджи (1850—1928)—главнокомандующий итальянской армией в первую мировую войну. После поражения при Капоретто (24 октября 1917 г.) был по требованию союзников отстранен от командования и назначен представителем Италии в Высшем военном совете союзников. В 1924 г. фашистское правительство возвело его в маршалы—6, 88, 90, 91, 93, 94, 96—99, 105—108, 110, 114, 116, 118, 120, 126, 128, 130—132, 134, 142.

Калторп (Calthorp), Артур (род. в 1864 г.)—английский адмирал—253, 257, 292, 293, 351, 357.

Камбон (Cambon), Жюль (1845—1935)—известный французский дипломат, посол в Берлине в 1907—1914 гг., член французской делегации на Парижской конференции, автор книги «Дипломат»—345, 356.

Камбон (Cambon), Поль (1843—1924)—брат Жюля Камбона; долголетний французский посол в Лондоне (1898—1920), один из виднейших организаторов Антанты—44, 52—56, 233.

Карл I (Carl) Габсбургский (1887—1922)—последний император (1916—1918) Австро-Венгрии. Умер на острове Мадейре, где был интернирован союзниками после неудачной попытки монархического переворота (октябрь 1921 г.) в Венгрии—6, 49, 92, 93, 141, 144, 190, 239, 358.

Карлотти (Carlotti), Андреа, маркиз—итальянский посол в России (1913—1917), участвовал в подготовке Лондонского договора, предрешавшего вступление Италии в первую мировую войну на стороне союзников—44, 46, 48, 51, 52, 54, 55, 65, 69, 71, 75, 77.

Кароль I (Carol) (1839—1914)—первый король Румынии (1866—1914). Во внешней политике держался Тройственного союза—18.

Карольи (Karolyi), Михаил (род. в 1875 г.), граф—венгерский государственный деятель. Во время первой мировой войны выступил за сепаратный мир с союзниками. После распада австро-венгерской монархии был президентом Венгерской республики—3.

Картер (Carter)—английский экономический эксперт—316.

Кастельно (Castelnau), Эдуард (род. в 1851 г.)—французский генерал, отличившийся при защите Нанси (сентябрь 1914 г.). Занимал пост начальника генерального штаба после Жоффра—59, 72, 80, 82.

Кейнс (Keynes), Джон-Майнард (род. в 1883 г.)—известный английский экономист. Автор нашумевшей книги «Экономические последствия Версальского мира», в которой он критиковал Версальский договор—304, 331.

Келли (Kelley)—чикагский епископ—284.

Кенлиф (Cunliffe), лорд—директор Английского банка. Английский эксперт на Парижской мирной конференции—242, 245, 248, 264, 293, 331.

Керенский, Александр Федорович (род. в 1881 г.)—адвокат, член IV Государственной думы. После Февральской революции—министр юстиции, а затем премьер-министр, военный и морской министр Временного правительства; в дальнейшем также главковерх. Возглавлял контрре-

волюцию против нараставшего революционного подъема. После Октябрьской революции бежал за границу—58, 122, 124.

Керзон (Curzon), Джордж-Натаниэль (1859—1925), лорд оф Кедлстон—консерватор, член парламента с 1886 г.; товарищ министра иностранных дел в 1895—1898 гг.; в 1898—1905 гг.—вице-король Индии. В 1916 г. вошел в коалиционный кабинет Ллойд Джорджа; в 1919—1923 гг.—министр иностранных дел. Один из вдохновителей интервенции против Советского Союза; в мае 1923 г. предъявил советскому правительству свой пресловутый ультиматум—295.

Керр (Kerr), Филипп, впоследствии лорд Лотиан (Lothian) (1882—1940)—секретарь Ллойд Джорджа в 1916—1921 гг., в дальнейшем дипломат. Умер на посту посла Великобритании в Соединенных штатах в 1940 г.—198—201, 211, 212, 215, 261, 265, 294, 295.

Киовенда (Chiovenda), Тито—итальянский консул в Женеве—98.

Китченер (Kitchener), Гораций-Герберт (1850—1916)—генерал, крупнейший представитель британского империализма. В 1897 г. подавил народное движение в Англо-Египетском Судане; командовал английской армией во время англо-бурской войны. В 1914 г.—военный министр Англии. Весной 1916 г. погиб на крейсере, наткнувшемся на мину, на пути в Россию—59.

Клейн (Klein), Франц (1854—1926)—австрийский адвокат и профессор права. Участвовал в переговорах по заключению Сен-Жерменского договора—228.

Клемансо (Clemenceau), Жорж (1841—1929)—крупнейший политический деятель Франции. Впервые возглавлял французский кабинет министров в 1909 г.; с ноября 1917 г. по январь 1920 г.—премьер и военный министр. Непримиримый враг Советской республики, организатор вооруженной интервенции, автор политики «санитарного кордона». Вдохновитель и основной автор Версальского договора. На президентских выборах 1920 г. потерпел поражение—3, 7, 136, 140—143, 145, 146, 148—156, 159—161, 163—166, 175—178, 180, 181, 183, 187—189, 191, 194, 196, 197, 200, 202, 205—210, 214—216, 220, 222, 223, 226—238, 242—262, 264—273, 276, 277, 280, 282, 285, 286, 288, 289, 292, 293, 295—297, 300, 301, 303, 304, 309, 311—317, 320, 323, 325, 329, 331, 332, 339, 341—343, 345, 347, 349, 351, 352, 354—359.

Клемантель (Clementel), Этьен—французский политический деятель, сенатор. Был членом многих кабинетов, в том числе министром торговли в кабинете Клемансо в 1917—1920 гг. и министром финансов в кабинете Эррио в 1924—1925 гг.—316.

Клерк (Clerk), Джордж—английский дипломат. В 1919 г. ездил по особым заданиям союзников в Бухарест и Будапешт. Английский посланник в Чехо-Словакии (1919—1926), посол в Турции (1926—1933), Бельгии (1933) и Франции (1934—1937)—59, 60.

Клоз (Close)—секретарь Вильсона—195, 203.

Клоц (Klotz), Луи-Люсьен (1868—1930)—французский политический деятель и финансист. Министр финансов в ряде кабинетов в период 1910—1920 гг. и член французской делегации на Парижской конференции—298, 300, 301.

Колонна (Colonna), Просперо—мэр города Рима—224.

Колумб, Христофор (1446—1506)—знаменитый мореплаватель, открывший Америку в 1492 г.—127.

Колчак, Александр Васильевич (1873—1920)—адмирал. При помощи интервентов организовал в Сибири контрреволюционную власть и объявил себя «верховным правителем». После некоторых успехов его армия была

разгромлена Красной Армией и партизанскими отрядами. Расстреляна по приговору суда в 1920 г.—245, 295, 317.

Коннаут (Connaught), Артур-Уильям-Патрик-Альберт (род. в 1850 г.), герцог—один из сыновей английской королевы Виктории—88.

Конрад-фон-Гетцендорф (Conrad von Hötzendorf), Франц (1852—1925)—австрийский генерал-фельдмаршал. Был начальником австро-венгерского генерального штаба в 1906—1907 гг.; одна из наиболее ярких фигур австро-венгерского милитаризма—49.

Константин I (1868—1923)—греческий король в 1913—1917 и 1920—1922 гг. Проводил германофильскую политику и сопротивлялся стремлению Венизелоса вовлечь Грецию в войну на стороне Антанты; в июне 1917 г. по настоянию Антанты был вынужден отречься от престола. Вновь занял престол в 1920 г., после смерти своего сына и преемника короля Александра I. Разгром греческой армии в Малой Азии турками привел к вторичному его отречению в сентябре 1922 г.—57, 107.

Коромилас, Ламброс—греческий посланник в Риме—357.

Корради́ни (Corradini), Энрико (1865—1931)—литератор, один из основателей и руководителей итальянской националистической партии, впоследствии слившейся с фашистской—34, 90, 91.

Крамарж (Kramarz), Каррель (род. в 1860 г.)—чешский политический деятель. До крушения австро-венгерской монархии был вождем партии младочехов. Идеолог панславизма и поборник тесного сотрудничества чехов с царской Россией. Первый премьер (до 1919 г.) Чехо-Словацкой республики. Вождь национал-демократической партии—348, 351, 354.

Кре́спи (Crespi), Сильвио (род. в 1868 г.)—итальянский дипломат. В 1917 г.—вице-министр иностранных дел; представитель Италии в межсоюзном финансово-экономическом совете; полномочный представитель Италии на Парижской конференции—206, 207, 223, 261, 264, 273, 294, 296, 298, 301, 304, 315, 316, 322, 331, 333, 350.

Кроу (Crove), Эйр (1864—1925)—видный английский дипломат. Английский эксперт на Парижской конференции. Занимал разные посты в министерстве иностранных дел. Был постоянным помощником министра иностранных дел в 1920—1925 гг. Автор известного меморандума об отношениях между Англией и Германией, написанного им в 1907 г.—297.

Кудашев, Н.—князь, русский поверенный в делах в Вене—24.

Л

Ламмаш (Lammasch), Генрих (1853—1920)—последний премьер-министр Австро-Венгрии (с 27 октября по 11 ноября 1918 г.), австрийский делегат на Парижской конференции. В дальнейшем противник аншлюсса (соединения Австрии с Германией)—244.

Ламонт (Lamont), Томас-Уильям (род. в 1870 г.)—крупный американский финансист. На Парижской конференции был финансовым экспертом, в дальнейшем участвовал в обсуждении репарационных проблем—298—300, 316, 322, 331.

Лансинг (Lansing), Роберт (1864—1928)—американский дипломат, государственный секретарь (министр иностранных дел) в 1915—1920 гг. Участвовал в работах Парижской мирной конференции. Вследствие резкого расхождения с Вильсоном по вопросам условий мира и вильсоновского проекта Лиги наций ушел в отставку—90, 240—242, 244, 247, 248, 346.

Левенталь (Löwenthal), Г.—дипломатический представитель Австро-Венгрии в Албании—29, 31.

Ленин (Ульянов), В. И.—295.

Ллойд Джордж (Looyd George), Давид (род. в 1863 г.)—впервые был избран в палату общин в 1890 г. В 1905 г.—министр торговли, с 1908 по 1915 г.—министр финансов в кабинете Асквита. Возглавлял коалиционный кабинет в 1916—1922 гг. С 1922 г. по настоящее время является лишь членом палаты общин, где возглавляет небольшую группу независимых либералов. В период правительства, возглавлявшегося Невилем Чемберленом, Л. Дж. критиковал политику «невмешательства» и высказывался в пользу дружеских отношений с СССР—6, 7, 57, 65, 70, 82, 83, 86, 92, 93, 101—106, 108—130, 132—137, 140—156, 159—166, 175, 177—187, 189—203, 206—216, 220—223, 226—247, 249—257, 261—269, 272, 273, 276—281, 283, 285—287, 289—304, 307, 309—311, 313—315, 320, 321, 323—326, 330—340, 342, 343, 345—352, 354—356, 358.

Лоти (Loti), Пьер (1850—1923)—французский писатель, бывший морской офицер—87.

Луццати (Luzzati), Луиджи (1841—1927)—итальянский государственный деятель и финансист, депутат парламента с 1871 г. Несколько раз занимал пост министра финансов в период 1891—1906 гг. Был премьер-министром в 1909—1910 гг.—294.

Луччоли (Luccioli), Л.—итальянский экономический эксперт—316.

Лушер (Loucheur), Луи (1872—1931)—французский политический деятель. С 1917 г. был министром военных снаряжений, затем министром продовольствия в кабинетах Пенлеве и Клемансо. В 1921 г.—министр освобожденных областей, а в дальнейшем—министр финансов и торговли. В парламенте возглавлял группу радикальной левой, так называемую «группу Лушера»—206, 256, 276, 297, 298, 304, 331—333.

Лэйтон (Layton), Уолтер-Томас (род. в 1884 г.)—английский экономист. Участвовал в первую мировую войну в качестве делегата министерства снаряжения в миссии Милнера в Россию и миссии Бальфура в Соединенные штаты. Редактор лондонского «Economist». Зимой 1940 г.—представитель министерства снаряжения в Соединенных штатах—276.

Людендорф (Lüdendorff), Эрих (1865—1937)—обер-квартирмейстер германской главной квартиры в первую мировую войну, один из организаторов фашистского движения в Германии. Автор ряда книг; последняя его книга «Тотальная война» приобрела особую известность—4.

М

Мазарини (Mazarini), Джулио (1602—1661)—кардинал, по национальности итальянец, стал после смерти Ришелье первым министром Франции. При нем была закончена Тридцатилетняя война и было подавлено движение Фронды, направленное против королевского абсолютизма. При его участии был заключен в 1648 г. Вестфальский мир, превращавший Германию в лоскутное государство и тем самым чрезвычайно усиливавший значение Франции в Европе—260.

Маккио (Macchio), Карл, барон—австро-венгерский дипломат—23, 25, 28, 32, 33.

Мак-Кормик (Mac Cormick), Ванс (род. в 1872 г.)—американский журналист и издатель. На Парижской конференции был одним из советников Вильсона—298.

Мандель (Mandel) (род. в 1885 г.)—один из ближайших сотрудников Клемансо, с 1917 г.—начальник его канцелярии. В 1919—1924 гг. Мандель входил

в национальный блок; в последние годы занимал пост министра колоний в кабинете Даладье и Рейно и пост министра внутренних дел в последнем кабинете Рейно. Правительством Виши он арестован по обвинению в государственной измене—230.

Мантуа (Mantoux), Поль (род. в 1877 г.)—профессор, автор книги «Промышленная революция XVIII века в Англии». На Парижской конференции был секретарем и переводчиком—7, 8, 140, 159, 160, 166, 181, 187, 226, 227, 232, 253, 261, 314.

Маргарита (Margherita) (1851—1926)—итальянская королева, жена короля Умберто, убитого в 1900 г., мать Виктора-Эммануила III—33.

Мария-Терезия (Maria Theresia) (1717—1780)—королева Венгрии и Чехии и германо-римская императрица. В ее царствование происходил ряд крупных войн—война за австрийское наследство, Семилетняя война, за баварское наследство и др.—335.

Маркони (Marconi), Гульельмо (род. в 1874 г.)—итальянский инженер, изобретатель беспроволочного телеграфа, первое практическое применение которого было осуществлено уже несколько раньше русским физиком Поповым. После первой мировой войны разработал и ввел систему направленной передачи короткими волнами. Для эксплоатации своих изобретений организовал в Лондоне «Компанию Маркони». Во время первой мировой войны был членом итальянской делегации в Соединенных штатах, а в 1919 г.—итальянским делегатом на Парижской конференции. В 1929 г. получил титул маркиза—87, 285, 311.

Марсенго (Marsengo), М.—полковник итальянского генерального штаба—71.

Мацуи, барон (род. в 1863 г.)—во время первой мировой войны—японский посол в Париже; представитель Японии на Парижской конференции—149.

Медичи (Medici), Мария (1573—1642)—французская королева, жена Генриха IV. После его убийства в 1610 г. она становится регентшей за малолетством своего сына Людовика XIII. В своей внутренней и внешней политике ориентировалась на католическую Испанию—260.

Мереи (Mèrey), Каэтан—посол Австро-Венгрии в Риме—17, 23, 28—30, 32, 36.

«*Мермэ*» («Mermeix»)—псевдоним французского автора книги о работе Парижской мирной конференции—«Секретные переговоры» и «Битва трех»—7, 139.

Миллер (Miller), Давид-Хюнтер (род. в 1875 г.)—американский юрист, консультант государственного департамента. Был юридическим консультантом американской делегации на Парижской мирной конференции; участвовал в составлении статута Лиги наций. Автор ряда трудов о Парижской мирной конференции—198, 260, 263; 273—275, 282, 285, 321, 322, 324.

Милнер (Milner), Альфред (1854—1925), лорд—губернатор колоний Трансвааля и Оранжевой после англо-бурской войны. В 1916 г. вошел в коалиционный кабинет Ллойд Джорджа; возглавлял миссию союзников в Россию в 1916 г. 23 декабря 1917 г. подписал с Клемансо «Соглашение о разделе сфер влияния в России», послужившее впоследствии в качестве политической базы англо-французской вооруженной интервенции—57—61, 64, 66, 68, 70, 72, 75—80, 82, 226.

Милюков, Павел Николаевич (1859—1943)—историк, лидер кадетской партии, член Государственной думы. После Февральской революции—министр иностранных дел Временного правительства. После Октября эмигрировал и жил в Париже—58.

Монтегю (Montagu), Эдвин-Сэмюэль (род. в 1879 г.)—английский государственный деятель, занимал министерские посты в коалиционных кабинетах 1915—1922 гг.—279.

Монтенуово (Montenuovo) (1851—1927), князь—занимал крупный пост при австрийском дворе, будучи очень близок к императору Францу-Иосифу—14.

Муссолини (Mussolini), Бенито (род. в 1883 г.)—бывший премьер-министр Италии с 1922 по 1943 г. Вождь итальянского фашизма. До первой мировой войны был левым социалистом и редактором социалистической газеты «Avanti». 25 июля 1943 г. был свергнут и арестован маршалом Бадольо. Освобожден из-под ареста германскими парашютистами. Возглавил в Северной Италии находящееся в германской оккупации марионеточное правительство «Итальянской фашистской республики»—35, 42, 95, 97, 164.

II

Нагаока — японский член редакционного комитета Парижской мирной конференции—330.

Нансен (Nansen), Фритьоф (1861—1930)—известный норвежский полярный путешественник, ученый и общественный деятель. Играл большую роль во время расторжения унии Норвегии со Швецией (1905); в 1906—1908 гг.—норвежский посланник в Англии. В 1914—1918 гг. руководил переговорами о снабжении Норвегии американским сырьем и продовольствием. По окончании войны был назначен верховным комиссаром Лиги наций по делам военнопленных, и по его настоянию были введены в 1922 г. так называемые нансеновские паспорта для беженцев, не имевших законных документов от своих стран. В 1921 г. он организовал международную помощь голодающим Поволжья—295.

Наполеон (Napoléon) *I* (1769—1821)—французский император (1804—1814 и 1815)—74, 104, 245.

Нератов, А. А.—товарищ министра иностранных дел царского правительства—76.

Нивелль (Nivelle), Роберт-Жорж (1856—1924)—французский генерал, выдвинувшийся в первую мировую войну при защите Вердена; в декабре 1916 г. он был назначен главнокомандующим на место маршала Жоффра, но после своего неудачного наступления весной 1917 г. был смещен—82, 83.

Николай II—15, 60, 61, 64, 66—71, 75, 83.

Николай Михайлович—русский великий князь, историк—67.

Николай Негош (1841—1921)—князь, а затем король Черногории. Вступил на престол в 1860 г.; в 1910 г. провозгласил себя королем. Состоял в родственных отношениях с русским (брак двух дочерей его с великими князьями) и итальянским дворами (брак третьей дочери с итальянским наследным принцем Виктором-Эммануилом). По окончании первой мировой войны Черногория была присоединена к созданной Югославии, а Николай Негош был низложен—17, 227.

Николай Николаевич (1856—1929), великий князь—верховный главнокомандующий русской армией в начале первой мировой войны. Был смещен Николаем II в августе 1915 г. и назначен главнокомандующим кавказской армией и наместником Кавказа. После Октября бежал за границу—68.

Нитти (Nitti), Франческо-Саверио (род. в 1868 г.)—итальянский политический деятель, депутат с 1904 г. Был министром финансов в 1917—

1919 гг.; в 1919—1920 гг.—премьер-министр. Осуждал Версальский мир, против которого выступил в нашумевшей книге «Европа без мира». В 1923 г. эмигрировал во Францию, где принимал участие в антифашистской деятельности—94—96, 98, 136, 140, 281.

О

Орландо (Orlando), Виктор-Эммануил (род. в 1860 г.)—итальянский государственный деятель, депутат парламента с 1897 г. В период 1903—1916 гг. занимал разные министерские посты; возглавлял итальянское правительство в 1917—1919 гг. и итальянскую делегацию на Парижской конференции. В июне 1919 г. вследствие вотума недоверия палаты ушел в отставку—5—7, 42, 43—86, 90—92, 95—98, 101—104, 106, 108—110, 112, 115, 117—122, 124, 125, 127, 130, 132, 136, 140, 142—150, 152—156, 159—171, 176—185, 190—216, 222, 224, 226, 229, 233, 244—266, 269—285, 293—306, 311—317, 320—329, 331, 333—347, 349—359.

П

Падеревский (Paderewski), Игнаций-Ян (род. в 1860 г.)—польский пианист, композитор и политический деятель. Был одним из руководителей национал-демократической партии Польши; в 1919 г. был премьер-министром и министром иностранных дел Польши—354.

Палеолог (Paléologue), Морис (род. в 1859 г.)—французский дипломат. Будучи послом в Петербурге (1914—1917), играл большую роль в активизации франко-русского союза и непосредственной подготовке к войне. После Великой Октябрьской социалистической революции—активный сторонник интервенции. В период 1917—1920 гг. занимал высокие посты в министерстве иностранных дел. Автор ряда исторических работ, в частности мемуаров о последнем периоде царизма—63, 77.

Паллавичини (Pallavicini), Иоанн (род. в 1848 г.) — австро-венгерский дипломат. Был посланником в Бухаресте (1899—1906) и послом в Константинополе (1906—1918)—18.

Паулуччи-ди-Калъболи (Paulucci di Calboli), Раниеро (род. в 1861 г.), граф—во время первой мировой войны—итальянский дипломатический представитель в Берне, затем посол в Токио (1919) и Мадриде (1922—1927)—98.

Пашич, Никола (1846—1926)—сербский, а затем югославский государственный деятель. Был сербским посланником в России (1893—1894); неоднократно занимал пост премьера и министра иностранных дел (1906—1908, 1908—1911, 1912—1918), был фактическим диктатором Сербии. Проводил руссофильскую и франкофильскую политику, направленную против Австрии. В созданной Югославии был премьер-министром (1921—1926)—283, 348, 353, 358.

Пейдж (Page), Томас (1853—1922)—посол Соединенных штатов в Риме (1913—1919). Приехал во время конференции в Париж с меморандумом в пользу итальянских притязаний—99.

Пенлеве (Painlevé), Поль (1863—1933)—французский политический деятель, математик. Во время первой мировой войны входил в кабинеты Бриана и Рибо; короткое время (в 1917 г.) был премьером и военным министром. В послевоенное время, после короткого премьерства в 1925 г., был военным министром в кабинетах Бриана и Пуанкаре (1925—1929); занимал министерские посты также в 1930—1931 и в 1932—1933 гг.—101, 104, 108, 118, 121, 124—130, 132, 133, 136.

Пико (Picot), Жорж—французский генеральный консул в Сирии в первую мировую войну; соавтор заключенного 9 мая 1916 г. так называемого договора Сайкс—Пико о распределении азиатских владений Турции между Англией и Францией—59.

Пишон (Pichon), Стефан (1857—1933)—крупный французский дипломат. В период 1906—1917 гг.—министр иностранных дел в кабинетах Бриана, Барту и Клемансо. Участвовал в переговорах на Парижской мирной конференции—3, 89, 140, 144, 154, 187, 192, 194, 216, 223—225, 240, 241, 243, 248, 260, 274, 275, 355.

Покровский, Н. И.—царский министр иностранных дел накануне Февральской революции—63, 70, 73, 75, 77, 82, 83.

Польцер-Ходиц (Polzer-Hoditz), Артур (род. в 1870 г.)—начальник кабинета австро-венгерского императора Карла—49.

Порро (Porro), Карло (род. в 1854 г.)—итальянский генерал. В первую мировую войну был заместителем начальника генерального штаба (1915—1917); был смещен одновременно с Кадорной—106, 108—121, 130.

Потемкин, Григорий Александрович (1739—1791), князь Таврический—фаворит Екатерины II, пользовавшийся огромнейшим влиянием на государственные дела—71.

Прецциолини (Prezzolini), Джузеппе (род. в 1882 г.)—итальянский журналист—42.

Протопопов, Александр Дмитриевич (1866—1918)—один из реакционнейших деятелей царского режима последнего периода, член III и IV Государственных дум. С 1916 г.—министр внутренних дел. Начавшуюся Февральскую революцию пытался подавить вооруженной силой—68, 71.

Пуанкаре (Poincaré), Раймонд (1860—1934)—президент Франции с 1913 по 1920 г. Начиная с 1887 г.—член палаты депутатов; занимал министерские посты в ряде кабинетов. Один из вдохновителей первой мировой войны, требовавший «войны до конца». Прозван «Пуанкаре-война». После победы в 1922 г. национального блока возглавлял кабинет (1922—1924). Снова возглавлял кабинет в 1926—1929 гг. К СССР относился враждебно—87—89, 92, 351.

Р

Распутин, Григорий Ефимович (1872—1916)—крестьянин, бывший конокрад, в дальнейшем ставший «старцем» и приобревший огромное влияние на Николая II и Александру Федоровну. По его советам и указаниям производилось назначение министров и решались важнейшие государственные дела. Был убит группой придворных аристократов—64, 75.

Растрелли (Rastrelli) (1700—1771)—знаменитый архитектор, по национальности итальянец, работавший в России—74.

Рембрандт (Rembrandt) (1606—1669)—великий фламандский художник—64.

Реннер (Renner), Карл (род. в 1870 г.)—деятель австрийской социал-демократической партии, литератор (псевд. нимы—Шпрингер, Синоптикус). Во время первой мировой войны занимал ярко выраженную оборонческую позицию. После австрийской революции был канцлером Австрийской республики и министром иностранных дел (1919—1920)—356, 358, 359.

Репин, Илья Ефимович (1844—1930),—знаменитый русский художник—67.

Рибо (Ribot), Александр (1842—1923)—французский политический деятель, умеренный республиканец. Член палаты депутатов с 1878 г.; был несколько раз министром и премьером (1892—1893, 1895); выступал в защиту католических конгрегаций, ярый сторонник франко-русского союза. Премьер и министр иностранных дел в первую мировую войну (март—сентябрь 1917 г.)—57, 73, 89, 92, 93, 130.

Риддел (Riddel), Джордж (1865—1934)—влиятельный член английской Ассоциации владельцев газет во время войны. На Парижской мирной конференции представлял британскую прессу; был близок к Ллойд Джорджу—251, 257.

Ришелье (Richelieu), Арман-Жан (1585—1642)—кардинал, первый министр Франции при Людовике XIII. Его внутренняя политика была направлена к максимальному укреплению абсолютизма путем ликвидации старинных дворянских вольностей и феодальной раздробленности страны. Во внешней политике добивался гегемонии Франции в Европе путем ослабления Габсбургов. При нем Франция приобрела колониальные владения в Америке и Африке—260.

Робертсон (Robertson), Уильям—генерал. Во время первой мировой войны был начальником английского генерального штаба—94, 99, 103, 104, 106, 109—113, 116, 117, 132, 135.

Родс (Rhodes), Сесиль (1853—1902)—один из крупнейших представителей британского империализма, подвизавшийся в Южной Африке. Главный организатор захвата Родезии и бурских республик. На своих империалистических авантюрах нажил миллионы—59.

Россетти (Rossetti), Рафаэле—капитан итальянского флота—150.

Рубенс (Rubens), Петер-Пауль (1577—1640)—великий фламандский живописец—317.

Рузвельт (Roosevelt), Теодор (1858—1919)—президент Соединенных штатов (1901—1909). Один из первых ярких представителей американского империализма во внешней политике. Настойчиво выступал за участие Соединенных штатов в первой мировой войне—66.

Русполи (Ruspoli), Фабрицио—итальянский морской эксперт—150, 265, 350.

С

Сабба (Sahba), Умберто (род. в 1883 г.)—современный итальянский поэт—277.

Сазонов, Сергей Дмитриевич (1861—1927)—царский дипломат. В 1910—1916 гг.—министр иностранных дел. В январе 1917 г., после смерти русского посла в Лондоне Бенкендорфа, был назначен царским правительством послом в Лондон, но до Февральской революции уехать не успел. В период гражданской войны—представитель Деникина в Париже—44, 47, 51—55, 65, 66, 72, 73, 76, 81.

Сайкс (Sykes), Марк—в первую мировую войну дипломатический чиновник при британском экспедиционном корпусе на Арабском Востоке. Соавтор заключенного 9 мая 1916 г. так называемого договора Сайкс—Пико о распределении азиатских владений Турции между Англией и Францией—59.

Салландра (Salandra), Антонио (1853—1931)—профессор административного права. Был несколько раз министром, а в начале первой мировой войны (1914—1916)—премьер-министром; содействовал присоединению Италии к Антанте. Итальянский делегат на Парижской конференции; с 1928 г.—сенатор—4, 8, 17, 27, 31, 32, 34, 35, 37, 41—43, 50—52, 56, 160, 180, 181, 203, 216, 226, 248, 294, 297, 315.

Сальваго Раджи (Salvago Raggi), Джузеппе (род. в 1866 г.), маркиз—был послом в ряде столиц (Мадриде, Петербурге, Берлине, Константинополе, Пекине). В 1907—1915 гг.—губернатор Эритреи, в 1916—1917 гг.—посол в Париже. Итальянский делегат на Парижской мирной конференции—3, 59, 86, 87, 90, 101, 160, 180, 181, 216, 226, 248, 294, 297, 315.

Сан-Джулиано (San Giuliano), Антонио (1852—1914), маркиз—итальянский дипломат, депутат парламента с 1882 г. В 1905—1906 гг. был недолгое время министром иностранных дел; в 1906—1910 гг.—посол в Лондоне и Париже, а с 1910 г.—министр иностранных дел в кабинетах Луццати, Джолитти и Саландры. Был сторонником Тройственного союза, но, когда началась первая мировая война, выступил за нейтралитет Италии—10, 12, 16—18, 20, 23, 28—37, 41, 65.

Саррайль (Sarrail), Морис (1856—1929)—французский генерал, отличившийся в начале войны при защите Вердена. В дальнейшем был главнокомандующим армиями союзников на Востоке, а после войны—верховным комиссаром Сирии и Ливана—57, 68, 81, 129.

Сеймур (Seymour), Чарльз (род. в 1885 г.)—историк, сотрудник американской делегации на Парижской конференции; работал в ряде комиссий. Автор книги «The Intimate Papers of Colonel House», London 1928—140, 260, 263, 275, 317, 341, 344, 346, 347, 356.

Сесиль (Cecil), Роберт (род. в 1864 г.), лорд, сын маркиза Солсбери (Salisbury)—с 1906 г. член парламента, консерватор, товарищ министра иностранных дел (1915—1916 и 1918), министр блокады (1916—1918), лорд хранитель печати (1923—1924). На Парижской мирной конференции был председателем Верховного экономического совета. Представитель нескольких английских правительств, в том числе и лейбористского, в Лиге наций и на конференциях по разоружению—261, 294, 295, 317.

Сикст (Sisto)—принц Бурбон-Пармский, брат последней австро-венгерской императрицы Циты. В первой мировой войне сражался в рядах союзников. По поручению императора Карла пытался подготовить сепаратный мир между Австрией и Антантой—6, 49, 92, 93.

Симон (Simon), Анри—министр колоний в кабинете Клемансо (1917—1920). Требовал передачи Франции всех германских колоний—226, 232—234, 273.

Скордиа (Scordia), Джузеппе-Ланца, князь—личный секретарь Орландо—281, 353.

Скотт (Scott), Роберт-Фалькон (1868—1912)—английский морской офицер, исследователь Антарктиды—58.

Смэтс (Smuts), Ян-Христиан (род. в 1870 г.)—генерал, один из видных руководителей буров во время англо-бурской войны 1899—1902 гг.; по окончании войны примирился с англичанами. Во время первой мировой войны—военный министр Южно-Африканского Союза; этот Союз он представлял на Парижской конференции. Один из соавторов статута Лиги наций. В настоящее время—премьер-министр Южно-Африканского Союза после отставки правительства Герцога, пытавшегося занять позицию нейтралитета во второй мировой войне—101, 105, 106, 109, 122—124, 131, 133, 294, 304.

Соннино (Sonnino), Сидней (1847—1922), барон—член палаты депутатов с 1880 г., с 1920 г.—сенатор. Министр финансов (1893—1896), премьер-министр (1906 и 1909—1910), министр иностранных дел (1914—1919), итальянский делегат на Парижской конференции—4, 7, 27, 28, 35—37, 40—47, 49—56, 59, 65, 79, 87—97, 99—101, 105—108, 111, 112, 114, 116, 119, 120, 122—132, 136, 140—143, 145, 147, 149, 150, 151, 154, 157, 159, 160, 162—168, 171, 173—175, 178—181, 185, 186, 188—193, 195, 199, 200, 203, 206, 209—217, 224—226, 229, 233—235, 239—242, 247, 248, 254—264, 273—290, 293, 295, 296, 315, 322, 334, 341, 347, 348, 350, 353, 357, 359.

Стид (Steed), Генри-Уикхэм—английский журналист. С 1918 г. входил в департамент пропаганды; был одним из организаторов римского конгресса угнетенных национальностей Австро-Венгрии, впоследствии издатель «Times»—241, 281, 285.

Сфорца (Sforza), Карло (род. в 1872 г.), граф—итальянский посланник в Белграде во время войны; был министром иностранных дел в кабинете Джолитти (1920—1921). Его проект пограничной линии между Германией и Польшей (в 1922 г.) известен под названием «линия Сфорцы»—32.

Т

Тамаро (Tamaro), Аттилио (род. в 1884 г.)—итальянский журналист; был посланником в Финляндии и Швейцарии—42.

Таон-ди-Ревель (Thaon di Revel)—итальянский адмирал, морской министр—253, 258, 265, 272, 330, 350, 353.

Тардье (Tardieu), Андре (род. в 1876 г.)—французский политический деятель и публицист реакционного направления. В 1917 г. возглавлял французскую комиссию военных заказов в Соединенных штатах; в 1918—1920 гг.—министр освобожденных провинций. Сподвижник Клемансо, один из авторов Версальского договора. После войны входил в различные министерства; в 1929—1930 гг.—премьер. Был сторонником непримиримой политики по отношению к Германии—162, 240, 257, 258, 297, 304, 317, 322, 333—335, 341, 346, 347, 350, 356.

Тирпиц (Tirpitz), Альфред-Фридрих (1849—1930)—германский адмирал, создатель большого германского военного флота перед первой мировой войной—19, 20, 22.

Титтони (Tittoni), Томмазо (1849—1931)—член парламента с 1886 г. Был в 1910—1917 гг. итальянским послом в Лондоне, а затем в Париже; в 1903—1909 и 1919 гг.—министр иностранных дел. После войны до 1928 г. был президентом сената—41, 44, 46, 47, 92, 226.

Торретта (Torretta), Пьетро—итальянский поверенный в делах в Петрограде—73.

Трепов, Александр Федорович (1862—1928)—председатель совета министров накануне Февральской революции—58.

Трумбич (Trumbić), Анте (род. в 1864 г.)—хорватский политик. Во время империалистической войны агитировал за объединение всех южных славян, участвовал в римском конгрессе угнетенных национальностей Австро-Венгрии. Был министром иностранных дел в первом правительстве Югославии и представителем ее на Парижской конференции. В скупщине находился в дальнейшем в хорватской оппозиции—160, 168, 275, 283, 296, 353, 354.

Ф

Фашотти (Fasciotti), Карло, барон—итальянский посланник в Бухаресте—18.

Федерцони (Federzoni), Луиджи (род. в 1878 г.)—бывший лидер итальянской партии националистов, впоследствии слившейся с фашистской партией. После прихода к власти фашизма занимал министерские посты; в 1929 г.—президент сената, затем президент итальянской Академии наук—34, 41.

Фиераванти (Fieravanti), Аристотеле—итальянский архитектор, строитель московского Кремля—74.

Флотов (Flotow), Иоганн—германский посол в Риме—17, 18, 30, 33.

Форгач (Forgach)—австро-венгерский дипломат. Был соавтором Берхтольда в составлении ультиматума Сербии от 23 июля 1914 г.—16, 17, 22, 24, 25, 27, 28, 30, 35, 36.

Фош (Foch), Фердинанд (1851—1929)—генерал в начале первой мировой войны, потом маршал. Победа на Марне выдвинула его; в мае 1917 г. он заменил Петэна на посту начальника генштаба, а в марте 1918 г. был назначен генералиссимусом французских и английских армий на западном фронте. Принимал активное участие в Парижской конференции и возглавлял крайние милитаристические группы и стремления. В 1925—1926 гг. возглавлял комиссию, проверявшую выполнение Германией своих обязательств по разоружению—4, 86, 100, 104, 106, 109, 111, 112, 115, 117, 118, 122, 126, 128, 130, 132, 135, 139, 145, 149, 154, 156, 157, 230, 236, 237, 239, 242, 244, 268, 269, 295, 308, 311, 322, 351, 354, 357.

Франклен-Буйон (Franklin-Bouillon), Анри (1870—1935)—французский государственный деятель, знаток ближневосточных вопросов. В 1915—1917 гг. был председателем парламентской комиссии по иностранным делам, а затем министром без портфеля в кабинете Пенлеве. В 1921 г. заключил с Кемалем Анкарский договор, вызвавший резкие протесты Англии. В 1927 г. вышел из партии радикал-социалистов и сблизился с правыми и националистическими группировками—101, 107, 108, 110, 112, 113, 115, 120, 122—129, 131, 132.

Франц Иосиф (Franz-Joseph) *I* (1830—1916)—австрийский император и венгерский король (1848—1916)—14, 15, 17, 21, 27.

Франц-Фердинанд (Franz-Ferdinand) (1863—1914)—австрийский эрцгерцог, наследник австро-венгерского престола с 1896 г. Имел большое влияние на государственные дела и руководство вооруженными силами Австро-Венгрии. Его политическая программа сводилась к замене австро-венгерского «дуализма» австро-венгро-югославянским «триализмом». Был убит в Сараеве агентами тайной сербской организации «Черная рука» 28 июня 1914 г.—9, 19, 20, 30, 32.

Франциск (François) *I* (1494—1547)—король Франции с 1515 по 1547 г.—127, 357.

Франше д'Эспере (Franchet d'Espérey), Луи (род. в 1856 г.)—маршал. Командовал в первую мировую войну военными силами союзников на Балканах. В 1918 г. руководил французской интервенцией на юге России—3, 154, 157.

Фредерикс, Владимир Борисович (1838—1927)—член Государственного совета, министр императорского двора (1897—1917)—67.

Фромажо (Fromageot), Анри (род. в 1864 г.)—юридический консультант французского министерства иностранных дел и французский представитель на многих международных конференциях—295, 330, 355.

X

Хауз (House), Эдуард-Мандел (1856—1938)—полковник. Не занимая официального поста, играл весьма влиятельную роль, будучи личным представителем и интимным другом Вильсона. Был делегатом Соединенных штатов на Парижской мирной конференции. Автор чрезвычайно ценных мемуаров—122, 140—156, 161, 162, 183, 187, 196, 260, 263, 264, 273, 275, 281, 282, 297, 298, 311, 317, 321, 324, 335, 337—339, 341, 347, 352, 356.

Хейг (Haig), Дуглас (1861—1928)—английский маршал, главнокомандующий английской экспедиционной армией во Франции с 1915 г. до конца войны—107.

Херст (Hurst), Сесиль-Джемс (род. в 1871 г.)—юридический консультант английского министерства иностранных дел. С 1902 г. английский член редакционного комитета на Парижской конференции. В 1929 г. был избран членом Постоянной палаты международного суда—330, 342.

Хоп (Hope), Джордж-Прайс-Веблей—английский адмирал—265, 272.

Хотек (Chotek), Софья, графиня — жена эрцгерцога Франца-Фердинанда—9.

Хэнки (Hankey), Морис (род. в 1877 г.)—британский политический деятель. Занимал посты секретаря военного кабинета, секретаря британской делегации на Парижской конференции, на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. и Генуэзской конференции 1922 г.—7, 8, 86, 104, 107, 120, 130—132, 136, 139, 140, 155, 160, 166, 181, 187, 194, 195, 215, 221, 226, 230, 232, 234, 235, 237, 243—245, 247, 250, 254, 257, 261—264, 276, 277, 284, 293, 295, 297, 316, 322, 323, 330, 331, 338, 344, 347, 348, 352, 356.

Ц

Цита (Zita), Бурбон-Пармская (род. в 1892 г.) — последняя императрица Австро-Венгрии, жена Карла I Габсбургского—92.

Ч

Чайковский, Николай Васильевич (1850—1926)—народник, один из организаторов кружка «чайковцев». Во время первой мировой войны—ярый оборонец, после Февральской революции—народный социалист. Возглавлял контрреволюционную власть в Архангельске. По окончании гражданской войны жил в Париже—244, 245.

Чернин (Czernin), Оттокар (1872—1932), граф—австро-венгерский дипломат. В 1913—1916 гг. был посланником в Бухаресте; с декабря 1916 г. по апрель 1918 г.—австро-венгерский министр иностранных дел. Он стремился к скорейшему заключению мира, и с его ведома начались секретные переговоры с союзниками. Принимал участие в заключении Брестского мира—18, 101.

Черчилль (Churchill), Уинстон (род. в 1874 г.)—морской министр и министр вооружений во время первой мировой войны. Занимал ряд министерских постов с 1905 г. С 1905 г. входил в либеральную партию; после войны перешел в консервативную партию и в 1924 г. стал министром в консервативном кабинете Болдуина. Во время правительства, возглавлявшегося Невилем Чемберленом, занимал отрицательную позицию по отношению к так называемой «политике невмешательства» и выступал в пользу установления дружеских отношений с СССР. После отставки Н. Чемберлена в мае 1941 г.—премьер-министр и лидер консервативной партии. В 1942 г. посетил Москву и вел переговоры с товарищем Сталиным. В 1943 г. участвовал в Тегеранской конференции—46, 174, 295.

Чинда, виконт—во время первой мировой войны японский посол в Лондоне; делегат Японии на Парижской конференции—313.

Чиршки (Tschirschky), Генрих (1858—1916)—германский дипломат; в 1907—1916 гг.—германский посол в Вене. В первый момент сараевского убийства пытался сдерживать австрийскую дипломатию, но был дезавуирован Вильгельмом II—21.

Ш

Шалойя (Scialoja), Витторио (1856—1933)—видный итальянский юрист и государственный деятель. Во время первой мировой войны был министром без портфеля в кабинетах Бозелли и Орландо; итальянский делегат на Парижской конференции. В 1919—1920 гг. был министром иностранных дел в кабинете Нитти, в дальнейшем—представитель Италии в Совете Лиги наций и в ряде международных конференций—43, 57, 59, 60, 64—72, 75—78, 80—82, 84.

Шебеко, Н.—русский посол в Вене—24, 25.

Шелли (Shelley), Перси-Биши (1792—1822)—английский поэт, один из величайших лириков мировой литературы—59.

Штреземан (Stresemann), Густав (1878—1929)—крупный государственный деятель Германии, член рейхстага с 1907 г., один из вождей национал-либеральной партии. Во время первой мировой войны был ярым империалистом. После войны основал и возглавлял народную партию (Volkspartei). Будучи германским рейхсканцлером (1923), он покончил с пассивным сопротивлением Рурской области. В качестве министра иностранных дел (1923—1929) добивался восстановления былого величия Германии путем соглашений с союзниками. Им были заключены локарнские соглашения, проведено вступление Германии в Лигу наций, присоединение ее к пакту Келлога—5, 347.

Э

Эванс (Evans)—капитан британского флота—58.

Эдуард (Edward) *VII* (1841—1910)—английский король; вступил на престол в 1901 г. после смерти своей матери королевы Виктории—15.

Эрве (Hervé), Густав (род. в 1871 г.)—французский публицист, анархо-синдикалист. Энергично выступал против подготовки первой мировой войны, на которую предлагал ответить всеобщей стачкой и вооруженным восстанием. С начала первой мировой войны перешел на позиции шовинизма и милитаризма. Свою газету «La Guerre sociale» («Социальная война») он переименовал в «La Victoire» («Победа»). После Октябрьской революции—ярый враг советской власти и коммунизма—238.

Эрскин (Erskine)—английский поверенный в делах в Риме—98.

Я

Ягов (Jagow), Готлиб (род. в 1863 г.)—германский дипломат. В 1909—1913 гг.—посол в Риме, в 1913—1916 гг.—статс-секретарь (министр) по иностранным делам. Активно проводил политику развязывания первой мировой войны—12, 13, 20, 21, 22, 26.

СОДЕРЖАНИЕ

Италия в первой мировой войне. Вступительная статья Б. Е. Штейна III

Предисловие автора 3

I. Начало мировой войны 9
Ультиматум Сербии.—Вена и Берлин не извещают заранее об этом Италию, нарушая таким образом статью I Тройственного союза.—Доказательство в германской «Белой книге».—Прецеденты.—Заняв балканские территории без предварительного согласования, Австрия нарушает статью VII Тройственного союза.—Немедленная реакция со стороны Италии.—Атмосфера в Вене в августе 1914 г.—Аварна и Мерси, Сан-Джулиано, Маккио.—Последние месяцы Тройственного союза.—Расхождения и противоречия между Италией и Австро-Венгрией.—Сан-Джулиано умирает.—Соннино—министр иностранных дел.—Как поступит Италия?

Примечания 38

II. Фиуме в Лондонском договоре 40
Введение.—Итальянские требования, указанные в Лондонском договоре, были минимальными.—Две версии относительно Фиуме.—Лондонские переговоры.—Итальянские требования.—Противодействие русских.—Сазонов.—Карлотти.—Многократные угрозы провала переговоров.—Предложения трех держав.—Асквит.—Сазонов уступает.—Документы соглашения.—Примечание к статье V.—Поль Камбон.—Сазонов и примечание к статье V.—Подписание соглашения.

Примечания 56

III. Междусоюзническая миссия в России 57
Введение.—Отъезд миссии.—В пути.—«Кандид» или «оптимизм».—Вильсон и «мир без победы».—Высадка в Коле.—Русские железные дороги.—В Петрограде.—Начало конференции.—Гурко: «Мы выиграем войну, будь то через год или через десять лет».—Карлотти, Сазонов.—Царь.—Протопопов-оптимист.—Пессимистические слухи.—Русские финансы.—Москва.—Возобновление работ в Петрограде.—Предложения междусоюзнического комитета.—Франко-русское тайное соглашение.—Закрытие конференции.—Возвращение.—Доклад о миссии в России.—Скудные результаты.—Предположения о неизбежности трагических событий.—Лондон, Париж, Рим.

Примечания 84

IV. Совещания в Рапалло и в Пескьере 86
Введение.—Протоколы совещания в Рапалло.—Вилла Италия. Итальянский король. Пуанкаре.—Папская нота.—На фронте.—Взятие Монте-Санто.—Туринские события.—Происки Сикста

Бурбонского.—Решительное опровержение Соннино.—Робертсон и Кадорна.—Парламентская ситуация в Италии. — Нитти, Джолитти, Муссолини.—В палате и на фронте.—Отставка Бозелли.—Австро-германское наступление.—Кабинет Орландо.—Герцог д'Аоста и Фош.—«Германское вторжение в Рим».—Австрийское мирное предложение.—Наступление из Трентино.—Рапалло.—Орландо: «Италия будет сопротивляться ценой отхода в мою Сицилию».—Ллойд Джордж.—Пенлеве.—Вопрос о командовании.—Предложение Хэнки.—Замещение Кадорны.—Содействие союзников.—Генерал Порро.—Германские дивизии. — Франко-английские дивизии.—Соннино и угроза из Трентино.—Оборона на Пиаве. — Междусоюзнический высший совет. — Его организация.—Резиденция совета.—Инструкции военным советникам.—Атмосфера в Рапалло.—Биссолати, Диац.—Пескьера.—Король: «Следует приложить все усилия к удержанию линии Пиаве».—Новое верховное командование.—Спокойствие короля.

Примечания 137

V. Перемирие с Австро-Венгрией 139

Введение.—Итальянское наступление.—Победоносное наступление.—Соннино и пункт IX Вильсона.—Ясная официальная оговорка Соннино.—Австро-Венгрия просит перемирия.—Условия перемирия.—На германском фронте борьба продолжается.—Итальянская победа.—Телеграмма короля.—Орландо, Веснич.—Условия перемирия сформулированы и посланы Диацу.—Новая оговорка Орландо по поводу пункта IX.—«Югославский» флот.—Германское перемирие в связи с австро-венгерским.—Подписание в Вилла Джусти перемирия с Австро-Венгрией.—Если понадобится, войска поведут наступление на Мюнхен и Дрезден через Австрию силами трех армий—итальянской, британской и французской—под командованием герцога д'Аоста.—Трехцветное знамя над Трентино, Триестом, Зарой, Фиуме.—Соннино в Риме.

Примечания 157

VI. Неделя борьбы за Адриатику 159

Введение.—Итальянские вопросы.—Заявления Орландо: Бреннер, Фиуме, Далмация и острова.—Вильсон согласен на «естественные границы», но не на Фиуме и Далмацию.—Принципы Вильсона.—Старый и новый порядок.—Соннино и стратегические соображения.—Итальянские жертвы.—Союзники стоят за соблюдение Лондонского договора.—Присоединившаяся держава не может согласиться.—Заявления Орландо.—Тревога Орландо.—«Смерть» Соннино.—Посредничество Ллойд Джорджа.—Заседание союзников.—Вильсон знал о Лондонском пакте, когда вступал в войну.—Попытки примирения.—Фиуме должен быть итальянским.—Опасность революции в Италии.—Безнадежное положение.—Италия намеревается уйти с конференции.—Плачевные последствия.—Вильсон проявляет «мстительность».—Посредничество Ллойд Джорджа.—Визит Керра.—«Манифест» Вильсона.—Как реагирует Италия.—Новое посредничество Ллойд Джорджа.—Ллойд Джордж посещает Орландо.—Союзники и присоединившиеся державы просят Орландо остаться.—Заседание Четырех у Ллойд Джорджа.—Орландо необходимо отправиться в Италию.—Ллойд Джордж заявляет, что он мог бы ввести изменение в Лондонский договор в части, касающейся Фиуме.—Выражается желание, чтобы итальянцы не уезжали ввиду приезда немцев.—Мир должен быть общим.—Посредничество Ллойд Джорджа.—Затруднительное положение Ллойд Джорджа.—Он пошел дальше намерений Вильсона.—Итальянское правительство и парламент.—

Орландо и Соннино не согласны между собой.—Никакого решения.—Итальянская делегация покидает Париж.—Соннино в Риме.

Примечания 217

VII. Мир с Австрией 220

Введение.—Телеграмма из Парижа.—Союзники и присоединившиеся державы приглашают австрийцев.—Заручившись более широким доверием парламента, Орландо и Соннино возвращаются в Париж.—Возвращение к Четырем.—Австрийцы приглашены на 12-е число.—Вручение мирных условий немцам.—Клемансо и Брокдорф-Ранцау.—Раздел германских колоний.—Права Италии.—Вильсон разгневан пуще прежнего.—Договор с Австрией.—Границы.—Военные преступления.—Кайзер и император Карл.—Репарации.—Австрийский тоннаж.—«Трнест—город неприятельский».—Смирна.—Подношение грекам.—Негодование итальянцев.—Посредничество Ллойд Джорджа.—Клагенфурт.—Асслингский треугольник.—«Электричество» в гостинице «Эдуард VII».—Беседа с Хэнки.—Непосредственные переговоры между итальянцами и южными славянами.—Военные статьи.—Статьи морские и авиационные.—Предложение Миллера.—Итальянское контрпредложение.—Непосредственные переговоры.—Провал непосредственных соглашений.—Анатолия.—Скаланова.—Индийская делегация.—Малая Азия, итальянский ответ.—Адриатика и Анатолия.—Посредничество Ллойд Джорджа.—Италия и Ватикан.—Малая Азия.—Венизелос.—Итальянский совет министров в Ульке.—«Италия раздражена».—Репарации.—Военные статьи.—Военнопленные.—Военные статьи.—Морские статьи.—Напряженность итало-французских отношений.—Военные статьи.—Экономические статьи.—Процедура вручения мирных условий австрийцам.—В Каринтии дерутся.—Итальянские вопросы.—Отсутствие конкретного предложения.—Необходимо найти решение. — Договор с Австрией. — Репарации. — «Südbahn» (Южная железная дорога). — Клагенфурт. — Асслинг. — Не порывать.—Предложение Тардье.—Посредничество Ллойд Джорджа.—Фиуме.—Адриатика и положение в Италии.—Острова.—Договор с Австрией.—Вопрос о границах с Австрией «отложен».—Бреннер.—Разъяснение Орландо.—«Немецкая» Австрия.—Несогласие между Клемансо и Ллойд Джорджем относительно рейнских территорий.—Обструкционизм в вопросе о Бреннере.—Малая Азия—Каринтия.—Таон-ди-Ревель в защиту островов.—Заседание с представителями малых держав.—Кто развалил австро-венгерскую монархию?—Отказ южных славян договориться с итальянцами. — Сен-Жермен-ан-Лэ.—Клемансо и Реннер.—«Бреннер обеспечен. В остальном мы ничем не пожертвовали».

Примечания 359

Указатель имен 365

Редактор *Р. Магид*

Подписано в печать 4 февраля 1944 года
А 4618. $26^{1}/_{8}$ п. л. Зак. 2158. Тираж 10 000 экз.
Цена 15 рублей

16-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР, Москва, Трехпрудный пер., д. 9.